

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XVII

1926

ПАМЯТИ проф. П. КАММЕРЕРА

Телеграф принес известие о самоубийстве в Вене известного крупнейшего биолога, профессора П. Каммерера, покончившего с собою накануне предполагавшегося переезда в СССР, где при Коммунистической Академии он устраивал лабораторию для своих, известных всему миру, работ о наследственности.

«Памяти жертвы европейской науки» можно было бы озаглавить этот некролог о жизни и смерти ученого, которого затравили, загнали на смерть кастовая узость, консерватизм и идейный обскурантизм его же «коллег», объединившихся во всем мире для травли ученого, имевшего смелость настойчиво проводить свои научные взгляды, не скрывая своего материалистического мировоззрения вопреки религиозным и идеалистическим предрассудкам. Печатаемое ниже предсмертное письмо Каммерера—человеческий документ потрясающей силы.

Есть что-то средневековое в истории травли Каммерера, непрерывно сопровождающей его открытия. В специальных изданиях богатое научное наследие Каммерера будет подвергнуто подробному освещению, здесь нас интересует прежде всего общественная сторона. Благодаря принятым «коллегами» мерам, газеты Запада замолчали причины самоубийства Каммерера. Мы считаем своим долгом молчание это нарушить и опубликовать во всеобщее сведение предсмертный крик затравленного ученого.

Каммерер (Paul Kammerer) родился в 1880 г. Учился у проф. Б. Гатчека (Вена). Еще молодым человеком он обратил на себя внимание научными работами и с тех пор произвел ряд замечательных исследований в разнообразных частях биологических наук (наследственное приобретение признаков, регенерация, гибридизм, вопросы пола, изменчивость и т. д.).

Многие из работ Каммерера, написанных блестящим и поразительно ясным языком, стали широко известны. Его «Общая биология» едва ли не самая блестящая книга на эту тему за последние годы.

(переведена и на русский язык, ГИЗ, 1925). На русский язык переведены также «Загадка наследственности» и «Смерть и бессмертие».

Но особенно широкую известность приобрели опыты Каммерера по наследованию приобретенных признаков. По своим теоретическим воззрениям Каммерер был одним из вождей, так называемого, механо-ламаркизма, материалистической ветви ламаркизма — того течения биологии, которое на первый план выдвигало воздействие среды, изменения, производимые под прямым влиянием обстановки. Решающим был вопрос о передаче по наследству таких изменений, которые произошли в родительском организме в результате внешнего воздействия. Здесь не место излагать теорию вопроса. Ограничимся следующим. Каммерер выступил горячим сторонником наследования приобретенных признаков и своими опытами сделал более всех других ученых для подтверждения этой теории. Работы Каммерера над передачей измененной окраски у саламандры, опыты над жабой-повитухой, над асцидиями обошли весь мир, вызвав яростную полемику. Противники наследственной передачи всячески опорочивали опыты Каммерера, многие повторяли их, результаты частью оказались противоположными у различных авторов, и спор возгорался с новой силой. При этом, деловые аргументы все более заменялись личными нападками, и уже в 1913 г. против Каммерера было выдвинуто обвинение в недобросовестности, широко подхваченное научными противниками его. И вот молодой ученый с европейским именем лишается лаборатории, не получает кафедры, несмотря на то, что с каждым годом множится число подтверждений его опытов в разных концах света; ему не дают хода, несмотря на то, что руководитель института, в котором Каммерер работал, — проф. Пришбран в Вене, — категорически подтверждал полную достоверность опытов Каммерера, оговариваясь лишь относительно возможности разного их теоретического истолкования.

Каммерер, не имея лаборатории, не имея возможности повторить и расширить свои замечательные опыты, принужден был вести жизнь странствующего лектора, популяризатора, журналиста (он, между прочим, много содействовал популяризации опытов Штейнаха по омоложению). С неослабевающей страстностью продолжал он защищать и излагать свои научные взгляды, встречая иногда сочувствие, гораздо чаще резкие нападки, часто замалчивание, но ни разу не добившись главного, единственно нужного — лаборатории, где ему дали бы повторить и проверить свои опыты.

В чем же дело? Почему такая нетерпимость в абстрактных научных вопросах? Ведь научные споры и разногласия происходят нередко,

но до таких пределов третирования одной из сторон не доходят. Казалось бы, дело ясное: если опыты спорны, надо их проверить. И прежде всего Каммереру самому надо дать возможность ответить (на деле, т.-е. повторением опытов) на нападки.

Этого однако не делалось. Причина ярости нападков выходит за пределы узко научных споров. Несомненно, многие отдельные оппоненты Каммерера возражают против него из вполне высоких научных побуждений (есть в их числе и материалисты), но основной тон в нападках на Каммерера исходит не от них, а от тех господствующих слоев европейской и американской науки, для которых — сознательно или бессознательно — научные вопросы подчинены их общему мировоззрению, а последнее — интересам правящей буржуазии.

Дело в том, что опыты Каммерера, в случае их подтверждения, опровергли бы в корне виталистические попытки построения биологии. Теория эволюции для многих современных ученых представляется если не прямо вымыслом (есть и такие), то гипотезой, способом классификации, реальные основы которой неясны.

То под флагом прямой критики Дарвина, то под флагом его защиты от уклонов ламаркизма нередко проводятся виталистические взгляды, сводящие эволюцию — и вида, и особи — к выявлению внутренней «энтелехии».

Каммерер выступал против всех таких попыток. Его опыты были самым резким их опровержением. Во всех своих выступлениях он стоит на последовательной «монистической», т.-е. материалистической позиции. Этому-то не прощала ему официальная наука. По этой-то причине она его не пускала на кафедру, гнала из лаборатории. Основной тон в нападках проистекал из всего мировоззрения современной буржуазной науки — упадочного, виталистического, из трепета перед возможным торжеством материализма.

СССР — вот куда обратились взгляды гонимого Каммерера. Он не был политиком, хотя прогресс человечества, основанный на труде и науке, с изгнанием всех остатков поповщины, был всегда его идеалом. Он не был политиком, но он относился с непосредственной симпатией к строительству социализма в нашей стране.

Коммунистическая Академия, образовав в 1925 г. секцию естественных и точных наук для борьбы за материализм в естествознании, предложила Каммереру устроить для него биологический институт, где его опыты могли бы быть проверены. Мы, приглашая Каммерера, не солидаризовались заранее с его теорией, но мы считали абсолютно необходимой ее опытную проверку под руководством самого Камме-

пера. Каммерер с радостью согласился, приехал, был восторженно принят московскими последователями его теории (Е. С. Смирнов, Б. С. Кузин, Ю. М. Вермель и др.) и, надо сказать, получил вполне товарищескую встречу со стороны всех московских ученых, в том числе и со стороны его научных противников. Все ученые нашей страны выражали искреннее удовлетворение тем, что Каммерер, крупный талант которого им хорошо известен, получил возможность работать. Директор зоопарка, проф. М. М. Заваловский, предложил Каммереру заведывание той частью Зоопарка, которая соответствует его специальности.

Каммерер явно ожил в нашей среде. И хотя трудности были большие, например, подыскание помещения потребовало времени, Каммерер строил самые радужные планы. Он мог целыми днями развивать перед товарищами идеи будущих работ. У него скопились в годы бездействия научные проблемы в огромном количестве, ждавшие своего разрешения. Наконец, все было устроено, помощники Каммерера начали работу, а он сам в июле этого года поехал в Вену закупать оборудование на ассигнованные Ком. Академией средства и намеревался перевести свою библиотеку.

Факт переселения Каммерера в СССР, как и следовало ожидать, послужил сигналом к возобновлению нападков. «Симпатии» к Каммереру слились с «симпатиями» к СССР.

В августе этого года в лондонском журнале «Nature» появилась статья д-ра Нобля, в которой Каммерер обвиняется в подделке. Обвинение на этот раз особенно веско, так как подтверждается проверкой препарата животного, служившего в свое время объектом опытов Каммерера и с тех пор хранившегося в Вене. Вместо появившихся по Каммереру мозолей у жабы-повитухи оказалась подложно вспрыснутая тушь. Хотя в том же номере журнала помещена статья директора института проф. Прибрама, в которой вновь подтверждается добросовестность Каммерера, хотя в одном из следующих номеров видный ученый Мак-Брайд дает точные свидетельские показания, что он в свое время видел мозоли и разрезы через них, хотя ясно, что нынешнее состояние давно убитого животного, неизвестно кем фальсифицированное, не может опровергнуть выводов, бесспорно полученных на живом объекте.—весть о доказанности якобы «недобросовестности» Каммерера облетела весь свет.

Сам Каммерер вначале со спокойным достоинством встретил нападку, переписывался со своими московскими помощниками о подготовке повторения опыта с жабой-повитухой и готовился к печатному

ответу. Но когда злорадство врагов подымалось все выше, когда на съезде естествоиспытателей обвинение было повторено и заострено, когда и в поддержке друзей приходилось сомневаться,—он не выдержал. Более чем десятилетняя борьба подорвала его силы. Если бы он был в этот момент у нас, товарищеская поддержка спасла бы его. Повидимому, Каммерер этой поддержки в Вене в должной мере не нашел и накануне отъезда в Москву он покончил с собою.

Печатаем полностью предсмертное письмо Каммерера. Оригинал на немецком языке помещаем ниже.

Вена, XIII/5, Аугофштрассе, 239. 22/IX. 1926 г.

Президиуму Коммунистической Академии.

Москва.

Дорогие товарищи и коллеги!

Вы все, вероятно, знаете о нападках, произведенных на меня д-ром Ноблем в «Nature» (Лондон) от 7 августа 1926 года. Нападки основаны на обследовании вещественного доказательства моих работ — экземпляра жабы-повитухи (*Alytes*) с брачными мозолями,—произведенном в Венском биологическом опытном институте с согласия проф. Пришибрама и моего.

Главный момент обвинения — искусственная, вероятно тушью, окраска, при помощи которой якобы создавалось ложное впечатление о черной окраске кожи в районе мозолей. Таким образом, налицо была бы фальсификация, в которой, вероятно, обвинят только меня.

Прочтя эти нападки, я направился в биологический институт, чтобы еще раз осмотреть спорный объект. Я нашел полное подтверждение указаний Нобля. Оказались даже еще и другие объекты (почерневшие саламандры), у которых мои результаты были после смерти, повидимому тушью, «подправлены». Кто еще, кроме меня, заинтересован в том, чтобы произвести такие фальсификации, — об этом можно только отдаленно догадываться. Но несомненно, что почти вся работа моей жизни этим поставлена под сомнение.

Вследствие этих фактов, хотя я лично не участвовал в этой фальсификации моих экземпляров, являющихся вещественным доказательством, я не могу более считать себя подходящим человеком, чтобы принять ваше приглашение. В то же время я чувствую невозможность перенести это разрушение работы моей жизни. Я надеюсь, что найду достаточно смелости и силы, чтобы завтра с моей неудавшейся жизнью покончить.

Происходящую сейчас упаковку моего имущества, предназначенного для переселения, я не останавливаю, так как, во-первых, благо-

даря этому мое поведение бросилось бы в глаза моей семье, которая ведь не должна догадываться о моем намерении, пока оно не будет осуществлено. Во-вторых, я определенно хочу — и в этом смысле оставляю завещание, — чтобы Коммунистическая Академия приняла мою библиотеку и этим была бы вознаграждена за средства, потраченные на меня.

Наконец, я еще прошу передать мои сердечные прощальные приветствия следующим друзьям:

Отто Юльевичу Шмидту, Евгению Сергеевичу Смирнову и его жене Нине, Юлию Вермелю, Борису Сергеевичу Кузину, д-ру Левиту, проф. Навашиным старшему и младшему, М. М. и Б. М. Завадовским и г-же Ариадне Россолимо, Коссино.

С просьбой простить, что причинил вам все эти неприятности,
преданный вам

Пауль Каммерер.

Не стало П. Каммерера, талантливого и смелого ученого-материалиста. Смерть его отзовется болью и горячей обидой не только в сердцах его единомышленников, но у всех честных ученых, не потерявших научной совести. К чести русской науки надо сказать, что русские биологи все были потрясены его смертью и все, как единомышленники Каммерера, так и расходившиеся с ним, одинаково возмущены травлей, сведшей его в могилу. Тем постыднее отдельное выступление одного «ученого», превзошедшего даже своих западных коллег. Коммунистическая Академия получила от проф. Четверикова¹⁾ открытку, в которой он Академию «поздравляет с самоубийством Каммерера».

Комментировать не будем. Пусть этот некролог о жизни, борьбе и смерти П. Каммерера будет одновременно черной доской для застрявшего в СССР представителя мракобесия.

Дело Каммерера будет продолжено. Опыты Каммерера будут повторены его последователями в лаборатории Коммунистической Академии.

Каммерер был одним из редких передовиков-материалистов среди буржуазных ученых Европы. Наша страна на своем пути к социализму создает кадры естествоиспытателей, вышедших из победившего пролетариата, естествоиспытателей, для которых материализм есть бесспорное мировоззрение, они своей коллективной работой идут на смену славным борцам-одиночкам, чью память сохраняют будущие поколения.

Президиум Коммунистической Академии.

¹⁾ Как выяснилось из их заявлений, ни биолог С. С. Четвериков, ни психолог И. П. Четвериков, ни статистик Н. С. Четвериков не являются авторами открытки.

ПИСЬМО П. КАММЕРА. ПЕРЕВОД КОТОРОГО ПРИВЕДЕН ВЫШЕ
В НЕКРОЛОГЕ

Wien, XIII/5 Auhofstr., 239. 22/IX, 1926.

An das Präsidium der Kommunistischen Akademie. Moskau.

Verehrte Genossen und Kollegen!

Sie alle haben vermutlich Kenntnis von dem Angriff, den Dr. Noble in der «Nature» (London) vom 7 August 1926 gegen mich gerichtet hat. Der Angriff beruht auf einer Untersuchung meines Belegexemplares von Alytes mit Brunftschwiele, die Noble in der Wiener Biologischen Versuchsanstalt mit Prof. Przibrams und meiner Bewilligung ausgeführt hat.

Das Hauptmoment dabei ist eine künstliche, wahrscheinlich Tusche-Färbung, wodurch die schwarze Hautverfärbung der schwielentragenden Region vorgetäuscht worden sein soll. Es würde sich also um eine Fälschung handeln, die voraussichtlich nur mir zur Last gelegt werden wird.

Nach Lektüre des Angriffes begab ich mich in die Biologische Versuchsanstalt, um mir das fragliche Objekt nochmals anzusehen. Ich fand die Angaben Dr. Nobles vollkommen bestätigt; ja es fanden sich noch andere Objekte (geschwärzte Salamander), bei denen meine Ergebnisse postmortal offenbar mit Tusche «verbessert» worden sind. Wer ausser mir ein Interesse daran hatte solche Fälschungen vorzunehmen, kann nur ganz entfernt vermutet werden; gewiss jedoch ist es, dass so gut wie meine gesamte Lebensarbeit dadurch in Zweifel steht.

Auf Grund dieses Tatbestandes darf ich mich, obwohl ich selbst an diesen Fälschungen meiner Belegexemplare unbeteiligt bin, nicht mehr als den geeigneten Mann ansehen, ihre Berufung anzunehmen. Ich sehe mich aber auch ausserstande, diese Vereitelung meiner Lebensarbeit zu ertragen; und hoffentlich werde ich Mut und Kraft aufbringen meinem verfehlten Leben morgen ein Ende zu bereiten.

Die eben im Gange befindliche Verpackung meines Uebersiedlungsgutes halte ich nicht auf; denn erstens würde dadurch mein Benehmen meiner Familie auffällig werden, die doch von meiner Absicht nichts ahnen darf, bevor sie durchgeführt ist; zweitens aber wünsche ich geradezu und treffe in diesem Sinne meine letztwillige Verfügung, dass die Kommunistische Akademie in Moskau meine Bibliothek in Empfang nimmt und dadurch schadlos gehalten wird für alle Leistungen, die sie an mich verschwendet hat.

Schliesslich ersuche ich noch meine herzlichsten Abschiedsgrüsse folgenden Freunden auszurichten:

Otto Julewitsch Schmidt, Jefgeni Sergjewitsch Smirnoff und dessen Frau Nina, Julius Wermel. Boris Sergjewitsch Kusin, Dr. Levitt, M. S. Nawaschin, senior und junior, M. M. und B. M. Zawadowsky und Fräulein Ariadna Rossolimo, Kossino.

Mit der Bitte, ihm zu verzeihen, weil er Ihnen all diese Ungelegenheiten zugefügt hat

Ihr ergebener **Paul Kammerer**.

КАПИТАЛИЗМ И ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ¹⁾

III

Итак, общее направление движения нормы прибыли может существовать только, как преобладающая тенденция этого движения.

Изменение нормы прибыли под воздействием данного прогресса техники (прогресса техники, осуществленного за данный год в определенной отрасли производства) определяется, как мы видели, как уровнем развития капитализма (размером величин $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c}{c'}$, ω , ρ), так и конкретными особенностями данного прогресса техники (размером величин $\frac{v_1}{v}$, $\frac{c_1}{c}$, $\frac{\rho'}{\rho}$, $\frac{\omega'}{\omega}$, r' и r'') согласно формуле

$$R = \frac{\rho'}{\rho} \cdot \frac{1}{\frac{v_1}{v}} \cdot \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{r'}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 - \frac{1}{v}\right) v + \left(\frac{v'}{v} - \frac{\rho}{\rho'}\right) - \frac{c}{c'} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{\rho}{\rho'}\right) - \frac{c'}{c} \right]$$

норма прибыли падает, если $\lambda > R$; возрастает, если $\lambda < R$; остается без изменений, если $\lambda = R$. Для каждого отдельного случая прогресса техники отношение между λ и R может сложиться самым различным образом ($\lambda > R$, $\lambda = R$, $\lambda < R$), в этом и выражается установленный выше колебательный характер движения нормы прибыли.

Однако для всего капиталистического производства в целом и для относительно больших периодов, где речь идет не о сопоставлении единичного λ с единичным R , а большого числа λ с большим числом соответствующих R , общий результат (общее направление движения нормы прибыли) будет определяться уже не характером отношений между единичным λ и единичным R , а характером отношений между совокупностью λ и совокупностью R , иными словами, характером преобладающих по своему количеству и размеру отношений между λ и R .

Совокупность значений λ (за достаточный период, т.е. если число этих значений достаточно велико) едва ли изменяется сколько-нибудь заметно по своей структуре.

λ есть, как мы видели, отношение вызванных прогрессом техники добавочных издержек в связи с увеличением постоянного капитала

1) См. „Вестн. Комм. Ак.“, кн. 16.

к получаемой, благодаря тому же прогрессу техники, экономии в связи с уменьшением переменного капитала. Это отношение принимает — в зависимости от конкретных технических моментов, от характера изменения техники данной отрасли производства самые разнообразные значения (не превосходящие, однако, единицы, ибо это есть предел, который ставится для λ капиталистической рентабельностью).

Для любых двух, достаточно больших, периодов времени (напр., для одного—двух десятилетий) можно предположить, что внутри их будут представлены всевозможные значения λ и примерно в одной и той же пропорции, т. к. значения эти зависят лишь от конкретных технических моментов (так сказать, от ω более и менее удачных применений прогресса техники), но не зависят от специфических условий капиталистической экономики всего данного периода, следовательно, не зависят от данного периода.

Итак, совокупность значений λ можно, не рискуя впасть в систематическую ошибку, принять содержащей определенный ω λ , равных $\frac{1}{10}$, $\frac{2}{10}$, $\frac{3}{10}$ и т. д.

Наоборот, совокупность значений R определяется не только конкретными техническими моментами (которые для каждого случая прогресса техники совместно с размером его применения определяют размер величин $\frac{v_1}{v}$, $\frac{c_1}{c}$, $\frac{\omega'}{\omega}$, $\frac{o'}{o}$, r' и r''), но и общим уровнем развития

капитализма (определяющим размер величин $\frac{c}{r}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o).

Движение нормы прибыли определяется, таким образом, структурой совокупности λ (т. е. ω -ным соотношением различных значений λ за достаточно большой период) и изменением уровня развития капитализма, изменяющим структуру совокупности R .

Мы начнем с этого второго момента.

Для этого необходимо предварительно принять во внимание основной характер изменений зависящих от уровня развития капитализма величин в связи с изменением этого уровня.

Органический состав капитала $\frac{c}{v}$ растет по мере развития капитализма, начиная с небольшой величины и достигая величины порядка 10.

Норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ растет по мере развития капитализма, начиная с небольшой величины и достигая величины порядка 1¹⁾.

Доля основного капитала в постоянном $\frac{c_g}{c}$ растет по мере развития капитализма, начиная с небольшой величины и достигая величины порядка $\frac{1}{2}$ (б. м. $\frac{2}{3}$).

¹⁾ При этом, насколько можно судить, норма прибавочной стоимости всегда остается меньше органического состава капитала (т. е. всегда $\frac{m}{v} < \frac{c}{v}$).

Период оборота основного капитала ω растет по мере развития капитализма, начиная, повидимому, с величины, не меньшей порядка 2 (лет), и достигая величины порядка 10 (лет).

Период оборота оборотного капитала o , по мере развития капитализма, падает, начиная, вероятно, с величины порядка 1 и достигая величины порядка, примерно, $\frac{1}{4}$.

Структура совокупности значений R (за достаточный период времени) определяется, согласно сказанному выше, как конкретными техническими моментами, так и изменением общего уровня развития капитализма. Но поскольку она определяется конкретными техническими моментами, она — согласно вышеизложенному — может рассматриваться, как неизменная; ее длительные изменения обуславливаются не этими моментами, а изменением общего уровня развития капитализма.

Итак, чтобы выяснить изменения структуры совокупности R , необходимо и достаточно рассмотреть изменения R под влиянием одного только изменения уровня развития капитализма, принимая конкретные особенности отдельного прогресса техники за данные (т.-е. не изменяющиеся) величины: иными словами, принимая за изме-

няющиеся величины $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o и за не изменяющиеся $\frac{v_1}{v}$, $\frac{c_1}{c}$, $\frac{o'}{o}$, r' и r'' .

Мы как бы разбиваем совокупность значений R на частичные совокупности, внутри которых $\frac{v_1}{v}$, $\frac{c_1}{c}$, $\frac{o'}{o}$, r' и r'' одинаковы, и, сопоставляя внутри этих частных совокупностей различные значения R , рассматриваем таким образом изменения R , определяемые изменением уровня развития капитализма.

Рассмотрим сначала изменения R , равного

$$\frac{c}{c} \frac{\omega}{\omega} \frac{1}{\omega - \frac{1}{\omega}} \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v-1)h + (h - \frac{g}{\omega}) - \frac{c'}{\omega} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right) - \frac{c}{c} \right]^{1)}$$

под влиянием изменений $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o при условии изменения одной из этих величин (и неизменности прочих), т.-е. рассмотрим сначала изолированное влияние ²⁾ изменения каждой из этих величин в отдельности.

Рост эксплуатации, увеличение нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ ведет к уменьшению дроби $\frac{r}{m}$ и тем самым к уменьше-

¹⁾ Здесь, как и раньше, $h = \frac{v'}{v''}$.

²⁾ Само собой разумеется, что такое изолирование является абстракцией. Реальное изменение одной величины почти всегда сопровождается изменениями других.

нию всего стоящего в квадратных скобках выражения, а значит и к уменьшению R ; следовательно, увеличивая число тех случаев, когда прогресс техники ведет к падению нормы прибыли, влияет в сторону падения нормы прибыли.

Рост доли основного капитала в постоянном капитале, $\frac{c_g}{c}$, увеличивая выражение $\frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right)$, уменьшает стоящее в квадратных скобках выражение и, значит, ведет также к уменьшению R , опять, следовательно, влияет в сторону падения нормы прибыли.

Увеличение периода оборота основного капитала, увеличение ω ведет к уменьшению дроби $\frac{o}{\omega}$, увеличивая ее знаменателя, и, следовательно, к уменьшению R , т.е. влияет также, как и предыдущие процессы.

Уменьшение периода оборота оборотного капитала, уменьшение o , ведет к уменьшению той же дроби $\frac{o}{\omega}$, уменьшая ее числителя, и, следовательно, к тем же результатам.

Наконец, рост органического состава капитала, рост $\frac{c}{r}$ влияет не всегда одинаково. Выражение R может быть представлено в таком виде

$$R = \frac{c'}{c} \cdot \frac{1}{\frac{c}{r} - 1} \left[\left(1 + \frac{v}{m} \right) (v' - 1) h + \left(1 - \frac{c'}{c} \right) - \frac{c_g}{c} \left(\frac{c'}{c} - \frac{c}{c} \right) - \frac{c'}{c} \right] \frac{c}{c'} + \frac{c'}{c} \cdot \frac{1}{\frac{c}{r} - 1} \left(1 + \frac{v}{m} \right) (v' - 1) h$$

Под влиянием изменения $\frac{c}{r}$ будет изменяться только первое слагаемое этой суммы. И именно оно, а с ним и R , будет расти, если заключенное в квадратные скобки выражение больше нуля, и падать, если оно меньше нуля.

Рассмотрим условия падения R с ростом органического состава капитала. Это условие имеет вид:

$$h < \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'}{c}}{1 + \left(1 + \frac{v}{m} \right) (v' - 1)}$$

Так как годовые изменения периодов оборотов совокупного капитала, как правило, сравнительно невелики¹⁾, то с весьма небольшой

1) Что касается годовых изменений средних периодов оборотов, то здесь имеются в виду изменения, учитываемые в выведенной выше основной формуле для λ , т.е. только изменения средних периодов оборотов, вызванные изменениями периодов оборотов в той отрасли капиталистического производства, в которой непосредственно имел место прогресс техники. Эти изменения относительно невелики.

Изменения среднего периода оборота основного капитала в существенном этими изменениями и ограничиваются, изменения же среднего периода оборота оборотного

погрешностью можно принять $\frac{\omega'}{\omega}$ и $\frac{o'}{o}$ равными 1¹⁾. Тогда получим

$$h < \frac{1 + \frac{c_1}{c}}{1 + \left(1 + \frac{r}{m}\right) (r^n - 1)}.$$

При среднем органическом составе добавочного капитала $\left(\frac{c_1}{c} = 1 - \frac{v}{c}\right)$ и при одинаковом прогрессе техники в производстве средств необходимого потребления и в производстве средств роскоши

$$V^* = 1 + \frac{r + \frac{1}{m}}{\left(1 + \frac{r}{c}\right)(c + m - \lambda v) - 1}, \text{ тогда}$$

$$\text{получим } h < 1 - \left(1 - \frac{v}{c}\right) \left[\left(1 - \frac{r}{c}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{r}{m}}\right) + \frac{1 - \lambda - \left(1 - \frac{r}{c}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{r}{m}}\right)^2}{\frac{m}{c} + \left(1 - \frac{r}{c}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{r}{m}}\right)} \right]^2,$$

т.е. h меньше некоторой величины, меньшей 1²⁾.

капитала обычно лишь в небольшой части обуславливаются теми изменениями его, которые вызываются изменением периода оборота оборотного капитала в той отрасли, в которой непосредственно имел место прогресс техники. К этому сокращению периода оборота оборотного капитала вследствие сокращения времени производства в одной из отраслей его присоединяется, как правило, много более значительное сокращение времени обращения многих (или даже всех) отраслей капиталистического производства, связанное с прогрессом техники транспорта или с другими моментами. К этому обстоятельству мы еще вернемся ниже.

1) Принимая $\frac{o'}{o} = 1$ и $\frac{\omega'}{\omega} = 1$ мы делаем не только две небольших, но при том друг друга частично (или полностью) погашающих погрешности, т.к. увеличиваем $\frac{o'}{o}$ и уменьшаем (отбрасываем) $\frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o}\right)$. Напр., при $\frac{o'}{o} = 0,99$; $\frac{\omega'}{\omega} = 1,03$ и $\frac{c_g}{c} = 0,5$, мы в итоге уменьшаем весь числитель только на 0,01. Однако удвоение периода оборота основного капитала за неполных 25 лет и сокращение вдвое периода оборота оборотного капитала за неполных 70 лет невероятно. Действительная погрешность поэтому значительно меньше. В этом примере предположено в т.р.е. более быстрое изменение ω по сравнению с o . При $\frac{o'}{o} = 0,99$; $\frac{\omega'}{\omega} = 1,01$ и $\frac{c_g}{c} = 0,5$, т.е. при предположении одинаково быстрого изменения o и ω , обе погрешности взаимно погашаются.

2) Напр., при $\frac{m}{c} = 1$; $1 - \frac{r_1}{c} = \frac{1}{100}$; $\lambda = \frac{3}{4}$ получим $h < \frac{33}{34}$.

3) При малом $\frac{c_g}{c}$ этот вывод тем более верен и при учете изменений o и ω : при большом $\frac{c_g}{c}$ (напр., 0,5 и больше), т.е. при очень высоком уровне развития капи-

Так как большинство значений h лежат близко к 1, то в большинстве случаев при росте органического состава капитала величина R растет (а не падает, как при вызванных переходом к более высокому уровню развития капитализма изменениях прочих величин $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o), по крайней мере, до тех пор, пока капитализм не достиг весьма высокого уровня развития (см. последнюю сноску).

Итак, изменения $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o с переходом капитализма к более высокому уровню развития ведут к падению величины R , соответственные же изменения $\frac{c}{v}$, б. м., к падению для меньшинства сочетаний конкретных особенностей прогресса техники (в отдельных случаях его применения) и к повышению, как правило, для большинства их.

Поэтому, чтобы судить о том, ведет ли переход к более высокому уровню развития капитализма, к повышению или падению величины R , необходимо учесть ее изменения под влиянием одновременного изменения $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o (да и в действительности почти всегда происходит их одновременное изменение).

Основываясь на изложенном выше, это изменение R , состоящее из его изменений под влиянием изменений $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$ и $\frac{\omega}{o}$ каждого в отдельности (рассматривая вместо ω и o их отношение $\frac{\omega}{o}$), можно представить в виде ¹⁾

таблица. Этот вывод может оказаться неверным. Иными словами, может оказаться, что условием падения R с ростом $\frac{c}{v}$ является требование, чтобы h было меньше некоторой величины, большей 1. Так как большинство h лежат близко к 1, то это условие налицо. Но тогда, т. к. изолированное влияние изменений $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$, ω и o каждое в отдельности ведет к уменьшению R , то и их совокупное влияние будет вести к тому же.

¹⁾ Здесь ΔR , $\Delta \frac{c}{v}$, $\Delta \frac{m}{v}$ и $\Delta \frac{\omega}{o}$ суть изменения R , $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$ и $\frac{\omega}{o}$. Необходимо заметить, что ΔR приблизительно равно представленной (алгебраической) сумме лишь при условии, что каждое из слагаемых представляет собой небольшую дробь. Это условие,

однако, налицо при любом уровне развития капитализма, так как $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$, $\frac{\Delta \frac{c_g}{c}}{\frac{c_g}{c}}$, $\frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}}$ и

$$\begin{aligned} \Delta R = & \Delta \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{m}\right) (v''-1) h + (h - \frac{c}{v}) - \frac{c}{v} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \right] \frac{c}{v} - \frac{1}{c - \frac{c}{v}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{c}{v} - \\ & - \left(\frac{m}{v} \right)^{\frac{1}{2}} \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v''-1) h \frac{c}{v} \frac{c}{v} - \frac{1}{c - \frac{c}{v}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{c}{v} - \Delta \frac{c}{v} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \frac{c}{v} \frac{c}{v} - \frac{1}{c - \frac{c}{v}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{c}{v} - \\ & - \Delta \frac{c}{v} \left[\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v''-1) h + (h - \frac{c}{v}) - \frac{c}{v} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \right] \frac{c}{v} - \frac{1}{c - \frac{c}{v}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{c}{v}, \quad \text{или} \\ & \left(\frac{c}{v} - \frac{c}{v} \right) \frac{c}{v} \cdot \Delta R = \frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} \left[\left(1 + \frac{v}{m}\right) (v''-1) h + (h - \frac{c}{v}) - \frac{c}{v} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \right] - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{v}{v}} \left(1 + \frac{v}{m}\right) \frac{v}{m} h - \\ & - \frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \frac{c}{v} - \frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} \left[\left(1 + \frac{v}{m}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (v''-1) h + (h - \frac{c}{v}) - \frac{c}{v} \left(\frac{\omega' - c}{\omega} - \frac{c}{v} \right) \right] \end{aligned}$$

$\frac{A \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$ представляют собой небольшие дроби (удвоение величин $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$, $\frac{c_g}{c}$ и $\frac{\omega}{\omega}$ требует,

по меньшей мере, многих десятилетий). Как было нами уже выяснено выше, большинство значений R лежит в пределах между нулем и единицей, переходя их лишь в немногих случаях. Из четырех слагаемых ΔR слагаемое, заключающее в себе $A \frac{c}{v}$, меньше величины

$R \frac{A \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$, так как $\frac{A \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$ — небольшая дробь, то и $R \frac{A \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$ будет, как правило (а вне здесь

исключения не интересуют), небольшой дробью. Другое слагаемое, заключающее в себе

$A \frac{\omega}{\omega}$, равно $R \frac{A \frac{\omega}{\omega}}{\frac{\omega}{\omega}}$ и является по той же причине небольшой дробью. Наконец, два

остальных слагаемых, равных $\frac{A \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{v''-1}{v'} \cdot \frac{c}{\omega} \cdot h$ и $\frac{A \frac{c_g}{c}}{\frac{c_g}{c}} \cdot \frac{c}{v} \cdot \frac{c}{\omega} \cdot \frac{\omega' - c}{\omega} \cdot \frac{c}{v}$

также представляют собой небольшие дроби, в частности из-за очень малого размера

$$\frac{A \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \text{ и } \frac{A \frac{c_g}{c}}{\frac{c_g}{c}}.$$

Эта величина $1/R$ может быть представлена в следующем виде:

$$\Delta R = \frac{1}{c} \frac{c}{v} \frac{c}{c} \frac{c}{c} \frac{1}{1+m} v^2 h \left[\frac{\frac{c}{c}}{\frac{c}{c}} - \frac{\frac{m}{c}}{\frac{c}{c}} \frac{1}{1+m} \right] - \frac{1}{c} \frac{c}{c} \frac{c}{c} \left\{ \frac{\frac{c}{c}}{\frac{c}{c}} \left[\frac{c}{c} + \frac{c}{c} \left(\frac{c}{c} - \frac{c}{c} \right) \frac{c}{c} - h \right] + \right. \\ \left. + \frac{\frac{c}{c}}{\frac{c}{c}} \left(\frac{c}{c} - \frac{c}{c} \right) \frac{c}{c} + \frac{\frac{c}{c}}{\frac{c}{c}} \left[\left(1 + \frac{c}{c} \right) \left(1 + \frac{m}{c} \right) (v^2 - 1) h + \left(h - \frac{c}{c} \right) - \frac{c}{c} \left(\frac{c}{c} - \frac{c}{c} \right) - \frac{c}{c} \right] \right\}$$

Рассмотрим три следующих случая.

Первый $\frac{1}{c} \frac{c}{v} < \frac{1}{c} \frac{m}{c} \frac{1}{1+\frac{v}{c}}$. В этом случае первое слагаемое

выражения для $1/R$ превращается в отрицательную величину (меньшую нуля). Что касается второй части выражения для $1/R$, то оно также превращается в отрицательную величину при условии:

$$\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c_1}{c} > h > \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c_1}{c}}{1 + \left(1 + \frac{v}{c} \right) \left(1 + \frac{r}{m} \right) (r^2 - 1)}$$

Если принять $\frac{o'}{o}$ и $\frac{\omega'}{\omega}$ равными 1 (что в виду относительной незна-

чительности годовых изменений периодов оборотов связано с незначительной погрешностью), то при среднем органическом составе добавочного капитала и при одинаковом прогрессе техники в производстве средств необходимого потребления и в производстве средств роскоши это неравенство примет вид

$$1 + \left(1 - \frac{r_1}{r} \right) > h > 1 - \left(1 - \frac{r_1}{r} \right) \left[1 - \frac{\frac{m}{c} - (1 - \lambda)}{\frac{m}{v} + \left(1 - \frac{r_1}{r} \right) \left(1 - \frac{m}{1 + \frac{r}{c}} \right)} \right]$$

Иными словами, оно осуществляется для большинства значений h , т. к. большинство значений h лежит близко к единице.

Второй. $\frac{1}{c} \frac{m}{c} \left(1 + \frac{v}{c} \right) > \frac{1}{c} \frac{c}{c} > \frac{1}{c} \frac{m}{c} \frac{1}{1 + \frac{m}{r}}$

Величина ΔR может быть представлена также в следующем виде;

$$\Delta R = \frac{1}{c-v} \frac{c}{\omega} \frac{c}{v} \left(1 + \frac{v}{m}\right) \frac{v-1}{v} \left[\frac{\Delta \xi}{\xi} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \right] - \frac{1}{c-v} \frac{c}{\omega} \frac{c}{v} \left(\frac{\Delta \xi}{\xi} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \right) \left[\frac{c}{c} + \frac{c}{c} \left(\frac{c}{\omega} - \frac{c}{\omega} \right) + \frac{c}{c} \right] -$$

$$- \frac{1}{c-v} \frac{c}{\omega} \frac{c}{v} \left(\frac{\Delta \xi}{\xi} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \right) \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) \frac{v-1}{v} \left[\frac{c}{c} + \frac{c}{c} \left(\frac{c}{\omega} - \frac{c}{\omega} \right) + \frac{c}{c} \right] -$$

$$- \frac{c}{c} \left(\frac{c}{\omega} - \frac{c}{\omega} \right) - \frac{1}{c-v} \frac{c}{\omega} \frac{c}{v} \left(\frac{\Delta \xi}{\xi} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \right) \frac{\Delta \xi}{\xi}$$

Первое, второе и четвертое слагаемое представляют здесь отрицательные величины (второе при условии $h < \frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'_1}{c}$, которому, как мы видели, удовлетворяют большинство h).

Что касается третьего слагаемого, то с ним дело обстоит сложнее.

Как было уже изложено выше, для большинства h имеет место неравенство:

$$h > \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'_1}{c}}{1 + \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (r'' - 1)}.$$

Отсюда следует, что знаменатель дроби:

$$\frac{\left(1 + \frac{m}{v}\right) (r'' - 1) h - \left[\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'_1}{c} - h \right]}{\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) (r'' - 1) h - \left[\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'_1}{c} - h \right]}$$

больше нуля, т.-е. является положительной величиной.

Если

$$h < \frac{\frac{o'}{o} + \frac{c_g}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{o'}{o} \right) + \frac{c'_1}{c}}{1 + \left(1 + \frac{m}{v}\right) (r'' - 1)},$$

то при среднем органическом составе добавочного капитала, при одинаковом прогрессе техники в производстве средств необходимого потребления и средств роскоши и если, кроме того, принять $\frac{\omega'}{\omega}$ и $\frac{o'}{o}$ равными 1, это означает:

$$h < 1 + \left(1 - \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{m}{v}\right) \left[\lambda - \frac{m}{v} - \left(1 - \frac{v}{c}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}}\right) \right]$$

При условии:

$$\frac{m}{v} < \lambda - \left(1 - \frac{r_1}{r}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)^{1)}$$

это неравенство имеет место для большинства h , так как тогда все ближайшие к 1 значения h будут удовлетворять этому неравенству для h . Но тогда числитель рассматриваемой дроби, а с ней и все наше третье слагаемое в выражении для $1/R$ становится отрицательной величиной.

Если же

$$h > \frac{\frac{a'}{a} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{a'}{a}\right) + \frac{c'}{c}}{1 + \left(1 + \frac{m}{r}\right) \left(r'' - 1\right)},$$

то при тех же условиях, что выше, это означает

$$h > 1 - \left(1 - \frac{r_1}{r}\right) \frac{1}{1 + \left(1 - \frac{r_1}{r}\right) \frac{m}{r} - \lambda} \left[\frac{m}{v} + \left(1 - \frac{r_1}{r}\right) \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}} - \lambda \right]$$

При условии

$$\frac{m}{r} > \lambda - \left(1 - \frac{r_1}{r}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)$$

это неравенство имеет место для большинства h ²⁾.

В этом случае третье слагаемое в выражении для $1/R$ становится отрицательной величиной только при наличии дополнительного условия

$$\frac{\Delta \frac{c'}{c}}{c} > \frac{\Delta \frac{m}{r}}{\frac{m}{r}} \frac{1 + \frac{r}{c}}{1 + \frac{m}{r}} \frac{\left(1 + \frac{m}{r}\right) \left(r'' - 1\right) h - \left[\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{c'}{c}\right) + \frac{c'}{c} h\right]}{\left(1 + \frac{r}{c}\right) \left(1 + \frac{m}{r}\right) \left(r'' - 1\right) h - \left[\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{c'}{c}\right) + \frac{c'}{c} h\right]}$$

или, что то же,

$$\left(1 + \frac{m}{r}\right) \left(1 + \frac{r}{c}\right) \left(1 + \frac{m}{r}\right) \left(r'' - 1\right) h - \left[\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{c'}{c}\right) + \frac{c'}{c} h\right] \left[\frac{\Delta \frac{c'}{c}}{c} - \frac{1}{1 + \frac{m}{r}} \frac{\Delta \frac{m}{r}}{\frac{m}{r}} \right] > \left[\frac{c'}{c} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\omega} - \frac{c'}{c}\right) + \frac{c'}{c} h\right] \frac{m}{r} \left(1 - \frac{r}{c} \frac{\Delta \frac{m}{r}}{\frac{m}{r}}\right)$$

1) Как будет видно из нашего дальнейшего рассмотрения, для большинства λ это условие означает, примерно, $\frac{m}{r} < \frac{2}{3}$.

2) След., примерно, при условии $\frac{m}{r} > \frac{2}{3}$.

При $\frac{m}{v} < 1 + \frac{v}{c}$ (в частности, следовательно, при $\frac{m}{v} = 1$ и при $\frac{m}{v} < 1$)

это неравенство безусловно имеет место для большинства h , если только

$$\frac{\Delta \frac{\omega}{\sigma}}{\frac{\omega}{\sigma}} > 1 + \frac{v}{m} \frac{m}{v},$$

т.е. если относительный прирост величины $\frac{\omega}{\sigma}$ (отношения средних периодов оборота) больше известной части относительного прироста $\frac{m}{v}$ (нормы прибавочной стоимости),

Наконец, при $\frac{m}{v} > 1 + \frac{v}{c}$ (и, следовательно, $\frac{m}{v} > 1$) это послед

нее условие является уже недостаточным для того, чтобы слагаемое в выражении для ΔR стало отрицательной величиной. Его заменяют два других условия:

$$\frac{\Delta \frac{\omega}{\sigma}}{\frac{\omega}{\sigma}} > 1 + \frac{v}{m} \left[\frac{m}{v} \left(1 + \frac{1}{n} \right) - \left(1 + \frac{v}{c} \right) \right] \frac{1}{m} \frac{m}{v}$$

или, что то же.

$$\frac{\Delta \frac{\omega'}{\sigma'}}{\frac{\omega'}{\sigma'}} > \frac{1}{1 + \frac{v}{m}} \left[1 + n \frac{\frac{m}{v} - (1 + \frac{v}{c})}{\frac{m}{v}} \right] \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \quad \text{и} \quad h > \frac{\frac{\sigma'}{\sigma} + \frac{c'}{c} \left(\frac{\omega'}{\sigma'} - \frac{\omega}{\sigma} \right) + \frac{c'}{c}}{1 + \frac{n}{n+1} \left(1 + \frac{v}{m} \right) \left(1 + \frac{v}{c} \right) (v-1)}$$

При среднем органическом составе добавочного капитала, при одинаковом прогрессе техники в производстве средств необходимого потребления и средств роскоши, и если, кроме того, принять $\frac{\omega'}{\sigma'}$ и $\frac{\omega}{\sigma}$ равными 1, это последнее условие для h примет вид

$$h > 1 - \left(1 - \frac{v}{c} \right) \frac{1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}}}{1 - \left(1 - \frac{v}{c} \right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}} \right)} - \frac{\frac{n}{n+1} \left(1 + \frac{v}{c} \right) \left(1 + \frac{v}{m} \right) \frac{1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}}}{1 - \left(1 - \frac{v}{c} \right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}} \right)}}{1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}} \left(1 - \frac{v}{c} \right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{v}} \right)} + 1$$

Это неравенство имеет место для большинства h при условии

$$\frac{n}{n+1} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{r}{m}\right) \frac{1 - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)}{1 - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)} > 1$$

или, что то же,

$$n > \frac{1 - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)}{\left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{r}{m}\right) + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)\right] \left\{1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right\} - 1}$$

т. к. тогда приведенному выше неравенству для h удовлетворяют все h , близкие к единице.

Так как

$$\frac{r}{c} + \frac{v}{m} \left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 - \lambda\right) > \frac{1 - \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right)}{\left[\left(1 + \frac{v}{c}\right) \left(1 + \frac{r}{m}\right) + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right)\right] \left(1 - \frac{\lambda}{1 + \frac{m}{r}}\right) - 1}$$

то всякое h , удовлетворяющее неравенству

$$n > \frac{1}{\frac{v}{c} + \frac{v}{m} \left(1 + \frac{v}{c}\right) (1 - \lambda)}$$

тем более удовлетворяет приведенному выше неравенству для n .

Итак, если $\frac{m}{r} > 1 + \frac{r}{c}$, то третье слагаемое в выражении для ΔR становится отрицательной величиной при условии

$$\frac{\Delta \omega}{\omega} > -\frac{1}{1 + \frac{v}{m}} \left[1 + n \frac{\frac{m}{r} - \left(1 + \frac{v}{c}\right)}{\frac{m}{r}} \right] \frac{\Delta \frac{m}{r}}{\frac{m}{r}}, \text{ где } n > \frac{1}{\frac{v}{c} + \frac{v}{m} \left(1 + \frac{v}{c}\right) (1 - \lambda)}$$

Отношение $\frac{\omega}{\omega}$, растущее как вследствие роста среднего периода оборота ω , так и вследствие сокращения среднего периода оборота оборотного капитала ω (при том и в результате сокращения времени производства и в результате сокращения времени обращения) растет,

повидимому, значительно быстрее, чем норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ ¹⁾). Поэтому не только имеет место неравенство

$$\frac{\omega}{\frac{\omega}{o}} > \frac{1 + \frac{\Delta \frac{m}{v}}{v}}{1 + \frac{r}{m} \frac{m}{v}},$$

но также и неравенство

$$\frac{\Delta \frac{\omega}{o}}{\frac{\omega}{o}} > \frac{1}{1 + \frac{r}{m}} \left[1 + n \frac{\frac{m}{v} - \left(1 + \frac{r}{v}\right)}{\frac{m}{v}} \right] \frac{\Delta \frac{m}{v}}{v},$$

если только n не слишком велико, что могло бы иметь место только при очень больших значениях $\frac{m}{v}$ и $\frac{c}{v}$, т.-е. при весьма высоком уровне развития капитализма.

Тогда наше третье слагаемое ΔR было бы уже не отрицательной, а положительной величиной, что однако не означает, что и все ΔR становится положительной величиной. Напротив и в том случае ΔR может оставаться отрицательной величиной, так как только одно из четырех его слагаемых становится положительной величиной, а три других остаются меньше нуля.

При рассмотрении изолированного изменения $\frac{c}{v}$ мы пришли к выводу, что как раз при очень высоком уровне развития капитализма рост $\frac{c}{v}$ ведет к уменьшению R , т.-е. превращает ΔR в отрицательную величину.

При рассмотрении третьего случая мы получим дополнительное подтверждение тому, что ΔR остается и в этих условиях отрицательной величиной. Переходим к этому третьему случаю, при котором

$$\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{r}{v}\right)^2.$$

1) Напр. (цифры произвольные) пусть за известный период времени $\frac{m}{v}$ вырастет в 10 раз, ω за тот же период времени в 5 раз, o в силу сокращения времени производства сократится в 2 раза и в силу сокращения времени обращения в 5 раз; тогда $\frac{m}{o}$ возрастет за тот же период времени в 50 раз, т.-е. в 5 раз быстрее, чем $\frac{m}{v}$.

2) Случай, когда $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} = \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{r}{v}\right)$ т.-е. когда норма прибыли остается неиз-

менения, ничем существенно не отличается от случая, когда $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} < \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{r}{v}\right)$.

Из этого неравенства следует $\frac{\frac{m}{v} + A \frac{m}{v}}{\left(\frac{c}{r} + A \frac{c}{v}\right) + 1} < \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{r} + 1}$, т.-е. в этом случае норма прибыли падает.

Итак, либо $\frac{\Delta \frac{c}{r}}{\frac{c}{v}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right)$ и тогда совокупность R из-

меняется таким образом, что норма прибыли падает или же $\frac{\Delta \frac{c}{r}}{\frac{c}{v}} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right)$, что мы уже рассматривали выше.

Если $\frac{\Delta \frac{c}{r}}{\frac{c}{v}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right)$, то норма прибыли падает, незави-

симо от того, повышалась ли она до того, оставалась ли до того без изменения или падала и до того; падает, следовательно в частности и в том случае, если она до того повышалась. Но если она до того повышалась, то это возможно лишь в том случае, если тогда для большинства λ имело место $\lambda < R$. Если это повышение нормы прибыли сменилось падением, то, значит, для большинства λ имеет место $\lambda > R + AR$. При неизменности (в указанном выше смысле) совокупности λ , отсюда следует, что изменилось R и именно уменьшилось: следовательно, AR отрицательная величина. Но так как в рассматриваемом случае

$\frac{\Delta \frac{c}{r}}{\frac{c}{v}} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right)$ является положительной величиной, то AR может

стать отрицательной величиной только в том случае, если остальные слагаемые составляют в совокупности отрицательную величину и

притом большую, чем слагаемое, куда входит $\frac{\Delta \frac{c}{r}}{\frac{c}{v}} - \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c}\right)$ ¹⁾

¹⁾ Дело в том, что изменения величин $\frac{c}{r}$, $\frac{m}{v}$ и $\frac{v}{a}$, насчет которых мы в тексте не сделали никаких предположений, кроме предположения их роста по мере развития ка-

Отсюда в частности следует, что, в тех случаях, когда $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} = \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{c}{v}\right)$

становится отрицательной величиной, то ΔR тем скорее должна быть отрицательной величиной.

Мы приходим в итоге к следующему выводу — с переходом капитализма к более высокому уровню его развития величина R для большинства λ падает, т.-е. падение нормы прибыли наступает при условии затраты на (вызванное прогрессом техники) увеличение постоянного капитала меньшей, чем прежде, части (вызванного прогрессом техники) уменьшения переменного капитала.

Т.-е., если при одних и тех же конкретных особенностях прогресса техники норма прибыли падала, напр. при $\lambda > 0,8$, то с переходом капитализма к более высокому уровню его развития она падает уже при, напр., $\lambda > 0,4$.

Итак, структура совокупности значений R будет изменяться по мере развития капитализма таким образом, что наиболее частыми будут становиться все меньшие значения R ¹⁾.

Напротив того, структура значений λ , не зависящая от общего уровня развития капитализма, может считаться, как было уже сказано выше, неизменной, т.-е. содержащей определенный % λ , равных 1/10, 2/10 и т. д.

Существенным для структуры совокупности значений λ является то обстоятельство, что чем меньше при прогрессе техники λ , т.-е. та часть вызванного прогрессом техники уменьшения переменного капитала, которая затрачивается на вызванное тем же прогрессом техники увеличение постоянного капитала, тем реже может иметь место такого рода (т.-е. с таким λ) прогресс техники.

Капитализма, связаны известными отношениями, так что, напр., с ростом $\frac{c}{v}$ не только падает ω , но и растет в каком-то определенном размере, установить который мог бы лишь специальный анализ.

¹⁾ Для иллюстрации можно построить следующую примерную таблицу (жирным шрифтом набрано большинство R):

Уровни развития капитализма	о значений R , идущий на интервалы.					
	больше 1	от 3/4 до 1	от 1/2 до 3/4	от 1/4 до 1/2	от 0 до 1/4	меньше 0
1-ый	5	60	20	10	4	1
2-ой	3	15	60	15	5	2
3-ий	2	5	15	60	15	3
4-ый	1	4	10	20	60	5

Ибо сбережение рабочей силы, напр., на 1 мил. рублей, при условии дополнительной затраты на машины и пр., скажем, в 900 т., предъявляет меньшие требования к технике, и потому легче может быть осуществлено, чем то же сбережение рабочей силы на 1 мил. руб. при условии дополнительной затраты только в 800 т. р. и т. д.

С другой стороны, хотя технически наиболее легко осуществим прогресс техники с λ , близкой к 1 (и, разумеется, еще легче с λ больше 1), но при λ , весьма близкой к 1, капиталистическая рентабельность применения такого прогресса техники становится сомнительной.

Поэтому большинство λ должно лежать ближе к 1, но все же не около самой единицы, можно предполагать, что в пределах, напр., от 0,6 до 0,9.

Отсюда вытекает, что, пока большинство R лежит выше такого предела, для большинства λ будет иметь место неравенство $\lambda < R$, т.-е. норма прибыли будет повышаться.

С того момента, как большинство R упадет ниже такого предела, для большинства λ будет иметь место неравенства $\lambda > R$ т.-е. норма прибыли будет падать.

Этот вывод может однако оказаться правильным лишь математически, но не экономически, если такого рода перелом в соотношении между совокупностью λ и совокупностью R (от $\lambda < R$ к $\lambda > R$) не имеет места в пределах реальных значений R .

Мы рассмотрим поэтому значения R для наиболее типического (среднего) случая, а именно при одинаковом прогрессе техники во всех основных подразделениях производства (следовательно, при одинаковом обесценении рабочей силы и элементов как постоянного капитала, так и прибавочной стоимости, т.-е. при $r' = r'' = r$). при наиболее частом λ (примем при $\lambda = \frac{3}{4}$), при неизменности средних периодов оборота (т.-е. $\omega' = \omega$ и $\omega'' = \omega$), при среднем органическом составе добавочного капитала (т.-е. $\frac{c_1}{c} = 1 - \frac{v_1}{v}$).

Кроме того, примем сокращение рабочей силы в результате прогресса техники равным 1% (т.-е. $1 - \frac{r_1}{r} = \frac{1}{100}$). Тогда R примет следующий вид:

$$R = 100 \frac{\frac{a}{c}}{\frac{a}{c} + r} \left[\frac{1}{3} \left(1 + \frac{v}{c} \right) \left(1 + \frac{r}{m} \right)^{1 + 4 \frac{m}{v}} - \frac{1}{100} \right]^2$$

$$133 + 132 \frac{m}{v}$$

1) Можно принять и иную величину, результат от этого не изменится.

2) Из формулы $r = 1 + \frac{1}{r + m}$

$$\left(1 - \frac{r_1}{r} \right) (r + m - \lambda r) = 1 \quad (\text{см. стр. 43 в кв. 16})$$

„В. К. А.“) получаем $r = 1 + \frac{r + 4m}{399r + 396m} = \frac{1}{3} \frac{1 + 4 \frac{m}{r}}{133 + 132 \frac{m}{v}}$

При $\frac{c}{v} = 5$; $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{\omega}{o} = 20$ получим $R = \frac{27}{212}^{1)}$, т. е. если большинство λ лежит около $\lambda = \frac{3}{4}$ (между 0,6 и 0,9), то для большинства R и для большинства λ будем иметь $\lambda > R$ ($0,75 > 0,13$). Следовательно, при таком уровне развития капитализма преобладающей тенденцией в движении нормы прибыли будет тенденция к падению.

Приведенные выше величины $\frac{c}{v}$, $\frac{m}{v}$ и $\frac{\omega}{o}$ соответствуют (разумеется, грубо приблизительно) довольно высокому уровню развития капитализма (эти величины для $\frac{c}{v}$ и $\frac{m}{v}$ принимает обычно в своих примерах в «Капитале» Маркс).

Таким образом перелом в общем направлении движения нормы прибыли мог иметь место только на более низком уровне развития капитализма ²⁾.

Итак, если рассматривать движение нормы прибыли под влиянием прогресса техники (отвлекаясь от всех других моментов), то мы приходим к выводу, что в обуславливаемом прогрессом техники колебательном движении нормы прибыли первоначально преобладает тенденция к повышению нормы прибыли, которая затем сменяется преобладанием противоположной тенденции к падению нормы прибыли. Иными словами, поскольку мы рассматриваем движение нормы прибыли только со стороны влияния на него прогресса техники, существуют две преобладающие тенденции в движении нормы прибыли:

Одна для капитализма на низких ступенях его развития — тенденция нормы прибыли к повышению;

и другая для капитализма на высоких ступенях его развития — тенденция нормы прибыли к падению.

Для капитализма, который исследован Марксом в «Капитале», для капитализма высоко-развитого, наше исследование, как видно из вышеизложенного, целиком и полностью подтверждает все выводы, к которым пришел Маркс — колебательный характер движения нормы прибыли и преобладающую в этом движении тенденцию к падению.

1) При $\frac{c}{v} = 5$; $\frac{m}{v} = 1$; $\frac{\omega}{o} = 50$ получим $R = \frac{27}{530}$; при $\frac{c}{v} = 10$; $\frac{m}{v} = 2$; $\frac{\omega}{o} = 100$ получим $R = \frac{19}{1985}$.

2) Напр., при $\frac{c}{v} = 1$; $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$; $\frac{\omega}{o} = 2$ мы имели бы $R = \frac{417}{332}$ и следовательно, $\lambda < R$ ($0,75 < 1,26$).

При $\frac{c}{v} = \frac{1}{2}$; $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$; $\frac{\omega}{o} = 3$ получим $R = \frac{139}{166}$, т. е. также $\lambda < R$ ($0,75 < 0,84$).

Что падению нормы прибыли (если движение ее рассматривать со стороны влияния на него прогресса техники), предшествует ее повышение, можно показать и иным путем.

Начнем со следующего примера.

Маркс приводит в одном месте следующий расчет ¹⁾:

«В европейской стране стоимость продукта $84c + 16v + 16m = 116$; норма прибыли $\frac{16}{100} = 16\%$.

В азиатской стране стоимость продукта $16c + 84v + 21m = 121$; норма прибыли $\frac{21}{100} = 21\%$ ».

Итак, мы имеем для европейской страны $\frac{c}{v} = \frac{21}{4}$; $\frac{m}{v} = 1$; $p = 16\%$; для азиатской $\frac{c}{v} = \frac{4}{21}$; $\frac{m}{v} = \frac{1}{4}$; $p = 21\%$:

Мы можем рассматривать азиатскую страну, как предшествующую фазу развития капитализма, европейскую, как последующую, тогда перед нами падение нормы прибыли с 21% до 16%.

Поставим перед собой вопрос: а какова могла быть высота нормы прибыли в еще более раннюю эпоху? Несомненно, в эту более раннюю эпоху $\frac{c}{v}$ было меньше $\frac{4}{21}$ и $\frac{m}{v}$ меньше $\frac{1}{4}$. Но если $\frac{m}{v}$ было менее $\frac{1}{5}$ (т.-е. если бы принятому в примере Маркса росту нормы прибавочной стоимости с 25% до 100% предшествовал бы рост ее хотя бы с 20% до 25%), то какова бы ни была величина $\frac{c}{v}$, норма прибыли должна была бы быть меньше $\frac{1}{5}$, т.-е. меньше 20%, т.-к. норма прибыли всегда меньше нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ (ибо может быть получена из нее делением на величину, большую единицы, и именно на $1 + \frac{c}{v}$, как видно из формулы $p = \frac{\frac{m}{v}}{\frac{c}{v} + 1}$).

Таким образом, в данном примере падению нормы прибыли с 21% до 16%, предшествовало бы ее повышение с величины, меньшей 20%, до 21%.

И вообще, любой высоте нормы прибыли p должна предшествовать меньшая высота ее, если существует уровень развития капи-

¹⁾ Разумеется, расчет носит только иллюстративный характер. См. „Капитал“ т. III, под редакцией В. Базарова, П. Степанова и А. Богданова. Изд. 1907. Москва, стр. 125.

тализма, при котором норма прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$ была меньше, чем рассматриваемая (достигнутая при более высоком уровне развития капитализма) высота нормы прибыли p .

Напр., норме прибыли в 21% предшествует меньшая, если существовал уровень развития капитализма, при котором норма прибавочной стоимости составляла лишь 20% (вообще меньше 21%).

Перейдем теперь от примера к самому рассмотрению. Условием падения нормы прибыли является, как мы видели, выполнение неравенства

$$\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{v}{c} \right).$$

Иными словами, чтобы (за определенный промежуток времени)

наступило падение нормы прибыли, относительный прирост органического состава капитала (в течение этого промежутка времени) должен превосходить относительный прирост нормы прибавочной стоимости (за тот же промежуток времени) в определенное число раз, а именно в $1 + \frac{v}{c}$ раз.

Но по мере развития капитализма растет органический состав капитала $\frac{c}{v}$ и, следовательно, уменьшается $1 + \frac{v}{c}$.

Таким образом, при высоком уровне развития капитализма достаточно незначительного перевеса относительного прироста органического состава капитала $\frac{c}{v}$ над относительным приростом нормы прибавочной стоимости $\frac{m}{v}$, чтобы наступило падение нормы прибыли (напр., при $\frac{c}{v} = 10$ достаточно перевеса на 10%, при $\frac{c}{v} = 5$ на 20%).

Напротив того, при низком уровне развития капитализма необходим громадный перевес (напр. при $\frac{c}{v} = \frac{1}{10}$ в 11 раз, т.е. на 1000%, при $\frac{c}{v} = \frac{1}{4}$ на 400%). Если такого громадного перевеса нет, то наступит не падение, а повышение нормы прибыли.

1) Это изменение можно иллюстрировать такой примерной табличкой:

$\frac{c}{v}$	1	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{2}$	1	3	5	10
$1 + \frac{v}{c}$	11	5	3	2	1.3	1.2	1.1

Между тем отношение относительного прироста органического

состава капитала $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}}$ к относительному приросту нормы прибавочной

стоимости $\frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}}$ определяется конкретными техническими моментами и

едва ли меняется сколько-нибудь значительно на различных уровнях развития капитализма.

Поэтому следует ожидать, что падению нормы прибыли предшествовало ее повышение.

Неравенство $\frac{\Delta \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} > \frac{\Delta \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{r}{c}\right)$, может быть представлено в

виде
$$\frac{\left(\frac{c}{v} + \Delta \frac{c}{v}\right) - \frac{c}{v}}{\frac{c}{v}} > \frac{\left(\frac{m}{v} + \Delta \frac{m}{v}\right) - \frac{m}{v}}{\frac{m}{v}} \left(1 + \frac{r}{c}\right).$$

Заменяя $\frac{c}{v} + \Delta \frac{c}{v}$ через

$$\frac{1}{v} \left[c \left(\frac{c'}{c} + c' \left(\frac{c'}{c} - \frac{c'}{c} \right) \right) + \lambda c' \left(\frac{c'}{c} - \frac{c'}{c} \right) + c' \right] \quad \text{и} \quad \frac{m}{v} + \Delta \frac{m}{v} \quad \text{через} \quad \frac{m + v - \frac{v}{v'}}{v'}$$

получим

$$c \left(\frac{c'}{c} - \frac{v'}{v} \right) + c' \left(\frac{c'}{c} - \frac{c'}{c} \right) + \lambda v \frac{c'}{c} \left(\frac{c'}{c} - \frac{v'}{v} \right) + c' > \frac{(m + v)(c + v)}{m} \left(1 - \frac{1}{v'} \right) v'$$

Для наиболее типического (среднего) случая, а именно при одинаковом техническом прогрессе во всех основных подразделениях капиталистического производства (следовательно, при $v' = v'' = v$), и при среднем органическом составе добавочного капитала, т.е. $\frac{c'}{c} = 1 - \frac{v'}{v}$, и если, кроме того, средние периоды оборота¹⁾ в виду сравнительной

1) Необходимо помнить, что здесь принимается в расчет изменение среднего периода оборота оборотного капитала только в результате изменения периода производства в той отрасли, где непосредственно имел место прогресс техники (иными словами $v' - v$ не равно 10, но лишь части 10). Это изменение относительно невелико.

незначительности их изменений принять неизменными (т.-е. $\omega' = \omega$ и $\sigma' = \sigma$), это неравенство примет вид

$$\lambda v \frac{\omega}{\sigma} \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) + \left(1 - \frac{v_1}{v}\right) c > \frac{(m+v)(c+v)}{m} (v-1) \quad \text{или}$$

$$\frac{c}{v} + \lambda \frac{\omega}{\sigma} > \left(\frac{c}{v} + 1\right) \left(1 + \frac{v}{m}\right) \frac{v-1}{1 - \frac{v_1}{v}}. \quad \text{Так как при перечисленных}$$

выше условиях $v = 1 + \frac{1}{r + m}$, то неравенство

$$\left(1 - \frac{v_1}{v}\right) (v + m - \lambda v)^{-1}$$

может быть приведено к виду

$$1 - \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v} \frac{1}{1 - \lambda}} = \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}} \left(\frac{c}{v} + \lambda \frac{\omega}{\sigma} \right) > \frac{c}{v} + 1$$

Так как заключенное в квадратные скобки выражение меньше 1, то при $\lambda \frac{\omega}{\sigma} < 1$, неравенство становится невозможным.

Для большинства λ оно может быть принято равным $\frac{3}{4}$ (от 0,6 до 0,9), тогда приведенное выше неравенство становится невозможным, если $\frac{\omega}{\sigma} < \frac{4}{3}$. Иными словами, для рассматриваемого типического случая падение нормы прибыли не имеет места, пока отношение средних периодов оборота основного и оборотного капитала не достигает известной величины, напр., $\frac{4}{3}$ года.

Далее при $\lambda \frac{\omega}{\sigma} > 1$ будем иметь

$$1 - \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v} \frac{1}{1 - \lambda}} = \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}} \left[\lambda \frac{\omega}{\sigma} - 1 \right]$$

$$\frac{c}{v} < \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v} \frac{1}{1 - \lambda}} + \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}}$$

Обозначим для краткости $1 - \frac{1}{1 + \frac{m}{v} \frac{1}{1 - \lambda}} = \frac{1 - \frac{v_1}{v}}{1 + \frac{m}{v}}$ через F .

При $\frac{\omega}{o} < \frac{1}{\lambda} \cdot \frac{1}{F}$ это неравенство становится невозможным, так как тогда $\frac{c}{r}$ должно быть меньше отрицательной величины, что невозможно. При этом условии также не имеет места падение нормы прибыли.

Падение нормы прибыли наступит, следовательно, лишь при условии $\frac{\omega}{o} > \frac{1}{\lambda} \cdot \frac{1}{F}$. Напротив при $\frac{\omega}{o} < \frac{1}{\lambda} \cdot \frac{1}{F}$, или, принимая $\lambda = \frac{3}{4}$ при $\frac{\omega}{o} < \frac{4}{3F}$, иными словами, пока $\frac{\omega}{o}$ не достигнет величины $\frac{4}{3F}$ будет иметь место повышение нормы прибыли.

Так при $\frac{m}{r} = \frac{1}{10}$, $\lambda = \frac{3}{4}$, $1 - \frac{v_1}{r} = \frac{1}{100}$ получим в качестве условия падения нормы прибыли $\frac{\omega}{o} > 4,7$.

При $\frac{m}{r} = \frac{1}{6}$, $\lambda = \frac{3}{4}$, $1 - \frac{v_1}{r} = \frac{1}{100}$ получим в качестве условия падения нормы прибыли $\frac{\omega}{o} > 3,3$. При $\frac{m}{r} = \frac{1}{5}$ и $\lambda = \frac{3}{4}$ получим в качестве такого условия $\frac{\omega}{o} > 3,0$. При $\frac{m}{r} = \frac{1}{4}$, $\lambda = \frac{3}{4}$, $1 - \frac{v_1}{r} = \frac{1}{100}$ получим соответственно $\frac{\omega}{o} > 2,7$.

Между тем при таких низких уровнях развития капитализма $\frac{\omega}{o}$ едва ли достигает таких размеров²⁾.

$$2) \text{ При дополнительном условии } \frac{c}{r} < \frac{F \cdot \lambda \cdot \frac{\omega}{o} - 1}{1 - F}$$

Если взять тот же типический случай, но принять во внимание и изменения средних периодов оборота, то вместо неравенства $\frac{1 - \frac{v_1}{r}}{r - 1} \cdot \frac{1}{1 + \frac{r}{m}} \left(\frac{c}{r} + \lambda \frac{\omega}{o} \right) > \frac{c}{r} + 1$ получим другое

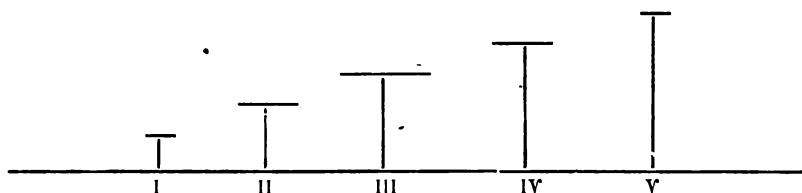
$$\frac{1 - \frac{v_1}{r}}{r - 1} \cdot \frac{1}{1 + \frac{r}{m}} \left[1 - \frac{1 - \frac{o'}{o}}{1 - \frac{v_1}{r}} \left(1 - \frac{\frac{\omega'}{o} - \frac{o'}{o}}{1 - \frac{o'}{o}} \cdot \frac{\frac{c}{r}}{\lambda \frac{\omega'}{o} + \frac{c}{r}} \right) \right] \left(\frac{c}{r} + \lambda \frac{\omega'}{o} \right) > \frac{c}{r} + 1$$

При низком уровне развития капитализма $\frac{c}{o}$ представляет собой небольшую дробь (напр. $\frac{1}{10}$ и меньше) и выражение, взятое в квадратные скобки, меньше 1. Поэтому рассматриваемое неравенство удовлетворяется лишь при еще больших размерах отношения $\frac{\omega}{o}$, чем те, какие выведены в тексте.

Напротив того, например, при $\frac{m}{v} = 1$; $\lambda = \frac{3}{4}$ и $1 - \frac{v_1}{v} = \frac{1}{100}$ получим $\frac{\omega}{\phi} > 1,7$, что осуществляется безусловно. При $\frac{\omega}{\phi} = 30$ получим, кроме того, $\frac{c}{v} < 82$, что также, несомненно, имеет место.

Словом, для рассматриваемого типического случая условием падения нормы прибыли является повышение отношения средних периодов оборота основного и оборотного капитала $\frac{\omega}{\phi}$ до известной величины, т.-е. известный достаточно высокий уровень развития капитализма.

Итак, поскольку мы рассматриваем движение нормы прибыли под воздействием одного лишь прогресса техники, оно должно иметь вид, иллюстрируемый следующей диаграммой:

(Здесь вертикальные черты изображают высоту уровня развития капитализма, горизонтальные — размер нормы прибыли ¹⁾).

Если рассматривать только развитой капитализм (то, чему на чертеже соответствуют столбики III, IV, V), то получим падение нормы прибыли. Если рассматривать все движение в целом, будем иметь сначала подъем, затем падение.

Подведем теперь итоги нашему рассмотрению (в котором движение нормы прибыли рассматривается исключительно под воздействием прогресса техники, и под прогрессом техники понимается только замена живого труда мертвым).

I. Изменение нормы прибыли, ее падение или ее повышение, в каждом отдельном случае применения прогресса техники в той или иной отрасли капиталистического производства определяется тем, превышает ли или не достигает определенной для каждого случая прогресса техники (зависящей как от исходных условий, так и от вызванных прогрессом техники изменений в них) величины, то отношение, в котором увеличение издержек производ-

¹⁾ Суть дела здесь в том, что кривая движения нормы прибыли по мере повышения уровня развития капитализма дает один максимум.

ства в связи с увеличением постоянного капитала в тех отраслях, где имел место прогресс техники, стоит к уменьшению издержек производства в связи с сокращением в них же переменного капитала.

2. Движение нормы прибыли носит колебательный характер: понижение и повышение нормы прибыли беспорядочно сменяют друг друга, в зависимости от конкретных особенностей каждого отдельного случая применения прогресса техники.

3. В движении нормы прибыли существуют, однако, преобладающие тенденции: для капитализма на низших ступенях его развития преобладающая тенденция нормы прибыли — к повышению; для капитализма на высших ступенях его развития преобладающая тенденция нормы прибыли — к падению.

Таков закон движения нормы прибыли под воздействием прогресса техники.

(Продолжение следует)

Л. Крицман

ПРОБЛЕМА ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАВНОВЕСИЯ ПРИ КОНКРЕТНОМ КАПИТАЛИЗМЕ И В СОВЕТ- СКОЙ СИСТЕМЕ ¹⁾

Во 2-м томе «Капитала» Маркс сначала дает анализ простого воспроизводства при чистом капитализме, т.-е. при такой системе хозяйства, когда капитализм подчинил себе и промышленность и земледелие, вытеснил все докапиталистические формы и стал не господствующей только, а единственной формой производства в обществе. Анализируя условия равновесия именно чистого, абстрактного капитализма, Маркс в этой области исследования применял свой обычный методологический прием, которого он держался во всех своих экономических трудах. Начал же он именно с простого воспроизводства потому, что при простом воспроизводстве равновесие между отраслями производства средств производства и производства средств потребления теоретически фотографируется с наибольшей отчетливостью, ибо здесь равновесие в обмене ценностей принимает форму математического равенства.

Выяснив на анализе простого воспроизводства, которое в реальной жизни может существовать лишь как исключение, самую важную часть проблемы, а именно равновесие между обменом средств производства из первого подразделения на средства потребления из второго, что в ценностном отношении означает обмен без остатков $m + v$ первого подразделения на c второго подразделения, Маркс приступает далее к гораздо более сложной проблеме расширенного производства при чистом капитализме, когда вся система находится в движении и когда теоретически мыслимых и фактически наблюдающихся возможностей диспропорции несравненно больше, чем при простом воспроизводстве. При том же самом размере капитала в обществе и при тех же прочих равных условиях (органический состав капитала, уровень эксплуатации) здесь необходима уже совершенно иная расстановка производительных сил. Она должна, кроме того, меняться еще при малейшем колебании в ту или иную сторону самого темпа накопления. Сокращающийся темп накопления, тот же темп накопления или растущий темп накопления требуют особых пропорций в распределении капитала за счет перегруппировок и изменений в других условиях воспроизводства.

¹⁾ Глава из второго тома работы „Новая экономика“.

Но в своем анализе простого и расширенного воспроизводства Маркс, как известно, нигде не покидает почвы чистого капитализма. Между тем экономисту, при исследовании реального капитализма и условий его равновесия, приходится применять научные открытия Маркса в условиях переплетения капиталистического воспроизводства с воспроизводством в простом товарном хозяйстве. Это, с одной стороны, несомненно усложняет всю проблему, поскольку при таком исследовании приходится ввести, кроме Марксовых, еще два подразделения для докапиталистических форм хозяйства и рассматривать условия равновесия между четырьмя рядами цифр. Но, с другой стороны, анализ смешанного капиталистического и докапиталистического воспроизводства встречается и с некоторым упрощением проблемы, поскольку, например, при простом воспроизводстве в мелкобуржуазном секторе хозяйства весь продукт делится только на две части, т.е. на потребляемый доход самих мелких производителей, с одной стороны, и на возмещаемую часть постоянного капитала ¹⁾, с другой. Наоборот, при расширенном воспроизводстве в простом товарном хозяйстве анализ снова усложняется, поскольку здесь нельзя оставаться на базисе известного постоянства ценности рабочей силы, ибо прибавочный продукт мелкого производства может идти не только на расширение производства, но и на расширение потребления самих самостоятельных производителей в размерах, лишь косвенно регулируемых законом ценности рабочей силы, равно как и недопотребление может далеко опускаться вниз от уровня средней заработной платы рабочих.

Разумеется, и при анализе воспроизводства конкретного капитализма мы не можем сделать ни одного шага, не опираясь на данный Марксом анализ воспроизводства при чистом капитализме. А, с другой стороны, без анализа равновесия при конкретном капитализме, т.е. без анализа равновесия между капиталистическим и мелким самостоятельным товарным производством, нам будет очень трудно изучить равновесие в хозяйственной системе СССР, где в условиях товарного обмена переплетаются три формы воспроизводства: простое товарное хозяйство, капитализм и государственное хозяйство пролетариата. Конкретный опыт изучения равновесия в нашей системе хозяйства приводит к убеждению, что к решению проблемы легче всего подойти после исследования более простых форм равновесия в смешанном капиталистическом хозяйстве. Это требуется не педагогическими соображениями только, но соображениями удобства изложения, но и существом самого вопроса.

В теоретической части настоящей темы мы рассмотрим пять основных проблем: 1) проблему простого воспроизводства при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства; 2) расширенное воспроизводство при чистом капитализме в условиях роста органического состава капитала; 3) расширенное воспроизвод-

¹⁾ Слово „капитал“ по отношению к средствам производства самостоятельного мелкого производителя мы употребляем условно лишь для упрощения, потому что согласно терминологии Маркса это не есть капитал.

ство при конкретном капитализме, т.-е. в условиях переплетения капиталистического производства с мелкобуржуазным; 4) снижающееся воспроизводство в условиях той же экономики; 5) равновесие при расширенном воспроизводстве в хозяйстве СССР.

Я намерен остановиться на четырех первых вопросах лишь в самых общих чертах, отнюдь не претендуя затронуть всю массу возникающих при этом интересных проблем, потому что конечной целью исследования остается чисто конкретный анализ живой и развивающейся советской экономики, со всеми относящимися сюда конкретными фактами и цифрами.

Простое воспроизводство при смешанной экономике капитализма и простого товарного производства

Прежде, чем приступить к исследованию этой проблемы, сделаем пару методологических замечаний.

При анализе проблемы пропорциональности при простом воспроизводстве в чистом капитализме Маркс оперирует двумя подразделениями: первым—для производства средств производства, вторым—для производства средств потребления. Необходимо ли для анализа пропорциональности при смешанной форме вводить новые подразделения, т.-е. подразделения для сектора простого товарного производства?

На этот вопрос необходимо ответить положительно и вот почему. Если бы можно было производство средств производства в мелкобуржуазном хозяйстве просто присоединить к первому подразделению капиталистического сектора, а производство средств потребления ко второму подразделению этого сектора, то это предполагало бы заранее, что вся смешанная форма, с точки зрения условий равновесия, не представляет ничего нового в сравнении с условиями равновесия, уже анализированными Марксом. Мы имели бы тогда перед собой простое арифметическое увеличение обоих подразделений, при сохранении условий равновесия, обязательных для простого капиталистического воспроизводства. Однако такая предпосылка является неправильной.

Во-первых, при простом капиталистическом воспроизводстве валовой годовой продукт делится на $C + V + M$, т.-е. на возмещаемый постоянный капитал, заработную плату и прибавочную ценность, тогда как в мелкобуржуазном секторе при простом воспроизводстве годовой продукт делится лишь на постоянный капитал и на потребляемый доход мелких производителей. Этот доход лишь условно можно называть V , потому что этот доход не регулируется полностью законом ценности рабочей силы. Таким образом прибавочной ценности, потребляемой капиталистами, не противостоит соответствующей величины в схемах мелкого производства, а противопоставление V капиталистического сектора потребляемому доходу мелких производителей также является условным. Это обстоятельство, вместе с отмеченными выше особенностями фонда потребления мелких производителей, оказывает существенное влияние на всю совокупность условий равновесия в смешанной форме хозяйства в целом. Мы не говорим уже о тех изменениях,

которые связаны с тем обстоятельством, что мелкое производство обыкновенно не является полностью и целиком товарным производством; оно часто не порвало еще в конкретной экономике с пуповиной натурального хозяйства. Для конкретного исследования это имеет огромное значение, хотя здесь, в данной стадии этого исследования, мы исходим из предпосылки, что дело идет о мелком производстве, полностью работающем на рынок, с подчинением процесса производства, и обмена, поскольку он увязан с рынком, закону ценности.

Надо иметь в виду также и резкое различие между органическим составом капитала капиталистического сектора и тем соотношением между постоянным капиталом (в условном смысле) и V (в условном смысле) простого товарного производства; при господствующей роли крупного производства в конкурирующих областях, это делает неизбежным неэквивалентный обмен с точки зрения затрат труда в мелком производстве.

Далее, только при построении параллельных схем для капиталистического, с одной стороны, и простого товарного производства, с другой можно лучше уяснить себе все процессы, связанные с расширенным воспроизводством смешанной системы, динамику вытеснения мелкого производства крупным при сохранении подвижного равновесия во всей экономике, а, с другой стороны, можно легче подойти к основным закономерностям снижающегося воспроизводства.

Можно было бы, казалось, упростить все исследование, вводя в анализ только ту часть товарной продукции мелкого производства, которая участвует в обмене ценностей с капиталистическим сектором хозяйства, потребление же в натуральной форме и внутренний обмен в секторе мелкого производства оставить без рассмотрения. Но это упрощение, неудобное для анализа смешанной системы с огромным преобладанием мелкого производства, во всех остальных случаях означало бы отказ от исследования ближайших причин, которые определяют рост или ослабление связи мелкого производства с капиталистическим, отказ исследовать более глубоко условия пропорциональности во всей системе хозяйства и в особенности предпосылки диспропорции, которые прорываются в реальной экономике на поверхность лишь в результате ряда новых явлений не только в капиталистическом, но и мелкобуржуазном секторе хозяйства.

Наконец, надо иметь в виду при анализе равновесия при реальном капитализме в условиях и простого и расширенного воспроизводства еще следующее существенное обстоятельство. В своем анализе этого процесса Маркс исходил из предпосылки, что «отклонение цен от стоимостей... не может оказать какого-либо влияния на движение общественного капитала. При этом обменивались бы в общем итоге прежние количества продуктов, хотя отдельным капиталистам при этом достались бы доли стоимости, уже непропорциональные их соответственным авансированиям и тем массам прибавочной стоимости, которые произведены каждым из них в отдельности» ¹⁾. Это предпо-

¹⁾ Капитал, т. II, стр. 368, перевод Степанова.

ложение Маркса совершенно правильно, поскольку дело идет о замкнутом круге чистого капитализма; наоборот, когда дело идет об обмене веществ между капиталистическим и мелкобуржуазным секторами хозяйства, то вопрос об отклонении цен от ценностей, прежде всего вопрос о систематическом отставании цен на продукцию мелкого производства в сравнении с реальными трудовыми затратами в нем, как и вопрос о конъюнктурных изменениях в этой сфере имеет уже совсем иное значение. Здесь дело идет не о перераспределении внутри одного сектора, а о перераспределении между двумя секторами, представляющими исторически и экономически два различных типа организации человеческого труда. Здесь нельзя уже обойтись при конкретном анализе без исследования отклонения цен от ценностей. В этом новое различие в методе анализа равновесия при конкретном и при абстрактном капитализме.

Возьмем сначала Марксову схему простого воспроизводства при чистом капитализме и затем превратим ее в схему воспроизводства при конкретном капитализме.

Во втором томе «Капитала» Маркс говорит:

«Весь продукт, а следовательно и все производство общества распадается на два больших подразделения: 1) средства производства, товары, имеющие форму, в которой они должны войти или по меньшей мере могут войти в сферу производительного потребления; 2) средства потребления, товары, имеющие форму, в которой они входят в сферу индивидуального потребления класса капиталистов и рабочего класса.

В каждом из этих подразделений совокупность различных, относящихся к тому или иному из них, отраслей производства, составляет одну единственную большую отрасль производства: в одном случае отрасль производства средств производства, в другом — средств потребления. Весь капитал, применяемый в каждой из этих двух отраслей производства, образует особое крупное подразделение общественного капитала» ¹⁾.

В качестве цифрового примера Маркс берет следующие величины прилагаемого капитала и годового воспроизводства:

- I) $4000 c + 1000 v + 1000 m = 6000$ средств производства
 II) $2000 c + 500 v + 500 m = 3000$ средств потребления

Следовательно, в этой схеме прилагаемый капитал в первом подразделении равен $4000 c$, т. е. постоянного капитала, плюс $1000 v$, т. е. переменного капитала, идущего на заработную плату. Во втором подразделении применяемый капитал равен $2000 c + 500 v$.

Новый продукт с точки зрения класса капиталистов равен всей прибавочной ценности, т. е. $1000 + 500$.

Новый продукт с точки зрения общества равен 3000 и составляет фонд потребления капиталистов 1500 и фонд потребления рабочих 1500.

¹⁾ Капитал, т. II, стр. 369—370, перевод Степанова.

Основная закономерность, открытая Марксом, при анализе простого воспроизводства и составляющая его величайшую теоретическую заслугу, состоит в том, что равновесие при простом воспроизводстве, т.-е. когда весь новый продукт потребляется целиком и накопление не имеет места, требует равенства $v + m$ первого подразделения с C второго подразделения. Это значит, что та часть годового продукта первого подразделения, которая по ценности равна $V + M$ этого подразделения, а в своей вещественной форме состоит из различного вида средств производства (машины, сырье, топливо, идущие на производительное потребление и т. д.), должна непременно равняться C второго подразделения, т.-е. ценности тех средств потребления, которые второе подразделение продает первому, давая тем возможность первому на ту же сумму продать второму подразделению средств производства, идущих на возмещение c II.

Предположим, теперь, что мы имеем дело не с чистым капитализмом, а с капитализмом конкретным, т.-е. что часть товаров в обществе производится в условиях простого товарного хозяйства. Предположим далее, что валовой продукт сектора мелкого производства равен валовому продукту капиталистического сектора, но, разумеется, при ином ценностном соотношении между воспроизводимыми средствами производства и потребляемой частью валового продукта, потому что здесь условно называемый нами постоянный капитал вследствие низкого уровня техники должен быть относительно, а при взятых цифрах, и абсолютно меньше, чем в капиталистическом секторе. Наконец, мы должны, разумеется, предположить, что сектор простого товарного производства находится в состоянии непрерывного обмена веществ с капиталистическим сектором по линии обмена средствами потребления, что соответствует, как правило, типичным внутривладельческим отношениям реального капитализма там, где мелкое производство полностью подчинено рыночным отношениям.

Цифровая схема Маркса, уменьшенная до 8250 годового производства, будет, при таких условиях, выглядеть примерно следующим образом (подразделения капиталистического сектора мы в интересах сокращения обозначаем буквой K , подразделения докапиталистического сектора буквой D ; точно так же ценности, получаемые путем обмена в сектор K из сектора D будем называть d и наоборот).

$$\begin{array}{l} \text{I } K \text{ 4000 } c \text{ (3725 } k + 250 \text{ } d) + 1000 \text{ } v + 1000 \text{ } m \text{ (1000 } d + 1000 \text{ } k = v + m \text{ } K \text{ I)} \\ \text{II } K \text{ 1500 } c \text{ (1000 } k + 500 \text{ } d) + 375 \text{ } v + \frac{375 \text{ } m = 2250}{8250} \end{array}$$

$$\begin{array}{l} \text{I } D \text{ 750 } c \text{ (500 } d + 250 \text{ } k) + 1500 \text{ (1000 } d + 500 \text{ } k) = 2250 \text{ } v \\ \text{II } D \text{ 2000 } c \text{ (1000 } d + 1000 \text{ } k) + 4000 \text{ (фонд потребления)} = 6000 \\ \hline 8250 \end{array}$$

Здесь перед нами схема хозяйственного равновесия при простом воспроизводстве в условиях конкретного капитализма, т.-е. при су-

1) В этом примере, в отличие от дальнейших, мы в обоих подразделениях докапиталистического сектора берем одинаковое отношение между фондом потребления и постоянным капиталом, т.-е. в отношении 1 к 2.

ществовании простого товарного производства на ряду с капиталистическим. Вопрос о неравенстве фактических трудовых затрат при обмене меновых равноценностей мы оставляем в стороне. Точно так же для упрощения мы не вводим внутреннего обмена между той частью товаров обоих вторых подразделений, которая идет на потребление.

Какие выводы позволяет сделать анализ приведенной схемы?

Прежде всего бросается здесь в глаза тот факт, что при конкретном капитализме для равновесия всей системы в условиях простого воспроизводства не только не требуется, чтобы в капиталистическом секторе $M + V$ первого подразделения равнялись C второго, но что, наоборот, как правило здесь всегда будет неравенство.

Второй вывод заключается в том, что во всем хозяйстве, взятом в целом, $M + V$ первого подразделения капиталистического сектора, вместе с потребляемым доходом первого подразделения мелкобуржуазного сектора (в нашем примере $1000v + 1000m$, $1K$, плюс 1500 сектора D), равняется постоянному капиталу C второго подразделения капиталистического сектора 1500 , плюс стоимость воспроизводимых средств производства мелкобуржуазного сектора 2000 . Таким образом установленное Марксом равенство пропорций обмена между первым и вторым подразделением для чистого капитализма ($M + VI = CII$), необязательное теперь для капиталистического сектора, принимает форму аналогичного равенства для всего хозяйства в целом, поскольку производство средств производства обоих секторов берется как одно подразделение, производство потребления в них—как второе.

Посмотрим теперь, почему получается тот и другой результат.

В капиталистическом секторе равенства $M + VI = CII$ было бы равно $CII = K$ только при одном единственном условии, а именно: когда обмен мелкобуржуазного сектора с капиталистическим происходил на основе равенства пропорций взаимного обмена внутри производства средств производства, с одной стороны, внутри производства средств потребления обоих секторов, с другой. Иными словами: $CIIK$ сбывается в CII на 100 или допустим на 200 и точно на такую же сумму получает обратно средств производства другого типа. Также должно обстоит дело и с внутренним обменом между вторыми подразделениями обоих секторов. Совершенно очевидно, что в этом случае равенству $M + VI = CII$ должно в мелкобуржуазном секторе соответствовать равенство стоимости потребляемого дохода первого подразделения стоимости средств производства второго. Но такое совпадение пропорций может быть лишь совершенно случайным и совсем нехарактерным для экономики реального капитализма. И, наоборот, является отнюдь не случайным то обстоятельство, что как только нам приходится строить пропорции для реального капитализма, т. е. для смешанной капиталистической и мелкобуржуазной экономики, то, оставаясь на почве арифметических цифр Марксовой схемы для первого подразделения, приходится непременно изменить их для второго. Если же оставаться на почве цифр второго, то надо

изменить размер производств в первом, что разумеется соответствует, как это будет видно ниже, другой технической структуре всей экономики общества.

Но если в IK размеры $M + V$, представляющие из себя в вещественном отношении средства производства, не могут полностью обменяться на CII , т.е. на предметы потребления второго подразделения капиталистического сектора, идущие на возмещение постоянного капитала в $II K$, то равновесие может быть установлено лишь привлечением к обмену IID . Иными словами, первое подразделение капиталистического сектора сбывает средства производства не только в II своего же сектора, но и в IID , т.е. в данном случае, наприм., в крестьянское хозяйство, производящее средства потребления, и в свою очередь дает этому крестьянскому хозяйству ту часть средств производства, например, сельскохозяйственных машин, искусственных удобрений и т. д., которыми не может его снабдить полностью мелкобуржуазное подразделение средств производства.

Совершенно так же, как увидим ниже, будет обстоит дело в смысле установления равновесия, если не $M + VI$, а CII не сможет полностью обменяться на $M + VI$ и дефицит на средства производства будет покрывать из реализуемого дохода ID , имеющего натуральную форму средств производства мелкобуржуазного происхождения (допустим, крестьянское сырье, как лен, хлопок, кожи, как мелкий ремесленный ремонт и т. д.), давая в обмен средства потребления фабричного производства (допустим, мануфактуру, сахар и т. д.).

Что касается неизбежности равенства для всего хозяйства обменных пропорций между той частью производства средств производства обоих секторов, которые обмениваются на средства потребления обоих вторых подразделений и между ценностью восстаиваемого постоянного капитала обоих вторых подразделений, то это равенство в условиях простого воспроизводства является обязательным для всякого хозяйства, с рыночной системой обмена, является ли оно мелкобуржуазно-капиталистическим, или представляет из себя смешанную товарно-социалистическую систему хозяйства нашего типа. Нарушение равенства при обмене указанных величин неизбежно будет обозначать либо недопотребление, либо неполное воспроизводство постоянного капитала, т.е. как раз нарушение основного условия простого воспроизводства.

Однако, при наличии смешанного хозяйства особое значение приобретает та часть мелкобуржуазного сектора, которая менее всего увязана в железные тиски пропорциональности всего общественного хозяйства: мы говорим о фонде потребления во втором подразделении мелкобуржуазного сектора. Собственно особенность этой части продукта, с точки зрения более слабой ее зависимости от обмена веществ во всем хозяйстве, ясна уже из Марксовых схем простого воспроизводства, но только во втором подразделении мелкобуржуазного сектора эта особенность наиболее заметна.

В самом деле. $500 I' + 500 M$ во втором подразделении у Маркса, это та часть средств потребления, которая создается в этом подраз-

делении и в нем же потребляется. Если мы предположим, что при том же размере CII , т.-е. при 2000, вследствие неурожая в капиталистическом земледелии, общая сумма годового производства средств потребления снижается с 3000 до 2800, то это должно привести либо к уменьшению 500 M до 300 M , либо к снижению и M и V в той или иной пропорции. В этом случае пропорциональная увязка между вторым и первым подразделениями не будет нарушена, раз товары второго подразделения будут расцениваться по стоимости производства типичного среднего года, а не по трудовым затратам на единицу продукта данного исключительного года. Однако снизить 500 V до 400 V весьма трудно потому, что в капиталистическом производстве фонд заработной платы имеет тенденцию колебаться вокруг стоимости рабочей силы во всей экономике и снижение должно, при прочих равных условиях, сильно ударить по M . Наоборот, в случае снижения $M + V$ в первом подразделении и при сохранении старого размера CI мы будем иметь не просто только снижение потребления в первом подразделении, но и невозможность воспроизвести полностью CII , т.-е. постоянный капитал второго подразделения, который может обменяться только на V и потребляемую капиталистами прибавочную ценность первого подразделения.

Если же мы возьмем фонд потребления IID , т.-е. второе подразделение мелкобуржуазного сектора, то в случае недопроизводства во всем IID , но при сохранении старых размеров воспроизводства средств производства фонд потребления может сжиматься без нарушения равновесия во всей системе точно так же, как и при расширении производства, допустим в результате хорошего урожая на крестьянских полях, фонд потребления может повыситься. И в том и в другом случае отклонение при известных условиях могут быть или ликвидированы или смягчены путем перегруппировки между личным и производительным потреблением внутри самого подразделения II .

Совсем другое положение создается при недопроизводстве в первом подразделении и капиталистического и мелкобуржуазного сектора, если мы, как и в первом случае, предполагаем, что воспроизводство постоянного капитала в KI и в DI остается прежним. Тогда, если вместо 1000 $V + 1000 M$ мы имеем, допустим, 900 $V + 900 M$, или 1000 $V + 800 M$, то дефицит на сумму 200, являющийся материально дефицитом на средства производства, приведет к невозможности воспроизвести на 200 постоянный капитал второго подразделения.

То же будет и при сокращении фонда потребления в первом подразделении мелкобуржуазного сектора. Здесь диспропорция не может быть ликвидирована внутри данного подразделения, она неизбежно переносится на CII обоих секторов и тем самым должна потянуть всю хозяйственную систему; мы будем иметь тогда не только недопотребление в данном году в первом подразделении, но и автоматически недопроизводство во вторых подразделениях обоих секторов вследствие сокращения постоянного капитала этих подразделений. Если практически этого можно легче избежать, по отношению

к той части *С II*, которая состоит из основного капитала, потому что основной капитал допускает часто полное его использование, без должных амортизационных затрат в данном году с тем, что дефицит будет пополнен в следующие годы (форма займа из собственного же фонда основного капитала), то по отношению к той части *С*, которая входит в оборотный капитал, как топливо и сырье, такая операция невозможна. Впрочем, и при переносе амортизационных затрат на следующие годы диспропорция хотя и будет смягчена, но, строго говоря, условия простого воспроизводства будут всеравно нарушены.

Отсюда, между прочим, читатель может видеть, почему хозяйственные диспропорции гораздо легче преодолеваются при быстром темпе расширенного воспроизводства и крайне медленно и болезненно излечиваются в том случае, если экономика страны приближается к уровню простого воспроизводства (например, современная Англия). Но к этому очень важному вопросу мы еще вернемся при анализе расширенного и снижающегося воспроизводства в конкретном капитализме.

Указанная нами неравномерность связи с целым у первого подразделения в сравнении со вторым и тот факт, что основной стержень пропорциональной зависимости в хозяйстве пролегает в области обмена средств производства на средства потребления, а не по линии внутреннего обмена в каждом подразделении, объясняют то обстоятельство, почему свой анализ капиталистического воспроизводства Маркс построил, исходя из деления применяемого совокупного общественного капитала и продукта годового производства на два вышеописанные подразделения. Разумеется, примененный Марксом метод анализа равновесия не является исчерпывающим всю проблему. Но он является единственно целесообразным, как фундамент дальнейшего более детального изучения проблемы равновесия в товарном хозяйстве. Такой детальный анализ, сопровождающий исследование ценностного равновесия обмена изучением вещественной стороны товарного обмена, особенно необходим при изучении равновесия в экономике конкретной страны и или по отношению к мировому хозяйству на определенном этапе его развития.

Из нашей схемы читатель может видеть, что обмен и внутри первого подразделения обоих секторов и внутри второго подразделения обоих секторов ничего не меняет в пропорциональности всего хозяйственного комплекса, если дело идет об обмене равноценностей, в одном случае состоящих в натуральной форме из средств производства, во втором — из средств потребления. Если первое подразделение капиталистического сектора обменивает, допустим, на 250 своих машин на 250 сырья из первого подразделения мелкобуржуазного сектора, то ценностная пропорциональность обмена во всем комплексе не будет нарушена, если будет обменено 300 на 300 или 350 на 350. Также обстоит дело и при взаимном обмене средств потребления одинаковой ценности между вторыми подразделениями капиталистического и мелкобуржуазного секторов. Здесь мы имеем примерно

тот случай, который дополнительно анализировал Маркс, занявшись проблемой распределения средств потребления между капиталистами и рабочими первого и второго подразделений с точки зрения деления всего фонда потребления на необходимые средства потребления и на предметы роскоши. Этот анализ показал, что различные пропорции обмена внутри общего фонда потребления не влияют на пропорциональность во всем хозяйстве, с точки зрения обмена ценностей между первым и вторым подразделениями. Дело изменится лишь в том случае, если обмен не будет эквивалентным и разница по балансу обмена должна будет изменить пропорции в обмене ценностей между двумя разными подразделениями.

Но так обстоит дело при ценностном анализе пропорциональности. Когда же мы имеем дело с анализом натурального состава товаров, вступающих в обмен, то даже и в первом случае на сцену выступает пропорциональность другого типа, а именно пропорциональность вещественного состава обмена. Это должно необычайно усложнить изучение конкретной экономики данной страны или всего мирового хозяйства, хотя без такого детального анализа на известной стадии их исследования обойтись невозможно.

Наконец, к числу наиболее очевидных закономерностей обмена между капиталистическим и мелкобуржуазными секторами в условиях простого воспроизводства относится тот факт, что итоговые суммы ценностей, идущих из первого сектора во второй и обратно, должны быть равны между собой. В данном случае 1750 равняется 1750. Неравенство по балансу обмена в этом случае неизбежно означало бы невозможность полностью обменять друг на друга все подлежащие обмену элементы, что привело бы в дальнейшем к недопроизводству, недопотреблению, а тем самым к нарушению самого принципа простого воспроизводства.

Выше, в нашей схеме конкретного капитализма, мы имели недопроизводство средств потребления в капиталистическом секторе на 750, что при наличии мелкобуржуазного сектора, означало возможность достижения пропорциональности путем обмена лишних средств производства первого подразделения капиталистического сектора на соответствующую сумму средств потребления из второго подразделения мелкобуржуазного сектора и соответствующее разбухание этого второго подразделения за пределы необходимого для самого мелкобуржуазного сектора. Совсем обратное положение мы получим, если мы будем иметь в капиталистическом секторе не перепроизводство средств производства, при дефиците на средства потребления, а недопроизводство средств производства при перепроизводстве средств потребления. В этом случае постоянный капитал второго подразделения капиталистического сектора не может быть полностью возмещен из $M + V'$ первого подразделения, и дефицит должен быть покрыт из первого подразделения, мелкобуржуазного сектора. В связи с этим и в мелкобуржуазном секторе должно произойти изменение в распределении производительных сил: производство в первом подразделении должно расшириться, во втором — сократиться.

Для иллюстрации этого процесса мы приведем здесь схему, где, по сравнению с Марксовой схемой, уменьшено производство в *IK*, в то время как производство в *II K* остается прежним. Вот эта схема, к которой мы прилагаем и первую схему, но без внутреннего обмена между аналогичными подразделениями обоих секторов.

Новая схема.

$$\begin{array}{rcl} I K & 3500 c + 875 v + 875 m & = 5250 \\ II K & 2000 c + 500 v + 500 m & = 3000 \\ \hline & & 8250 \end{array}$$

$$\begin{array}{rcl} I D & 1000 c + 2000 \text{ фонд потребления} & = 3000 \\ II D & 1750 c + 3500 \text{ фонд потребления} & = 5250 \\ \hline & & 8250 \end{array}$$

Прежняя схема.

$$\begin{array}{rcl} I K & 4000 c + 1000 v + 1000 m & = 6000 \\ II K & 1500 c + 375 v + 375 m & = 2250 \\ \hline & & 8250 \end{array}$$

$$\begin{array}{rcl} I D & 750 c + 1500 \text{ фонд потребления} & = 2250 \\ II D & 2000 c + 4000 \text{ фонд потребления} & = 6000 \\ \hline & & 8250 \end{array}$$

Сравнивая помещенную здесь в начале схему со второй схемой мы видим, как рост производства средств производства и сокращение производства средств потребления в капиталистическом секторе вызывают, при прочих равных условиях, сокращение производства средств потребления в мелкобуржуазном секторе и рост его первого подразделения.

Исторически, как мы увидим ниже, при развитии капитализма реальное движение шло иначе, а именно: рост первого подразделения капиталистического сектора, т. - е. капиталистическое производство машин, топлива, сырья и т. д., идет вместе с развитием капиталистического производства средств потребления, но при этом первое подразделение, вследствие повышения органического состава капитала, растет быстрее второго, в то время как накопление во втором имеет тенденцию расти быстрее. При этом роль мелкобуржуазного производства, в экономике общества, неуклонно сокращается отчасти абсолютно, и в гораздо большей степени относительно.

В самом деле, если мы возьмем первую приведенную здесь схему капиталистического сектора и сравним ее с соответствующей схемой чистого капитализма, в которой подразделение второе остается тем же, но растет производство средств производства, т.-е. сравним ее со схемой

$$\begin{array}{rcl} I & 4000 c + 1000 v + 1000 m \\ II & 2000 c + 500 v + 500 m \end{array}$$

то мы увидим, что здесь дефицит второго подразделения на 500 *C* покрывается развитием капиталистического производства средств

производства, т.-е. капитализм обходится без обмена между средствами потребления своего второго подразделения на постоянный капитал, производимый в первом подразделении мелкобуржуазного сектора. Это значит, что капиталистический сектор сам покрывает свой дефицит на средства производства, ликвидируя свою экономическую зависимость от мелкобуржуазного сектора¹⁾.

И наоборот, сравнивая вторую схему, имеющую дефицит на средства потребления, со схемой Маркса, мы видим, что в схеме Маркса капитализм достигает равновесия замкнутого круга путем такого развития капиталистического производства средств потребления, которое обеспечивает первому подразделению и средства потребления в нужном размере и рынок для сбыта средств производства внутри самого капитализма.

Исторически дело шло, разумеется, путем одновременного развертывания и той и другой тенденций. Охват капиталистическим производством области изготовления средств потребления увеличивает капиталистическое предложение этих средств потребления, а неизбежное при этом развитие *С II* создает рынок для первого подразделения, прежде всего, для тяжелой капиталистической промышленности.

Расширенное воспроизводство при чистом капитализме

Переходим теперь к более сложной, но в тоже время более интересной теме, т.-е. к проблеме пропорциональности при расширенном воспроизводстве. Прежде чем прямо перейти к анализу пропорциональности при реальном капитализме, нам приходится остановиться на исследовании расширенного воспроизводства при чистом капитализме, поскольку у Маркса все исследование этой проблемы обрывается на том месте, где продолжение его является абсолютно необходимым для понимания равновесия в экономике реального капитализма.

У Маркса анализ расширенного воспроизводства при чистом капитализме был выполнен лишь в основном, но не был закончен, поскольку все его схемы расширенного воспроизводства исходят из неизменности органического состава капитала в первом и втором подразделениях, т.-е. исходят из раз данного уровня техники. Между тем даже весьма абстрактный анализ чистого капитализма требует отображения в схемах равновесия процесса повышения уровня техники, что означает постоянное изменение органического состава капитала и в первом и во втором подразделениях, т.-е. относительное сокращение переменного капитала в сравнении с постоянным, при абсолютном увеличении и переменного и постоянного капиталов.

Чтобы показать, почему при анализе равновесия в развивающемся конкретном капитализме мы не можем исходить из двух

¹⁾ Пропорциональности вещественного состава обмена мы здесь не рассматриваем.

только подразделений капиталистического сектора, мы привели выше схему смешанного мелкобуржуазно-капиталистического производства. Теперь нам придется показать, почему является необходимым построить на других основаниях также и те схемы, которые относятся к проблеме равновесия чистого капитализма при расширенном воспроизводстве, но в условиях непрерывного изменения органического состава капитала.

Вот схема расширенного воспроизводства на пять лет, наиболее разработанная Марксом.

Исходная схема накопления характеризуется следующими цифрами:

$$\begin{array}{l} \text{I} \quad 4000 \, c + 1000 \, v + 1000 \, m = 6000 \\ \text{II} \quad 1500 \, c + 750 \, v + 750 \, m = 3000 \\ \hline \qquad \qquad \qquad 9000 \end{array}$$

В результате перестановок применительно к задачам расширенного воспроизводства Маркс строит для начала первого операционного года следующую схему

$$\begin{array}{l} \text{1 год в начале} \\ \text{I} \quad 4400 \, c + 1100 \, v + 500 \, (\text{фонд потребл.}) = 6000 \\ \text{II} \quad 1600 \, c + 800 \, v + 600 \, (\text{фонд потребл.}) = 3000 \\ \hline \qquad \qquad \qquad \text{Сумма } 9000 \\ \\ \text{1 год в конце} \\ \text{I} \quad 4400 \, c + 1100 \, v + 1100 \, m = 6600 \\ \text{II} \quad 1600 \, c + 800 \, v + 800 \, m = 3200 \\ \hline \qquad \qquad \qquad 9800 \\ \\ \text{2-ой год в конце} \\ \text{I} \quad 4840 \, c + 1210 \, v + 1210 \, m = 7260 \\ \text{II} \quad 1760 \, c + 880 \, v + 880 \, m = 3520 \\ \hline \qquad \qquad \qquad 10780 \\ \\ \text{3-ий год в конце} \\ \text{I} \quad 5324 \, c + 1331 \, v + 1331 \, m = 7986 \\ \text{II} \quad 1936 \, c + 968 \, v + 968 \, m = 3872 \\ \hline \qquad \qquad \qquad 11858 \\ \\ \text{4-ый год в конце} \\ \text{I} \quad 5856 \, c + 1464 \, v + 1464 \, m = 8784 \\ \text{II} \quad 2129 \, c + 1065 \, v + 1065 \, m = 4249 \\ \hline \qquad \qquad \qquad 13033 \\ \\ \text{5-ый год в конце} \\ \text{I} \quad 6442 \, c + 1610 \, v + 1610 \, m = 9662 \\ \text{II} \quad 2342 \, c + 1172 \, v + 1172 \, m = 4686 \\ \hline \qquad \qquad \qquad \text{Сумма } 14348 \end{array}$$

Уже при беглом взгляде на эту схему читатель видит, что равновесие в Марксовых схемах достигается следующим образом.

Для обоих подразделений Маркс оставляет неизменным соотношение между переменным и постоянным капиталом, т.е. оставляет неизменным органический состав капитала. Он далее оставляет неизменным уровень накопления в первом подразделении, принимая его равным половине всей прибавочной ценности этого подразделения. Зато для достижения равновесия при обмене возрастающего в этих условиях v и возрастающей половины m первого подразделения, идущей на потребление класса капиталистов, он вынужден накопление $C II$ приспособлять к этим величинам. Он вынужден поэтому маневрировать прибавочной ценностью II , оставляя для потребления капиталистам этого подразделения каждый раз такую величину, чтобы другая часть m , идущая в накопление, обеспечивала пропорциональный обмен возрастающего $C II$ на возрастающее $v + \frac{m}{2}$ плюс ежегодное возрастание v во втором подразделении.

Совершенно очевидно, что при таком расположении величин числовая схема Маркса не только вскрывает основные закономерности расширенного воспроизводства при чистом капитализме, при условии неизменности органического состава капитала, но и вскрывает, если можно так выразиться, арифметические закономерности самого числового примера.

В самом деле, равновесие, при сохранении вначале того же размера всего применяемого капитала и при сохранении того же органического состава капитала, может быть достигнуто и как раз обратным приемом. Можно неподвижной осью избрать не первое, а второе подразделение. Можно именно во втором подразделении всегда отделять в накопление постоянный процент, в данном случае половину прибавочной ценности, а прибавочную ценность первого подразделения иметь в качестве фонда маневрирования. Что это так, можно видеть на той же исходной цифровой схеме Маркса, если при перегруппировке капитала в начале нового операционного года за основу взять накопление половины прибавочной ценности не в первом, а во втором подразделении. Капитал в начале операционного года будет тогда распределен так:

$$\begin{array}{l} I \quad 4250 \text{ } c + 1062 \text{ } v + 688 \text{ фонд потребления } ^1) \\ II \quad 1750 \text{ } c + 875 \text{ } v + 375 \text{ фонд потребления} \end{array}$$

А в конце года будет получено:

$$\begin{array}{l} I \quad 4250 \text{ } c + 1062 \text{ } v + 1062 \text{ } m \\ II \quad 1750 \text{ } c + 875 \text{ } v + 875 \text{ } m \end{array}$$

И так далее.

Отсюда мы видим, что равновесие на основе неизменности накопления половины прибавочной ценности во II достигается тем, что капиталисты первого подразделения вынуждены больше потреблять

¹⁾ Здесь, как везде в дальнейшем по отношению к капиталистическому сектору, дело идет о фонде потребления класса капиталистов.

и меньше накапливать, чтобы второе подразделение имело рынок для сбыта предметов потребления и возможность накопления $C II$ в таком размере, в каком этого требует пропорция накопления во II . Положение здесь создается обратное тому, что мы имеем в Марксовой системе. В последней капиталисты второго подразделения накапливают меньше, чем потребляют, и этим обеспечивают возможность накопления половины m в первом подразделении. В нашей же схеме, наоборот, капиталисты первого подразделения потребляют больше, чтобы обеспечить накопление половины $M II$.

Совершенно очевидно, почему Маркс, при своих числовых примерах, неподвижной осью избирает первое подразделение, а не второе. Если приведенную здесь нами схему развить дальше на несколько лет вперед, то систематическое недонакопление в первом подразделении и более быстрое накопление во втором, вследствие более низкого строения капитала во втором, скоро должно будет поставить преграду для накопления во втором подразделении, тогда как в схемах Маркса равновесие может длиться в течение большего количества лет. Но зато Марксу приходится мириться с различными размерами потребления в первом подразделении в сравнении со вторым, вследствие чего через пять лет потребляемая прибавочная ценность в первом подразделении возрастет на 46,4%, тогда как во втором подразделении — на 79%. И в том и в другом случаях и первое и второе подразделения будут потреблять и накапливать в разных пропорциях, что, вообще говоря, при капитализме с его нивелирующими тенденциями, не может иметь места.

Но ни та, ни другая схемы не годятся также для иллюстрации капиталистического воспроизводства в условиях повышения органического состава капитала, следовательно, в условиях систематического вытеснения рабочих машиной, в условиях, когда хотя в абсолютных цифрах v растет и в первом и во втором подразделении, но растет при постоянном нарастании более быстрым темпом постоянного капитала обоих подразделений.

В самом деле, если взять Марксову схему первого года и предположить, что вследствие роста органического состава капитала $c I = 4450$ и $v I = 1050$, т.-е. что машина вытесняет часть рабочих, которые были бы наняты при неизменности органического состава капитала, то это немедленно должно вызвать нарушение равновесия и именно в том смысле, что относительно спрос первого подразделения на предметы потребления сократится в том размере, в каком часть добавочного капитала, которая пошла бы при неизменности органического состава капитала на увеличение v в размере 100, пойдет теперь на увеличение $C II$ только на 50. Тем самым, во-первых, второе подразделение стоит перед сокращением своего рынка в первом подразделении, а во-вторых, оно не в состоянии получить из первого подразделения нужные ему добавочные средства производства в соответствующей пропорции: если первое подразделение увеличивает на 50 из своей прибавочной ценности свой постоянный капитал, то второе подразделение недополучит средств производства

на соответствующую сумму для увеличения своего постоянного капитала.

Если же органический состав капитала в первом подразделении остается неизменным, но меняется во втором, т.-е., что отношение c к v во втором подразделении растет, то это будет означать, при прочих равных условиях, возрастание $C II$ за пределы возможности пропорционального обмена $C II$ на $v + \frac{m}{2}$ первого подразделения. Следовательно, спрос на средства производства, предъявляемые со стороны второго подразделения к первому, не будет полностью удовлетворен, что означает одновременно невозможность пропорционального увеличения емкости рынка в первом подразделении на предметы потребления, продаваемые вторым подразделением в первое.

Наконец, если органический состав капитала повышается сразу в обоих подразделениях, т.-е. и здесь и там увеличивается спрос на средства производства, то это будет означать нарушение равновесия с двух концов сразу. В первом подразделении $v + \frac{m}{2}$ хотя и будет расти, но будет расти медленнее, чем в схемах Маркса, исходящих из неизменности органического состава капитала, в то время как $C II$ будет расти быстрее вследствие систематического нарастания темпа увеличения c в сравнении с темпом увеличения v , если условия потребления капиталистов и в первом и во втором будут одинаковыми. Иными словами, тот канал пропорциональности, тот проход между Сциллой и Харибдой, через который надо протаскать в первое подразделение $C II$, будет относительно суживаться со стороны $v + \frac{m}{2}$ первого подразделения (хотя может абсолютно расти), тогда как груз $C II$ будет и относительно и абсолютно расти, при одновременном росте относительно и абсолютно $C I$.

Маркс не закончил своего исследования расширенного воспроизводства при чистом капитализме. Установив закон пропорциональности для простого воспроизводства, он обеспечил возможность анализа расширенного воспроизводства. Но расширенное воспроизводство он рассмотрел лишь в условиях неизменности органического состава капитала и без перенесения капитала из одного подразделения в другое. При продолжении своей работы он должен был бы неизбежно ввести и это новое осложняющее условие, без которого научный анализ проблемы остается незавершенным, хотя все данные для ее разрешения уже даны ¹⁾.

Таким образом, мы видим, что взятый Марксом в качестве исходного пункта числовой пример для расширенного воспроизвод-

¹⁾ Возможно, что в добытых тов. Рязановым photographиях со всех рукописей „Капитала“ мы найдем что-либо и на эту тему, поскольку в 2-й и 3-й тома „Капитала“, в том виде, как они изданы Энгельсом, не воспроизводят всего Марксова наследства в рассматриваемой области.

ства не годится для иллюстрации этого процесса в условиях повышения органического состава капитала. Но из сказанного уже можно видеть, в каком направлении необходимо сделать изменения в постановке отдельных частей капитала, а также и в других условиях задачи.

Если мы будем исходить из того, что органический состав капитала повышается и в том и в другом подразделении, то это будет означать: 1) относительное и абсолютное возрастание $C II$, т.-е. больший, чем при неизменности органического состава капитала, спрос второго подразделения на средства производства, изготовляемые в первом подразделении; 2) относительное сокращение

$V + \frac{M}{X}$ первого подразделения (у Маркса $\frac{M}{2}$). Надо, следовательно, нарастание $C II$, увеличивающееся и вследствие накопления, и на ту дополнительную сумму, которая связана с повышением техники и ростом C в отношении к V , обеспечить соответствующим нарастанием

$V + \frac{M}{X} I$, т.-е. ростом потребительского фонда I , имеющего до обмена на $C II$ натуральную форму средств производства (машин, топлива, сырья) и идущего в обмен на возрастающий $C II$, имеющий до обмена натуральную форму средств потребления, производимых во втором подразделении. При условии общего роста производства в обоих подразделениях, при условии общего увеличения вновь привлекаемой рабочей силы это может быть достигнуто лишь тем, что $V + \frac{M}{X} I$, сокращающееся относительно, в абсолютных цифрах растет и растет как раз в пропорции с абсолютным ростом $C II$. Можно строить числовой пример и с другого конца, а именно, чтобы нарастание $C II$ приспособлялось к $V + \frac{M}{X} I$. В переводе на язык реальных экономических отношений, в первом случае мы будем исходить из того, что рост первого подразделения определяется ростом $C II$, как своей рыночной базой, и производство машин совершенствующимися машинами делается в конечном счете для увеличения и технической рационализации $C II$, т.-е. для уменьшения расхода рабочей силы при выработке продуктов потребления. Во втором случае подчеркивается другая сторона процесса, а именно, что второе подразделение приспособляется к первому, приспособляется к размерам накопления в первом подразделении и не может получить на возрастание $C II$ больше, чем это обеспечивается в каждый данный момент на основе роста $C I$; иными словами, рационализация $C II$ должна иметь предпосылкой рационализацию $C I$, что вызывает необходимость определенного относительного сокращения V .

Но с какого бы конца мы ни подошли к проблеме, сокращение $C II$, за исключением временных колебаний и кризисов, невозможно, потому что такое сокращение противоречит самому условию

проблемы: ведь $C II$ должно расти и вследствие расширения воспроизводства, и вследствие повышения органического состава капитала.

Остается абсолютное увеличение $V + \frac{M}{X} I$, что при относительном сокращении V в сравнении с темпом нарастания $C I$ возможно лишь на основе ежегодного нарастания всей суммы общественного капитала, вложенного в средства производства, и притом возрастания, идущего более быстрым темпом, чем возрастание всего общественного капитала и тем более капитала, вложенного в производство средств потребления.

Что это так, мы легко убедимся, если разберем все возможные случаи изменения величины $V + \frac{M}{X} I$. Во-первых, надо констатировать, что перестановка величин между V и между $\frac{M}{X}$ ничего не меняет для данного года ¹⁾, поскольку сумма остается той же, между тем как все дело—именно в увеличении всей суммы в целом. Если мы предположим возможность изменения величины суммы, идущей в накопление, при том же размере капитала, вложенного в первое подразделение, а значит изменение и суммы, идущей на потребление, то совершенно очевидно, что увеличение накопления не только не решает задачи, а как раз, наоборот, создает еще большее нарушение равновесия, ибо отнятая в данном году от $\frac{M}{X}$ сумма гораздо в большей степени пойдет на увеличение $C I$, чем на увеличение $V I$.

В таком случае как будто бы решение будет заключаться в увеличении $\frac{M}{X}$ за счет накопления. Иными словами, каждый год капиталисты первого подразделения относительно потребляют все больше и больше в сравнении с капиталистами второго подразделения, и каждый год деление $m I$ производится с урезыванием доли накопления. Но совершенно очевидно, что равновесие на этой основе, возможное год, два, три, в дальнейшем должно привести к такому положению, когда замедленный рост, а в дальнейшем приостановка роста $V I$ должны вызвать замедление и приостановку роста всей суммы прибавочной ценности первого подразделения, т.-е. подрыв того источника, из которого вообще можно черпать и рост потребительского фонда капиталистов, и резервы для повышения органического состава капитала первого подразделения. Следовательно, этот метод не дает решения задачи на длительный срок, потому что разрушает самую предпосылку решения всей проблемы.

Остается, следовательно, один единственный выход, а именно абсолютный рост всего капитала I , более быстрый, чем во II , если

¹⁾ Мы говорим для данного года, и. ч. вообще увеличение v за счет доли, потребляемой капиталистами, в следующие годы должно увеличить расширенное воспроизводство средств производства.

только оставлять без изменения соотношение между размерами накопления и потребления капиталистов. Но при раз данных исходных величинах капитала в первом и во втором подразделениях это возможно лишь на основе перегруппировки, проводимой за счет второго подразделения. А это в свою очередь приводит нас к тому положению, что при сохранении того же соотношения между потребляемой и накапливаемой частями прибавочной ценности и при более низком строении органического состава капитала во втором подразделении в сравнении с первым решение всей задачи нельзя найти на основе такого расположения капитала в *I* и *II*, которое из года в год приводило бы к автоматическому установлению пропорциональности. Следовательно, само условие задачи требует систематической перекачки капитала из второго подразделения в первое.

Но, быть может, мы являемся рабами наших собственных арифметических примеров? Разве не может быть такого расположения капитала между первым и вторым подразделением с самого начала, когда численный перевес капитала в первом подразделении настолько больше объема капитала во втором подразделении, что равновесие будет достигаться не путем перенесения капитала из второго подразделения в первое, а наоборот. С этой точки зрения в числе прочих арифметических примеров, которыми Маркс иллюстрирует свои положения о расширенном производстве при чистом капитализме, для нас имеет особый интерес последний его числовой пример, приводимый им в главе второго тома «Капитала», посвященной накоплению и расширенному воспроизводству. Этот пример отличается от предыдущих его схем тем, что органический состав капитала во втором подразделении одинаково высок, как и в первом подразделении. В конце третьего года Маркс получает следующую цифровую схему:

$$\begin{array}{l} I \quad 5869 c + 1173 v + 1173 m \\ II \quad 1715 c + 342 v + 342 m \end{array}$$

Из этой схемы читатель видит, что $v + \frac{1}{2} M$ равняется 1.760, т.-е. на 45 больше, чем *II C*. Здесь равновесие может быть достигнуто лишь перенесением средств производства из первого подразделения во второе. Но если и при этой схеме мы включим новое условие, т.-е. повышение органического состава капитала в обоих подразделениях, то этот избыток в 45 может рассосаться как вследствие увеличения *C II*, так и вследствие относительного сокращения *V I*, связанного с увеличением *C I* в сравнении с Марксовой схемой. Через некоторое время и при данном числовом примере мы, вероятно, будем стоять перед тем же самым положением, с которым мы встретились при анализе первой схемы Маркса, т.-е. опять-таки с необходимостью переносить часть излишнего капитала из второго подразделения в первое. Это тем более так, что очень трудно представить себе такие пропорции распределения капитала при расширенном воспроиз-

водстве, когда с самого начала в первом подразделении имеется очень резкое увеличение воспроизводства по сравнению со вторым ¹⁾).

Следовательно, решение задачи мы должны искать путем установления для каждого нового года новых пропорций, обеспечивающих равновесие. Ибо если мы возьмем одно подразделение в качестве исходной базы и будем приспосабливать к нему, как к центру вращения, распределение капитала внутри второго подразделения, то это надолго не может дать решения проблемы. Поэтому мы должны в конце каждого года выделить из прибавочной ценности обоих подразделений сумму, необходимую для поддержания уровня производства прошедшего года, а остающуюся прибавочную ценность обоих подразделений, взятую вместе, распределить на основе условий пропорциональности нового года. В реальных условиях капиталистического развития дело происходит, приблизительно, следующим образом (если, разумеется, исключить периоды кризисов). За вычетом «нормальных» банкротств в обоих подразделениях, основной остов распределения капитала, как он сложился в предыдущий период, остается, а новый капитал, накопленный в предыдущий период путем новых эмиссий, путем выпуска акций и облигаций, распределяется ошупью, распределяется стихийно между различными отраслями на основе учета рыночной конъюнктуры в данном случае между первым и вторым подразделениями, и это новое распределение капитала в дальнейшем снова исправляется через рыночный механизм регулирования всей системы.

Против такого положения может быть сделано то возражение, что перенесение капитала из одного подразделения в другое невозможно потому, что этот капитал уже отложился в определенных видах товаров *in natura*, и нельзя перенести, например, средства потребления из второго подразделения в первое, если первое подразделение нуждается не в средствах потребления, а в средствах производства.

Можно показать, что это возражение имеет значение по отношению к тем видам основного капитала, которые уже функционируют в производстве. Перенести капитал, уже вложенный в железную дорогу, сделавшуюся излишней, на производство нефтяных двигателей или текстильных станков почти невозможно, если не переносить только металлический лом, кирпичи разобранных зданий и т. д. Но эта трудность существует и для перенесения капитала внутри каждого подразделения. Например, мыло, изготовленное в излишнем количестве, еще трудней превратить в мануфактуру, в сливочное масло и т. д., уголь превратить в шерсть и т. д. Однако экономика капитализма достаточно эластична и, при известных потерях в стоимости, она достигает решения всех этих проблем не путем превращения мыла в масло, а путем прежде всего иной перестановки рабочих сил, в сравнении с данным положением,

¹⁾ Разумеется, при более высоком органическом составе капитала во II, в сравнении с I, рост органического состава капитала не может обогнать роста перепроизводства в I. Но такая схема не соответствует реальным условиям капиталистического производства.

и путем использования товарных запасов и резервов основного капитала, непользуясь утилизирующегося в нормальное время, без чего никакое общественное хозяйство нормально функционировать не может. С этой точки зрения проблема перенесения нового капитала из второго подразделения в первое не является более сложной, раз все хозяйство ведется при наличии то возрастающих, то сокращающихся товарных запасов, то увеличивающегося, то сокращающегося использования наличного основного капитала. Ведь в данном случае дело идет лишь о технике перемещения капиталов, овеществленных в определенных товарах, через механизм денежного обращения. Исследователь здесь вовсе не связан фиксированными сроками, например, годовыми сроками, которые он сам устанавливает для своих схем. Эти схемы должны лишь иллюстрировать весь процесс и не должны делать исследователя пленником своих же собственных арифметических примеров. При ценностном анализе пропорций дело сведется лишь к потере определенного количества этих ценностей, вызываемой процессом перемещения капитала из одной отрасли в другую.

В самом деле. Посмотрим, как технически было бы возможно перенесение излишнего нового капитала из второго подразделения в первое для установления новых пропорций для следующего рабочего периода, следующего полугодия или нового операционного года. Допустим, в конце данного года новый капитал, идущий на расширение производства и подлежащий распределению на основе новых пропорций между *I* и *II*, равняется в первом подразделении 800, во втором подразделении—350. Допустим, рассасывание всего нового капитала в *I* в условиях повышения органического состава капитала и при старой пропорции роста потребления обеспечивает рассасывание 200 *С II*. При этом *V II* возрастает на 90. Остается разместить 60. В первое подразделение переносятся не все 60, а 60 минус некоторая величина, связанная с соответствующим увеличением производства, а значит и потребления, во втором подразделении. Если вычитаемое равно 10, то вся проблема сводится к рассасыванию в первом подразделении капитала в 50, излишнего для второго подразделения и имеющего натуральную форму средств потребления. Предполагая наличие то растущих, то сокращающихся запасов в нормальных условиях капиталистического развития, т.-е. в период некризисного сжатия оборота и производства, мы можем допустить, что средства потребления на 50 продаются на пополнение запасов для фонда потребления общества; полученные же за них деньги не возвращаются во второе подразделение, а в форме эмиссий увеличивают денежный капитал первого подразделения. Эти произведенные на запас средства потребления вместе со взятыми из запаса первого подразделения средствами производства и на основе более интенсивного использования основного капитала дают возможность приступить к добавочному расширению производства средств производства в первом подразделении. Это добавочное производство создает новый добавочный фонд средств производства, из которых одна часть в дальнейшем идет на пополнение уменьшенных запасов первого подразделения и для увеличения средств

производства, уже функционирующих в первом подразделении в результате предыдущего развертывания. С другой стороны, весь этот процесс во втором подразделении сведется к относительному уменьшению развертывания производства средств потребления и сокращенного возмещения $C II$ в сравнении с разбегом предыдущего года. В целом же мы будем иметь относительное сокращение и прилагаемого капитала и вырабатываемых средств потребления во втором подразделении и относительное увеличение применяемого капитала и эксплуатируемых рабочих сил в первом подразделении, с абсолютным и относительным увеличением производства средств производства.

Разумеется, не все средства потребления могут отойти в запас: скоро портящиеся средства потребления либо пропадут, либо будут проданы ниже ценности. Такая потеря некоторой части вновь созданных ценностей постоянно имеет место при неорганизованном производстве даже в некризисные периоды, как постоянно происходит и так называемое моральное изнашивание средств производства в условиях прогрессирующей техники.

Точно так же может происходить и процесс переноса капитала из первого подразделения во второе, хотя в этом случае трудности значительно меньше, и весь этот процесс требует от капитализма потери меньшего количества стоимости.

В самом деле. Если мы имеем перепроизводство средств производства, то это означает, что $V + \frac{M}{X} I$ более $C II$. Перенос капитала из I во II со стороны натурального состава капитала означает перенос средств производства. Но перенос средств производства как раз и необходим для II , потому что всякое увеличение производства во II означает прежде всего и больше всего увеличение $C II$. Второе подразделение как раз и получает тогда нехватавшие для него средства производства из I , покупаемые II на тот денежный капитал, который притечет в конечном счете из I во II . Проблема расширения производства во II сводится тогда к увеличению v из собственных ресурсов, т.-е. за счет сокращения потребляемой капиталистами II прибавочной ценности. Так как и во втором подразделении при развитом капитализме C всегда больше v , то перенос капитала из I в натуральной форме средств производства уже решает большую часть проблемы расширения производства во II . Добавочные рабочие, пуская в ход добавочные средства производства, создают добавочный фонд средств потребления как для пополнения товарных резервов, уменьшенных в начале процесса производства, так и на будущее время, а также для увеличения того фонда средств потребления, который должен служить для обмена на добавочные средства производства из первого подразделения, доводящих $C II$ до нормального уровня. Расширение производства именно в этих размерах разрешает проблему пропорциональности в рассматриваемом нами случае.

Мы рассмотрели проблему перенесения капитала в случае наиболее трудном технически и невыгодном экономически. Между,

тем, при капитализме, за исключением периодов острых кризисов, эта проблема решается гораздо проще. Оборудование предприятий в *I* и во *II* подразделениях редко бывает загружено полностью. Особенно это справедливо по отношению к тяжелой промышленности (стоит лишь взять среднюю за 10-летие недействующих доменных печей в Европе и Америке и т. д.). При наличии постоянного резерва основного капитала в *I* подразделении проблема переброски капитала из *II* в *I* сводится прежде всего к переброске оборотного капитала, в частности капитала на авансирование *I*, т. е. на средства потребления для добавочных рабочих *I*. Вообще надо заметить, что неиспользованность полностью основного капитала есть очень важный инструмент достижения пропорциональности производства при капитализме, не менее важный, чем, например, резервная армия промышленности.

При исследовании конкретного капитализма и особенно при изучении капиталистических кризисов мы сталкиваемся постоянно не только с перепроизводством во *II*, но гораздо чаще с перепроизводством средств производства. Кризис часто начинается как раз с перепроизводства в первом подразделении. Это означает, что в данном случае распределение общественного капитала, если отвлечься от условия распределения платежеспособного потребительского спроса, дало стихийно крен в сторону слишком большого развертывания *I*. Но если б даже из каждых десяти конкретных капиталистических кризисов восемь начиналось с перепроизводства в *I*, это несколько не противоречило бы той общей тенденции в распределении производительных сил, которое существует в капиталистической экономике при повышении органического состава капитала. Если взять среднюю кривую роста применяемого капитала в обоих подразделениях и среднюю роста всей суммы общественного капитала, то кривая нарастающего *II* будет лежать ниже, кривая нарастающего *I* выше, а кривая всего общественного капитала будет проходить где-то по середине. Здесь не надо никогда смешивать общую линию развития, общую тенденцию перемещения применяемого общественного капитала в смысле роста *I* за счет *II* с теми внешними формами, в которых протекает весь этот процесс. Внешняя форма проявления той или иной тенденции в капиталистическом обществе нередко имеет видимость как раз обратного процесса. В данном случае мы, повидимому, и имеем дело с таким положением. Как раз постоянная тенденция не только к абсолютному, но и относительному росту *I*, при технической трудности перенесения капитала из *II* в *I* и при более легком и более безболезненном перенесении капитала из *I* во *II*, должна приводить всегда к забеганию вперед расширенного воспроизводства именно в *I*, после чего выравнивание пропорций происходит на основе частичного отлива капитала из *I* во *II*. Повидимому, при стихийном развертывании капиталистического способа производства механически легче добиться резкого увеличения первого подразделения и осуществить затем коррективный перенос некоторой части капитала во *II*, чем каждые полгода, год и т. д. перескакивать через баррикады технических трудностей и потерь стоимости, связанных с переносом капитала из

II в *I*. Это тем более верно, что огромное большинство средств производства, например, все машинное оборудование, строительные материалы, многие виды топлива и сырья, допускают хранение возрастающих запасов в течение долгого времени, тогда как, наоборот, весьма значительная часть средств потребления, состоящая из предметов питания, не может выдерживать длительного хранения. Поэтому не будет парадоксальным утверждать, что трудности перенесения капитала из *II* в *I*, при постоянно нарастающей хозяйственной необходимости такого перенесения, как раз и могут приводить к более частому перепроизводству в *I*. Надо только при этом заметить, что отмеченный здесь факт освещает не все, а только одно из условий, в которых конкретно проходит процесс выравнивания пропорций в капиталистическом хозяйстве.

Кроме того, необходимо упомянуть еще об одном обстоятельстве. При нашем анализе мы все время исходили из того, что все товары продаются по их ценности. По отношению к длительному процессу развития, на протяжении которого колебание выравнивается и дело идет лишь об объяснении движения средней кривой, это методологически вполне правильно. Однако, если бы нужно было перейти к более детальному анализу всего процесса, тогда следовало бы рассмотреть также и действие механизма отклонения цен от ценностей, который регулирует всю систему распределения производительных сил. В этом случае более или менее длительный дефицит на средства производства может привести к перекачке некоторой доли денежного капитала из второго подразделения в первое, благодаря возрастанию цен на средства производства, с более или менее длительным отрывом цен от ценностей. Мы не останавливаемся здесь на этом процессе, чтобы не усложнять анализа общих условий равновесия при повышении органического состава капитала. Такой анализ необходим лишь при исследовании конкретной экономики какой-либо отдельной страны, либо при анализе отдельных участков мирового хозяйства в определенный момент.

Итак, при повышении органического состава капитала и в условиях более широкого строения капитала во втором подразделении перенесение части избыточного капитала из второго подразделения в первое есть общий закон развития производительных сил. Он проявляется совершенно независимо от того, что кризисы могут разрешаться чаще именно на основе временного перепроизводства в первом подразделении по тем ли причинам, на которые мы указали, или по другим причинам, которые установлены исследованиями капиталистических кризисов.

Теперь нам остается иллюстрировать весь этот процесс на числовом примере. Для того, чтобы разница в распределении общественного капитала в сравнении с Марксовыми схемами, т.-е. при включении этого нового условия, а именно роста органического состава капитала, была видна наиболее отчетливо, мы возьмем для

анализа Марксову же исходную схему накопления. Мы берем, следовательно, итог года, дающий следующие величины:

$$\begin{aligned} \text{I } 4.000 c + 1.000 v + 1.000 m &= 6.000 \\ \text{II } 1.500 c + 750 v + 750 m &= 3.000 \end{aligned}$$

Как мы уже сказали, Маркс для достижения равновесия берет в первом подразделении накопление, равное половине прибавочной ценности, а размеры накопления и потребления во втором подразделении приспособляет к первому. Вследствие этого капиталисты второго подразделения должны потреблять относительно гораздо больше, чем капиталисты I, накапливать же должны меньше, что, собственно говоря, ни при реальном, ни при чистом капитализме не может иметь места, как правило, на длительный срок.

Сделав перегруппировку, Маркс получает такую схему для начала нового операционного года:

$$\begin{aligned} \text{I } 4.400 c + 1.100 v + 500 \text{ (фонд потребления)} \\ \text{II } 1.600 c + 800 v + 600 \text{ (фонд потребления)} \end{aligned}$$

Иными словами, здесь во втором подразделении из прибавочной ценности в накопление идет не половина, как в первом, не половина от 750, а только 150, в то время как капиталисты потребляют значительно больше той нормы, которая существует для капиталистов первого подразделения. При этом органический состав капитала остается без изменения.

Наша схема, следовательно, должна внести изменения в эти два пункта. Во-первых, норма потребления должна быть одинакова в обоих подразделениях, а остающийся после этого, весь накопленный капитал общества должен идти на расширение производства. Во-вторых, схема должна отражать рост органического состава капитала. После всего сказанного выше совершенно очевидно, что эти две задачи при прочих равных условиях не могут быть выполнены без перенесения избыточного капитала из второго подразделения в первое, которое тогда должно всегда разворачиваться быстрее второго. Иначе технический прогресс не нашел бы своего экономического выражения при ценностном анализе.

Чтобы построить схему, удовлетворяющую этим двум условиям и воспроизводящую не только нарастание производственно занятого рабочего населения, но и рост техники, мы поступаем следующим образом с исходной схемой Маркса. Прежде всего, как и у Маркса, мы весь накопленный капитал первого подразделения обращаем на расширение производства в самом первом подразделении. Это отнюдь не произвольный прием. При повышении уровня техники первое подразделение не может развиваться только на основе собственных ресурсов, тем более, следовательно, для первого подразделения является необходимым использовать все собственные резервы накопления. В данном случае все 500 должны распределяться между C и V

первого подразделения. Первое приближение к искомой схеме даст поэтому для первого подразделения такое же распределение капитала, как и в схеме Маркса, т.е. $4.400\ c + 1.100\ v + 500$ (фонд потребления).

Теперь обратимся ко второму подразделению.

Часть прибавочной ценности, созданная в нем за год и идущая в накопление, как и в первом подразделении, должна равняться половине всей прибавочной ценности, т.е. в нашем примере эта цифра будет равна 375. Из этого нового капитала необходимо: 1) обеспечить такой уровень развертывания второго подразделения, который обеспечивает равновесие с накоплением, обеспеченным первому подразделению на основе его собственных ресурсов. Это значит, что $C\ II$ должно равняться $1.100 + 500$, т.е. равняться $V +$ фонд потребления капиталистов первого подразделения; 2) обеспечить повышение органического состава капитала в I и II , что означает дополнительное развертывание всего I ; 3) обеспечить дополнительное увеличение производства за счет остатка прибавочной ценности II .

В результате всех этих причин из нового капитала второго подразделения, равного 375, 100 идет на увеличение $C\ II$ в уровень с ростом $V +$ фонд потребления капиталистов I ; на 50 увеличивается вследствие этого переменный капитал во II , который теперь, при этом новом приближении к искомой схеме, должен быть равен $750 + 50 = 800$. Остается нераспределенным 225 прибавочной ценности II . Принимая рост органического состава капитала в 1% от постоянного капитала предыдущего года, мы получим тогда увеличение $C\ II$ на 15, а $C\ I$ увеличится на 40. Кроме того, вследствие увеличения $C\ II$ на 15 необходимо обеспечить на основе уже имеющегося распределения производительных сил $V\ I$ на 15 и, наконец, на $15 \times 4 = 60$ необходимо увеличить постоянный капитал I , т.е. обеспечить увеличение постоянного капитала второго подразделения на 15 через развертывание в нужной пропорции всего производственного механизма I . В итоге теперь из прибавочной ценности 225 II , остающейся в результате первого приближения к исходной схеме, рассасывается таким образом 130, а остальные 95 распределяются во всем производственном механизме следующим образом: 7,3 на увеличение переменного капитала во втором подразделении, 14,6 на увеличение постоянного капитала в том же втором подразделении, 14,6 на увеличение переменного капитала в первом подразделении и, наконец, 58,4 на увеличение постоянного капитала в первом подразделении. Подводя итоги, мы видим, что всего подлежит перенести из второго подразделения в первое избыточного капитала в размере 188. Вся же схема будет выглядеть так:

$$\begin{array}{l} I\ 4.558,4\ c + 1.129,6\ v + 500\ \phi.\ n. = 6.188 \\ II\ 1.629,6\ c + 806,3\ v + 375\ \phi.\ n. = 2.811,9 \end{array}$$

или отбрасывая дробь—9.000

В сравнении с вышеприведенной схемой Маркса мы будем иметь следующее различие. И функционирующий капитал, и уровень всего производства в первом подразделении, вследствие переноса сюда части капитала из *II*, будет больше, чем в схеме Маркса. Он будет больше и во втором подразделении, но исключительно только потому, что в схеме Маркса капиталисты второго подразделения потребляют значительно больше, чем в первом подразделении, поскольку такое расположение величин обеспечивает в этой схеме арифметическое равновесие расширенного воспроизводства. В нашей схеме капиталисты второго подразделения потребляют, как и в первом подразделении половину своей прибавочной ценности, т.-е. условия потребления в первом и во втором подразделениях одинаковы. Это ведет к увеличению во втором подразделении и *c* и *s* в сравнении со схемой Маркса, а кроме того, *c II* растет вследствие роста органического состава капитала.

Но по сравнению с первым подразделением подразделение второе растет медленнее, и в этом находит свое отражение факт повышения уровня техники в обоих подразделениях.

Таким образом, в конце первого операционного года в результате сделанной нами расстановки капитала мы получим следующий результат:

$$\begin{aligned} 1\ 4558,4\ c + 1129,6\ v + 1129,6\ m &= 6817,6 \\ \Pi\ 1629,6\ c + 807,3\ v + 807,3\ m &= 3244,2. \end{aligned}$$

Из этих цифр мы видим, что первое подразделение вместо Марксовых 6600 дает увеличение на 217,6. Второе подразделение вместо Марксовых 3.200 дает увеличение на 42,2.

Следующие годы точно так же должны давать постоянное увеличение накопления во *II*, сверх необходимого для этого подразделения и систематический дефицит капитала в первом подразделении. Во всем этом явлении нет ничего необъяснимого, потому что во втором подразделении органический состав капитала в нашей (как и в Марксовой) схеме ниже, чем в первом. Здесь *v* по сравнению со своим, постоянным капиталом больше, чем в первом подразделении, а потому при прочих равных условиях, накопление здесь идет быстрее. Если бы органический состав капитала в первом подразделении был, наоборот, ниже, чем во втором, то, при тех же исходных величинах всего общественного капитала, мы имели бы в конце первого года, а также и в дальнейшем, систематическое перенакопление в первом подразделении и недонакопление во втором. Это нетрудно было бы доказать на конкретном числовом примере. Точно так же если бы мы увеличили органический состав капитала во втором подразделении в таком размере, что он был бы лишь немногим ниже, чем в первом подразделении, то подлежащая перенесению сумма избыточного капитала из второго подразделения в первое была бы в нашем примере значительно ниже 188. Здесь можно было бы найти такой числовой пример, когда весь процесс перенесения

капитала из второго подразделения в первое обслуживал бы лишь только один процесс роста органического капитала в обществе.

Но совершенно ясно, что Маркс отнюдь не случайно принимает в большинстве своих схем органический состав капитала в первом подразделении более высоким, чем во втором. Такова реальная тенденция развития самого капитализма, тенденция, которая будет перенесена также и на социалистическую экономику, если только в дальнейшем истощение плодородных земель на территории земли не приведет к такому положению, когда дальнейшее развитие общественного производства обусловит изменение в этой области. Но более детальное исследование этой проблемы не входит в нашу задачу.

Взяв за исходную базу нашу схему, мы могли бы процесс дальнейшего развертывания производства в следующие годы изобразить иначе, а именно: можно было бы перенос капитала из второго подразделения в первое произвести сразу в большем объеме, чем это мы сделали, а потом вносить коррективы путем переноса части капитала обратно из первого подразделения во второе. При реальном капитализме это наблюдается очень часто. Но, как это уже было нами отмечено выше, такой ход развертывания общественного производства несколько не меняет общей установленной нами тенденции, которая заключается не только в абсолютном, но и в относительном росте размеров применяемого капитала в первом подразделении. Если органический состав капитала в обществе растет и если в исходных схемах органический состав капитала в первом подразделении выше, чем во втором.

Расширенное воспроизводство при конкретном капитализме

Анализ расширенного воспроизводства при чистом капитализме, а также анализ простого воспроизводства при конкретном капитализме уже дает все необходимые предпосылки для абстрактно-теоретического исследования условий равновесия при капитализме конкретном, т.е. для смешанной экономики капитализма и мелкого товарного производства. Как и при исследовании простого воспроизводства при конкретном капитализме, мы будем здесь иметь дело с двумя секторами хозяйства с двумя подразделениями в каждом секторе и с той же условной терминологией. Мы будем иметь, следовательно, следующую схему в алгебраическом выражении:

$$\begin{array}{l} \text{I } K \quad C \rightarrow r + M. \\ \text{II } K \quad C \rightarrow r + M. \\ \text{I } \mathcal{L} \quad C \rightarrow \text{фонд потребления.} \\ \text{II } \mathcal{L} \quad C \rightarrow \text{фонд потребления } ^1). \end{array}$$

¹⁾ При расширенном воспроизводстве в мелкобуржуазном секторе мы должны иметь $C + \text{фонд потребления} + \text{фонд накопления}$.

При исследовании процесса расширенного воспроизводства в такой системе мы имеем очень много теоретически (и практически) возможных случаев, которые следовало бы подвергнуть анализу. В нашем исследовании мы остановимся лишь на трех самых типичных, наиболее характерных для развития конкретного капитализма и наиболее важных для дальнейшего изучения равновесия в советской системе хозяйства.

Первый случай — это развертывание капиталистического сектора, при относительном и абсолютном уменьшении размеров производства в мелкобуржуазном секторе, но при росте всего общественного производства в целом. Второй случай: развертывание капиталистического сектора при стабильности размеров производства в секторе мелкобуржуазного хозяйства. Наконец, третий случай: одновременный рост производства в обоих секторах. Все это в условиях роста органического состава капитала в капиталистическом секторе.

На втором случае нам не придется здесь долго останавливаться. Если размеры производства в мелкобуржуазном секторе стабильны, а развитие идет только в капиталистическом секторе, то все изменения в системе пропорциональности будут исходить прежде всего из капиталистического сектора. Если размеры производства остаются стабильными не только во всем мелкобуржуазном секторе, взятом в целом, но и пропорции распределения производительных сил между обоими его подразделениями остаются без изменения, то этот случай не может дать ничего нового для исследования, потому что весь анализ тогда переносится на капиталистический сектор, от которого и должны исходить все изменения в равновесии системы. Интерес может представлять лишь такое положение, когда размеры производства в мелкобуржуазном секторе стабильны по своей общей ценностной сумме, но одновременно изменяется распределение производительных сил между двумя его подразделениями. Иными словами. Если растет первое подразделение, то на ту же сумму сокращается второе, или наоборот. В первом случае возрастание производства средств производства в мелкобуржуазном секторе за счет производства средств потребления должно неизбежно приводить к росту фонда потребления $D I$ имеющего натуральную форму средств производства и подлежащего обмену на средства потребления, что при сокращении $DC II$ должно привести к увеличению спроса $D I$ на средства потребления капиталистического производства. А это в свою очередь требует того, чтобы добавочные средства производства из первого подразделения мелкобуржуазного сектора находили себе добавочный рынок в капиталистическом секторе. Практически это значит, что, допустим, добавочное количество льна, хлопка, кож, шерсти и т. д. крестьянского производства должно находить добавочный рынок в капиталистическом секторе, а второе подразделение капиталистического сектора должно обеспечить добавочные средства потребления для первого подразделения мелкобуржуазного сектора.

В обратном же случае, т.-е. при росте $D II$ за счет $D I$, второе подразделение мелкобуржуазного сектора должно увеличивать свой

постоянный капитал на некоторую добавочную сумму. Не находя этого постоянного капитала в первом подразделении мелкобуржуазного же сектора. *Д II* должно закупить эти средства производства в первом подразделении капиталистического сектора и в капиталистическом секторе должно найти добавочный рынок для своих добавочных средств потребления.

Обратимся теперь к другому случаю, т.-е. к нашему первому случаю, имеющему наибольший интерес для понимания процесса расширенного воспроизводства при реальном капитализме, когда капиталистический сектор находится в состоянии более или менее быстрого развития и вытесняет мелкобуржуазное производство и в сфере производства средств производства, и в сфере производства средств потребления. Фактически это может означать, что в области сельского хозяйства крупное капиталистическое земледелие вытесняет мелкое производство, а в области промышленности крупная капиталистическая фабрика вытесняет ремесло и кустарное производство.

В качестве исходной схемы возьмем хозяйственный год, который закончился следующими цифровыми результатами в смысле общей суммы годового производства:

Капиталистический сектор	
$2000\ c + 500\ c = 500\ m = 3000$	
$1200\ c = 400\ c = 400\ m = 2000$	
	5000
Мелкобуржуазный сектор	
$1500\ c + 1500\ (\text{фонд потребления}) = 3000$	
$1050\ c = 2100\ (\text{фонд потребления}) = 3150$	
	6150

В этой схеме общие размеры производства капиталистического сектора меньше размеров производства мелкобуржуазного сектора. Органический состав капитала в первом подразделении капиталистического сектора выше, чем во втором подразделении.

Размеры производства в первом подразделении докапиталистического сектора почти равны размерам производства во втором подразделении. Но соотношение между постоянным капиталом и фондом потребления в обоих подразделениях мелкобуржуазного сектора разное. Это связано с тем, что мелкое ремесленное и мелкое крестьянское производства средств производства обычно требуют приложения большего количества постоянного капитала в сравнении с мелкобуржуазным производством средств потребления, главным образом со стороны сырья. В данном случае это соотношение взято, разумеется, произвольно, с приближением пропорций в *Д II* к условиям малоинтенсивного мелкого крестьянского хозяйства.

В схеме для упрощения мы не даем обмена ценностей внутри первых и вторых подразделений обоих секторов, т.-е., допустим, об-

мена между крестьянским производством сырья и между машинами капиталистического сектора, или, например, между обменом крестьянского хлеба, масла и т. д. на мануфактуру, обувь и т. д. капиталистического производства. Таким образом, схема в том виде, как она сконструирована, характеризует лишь пропорциональность обмена между различными подразделениями двух секторов. Как мы уже показали выше на схеме простого воспроизводства, внутренний обмен между одинаковыми подразделениями обоих секторов, если он означает взаимный обмен одинаковых ценностей, не влияет на пропорциональность во всей системе, раз мы отвлекаемся от анализа натурального состава товаров, подлежащих обмену, и остаемся исключительно на базе ценностного анализа.

Уже при беглом взгляде на схему читатель видит, что капиталистический сектор имеет дефицит на средства производства. Для возмещения 1200 *С II* первое подразделение располагает лишь суммой в 750. Дефицит покрывается из первого подразделения мелкобуржуазного сектора, где в обмен на средства потребления идет 1500 средств производства мелкобуржуазного происхождения. Из них 1050 идет на покрытие постоянного капитала второго подразделения мелкобуржуазного сектора, 450 — на покрытие дефицита на средства производства в *К II*. С другой стороны, *Д I* получает на 1050 средств потребления от своего же сектора и на 450 от второго подразделения капиталистического сектора.

При этом не надо ни на минуту забывать, что сведение всей пропорциональности обмена между капиталистическим и мелкобуржуазным секторами лишь к размену 450 средств потребления капиталистического производства на 450 средств производства мелкобуржуазного сектора есть лишь абстракция ценностного анализа, из пределов которого мы пока не выходим. На самом же деле и *К I* покупает в *Д I* средства потребления и средства производства, т.-е., допустим, не только хлопок и кожу крестьянского производства, но и хлеб. С другой стороны, *К II* покупает не только средства производства в *Д*, но и разменивается в известных пропорциях средствами потребления с *Д II*. *Д I* и *Д II* также покупают в обоих капиталистических подразделениях. Но когда мы вычеркнем взаимно покрывающиеся размены ценностей между одинаковыми подразделениями разных секторов хозяйства, то проблема пропорциональности будет сведена к тому, что отражено в схеме, т.-е. к обмену 450 средств потребления *К II* на 450 средств производства *Д I*.

Возьмем теперь всю схему в движении. При этом мы предполагаем, что: 1) в капиталистическом секторе накаплиется ежегодно половина прибавочной ценности; 2) органический состав капитала растет в обоих подразделениях капиталистического сектора на 1% от наличного постоянного капитала предыдущего года; 3) в мелкобуржуазном секторе, наоборот, происходит снижение воспроизводства на 2% в год.

При таких исходных условиях перегруппировка прилагаемого в обществе капитала перед началом нового операционного года будет следующей:

Капиталистический сектор

$$\begin{aligned} I & 2204 \text{ с} + 546 \text{ в} + 250 \text{ (фонд потребления)} \\ II & 1353 \text{ с} + 447 \text{ в} + 200 \text{ (фонд потребления)} \end{aligned}$$

Если в мелкобуржуазном секторе произошло в результате общего снижения производства уменьшение применяемого капитала на 2%, поровну в обоих подразделениях, если, таким образом, ряд предприятий под влиянием капиталистической конкуренции сократился или снизил производство, то мы будем иметь здесь следующие цифры:

Докапиталистический сектор

$$\begin{aligned} I & 1470 \text{ с} + 1470 \text{ (фонд потребления)} = 2940 \\ II & 1029 \text{ с} + 2058 \text{ (фонд потребления)} = 3187 \end{aligned}$$

6027

Сравнивая теперь обе эти схемы под углом зрения пропорциональности, мы видим, что второе подразделение капиталистического сектора имеет обменять в мелкобуржуазном секторе свои средства потребления, для возмещения своего C , в размере 557, тогда как мелкобуржуазный сектор может дать лишь $1470 - 1029 = 441$.

В результате получается: 1) дефицит на средства производства для возмещения $K C II$ в размере 116; 2) отсутствие рынков сбыта для средств потребления капиталистического производства на ту же сумму.

Из этого положения может быть два выхода: 1) перенос капитала из $II K$ в $I K$, т.-е. путь наиболее трудный и убыточный для капитализма, а в данном случае не достигающий цели полностью потому, что для восстановления пропорциональности в первое подразделение требуется перебросить значительно больше того, что может дать $K II$; 2) приспособление мелкобуржуазного сектора к потребностям капиталистического развития путем внутренней перегруппировки между первым и вторым подразделениями; 3) применение того и другого методов вместе. Приспособление мелкобуржуазного сектора к капиталистическому, при ведущей роли капиталистической экономики и при подчиненной роли мелкобуржуазного сектора достигается вообще легче. Это приспособление, при сохранении основной нашей предпосылки, что мелкобуржуазный сектор уменьшает общую сумму годового воспроизводства, вообще достижимо двумя путями: либо все сокращение падает на $D II$, а $D I$ сохраняет старые размеры производства, либо $D II$ не только уменьшается на все 2% снижения производства мелкобуржуазного сектора, но, кроме того, еще происходит перегруппировка внутри D , в результате которой $D I$ увеличивается за счет и без того сокращающегося $D II$.

В нашем примере первый метод не может достигнуть цели, потому что диспропорция слишком велика: она не может быть

ликвидирована только приостановкой сокращения производства в $D I$ и перенесением всего уменьшения производства в секторе D на $D II$.

Допустим, производство в капиталистическом секторе разворачивается дальше старым темпом, несмотря на диспропорцию предыдущего года. Мы предполагаем, что диспропорция так или иначе временно устранена. Если дело идет не о мировой экономики в целом, а, допустим, об экономике отдельной страны, это может быть достигнуто в рассматриваемом случае экспортом излишних средств потребления и импортом на данную же сумму средств производства.

Конец года дает нам такую картину в капиталистическом секторе:

$$\begin{array}{r} I \ 2204 \ c - 596 \ c = 546 \ m = 3296 \\ II \ 1353 \ c - 447 \ c = 147 \ m = 2247 \\ \hline 5543 \end{array}$$

Расстановка капитала на новый, т.е. в данном случае на третий в сравнении с исходной схемой год дает следующий результат:

$$\begin{array}{r} I \ 2426 \ c - 596 \ c = 273 \ (\text{фонд потребления}) \\ II \ 1524 \ c - 499,5 \ c = 223,5 \ (\text{фонд потребления}) \end{array}$$

Если теперь мы уменьшим общие размеры производства в мелкобуржуазном секторе на 2%, с тем, чтобы все уменьшение пало на второе подразделение, то мы получим:

$$\begin{array}{r} I \ 1470 \ c + 1470 \ (\text{фонд потребления}) = 2940 \\ II \ 989 \ c + 1978 \ (\text{фонд потребления}) = 2967 \\ \hline 5907 \end{array}$$

При таком положении дефицит I и II на средства производства будет равен $655 - 483 = 173$.

Правда, этот дефицит будет меньше того дефицита, который получился бы, если бы оба подразделения D сектора снижали производство в одинаковой пропорции, но тем не менее дефицит очень велик. Для восстановления равновесия необходимо добиться перегруппировки внутри D . Если для достижения этой цели перегруппировка будет произведена в таком размере, что $D I$ увеличит общую сумму производства на 210, а $D II$ сократит производство в такой же пропорции, то, при старом соотношении между C и фондом потребления в D , мы будем иметь следующую схему для мелкобуржуазного производства:

$$\begin{array}{r} I \ 1575 \ c - 1575 \ (\text{фонд потребления}) = 3150 \\ II \ 919 \ c + 1838 \ (\text{фонд потребления}) = 2757 \\ \hline 5907 \end{array}$$

¹⁾ Разница в сумме на единицу в сравнении с предыдущей схемой происходит от упрощения операций с дробями.

Как мы видим, размеры производства при втором варианте остаются в *Д* секторе те же, что и при первом, т. е. сниженными по сравнению с предыдущим годом на 2%, но зато внутренняя перегруппировка производительных сил в мелкобуржуазном секторе приводит к уменьшению производства средств потребления и к увеличению производства средств производства в таком размере, что остаток средств производства для обмена с *К II* дает уже сумму в 656, в то время как *К II* нуждается в сбыте своей продукции и в покупке средств производства на 655.

Здесь мы получаем уже восстановление равновесия, нарушенного слишком быстрым ростом *К II*, при относительно меньшем росте *К I* с точки зрения пропорциональности внутри капиталистического сектора и при сокращении в предыдущем году *Д I*.

Что может означать практически весь этот процесс?

1) Поскольку дело идет об абсолютном уменьшении на 2% *Д II*, это означает вытеснение крестьянского производства средств потребления капиталистическим производством средств потребления, т. е. сокращение крестьянского посева зерновых культур в той их части, которая идет для индивидуального потребления, сокращение производства яиц, масла и т. д.

2) Поскольку дело идет о перегруппировке производительных сил между *Д II* и *Д I*, это может означать увеличение засева льна, конопли, хлопка за счет зерновых культур, увеличение затрат фуража на торговое животноводство, дающее кожу, шерсть и т. д. для *К II*, расширение культуры картофеля для его дальнейшей переработки и т. д. При развитии капитализма мы наблюдали этот процесс там, где развитие городской промышленности увеличивает спрос на крестьянское сырье, а крестьянское производство зерна сокращается, уступая место капиталистическим фабрикам зерна, или капиталистическому фермерскому полеводству.

Совершенно очевидно, что для капитализма перегруппировка внутри мелкобуржуазного сектора является очень важным средством достижения пропорциональности во всей системе, если такая перегруппировка соответствует одновременно достижению пропорциональности и в вещественных элементах товарного обмена. Если бы мы имели дело с перепроизводством в *К II* при чистом капитализме, т. е. при равновесии замкнутого круга, для экономики общества не было бы иного исхода для достижения пропорциональности, кроме промышленного кризиса в худшем случае или кроме пореноса капитала из *К II* в *К I* в лучшем случае, что часто сопряжено с потерями в стоимости и с временной задержкой всего темпа расширенного воспроизводства.

Но вместе с тем наш пример является ярким доказательством неверности теории Розы Люксембург относительно роли мелкобуржуазной среды для развития капитализма. Мы имеем перед собой в нашей схеме не только не расширение мелкобуржуазного сектора, втянутого в капиталистический оборот, а его сокращение. Однако это нисколько не мешает тому, что все общественное производство

возрастает. В самом деле: исходная схема дает размеры годового производства в 5000 для капиталистического сектора, и 6150 для мелкобуржуазного сектора, а в сумме—11150. В конце первого года, несмотря на то, что мелкобуржуазный сектор сжимает производство на 2%, интенсивность накопления в капиталистическом секторе перевешивает этот процесс, и в итоге годовое производство равняется уже 11374. В последней схеме, если взять ее результат к концу года, капиталистический сектор уже перегоняет мелкобуржуазный сектор в смысле размеров общей ценностной массы продукции, а именно дает 6141 против 5907 мелкобуржуазного сектора, а в сумме производства общества равняется уже 12048.

Таким образом, развертывание капиталистического воспроизводства вполне возможно и при сокращении докапиталистических форм хозяйства. Оно вполне возможно при этом без перенесения капитала из одного подразделения капиталистического сектора в другое, если в мелкобуржуазном секторе происходит необходимая для него перегруппировка производительных сил. Мы не говорим уже о том, что не составляет большого труда построить такую схему, когда сокращение в мелкобуржуазном секторе происходит внутри в таких пропорциях, что капиталистический сектор развертывает свои подразделения, не требуя больших перегруппировок в мелкобуржуазном секторе. Для этого дефицит по обмену капиталистического сектора с мелкобуржуазным должен замещаться соответствующим дополнительным развертыванием производства в самом капиталистическом секторе.

Вместе с тем нужно заметить, что вообще перегруппировка внутри сектора *Д* достижима легче, чем в капиталистическом секторе. и связана с меньшими потерями в стоимости, если, например, крестьянское хозяйство усиливает производство технических культур за счет зерновых, пользуясь тем же рабочим скотом, в большинстве случаев тем же инвентарем, меняя лишь семена и увеличивая расход на удобрение, а также увеличивая потребление фуража для интенсификации скотоводства.

Совсем другой вопрос, в какой степени возможна такая перегруппировка производительных сил с точки зрения натурального состава товаров, производство которых требуется увеличить. В данном случае, если дефицит *К II С* распространяется не только на хлопок, лен, пеньку, кожи, семена для маслостроительной промышленности, сахарную свеклу, картофель, идущий на переработку в спирт и патоку и т. д., но и на машины, уголь, нефть, то перегруппировка только в одном мелкобуржуазном секторе не может решить полностью проблемы пропорциональности. Тогда тот дефицит в 173 на средства производства, о котором была речь выше, должен быть ликвидирован при перераспределении капитала для производства следующего года частью перегруппировкой в секторе *Д*, частью же перенесением капитала из *К II* в *К I*. Но это уже другой вопрос, который не касается ценностного анализа пропорциональности и подводит исследование к задаче комбинированного ценностно-натурального анализа проблемы равновесия, что означает уже переход к изучению конкретной экономики.

Возьмем теперь наши же числовые примеры, но в условиях не сжатия, а ежегодного роста на 2% производства в секторе *Д*. Тогда для первого года мы будем иметь такую расстановку величин:

Капиталистический сектор	
I	2204 c + 546 v + 250 (фонд потребления)
II	1353 c + 447 v + 200 (фонд потребления)
Мелкобуржуазный сектор	
I	1530 c + 1530 (фонд потребления)
II	1071 c + 2142 (фонд потребления)

В данном случае дефицит *К II* на средства производства и недостаток спроса на средства потребления капиталистического производства будет равен 98. Это значит, что с точки зрения рынка диспропорция несколько меньше, потому что спрос *Д I* на средства потребления, в результате общего увеличения *Д I* растет быстрее, в сравнении с ростом предложения этих средств потребления. Незаполненный спрос *Д I* увеличивает покупки *Д I* в *К II*, т.-е. рост ремесленного производства и рост крестьянского производства технических культур сопровождается увеличением спроса на мануфактуру, обувь, сахар и т. д. капиталистического производства.

С точки зрения удовлетворения *К II* средствами производства все это означает увеличение предложения этих средств производства из *Д I*, т.-е. увеличение предложения для *К II* хлопка, кожи, льна и т. д. мелкобуржуазного производства.

Что касается достижения пропорциональности, то это осуществимо так же, как это указано нами в рассмотренном выше случае, т.-е. либо перенесением капитала из *К II* в *К I*, либо перегруппировкой между *I* и *II Д*, в смысле увеличения *Д I*, либо комбинацией обоих методов. Разница же по сравнению с первой нашей схемой будет заключаться в том, что, в случае перенесения всей тяжести перегруппировки на мелкобуржуазный сектор, пропорциональность может быть достигнута при меньшей переброске производительных сил из *Д II* в *Д I*, т.-е. достижима значительно легче.

Рассмотрим теперь схему равновесия реального капитализма в условиях не перепроизводства средств потребления и дефицита на постоянный капитал, а в условиях перепроизводства средств производства в капиталистическом секторе и при наличии дефицита на средства потребления, что, как увидим ниже, снова приведет нас автоматически к дефициту на средства производства.

Чтобы получить соответствующий цифровой пример, внося минимум изменений в уже приведенные цифры, мы можем при тех же размерах общественного производства 1) либо уменьшить размеры прилагаемого капитала во втором подразделении капиталистического сектора, увеличив на ту же сумму производство в *К I*; 2) либо резко увеличить органический состав капитала в *К II*, не меняя при этом размеров применяемого капитала во всем капиталистическом секторе. В последнем случае диспропорция будет с н а ч а л а е щ е б о л ь ш е вследствие резкого увеличения *С II*, но зато она скоро

исчезнет вследствие резкого относительного уменьшения накопления в $K II$. В самом деле. Если мы возьмем отношение переменного капитала к постоянному капиталу во втором подразделении капиталистического сектора и пропорции 1 к 5, мы будем иметь $1500 C + 250 v + 250 m$. Это значит, что накопление будет идти в дальнейшем, опираясь не только с самого начала на меньшую сумму $v II$, т.-е. на 250 вместо 400, но ежегодные вычеты на увеличение C из прибавочной ценности, идущей на накопление, будут давать относительно гораздо меньшее возрастание v еще и по этой причине, что передается затем и на $c II$. Это будет означать, что $C K II$ будет нарастать в дальнейшем медленнее, чем $c + \frac{M}{X}$ первого подраз-

деления, а значит каждый год будет увеличиваться давление предложения избыточных средств производства $K I$ на мелкобуржуазный рынок. Равновесие тогда будет достигаться либо путем переноса капитала в $K II$, либо сокращением $D I$ и ростом $D II$. Мы не рассматриваем здесь более подробно этот случай, который является лишь теоретически мыслимым, но не имеет значения для иллюстрации развития реального капитализма, где органический состав капитала во втором подразделении обыкновенно не выше, а ниже, чем в I.

Поэтому мы обратимся к первому методу, т.-е., оставаясь на базе тех же размеров годового производства в капиталистическом секторе и округлив цифру годового производства в мелкобуржуазном секторе, а также оставляя органический состав капитала в $K II$ ниже, чем в первом подразделении, мы лишь увеличим количество прилагаемого капитала в первом подразделении за счет второго. Уменьшив годовое производство во втором подразделении на 600 и увеличив на эту сумму размеры годового производства в первом подразделении, мы будем иметь следующую исходную схему:

$$\begin{array}{l} I \quad 2400 c + 600 v + 600 m = 3600 \\ II \quad 840 c + 280 v + 280 m = 1400 \\ \hline 5000 \end{array}$$

Соответственно в мелкобуржуазном секторе мы будем иметь очень существенную перестановку между первым и вторым подразделением, в смысле усиления $D II$ за счет $D I$. Новая расстановка, увязанная уравнением пропорциональности обмена с капиталистическим сектором, при условии размера годового производства в 6100 и при сохранении остальных условий без изменений, может быть лишь такой:

$$\begin{array}{l} I \quad 1184 c + 1184 (\text{фонд потребления}) = 2378 \\ II \quad 1244 c + 2488 (\text{фонд потребления}) = 3732 \\ \hline 6100 \end{array}$$

Таким образом, в капиталистическом секторе мы имеем теперь перепроизводство средств производства на 60. Средства производства на 60, излишние в капиталистическом секторе, поступают на замещение дефицита $D II C$, который не может быть покрыт в мелко-

буржуазном секторе, причем $\mathcal{D} II$ дает добавочный рынок для размещения этих 60. В свою очередь $K I$ закупает на эту сумму в $\mathcal{D} II$ недостающие ему на 60 средства потребления.

Посмотрим теперь, как будут меняться условия пропорциональности, если в начале нового операционного года в капиталистическом секторе произойдет обычная перегруппировка прибавочной ценности, с отделением в накопление половины ее, а мелкобуржуазный сектор начнет операционный год в условиях расширения производства на 2% в каждом из подразделений.

Капитализируя и в первом и во втором подразделении половину прибавочной ценности, т.-е. во I—300, а во II—140, вычитая на увеличение органического состава капитала по 1% от постоянного капитала прежнего года, т.-е. для первого подразделения 24, для второго 8,4, для остаток прибавочной ценности каждого подразделения пропорционально органическому составу капитала каждого подразделения, мы получим тогда увеличение $v I$ на 55,2, а $v II$ на 32,9. В целом схема будет тогда такова:

$$I \quad 2644,8 \text{ с} + 655,2 \text{ v} + 300 \text{ (фонд потребления)}$$

$$II \quad 947 \text{ с} + 312,9 \text{ v} + 140 \text{ (фонд потребления)}$$

Мы имеем, таким образом, избыток средств производства в капиталистическом секторе на сумму $655,2 + 300 - 947$, т.-е. на 8,2.

Цифры мелкобуржуазного сектора в условиях роста производства на 2% будут следующие¹⁾:

$$I \quad 1207 \text{ с} + 1207 \text{ (фонд потребления)}$$

$$II \quad 1269 \text{ с} + 2538 \text{ (фонд потребления)}$$

В мелкобуржуазном секторе мы будем иметь дефицит на средства производства в 62. Этот дефицит немного выше дефицита исходной схемы $\mathcal{D}$ сектора, потому что $\mathcal{D} II$ растет немного быстрее, чем фонд потребления в $\mathcal{D} I$ вследствие того, что с самого начала $\mathcal{D} II$ было больше потребительского фонда $\mathcal{D} I$. Но если раньше весь дефицит на средства производства в $\mathcal{D} II$ покрывался из капиталистического сектора, т.-е. из остатка при обмене $v + \frac{1}{2} M I$ на $C II$, то теперь этот остаток равен всего 8,2. Мы имеем здесь перед собой случай, когда развертывание второго подразделения капиталистического сектора замещает второе подразделение мелкобуржуазного сектора и в качестве рынка для сбыта продукции $K I$ и в качестве поставщика для $K I$ предметов потребления. В ре-

¹⁾ Мы ради краткости нигде не пишем лишний раз схемы мелкобуржуазного сектора в конце года, т.-е. с добавлением к C фонд потребления также и фонда накопления. Как и в Марксовых схемах расширенного воспроизводства мы устанавливаем здесь пропорциональность только между восстановленным за год C и фондом потребления (y Маркса $c + v + \frac{m}{x}$), а в начале операционного года распределяем фонд накопления при составлении схемы воспроизводства на этот новый год. Вообще же в конце года мелкобуржуазный сектор имеет в данном случае такой вид:

$$I \quad 1184 \text{ с} + 1184 \text{ фонд потр.} + 47 \text{ (фонд накопления. без дробей)}$$

$$II \quad 1244 \text{ с} + 2488 \text{ фонд потр.} + 74 \text{ (фонд накопления).}$$

зультате такого положения ΔII не может возместить свой постоянный капитал на $62-8,2$, т.-е. на $53,8$. Ему, с одной стороны, нехватает рынка на эту сумму, а с другой стороны, средств производства в вещественной форме.

Равновесие может быть восстановлено либо снижением производства во всем ΔII , либо путем переброски производительных сил из ΔII в ΔI в следующем году.

Еще более отчетливо выступают перед нами все условия пропорциональности разбираемого случая, если мы, игнорируя факт диспропорции, продолжим развертывание всех величин на следующий год. т.-е. дадим еще дальше развертываться отмеченной диспропорции.

Тогда, строя схему следующего года на основе производственных результатов истекшего, мы получим такие цифры распределения производительных сил:

Итог года в капиталистическом секторе

I $2644,8 \text{ с} + 655,2 \text{ в} + 655,2 \text{ м}$

II $947 \text{ с} + 312,9 \text{ в} + 312,9 \text{ м}$

Новая перегруппировка для производства в следующем году на этой базе будет такова:

I $2912,2 \text{ с} + 715 \text{ в} + 327,6$ (фонд потребления)

II $1066,7 \text{ с} + 349,5 \text{ в} + 154,4$ (фонд потребления)

Мелкобуржуазный сектор

I $1231 \text{ с} + 1231$ (фонд потребления)

II $1294 \text{ с} + 2588$ (фонд потребления)

Анализируя этот итог, мы видим, что в этом году капиталистический сектор не только не дает излишка средств производства для сбыта их в мелкобуржуазный сектор, но сам имеет дефицит в $24,1$ на средства производства. Эти средства производства второе подразделение не может получить для возмещения своего C также и из ΔI , потому что в мелкобуржуазном секторе мы в свою очередь имеем дефицит на средства производства и перепроизводство средств потребления. И здесь второе подразделение не может ни найти рынка для 63 своих средств потребления, которые должны воспроизвести нехватавшую ему часть постоянного капитала, ни найти средств производства на эту сумму. Мы имеем, таким образом, во всем общественном производстве товарный голод на средства производства, равняющийся $63 + 24,1 = 87,1$.

Такое положение, (если не считать небольшого несоответствия в темпе роста $\Delta II C$ с потребительским фондом ΔI) получилось от двух причин: от повышения органического состава капитала обоих подразделений капиталистического сектора, во-первых, от более быстрого темпа накопления в $K II$, связанного с более низким органическим строением капитала в этом подразделении в сравнении с $K I$, во-вторых. Таким образом, здесь, при механическом развертывании процесса расширенного воспроизводства пробивает себе путь уже

отмеченная нами выше тенденция капиталистической экономики, заключающаяся в систематическом перенакоплении в сферах низкого органического строения капитала, т.-е. в данном случае в области капиталистического производства средств потребления. А это в свою очередь приводит к принудительной необходимости для общества более или менее эластично или в порядке кризиса осуществлять перераспределение производительных сил в сторону увеличения прила-гаемого капитала в областях производства средств производства.

Этот последний пример, характерный для капиталистической экономики периода ее развития, имеет особый интерес для нас еще и потому, что он отчасти воспроизводит (хотя и в слишком общей и абстрактной форме) также и те процессы, которые мы, *mutatis mutandis*, наблюдаем в настоящий момент в экономике СССР, поскольку изучаем ее под углом зрения хозяйственного равновесия во всей системе.

Прежде чем покончить с этой частью нашего исследования, касающегося накопления и расширенного воспроизводства при реальном капитализме, мы хотели бы, после того как мы рассмотрели вопрос о перенесении капитала из $K II$ в $K I$, остановиться в двух словах на проблеме перенесения элементов производства из мелкобуржуазного сектора в капиталистический. Если оставить в стороне всякие меры внеэкономического давления крупного капитала и его государства на мелкобуржуазное производство (например, систему налогов и т. д.), а оставаться лишь в сфере чисто экономических отношений и процессов, то наиболее интересной и наиболее существенной формой перенесения капитала из мелкобуржуазного сектора в капиталистический является использование капиталистическим сектором мелкобуржуазного денежного накопления.

Это денежное накопление является с точки зрения обмена ценностей рядом продаж без соответствующих покупок, при чем деньги от этой операции поступают в дальнейшем в распоряжение капиталистического производства. Допустим в мелкобуржуазном секторе мы не имеем роста применяемого капитала, но имеем систематическое превышение потребления над потребительским фондом, либо имеем расширение производств, но в размерах, не поглощающих всего прибавочного продукта, в результате чего, допустим, 2% ежегодно от всего потребительского фонда, в нашей последней исходной схеме 2% от $(1184 + 2488) = 73,4$, представляют из себя часть продажи средств производства мелкобуржуазного происхождения, частью средств потребления, без соответствующих покупок. Если вырученные от продажи средства вкладываются в банки и сберегательные кассы, идут на покупки промышленных бумаг и т. д., то все эти средства в денежной форме или через банковскую систему или непосредственно, путем подписки на промышленные акции, поступают в распоряжение капиталистического сектора хозяйства и служат источником дальнейших закупок у мелкобуржуазного сектора без встречных продаж ему. Если исключить частичное возвращение ценностей в форме процента, мы имеем здесь с экономической точки зрения, под покровом

финансово-денежных взаимоотношений, односторонний поток ценностей из мелкобуржуазного сектора в капиталистический. Если D_1 продает капиталистическому сектору средства производства, например, хлопок, кожи и т. д., не делая закупок у последнего, если D_2 продает хлеб, мясо, масло, не делая закупок, а полученные от продажи деньги служат для капиталистического сектора источником новых закупок без продаж, то капиталистический сектор получает в результате всего этого процесса дополнительные ресурсы для своего развертывания: он увеличивает в данном случае свой постоянный и переменный капитал не на основе собственного накопления. Оба подразделения K получают и добавочные средства потребления для увеличения переменного капитала и добавочные средства производства для увеличения C . Это подкрепление ресурсов капиталистического накопления со стороны, т.-е. из источников, лежащих вне капиталистического круга, играет очень важное значение как для преодоления диспропорции в том случае, когда у капиталистов, не хватает ресурсов для увеличения переменного капитала, так и в том случае, когда расширение производства, вынуждаемое всем ходом накопления предыдущего года, встречается с недостатком нового капитала, имеющего вещественную форму средств производства и притом таких, которые могут быть произведены в мелком производстве.

Таким образом, если перегруппировка производительных сил внутри мелкобуржуазного сектора, диктуемая ему механизмом капиталистического рынка, в известных пределах служит существенным элементом достижения равновесия в капиталистическом секторе хозяйства, то, с другой стороны, мелкобуржуазное накопление, являясь счесь существенным фактором, облегчающим капиталистическое расширенное воспроизводство, также увеличивает эластичность всего механизма для достижения хозяйственного равновесия.

После этого краткого исследования условий хозяйственного равновесия при конкретном капитализме мы сможем уже перейти к ценностному анализу равновесия при приостановке развития, далее, при падении производительных сил общества и при переломе к восстановлению, т.-е. к рассмотрению в общем процесса снижающегося воспроизводства. Ярким примером экономики этого типа являются в настоящий момент некоторые страны послевоенной западной Европы. Но здесь нам придется по самому характеру темы рассмотреть последствия изменения и тех условий, которые в нашем предыдущем исследовании мы оставляли без изменений, т.-е. рассмотреть влияние изменений в области производительности труда, уровня эксплуатации, изменения соотношения между размерами потребляемой и накапливаемой прибавочной ценности и некоторые другие стороны проблем.

Е. Преображенский.

(Продолжение следует)

О МАТЕМАТИЧЕСКОМ МЕТОДЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ¹⁾

VI

Прежде чем ответить на вопрос, поставленный в предыдущей главе, обратимся к основной аргументации математиков. Нужно заметить, что систематического обоснования математической методологии, кроме работы Бувье (Bouvier), мы не имеем среди экономистов-математиков. Большей частью, даже крупнейшие представители математической школы ограничиваются отдельными отрывочными замечаниями. Наиболее часто встречающийся и наиболее важный аргумент экономистов-математиков состоит в том, что все основные экономические категории являются количественными категориями, а отсюда логически вытекает возможность и необходимость математической обработки. Джевонс пишет ²⁾: «Что касается меня, то я полагаю, что наша наука необходимо должна быть математической, просто постольку, поскольку она трактует о количествах (курсив автора). Всякий раз, когда предметы, с которыми мы оперируем, способны увеличиваться и уменьшаться, законы и отношения должны быть математическими. Простые законы предложения и спроса касаются исключительно количеств продуктов, спрашиваемых или предлагаемых, и выражают способ, каким количества эти изменяются в зависимости от цены. Следствием этого является то, что законы эти суть законы математические. Экономисты не могут изменить их существа, отказываясь их именовать таковыми. С таким же успехом они могли бы пытаться изменить красный свет, называя его синим. Будут ли выражены математические законы экономики словами или обычными символами — x, y, z, p, q — это вопрос совершенно случайный и условный». «Условные ³⁾ обозначения математических книг по существу своему не отличаются от обычного языка; они представляют собой усовершенствованный язык, приспособленный к понятиям и отношениям, которые нам нужно выразить. Они не являются особым способом рассуждения, они его заключают в себе, они лишь облегчают изложение и понимание. Следовательно, если мы имеем дело в экономике с количествами и отношениями между ними, мы должны рассуждать математически, мы не сделаем этой науки

¹⁾ См. „Вестн. Комм. Акад.“, кн. 13.

²⁾ Theory of political economy, стр. 3—4.

³⁾ Ibid., 4—5.

менее математической, избегая алгебраических символов; мы лишь откажемся от употребления в науке весьма несовершенной, нуждающейся во всякого рода помощи, обозначениях, обычных и признанных необходимыми в другой науке».

Этот же аргумент выдвигает Вальрас (*Eléments d'économie politique pure*, стр. 29). «Меновая ценность является, следовательно, величиной, и,— отныне это можно видеть,—величиной определяемой. И если объектом математики вообще является изучение подобного рода величин, то необходимо должна существовать отрасль математики, забытая до сих пор математиками и еще не разработанная, которая является теорией меновой ценности».

Парето в своем «Cours d'économie politique» (§ 577) отмечает, что экономисты оперируют математическими понятиями, не подозревая этого, как герой Мольера, который говорил прозой, не зная, что такое проза. «Когда мы говорим об арифметических и геометрических прогрессиях, о величине предложения и спроса, о величинах взаимозменяющихся в прямых или обратных отношениях, мы находимся в области науки о величинах, и всегда лучше знать почву, на которой мы находимся, а не ходить по ней вслепую».

Исходя из того, что всякий экономический анализ неизбежно оперирует с количественными понятиями, Джевонс делает тот вывод, что математическое направление родилось вместе с политэкономией¹⁾. Даже злейшие противники применения математического метода в экономике, как Кернс, указывает Джевонс (стр. 17), уплатили дань математике. «Существует ли, например, нечто более явно математическое по существу своему, чем этот отрывок из главной работы Кернса? спрашивает Джевонс. «У нас не возникает никаких затруднений при исчислении основных элементов ценности. Что касается труда, то ценность производства данного предмета выражается числом средних рабочих, занятых при его выработке,—с учетом интенсивности труда и степени вытекающего из него риска,—помноженным на время работы. В отношении воздержания следует придерживаться того же принципа: жертва измеряется величиной богатства, от которого произошло воздержание—с учетом испытанного риска,—помноженной на время, в течение которого воздержание происходило. Здесь мы имеем дело и с исчислением, с умножением, со степенью интенсивности, со степенью риска, с величиной богатств, продолжительностью времени и т. д., все с вещами, идеями и действиями, носящими математический характер. Хотя мой уважаемый друг и предшественник (Кернс) весьма явственно отвергнул мои идеи во вводной главе, тем не менее, он бессознательно принял математический метод во всем, кроме внешности (in all but appearance)».

Таким образом, с точки зрения Джевонса, заслуга математической школы заключается не в том, что она открыла необходимость применения математического метода. Этот метод давно применялся, всегда применялся, но бессознательно. Математическая школа впервые

¹⁾ Theory of polit. economy, XX—XXI.

только назвала вещи своими именами, на место бессознательного и скрытого пользования математикой поставила вопрос о вполне открытом и сознательном оперировании математическими приемами, несовершенные математические приемы прежних экономистов заменила более научными, более точными, более совершенными приемами символических обозначений.

Раз политическая экономия, *volens polens*, (такова идея представителей математической школы), оперирует с величинами, то, очевидно, нужно использовать весь могущественный аппарат современной математики для обработки этих величин, дать научную, а не кустарную обработку, заменить расплывчатую, неясную, неточную словесную формулировку сжатой, точной и жесткой математической символикой. Если Рикардо, Маркс прибегали к арифметическим вычислениям, то отчего не заменить арифметику алгеброй, а последнюю — дифференциальным и интегральным исчислением? С этой точки зрения, различие между методологией экономистов-математиков и методологией Маркса, Рикардо — различие количественное, а не качественное, различие в степени, различие в форме применяемых математических приемов.

Но если принять этот вывод о том, что методология математиков есть только новый этап в развитии методологических принципов, закономерно вытекающий из предыдущих фаз, продолжающий ту же тенденцию, то становится очевидным, что обоснование, приводимое Джевонсом, Вальрасом, Парето, Шумпетером и другими, недостаточно. Ведь речь идет не о праве на существование математического метода, ведь методология экономистов не сводится к признанию математического метода на ряду с другими полноправными и равноценными методами, речь идет о примате математического метода. А для того, чтобы доказать необходимость этого примата, недостаточно сказать: политическая экономия оперирует с экономическими величинами; нужно еще добавить, что экономический анализ преимущественно имеет дело с количественной стороной экономических явлений; экономический анализ должен свестись, главным образом, к установлению количественных соотношений между экономическими категориями. Признание примата этой количественной стороны экономических явлений есть та скрытая предпосылка, которая лежит в основании методологии экономистов-математиков.

Эта скрытая предпосылка о примате количественного анализа есть источник всех методологических ошибок математиков. Основная ошибка заключается в установлении неправильного соотношения между количественным и качественным анализом, ибо роль математики связывается с изучением количественных соотношений между отдельными экономическими категориями, вообще с количественным анализом. Но для того, чтобы математический метод мог выполнить эту роль, облегчить и уточнить количественный анализ, требуется одно чрезвычайно важное условие. Необходимо, чтобы качественный анализ был разработан достаточно полно, т.-е., чтобы была выяснена природа отдельных категорий, их взаимоотношения и зависимости. Изучение количества предполагает изучение качества. В противном

случае, количественный анализ, приложенный к недостаточно выясненным и разработанным экономическим категориям, может превратиться в качественный анализ, т.-е. он может внести новое качество, новое содержание в экономические категории, он может сообщить последним новые свойства и особенности и тем самым привести к противоречию между исходной точкой анализа и его конечным результатом. Математический метод из метода углубления и уточнения теории превращается в метод ее искажения и искривления.

Эта перемена ролей объясняется очень просто. Экономические величины суть величины *sui generis*, величины определенных в качественном отношении категорий. Экономические величины существуют лишь при определенных условиях. Эти величины скрывают под собой определенные отношения, которые непосредственно не могут быть выражены. Экономист, который все свое внимание обращает исключительно на количественное выражение отдельных категорий, тем самым отвлекается от их качественного содержания. Для него прежде всего существует определенная величина, с которой он оперирует, как с любой величиной. Сосредоточивая все свое внимание на количественной стороне экономических категорий, экономист отвлекается от их качественных особенностей и своеобразий. Но тем самым экономист подменяет качество своих категорий, ибо отрицание одного качества (или игнорирование последнего) есть признание другого качества. На почве чрезмерного увлечения количественным анализом происходит трансформация важнейших экономических категорий.

В качестве простейшего примера можно привести категорию меновой ценности. По Марксу ценность товаров есть «предметная форма общественного труда, затраченного на его производство»¹⁾. Ценность товаров не может быть непосредственно выражена в виде числа часов общественно необходимого труда. Эта особенность ценности (ее, так сказать, трансцендентность в математическом смысле) вытекает из характерных свойств товарного производства, из присущих последнему противоречий. С одной стороны, товарное производство является общественным и только на этой почве возможно существование общественно необходимого труда и ценности вообще, как социальной категории. Но, с другой стороны, сама форма организации товарного производства противоречит социальному характеру последнего. Эта организация основана на индивидуалистических принципах. Товарное общество представляет из себя соединение юридически совершенно независимых и автономных производителей. Социальные связи выступают на сцену и из неявных превращаются в явные лишь в процессе обмена. Поэтому ценность непосредственно выражается лишь в тех меновых пропорциях, которые устанавливаются на рынке. «Товары,—пишет Маркс²⁾,—являясь непосредственным продуктом труда отдельных независимых частных лиц, который только посредством отчуждения его в процессе обмена, должен выступить, как всеобщий общественный

¹⁾ „Капитал“, т. I, гл. 17, стр. 516.

²⁾ „К критике политической экономии“, стр. 72.

труд; труд, совершаемый на основе товарного производства, становится трудом общественным только вследствие всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах, за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время, или за рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда, действительно, один специфический товар не мог бы выступить относительно других, как «воплощение всеобщего труда, меновая ценность не становилась бы ценой но вместе с тем потребительная ценность не становилась бы меновой ценностью, продукт не становился бы товаром, и, таким образом, было бы уничтожено самое основание буржуазного производства». Только в условиях организованного социалистического производства общественнонеобходимый труд может быть непосредственно определен; но очевидно, что при этих условиях общественнонеобходимый труд будет иметь другое содержание и не сможет играть роли условия ценности, поскольку ценность не сможет существовать в организованном хозяйстве,

Ценности товаров могут найти себе лишь посредственное выражение в форме меновой пропорции, в форме отношения двух количеств товаров, двух товарных масс. Здесь перед нами выступает чрезвычайно важная особенность формы ценности, выражающаяся в том, что ценность одного товара получает количественное выражение в форме определенного количества материальных благ. Ценность выражается в известном количестве физических предметов, например, унций золота (когда речь идет о денежном выражении ценности), в потребительных ценностях, вообще в таких единицах, которые носят неценностный характер. В этом заключается глубокое своеобразие формы ценности (и, следовательно, всяких попыток количественного выражения ценности), отмеченное Марксом в 1 главе 1 тома «Капитала». «Первая особенность, бросающаяся в глаза ¹⁾ при рассмотрении эквивалентной формы, состоит в том, что потребительная ценность становится формой проявления своей противоположности, ценности. Натуральная форма товара становится формой ценности». Этой основной особенности эквивалентной формы соответствуют две других производных особенности. «Вторая особенность эквивалентной формы состоит в том, что конкретный труд становится здесь формой проявления своей противоположности, абстрактно человеческого труда». «Третья особенность эквивалентной формы состоит в том, что частный труд принимает форму своей противоположности, форму непосредственно общественного труда» ²⁾.

Форма ценности включает в себе, таким образом, противоречие. По своему содержанию она является выражением определенной социальной категории — ценности. Но она, с другой стороны, дает величине ценности материальное выражение. Отношение ценностей выступает непосредственно, как отношение двух физических предметов,

¹⁾ „Капитал.“ т. I, стр. 23.

²⁾ Ibid., стр. 19.

двух материальных масс, имеющих различную потребительную ценность. Это противоречие вытекает из противоречивого характера ценности. Последняя представляет из себя вещественное выражение невещественных социальных отношений, следовательно, в ценности содержание и форма проявления находятся между собой в противоречии. В свою очередь, это последнее противоречие вытекает из действительного характера товарного производства, из противоречия между индивидуалистической формой организации и общественным характером последнего.

Конечно, сама возможность количественного сопоставления различных по своей потребительной ценности товаров предполагает, что у них есть нечто общее, какая-то единая субстанция. Этой субстанцией может быть лишь ценность. Всякое сопоставление и сравнение товаров основано на сравнении ценностей. Формула «10 арш. холста=1 сюртуку» есть лишь сокращенное выражение другой, более точной формулы—«ценность 10 арш. холста=ценности 1 сюртука». «Как потребительная ценность,—указывает Маркс¹⁾,—холст есть вещь чувственно отличная от сюртука, как ценность, он «сюртукоподобен», выглядит совершенно так же, как сюртук. Таким образом, холст получает форму ценности, отличную от его натуральной формы. Его бытие, как ценности, проявляется в его равенстве с сюртуком, как овечья натура христианина в уподоблении себя агнцу божью». Но в виду того, что ценность товаров не может получить непосредственного выражения, перед участником обмена встает лишь более сокращенная формула (10 арш. холста = 1 сюртуку), в которой фигурируют не ценности, а материальные объекты.

Поэтому всякий количественный анализ, не подкрепленный соответствующим качественным анализом, соответствующим обоснованием отдельных категорий, имеет тенденцию вульгаризировать экономическую теорию. Любое уравнение, в котором фигурируют товары, говорит лишь о равенстве товаров, но не о равенстве ценности. Равенство ценностей предполагается, но оно существует лишь в скрытой форме, оно не может быть непосредственно выражено. Математическое выражение скрывает специфические особенности тех величин, которые фигурируют в этом выражении; оно говорит лишь просто о величинах. Экономист, который оперирует исключительно лишь с математической формой ценности, неизбежно должен притти к отождествлению ценностных и материальных категорий, т.-е. к товарному фетишизму. Маркс в 4 разделе 1 главы 1 тома «Капитала» подчеркивает тесную связь между мистическим характером товара и формой ценности²⁾. «Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительной его ценностью. Столь же мало порождается он содержанием определенной ценности. Итак, откуда же возникает загадочный характер продуктов труда, как только этот последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы.

¹⁾ Ibid... стр. 19.

²⁾ Ibid.

Равенство различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию ценности, измерение затрат человеческой рабочей силы их продолжительностью получает форму величины ценности продуктов труда; наконец, эти отношения между производителями, в которых проявляются эти общественные определения их работ, получают форму общественного отношения продуктов труда».

Количественный анализ (если он не дополнен соответствующим качественным анализом) экономических категорий неизбежно имеет дело с формой ценности, т.-е. с фетишизированным проявлением ценности. Поскольку все внимание экономиста устремляется в сторону определения количественных соотношений, постольку на передний план выступает их фетишизированная форма. Поскольку экономист исключительно вращается в кругу количественных определений, он не может освободиться от товарного фетишизма. Для того, чтобы освободиться из-под влияния последнего, экономист должен сосредоточить свое внимание на тех общественных процессах распределения труда, которые непосредственно не могут быть обнаружены и количественно определены. Отсюда понятен тот факт, что в работах экономистов математической школы, как увидим ниже, товарный фетишизм дал такие богатые всходы.

Для того, чтобы судить о фетишизме математиков, достаточно ознакомиться с исходной точкой Шумпетера ¹⁾. «Рассматривая какой-либо народно-хозяйственный комплекс, мы находим, что каждый хозяйственный субъект обладает определенным количеством определенных материальных благ. Таким образом, в основе нашей дисциплины лежит представление, согласно которому все величины, которые мы будем коротко называть «экономическими величинами», находятся во взаимозависимости так, что изменение одной из них влечет за собой изменение всех прочих. Это — простой факт, основанный на опыте и настолько очевидный, что он вряд ли нуждается в пояснениях. Мы это выразим утверждением, что вышеупомянутые величины являются элементами одной системы». Для Шумпетера существуют только экономические величины, т.-е. количества материальных благ — и больше ничего. Он не пытается выйти из круга фетишизированных проявлений социальных отношений. Весь теоретический анализ, по его мнению, вращается лишь в этом кругу.

«Наша задача, таким образом, состоит в том, чтобы при данном состоянии народного хозяйства вывести те изменения величин, которые в следующий момент должны последовать, если не произойдет ничего ненормального. Эти выводы мы и называем «объяснениями»: У Шумпетера связь между количественным анализом и фетишизмом выступает очень определенно. С одной стороны, теоретическая экономика изучает отношения экономических величин; с другой стороны, эти величины выступают, как количества материальных вещей (Quantitäten bestimmter Güter).

¹⁾ „Das Wesen und der Hauptinhalt der theoretischen Nationalökonomie“, стр. 28.

В качестве другого примера можно взять теорию измерения (Theory of dimensions) Джеворса (Theory, стр. 61—69). «Последний прогресс физики показал необходимость применения вычислений в целях ясного выражения сущности и отношений рассматриваемых вопросов. Само собой понятно, что каждый вид величин выражается посредством своих собственных единиц, — длина в ярдах или метрах, поверхность или пространство в квадратных ярдах или метрах, время в секундах, днях или годах и т. д. Если подобного рода теория измерений необходима при трактовке точных понятий физических величин, она представляется еще более желательной при рассмотрении величин, которыми нам приходится заниматься в экономике». Политическая экономия, по Джеворсу, имеет дело со следующими величинами: « M обозначает абсолютную величину продукта; MT' — величину продукта, которая потребляется в единицу времени; U означает полезность (utility) единицы продукта, MUT' обозначает, следовательно, полезность, полученную от единицы продукта в единицу времени; $MUT'T$ или MU означает, следовательно, абсолютную величину полезности, полученную от продукта в некоторый промежуток времени».

Интересно, как обозначают символически такую основную категорию, как меновую ценность, или, по терминологии Джеворса, ratio in exchange (ibid., стр. 69). «Точно так же ценность, в этом понимании, является отношением количества какого-либо продукта к количеству другого продукта, на него обмениваемого. Сравнивая продукты просто как физические величины, мы получим размерность M , деленную на M^0 или M/M' или M^0 ».

В обозначениях Джеворса совершенно стерлось всякое различие между материальными и экономическими категориями. M и U выступают, как однородные величины; Джеворс перемножает их, делит их и вообще отвлекается от их существенного различия. Основная категория политической экономии — меновая ценность — совершенно растворилась в этом океане материи, она приняла скромную форму M^0 ; социальное исчезло из формул Джеворса, остались лишь одни ничего не говорящие символы. Математика в данном случае сослужила плохую службу Джеворсу. Она помогла ему больше затушевать различие между продуктом и ценностью, она элиминировала всякое качественное различие.

Через игнорирование качественных особенностей и своеобразий экономических категорий (а это игнорирование связано с исключительным вниманием к количественному анализу) экономисты-математики должны были притти к отождествлению экономических величин с физическими величинами. Фактическое отрицание своеобразия отдельных категорий теоретической экономики есть признание за последними нового качества, новых свойств, напр., свойство быть не исторической, а логической категорией.

Так, например, цена обычно понимается математиками не как денежное выражение ценности, т.-е. не как отношение двух ценностей, а как отношение двух товаров. Цена есть, таким образом, дробь,

в которой в качестве числителя и знаменателя фигурируют не ценности, а просто физические предметы. Эта концепция, которая нашла себе наиболее яркое выражение в теории Бэли, была подвергнута исчерпывающей критике Маркса ¹⁾. Она нашла себе затем гостеприимный приют в работах математической школы. Если цена есть отношение двух благ, то отсюда очень легко притти к выводу, что цена будет существовать при любом хозяйственном строе, поскольку сопоставление и сравнение различных благ происходит и будет происходить у Робинзона, и в эпоху феодализма, и в товарном хозяйстве, и в социалистическом обществе. Этот вывод не побоялся сделать Парето, который в своем «Cours d'économie politique» (§ 1013) доказывает, что для социалистического общества будет существовать такая же система цен, как для товарно-капиталистического. По мнению Парето, установленная им (вернее заимствованная у Вальраса), система уравнений, в которые в качестве неизвестных входят цены, может быть без всякого труда перенесена из царства капитализма в царство социализма; в последнем эта система уравнений так же окажется на месте; социалистическая революция пройдет мимо уравнений Парето, не тронув их; уравнения Парето претерпят лишь небольшие изменения, а именно величина доходов из переменной и неизвестной величины превратится в определенную и постоянную.

Математика есть вообще формальная наука. Ее интересуют лишь формы количественных соотношений отдельных величин. Если, скажем, X и Y , с одной стороны, и U и V — с другой, изменяются по одному и тому же закону, т.-е. каждому одинаковому изменению X и Y соответствуют одинаковые изменения U и V , то обе функции математиком рассматриваются, как одинаковые, хотя сами элементы, между которыми устанавливается функциональная зависимость, могут иметь совершенно различную природу. Если в центре экономического анализа ставится применение математики, если нематематические приемы отодвигаются на задний план, то тем самым в теоретическую экономию привносится тот формализм, который характеризует математику. Одинаковая форма изменения отдельных категорий дает основания экономисту-математику сближать и отождествлять эти категории. Пример этого формализма мы видели в теории Шумпетера ²⁾, который ставит знак равенства между законом Госсена и своей кривой, иллюстрирующей зависимость цены от предложения на том основании, что обе кривые имеют одинаковую форму и отрицательную производную. (Закон Госсена выражает убывающую полезность отдельных частей запаса благ по мере увеличения последнего; кривая Шумпетера в данном случае выражает, что по мере того, как данному субъекту будет предлагаться большее количество благ, цена отдельного блага, которую согласен уплатить данный субъект, будет уменьшаться. Закон обусловлен психофизиологическими причинами; кривая Шумпетера — социально-экономическими моментами: ограниченностью пла-

¹⁾ Теория прибавочной ценности, том III.

²⁾ Этот вопрос рассматривается в I главе нашей работы.

тежных средств). Такие же примеры можно найти и в других теориях математической школы (напр., в теории кривых безразличия). Математический метод не только может, таким образом, трансформировать отдельные категории (превращая, напр., социальные категории в материальные), но и общие законы, зависимости между отдельными категориями путём сближения законов, имеющих общую форму, хотя и действующих при совершенно иных условиях.

Теория товарного фетишизма дает возможность определить истинную природу экономических категорий, раскрывает их специфические особенности. Лишь на основе глубокого качественного анализа ценности становится возможным плодотворное изучение важнейших количественных соотношений в области ценности. В противном случае, увлечение количественным анализом может или привести к серьезнейшим ошибкам (пример математической школы) или, в лучшем случае, после установления лишь некоторых самых общих зависимостей и связей в области ценности задержать разрешение целого ряда проблем (пример классической школы).

Классическая школа политич. экономии дает нам интересный пример того, как доминирующий количественный анализ (правда, в более элементарной форме и не в столь значительной степени, как у математиков) экономических явлений тесно переплетается с отсутствием социологического подхода. Конечно, анализ классиков глубоко отличается от анализа математиков, поскольку классики пытались дать каузальное объяснение отдельных категорий. Классиков преимущественно интересовала не форма функциональной зависимости между отдельными категориями, а причины количественных изменений этих категорий. Общее между классиками и математиками заключается в недостаточном внимании (при чем эта недостаточность внимания, конечно, проявляется в весьма различной степени), которое уделяется качественной характеристике важнейших экономических категорий. Классическая школа установила правильную связь между величиной ценности и количеством затраченного труда. Тем самым она дала правильный метод для определения законов изменения ценности. Но она не раскрыла качественной стороны ценности, своеобразия последней. Для них ценность есть лишь нормальная или средняя цена (естественная цена). «Естественная цена, — пишет А. Смит ¹⁾, — составляет, стало быть, так сказать, средоточие, к которому стремятся цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда держать их некоторое время выше, иногда же они заставляют их упасть несколько ниже этой цены, но какие бы ни были препятствия, не позволяющие им принять это неподвижное состояние, цены тем не менее постоянно стремятся к нему». Для Рикардо меновая ценность тоже тождественна средней цене. «Итак, — пишет он ²⁾, — говоря о меновой ценности товаров, или покупательной силе, которой обладает тот или иной товар, мы всегда разумеем ту способность, которой товар обладал бы, если бы этому

¹⁾ „Исследование о природе и причинах богатства народов“, 1836 г. т. I, стр. 181.

²⁾ Сочинения перевода Зибера. 1882, стр. 46.

не мешали временные и случайные причины, и которая представляет естественную цену его». Ценность играет роль среднего уровня цен, роль опорного пункта, который необходим для того, чтобы разобраться во всех количественных изменениях цен. Собственная природа цены, особенности этого социального феномена, отличающие последний от явлений материального мира, не интересовали классиков. Для них цена, как самостоятельное явление, не требовала объяснения. Поэтому Маркс имел основание предъявить следующее обвинение классической школе политэкономии¹⁾: «Правда, политическая экономия исследовала, хотя и недостаточно, ценность и величину ценности и раскрыла заключающееся в этих формах содержание. Но она ни разу не поставила даже вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами, почему труд выражается в ценности, а продолжительность труда, как его мера, в величине ценности продукта труда».

Маркс дальше указывает, что одной из причин этой ошибки классической политической экономии является то, что ее занимала преимущественно количественная сторона ценности. Правда, Маркс подчеркивает, что увлечение количественной стороной не было единственной причиной этой ошибки, или, вернее, недостаточности ее анализа. «Один из основных недостатков классической политической экономии,²⁾ — пишет Маркс²⁾, — состоит в том, что ей никогда не удавалось из анализа товаров, в частности товарной ценности, вывести форму ценности, которая именно и придает ей характер меновой ценности. Как раз в лице своих лучших представителей, А. Смита и Рикардо, она рассматривает форму ценности, как нечто совершенно безразличное и даже внешнее по отношению к природе товара. Причина состоит не только в том, что анализ величины ценности поглощает все ее внимание».

Количественный метод изучения ценности (т.-е. изучение преимущественно причин количественного изменения ценности) скорее может рассматриваться, как следствие того, что классиков меньше всего интересовала форма ценности, под которой Маркс в данном случае понимает социальную сторону ценности, ее связь с производственными отношениями в товарном производстве. «Форма ценности, — продолжает Маркс, — продукта труда есть самая абстрактная и в то же время самая всеобщая форма буржуазного способа хозяйства, который именно ею характеризуется, как особенный вид общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически».

Классики занялись исключительно анализом того, что Маркс выше назвал «содержанием ценности», т.-е. трудовыми затратами, лежащими в основании ценности. Но это есть как раз та сторона ценности, которая лучше всего поддается количественному измерению. Ибо трудовые затраты связаны с определенными физиологическими трудовыми процессами, которые поддаются непосредственному измерению. Труд может быть измерен в часах или в других единицах

¹⁾ „Капитал“, т. I, стр. 47—48.

²⁾ Ibid., стр. 48—49.

времени. Математическая сторона трудовой теории ценности тесно связана с ее содержанием, которое имеет материальный, не социальный характер и которое может быть причислено к логическим категориям. В таком смысле, очевидно, Маркс понимал содержание ценности, когда он утверждал, что классическая экономия «раскрыла заключающееся в этих формах (ценности И. Б.) содержание». В таком смысле понимает содержание ценности И. Рубин¹⁾, и его понимание, несомненно, должно быть признано совпадающим с терминологией Маркса по этому вопросу. Форма ценности, социально-историческая характеристика ценности, как выражения товарно-производственных отношений, непосредственно не поддается такому измерению. Ибо, по верному замечанию Вознесенского²⁾, «общественно-производственное отношение не измеряется секундами, минутами, часами и т. д. Они не могут быть основой количественных соотношений обмениваемых товаров». Свою количественную определенность ценность получает от материальных процессов производства, которые связаны с получением данного товара (конечно, и здесь нужно учесть социальный момент, поскольку величину ценности определяет абстрактный труд, являющийся социальной категорией. Тем не менее, сам абстрактный труд, в свою очередь, количественную определенность имеет не потому, что он является социальной категорией, а потому, что его содержанием является физиологический труд). Свою качественную определенность ценность получает от своей формы, от тех производственных отношений, выразительницей которых она является. Только в условиях товарного производства трудовые затраты превращаются в основание ценности.

Таким образом, увлечение классиков политической экономии количественным анализом тесно связано с отсутствием у них социологического понимания важнейших экономических категорий. Последние рисовались классикам, как естественные категории, заключающие в себе столь же мало загадочного, как и другие явления материального порядка. На основании своего элементарного качественного анализа ценности (как средней цены, как центра равновесия и притяжения рыночных цен) классики могли безошибочно установить лишь наиболее элементарные и простые зависимости между ценностью и трудовыми затратами. Для более сложного и детального анализа количественных связей между ценностью и целым рядом социально-экономических моментов (нормой прибыли, заработной платой и т. д.) их теоретическая база оказалось слишком узкой. Так, напр., когда Рикардо пришлось столкнуться с законом средней нормы прибыли, он не мог разрешить всех трудностей.

В 4 и 5 разделах I главы «Начал политической экономии» Рикардо допускается влияние времени обращения капитала и заработной платы на ценность. Рикардо смешивал ценность и цены производства.

¹⁾ «Очерки по теории стоимости Маркса», I изд., стр. 66.

²⁾ «К вопросу о понимании категории абстрактного труда», статья в журнале «Под Знаменем Марксизма», 1925 г., № 12, стр. 135.

Для того, чтобы разрешить все эти трудности, необходим был социологический анализ Маркса; для этого необходимо было разграничить производственные отношения простого товарного производства и капиталистического общества и изучить их взаимодействия. Последняя проблема, давшая ключ к пониманию законов ценности и цен производства, могла быть выдвинута лишь тогда, когда во весь рост была поставлена качественная проблема ценности, проблема природы и специфических особенностей ценности. В свою очередь, сама постановка качественной проблемы ценности возможна была лишь на основе развитой социологической теории Маркса — теории товарного фетишизма. Количественный анализ классиков мог давать ценные результаты лишь тогда, когда речь шла о выяснении зависимости между ценностью и техническими категориями, напр., трудовыми затратами. Как только на сцену выступали социальные факторы, напр. средняя капиталистическая норма прибыли, количественный анализ классиков, основанный на очень элементарном качественном анализе ценности, давал осечки. Необходим был глубокий качественный анализ ценности, который дал Маркс, и который сделал возможным выяснение целого ряда новых количественных соотношений между отдельными категориями, т.е. подготовил почву для более интенсивного применения математического метода.

На основании предыдущего изложения можно сделать тот вывод, что сама возможность плодотворного применения математического метода обуславливается состоянием качественного анализа. Чем глубже изучены те или иные категории, тем отчетливее выступают количественные связи и зависимости между отдельными категориями. В противном случае, как увидим ниже, гипертрофия математики приводит к оскудению содержания экономической теории, создает впечатление полной бесплодности математического метода.

Необходимо далее отметить, что не только общие пределы применения математического метода определяются на основании общих результатов анализа, полученных нематематическим путем. Сами формы применения математики, отдельные операции над экономическими величинами, весь процесс математической обработки—все это должно быть тесно увязано с общими положениями экономического анализа. Основной недостаток экономистов математической школы заключается в том, что у них математика часто отрывается от экономики, превращается в самодовлеющее явление. На этой почве возникают многочисленные извращения отдельных понятий, к рассмотрению которых мы теперь и переходим.

Как мы указали выше, применение математического метода в политической экономии не ограничивается только тем, что экономические положения облачаются в математическую форму и выражаются в виде отдельных уравнений или формул. Процесс перевода экономических положений на язык математики есть лишь первая фаза математического анализа, в которой математика служит только целям иллюстрации и выступает, как метод изложения, а не как метод исследования. О математическом исследовании может быть речь лишь

в том случае, когда экономист подвергает свои формулы определенным математическим операциям или пытается извлечь из этих формул, при помощи математического аппарата, соответствующие выводы. Здесь мы часто присутствуем при следующем явлении: математический аппарат становится самодовлеющим; математические операции над экономическими величинами производятся без ясного представления об экономических процессах; математический метод начинает диктовать новые формы содержания; математический метод здесь из формального превращается в материальный; под маской математических действий происходят трансформации экономического материала; экономист незаметно для себя вносит новые предпосылки и условия проблемы; экономист оказывается в плену у математических формул. попадает в сети, им же расставленные.

В дальнейшем изложении основных проблем математической школы мы часто будем свидетелями этого явления.

Возьмем несколько примеров. Экономисты - математики оперируют с экономическими функциями, которые подвергаются дифференцированию и интегрированию. Для того, чтобы эта возможность имела, необходима, в качестве обязательного условия, непрерывность функции. Если взять какую-нибудь кривую, напр., кривую спроса в зависимости от цены ($D=F(p)$) отдельного индивидуума, то эта кривая всегда будет прерывной, ибо здесь каждому бесконечно малому изменению цены не будет соответствовать бесконечно малое изменение спроса. На это представители математической школы, как Курно, Джевонс, Вальрас, отвечают, что кривые потребления, спроса и т. д. отдельного индивида отличаются прерывностью, но, если мы возьмем кривые потребления спроса и т. д. целого народного хозяйства, то там, в силу действия закона больших чисел, мы можем постулировать непрерывность кривых, т.-е. с известной степенью точности можно утверждать, что бесконечно малое изменение цены вызовет бесконечно малое изменение спроса. Несмотря на эту оговорку, экономисты - математики дифференцируют индивидуальные функции (с них они, как представители психологической школы, должны начинать), т.-е., иными словами, в индивидуальные функции вкладывается то содержание, которое характерно для социальных функций; индивидуальное заменяется социальным; элиминируется та сторона явлений, которая для экономиста психологической школы является решающей, — индивидуальная. Математик-экономист, ничто же сумняшеся, рассуждает об индивидуальных процессах, когда он же своими математическими операциями эти процессы уничтожил.

Возможность дифференцирования данных функций предполагает не только их непрерывность, но и бесконечную делимость тех величин, которые связаны данной функциональной зависимостью. Между тем, экономические блага не могут делиться до бесконечности. Правда, физические тела поддаются бесконечному дроблению, но бесконечно малая доля какого-нибудь тела (напр., хлеба) существует только физически (как известная часть материи), но не экономически, поскольку бесконечно малые доли каких угодно тел не имеют по-

требительной ценности, а следовательно, и ценности вообще. Процесс бесконечного деления, которому экономисты-математики подвергают все экономические величины, приводит к элиминированию всякого экономического содержания, к выхолащиванию всякой экономики, к трансформации экономических величин в физические, к уничтожению самого объекта теоретической экономии. Процесс бесконечного деления (вернее, очень далеко идущего деления) может найти себе применение, в известных пределах, лишь по отношению к денежным суммам, поскольку деньги выступают, как материализованное воплощение ценности и поскольку происходит абстракция от их потребительной ценности. Но в этом случае бесконечное деление всех экономических благ означало бы отождествление последних с деньгами, т.-е. игнорирование потребительной ценности этих благ, т.-е. элиминирование наиболее существенного фактора ценности, с точки зрения теории предельной полезности.

Таким образом, столь невинная операция, как дифференцирование функций, привносит в экономический анализ совершенно новые условия, приводит к подмене одних категорий другими, приводит к трансформации понятий. Таких примеров можно привести весьма большое количество. Так, напр., Лаунгардт, при исследовании условий максимума полезности, складывает общие полезности данных для данных субъектов. В результате получается коллективная полезность данных благ для нескольких субъектов. Мы в этом случае имеем дело со столь нехитростной и невинной операцией, как сложение. Между тем эта операция резко изменяет существо и условия проблемы. Складывать можно лишь соизмеримые величины, напр., однородные тела, объем или вес которых может быть выражен в одинаковых единицах, цены и вообще ценностные величины и т. д. Полезности отдельных благ представляют из себя субъективные и индивидуальные явления. Каждый субъект, по-своему, реагирует на те или иные явления; ощущения отдельных людей не поддаются строгому соизмерению. Так, по крайней мере, утверждают виднейшие представители психологической школы (Джеванс, Вальрас). Сопоставлять можно лишь объективные выражения тех или иных субъективных явлений, но не ощущения, как таковые. Сложение отдельных потребительных ценностей или полезностей (рассматриваемых, как субъективные явления) приводит к элиминированию субъективного элемента из данных величин, к подмене последних объективными величинами, т.-е. к устранению тех явлений полезностей, о которых говорит Лаунгардт.

Другой пример такой трансформации понятий представляет из себя попытка Маршалля измерения полезности благ в деньгах, т.-е. операция деления общей полезности на деньги. В виду того, что последние, как сказано выше, имеют только идеальную потребительную ценность и выступают, как выражение ценности, Маршалль в данном случае производит деление двух качественно несоизмеримых величин — полезности, или потребительной ценности (по терминологии Маркса), и ценности. Эта операция приобретает смысл при двух усло-

ниях: а) если обе величины рассматривать со стороны их полезности, в этом случае произойдет подмена денег, элиминирование основного содержания и функции последних, как мерила ценности, или б) если обе величины рассматривать со стороны ценности. Тогда произойдет подмена потребительной ценности рыночной ценностью; общая полезность в этом случае представляет из себя наибольшую цену, которую согласен данный субъект уплатить за тот или иной товар. — общая полезность превращается в свойство товара. т.-е. в историческую категорию, связанную с существованием рынка, обмена и товарного хозяйства; зависимость между полезностью и деньгами приводит к тому, что на полезность влияют все факторы, определяющие товарные цены. В результате, собственное ядро полезности исчезает; последняя прерращается в модифицированную форму ценности. Перед нами происходит психологическое костюмирование рыночных категорий.

В данном случае мы имеем дело с трансформацией субъективных явлений в ценностные. В других случаях происходит трансформация материальных явлений в ценностные. Так, напр., Вальрас первоначально рассматривает спрос в его материальном выражении, как известное количество материальных единиц. Затем он приравнивает спрос на один товар, предложению другого товара. Очевидно, что всякое сопоставление качественно различных товаров возможно лишь на основании сравнения их ценности. Уравнение, в котором фигурируют спрос одного товара и предложение другого товара, есть уравнение ценностных величин. Очевидно, что характер функциональных зависимостей, напр., между спросом и ценой, в данном случае будет носить совершенно иной характер, поскольку ценностная величина спроса не должна обязательно падать вместе с повышением цены.

Подобным же образом Лаунгардт в своем доказательстве теоремы о пропорциональности предельных полезностей ценам первоначально рассматривает данные полезности двух благ, как функции их количеств (смотри ниже, главу VII). Иными словами, речь идет о зависимости полезности благ от материальной величины запаса качественно определенных благ. Но затем Лаунгардт рассматривает одно благо, как функцию другого, и в связи с этим он переходит к рассмотрению полезности обоих благ, как функции одного какого-либо блага. Благодаря этой невинной операции, Лаунгардт резко изменил условия проблемы. Качественно отличные товары находятся между собой лишь в ценностных отношениях потому, что они поддаются сопоставлению, лишь как ценностные величины. Следовательно, Лаунгардт, заменяя одно благо в его материальном выражении (напр., п весовых единиц) функцией другого блага, заменяет тем самым материальные величины ценностными. Полезности превращаются в функции не материальных благ, а ценностей. Совершенно бессознательно вводится в анализ условие, что товары, имеющие равную рыночную ценность, при прочих равных условиях, имеют равную полезность. Под мантией математических формул происходит процесс трансформации отдельных категорий, процесс метаморфозы различных понятий. Перед

нами — своеобразный маскарад: социальные категории выступают в индивидуальном облачении, объективные категории — в субъективном одеянии, ценностные объекты — в материальной форме и т. д. Процесс маскировки идет дальше. Благодаря отдельным операциям, происходит подмена одного типа производственных отношений другим, подмена товарно-капиталистического общества организованным обществом, регулирующим свое хозяйство на основании планового принципа.

В качестве примера таких операций можно привести ряд экономических задач на отыскание максимума функций общей полезности.

Метод «максимума» имеет громадное значение в теории математиков. Все основные принципы и положения математиков выводятся с помощью этого метода. Вся теоретическая экономика представляется им, как разрешение ряда задач на отыскание максимума полезности. Так, Эджвортс категорически утверждает (*Dictionary of political economy* edited by Palgrave, vol. 2, статья «Funktionen», стр. 168), что «было сказано, что всякая теория в экономике может быть рассматриваема, как решение проблемы максимума и минимума, поскольку достижение наибольшего результата с наименьшей затратой сил и жертв является целью человека, изучаемого экономикой. Язык вычислений максимума и минимума является материнским языком абстрактной экономики». Если отыскание условий максимума, по мнению математиков, есть только скрытая задача всякой экономической теории, то оно составляет непосредственное содержание всех их исследований. Тот же Эджвортс заявляет ¹⁾, что «упомянутые математические операции, а также и другие, в частности интегральное исчисление, целиком обнимаются исчислением максимума и минимума, которое выражает все высшие проблемы абстрактной экономики. Глубоко верны слова Мальтуса: «Многие вопросы наук моральных и политических являются по существу своему вопросами максимума и минимума функций, разрешаемыми помощью производных».

Применение метода максимума переворачивает вверх ногами и ставит на голову все экономические категории. Ибо метод максимума заключается в отыскании тех условий, при наличии которых осуществляется максимум полезности, т. е. в отыскании наиболее рациональных условий, с точки зрения хозяйственного принципа. Иными словами, проблема «каковы должны быть условия реального товарного производства» заменяется совершенно другой проблемой — каковы должны быть условия производства в случае господства рационального принципа хозяйствования, т. е. в случае наличия определенной планомерной организации производства, т. е. в случае замены товарного хозяйства не товарным, а организованным, натуральным ²⁾.

¹⁾ *Dictionary of Political economy* by Palgrave, vol. II., статья *Mathematical Method in Political economy*, стр. 711.

²⁾ Принцип максимума полезности (в работах Дженсона, Вальраса, Парето, Лаунгардта) заключается в том, что каждый участник обмена не только стремится к получению максимума полезности, но и получает максимум полезности, благодаря действительной свободной конкуренции. Величину спроса и предложения они определяют на основании принципа максимума (более подробно вопрос рассмотрен в главе VII).

Исходя из того, что каждый стремится к получению возможно большей полезности, т.-е. к максимуму полезности и минимуму жертв, математик пытается отыскать максимум индивидуальных функций и определить, в каких количественных пропорциях должны распределяться отдельные блага между отдельными лицами. Отсюда выводится теория спроса и предложения. Получаются весьма элегантные, по выражению Касселя, формулы теории цен, с помощью принципа максимума. При этом забывается одно существеннейшее обстоятельство: из того, что каждый стремится осуществить максимум полезности еще не следует, что каждый осуществляет этот максимум. (Между тем, у Джевонса, напр., оба эти положения совпадают). Такое совпадение между стремлением и результатом было бы возможно только при условии, что данное общество есть не анархическое, а организованное, т.-е. при условии отсутствия товарного хозяйства, ибо всякое товарное хозяйство обязательно предполагает анархию производства. Всякое же организованное хозяйство неизбежно является натуральным. Получается весьма интересная картина. Экономисты-математики пытаются построить теорию цен, т.-е. теорию, долженствующую объяснить основной факт товарного хозяйства при помощи метода максимума, который может соответствовать действительности (а не предположениям и намерениям капиталистов) только в натуральном хозяйстве. Применивши метод максимума, экономисты, незаметно для себя, подменили содержание проблемы, изменили условия задачи, заменили одну проблему другой.

Правда, некоторые экономисты (напр., Вальрас) подчеркивают, что стремление к получению максимума полезности характеризует деятельность индивидуальных хозяйств. Каждый товаропроизводитель (вернее, товаровладелец), по Вальрасу, учитывает, с одной стороны, рыночные цены товаров, с другой стороны, характер полезности последних; на основании учета этих моментов устанавливаются спрос и предложение в таких размерах, которые обеспечивают данному субъекту максимальную полезность. В таком понимании принцип максимума не противоречит характеру товарного хозяйства, ибо в этом случае высота максимальной полезности зависит от уровня рыночных цен. Но наряду с таким пониманием максимума мы у математиков встречаем другое понимание. По Лаунгардту, рыночные цены обеспечивают всем участникам наибольшую абсолютную сумму полезности. По Джевонсу (см. его теорию труда, *Theory of labour*), общественный труд в пределах всего народного хозяйства распределяется между отдельными производствами таким образом, чтобы общая сумма полезности получилась наибольшей; это выражается в пропорциональности предельных полезностей и издержек производства. По теории капитализации Вальраса, общество распределяет излишек своих доходов над расходами на производство различных капиталов таким образом, чтобы получилась, при данных производственных возможностях, наибольшая сумма полезности. Во всех этих случаях максимум полезности характеризуется, как регулирующий принцип народного хозяйства, т.-е. последнему приписываются такая планомерность и рациональ-

ность, которые могут иметь место лишь в пределах организованного хозяйства.

Необходимо отметить, что самая тенденция математиков установить точные законы в области субъективных ощущений, ввести точные единицы чрезвычайно дробного измерения вытекает из тенденции сближения законов индивидуального потребления и капиталистического производства. На примере II закона Госсена (см. гл. V) можно воочию убедиться в том, что математики рассматривают индивидуальное потребление, как капиталистическое предприятие, которое требует точного учета всех доходов и расходов и стремится к получению максимальной прибыли. Математики предполагают, что наши потребности поддаются такому же точному учету и что потребление одних продуктов можно заменить потреблением других в каких угодно пределах и пропорциях, подобно тому, как это имеет место в области использования капитала.

Если само увлечение математикой вытекает у психологистов из указанной выше тенденции, то применение математики во многих случаях усиливает эту тенденцию. Так, на примере основных формул Джевонса и Вальраса мы увидим, что математики оперируют с предельными полезностями, как с рыночными ценами. Одинаковое математическое одеяние скрывает различие объективных категорий (цен) и субъективных (полезностей).

Математическая школа дает нам целый ряд замен одних категорий другими, благодаря применению тех или иных математических операций. Наиболее пикантная особенность всех этих процессов заключается в том, что они совершаются бессознательно для данного экономиста. Последний уверен, что он оперирует с субъективными величинами, между тем фактически он имеет дело с совершенно другими величинами; математический метод превращается в предательский метод, вводящий в заблуждение экономиста.

Можно ли во всех этих трансформациях винить математику? Можно ли отсюда сделать вывод, что экономист должен всячески избегать применения математики, как своего опаснейшего врага? Такой вывод был бы, конечно, неверен. Математические операции, сами по себе, ничего не меняют и не могут изменить. Основная причина всех этих метаморфоз и этой своеобразной «предательской» роли математического метода заключается в том, что у экономистов-математиков математика вытесняет экономику; производя те или иные действия с экономическими величинами, экономисты-математики часто бессознательно вносят новые предпосылки. Поэтому из подсобного метода математика превращается в основной. Математическая экономика превращается в экономическую математику.

Опыт математической школы является весьма показательным. На основании этого опыта можно сделать тот практический вывод, что все математические операции с экономическими величинами должны находиться под бдительным и непрестанным теоретико-экономическим контролем. Всякая операция с экономическими величинами должна предварительно получить свою санкцию. Вопрос о возможно-

сти тех или иных действий над экономическими величинами решается на основании общего теоретического анализа, на основании качественного анализа тех или иных экономических категорий.

Математик, оперирующий с экономическими величинами, никогда не перестает быть экономистом. Всякое действие с экономическими величинами есть в то же время отражение какого-то хозяйственного процесса. Всякое действие с экономическими величинами предполагает определенные социально-экономические условия. Экономист, который дает волю своей математической фантазии, теряет экономический руль, теряет руководство экономическим анализом, становится пленником математического метода. Последний выступает на первый план, собственно же экономиста переходит из области сознательного в область бессознательного. Математический анализ оттесняет собственно-экономический анализ. Нарастает антагонизм между политической экономией и математикой.

Совершенно верно заметил по этому поводу Шпанн (статья «Die mechanisch-mathematische Analogie in der Volkswirtschaftslehre» в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band XXX, стр. 798). «Чем больше математики, тем больше должен исчезать живой смысл экономических отношений, разрешаемых помощью уравнений». Математический элемент в учении математической школы растет обратно-пропорционально собственно экономическому элементу. Математическая форма душит экономическое содержание.

Антагонизм между математикой и теоретической экономией, который фактически развертывается в работах математиков (поскольку за счет усиления одного элемента происходит ослабление другого), не является случайным. Он вытекает из методологии наших экономистов. Выдвигая на передний план математическую обработку и оформление экономических положений, они тем самым отодвигают на задний план непосредственную разработку исходных положений. Математический метод является, по своей природе, вспомогательным орудием, которое действует в пределах, установленных данной дисциплиной. Но когда этот метод из вспомогательного превращается в основной, он, вполне естественно, начинает давить на развитие экономических положений. Из средства он превращается в цель.

Весьма любопытно отметить, что экономисты-математики (в особенности из Лозаннской школы, которые являются непримиримыми сторонниками математической методологии, в отличие от более умеренных и трезвых англичан и американцев, как Эджвортса, Маршалля, И. Фишера и др.) весьма пренебрежительно относятся к нематематическим экономистам, которых они называют «литераторами». Парето в начале своего математического приложения (Appendix) к «Manuel d'économie politique» отмечает, что единственное ценное указание на теоретические недостатки он получил от экономиста-математика. Остальная критика нематематиков, по его мнению, не заслуживает никакого внимания. Точно так же и Лорен (Laurent) убеждает себя и своих читателей в том, что ненужно обращать никакого внимания на воз-

ражения простых смертных экономистов, не принадлежащих к математической школе. «Нападки экономистов, пишет он, (*Petit traité d'économie politique mathématique*, стр. 3) не должны волновать «хрематистиков» (*les chrématisticiens*). Но иначе нужно относиться к критике математиков» (к «хрематистикам» Лорен относит экономистов математиков).

Уже один тот факт, что математики чувствуют себя государством в государстве в среде теоретической экономики (это, главным образом, относится к Парето и его ученикам) свидетельствует об отрыве их от теоретической экономики. Игнорирование непосредственного экономического анализа (т.-е. выяснения качественной стороны экономических категорий) приводят математиков (главным образом самых крайних) к тому, что они изолируют себя от прочих экономических теорий.

Отсюда, конечно, нельзя сделать тот вывод, что пределы применения математического вывода в теоретической экономике могут быть строго фиксированы. Наоборот, эти пределы являются весьма эластичными, и, очевидно, они будут расширяться с развитием экономической науки. С одной стороны, углубление качественного анализа создает предпосылки для более интенсивного количественного анализа; с другой стороны, оно ставит новые проблемы о выяснении тех или иных количественных зависимостей. В качестве примера можно привести теорию квалифицированного труда. Более углубленная проработка этого вопроса (Гильфердингом, Дейчем, Бауэром и др.) выдвинула вопрос о соотношении нормы прибавочной ценности для квалифицированных и неквалифицированных рабочих; разрешение последнего вопроса допускает применение математики (см. работу Познякова «Квалифицированный труд и теория редукации»). Важно установить, что плодотворное применение математики в политической экономике становится возможным лишь на известной стадии научного развития. Собственно говоря, это правило имеет общее значение для всех научных дисциплин.

Применение математического метода уже предполагает очень ясное и отчетливое представление об объекте научного исследования. Эта ясность для различных наук наступает с различной скоростью, в зависимости от сложности данного явления. В области социальных наук мы имеем дело с исключительно сложными явлениями. Здесь перед нами переплетение бесконечного множества сил и отдельных факторов. Здесь поэтому необходима особая осторожность в области применения математики. Преждевременное и преувеличенное пользование математикой может затруднить научный анализ; математические операции могут контрабандой внести новые качественные моменты в анализ, исказить, а не уяснить основные экономические категории. Вопрос о применении математического метода в политической экономике есть, в значительной степени, вопрос эволюционного развития и отнюдь не может быть установлен революционным путем, как это пытаются делать математики экономисты.

VII

В связи с этим встает новый вопрос — можно ли утверждать, что математический метод служит лишь для завершения экономической теории, для уточнения полученных результатов и выводов? Не будет ли это означать слишком далеко идущего сужения функций математического метода, если на последний возложить только окончательную отделку экономической теории? Но что может служить критерием достаточной зрелости и подготовленности экономической теории? Кто может выдать такой аттестат зрелости? Не будет ли правильнее дать другую формулировку взаимоотношений между математическим и другими методами исследования? Можно было бы утверждать, что математический метод опирается на полученные результаты, но, в свою очередь, дает толчки для новой исследовательской работы, с помощью применения других методов. Последняя формулировка предполагает взаимодействие между математическим методом и другими приемами исследования. Примеры такого взаимодействия можно найти в истории точных наук, напр., механики, физики и т. д. Механики не ожидали наступления того момента, когда их дисциплина достигнет такого высокого уровня, чтобы позволить себе роскошь применения математического метода. Математика служила не только средством оформления полученных результатов, но и двигательным орудием, своеобразным мотором, ускорявшим поступательное движение точных наук. Почему же нельзя распространить это правило и на теоретическую экономику? Это правило, несомненно, является верным; оно нуждается лишь в нескольких оговорках.

Если проникновение математики в теоретическую экономику рассматривать лишь, как частное проявление более общего процесса, то никакого различия между эволюцией политической экономии и других наук (в отношении к проникновению математики) нельзя будет установить. Такую точку зрения высказывает Билимович¹⁾: «Проникновение математики в экономическую теорию является лишь частным проявлением процесса обращения к математическому методу тех наук, которые первоначально им не пользовались или пользовались в очень слабой степени. Такой процесс мы наблюдаем не только в области астрономии, механики, физики, геодезии, геофизики, но и химии, физиологии, биологии, статистики, психологии (психо-физика) и даже философии (математическая логика). Отсюда математика естественно проникает в социологию и экономику». Билимович игнорирует те специфические трудности и опасности, которые связаны с применением математики в социальных науках вообще и в теоретической экономии, в частности. Конечно, и в последней области вполне возможно и необходимо взаимодействие между математикой и другими методами исследования. Было бы совершенно ошибочным и неверным представлять себе, что применение математики возможно

¹⁾ «К вопросу о расценке хозяйственных благ», стр. 166—168.

лишь тогда, когда теоретическая экономия достигнет наивысшей вершины своего творчества и что математическая обработка экономических законов будет предсмертным актом политической экономии. На известной стадии развития экономической науки становится вполне возможным то взаимодействие, о котором говорилось выше. Эту стадию вовсе ненужно понимать, как конечную стадию. Специфические особенности теоретической экономии заключаются в том, что предмет последней (производственные отношения) недоступен непосредственному наблюдению, поскольку в товарном обществе эти отношения представлены в своей фетишизированной форме, поскольку там имеет место мистификация производственных отношений. Освобождение от влияния фетишизма, раскрытие его тайны, ясное и отчетливое представление об элементарнейших экономических категориях, одним словом, научная формулировка элементов экономической теории является продуктом весьма длительного процесса научного развития. Поэтому применение математики сопряжено в теоретической экономии с большими опасностями и требует более высокого уровня развития данной дисциплины.

Экономисты-математики не учитывают тех специфических условий применения математики, которые имеются в социальных науках вообще и в теоретической экономии, в частности.

Каковы же специфические трудности для проникновения математики в социальные науки? Во избежание всяких недоразумений, мы считаем необходимым отметить, что отсюда нельзя еще сделать вывода о невозможности применения математики, речь идет лишь о более осторожном пользовании математическими формулами. Обычно специфические трудности видят в исключительной сложности социальных наук. На этом основании некоторые ученые, напр., Рюмелин. («Ueber die Gesetze der Geschichte», (Reden und Aufsätze, Neue Folge), Нейман («Naturgesetz und Wirtschaftsgesetz», цитирую по статье Эйленбура «Naturgesetze und Sozialgesetze» в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band 32), считают невозможным применение математики для изучения сложных социальных явлений. С особенной настойчивостью, специально по отношению к экономическим явлениям, это возражение подчеркивает Леруа Болье в своей «Traité theorique et pratique d'économie politique», vol. III, стр. 62: «Школа, называемая математической, не имеет никакого практического приложения; это просто умственная игра, собрание фикций вне всякой действительности и противоречащих всякой действительности. Эти умственные упражнения походят на монахскую рулетку, на азартную игру».

На все эти возражения представители математической школы отвечают, что сложность объекта исследования присуща всем наукам, а не только социальным; ведь с этой целью и вводится абстрактный метод. Всякое познание возможно лишь за счет упрощения явления, выделения некоторых наиболее важных, характерных черт. Многообразие конкретного мира преодолевается изолирующим методом абстракции. Если же это многообразие или сложность явлений рассматривать как непреодолимое препятствие, то тогда должен быть

поставлен вопрос о применении абстрактного метода вообще, иными словами, вопрос о возможности научного познания. С этой точки зрения трудность в применении математики — общая для всех наук; различие между отдельными науками только в степени этой трудности, различие это количественное, а не качественное.

Но дальше является вопрос — ограничиваются ли этим трудности применения математики в области социальных наук (сложностью явлений) или на ряду с этими существуют другие трудности, специфические трудности, свойственные только социальным наукам.

Этот вопрос ставит Парето в § 584 своего «Cours d'économie politique». Почему, спрашивает он, математика не находит себе применения в области социальных наук (политическую экономику он, очевидно, не причисляет к социальным наукам), вследствие ли недостаточного знания фактов или несовершенства методов дедукции? Если обычная логика недостаточна, то какие другие методы нужно употреблять (какой другой вид логики должны мы применять)? К сожалению, ответ на вопрос Парето оставляет открытым. «При настоящем состоянии науки у нас нет никакого средства их (эти вопросы) решить».

Нам представляется, что эти специфические трудности применения математики в области социальных наук заключаются в следующем. Естественные науки (в широком смысле слова, т.е. включая все точные науки, физиологию, химию) имеют дело с различными проявлениями материального мира. В основе последнего лежит движение материи. Это единство основы мира, этот монистический характер природы создает предпосылки для представления о возможности построения идеальной научной теории, которая все явления мира могла бы представить как продукты движения материи, продукты количественно различные, но качественно сходные. Такая идеальная научная теория обеспечила бы возможность применения математики ко всем явлениям природы на 100%. Современное состояние естествознания, конечно, далеко от этого идеального состояния. В некоторых областях мы стоим сравнительно близко (напр., возможность рассматривать различные цвета, как волнообразные колебания единой субстанции — эфира, которые отличаются лишь своей скоростью), в других областях мы еще отстаем (напр., возможность разложения органических веществ, белка), но основная тенденция заключается в приближении к этому монистическому учению о вселенной, представляющему прекрасный материал для математической обработки.

Здесь развитие математических принципов, переход от качественного анализа к количественному, является всегда симптомом научного развития и прогресса, показателем степени приближения к монистическому пониманию природы. Конечно, возможность полного охвата в какой-либо универсальной формуле всех материальных процессов, возможность приведения всех качественных различий в материальном мире к количественным различиям является весьма спорной. Мы не ставим здесь своей целью разрешить сложный вопрос о воз-

возможности применения математики к различным естественным наукам. Мы хотим только подчеркнуть, что некоторые из качественных различий между различными материальными явлениями уже сведены к количественным, различиям, а некоторые могут быть сведены в будущем. Во всяком случае, здесь можно спорить о возможности такого сведения. Между тем, различие между социальными или материальными явлениями, или между некоторыми социальными типами (напр., между организованным и неорганизованным хозяйством) ни при каких условиях не может быть представлено, как количественное различие качественно однородных явлений.

Социальные явления представляют из себя различные формы, различные типы общественной организации людей. В социальных явлениях нет ни атома материального; социальные явления не могут быть сведены к движениям материи, они могут лишь быть причинно обусловленными этими движениями материального мира. Здесь основная задача не растворить социальное в океане материи, а проследить ту связь, которая имеется между всяким движением социального мира и материального базиса. Эту задачу и ставит себе социология Маркса — теория исторического материализма. Конечно, внутри этого социального мира имеются свои различия, которые могут поддаваться количественному определению; поэтому применение математического метода не исключается. Но здесь имеется большая опасность, которой нет в области естественных наук. Эта опасность — в слишком далеко идущей тенденции — всякое качество превращать в количество. Эта тенденция не опасна, пока все наши формулы вращаются в мире социальных явлений. Но она становится опасной, как только мы перешагнули через грань, отделяющую социальный мир от материального мира. Здесь мы превращаем в количественное различие такое качественное различие, которое этому превращению не поддается. Здесь математический метод превращается в источник многочисленных ошибок, искажений, неправильных построений и т. д.

Все это говорит о том, что применение математики в области социальных наук должно происходить с большими предосторожностями, чем в области остальных наук; здесь это применение предполагает значительно более высокий уровень научного прогресса. Здесь о примате математического метода очень трудно говорить, потому что сам этот математический метод нуждается в постоянном корректировании, проверке, контроле; здесь диктатура математического метода чревата большими опасностями.

С особенной силой это своеобразие социальных наук выступает в области теоретической экономики. Рубин совершенно верно заметил ¹⁾, что предмет изучения политической экономии создается благодаря товарному фетишизму. Политической экономии приходится иметь дело с вещными категориями. В этих категориях материальный и социальный момент слиты воедино; социальное явление, напр., цена представляется, как свойство материального объекта. Задача

1) „Очерки по теории стоимости Маркса“, I изд., стр. 19—20.

экономиста и заключается в том, чтобы раз'единить оба эти элемента, выделить из фетишизированных категорий социальное ядро, социальную сущность.

Теоретическая экономия имеет дело прежде всего с производственными отношениями; совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, которая является основным объектом экономического анализа. Эти производственные отношения развиваются на основе соответствующих производительных сил. Материально технический аппарат данного общества является базисом, на котором зиждется экономическая структура; производительные силы находят себе отражение в производственных отношениях. Но из этой взаимозависимости обоих моментов — материально-технических моментов и социально-экономических моментов — производства, зависимости, которая лежит в основе политической экономии и исторического материализма, нельзя сделать вывод о качественном равенстве этих двух моментов, о возможности их сведения к чему-то единому. С одной стороны, перед нами материальные, физические, технические процессы; с другой — различные типы организации производителей. Здесь сочетаются качественно различные категории — физические и социальные; товарный фетишизм, присущий товарному хозяйству, стирает это различие, и производственные отношения выступают перед нами в вещественном одеянии, в материальной оболочке. Создается иллюзия, что эти социальные категории, по своей природе, материальны, что с ними можно оперировать, как с прочими материальными величинами, что различие между этими двумя категориями не качественное, а количественное.

Поэтому, основная задача политической экономии и заключается в том, чтобы вскрыть товарный фетишизм, раскрыть общественный характер основных экономических категорий, представленных в вещной форме. Граница политической экономии проходит там, где материальный процесс производства граничит с его социальной формой.

Маркс указывает ¹⁾, что «хозяйственный процесс представляет сочетание общественных связей и технических приемов». Граница политической экономии и проходит там, где кончаются технические приемы и начинаются общественные связи.

Нельзя, конечно, утверждать, что всякое применение математики в политической экономии органически связано с товарным фетишизмом; мы утверждаем лишь, что одностороннее и чрезмерное увлечение математическими формулами, за счет углубления анализа данных экономических категорий, выпячивание на передний план количественного момента, приводит к забвению того, что перед экономистом фигурируют величины *suī generis*, приводит к игнорированию специфических особенностей данных величин. Под математическим одеянием, под математической оболочкой, исчезает специфическое экономическое содержание. Экономисты-математики оперируют с ценностными величинами, как с обычными материальными величинами;

¹⁾ „Капитал“, том I, стр. 614.

цены для представителей математической школы представляются в виде отношения двух величин, которые носят совершенно определенный материальный характер, напр., изображают разные количества весовых единиц и т. д. В виду того, что всякое количественное выражение ценности является фетишизированным выражением ценности, экономисты математической школы больше, чем представители другой школы, склонны к игнорированию социального характера экономических категорий.

Другая особенность тех категорий, с которыми оперирует политическая экономия, заключается в том, что они носят исторический характер. Поэтому опасность математических формул заключается не только в том, что они могут стереть различие между материальными и социальными явлениями, но и — между качественно отличными социальными типами. Типическая ошибка экономистов математической школы заключается в том, что они смешивают различные типы производственных отношений — в натуральном и товарном обществе. Конечно, существует определенная генетическая связь между этими экономическими формациями, выяснение которой имеет очень большое значение для понимания происхождения и развития соответствующей экономической формации. Но объяснение самого механизма производства в той или иной формации, объяснение законов регулирования производства возможно лишь на основании учета всех специфических особенностей каждой экономической структуры, на основании игнорирования всех переходных и промежуточных моментов.

Между тем, чрезмерное и одностороннее увлечение математикой таит в себе опасность, что этот исторический характер останется совершенно незамеченным. Так, например, когда цена рассматривается, как абстрактное отношение двух материальных величин, то она превращается в категорию, которая может иметь место в любой экономической формации и которая сопутствует всяким материальным величинам. Все важнейшие ошибки математиков вытекают из того, что они свои формулы, полученные для частно-хозяйственной единицы, пытаются распространить на неорганизованное товарное хозяйство. Экономистам-математикам (по крайней мере, значительной части их) чужда та мысль, что их формулы имеют значение лишь для строго определенных социально-экономических условий; что переход к новым условиям может привести к полному аннулированию старых формул. Формализм математика вступает в тесный союз с отсутствием социально-исторического подхода. Одинаковая форма данного процесса (напр., замены одного блага другим в первобытном, капиталистическом и социалистическом обществе) дает возможность некоторым экономистам (напр., Парето) замазать глубочайшие качественные различия производственных отношений, которые могут скрываться под этой общей формой.

Одностороннее увлечение математикой приводит к попыткам установления многочисленных аналогий между отдельными положениями в точных науках и в политической экономии. В качестве при-

мера таких аналогий можно указать на тенденцию сближения механики с политической экономией ¹⁾. В лучшем случае, эти аналогии имеют весьма поверхностный характер и являются примером досужей мысли. Возьмем, напр., некоторые аналогии, имеющиеся в книге Цейтлина ²⁾: «Физический атом (или эфир) политической экономии, пишет, Цейтлин ³⁾—это деньги (золото)». «Это открытие действительного смысла денег справедливо ставит Маркса рядом с Демокритом. Но Маркс пошел дальше Демокрита: он, подобно Ньютому, дал математическую теорию экономического атомизма (эфира)». «Атомизм Ньютона ⁴⁾, как мы видели, дал ему возможность определить массу, как произведение объема тела на его плотность, т.-е. на число атомных единиц в единице объема. Точно так же гипотеза Маркса дает возможность строго определить массу капитала, как произведение объема капитала, т.-е. общего денежного выражения капитала, на его плотность, т.-е. число единиц всеобщего абстрактного труда в данной денежной единице объема капитала». «Движение (круговое) капитала обусловлено ⁵⁾ силами, аналогичными центробежно-центростремительным. Подобно тому, как при всяком круговом движении, согласно теореме Гюйгенса, необходимо наличие известной центростремительно-центробежной силы, точно так же оборот капитала в капиталистическом обществе возможен только при наличии «прибыли». Но где же источник этой прибыли? Согласно Гюйгенсу — Ньютону, источник центростремительных сил в центральном теле, вокруг которого вращается тело. Согласно Марксу, таким центральным телом в процессе круговращения капитала является рабочая сила. Капитал обращается вокруг рабочей силы, которая, подобно солнцу, излучает «капиталистическое притяжение». Это притяжение Маркс обозначил термином «прибавочная стоимость».

Под этими аналогиями может скрываться, однако, весьма опасная тенденция — слишком тесного сближения теоретической экономики с физико-математическими науками. Эта тенденция может привести, в конечном счете, к отрицанию социального характера политической экономии, т.-е. фактически к аннулированию последней. Под маской математического «уточнения и углубления» экономической теории может произойти фактическая ликвидация нашей науки, настоящее самоубийство экономической теории.

Некоторые экономисты-математики сделали совершенно определенное заявление, что политическая экономия является не социальной наукой, а наукой физической, естественной. Вальрас в «*Eléments d'économie politique pure*» указывает прямо, что политическая экономия является наукой физико-математической ⁶⁾, а в «*Théorie de la production de la richesse sociale*» он отмечает, «что политэкономия

1) См. гл. 8.

2) „Наука и гипотеза“.

3) Ibid., стр. 174.

4) „ „ „, стр. 175.

5) „ „ „, стр. 176.

6) „ „ „, стр. 450.

не аналогична механике, а есть сама механика, изучающая равновесие и движение общественного богатства». Джевонс в I гл. своей «Theory of polit. econ. ¹⁾ пишет: «Закрывающаяся в ней теория может быть определена, как механика пользы и частного интереса». С особенной силой физический характер политической экономии подчеркивает Парето. В I же § своего «Cours d'économie politique» он заявляет: «Наука, изучение которой мы предпринимаем, является наукой естественной, подобно психологии, физиологии и химии». Свой курс он заканчивает признанием общих законов, действующих во вселенной и подчиняющих себе все явления, начиная от движения атома и кончая сложнейшими общественными явлениями. В § 1068 Парето пишет: «Выше, значительно выше человеческих предрассудков и страстей царят законы природы. Вечные, неизменные, они являются выражением творческого могущества, они представляют собой то, что есть, то, что должно быть, то, что не может быть иным. Солнца и планеты следуют законам, открытым гением Ньютона или Лапласа, точно таким же образом, как атомы следуют в своих комбинациях законам химии, а одушевленные существа—законам биологии».

Конечно, нельзя утверждать, что эта ошибка—непонимание социального характера политической экономии—присуща только математической школе. Эта ошибка в значительной мере свойственная всем буржуазным экономистам, за редкими исключениями, например, Штольца. Достаточно указать на однородные заявления таких разнородных экономистов, как Маклеода ²⁾ : «Экономика есть великая физико-математическая наука»; Кернса ³⁾, Шмоллера ⁴⁾ : «Политическая экономия занимает среднее положение между прикладными естественными науками (технологией, машиноведением и т. д.) и важнейшими гуманитарными науками (психологией, этикой и т. д.)... потому что народное хозяйство является всегда в то же время природным образованием, поскольку оно подразумевает человека, и культурным образованием, поскольку оно подразумевает чувствующее, мыслящее, действующее, организованное общество».

Хотя социальный характер теоретической экономии официально признается целым рядом буржуазных экономистов (напр., Лексисом ⁵⁾, Вагнером ⁶⁾ и друг.), но фактически социальная точка зрения редко выдерживается полностью. В состав теоретической экономии обычно наряду с изучением социальных явлений включается и рассмотрение взаимоотношений человека и вещей. Так, например, Филиппович, ⁷⁾ с одной стороны, подчеркивает социальный характер

¹⁾ Стр. 21.

²⁾ «Principles of economical philosophy» стр. 109.

³⁾ «The character and logical method of political economy», стр. 57.

⁴⁾ «Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode, в Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 8 Band», стр. 431.

⁵⁾ «Allgemeine Volkswirtschaftslehre», стр. 2.

⁶⁾ «Grundlegung der theoretischen Oekonomie, (Band) Theil», стр. 65, 1892 г.

⁷⁾ Grundriss der politischen Oekonomie, 1911 г., стр. 41.

политической экономии: «Задача науки политической экономии заключается, в первую очередь, в том, чтобы установить экономические явления, т.-е. выделить из социальной жизни человека те институты, приспособления, действия и суждения, которые посвящены заботе о материальных нуждах». Однако, через несколько строк наш автор заявляет: «При этом речь всегда идет об отношениях людей к вещам или об отношениях людей между собой».

Достаточно обратиться к рассмотрению важнейших категорий теоретической экономии, чтобы убедиться в том, что большинство буржуазных экономистов фактически трактует эту дисциплину не только, как социальную науку. Возьмем, напр., понятие капитала. Большинство экономистов, на ряду с частно-хозяйственным понятием капитала (как источника прибыли), устанавливает существование капитала в народно-хозяйственном смысле. Капитал, во втором значении, понимается, как совокупность средств производства, произведенных человеческим трудом, т.-е. как категория чисто техническая, не заключающая в себе ни одного социального атома. Совершенно верно отметил по этому поводу Кливанский¹⁾: «Мы стоим перед странным фактом в лице политической экономии — общественной наукой, объектами которой служат материальные вещи».

Буржуазные экономисты не в состоянии встать на последовательную социальную точку зрения. Поэтому социальный момент, в большинстве случаев, играет вспомогательную и очень скромную роль. Даже Родбертус отождествляет национально-экономическое определение капитала с его техническим содержанием: «Капитал, сам по себе, пишет он²⁾, логически или в национально-экономическом смысле есть продукт, который употребляется для дальнейшего производства или, по прекрасному выражению, есть труд, ранее выполненный».

В этом отношении чрезвычайно характерно следующее заявление Бем Баверка. В ответ на упреки Штольцмана, что современная политическая экономия мало внимания уделяет социальным процессам, Бем пишет в рецензии на книгу Штольцмана,³⁾ что политическая экономия занималась пока изучением чисто-хозяйственных явлений, не успев уделить достаточно внимания социальным факторам. Бем, очевидно, представляет себе, что сфера экономических явлений и сфера социальных явлений — две близкие сферы, может быть граничащие друг с другом или скрещивающиеся, но, во всяком случае, не всегда совпадающие.

„Спорная в общем критика Штольцмана, пишет Бем Баверк, содержит истинное ядро. Только Штольцман видит там ошибку, где имеет место лишь пробел. Теория предельной полезности совершенно основательно занималась до сих пор систематическим и детальным

¹⁾ Статья „Zur Kritik der Nationalökonomie“ в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band, 39*.

²⁾ „К освещению социального вопроса“, стр. 133.

³⁾ „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung“ VII, 1898, стр. 426 — 427.

изложением действительно одних чисто-хозяйственных моментов. Действия социальных влияний она вовсе не отрицала и не оставила его незамеченным — я мог бы привести Штольцману многочисленные места в доказательство этого; она просто не разобрала пока его *ex professo*. Труд Штольцмана является сильным и весьма почтенным призывом к пополнению этого пробела. Теория должна быть готова к этому и она будет готова ¹⁾“.

Еще дальше идет Дмитриев (математик), который указывает, что при экономическом анализе нужно абстрагироваться от социальных факторов.

„По нашему глубокому убеждению, пишет Дмитриев, включение социального момента в систему современной абстрактно-дедуктивной теоретической экономии (курсив автора) принципиально (по методологическим основаниям) невозможно; изучение влияния социального фактора на явления народно-хозяйственной жизни может и должно составлять предмет индуктивной (курсив автора) социологии, имеющей своей задачей установление эмпирических законов общественных явлений ²⁾“.

Дмитриев в данном пункте примыкает к Струве, который важнейшую ошибку Маркса видит в смешении хозяйственных или междухозяйственных категорий (какими являются все категории простого товарного производства) с социальными категориями; придавая понятию „социальные отношения“ слишком узкое содержание (как отношения господства и подчинения), Струве разрывает связь междухозяйственных категорий с социальными.

Экономисты-математики не одиноки; они только поставили точку над и; они довели логический процесс до конца. Раз политическая экономия есть по существу наука естественная, раз экономические процессы отличаются от естественных только количественно, то методология этих наук должна быть общая. Через математику—к сближению с физико-математическими науками—такова цель экономистов-математиков. Но нечего говорить, что такое приближение к физико-математическому берегу будет отдалением от социального берега, будет шагом научного регресса и приведет не к раз'яснению товарного фетишизма, а к его угверждению.

Можно ли сделать вывод, что всякое употребление математики в политической экономии связано с товарным фетишизмом и поэтому должно быть беспощадно изгнано? Этот вывод, конечно, будет неверен. Речь шла исключительно о трудностях и опасностях математического метода. Речь шла о злоупотреблении математикой. Математический метод, правильно употребленный, такой опасности не заключает.

Суммируя все сказанное о пределах применения математического метода в теоретической экономии, мы можем признать, что эти

¹⁾ Цитирую по статье Блимовича: „Социальная теория распределения“ в „Киевских Университетских Известиях“ за 1916 г. № 3, стр. 34.

²⁾ „Новый русский трактат по теоретической политической экономии“, ст. в журнале „Русская Мысль“, 1909 г., стр. 109—110.

пределы находятся в тесной зависимости от общего состояния экономической науки.

Прежде всего, сама возможность применения математического метода предполагает определенный уровень развития теоретической экономики. С другой стороны, степень проникновения математического метода в теоретическую экономику определяется характером данной теории. Чем сильнее выражен объективистский характер данной теории, чем лучше разработаны отдельные положения, чем детальнее проанализированы экономические категории, тем благоприятнее условия для применения математики.

Далее, формы применения математического метода, характер операций над отдельными экономическими величинами находятся в зависимости от результатов качественного анализа данных категорий. Последний решает, можно ли складывать данные величины, подвергать данные функции дифференцированию, отыскивать максимум соответствующих функций и т. д.

Кроме того, возможность использования полученных математических формул, возможность извлечения из этих формул целого ряда выводов определяется общим состоянием экономического анализа. Пример тенденции нормы прибыли к понижению является чрезвычайно показательным. Из очень элементарной формулы нормы прибыли

$$\left(p' = \frac{m}{k} = \frac{m}{c+v} \right).$$

Маркс получил чрезвычайно важный вывод о неизбежности понижения нормы прибыли (на основании той элементарной истины, что если знаменатель быстрее растет, чем числитель, то дробь уменьшается). Но для того, чтобы прийти к этому выводу, недостаточно иметь одну формулу. Необходимо использовать целый ряд положений, напр., о неизбежном росте органического состава, о связи между органическим составом и составом по ценности, о зависимости массы прибавочной ценности исключительно от переменного капитала; о том, что норма прибыли является производной категорией, и т. д. Чем глубже разработан экономический анализ (т.-е., прежде всего, анализ качественной стороны отдельных категорий), тем большее количество математических соотношений может быть установлено и тем большее количество выводов может быть извлечено из этих формул.

Наконец, правильность данных формул зависит от правильности предпосылок, лежащих в основе данного положения. Эти предпосылки, в свою очередь, устанавливаются общим экономическим анализом, на основе применения других формально-логических приемов.

Таким образом, во всех стадиях применения математики (в стадии а) установления данной формулы; б) в стадии математических операций с данной формулой и в) в стадии извлечения из данной формулы всех возможных выводов) роль математического метода находится в теснейшей зависимости от характера данной экономической теории. Применение математики предполагает весьма развитую почву, следовательно — интенсивное развитие других теоретико-эко-

номических методов. Лишь на базе результатов, достигнутых с помощью последних, математика может найти себе доступ и широкое применение в теоретической экономии.

В этом и заключается зависимое положение математического метода. Для того, чтобы перейти к выяснению основных количественных соотношений, необходимо очень ясное и отчетливое представление об основных качественных особенностях экономических явлений. В противном случае, в процессе математических операций может произойти подмена одного качества другим, исчезновение экономического характера изучаемых явлений. „Фетишизм числа“ в политической экономии усиливает товарный фетишизм.

Математический анализ, как выше было выяснено, никоим образом не может заменить всего предыдущего экономического анализа; наоборот, применение этого метода в качестве своей предпосылки предполагает детально разработанную экономическую теорию; математический анализ может лишь дополнить предыдущий экономический анализ, исходя из предпосылок и действуя в рамках определенных последним. Ни о какой автаркии математики не может быть и речи, ибо политическая экономия, прежде всего, остается политической экономией. Такая автаркия может привести не только к вредному формализму. Чистого формализма не бывает. Всякий, формальный анализ связан с известным материальным содержанием. Опасность всякого формализма заключается в том, что исследователь игнорирует материальное содержание, связанное с формальными операциями, т.-е. иными словами, перестает отвечать за выводы своего анализа.

В этом и заключается разгадка поразительной скудости наследства, оставленного нам математической школой. Некоторые экономисты, как мы видели, напр., Кернс или Ш. Жид, идут дальше и говорят о полной бесплодности математического метода.

Такое отрицательное суждение о математической школе идет слишком далеко. Нельзя приравнять нулю все достижения экономистов-математиков. Достаточно здесь напомнить о теории монополии и конкуренции Курно, о теории внешней торговли Маршалля и Эджвортса, о кривой распределения Парето (другой вопрос о правильности этих теорий). Но, во всяком случае, можно смело утверждать, что все достижения экономистов-математиков очень скромны по сравнению с теми преувеличенными надеждами, которые возлагаются этими экономистами на математику. Весьма интересно, что Вальрас, резюмируя все основные выводы своей теории, полученные путем очень сложных исчислений, вынужден задать вопрос: „Возможно, что меня спросят, как это имело уже место, необходимо ли было, не было ли даже, скорее, вредно, чем полезно, представлять в математической форме теорию, которая кажется столь простой и ясной¹⁾“ Вальрас сам вынужден констатировать, что выводы, полученные им, настолько элементарны, что встает вопрос о целесообразности и необходимости сложного математического аппарата.

1) „*Éléments d'économie politique pure*“, стр. 427.

Еще более откровенно высказывается по этому вопросу Эджвортс. Сопоставление математической физики с математической экономикой наводит его на весьма печальные размышления: «По сравнению с математической физикой, математическая экономика представляет много недостатков. Во-первых, как уже отмечалось, сказывается нехватка цифровых данных. В некоторых частях, политическая экономия обладает такой же точностью, какая присуща некоторым частям математической физики. Тем не менее, необходимо признать, что лучшая часть нашей области (политической экономии) соответствует худшей части физики. Поскольку речь идет о произведениях худших почв, мы должны признать, если мы не хотим скрывать бесплодности почвы, что с большей части нашей территории мы урожая не собрали (речь идет о математическом методе Н. Б.). Мы заняты лишь удалением плевел, посеянных нашим врагом. Многие из наших рассуждений направлены на опровержение заблуждений и большая часть наших знаний дает нам возможность лишь избежать явных ошибок» ¹⁾.

Эджвортс очень скептически относится к возможности построения такой разработанной экономической системы, которая могла бы уподобиться теориям математической физики. «Нельзя ожидать, чтобы из подобного материала можно было построить какую-либо тщательно проработанную теорию. Другой важной точкой расхождения между математической экономикой и математической физикой является краткость наших вычислений. Вся трудность заключается в постановке наших вопросов. Чисто вычислительная работа часто незначительна. Едва мы успеваем пустить в ход могущественный аппарат условного языка, как процесс нашего рассуждения останавливается» ²⁾.

Таким образом, Эджвортс должен констатировать, что сфера для применения математики в теоретической экономике является весьма ограниченной. Отсюда невольно напрашивается вывод, что ущерб от того, что экономист перестанет оперировать математическим методом, будет не так уж велик. И Эджвортс не боится сделать того вывода, что математический метод можно компенсировать другими средствами:

«Следовательно, в экономике, не в пример физике, можно обойтись без условных обозначений при помощи прирожденного ума. Необходимо согласиться с тем, что правильная теория ценности была вновь найдена Менгером и восстановлена его последователем Бем Баверком без нарочитого употребления математики» ³⁾.

Причина этой скудости теоретического исследования экономистов-математиков заключается в их неправильном, преждевременном и чрезмерном пользовании математикой, превращающемся в злоупотребление последней. Начав с очень ограниченного запаса идей об

¹⁾ Статья „Application of mathematics to Political economy“, vol. II, в собрании сочинений Эджвортса.

²⁾ Ibid., стр. 286.

³⁾ Ibid., стр. 286.

основных экономических категориях, Вальрас (а по его примеру и другие экономисты) спешит сейчас же перевести очень скудные идеи на математический язык и начинает оперировать математическими формулами. Скудость предпосылок сказывается на теоретическом убожестве результатов.

Возьмем пример основных функций, с которыми оперируют экономисты-математики: $u = \varphi(x)$; полезность рассматривается, как функция количества данных благ. Все наши знания об этих функциях ограничиваются лишь одним условием—мы знаем, что эти функции убывающие (на основании 1 закона Госсена). Это выражается в том, что 1 производная этих функций отрицательная. Но таких убывающих функций можно представить себе бесконечное множество, и математические операции с этими функциями могут нам дать очень мало результатов, пока наши сведения не обогатятся новыми данными и материалом, полученным нематематическим путем.

Некоторые ученые пытаются избежать этих плачевных результатов путем установления произвольных функций. Напр., Лаунгардт в своей «*Mathematische Begründung der Volkswirtschaftslehre*» устанавливает так называемые «*Annäherungsformel*», т.-е. приближенные формулы, напр., он предполагает, что $\psi(x) = ax - a_1 x^2$, а $\varphi(z) = \beta z - \beta_1 z^2$. Нечего говорить о том, что это—чисто произвольные формулы; что последние только иллюстрируют основные результаты, но не более; что, в лучшем случае, книга Лаунгардта может заменить задачник по дифференциальному исчислению, но не более. Между тем, Лаунгардт из этих приближенных формул пытается получить определенные выводы. Злоупотребление математикой у Лаунгардта настолько очевидно, что на это вынуждены были обратить внимание экономисты-математики, напр., Ирвинг Фишер, который в своей книге «*Mathematical investigations in the theory of value*» пишет: «Автор, намеренно выставяющий напоказ свою математику, в действительности вредит делу математической экономики. По моему крайнему убеждению, Лаунгардт, написавший в своем «*Volkswirtschaftslehre*» немало великолепных вещей, лучше бы изложил их, если бы ограничился разрешением проблем в наиболее общем виде ¹⁾».

В результате недостаточной разработанности экономических предпосылок у представителей математической школы получается диспропорция между математикой и экономикой. Математический аппарат, вместо того, чтобы служить вспомогательным орудием, начинает давить на экономический анализ, усложнять и искажать экономические понятия. Совершенно верно заметил известный математик Иосиф Бертран по поводу Курно: «У Курно, напр., мысль теряется среди изобилия алгебраических обозначений» ²⁾.

Конечно, теоретическая нищета математической школы имеет свои, более глубокие, основания, на что указывалось нами в I главе. Новая буржуазная теоретическая экономия вступила в полосу своего

¹⁾ Стр. 119.

²⁾ Статья в „*Journal des Savants*“, 1883, September, стр. 500.

декаданса. Математический метод прикрывает лишь этот процесс разложения. Блестящая внешняя форма скрывает внутренний процесс гниения. Поэтому нельзя сваливать на математику или, вернее, на злоупотребление математикой вину за скудость полученных результатов. Тем не менее, нельзя отрицать, что чрезмерное увлечение математикой оказало свое влияние. Математический метод есть чисто формальный метод. Сам он не в состоянии дать никаких результатов. Математический метод должен быть приложен к каким-то материалам, данным, положениям, теориям и т. д. Чем богаче и лучше разработаны те материалы, которые подвергаются математической обработке, тем разнообразнее и интереснее будут выводы этого математического анализа. Математика, приложенная к несколько-ким элементарным фактам, почерпнутым из наблюдения (например, к закону Госсена о существовании обратной пропорциональности между величиной запаса благ и полезностью отдельных единиц), даст неизбежно очень скромные в теоретическом отношении выводы.

Старик Вальрас (отец Леона Вальраса), который является предтечей теории предельной полезности и одним из первых экономистов, высказавшихся в пользу применения математики, лучше понимал положение вещей, чем его позднейшие преемники и наследники. Он предостерегал против излишних надежд на математику: «Возведение политической экономии, пишет он ¹⁾, в степень точных наук отнюдь не облегчает экономистов; вопросы, могущие быть решенными посредством цифр, не становятся менее важными или трудными. Они оставляют достаточно места для наблюдательности и сообразительности тех, кто к ним подходит; ибо трудность не состоит в том, чтобы установить, что 6 и 6 будет 12; трудность здесь, как и повсюду, заключается в том, чтобы распознать и установить наличие 6-ти объектов, с одной стороны, и 6-ти объектов, с другой стороны, образующих соединение своих 12 объектов того же порядка».

Теоретическая бедность наследства математической школы повлияла отрицательным образом и на распространение ее идей. Нельзя видеть единственную причину слабого распространения математической школы только в недостаточной популярности ее работ и в слабом распространении математических знаний среди экономистов. Конечно, и эти причины сыграли свою определенную роль. Но здесь действовали и дополнительные причины — математическая школа не выдвинула новых крупных принципов, новых больших теоретических идей, которые привлекли бы внимание экономистов. Трудность изложения, соединенная с бедностью содержания, послужила сильнейшим тормозом для распространения влияния математической школы.

VIII

Можно провести аналогию в известном смысле между математической школой в политэкономии и попытками построить новые отрасли наук с помощью статистического метода, например, биоме-

¹⁾ „De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur“, стр. 284—285.

трическое течение Гальтона. Источник ошибок математических и статистических увлечений — общий, это неправильное представление о пределах применения соответствующих методов, это — в скрытой или явной форме — выраженная идея об автономном положении математики или статистики в данной дисциплине. Как замечает М. Н. Смит ¹⁾: «Статистика есть материальный счет. Какими бы математическими приемами она ни оперировала, она никогда не имеет дела со счетными единицами или со счетными множествами, независимо от их материальной природы. Специфическая особенность статистического метода состоит в том, что, являясь в основе своей учением о коллективах, он помогает переводить теоретические концепции в измерительные, качественные характеристики — в количественные. Но как только статистик забывает о качественной характеристике, о материальной природе изучаемых им коллективов, он сразу отходит от строго научной почвы и сразу связывает свою работу с установлением того или иного «божественного» нематериального порядка, который познается исключительно через число, который игнорирует реальные силы развития, движущие данным коллективом, и обязательно упирается в область всякого рода искусственных норм, устойчивостей, закономерностей и т. п. Предпосылкой всякой статистической работы, к какой бы области статистической методологии она ни относилась, является определенное теоретическое построение, целью которого является получение представления о типическом или «идеальном» случае».

Эта общая ошибка заключается в неправильном представлении о научном процессе, вытекающем, в свою очередь, из идеалистической теории познания. Идея «числа» получает здесь слишком большое значение. Экономисту, увлекающемуся математическим или статистическим методом, кажется, что основные математические идеи, являющиеся продуктами человеческого духа, в состоянии осветить весь эмпирический материал и познакомить нас с новыми качественными особенностями явлений. Получается впечатление, что мы, через количественный анализ, идем к раскрытию материальной природы данного явления. В действительности, путь научного развития — другой. Анализ материальной природы предшествует количественному определению явлений: идея о количественных особенностях не является априорной, а вытекает из материального анализа. Эту мысль М. Н. Смит формулирует в следующих словах: «При каждом количественном изучении вначале должна быть «организующая идея», при чем сама организующая идея является плодом материального анализа объекта количественного изучения». «Важнейшим источником неправильности и неточности статистической работы является именно обратный метод: подход к количественному изучению без организующей идеи, подсказываемой материальным анализом, или «преднаучный» подход» ²⁾.

¹⁾ Сборник „Статистический метод в научном исследовании“, 1925, стр. 10.

²⁾ См. цитированный сборник, предисловие.

В I главе мы указали, что чрезмерное увлечение математикой виднейших представителей субъективной школы имеет свои определенные — при том нездоровые — корни. Почвой для широкого распространения математики среди субъективистов служит, с одной стороны, замена каузального анализа функциональным; с другой стороны, частно-хозяйственный подход к народно-хозяйственным явлениям. Целый ряд виднейших экономистов-математиков (Маршалль, Парето, Эджвортс, Шумпетер и др.) заявил о необходимости отбросить «устаревшее», ненаучное, «метафизическое» понятие причины. Во главу угла выдвигается идея взаимодействия отдельных категорий. Поэтому вопрос о факторах, определяющих и обуславливающих данные явления, подменяется вопросом о формах взаимозависимости между отдельными элементами экономической системы. В связи с этим вопрос о формах функциональной зависимости приобретает большое значение. На помощь экономисту приходит математика. Это, по нашему мнению, один из источников увлечения субъективистов математикой. Другой источник заключается в тенденции сближения индивидуального и народного хозяйства. Последнее мыслится по типу первого. В связи с этим процесс объяснения народного хозяйства сводится к постепенному разбуртыванию и усложнению элементарных формул, полученных для индивидуального хозяйства. На этой почве математика превращается в средство прикрытия научного убожества, научного отступления. В этих совершенно ненормальных условиях (которые, по нашему мнению, могут найти себе объяснение на основании анализа монополистического капитализма) развивается злоупотребление математикой, которое характеризует методологию математической школы. Математика превращается в знамя наиболее реакционной экономической теории.

На этой почве может появиться естественная тенденция отрицания всякого применения математики в теоретической экономике. Такая тенденция, в свою очередь, должна быть признана нездоровой. Во всяком случае, она представляет из себя перегиб палки в другую сторону. Марксистская экономическая почва представляет, по нашему мнению, наиболее благодарную почву для широкого использования математического метода. Прежде всего, теория Маркса является наиболее ярким и последовательным выражением экономического объективизма. Элементы субъективизма, т.е. элементы, затрудняющие возможность измерения отдельных явлений, сведены в теории Маркса к нулю. Далее, теория Маркса наиболее последовательно, по сравнению со всеми экономическими теориями, проводит абстрактный метод исследования. Сложнейший комплекс производственных отношений, характеризующих экономическую структуру капитализма, Маркс расчленяет на ряд элементов. Начиная с анализа простейших и наиболее общих производственных отношений товаропроизводителей ¹⁾, Маркс постепенно, шаг за шагом, переходит к более сложным и модифицированным формам производственных отношений. Попутно Маркс

¹⁾ „В критике политической экономии“ и в первых 3 главах I тома „Капитала“.

открывает существование целого ряда количественных зависимостей между отдельными элементами его системы. Дальнейшее развитие, очевидно, должно идти в сторону уточнения и углубления этих количественных соотношений. Элементарные формулы могут быть заменены более сложными и развернутыми.

Наконец, необходимо отметить еще один крупный плюс экономической теории Маркса. Маркс развил теорию товарного фетишизма, дал социологическое обоснование всем экономическим категориям, выяснил их социальную и историческую природу. Поэтому те опасности, которые таит в себе применение математического метода, не существуют для школы Маркса. В марксистской экономике качественный анализ экономических категорий достиг уже того уровня, при котором становится возможным серьезное и плодотворное использование математики. Поэтому, если вообще можно говорить о математической школе, то последняя, в серьезном смысле этого слова, может выйти лишь из рядов учеников Маркса. В отличие от современной математической школы субъективистов, марксистскую математическую школу будет характеризовать не злоупотребление математикой, а вполне серьезное, здоровое использование последней.

Конечно, нельзя делать категорических выводов в этой области. Еще меньше можно установить сроки и конкретные формы математической обработки отдельных элементов экономической теории Маркса. Точно так же нельзя определить интенсивность этого процесса проникновения математики в теоретическую экономику, темп роста математических элементов теории.

Единственно, что можно установить, поскольку вообще может идти речь о прогнозе дальнейшего развития теоретической экономики в этой области, касается лишь вопроса о тенденциях развития нашей науки. По нашему мнению, с известным правом можно наметить тенденцию в сторону усиления влияния математики на экономику. Ряд попыток приложения математики к отдельным вопросам теоретической экономики, который сделан у нас, является весьма показательным. Более детальная и более глубокая разработка экономических проблем даст больше материала для количественного анализа. Математическая обработка, в свою очередь, может дать ряд импульсов для дальнейшего углубления качественного анализа.

Необходимо лишь, чтобы математический анализ был теснейшим образом увязан с экономическим анализом и органическим образом вытекал из последнего. Математические формулы должны дополнять, а не заменять общий теоретический анализ. Формулы не должны оставаться в «блестящем одиночестве». Они должны сыграть роль звена в общей аналитической цепи. В противном случае, экономика превращается в придаток к математике (как, например, в позднейших работах Парето); математическая экономика заменяется экономической математикой; устанавливается своеобразный математико-экономический футуризм.

И. Блюмин.

ВОСКРЕШАЕТ ЛИ СОВРЕМЕННОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ МЕХАНИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XVIII СТОЛЕТИЯ¹⁾?

„Воззрения на природу французского материализма не совместимы с диалектикой и новейшим естествознанием“.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 8, изд. Московский Рабочий.

„Но как бы ни зарекались от материализма и Рей, и физики, про которых он говорит, а все же остается несомненным, что механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок с гигантски-быстрых реальных движений“.

Н. Ленин. Том X, стр. 222.

„Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные“.

Н. Ленин. Том X, стр. 264.

!

Очень часто приходится слышать, что «крайности сходятся» (Les extrêmes se touchent). Это положение диалектики, вошедшее уже в обиход не искушенных в науке и философии житейских мудрецов, невольно приходит на ум при сопоставлении двух статей напечатанных в № 4—5 «Под знаменем марксизма» за 1926 год.

В одной из них тов. А. М. Деборин излагая взгляды Бекона нападает на «механистов»; в другой статье А. Ф. Самойлов, наш известный физиолог не менее решительно защищает тех же «механистов»! Однако, при этих, если можно так выразиться, прямо противоположных задачах, которые себе поставили оба автора, в их мыслях поразительно много общего. Чтобы найти это общее остановимся на тех характеристиках современного естествознания, какие мы находим у обоих авторов. «В самом деле», пишет А. М. Деборин, «механическое мировоззрение исходит обычно из предположения, что материя состоит из тождественных, бесформенных (? А. Т.) и бескачественных (?! А. Т.) элементов—однородных материальных частиц, лишенных всяких свойств» (!! А. Т.) и пр. На подобной точке зрения

¹⁾ В порядке обсуждения.

стоит и современное теоретическое естествознание, унаследовавшее это воззрение от XVII (XVIII? А. Т.) века. Вполне естественно, что при подобном допущении приходится признавать реальным и объективным одно лишь количественное определение вещества и одно лишь механическое движение, перемещение. По мнению Бекона, одинаково ошибаются как те философы, которые предполагают, что отвлеченная материя есть истинное начало всех вещей, так и те мыслители, которые воображают, что первобытная (?) ¹⁾ материя уже с самого начала обладает всеми свойствами, встречаемыми нами во всех сложных телах. Вытекающие из указанных предположений трудности и внутренние противоречия действительно очень велики и над ними следует серьезно призадуматься. Современные механисты, с которыми нам приходится спорить не замечают всех этих трудностей (Стр. 9, подчеркнуто нами. А. Т.).

Посмотрим теперь, что пишет профессор А. Ф. Самойлов.

«Но фатальным здесь является то обстоятельство, что метод современного естествознания гонит натуралиста стихийно в сторону механического материализма. Научившись и привыкнув отправляться для объяснения сложного к более простым отношениям, научившись сводить более сложные явления к более простым, он стихийно приходит к мысли о том, что все явления могут быть сведены к более простому феномену, к движению материальной точки. в пространстве и во времени» (стр. 62. Подчеркнуто нами. А. Т.).

Общее в этих двух мыслях, высказанных двумя мыслителями, стоящими на противоположных точках зрения, сводится к тому, что оба автора подменяют современное естествознание своим собственным вымыслом. при чем один бранит на чем свет стоит этот собственный вымысел, другой его хвалит или во всяком случае считает неизбежным. Другая общая черта в приведенных фантастических картинах— это сходство самого построения картины. Но здесь уж безусловно пальма первенства принадлежит А. М. Деборину. У А. Ф. Самойлова в основе всего естествознания «движение материальной точки», у А. М. Деборина эти материальные точки не только тождественны, но и однородны, «бесформенны», «бескачественны» и даже лишены «всяких свойств»! Хоть одним бы глазком посмотреть на эти чудовища! Можно с уверенностью сказать, что таких частиц—таких атомов не знает вся история материализма от Демокрита до наших дней. Зато подобное же фантастическое изображение естествознания мы находим почти у всех «окончательно» опровергающих материализм идеалистов и теологов!

¹⁾ Современная физика и астро-физика, приходящая к выводу, что известные нам формы материи непрерывно разрушаются и возникают вновь, что туманности, из которых развиваются звездные миры, естественным путем возникают вновь, охотнее говорят о первичной материи, как основе, из которой подучаются в природе все известные нам формы материи.—Представление о начале всех начал — первобытном состоянии и первобытной материи—давно уже изгнано из современного естествознания. Или может быть и это — смертный грех „механистов“?

Задача настоящей статьи и состоит именно в том, чтобы показать, что обе приведенные нами и близко совпадающие друг с другом картины, будто бы изображающие современное естествознание не соответствуют действительности. В них упускается из виду не более не менее — вся история механики, физики и химии XIX и XX столетия!

Но, прежде чем приступить к этой основной задаче, поставим себе вопрос, к каким выводам приходят авторы, приведенной нами и, по нашему мнению, в корне неправильной картины современного естествознания?

Тов. А. М. Деборин, доказав (конечно только для себя и своих единомышленников), что «современное теоретическое естествознание» стоит на почве механического материализма, враждебного диалектике, призывает к борьбе с «механистами», призывает к внедрению диалектического метода в естествознание, которое до сих пор еще опирается на свои «механистические» теории, оставшиеся нам в наследство от ушедших в вечность двух, а то пожалуй и трех столетий!

Проф. А. Ф. Самойлов, в свою очередь, приходит к выводу, что для естествознания достаточно и механического материализма и ни в каком диалектическом методе оно не нуждается. «Все марксисты», говорит он, «которые воодушевлены верой в силу диалектического метода в познании природы, если они при этом специалисты-естественники в какой-нибудь области естествознания, должны на деле доказать, что они, применяя диалектическое мышление, диалектический метод, в состоянии пойти дальше, скорее, с меньшей затратой труда, чем те, которые идут иным путем. Если они это докажут, то этим без всякой борьбы, без лишней бесплодной оскорбительной полемики, диалектический метод завоюет себе свое место в естествознании» (стр. 81).

Что вытекает из этого сопоставления? Огять то же самое: несмотря на противоположность взглядов обоих авторов, новое поразительное совпадение. Выражаясь коротко, оба приходят к выводу: в современном естествознании — ни грана диалектики! «Современное теоретическое естествознание» стоит по товарищу Деборину на почве не диалектического, а механического материализма, а проф. Самойлов спрашивает: покажите, где и в чем диалектический метод помог естествознанию в его исследовательской работе?

А вот Энгельс думал совсем иначе! «Может, впрочем случиться», писал он сорок лет тому назад. «что прогресс теоретического естествознания сделает большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней. Ибо революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирических открытий, заставит даже самого упрямого эмпирика признать диалектический характер явлений природы»¹⁾. Энгельс, в отличие от тов. А. М. Деборина, ясно видел, что современное естествознание не мирится с механическим материализ-

¹⁾ Диалектика природы, стр. 373.

мом. Он со всей определенностью указывает, что «с этим материалистическим пониманием истории столь же несовместим старый социализм, как и воззрения на природу французского материализма не совместимы с диалектикой и новейшим естествознанием»²⁾ (Подчеркнуто нами. А. Т.). Что же, спрашивается, Энгельс ошибался? Или может быть естествознание пошло задним ходом?

Ведь едва ли кто-нибудь станет упрекать современные естественно-научные теории в том, что они расходятся с опытом? Возможность предсказывать физические и химические явления никем, думаю, что и тов. А. М. Дебориным, не отрицаются? Я думаю также, что никто из марксистов не станет также оспаривать того, что все наши теории являются «снимком», отражением действительности, того, что есть,—природы. А ведь «природа служит пробным камнем для диалектики. и мы должны быть благодарны естествознанию за то, что оно доставляет для ее испытания с каждым днем все возрастающий материал и тем самым доказывает, что в природе в конечном счете все совершается диалектически. а не метафизически»³⁾. Как же это может получиться, что в природе все совершается диалектически, а отражение этой природы—наши теории, которыми мы к тому же успешно пользуемся в нашей практике, вдруг оказываются не имеющими ничего общего с диалектикой? Никуда негодное отражение оказывается хорошей путеводной нитью в том, что оно нам дает в заведомо искаженном виде!

Огульно отрицая диалектику в «современном теоретическом естествознании» тов. Деборин льет воду на мельницу тех скептиков из числа специалистов-естественников, каким является и проф. А. Ф. Самойлов, которые не хотят видеть это диалектики и которые, в свою очередь, поддерживают заблуждение философов-марксистов, уверяя их, что естествознание так и застряло на материализме XVIII столетия! Итак мы опять вплотную подошли к основному нашему вопросу: виновно ли современное естествознание в воскрешении механического материализма XVIII столетия?

II

Для того, чтобы нам яснее было видно, заслуживает ли современное теоретическое естествознание тех упреков, какие щедро рассыпают философы-марксисты, напомним сжатую и ясную критику Энгельса в его Лудвиге Фейербахе. «Материализм прошлого XVIII века был преимущественно механическим, потому что из всех естественных наук к тому времени достигла известной законченности только механика твердых тел (земных и небесных), короче механика тяжести. Химия была еще в детском состоянии, в ней придерживались еще теории флогистона.

¹⁾ Анти - Дюринг, стр. 8. Изд. Московский Рабочий. 1922 г.

²⁾ Анти - Дюринг, стр. 7. Изд. Моск. Рабоч. 1922.

Биология была еще в пеленках; растительный и животный организм был еще мало исследован, его отправления объяснялись чисто механическими причинами. В глазах материалиста XVIII столетия человек был машиной, как животные в глазах Декарта. Исключительное приложение мерил, заимствованного у механики, к химическим и органическим явлениям, в области которых механические законы хотя и продолжают, конечно, действовать, но отступают на задний план перед другими высшими законами—составляет специфическую, неизбежную тогда, черту ограниченности классического французского материализма»¹⁾ (Курсив наш. А. Т.).

Про какую механику здесь идет речь? Это ясно и не двусмысленно выражено самим Энгельсом: «механика твердых тел (земных и небесных), короче механика тяжести». Ни для кого не тайна, что из этой механики не только не построить химии и биологии, но даже нельзя построить и молекулярной физики. Наши «анти-механисты» позабыли, а может никогда и не знали, что механика материальной точки есть только вступительная глава к механике системы—это во-первых, и во-вторых, как мы сейчас выясним, когда мы применяем механику в «надмеханических», по выражению Энгельса областях, то при этом на ряду с уравнениями механики, которые действительно сохраняют свое значение, мы вносим целый ряд новых условий, которыми и определяются специфические особенности явлений, относящихся к этим «надмеханическим» областям. Но эти особенности, эти диалектические узлы ускользают от многих и многих из числа философов-марксистов, и потому им кажется, что вся наука в частности физика изображается как движение однородной материальной точки! Так видно сильно действует на психику развивающаяся на наших глазах болезнь, именуемая «механо-боязнью».

Рассмотрим прежде всего переход движения видимых масс или «молярного» движения, как выражался Энгельс, в «молекулярное». Остановимся сначала на том, что дают нам уравнения механики, когда мы решаем самую простую механическую задачу из области «механики тяжести», скажем, задачу о полете брошенного камня. Эти уравнения дадут нам форму пути, по которой летит камень, или так называемую траекторию движения, и, кроме того, дадут так называемое «расписание движения», т.е. позволят нам определить, в какое время наш камень будет находиться в том или другом месте своего пути. Больше этого уравнения механики дать не могут; но перечисленных данных еще не достаточно для окончательного решения даже этой простой задачи. Чтобы решить эту простую задачу о движении брошенного камня надо знать, где камень находится в момент, когда мы его бросили и надо

¹⁾ Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 43 Изд. ВЦПК, 1918.

знать его начальную скорость. Когда речь идет о движении единичного легко наблюдаемого объекта, каким является камень, то эти добавочные условия: начальное положение и начальная скорость нам хорошо известны и настолько хорошо известны, что мы даже забываем о том, что эти условия не содержатся в уравнениях механики, что они не составляют того, что мы называем законами механики. Когда мы переходим к молекулярной механике, к механике несметного числа невидимых глазу молекул, то эти начальные условия: положения всех молекул в определенный момент, их начальные скорости и направления этих скоростей нам не известны, а между тем различия в этих начальных условиях приводят к существеннейшим различиям в характере движения и взаимодействиях всего собрания молекул. Для решения вопросов, которые ставит себе «молекулярная механика», или так называемая кинетическая теория материи, помимо уравнений механики надо еще привлечь теорию вероятностей и с ее помощью, т. е. методами статистики, исследовать все возможные распределения начальных¹⁾ положений молекул и их начальных скоростей и определить наиболее вероятные распределения. Вот этим путем находятся те «высшие законы», которые объясняют нам специфические особенности молекулярной механики в отличие от «молярной». Больцман, являющийся одним из создателей статистической физики, который к ужасу многих зараженных «механобоязнью» назвал XIX век «веком механического истолкования природы, веком Дарвина», и который должен быть поэтому заклеен кличкой «механиста», этот самый Больцман оказывается ясно понимал, что не только вся природа, но даже и молекулярная механика не сводится к одним только уравнениям механики. Вот что он писал в ответ своим критикам в 1896 г.: «Закон распределения скоростей между газовыми молекулами никоим образом не может быть доказан как предложение обыкновенной механики только из уравнений движения»²⁾.

В этой же статье он указывает, что к законам механики, к ее уравнениям приходится добавлять те закономерности в так называемых начальных условиях, о которых у нас шла речь и которые мы отыскиваем методами статистики. Вот еще одно замечание Больцмана из той же статьи: «При этом, мне кажется, упускали из виду, что механические процессы определяются не только уравнениями механики, но и начальными условиями». Когда речь идет о движении одного тела или небольшого числа их, то эти начальные условия настолько хорошо известны, что, как мы уже говорили, обыкновенно даже забывают, что они получаются независимо от уравнений механики. В задачах же молекулярной механики обработка начальных условий требует исследований

¹⁾ Начальные в том смысле, что мы начинаем наше исследование с некоторого момента, условно принимаемого за начало счета времени.

²⁾ *Annalen der Physik*, 47, 773. 1896.

громадной трудности, и в результате мы и получаем те высшие законы, которые характеризуют отличия «молекулярной» механики от «молярной». Таким образом уравнения механики оказываются в силе и для молекулярной механики. « Mv^2 доказано и для газовых молекул благодаря кинетической теории газов. Таким образом, одинаковый закон как для молярных, так и для молекулярных движений. Различие обоих здесь уничтожено» («Диалектика природы», стр. 199; подчеркнуто нами. А. Т.), и в то же время Энгельс замечает: «Открытие, что теплота представляет собою молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте, кроме того, что она представляет собой известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать» (стр. 143; подчеркнуто нами. А. Т.). Вот это «другое» и получается в молекулярной механике с помощью статистического метода. Ведь как мы только что могли убедиться, «механист» Больцман указывает, что молекулярная механика основана не на одних только уравнениях механики. Он и не думал утверждать, что молекулярная механика=обычной механике, как это делал механический материализм XVIII столетия и как этого не делает современное теоретическое естествознание! Статистическая механика, понимаемая в широком¹⁾ смысле этого слова, есть одна из специфических особенностей, отличающих современную механику от механики XVIII столетия.

Теперь два слова о «механисте» Больцмане и о проф. А. Ф. Самойлове.

Проф. А. Ф. Самойлов в своей статье не отрицает, что Энгельс с помощью диалектического метода правильно указал на ошибочную формулировку второго принципа механической теории тепла, но в то же время он утверждает, что Больцман и Смолуховский «отрицают фатальное значение второго закона механической теории тепла, отнюдь не основываясь на диалектическом ходе процессов в природе и нисколько не опираясь на рассуждения Энгельса». Что Больцман и Смолуховский не знали рассуждений Энгельса и не изучали диалектики, это совершенно верно, но верно также и то, что их работы и их споры с противниками являются как раз блестящими примерами применения диалектического метода, — той стихийной диалектики, которой преисполнено современное так называемое «механистическое» естествознание. В самом деле, вопрос стоял так: механическая теория тепла должна была, отправляясь от уравнений механики, которые изображают процессы строго обратимые, объяснить необратимые процессы. Это противоречие казалось безвыходным для всех метафизически мыслящих противников Больцмана и Смолуховского, для которых обратимый и необратимый процессы представлялись взаимно исключаящими противопо-

¹⁾ Под статистической механикой в узком смысле понимают один из ее методов, разработанный Гиббсом.

ложностями. И однако Больцману удалось показать, что уравнения механики в равной мере приложимы как к обратимым, так и к необратимым процессам, а Смолуховский завершил этот синтез, показав, что одна и та же математическая формула изображает и обратимый процесс и свою полярную противоположность—процесс необратимый ¹⁾!

Разрешение этого противоречия возможно было только с помощью диалектического метода, и оно было сделано стихийными диалектиками Больцманом и Смолуховским. Если проф. А. Ф. Самойлов внимательно рассмотрит их работы, он вынужден будет с нами согласиться!

Впрочем у него уже готова отговорка: раз естествоиспытатель стихийно применяет диалектику, то не зачем ее и изучать! «Призыв естествоиспытателей», пишет он, «к изучению самой правильной формы мышления, к изучению диалектики, находится в противоречии с высказанным утверждением о том, что естествоиспытатель бессознательно применяет диалектический метод» (стр. 71). При всем желании, я здесь решительно никакого противоречия заметить не могу! Представьте себе, что среди учеников какой-либо школы II ступени нашелся такой, который, ни у кого не учась, «стихийно» подбирает на слух любую услышанную им мелодию. Скажет ли ему учитель: так как ты «стихийно», ни у кого не учась, уже хорошо играешь, то тебе не зачем учиться музыке, занимайся чем-либо другим или иди дирижировать симфоническим оркестром! Я думаю, что всякий разумный человек именно такого ученика пошлет учиться музыке! Скажут, сравнение исследователя с учеником неуместно. А разве исследователь не отличается тем от любого обывателя, что он всегда готов... учиться, учиться и учиться! Стихийных диалектиков, которые, как следует, владеют диалектикой, по пальцам перечесть, потому что человек, стихийно владеющий каким-либо оружием, владеет им далеко не на все сто процентов!

Но вернемся к молекулярной механике. Исчерпывается ли она нацело уравнениями механики и тем, что дает молекулярная статистика?

Мы прежде всего должны поставить вопрос: что представляют собой силы взаимодействия между молекулами и составляющими их атомами? Современная физика дает на это следующий ответ. Эти силы взаимодействия электро-магнитного происхождения. Таким образом в молекулярную механику вторгается еще нечто новое—электро-магнитные явления. Какова же связь между учением об электромагнитных явлениях и механикой? На этот вопрос физики нашего времени дают один из следующих двух ответов. Те из них, которые целиком и полностью стоят на почве формально-махистского направления, к которому относится и теория относительности, утвержда-

¹⁾ Подробнее об этом см. А. Тимирязев, Диалектика природы Энгельса и Современная физика, „Диалектика природы“. Сборник № 2. Издание Тимирязевского Научно-Исследовательского Института, Вологда.

ют, что электромагнитные явления не «сводимы» ¹⁾ к уравнениям механики, что этим вопросом вообще заниматься не стоит, что Максвелл даны идеально точные уравнения, при помощи которых можно самым точным и «экономным» образом дать «описание» всех электромагнитных процессов. Наоборот, те из физиков, которые стоят на стороне революционного движения, связанного с именами Фарадея, Максвелля и Дж. Дж. Томсона, полагают, что уравнения электромагнитного поля есть уравнения механики эфира, что задача о «сведении» к уравнениям механики еще не полностью осуществлена потому, что уравнения Максвелля не точны, что из уравнений механики можно будет теоретически безупречно вывести уравнения Максвелля тогда, когда к этим уравнениям будет найдены поправочные члены, каких самому Максвеллю не удалось найти.

Эту точку зрения тов. А. М. Деборин и его, единомышленники, не колеблясь, назовут грубо «механистической» — наследием XVIII столетия. Посмотрим, что писал сам Максвелль о своей теории. «Я предполагаю рассмотреть магнитные явления ²⁾ с механической точки зрения (какой ужас! Не правда ли? А. Т.) и выяснить, какие напряжения или движения некоторой среды в состоянии вызвать наблюдаемые механические явления. Если мы, исходя из тех же положений, сможем связать магнитные притяжения с притяжениями электромагнитными и притяжениями индукционных токов, то мы получим теорию, которая существенным образом расширит наши познания в этой области физики и неправильность которой может быть доказана только опытом».

А вот что пишет Энгельс в «Диалектике природы» об этом ужасном «механисте» Максвелле. «Различные теории различно изображают характер этого движения; теории Максвелля, Ганкеля и Реньяра, примыкая к новейшим исследованиям о вихревом движении, видят в нем каждая по-своему тоже вихревое движение ³⁾ (Какие вульгарные «механисты», не так ли?! А. Т.). И, таким образом, вихри старого Декарта находят почетное место в новых областях знания. Они (т.-е. эти теории. А. Т.) сильно отличаются друг от друга и, наверное, испытают еще не одну перемену. Но в лежащей в основе их концепции заметен решительный прогресс (Тов. Деборин! Как это могло случиться, что «механист» оказался прогрессистом с точки зрения диалектика Энгельса? А. Т.). Представление о том, что электричество есть воздействие на материальные молекулы движения частиц, проникающего всю весомую мате-

¹⁾ О том, что значит «сводить» одни явления к другим, у нас речь будет впереди.

²⁾ Ueber Physikalische Kraftlinien. J. C. Maxwell. Издание Оствальдовских классиков, стр. 5, оригинал напечатан в Philosophical Magazine, 21, том 1861 и 23 том 1862.

³⁾ Энгельс отлично понимал, что вихревые движения — это не та «механика тяжести», о которой говорили в XVIII столетии. Не понимают этого только те, кто хотят быть монополиями толкователями Энгельса.

рию эфира, примиряет между собой обе прежние концепции. Согласно этому представлению, в случае электрических явлений, имеется налицо движение чего-то вещественного, отличного от весомой материи, но это вещественное не есть вовсе электричество, которое, наоборот, обнаруживается в виде особой формы движения, хотя и не непосредственного прямого движения весомой материи» (стр. 299 «Диалектика природы»). Эта теория по Энгельсу «дает надежду объяснить, что такое собственно-вещественный субстрат электрического движения, что собственно за вещь вызывает своим движением электрические явления» (стр. 299, подчеркнуто везде нами. А. Т.). Подумали ли наши «анти-механисты», как это могло случиться, чтобы диалектик Энгельс и вдруг стал хвалить Максвелля, выведившего законы электростатического поля из уравнений механики? А дело ведь очень просто! Энгельс, в отличие от современных «анти-механистов», не только великолепно знал диалектику, не только знал Гегеля, но и умел эту диалектику видеть как в природе, так и в отражениях этой природы—в научных теориях. Так всегда бывает с теми мыслителями, у которых диалектика стоит на ногах! Не часто, видно, это теперь случается!

Но в чем же «специфичность» электромагнитных явлений? Тем ведь Максвелль на ряду с другими «механистами» XIX и XX столетия и отличался от материалистов XVIII столетия, что, «сводя» законы электромагнетизма к уравнениям механики, он «не смазывал» и того «специфического», что есть в этих явлениях.

К чему же сводятся эти особенности? Во-первых, мы уже указывали, что в основе теории Максвелля было положено учение о вихревом движении. А учение о вихревых движениях было детально разработано в половине XIX столетия. Это—также одно из отличий новейшей механики от механики XVIII века.

Кроме того, и это еще важнее, старая механика рассматривала движение любого тела, не рассматривая связанного с этим движением движения всепроникающей среды эфира. Новая механика как раз изучает влияние движения какого-либо тела на окружающий это тело эфир. Это также приобретение XIX века. Механика XVIII века не знала механики эфира, в том смысле, по крайней мере, как мы это понимаем теперь. Эта связь движения электрически заряженного тела с окружающим эфиром, являющаяся отличительной чертой электромагнитных процессов, привела нас к понятию о переменной массе, а это уж не механика «твердых тел (земных или небесных)»! Вот как далеко мы ушли вперед от времен французских материалистов!

Чтобы показать, насколько эта новая механика отличается от старой, приведем только один пример. Когда мы теоретически вычисляем массу движущегося электрона, то нам приходится считаться с тем, что

происходит в окружающей среде во всем бесконечном пространстве. Таким образом, масса одного электрона распределена теоретически во всем мире! Конечно, практически громадная ее часть сосредоточена вблизи самого электрона, но ведь не в одном «количестве» суть дела, не так ли? Более того, присутствие соседних заряженных тел изменяет массу данного электрона, так как при этом изменяется состояние промежуточной среды и при движении электрона с его «Фарадеевскими трубками»¹⁾ с ними будут переноситься различные количества эфира. Как это представление о распределении массы электрона во всем пространстве, где находятся другие тела, вяжется со старыми представлениями о непроницаемости? Да, современная физика диалектически подходит к вопросу о непроницаемости. Этого не замечают только те, кто желает взять монополию на обучение диалектике. Далее, и это особенно важно, в системе, представляющей собой электрон далеко не «бесформенный» и «бескачественный», понятие об однородной материальной точке играет весьма подчиненную роль, а ведь электрон есть пока что наименьшая частица, с которой мы практически имеем дело! Ленин, ясно видя, чем теперешняя физика и механика отличаются от старой, определенно указывал, что теперь «удается открыть новые формы материи (электроны и протоны, а не простые материальные точки! А. Т.), новые формы материального движения. с вести старые формы к этим новым и т. д.» (Том X, стр. 264, подчеркнуто нами. А. Т.).

Замена однородных материальных точек старой картины мира—картины XVIII века сложными системами, какие представляют собой электроны с их переменными массами, вызвали у ряда ученых, вследствие незнания диалектики, сомнения в том, существует ли и в самом деле материя? Борьба с этими идеалистическими извращениями науки, которую вел Владимир Ильич, продолжается в том смысле, что подобные извращения непрерывно появляются вновь. Вместо того, чтобы продолжать дело Ленина, наши современные методологи-марксисты предпочитают воевать с вымышленными ими самими несуществующими призраками будто бы воскресших материалистов XVIII века. Не скроем—воевать с вымышленными, несуществующими врагами куда легче, чем следить за развивающимися событиями и бороться с действительными противниками. Но кому и какая польза от борьбы с тем, чего нет!

Только после того, как нам удалось заменить «однородные материальные точки» электронами и протонами, мы смогли перекинуть мост между физикой и химией.

Об этом выдающемся успехе «современного теоретического естествознания» весьма ясно и красноречиво говорит один из создателей современной теории электронов Дж. Дж. Томсон на первых же страницах своей замечательной книги «Электрон в химии»²⁾. Вот эти слова:

1) Силовые линии, которые по Фарадею-Максвеллу представляют собой род вихрей в эфире.

2) В ближайшее время выходит русский перевод под редакцией профессора Н. А. Каблукова.

«существовало обыкновение разделять изучение свойств материи на две науки — физику и химию. В прошлом различие это было реальным, благодаря нашему незнанию структуры атома и молекулы. Область, находящаяся внутри атома и молекулы, была для старой физики неизвестной территорией. Старая физика не имела объяснения и ответа на вопрос, почему атомы одного рода отличаются от других и каким образом атомы соединяются между собой, образуя молекулы. Это как раз задачи, которыми были заняты химики, и, таким образом, если современная концепция атома верна, то барьер, отделявший физику от химии, снимается...».

«В новой физике атом рассматривается состоящим из некоторого числа электронов, расположенных вокруг центрального положительного ядра. Число и расположение электронов определяют свойство атомов и действие одного атома на другой». Уже на первых порах это завоевание химии физикой ознаменовалось крупными победами. Так, основной вывод электронной теории в химии, согласно которому химические свойства атомов определяются числом и расположением электронов в атоме¹⁾, можно было проверить на целом ряде опытов. Так, отбивая у кислорода О один из его внешних шести электронов, мы получаем атомы кислорода с таким же числом электронов (5), какое мы имеем у атома азота. Опыт показал, что и химические свойства кислорода в этом случае приближаются к свойствам азота. Томсону удалось получить невиданное химиками соединение OH_3 , по строению совпадающее с аммиаком NH_3 — типическим водородным соединением азота! Отщепляя еще один электрон от атома кислорода, мы получаем атом с числом внешних электронов, равных числу электронов в атоме углерода С, т.-е. 4.

Томсону удалось и в этом случае получить кислородное соединение OH_4 с водородом, опять-таки по строению совпадающее с типическим водородным соединением углерода CH_4 (метан — болотный газ). Таким образом, мы впервые получили возможность объяснять химические процессы, ставить вопрос почему и давать ответы, подтверждаемые опытом. Еще задолго до этих побед, на основании гораздо меньшего числа фактов. Владимир Ильич, который диалектику знал не хуже, чем современные «упразднители» естествознания, видел в электронной теории решительный успех и подтверждение диалектики. Вот взгляды Ленина на теорию электронов. «Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотя бы этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя, электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удастся свести к электричеству, атом удастся

¹⁾ Необходимо иметь в виду, что мы здесь делаем только первые шаги. Пока еще удалось объяснить только те свойства атомов, которые определяются числом и расположением электронов и отчасти устойчивостью электрона в атоме. Как отражаются различные виды движения электронов в самом атоме на его химических свойствах, пока еще не известно.

объяснить, как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необязательно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи, существенно различные», как говорит физик Пелла, 294—295). Естествознание ведет, следовательно, к «Единству материи» (там же); вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которое сбивает с толку многих» (Ленин, X т., стр. 217). «Но диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д. Как ни диковинно, с точки зрения «здорового смысла»; превращение невесомого эфира в весомую материю¹⁾, как ни «странно» отсутствие у электронов всякой иной массы, кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д. (т.-е. законы движения тел с участием окружающей среды—«невесомого» эфира, законы движения тел с переменной массой. А. Т.)—все это только лишнее подтверждение диалектического материализма» (X т., стр. 219).

Но теперь «ортодоксальные»—по преимуществу марксисты, оказывается, совсем не согласны с этими взглядами Ленина! Вот, например, что пишет последователь А. М. Деборина тов. А. А. Максимов: «Действительно, чисто количественный путь не может нам объяснить появление новых качеств. Для того, чтобы уметь объяснить появление этих новых качеств, необходимо привлечь теорию диалектики с ее скачками, развитием путем противоречий, с единством противоположностей и т. д. Эти элементы диалектики никак не могут быть согласованы с утверждением, что вся материя состоит из тождественных мельчайших частиц, а именно из положительных и отрицательных электронов» (!? А. Т.). («Под Знаменем Марксизма», 1926. № 1—2, стр. 208).

Итак, электронная теория, по мнению новейшей школы марксистов, противоречит элементам диалектики! Глава этой новой школы, тов. А. М. Деборин, идет еще дальше; он утверждает, что «вопрос о возможности» «сведения» химии и биологии к меха-

¹⁾ Весьма интересно, что Ленин в качестве источника по электронной теории использовал более всего Риги и Дж. Дж. Томсона (Корпускулярная теория материи), т.-е. как раз тех, кого теперь причисляют к «механистам»-антидиалектикам, так как эти авторы и отличие от махистов связывают электромагнетизм с механикой) см. III приложение к X т. сочинений Ленина.

ническим законам (для А. М. Деборина механика эфира, электроны и однородные материальные точки, видимо, сливаются во что-то «бесформенное» и «бескачественное»; надо полагать, что он рассматривал эти объекты современной физики при таком слабом освещении, когда... все кошки кажутся серыми! А. Т.) есть вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое «сведение» (! А. Т.). («Под Знаменем Марксизма», № 10—11, 1925 г., стр. 18). Итак, если бы даже практически естествознанию удалось бы достигнуть такого «сведения», если бы это было подтверждено фактами, то все-таки это было бы методологически неверно! Вот где полное забвение «критерия практики»¹⁾ и переворачивание на голову марксистской диалектики! Сопоставление взглядов Ленина и взглядов новой школы говорит само за себя и ни в каких разъяснениях не нуждается.

Однако, всего больше раздоров между приверженцами новой школы марксизма и «механистами», будто бы отрицающими диалектику, возникает на почве диалектического перехода от неживого к живому. Спор здесь труднее потому, что вопрос куда сложнее и куда менее разработан, чем рассмотренные нами переходы от молярной механики к молекулярной и от молекулярной механики к механике эфира и через нее к химии.

Правда, в самое последнее время «философы» сделали большую уступку тем, кого они причисляют к «механистам». Так, в послесловии к упомянутой выше статье проф. Самойлова, тов. Н. К. (Н. Карев? А. Т.) высказывает следующую мысль: «Таким образом, мы можем сказать, что всякая высшая форма движения материи возникает из низшей, и появление ее не обязано вмешательству никаких особых сил, сверх тех, которые имеются в низшей форме. Она возникает в результате усложнения движения низшей формы, порождающего новые качества. Ни о каком витализме в данном случае и речи быть не может. Всякую высшую форму можно создать при соответствующих условиях из взаимодействия низших форм, это несомненно» (курсив наш. А. Т.). («Под Знаменем Марксизма», № 4—5, стр. 84). Если это так, то ведь спор окончен! Ни один из т. н. «механистов» не устанавливает знака равенства между живым и неживым, ни один из них не упускает из виду того

¹⁾ Это презрительное отношение к вторжению „практики“ в философию и в методологию всегда характеризовало противников марксизма. Так, например, небезызвестный Виктор Чернов, выступавший против марксизма в своих „философских и социологических этюдах“ (Москва, 1907 г.) писал следующее: Впрочем, все это настолько странно и глупо, что я лично склоняюсь иногда к мысли, что вся эта операция с помиранием „вещи в себе“ при помощи марены и каменноугольного дегтя есть просто тяжеловесная немецкая шутка, в которой усматривали нечто серьезное и не могли заподозрить шутки, именно благодаря ее чрезмерной тяжеловесности...“ (стр. 34). Что В. Чернов писал так об Энгельсе—вполне понятно. Но как объяснить, что марксисты выступают с подобной же аргументацией?

«усложнения движения», которое приводит его из области физики и химии в область физиологии. Ведь физиология не буквальная копия слово в слово, буква в букву учебников физики и химии. Однако, если мы и знаем, что путь от неживого к живому лежит через органическую и коллоидальную химию, то все-таки мы не сможем еще теперь с такой ясностью сформулировать, в чем состоят «усложнения движения» при переходе от неживого к живому, как это нам удавалось при переходе от одной группы явлений к другой в области физики.

Высказав, однако, совершенно правильную мысль, тов. Н. К., как бы одумавшись, сейчас же берет ее назад. «Но раз возникнув,—говорит он,—высшая форма представляет собой нечто новое (это совершенно верно. А. Т.), и потому разложение ее вновь на составные части не дает еще полного ее объяснения. Разложение приводит лишь к повторению и воспроизводству старого» (?). Ведь только что, отторгаясь от виталистов, тов. Н. К. заявил, что «всякую высшую форму можно создать при соответствующих условиях из взаимодействия низших форм». Спросим себя теперь, а что же для создания высшей формы надо знать, из какого числа и каких низших форм построена данная высшая? А как же в самом деле ответить на этот вопрос, не делая разложения высшей формы на составляющие ее низшие? Ведь прежде чем создать искусственно высшую форму из низших, надо же знать, из чего ее строить? Первая задача сводится к тому, чтобы выяснить, на какие простые физико-химические явления распадаются сложные явления жизни, хотя бы в ее простейших формах; современная биология еще и с этой задачей не справилась. Вторая задача—выяснить, что нового возникает, когда эти, хорошо нам известные и более простые физико-химические явления протекают при тех измененных условиях, какие имеют место в живом организме, где могут проявляться, вследствие сложности самой системы, такие взаимодействия, каких мы не видели и не видим в неорганическом мире. Наконец, третья задача — искусственно построить живое вещество. К решению последней задачи сознательно, не наугад, можно подойти только тогда, когда решены первые две. А для осуществления этой основной задачи нельзя ограничиваться констатированием специфичности жизни, что прямой дорогой ведет к витализму, а надо постараться понять и объяснить, как из взаимодействия простого и более известного родится сложное новое. Этот путь указан Энгельсом в его «Диалектике природы» на стр. 33. «Но так как в природе доказана всеобщая связь развития, то чисто внешнее расположение материала так же недостаточно, как гегелевские искусственные диалектические переходы. Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому, как одна форма движения развивается из другой, так и отражение этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой».

Посмотрим теперь, как Энгельс представлял себе связь между органическим и неорганическим миром. «Изучение химических процессов наталкивается на органический мир, как область исследования, как на мир, в котором химические процессы происходят согласно тем же законам, но при иных условиях, чем в неорганическом мире, для объяснения которого достаточно химии. Все химические исследования органического мира приводят в последнем счете к одному телу, которое, будучи результатом обычных химических процессов, отличается от всех других тел тем, что является самостоятельным, постоянным, химическим процессом,— приводят к белку. Если химии удастся изготовить белок в том определенном виде, в котором, очевидно, он возникает в виде так называемой протоплазмы,—в том определенном или, вернее, неопределенном виде, в котором он потенциально содержит в себе все другие формы белка (при чем нет нужды принимать, что существует только один вид протоплазмы), то диалектический переход совершится здесь и реально, т.е. будет закончен. До тех пор дело остается в области мышления alias гипотезы. Если химии удастся изготовить белок, то химический процесс выйдет из собственных своих рамок, как мы видели это выше относительно механического процесса¹⁾).

Он проникнет в обширную область органической жизни. Физиология есть, разумеется, физика и в особенности химия живого тела, но вместе с тем она перестает быть специально химией: с одной стороны, сфера ее действия здесь ограничивается, но с другой—она поднимается на высшую ступень» (стр. 197, подчеркнуто нами. А. Т.). В другом месте (стр. 213) Энгельс высказывает ту же мысль: «Организм есть, разумеется, высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию, так что эту трицу нельзя больше разделить». Что Энгельс считал правильным те физико-химические методы, которыми пользуются для изучения органического мира так наз. «механисты», видно еще и из следующего отрывка: «Если когда-нибудь удастся изготовить химическим образом белковые тела, то они, несомненно, обнаружат явления жизни и будут совершать—как бы слабы и недолговечны они ни были—обмен веществ» (стр. 51).

Из приведенных отрывков с полной очевидностью вытекает, что явления жизни по Энгельсу возникают из сложного взаимодействия более простых физико-химических процессов; то новое, что характеризует жизнь, заключается именно в этих сложных взаимодействиях элементарных физико-химических процессов; дело, следовательно, за-

¹⁾ Ср. сказанное выше по поводу перехода „молекулярного“ движения в молекулярное.

ключается в том, что комплекс этих физико-химических процессов не является просто суммой своих составных частей,—взаимодействие этих составных частей и дает то новое качество, которое мы называем жизнью. Этот диалектический подход—единственно научный подход к изучению жизни—мы не можем разобрать с той полнотой, с которой мы разбирали переход от молярного движения к молекулярному. Или переход от физики к химии, только потому, что наши знания в области органического мира еще далеко не достаточны.

Кроме того, в виду именно этой относительной отсталости, этого относительного несовершенства биологии по сравнению с химией и физикой, мы в меньшей степени видим здесь то стихийное проникновение диалектики, которое гораздо заметнее в области наук неорганической природы.

Однако приведенные нами выдержки из «Диалектики природы» не пользуются большим вниманием у «новейшей школы марксизма», главой которой является тов. А. М. Деборин. Марксисты этого толка предпочитают опираться почти на одно только место из «Диалектики природы», которое мы еще не рассматривали и которое, будучи оторвано от всего остального, может, как сейчас увидим, повести к серьезным недоразумениям.

Вообще нам кажется, что такие произведения, как «Диалектика природы», представляющая как бы записную книжку, отражающая процесс развития мысли автора, надо брать полностью. Так, например, в интересующем нас сейчас вопросе об отношении неорганического мира к органическому надо взять все заметки, касающиеся этого вопроса, и сравнить, сопоставить их между собой. Иначе мысль, выраженная в какой-либо отдельной краткой заметке, может быть понята в совершенно превратном виде, что, как мы сейчас увидим, и случилось. Вот эти строки, из-за которых идет спор. «Механическое движение». «У естествоиспытателей движение всегда понимается, как механическое движение, перемещение. Это перешло по наследству из дохимического XVIII столетия и сильно затрудняет ясное понимание вещей. Движение в применении к материи—это и з м е н е н и е в о о б щ е. Из этого же недоразумения вытекает яростное стремление свести все к механическому движению,—уже Гров «сильно склонен думать, что прочие свойства материи являются и в конце концов будут сведены к видам движения (стр. 16), чем смазывается специфический характер прочих форм движения (мы уже указывали, как «современное теоретическое естествознание», в отличие от Грова, выяснило, в чем заключается специфичность молекулярной физики и электромагнетизма и как происходит переход к химии. А. Т.).

Этим не отрицается вовсе, что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением; подобно тому, как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения, химическое действие невозможно без изменения температуры и электричества, органическая жизнь невозможна без механических, моле-

кулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. (Подчеркнуто нами. А. Т.). Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления?» (стр. 27). Если сопоставить эту выдержку с теми, которые мы уже привели, то совершенно ясно, что высшие формы, противопоставляемые побочным, — это те «иные условия». иные по сравнению с «неорганическим миром», при которых химические процессы происходят в организме; однако происходят они «согласно тем же законам». Эти условия аналогичны тем, которые привели к установлению статистических законов молекулярной физики, которые отличают их от «механики твердых тел» (земных и небесных), или же условия (участия среды—эфира), которые отличают электродинамику от механики, о чем у нас уже была речь. Но во всяком случае выражение «побочные формы» нельзя признать удачным. Если, как говорит сам Энгельс, химии удастся изготовить белок, то «химический процесс выйдет из собственных своих рамок», или если «организм есть, разумеется, высшее единство, связывающее в себе в одно целое механику, физику и химию, так что эту трицу нельзя больше раз'единить», то как же составные части этого единства могут быть побочными по отношению к единству, хотя и заключающему то новое, что дает взаимодействие этих составных частей?

Если выставлять на первый план это неудачное, по нашему мнению, слово «побочный» вне связи с приведенными нами мыслями Энгельса, то это только на руку виталистам, считающим, что физико-химические методы не способны дать нам разгадку «тайны жизни»! Энгельс же, наоборот, ожидал от современной науки, в частности от химии, что ей удастся изготовить белок и что этот белок будет обнаруживать «явления жизни и будет совершать обмен веществ».

Наше опасение, что неудачное слово, выхваченное без всякой связи со всеми мыслями Энгельса, может повести к попыткам оправдывать витализм, как нельзя лучше подтверждается словами тов. А. М. Деборина в цитированной нами статье о Ф. Беконе (стр. 11). «Современная наука на Западе в лице целого направления, взгляды которого нами будут подвергнуты критике в другой связи, понимая недостаточность и внутреннюю противоречивость механической точки зрения и научную несостоятельность витализма, с другой стороны, ищет новых путей. Основным лозунгом этого направления является преодоление механизма, как и витализма. Очевидно, что будь представители этого направления знакомы с диалектическим материализмом, их задача была бы легко разрешена» (!) (подчеркнуто нами. А. Т.).

Итак, преодоление механизма и витализма! Хорошо сказано! Ведь преодоление для диалектика означает синтез, а не только отрицание. Что же, спрашивается, можно позаимствовать у виталистов? Принципиально неразложимые качества, ведущие прямой дорогой к господу богу? Роберт Майер, один из величайших физиков XIX столетия, о котором с особым вниманием отзывается Энгельс на страницах своей «Диалектики природы», следующим образом характеризует виталистов: «Допущением какой-то гипотетической жизненной силы пресекается путь к дальнейшему исследованию и делается невозможным применение законов точной науки к учению о жизни. Сторонники этой жизненной силы восстают против духа процесса, проявляющегося в современном естествознании, и возвращаются к прежнему хаосу самой необузданной фантазии»¹⁾.

А Энгельс (стр. 21) со всей категоричностью подчеркивает, что «жизненная сила является последним убежищем супранатуралистов».

Хороша же методология, выдающая себя за последнее слово ортодоксального марксизма, которая, ухватившись за одно только слово «побочная форма» и не дав себе труда разобрать весь ход мыслей Энгельса в его «Диалектике природы», пускается в поиски за диалектикой в подогретых виталистических «теориях», пытающихся воскресить самое дикое мракобесие, и все это мракобесие объявляется тут же современной наукой! Первое правило марксистской методологии — умение критически разбираться в том, что такое современная наука, и не смешивать с наукой то, что не имеет с ней ничего общего. Ведь научились же мы разбираться во всяких искажениях, во всяких уклонах от правильной политической линии революционного марксизма и ленинизма, и никому, кроме безнадежных путаников и ревизионистов, в голову не придет недоумевать, что же есть настоящий марксизм, когда и те, против кого мы спорим и с кем мы боремся, сами называют себя также марксистами! Более того, они даже уверены в своей ортодоксальности, — спросите, например, меньшевиков!

Ту же мерку, как и в вопросах политики, мы должны применять и в естествознании, отделяя золото от мусора и не смешивая того и другого вместе!

Переходим теперь к выводам, касающимся первого пункта обвинения против современного естествознания, именно обвинения в попытках воскресить материализм XVIII века.

Первый вывод. «Сведение» физических и химических явлений к механике в современном теоретическом естествознании вовсе не означает отождествления этих явлений с механикой, как это имело место у французских материалистов XVIII века. Это сведение означает использование уравнений механики, даже более того — выражение законов этих «надмеханических» явлений в форме уравнений механики, но с условием использования и та-

¹⁾ R. Mayer. Organische Bewegung.

ких законов, которые из этих уравнений не вытекают. Так, в молекулярной механике громадную роль играют закономерности, выводимые из т. н. начальных условий (скорости и положения молекул). статистическим методом, при чем специфичными для молекулярной механики как раз и являются законы статистической механики, не выводимые нацело из уравнений механики. Подобно этому специфичным в электромагнитных процессах является участие эфира в движении заряженных тел; в этой области, как показал Гельмгольц, применение уравнений механики покупается ценой отказа от обычных в механике форм выражения кинетической и потенциальной энергий¹⁾.

При чем формы этих выражений, как обычных в старой механике, так и найденных Максвеллом и Гельмгольцем для новой механики, не вытекают из уравнений самой механики! Диалектические узлы налицо, но кой-кому они, видно, кажутся маленькими, невзрачными! К химии переход осуществляется через электродинамику—через механику эфира, в которую, по словам Энгельса, войдет (и мы можем сказать—действительно вошло) многое из того, что теперь включается в физику. Электроны и протоны—это сложные системы механики эфира, а не материальные точки, да еще «бесформенные» и «бескачественные», как это себе представляют современные «упразднители естествознания». Указать точно, чем отличается живое от неживого мы сейчас при современном развитии естествознания не можем, но, во всяком случае, этот переход осуществится через органическую химию, как говорил Энгельс, к которой мы добавим еще и химию коллоидную. Так обстоит вопрос с механикой и «сведением». Разрыва с диалектикой как будто не видать! Прав был Плеханов в своем примечании к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. Вот это примечание, столь не понравившееся тов. А. М. Деборину: «По этому поводу можно, пожалуй, сказать, что и химия, и биология в конце концов сведутся, вероятно, к молекулярной (и электромагнитной, добавили бы мы, А. Т.) механике. Но читатель видит, что Энгельс говорит не об этой механике¹⁾ (подчеркнуто нами, А. Т.), которой не имели, да и не могли иметь в виду французские материалисты, равно как и Декарт—их учитель в деле построения

1) Об этом подробнее А. Тимирязев: „Диалектика природы Энгельса и Современная физика“. Сборник II „Диалектика природы“ изд. Тимирязевского Ин-та. Вологда, 1926.

2) Что Энгельс говорит не об этой механике, ясно видно из его отзыва о теории Максвелла, а также из его характеристики механики эфира. „Но когда мы сумеем дать механику эфира, то в нее, разумеется, войдет многое такое, что теперь, по необходимости, включается в физику“. (Стр. 275). Вообще после этих данных, полученных из „Диалектики природы“, вопрос можно считать решенным. Тов. А. М. Деборин, который считает поправку Плеханова неудовлетворительной, обрывает для удобства полемики цитату как раз перед словами „Но читатель видит, что Энгельс говорит не об этой механике“ и т. д. и переходит к взглядам Плеханова на психические и общественные явления, тогда как в примечании Плеханова речь идет только о химии и биологии! См. „Под Знаменем Марксизма“ 1925 г. № 10—11, стр. 18.

«животной машины» (Людвиг Фейербах. изд. ВЦИК, 1918, стр. 114) (подчеркнуто нами). Вот в том-то и дело, что не об этой механике! А для современных марксистов, зараженных «механобоязнью», все «механики» и «механисты» одинаково неприятны в той же мере, в какой и по существу неизвестны.

Второй вывод. Под современным теоретическим естествознанием нельзя понимать все то, что пишется и говорится в научной литературе; именно вследствие стихийности диалектики современного естествоиспытателя на ряду с ценными попадаетея в современной науке и всякий хлам. Материалист-диалектик с его критерием практики, о котором многие марксисты часто забывают, должен учиться отыскивать то ценное, что подвигает нас вперед в деле познания и использования природы. В этой области так же, как и в политике, мы должны научиться отличать правильную линию от всевозможных «уклонов». Вот когда мы научимся и в области естествознания отличать настоящую теорию, настоящую науку от ее суррогатов с таким же успехом, как мы теперь отличаем марксизм и ленинизм от всех и всяческих уклонов, и притом будем это делать быстрее и лучше, чем сами специалисты-естественники, не изучавшие диалектики, тогда значительная часть задачи, стоящая перед методологом-марксистом в области естествознания, будет решена.

III

Переходим теперь ко второму пункту обвинения, направленного против механического материализма XVIII столетия и посмотрим, виновно ли по этому пункту современное теоретическое естествознание. Напомним опять формулировку, данную Энгельсом в его «Людвиге Фейербахе» (изд. ВЦИК, 1918, стр. 43). «Вторая специфическая черта ограниченности этого материализма заключается в неспособности его взглянуть на мир, как на процесс, как на вещество, которое находится в непрерывном развитии. Эта черта соответствовала тогдашнему состоянию естествознания и связанному с ним метафизическому, т.-е. антидиалектическому методу философского мышления. Природа находится в вечном движении; это знали и тогда. Но, по тогдашнему представлению, это вечное движение совершалось в одном неизменном круге и таким образом оставалось, собственно на одном месте: оно всегда приводило к одним и тем же неизменным последствиям. Такое представление было тогда неизбежно. Кантовская теория возникновения солнечной системы тогда только что появилась и казалась простым курьезом. История развития земли, геблогия, была еще совершенно неизвестна. Мысль о происхождении нынешних существ путем продолжительного развития, ведущего от простого к сложному¹⁾, не могла еще иметь тогда научной основы. Неизбежным становилось поэтому отсутствие исторического взгляда на природу. И этот недоста-

¹⁾ Новейшая школа марксистов отрицает это положение,—см. речь тов. Ленина на дискуссионном сборнике, издан. Тимирязевским Институтом.

ток тем меньше можно поставить в вину философам XVIII века, что его не чужд даже Гегель. У Гегеля природа, как простое «отчуждение» идеи от самой себя, неспособна к развитию во времени; она может лишь развертываться и разнообразиться в пространстве и, таким образом, осужденная на вечное повторение того же процесса, она одновременно и одну рядом с другой выставляет все заключающиеся в ней ступени развития. И эту бессмыслицу развития в пространстве, но не во времени, которое есть основное условие всякого развития, Гегель навязывал природе в то время, когда уже достаточно была разработана и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда на основе этих новых наук уже повсюду зарождались гениальные догадки,—предтечи новейшей теории развития (например, Гете и Ламарк). Но не так повелевала система, и ради системы метод должен был изменить самому себе». (Подчеркнуто нами).

Уже в этих строках материализму XVIII столетия противопоставляется естествознание времен Гегеля. Неизбежность диалектического подхода в естествознании Энгельс отмечает и в своей «Диалектике природы», иллюстрируя примерами науки его времени.

«Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны сами с собой и в то же время отличаются от самих себя, благодаря усвоению и выделению веществ, благодаря дыханию, образованию и умиранию клеток, благодаря процессу циркуляции, словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений, которые составляют жизнь (а тех, кто изучает эти молекулярные изменения теперь, бранят механистами!) и итог которых выступает наглядно в разных фазах жизни—эмбриональной жизни, молодости, половой зрелости, процессе размножения, старости, смерти. Мы оставляем в стороне развитие видов. Чем больше развивается физиология, тем важнее становятся для нее эти непрерывные, бесконечно малые изменения, тем важнее также становится для нее рассмотрение различия внутри тождества, и старая, абстрактная, формальная точка зрения тождества, согласно которой органическое существо рассматривается, как нечто просто тождественное с собой, постоянное, оказывается устарелой. Несмотря на это, основывающийся на ней образ мышления продолжает существовать вместе со своими категориями. Но уже в неорганической природе тождество, как таковое, в действительности не существует. Каждое тело подвержено постоянно механическим, физическим и химическим воздействиям, которые производят в нем непрерывные изменения, модифицируют его тождество». (Стр. 15).

Энгельс указывает на теорию происхождения солнечной системы Канта, как на первую брешь, пробитую в метафизическом мировоззрении старого естествознания, и подчеркивает, что взгляды Канта не оказали в ту пору большого влияния, а теория Лапласа появилась позже. Далее Энгельс особенное внимание уделяет трем великим откры-

тия: открытию клеточки, учению о превращении энергии и теории развития, названной по имени Дарвина. Теперь поставим себе вопрос: что же после Энгельса естествознание продолжало идти этим же путем или оно вернулось вспять? Ведь если, как думает тов. Деборин, теоретическое естествознание стоит сейчас на почве материализма XVIII века, который не мирился с естествознанием семидесятых годов XIX века, то, значит, новейшие открытия не обнаруживают больше тех исторических процессов, какие видны были Энгельсу в его время!

Однако самое даже поверхностное знакомство с новейшим естествознанием сразу выяснит несостоятельность такой точки зрения. Необходимость учитывать историю развития после триумфа, одержанного Дарвином, становится все более и более настоятельной и в неорганическом мире. Вся современная астрофизика и звездная астрономия построены на изучении исторических процессов развития. В руках Пуанкаре, Дж. Дарвина, Джинса и Ляпунова теория форм равновесия жидких вращающихся тел и теория последовательной смены этих форм привела к теории возникновения и развития двойных звезд и в частности к истории земли и ее спутника луны.

В этих работах, и особенно у Дж. Дарвина, перед нами проходят последовательные ступени развития жидкой вращающейся массы: сначала эллипсоид вращения, форма, которую имеет сейчас земной шар. По мере увеличения скорости вращения, что должно произойти по законам механики при сжатии вращающейся массы¹⁾, эта форма при некоторой определенной «критической» скорости становится неустойчивой, зато становится возможной другая форма, так называемый эллипсоид Якоби — трехосный эллипсоид²⁾.

Но и эта форма устойчива только до известного предела скорости; при этой новой критической скорости у нас появляется новая форма равновесия — так называемое грушевидное тело, при чем по мере дальнейшего увеличения скорости вращения образуется перетяжка, отделяющая выдавшуюся часть «груши» и мы получаем два тела: планету и ее спутника или, если температура достаточно высока и масса тел велика, двойную звезду. В первый момент отделения спутника время обращения планеты вокруг своей оси совпадает со временем обращения спутника вокруг планеты, т.-е. сутки совпадают с месяцем! Но после отделения спутника сейчас же появляются приливы, которые тормозят вращение обоих тел вокруг их собственных осей и замедляют время обращения спутника вокруг планеты, при чем изменяется расстояние планеты и спутника, спутник удаляется, и в результате «сутки» оказываются меньше «месяца». Дальнейшее же действие приливов поведет к новому выравниванию суток и месяцев (первое равенство было, когда вращалось одно грушевидное тело). Мы имеем, таким образом, возможность заглянуть и в прошлое и в будущее нашей

1) Сжатие происходит под влиянием сил притяжения.

2) Эллипсоид вращения имеет в сечении эллипс, если его пересечь плоскостью, проходящей через ось вращения. Если же его пересечь плоскостью, проходящей через центр и под прямым углом к оси вращения, то мы получим в сечении круг. У эллипсоида Якоби и в последнем случае будет также эллипс.

земли. Мы проследили, буквально в нескольких словах, историю развития Земли и луны; по такому же типу происходит и развитие двойных звезд. Но уже из этого беглого перечисления ясно, как в этом развитии налицо «скачки». т.-е. появление новых качеств—фигура равновесия. Далее мы видим, как приливы вызывают неравенство суток и месяцев и как те же приливы в дальнейшем приводят к отрицанию отрицания, т.-е. ведут к тому, что «месяц» станет равным удлинившимся «суткам». Словом, в этом процессе мы вскрываем самую настоящую диалектику. Дж. Дарвин, излагая возникновение новых форм равновесия, проводит аналогию между возникновением новой формы равновесия и революцией. Таким образом, он приходит к выводу о революционности той диалектики — он, конечно, не употребляет этого слова,—которую ему удалось вскрыть. Что же теперь, спрашивается, эта теория, позволившая Дарвину вычислить, хотя бы и приблизительно, момент, когда произошло отделение луны от земли¹⁾, и дающая картину развития, удовлетворяющую всем требованиям диалектики, может быть сама антидиалектичной? А ведь это «теоретическое естествознание», и притом «современное», тов. Деборин! Скажите, по совести, похоже это на метафизический материализм XVIII века?

Когда речь идет о развитии звезд, т.-е. тел гораздо более значительной массы, чем земля и луна, то приходится считаться с более высокими температурами, получающимися при сжатии. Эти высокие температуры ведут в свою очередь к развитию громадных количеств лучистой энергии, которая своим давлением противодействует, как показал Эддингтон, силе тяжести, вызывающей сжатие и производящей концентрацию газообразной материи в туманности.

Таким образом, сила тяжести, вызывая сжатие и повышение температуры, вызывает лучистую энергию с ее отталкивательными силами. Размер звезды определяется борьбой этих двух противоположных сил, и, как показал Эддингтон, равновесие между этими силами наступает при определенной массе звезды от 10^{34} до 10^{35} ²⁾ грамм. Массы звезд, как оказывается, в подавляющем большинстве лежат именно в этих пределах! Диалектика процессов развития звезды помогла нам объяснить удивительный факт: почти одинаковую массу почти у всех звезд³⁾.

Теперь спросим, может ли метафизически мыслящий человек помириться с утверждением: сила тяжести, вызывая концентрацию материи, вызывает в то же время и отталкивание, и рассеяние этой материи? А ведь по теории Эддингтона это именно так! Особенно интересно

1) По Дарвину несколько более полумиллиарда лет тому назад! В настоящее время имеются довольно обоснованные предположения геологов и астрономов о том, что луна отделилась от земного шара в том месте, где сейчас находится Тихий океан.

2) 10^{34} означает единицу с 34 нулями.

3) Немногие исключения зависят от присутствия в этих именно звездах большого количества водорода. При наличии значительных количеств водорода равновесие между лучистой энергией и силой притяжения наступает при скоплении более значительной массы. Таким образом, здесь в буквальном смысле исключение только подтверждает правило!

то, что обе борющиеся силы развиваются одновременно. В той же развивающейся звезде действуют и сила притяжения, и сила противоположная ей—сила давления лучистой энергии, и они обе возрастают по мере концентрации туманной массы, но только в последней степени развития силы давления лучистой энергии преодолевает притяжение, и процесс дальнейшей концентрации приостанавливается. Притяжение вызывает отталкивание! Похоже это на метафизическое мышление? Есть ли здесь сходство с методом мышления материалистов XVIII столетия?

Переходя в область физики и химии, мы должны сказать, что открытие радиоактивных превращений привело нас к открытию исторического процесса развития химических элементов. В настоящее время доказано, что некоторые из элементов, как, напр., калий, считавшийся раньше не радиоактивным, является слабо радиоактивным. По мере усовершенствования наших методов измерения число таких элементов будет непрерывно расти. захватывая понемногу, все известные нам формы материи. А ведь радиоактивный процесс состоит в непрерывном распаде одних атомов на ряд других. Таким образом, с точки зрения современного естествознания атомы не представляются, как это казалось раньше, чем-то вечным, неизменным; наоборот, они непрерывно—хотя на наш глаз и медленно—изменяются, превращаясь в атомы других простых тел. Что это, как не исторический процесс в неорганическом мире? Можно, пожалуй, только сказать, что наблюдаемые нами радиоактивные процессы односторонни, что мы видим только распад сложных атомов на простые.

Однако в 1920 году В. Нернст высказал гипотезу, согласно которой в мировом пространстве происходит синтез сложных атомов из электронов и протонов.

Открытое Милликаном в 1925 г., так называемое «проникающее» космическое излучение подводит нас к этой задаче вплотную. Наиболее вероятное объяснение этого нового излучения, проникающего (в более сильной степени, чем γ -лучи радия) через большие толщи материи, состоит в том, что эти лучи возникают при тех сотрясениях, которые получаются при соединении электронов и протонов в атомы с большим атомным весом. Теоретические расчеты подтверждают это предположение. Таким образом, современная физика подходит к вопросу о возникновении атомов из протонов и электронов, — разве это не история?

Остановим наше внимание еще на одном обстоятельстве. Есть целый ряд процессов в области физики, например, намагничивание железа и стали, когда мы не можем сказать, какой получится результат, если нам известно только то, что имеет место в данный момент. Мы не можем сказать, как намагнитится данный кусок стали или железа, хотя мы и в точности знаем величину намагничивающей силы. Для решения этой задачи нам необходима «история» этого куска, т.-е. мы должны знать, был ли намагничен раньше этот кусок и как сильно он был намагничен. Это явление последующего влияния «истории» в данном случае носит название «магнитного

гистерезиса». Такого рода явлений в физике и в физической химии очень много. Надо сказать, что теоретическое изучение этих явлений чрезвычайно трудно. Однако в последнее время уже в XX столетии математиками разработан метод так называемых интегральных уравнений, который дает возможность решать именно такие задачи, в которых необходимо учитывать влияние истории процесса. Опять поставим вопрос: воскрешают ли эти новые методы материализм XVIII века?

Уже этих приведенных нами немногих примеров достаточно, чтобы показать, как исторический метод проникает все глубже и глубже в наши физико-химические науки. Современная физика не на словах, а на деле «рождает диалектический материализм»; поэтому для всякого не предубежденного исследователя представляется чем-то чудовищным утверждение школы А. М. Деборина, будто исторический метод является, во-первых, чем-то специфическим для органического мира и, во-вторых, что те биологи, т. н. механисты, которые, руководясь физико-химическими методами, вскрывают одну за другой так называемые тайны жизни, будто бы не признают исторического метода, не признают дарвинизма! Эти положения выдвигались не раз на дискуссионных собраниях товарищами Стеном и Каревым и нашли, наконец, свое выражение в печати, в статье тов. Н. К. (тов. Карев?) в № 5 «Под Знаменем Марксизма». Тов. Н. К. начинает свою аргументацию следующей выпиской из книги «Исторический метод в биологии» К. А. Тимирязева.

«В праве ли мы сказать, что они (явления превращения формы) также подчиняются физическим законам, общим с неорганической природой, или мы встречаем здесь нечто исключительно им свойственное? И да, и нет. С одной стороны, совершенно не правы, те, кто полагает, что формообразовательные процессы ни в чем не поддаются физическим объяснениям. В физиологии растений, а за последнее время и в зоологии обнаруживается новое—экспериментальное—морфологическое—направление, успешно объясняющее зависимость этих процессов от физических деятелей. С другой стороны, никто не стал бы пытаться одними этими причинами объяснить все касающееся формы.—пытаться объяснить ее, как вполне понятый результат воздействия на нее физических факторов, влияющих с момента зачатия и до момента полного развития. Из этих вполне ясных слов тов. Н. К. делается следующий неожиданный вывод: «Для объяснения конкретного явления, кроме физико-химического анализа, необходимо еще и изучение истории, создающей новые синтезы, новые формы движения материи».

О том, все ли физико-химические методы есть методы анализа, у нас речь еще будет впереди. Но прежде всего можно ли противопоставлять исторический метод физике и химии? Мы ведь только что упоминали о радиоактивных превращениях, о происхождении звезд и т. д., и т. д. Утверждать, что в неорганическом мире нет истории, значит, отрицать возможность применять к его изучению диалектический метод.—Это хочет сказать тов. Н. К.? Дальше берется следующая выдержка со стр. 39 той же книги К. А. Тимирязева: «Значит, ни морфо-

логия, со своим блестящим и плодотворным сравнительным методом, ни физиология, со своим еще более могущественным экспериментальным методом, не покрывают всей области биологии, не исчерпывают ее задачу; и та и другая ищут дополнения в методе историческом. (Для всякого ясно, что здесь речь идет о необходимости исторического метода в биологии, а этим нисколько не отрицается приложимость исторического метода в астрономии, физике и химии. Откуда тов. Н. К. вывел противоположение исторического метода физике и химии, известно только, вероятно, ему! А. Т.).

Но между тем, как морфология, видя в организмах только формы, предъявляет ему требование найти причину свойства этих форм, физиология, изучая формы в связи с происходящими в них процессами, и вынося общее впечатление полного соответствия между теми и другими, требует объяснения ей причины этого совершенства органических форм. Если первая, как мы сказали, могла бы довольствоваться одним раскрытием в природе исторического процесса, то вторая выдвигает новое, усложняющее условие, чтобы этот процесс давал начало формам, носящим печать совершенства, чтобы это был процесс исторического совершенствования или прогресса» (там же, стр. 39). Из этого отрывка тов. Н. К. делает следующий вывод: «Ничего более того, что здесь написано К. Тимирязевым, диалектика и не утверждает (согласны! А. Т.). Зато это прямо бьет в лицо всем современным механистам» (!? А. Т.). Каким механистам? Тем, кого вы сами создали в своем воображении? Вполне возможно! Не будем спорить! Но если мы перейдем из заоблачного мира фантазий на нашу грешную землю и посмотрим, кого действительно бьют эти приведенные Вами слова, то ответ получится очень простой: тех, кто этих слов не понимает! О чем идет речь в приведенных отрывках «Исторического метода в биологии»? О необходимости изучать исторический процесс развития организмов, без чего невозможно понять органический мир в целом, понять, как возникла каждая из тех форм, какие мы наблюдаем сейчас и о которых мы узнаем из данных палеонтологии. Противоречит этот вывод тому, что процессы в любом данном нам живом организме надо изучать физико-химическими методами и что, в свою очередь, и в химии и в физике исторический метод неприменим? Конечно, нет, и лучшим опровержением будет служить то, что сказано в той же самой книжке, откуда взял цитаты тов. Н. К. «В этом допущении зависимости жизненных явлений от исторического процесса нередко усматривают какое-то отступление, какую-то будто бы измену, противоречие основным принципам экспериментальной науки. Химия, физика, механика, говорят, не знают истории. Но это верно только в известном условном смысле. Конечно, жизненный процесс, являясь всегда только эпизодом, только отрывком одного непрерывного явления, при начале которого мы никогда не присутствуем, более, чем процессы неорганической природы, нуждается в пособии истории.

Но, с другой стороны, разве существует какое-нибудь явление, которое не было бы только звеном в бесконечной цепи причинной связи?..

Для раскрытия законов движения небесных тел довольно законов механики, но для объяснения, почему планеты солнечной системы движутся именно так, а не иначе (т.-е. в одну сторону и т. д.), нельзя было обойтись без попытки восстановить их историю, как это сделали Кант и Лаплас...

И действительно, для осуществления своего синтеза, химик не может ограничиться одними указаниями анализа: он вынужден создать гипотетическую историю тела (стоит взглянуть хоть на родословную таблицу сахаристых веществ, которой Фишер поясняет ход своих блестящих открытий) и только здесь уже экспериментально воспроизводит этот верно угаданный исторический процесс. Все различие только в масштабе, во времени, необходимом для осуществления химического и биологического генезиса. С этой точки зрения нам понятно и то, что при значительных успехах физиологии аналитической, мы не имеем физиологии синтетической» ¹⁾.

Где же здесь отрицание исторического метода в физике, механике и химии? Наконец, для выяснения перехода от неживого к живому разве мы должны ставить себе задачу искусственного осуществления в колбе или пробирке всех органических форм, тех форм, которые возникали и развивались в природе тысячелетиями?

Было бы громадной победой экспериментальной биологии, если бы нам удалось синтетическим путем получить простейшее из простейших живых существ, и это именно потому, что исторический процесс развития простейшего из простейших организмов был, несомненно, гораздо короче и гораздо проще, чем процесс развития человека от его более или менее отдаленных предков.

Мы можем надеяться на успех синтеза при теперешних наших познаниях только там, где исторический процесс короток и несложен. Так именно и понимал вопрос о связи неорганического мира с органическим Энгельс. «Если когда-нибудь удастся составить химическим образом белковые тела, то они, несомненно, обнаружат явления жизни и будут совершать—как бы слабы и недолговечны они ни были—обмен веществ. Но, разумеется, подобные тела должны в лучшем случае обладать формой самых грубых молекул—вероятно, даже еще более низкими формами—и, конечно, не формой организмов, которые успели уже дифференцироваться в течение тысячелетнего развития, обособили оболочку от внутреннего содержимого и приняли определенный, передающийся по наследству, вид. Но до тех пор, пока наши знания о химическом составе белка находятся на теперешнем их уровне, до тех пор, пока мы еще не смеем думать об искусственном создании белка,—т.-е., вероятно, в течение ближайших ста лет,—смешно жаловаться, что все наши попытки и т. д., не удалась!»...

¹⁾ «Исторический метод в биологии» К. А. Тимирязева, стр. 36. 37.

Первые возникшие белковые комочки должны были обладать способностью питаться кислородом, углекислотой, аммиаком и некоторыми из растворенных в окружающей их воде солей. Органических средств питания еще не было, так как они ведь не могли пожирать друг друга. Это показывает, как высоко стоят над ними современные, даже лишённые ядра монеры, которые питаются диатомеями и т. д., т.-е. предполагают существование целого ряда дифференцированных организмов» («Диал. природы», стр. 51; подчеркнуто нами. А. Т.). Таким образом, исторический метод, которого в применении к естествознанию не знали материалисты XVIII столетия, вовсе не является чем-то исключительным, выделяющим биологию из среды наук о неорганической природе, хотя в биологии он и играет огромную роль. Тов. Н. К. полагает, что только история—исторический метод—может объяснить переход от неорганического мира к органическому, мы же все-таки думаем в согласии с Энгельсом, что это по преимуществу дело химии органической и коллоидной, потому, что речь может идти только о синтезе простейшей формы жизни, не требующей за собой особенно длительной истории, и когда это осуществится, то, по выражению Энгельса. «химический процесс выйдет из собственных рамок».

В подтверждение наших слов приведем еще следующие слова Энгельса: «Физика должна была или могла оставить без рассмотрения живое органическое тело, химия же находит только при исследовании органических соединений настоящий ключ к истинной природе наиважнейших тел; с другой стороны, она составляет тела, которые встречаются только в органической природе. Здесь химия приводит к органической жизни, и она подвинулась достаточно далеко вперед, чтобы убедить нас, что она одна объяснит диалектический переход к организму» (стр. 7; подчеркнуто Энгельсом. А. Т.). Кажется, яснее ясного сказано! Что же касается самого исторического метода, то значение его, как мы видели, с каждым днем растет не в одной только биологии, а в физике, химии, небесной механике и астрофизике, а потому обвинять современное естествознание, что оно и по сей день стоит на точке зрения материализма XVIII столетия, неспособного взглянуть на мир, как на процесс, можно, разве только подменив действительное, реальное естествознание, своим собственным вымыслом. К сожалению, такой образ действия стал весьма модным занятием в наше время.

IV

„Накопленный за это время материал, относящийся к случайности, уничтожил старое представление о необходимости“.

Энгельс. „Диалектика природы“.
стр. 195.

В замечательном отрывке, напечатанном в VII части «Диалектики природы», под заголовком «Случайность и необходимость» Энгельс рассматривает, как изменялись взгляды на случайность и необходи-

мость в области естествознания. Он упрекает современных ему естествоиспытателей в том, что они на словах продолжают придерживаться еще метафизических взглядов на случайное и необходимое, хотя на деле естествознание стихийно приводится в процессе работы к единственно правильному диалектическому пониманию. Между тем именно эта диалектическая точка зрения, развитая Гегелем и фактически применяемая на практике, не пользовалась во времена Энгельса популярностью, не пользуется она этой популярностью и сейчас, хотя на практике ее применяют неизмеримо чаще. На словах ее отвергли, считая определения Гегеля пустой и парадоксальной игрой слов. Мысли, высказанные Энгельсом в этом отрывке, имеют исключительный, можно даже сказать злободневный интерес потому, что расширяющееся применение теории вероятностей в современном естествознании выдвигает одну за другой все более сложные задачи, решить которые мы действительно не сможем, если не воспользуемся диалектическим методом. Нам безусловно придется в ближайшем будущем внимательно изучать взгляды Гегеля на случайное и необходимое, для того, чтобы осмыслить все то, что сейчас происходит в естествознании, но придется это сделать, конечно, далеко не так, как это делает «новейшая школа марксистов», руководимая тов. А. М. Дебориным. Во всяком случае, так как в этом вопросе чаще всего можно заметить еще влияние хотя и чисто внешнее—словесное—материалистов XVIII столетия, а наши «упразднители» естествознания любят цепляться за слова, не замечая дел, то нам на целом ряде примеров придется показать, что фактически естествознание давно отошло уже от этой позиции. Однако, прежде всего, что же называет Энгельс метафизическим подходом к проблеме случайного и необходимого? И можно ли сказать, что этот взгляд фактически проводится современным естествознанием? Для этого всего лучше возьмем формулировку самого Энгельса. «Обычный здравый смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность, как категории, безусловно исключаящие друг друга. Какая-нибудь вещь, какое-нибудь отношение, какой-нибудь процесс либо случайны, либо необходимы, но не могут быть и тем и другим. Таким образом, оба существуют бок о бок в природе; в последней заключаются всякого рода предметы и процессы, из которых одни случайны, другие необходимы, при чем важно только одно—не смешивать их между собой. Так, например, принимают главные видовые признаки за необходимые, считая остальные различия у индивидов одного и того же вида случайными. и это относится к кристаллам, как и к растениям и животным... (подчеркнуто нами. А. Т.). А затем объявляют необходимое единственно достойным научного интереса, а случайное безразличным для науки. Это означает следующее: то, что можно подвести под законы, то, следовательно, знают, то интересно, а то, что нельзя подвести под законы, чего, следовательно, не знают, то безразлично, тем можно пренебречь... Что можно подвести под

всеобщие законы, то считается необходимым, а чего нельзя подвести, то считается случайным. Легко видеть, что это такого сорта наука, которая выдает за естественное то, что она может объяснить, сводя непонятное ей к сверхъестественным причинам» (стр. 191).

На такой точке зрения могли стоять исследователи только тогда, когда главной задачей была классификация окружающих нас объектов, когда с ними впервые как следует начинали знакомиться, и когда эти объекты благодаря все еще недостаточному с ними знакомству казались чем-то застывшим и неизменным.

Действительно, чтобы как-нибудь разобраться в окружающем хаосе самых разнообразных форм растений и животных, надо было выделить основные видовые признаки, мелкие же индивидуальные различия, не препятствовавшие к отнесению данного индивида к определенной видовой группе, казались чем-то несущественным — «случайным», не нарушавшим общего установленного закона: деления изучаемых объектов на видовые группы. На эти «случайные» отклонения не обращали внимания — ими не интересовались. Случайное здесь строго отделяется от необходимого, и никакого объяснения этому случайному не дается. Естествознание давно пережило эти взгляды; доказывать это не имеет для нас смысла потому, что взгляды материалистов XVIII столетия представляют полную противоположность рассмотренной сейчас нами точки зрения, а ведь современное естествознание у школы тсв. А. М. Деборина подозревается именно в пристрастии к взглядам материалистов XVIII века. Но как бы, однако, взгляды, разделявшиеся французскими материалистами, ни отличались от только что приведенных взглядов, господствовавших в более отдаленной эпохе, по существу они имеют с прежними то общее, что они остаются все-таки чисто метафизическими.

Остановимся опять прежде всего на характеристике взглядов французских материалистов, данной Энгельсом. «Противоположную позицию занимает детерминизм, перешедший в естествознание из французского материализма и рассчитывающий покончить со случайностью тем, что он вообще отрицает ее. Согласно этому воззрению в природе господствует лишь простая непосредственная необходимость. Что в этом стручке пять горошин, а не четыре или шесть, что хвост этой собаки длиною в пять дюймов, а не длиннее или короче... — все это факты, которые вызваны неизменным сцеплением причин и следствий, связаны незыблемой необходимостью, и газовый шар, из которого возникла солнечная система, был так устроен, что эти события могли произойти только так, а не иначе. С необходимостью этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу» (стр. 193). «До тех пор, пока мы не можем показать, от чего зависит число горошин в стручке, оно остается случайным; а от того, что нам скажут, что этот факт предвиден уже в первичном устройстве солнечной системы, мы не подвигаемся ни на шаг дальше. Мало того, наука, которая взялась бы проследить этот случай с отдельным струч-

ком в его каузальном сцеплении, была бы уже не наукой, а просто игрой, ибо этот самый стручок имеет еще бесчисленные другие индивидуальные—кажущиеся нам случайными—свойства... Таким образом, с одним стручком нам пришлось бы проследить уже больше каузальных связей, чем в состоянии решить их все ботаники на свете». «Таким образом, случайность не объясняется здесь из необходимости; скорее, наоборот, необходимость низводится до чего-то чисто случайного».

Для того, чтобы показать, насколько далеко ушло в своей повседневной работе современное естествознание от этой точки зрения, рассмотрим ряд простых примеров. Возьмем литр воздуха при атмосферном давлении и при 0° Цельсия. Кинетическая теория материи дает возможность вычислить, сколько молекул в среднем приходится на каждый из взятой нами тысячи кубических сантиметров воздуха. Это число оказывается равным двадцати семи триллионам! ¹⁾.

К чему сводится необходимое условие, чтобы в каком-либо сосуде при 0° Цельсия было давление в одну атмосферу? Для этого необходимо, чтобы на каждый кубический сантиметр приходилось в среднем по 27 триллионов молекул. Теперь спрашивается, важно нам знать, какая именно молекула и в какой именно части сосуда находится в данный момент, когда мы измеряем давление. Рассмотрим этот случай поближе. В нашем сосуде 1.000 куб. сантиметров. Важно нам знать, что данная молекула а, б или с находится в первом из этих 1.000 куб. см., в 600-м или 99-м куб. см.? Помимо того, что присутствие какой-либо молекулы в каком-либо определенном месте данного сосуда является «случайным» постольку, поскольку для нас неизвестна и недоступна та цепь причин и следствий, в результате которых именно эта частица попала именно в эту часть сосуда, мы называем это явление случайным еще и потому, что будет ли эта частица находиться в первом из наших тысячи кубических сантиметров, во втором, десятом или тысячном—все равно давление будет равно атмосферному давлению. Для этого необходимо только, чтобы на каждый кубический сантиметр приходилось в среднем 27 триллионов, тогда при условии температуры 0° С., давление будет равно атмосферному, это есть необходимость. Присутствие же отдельных индивидуальных молекул в том или другом месте «случайно» постольку, поскольку их положение в том или другом месте сосуда не влияет на искомую величину—величину давления, измеряемую каким-либо прибором—манометром, дающим объективные, независимые от наблюдателя показания. Но ведь ясно также, что провести резкую грань между случайным, т.-е. тем, от чего изучаемое явление (давление газа в данном случае) не зависит (это будут положения индивидуальных молекул, наполняющих данный сосуд), и необходимым, т.-е. присутствием в каждом кубическом сантиметре 27 триллионов молекул, не-

¹⁾ Под триллионом мы разумеем миллион миллиона миллионов или 10^{18} —единица с восемнадцатью нулями.

возможно. Ведь для того, чтобы получилось распределение по 27 триллионов на каждый кубический сантиметр, какие-то 27 триллионов молекул должны находиться и в первом кубическом сантиметре нашего сосуда и во втором столько же и в сотом столько же и т. д., а ведь положение каждой из этих молекул, как мы видели, «случайно»! Вот и выходит, что «необходимость в данном примере составляется из громадного числа случайностей. Это выходит совсем по Гегелю «необходимость определяет себя как случайность». Но диалектика, как мы сейчас увидим, проникла в современное естествознание еще глубже. Мы говорили уже, что положение каждой отдельной молекулы «случайно» потому, что оно по существу не играет роли в искомом результате, и потому, что мы не можем заранее сказать, будет ли данная молекула находиться именно здесь. Но ведь эта «случайность» отнюдь не означает беспричинности. Ведь положение каждой частицы в каждый момент определяется всей ее предшествующей историей. Для решения вопроса, как велико давление газа, нам вся эта история данной молекулы не нужна потому, что ее история могла бы сложиться и иначе, т.е. она могла попасть в другое место сосуда, а давление газа все-таки могло остаться тем же самым, если бы распределение всех других частиц по всем кубическим сантиметрам нашего сосуда осталось то же самое.

Необходимо, однако, еще раз отметить, что утверждая независимость давления газа от присутствия какой-либо индивидуальной молекулы в каком-либо определенном месте, мы тем самым вовсе не отрицаем, что положение этой молекулы и в том именно месте, где она сейчас находится, т.е. то, что мы считаем случайностью, с необходимостью вытекает из всей цепи причин и следствий, из которых складывается вся ее история. Это ведь опять выходит по Гегелю «случайность есть скорее абсолютная необходимость». Рассмотрим тот же самый пример еще раз с несколько иной точки зрения. Мы рассматриваем давление газа, заключенного в объеме одного литра—это давление мы измеряем манометром, и это давление есть легко измеримый результат ударов несметного числа невидимых глазом молекул. Словом, изучаемое нами явление—явление макроскопическое, т.е. легко наблюдаемое простым глазом. Какое необходимое условие для этого макроскопического явления? Если сосуд поддерживается при 0° С., то для желаемого результата—давление в одну атмосферу—требуется, чтобы в среднем на каждый кубический сантиметр приходилось по 27 триллионов молекул.

Но как можно удовлетворить этому требованию? Ясно, что это можно осуществить очень большим числом способов, так как нам важно, чтобы в каждом кубическом сантиметре было определенное число молекул—именно 27 триллионов, но какие именно это будут молекулы—это совершенно не важно: каждая определенная молекула из числа 27×1.000 триллионов может находиться в любом из 1.000 куб. см. нашего сосуда. Таким образом данное макроско-

скопическое явление может быть осуществлено громадным числом микроскопических группировок ¹⁾. Какая именно из этих микроскопических группировок, дающая данное макроскопическое явление, имеет место сейчас или будет иметь место следующее мгновение—является «случайностью», «необходимым является требование, чтобы была осуществлена какая-либо одна из этих микроскопических группировок. Отсюда ясно, что смешно говорить, будто величина атмосферного давления предопределена тем, что было в Лапласовой туманности. В самом деле, если бы в Лапласовой туманности молекулы были расположены и совсем по-иному, чем они были на самом деле, то ведь это иное расположение могло бы привести в данном настоящем моменте, к другой микроскопической группировке. но все-таки такой, которая в нашем сосуде дала бы то же самое атмосферное давление! Поэтому нельзя сказать, что причиной данного явления, т.-е. определенной величины давления являются расположения молекул в лапласовой туманности. Лапласова туманность могла быть устроена немножко по-иному, и все-таки интересующее нас явление могло и осуществиться!

Мы говорили до сих пор, что необходимым условием данного явления, т.-е. наличия давления в одну атмосферу, было присутствие равного числа молекул в равных частях объема, в котором находится газ. Но это условие не следует понимать так, что если в одном из кубических сантиметров, на которые распадается данный литр газа, будет на сто молекул больше, а в соседнем на сто молекул меньше, то общее давление уже не будет равно атмосферному. Эти небольшие отклонения, наблюдаемые в том или другом месте,—или «флуктуации» ²⁾, как их принято теперь называть в статистической физике, выравниваясь в среднем, не отражается на величине давления; в самом деле, если в одной части газа частицы расположены гуще, то в соседней они могут быть расположены более редко, так что в среднем, когда мы вычисляем давление газа в целом, результат будет такой же, как если бы частицы были распределены равномерно. Вот эти отступления от средней плотности, или так называемые «флуктуации», при вычислении давления газа играют роль «случайностей». они не влияют на макроскопическое явление—на величину давления газа. Но если мы, оставив задачу о подсчете давления воздуха, займемся вопросом о синеве неба, т.-е. займемся вопросом о рассеянии солнечного света от молекул атмосферного воздуха, мы увидим, что то

1) Например молекулы *a, b, c, ...* в первом по счету кубическом сантиметре и молекулы *a', b', c', ...* во втором кубическом сантиметре или наоборот *a', b', c', ...* в первом, а молекулы *a, b, c, ...* во втором. Так как всего молекул 27,000 триллионов и каждая может находиться в любом из данных 1,000 к. с. и единственное требование, чтобы в каждом кубическом сантиметре было 27 триллионов, то ясно, что число возможных распределений очень велико.

2) Флуктуации тем заметнее, чем меньше будут ячейки, на которые мы разобьем имеющийся в нашем распоряжении объем. Изучение флуктуаций после классических работ Смолуховского очень широко распространилось в самых разнообразных вопросах физики.

что нами при вычислении давления считалось «случайностью» — именно отступление от средней плотности распределения молекул, становится необходимым в задаче о составе рассеянного солнечного света. Лорд Рэлей и Смолуховский, подходя различными путями к решению вопроса о составе света, рассеянного «синим небом», пришли к одному и тому же выводу: необходимым условием для рассеяния света и именно такого рассеяния, какое мы фактически наблюдаем, является наличие отступлений от равномерного распределения молекул, т.-е. наличие «флюктуаций». Без флюктуаций не получилось бы того рассеяния, какое мы фактически наблюдаем. Таким образом то, что при вычислении давления газа было «случайным», что не влияло на эту величину, то является необходимым в вопросе об отражении, или точнее о рассеянии света тем же газом.

Разве это по существу не диалектический подход к решению задачи о случайном и необходимом? Блестящий пример подобного же рода приводит Энгельс. Упрекая современных ему естественников в пристрастии к «вольфовской метафизике, согласно которой нечто либо случайно, либо необходимо, но ни в коем случае не то и другое одновременно, или столь же бессодержательно в механическом детерминизме, который на словах отрицает случайность в общем, чтобы на практике признать ее в каждом отдельном случае», Энгельс ставит вопрос: «В то время, как естествознание продолжало так думать, что сделало оно в лице Дарвина?». И дает на этот вопрос следующий замечательный ответ: «Дарвин в своем составившем эпоху произведении исходит из крайне широкой, покоящейся на случайности фактической основы. Именно незаметные случайные различия индивидов внутри отдельных видов, различия, которые могут усиливаться до изменения самого характера вида, ближайшие даже причины которых можно указать лишь в самых редких случаях, именно они заставляют его усомниться в прежней основе всякой закономерности в биологии, усомниться в понятии вида, в его прежней метафизической неизменности и постоянстве... Накопленный за это время материал, относящийся к случайности, устранил, уничтожил старое представление о необходимости». В этой блестящей характеристике мы видим как раз то же самое, что мы разобрали на примере молекулярной метафизики: то, что считалось случайностью — отклонения от видовых признаков до Дарвина — легло в основу новой закономерности — учения Дарвина. В виду важности рассматриваемого вопроса рассмотрим еще ряд примеров — не потому, что мы считаем, что диалектика в естествознании есть сумма более или менее удачных примеров, а потому, что на конкретных примерах лучше выясняются общие положения, «истина» ведь «всегда конкретна». Приведем выдержку из статьи «Опровергнут ли дарвинизм» — К. А. Тимирязева. Статья эта была направлена против русских анти-дарвинистов с Данилевским во главе. Та выдержка, которую мы сейчас приводим, касается именно вопроса о «случайном» и необходимом: она интересна тем, что в ней затронут целый ряд вопросов естествознания. А потому она лучше всего покажет, как

фактически подходит естествознание к интересующему нас вопросу. «Найдется ли какой-нибудь сложный механический процесс, дающий вполне определенный вперед вычисляемый результат и не представляющий при более глубоком анализе, при рассмотрении в другом масштабе целого хаоса случайностей? Когда сельский хозяин в своей сортировке отделяет одни семена от других, пользуется ли он определенным механизмом или только игрой случайностей? Когда химик отделяет на фильтре твердый осадок от жидкостей, пользуется он механизмом или случайным явлением? Конечно и да, и нет. Каждый из этих процессов является и определенным механизмом, и хаосом случайностей (подчеркнуто нами. А. Т.), смотря по тому, с какой точки зрения мы себе представим явление. Проследите, что происходит с каждым мелким зернышком в сортировке, какой путь оно опишет, пока дойдет до отверстия в сетке, сколько раз проскользнет мимо, а, может быть, так и ухитрится уйти, спрятавшись за крупным. Или эта частица раствора, которая должна пройти через фильтр, и упорно засела в осадке, не доказывает ли она, что вся операция фильтрования основана на случайности? Но попытайтесь убедить химика, что все его анализы основаны на случае, и он, конечно, только встретит смехом такое философское возражение. Или еще лучше убедите человека, садящегося в поезд Николаевской железной дороги с расчетом быть завтра в Петербурге.—убедите его, что эта уверенность основана на целом хаосе нелепейших случайностей. А между тем с философской точки зрения это верно. Какая сила движет паровоз? Упругость пара. Но физика нас учит, что это только результат несметных случайных ударов несметного числа частиц, носящихся во всем направлениям, сталкивающихся, отскакивающих и т. д. Но это далеко не все. Есть еще другой хаос случайных явлений, который называют трением.

Воскресим микроскопом, даже не апохроматом, а идеальным микроскопом, который показал бы нам, что творится с частицами железа там, где колесо локомотива прильнуло к рельсу. Вот одна частица зацепила за другую, как зубец шестерни, а рядом две, может быть, так прильнули, что их не разорвать, вон третья оторвалась от колеса, а вон четвертая—от рельса, а пятая, быть может, соединилась с кислородом и, накалившись, улетела. Это ли не хаос? И, однако, из этих двух хаосов.—а сколько бы их еще набралось, если бы посчитать!—слагается, может быть, и тривиальный, но вполне определенный результат, что завтра я буду в Петербурге.

Итак, мы в праве назвать естественный отбор механизмом, механическим объяснением не потому, чтобы в основе его не лежало элементов случайности, а, наоборот, потому, что в основе всякого сложного механизма нетрудно найти этот хаос случайностей»¹⁾.

¹⁾ Из лекции „Опровергнут ли Дарвинизм“, прочитанной весной 1887 г. Перепечатано в книге—„Чарльз Дарвин и его учение“ ч. II. К. Тимирязев. Госиздат. 1921.

В этих строках, написанных почти сорок лет тому назад, очень ярко выражена та мысль, которую мы иллюстрировали примерами из молекулярной физики. Мысль эта сводится к следующему: каждое макроскопическое явление складывается из целого хаоса микроскопических, чтобы не сказать ультрамикроскопических процессов. Каждый из этих микроскопических процессов «случаен» потому, что от него в отдельности не зависит изучаемое нами макроскопическое явление: если данная частица пара не ударилась о поршень, поршень все-таки будет двигаться, если в него ударилось достаточное число других частиц. И вот, если это макроскопическое явление может быть осуществимо громадным числом комбинаций громадного числа микроскопических событий, то будет ли сейчас осуществлена одна из этих комбинаций или другая—явление будет протекать одинаково. Надо только, чтобы осуществилась одна из тех очень многих комбинаций микроскопических событий, которая приводит в конечном счете к наблюдаемому нами макроскопическому явлению. Но поставим себе вопрос: где же здесь метафизическое отделение случайного и необходимого? Где здесь указание на то, что то или другое событие предопределено расположением молекул в лапласовской туманности, как это полагали философы-материалисты XVIII столетия?

Увидеть здесь все это можно, только заразившись модной болезнью именуемой «механобоязнью»! Разве эти приведенные нами примеры из естествознания не находятся в полном согласии со взглядами диалектика—Энгельса, выраженными в его Лудвиге Фейербахе: «Мы знаем, наконец, что необходимость составляется из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость?»¹⁾

Эти понятия случайного и необходимого, казавшиеся прежним естествоиспытателям полярно противоположными, настолько проникают друг в друга, что в самое последнее время вырабатываются даже в молекулярной статистике новые методы теории вероятностей, приводящие в ужас тех, кто застрял на классических задачах этой теории. Так Смолуховским установлено следующее новое понятие, которое он назвал «последствием вероятности». Представим себе, что мы в микроскоп наблюдаем так называемое броуновское движение, т.-е. движение видимых глазу частиц—например, микроскопические крупинки какой-либо краски, движущейся под влиянием толчков, обусловленных ударами окружающих молекул воды, в которой и помещены эти крупинки. В микроскопе мы видим хорошо только некоторый объем наблюдаемого препарата; благодаря непрерывным движениям одни частицы входят в этот объем, другие выходят. Что будет через 5 секунд? В наш объем могут войти частицы из окружающих областей препарата, которых мы непосредственно не видим, а некоторые могут уйти из поля зрения—это будет дело «случая», и подсчет здесь ведется по обыч-

¹⁾ Издание 1918 года, стр. 59.

ным правилам теории вероятностей, дающей возможность рассчитывать такие события ближайших причин, которых мы не знаем (это вовсе не значит, что причин этих нет!). Но, с другой стороны, мы можем с уверенностью сказать, что частицы находящиеся в середине поля зрения микроскопа за те, скажем, 5 секунд, которые отделяют оба наблюдения, не успеют выйти за пределы поля зрения. Их присутствие при следующем наблюдении «предопределено». Чем же будет определяться вероятное число частиц, которое мы увидим через 5 секунд. Смолуховский дает следующий ответ: отчасти «случайностью», отчасти это число наперед известно. Именно отчасти это будут те частицы, которые мы уже видели и которые ни при каких условиях за малое время, отделяющее первое от второго наблюдения, не могут выйти из поля зрения. Отчасти же это будут частицы, которые вошли вновь и числа которых мы наперед знать не можем. В этом подсчете «случайное» тесно переплетается с необходимым. Как мы уже говорили, это новшество кое-кого из консерваторов и хранителей святых преданий теории вероятностей огорчило, но практика показала, к каким хорошим результатам это приводит, и теперь мы имеем уже ряд блестящих результатов применения этого нового метода. Теперь спрашивается, так ли далеко от диалектики современное теоретическое естествознание и так ли оно прочно придерживается взглядов, развивавшихся французскими материалистами XVIII столетия?

Посмотрим теперь, что же нам дала новая школа с ее главой тов. А. М. Дебориным? Ряд изданий переводов материалистов XVIII века, на которых переводчики теперь сами же ополчились, а в интересующем нас сейчас вопросе о случайном и необходимом практически — ничего! Изложив и притом весьма сбивчиво и неясно несколько страниц из «Логики» Гегеля и не сделав попытки показать, как эти мысли Гегеля надо прилагать к современному естествознанию, а ведь блестящий образец того, как это надо делать, был дан Энгельсом в приведенных нами отрывках «Диалектики Природы», тов. А. М. Деборин на стр. 82. № 1—2 «Под Знаменем Марксизма» делает следующий ошеломляющий всякого непредубежденного читателя вывод: «Мы изложили вкратце взгляды Гегеля на взаимную связь случайности и необходимости. Мы не будем входить здесь в рассмотрение того, насколько взгляды Гегеля приемлемы для нас во всех подробностях. Необходимо всегда иметь в виду, что Гегель при всей глубине трактовки проблемы действительности, случайности и необходимости, стоит на идеалистической точке зрения и что для использования его правильных указаний надо их очистить от идеалистической скорлупы, которой они покрыты» (!!! А. Т.). Тов. Деборин! А ведь мы все именно этой очистки от идеалистической скорлупы того ценного, что есть у Гегеля, от вас и ожидали! Ведь философ-марксист должен именно так подходить к Гегелю. Об этой задаче и говорил Ленин в своей статье о задачах журнала «Под Знаменем Мар-

ксизма». А потом разве необходимо удерживать и самую форму, в которой выражал свои мысли Гегель и о которой Энгельс писал, что это «вымученная и часто ужасная конструкция» (стр. 221)? Таким образом, в том, в чем философ-марксист мог бы оказать большую помощь естествоведнику, а именно изложив ясным и простым языком диалектическую точку зрения Гегеля на случайное и необходимое, при этом отделить здоровое ядро этой диалектики от идеалистической скорлупы, ровным счетом ничего не сделано! В области же естествознания замечания тов. Деборина могут вызвать основательную путаницу. Так на стр. 85, «Под Знам. Марксизма», № 1—2, 1926, мы находим вполне правильную мысль: «Дарвин исходил из той основной мысли, что эволюция осуществляется на основе случайных вариаций. Но Дарвин, разумеется, под случайностью никогда не понимал «беспричинности». Однако вслед за этим на следующей же странице оказывается, что «изменения эти мы считаем случайными не потому только, что это подчеркивает Дарвин, что причины их нам неизвестны. Они случайны в более объективном смысле» (?!). Что же это значит случайный в более объективном смысле? Разбирая примеры из молекулярной физики, мы указывали, что помимо того, что причины перемещений определенных индивидуальных молекул нам неизвестны, мы считаем их случайными потому, что изучаемое нами какое-нибудь макроскопическое явление, скажем давление газа, не зависит от того, находится ли данная индивидуальная молекула здесь или там. Необходимо общее распределение молекул, а случайно—положение каждой из них в этом общем распределении (хотя и это случайное причинно обусловлено, только знание этих причин для нас неважно потому, что не им определено изучаемое явление). Но не это, видимо, имеет в виду тов. Деборин, как это ясно из дальнейшего.

Сделав, как мы только что видели упрек Дарвину и приведя еще несколько выписок из Дарвина, где говорится о том, что изменения бывают благоприятные для организма и неблагоприятные, тов. Деборин приходит к выводу, что «определенные изменения, вызванные причинными отношениями и оказавшиеся случайно полезными, подхватываются естественным отбором, становясь в свою очередь, основой для дальнейших приспособлений» (стр. 88). Где же тут объяснение более объективного смысла «случайных» изменений? В том, что они вызваны причинными отношениями и «случайно» полезны для данного организма?

Мало все-таки это уясняет суть дела! И очень уж близко эта «случайность», может быть, даже стихийно против воли автора приближается к беспричинности!

Итак в естествознание стихийно все более и более проникает диалектическая точка зрения на случайность и необходимость. Эти стихии должны стать сознательной, для чего много придется поработать над философией и в частности над Гегелем. А теперь поставим два вопроса. Во-первых, помогла ли нам в деле изучения диалектики случайного и необходимого «новейшая школа» марксизма, и, во-вторых, виновно

ли естествознание в воскрешении взглядов французских материалистов на случайное и необходимое, которое выражено словами Энгельса: «необходимость низводится до чего-то чисто случайного?».

V.

На ряду с уже рассмотренными возражениями против материализма XVIII века, нам придется в общих чертах коснуться еще одного и притом весьма существенного. Мы сказали умышленно в общих чертах, так как, несмотря на важность этого возражения, естествознание, рассматриваемое под этим углом зрения, настолько ушло вперед по сравнению с XVIII веком, что несостоятельность обвинений, выдвигаемых «новой школой марксизма», отождествляющей современное теоретическое естествознание с механическим материализмом XVIII столетия, настолько ясна, что в сколько-нибудь подробных доказательствах нет решительно никакой нужды. В чем же заключается этот существенный недостаток материализма XVIII века? Лучше всего он изображен Марксом в его первом тезисе о философии Фейербаха. «Главный недостаток материализма—до Фейербаховского включительно—состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно». Так как, по мнению тов. Деборина, естествознание стоит на почве механического материализма XVIII столетия, то естественно, что с точки зрения его самого и его единомышленников оно должно содержать в себе целиком и полностью и все грехи этого материализма, в том числе и тот, который формулирован в приведенных нами сейчас словах Маркса. Чтобы доказать это безнадежное положение, теперь принято указывать, что современное естествознание признает только анализ и не признает синтеза! Вот что пишет тов. Н. К. в цитированном уже нами послесловии к статье проф. А. Ф. Самойлова. «Но вместе с тем, диалектика требует, чтобы наука и не ограничивалась путем анализа. Кроме анализа, существует еще и синтез, кроме данного существует еще история. Неверно, что современная наука ставит своей задачей лишь объяснение сложного из простого. она ставит своей задачей и воспроизводство из простого «сложного» (стр. 85). Несколькими строками раньше читаем мы следующее: «Для объяснения конкретного явления, кроме физико-химического анализа, необходимо еще изучение истории. создающей новые синтезы, новые формы движения материи. Что же, спрашивается, физика и химия не знают истории? Или если что-либо осуществляется длинной цепью сменяющих друг друга физико-химических процессов. то эта историческая цепь упраздняет физику и химию? Как бы спохватившись, тов. Н. К. все-таки вынужден признать, что на свете существует «синтетическая химия, дарвинизм, исторический метод в биологии». Таким образом, тов. Н. К. по крайней мере в этом

пункте вынужден признать, что современное естествознание в этом грехе неповинно, в этом виновны только нечестивые «механисты». Но, с одной стороны, это противоречит утверждению тов. Деборина, который, как мы видели, считает, что механическое мировоззрение исходит из предположения, что материя состоит из «тождественных, бесформенных и бескачественных элементов однородных материальных частиц, лишенных всяких свойств и пр.». К этому он добавляет: «На подобной точке зрения стоит и современное теоретическое естествознание». Хотя все это, как мы видели, сплошная фантазия, но будем же все-таки справедливы, эта фантазия в данной по крайней мере ее части, фантазия последовательная—она приводит к результату: механисты создают механическое. У тов. же Н. К. «механисты» отрицают ими же созданное и притом не «механическое», что им бы по штатам полагалось творить, а диалектическое! Вот уже подлинно можно сказать, перефразируя известную пословицу, «хоть законы - то святы, да открывшие их супостаты»!

С другой стороны, послушаем все-таки, что говорят сами механисты в лице Больцмана. XIX век он называет «веком механического объяснения—веком Дарвина». А вот тов. Н. К. бьет «механистов» как раз историческим методом—дарвинизмом, т.-е. именно тем, что «механист» Больцман выдвигает на первый план, как основную характеристику развивающегося естествознания. Не очень, видно, боятся «механисты» подобных угроз!

Но посмотрим все-таки поближе, так ли уж чужда современному естествознанию мысль о необходимости синтеза о «воспроизводстве из простого сложного».

Что представляет собой вся практическая механика, все машиностроение, как не создание сложного из простого на основе законов ньютоновой механики, так как никакая другая механика пока что в практике машиностроения еще не применялась и не применяется? А что же такое опыт в физике как не осуществление наших теоретических предположений в действительности? Ведь в область практической деятельности человека входит несомненно и работа в лабораториях: в самом деле, где та резкая черта, которая отделяет научно-исследовательскую работу от производства? Поясним это несколькими примерами. Развивая взгляды Фарадея, Максвелл пришел к формулировке основных законов электро-магнитного поля. Но его работы перешли почти незаметными. Необходимо напомнить, что одним из первых, обративших на них внимание, был Энгельс. Всеобщее признание, хотя бы на словах¹⁾, теория Максвелла или правильнее уравнения Максвелла получили с того момента, когда Гертцу удалось на опыте осуществить

1) Теоретический вывод уравнений Максвелла благодаря некоторым невязкам и оригинальным работам самого Максвелла считается вообще совершенно излишним тем физиками, которые считают невозможным связывать механику с электродинамикой и которые считают, что задача всякой теории найти уравнения, дающие точные «описания» физических явлений. Припадки „механобоязни“ как мы увидим, толкнули кое-кого из марксистов в объятия самых настоящих механистов, но об этом речь впереди.

то, что изложено в электромагнитной теории света самим Максвеллом. Совокупность опытов Гертца и опытов, выполненных его последователями, очень многими мыслителями определяется как «синтез света». И в самом деле, ведь вся полоса в истории физики, непосредственно следующая за опытами Гертца, была отмечена рядом блестящих исследований, показавших, что все то, что можно осуществить с помощью лучей света, можно получить и с искусственно-полученными электромагнитными волнами. Правда, получить в точности волны той же длины, как и световые, не удалось, так как для этого пришлось бы построить приборы размерами в один атом! А это как известно осуществить пока что нельзя! Но ведь разве дело в длине волны? Неужели количество играет такую роль, что искусственное получение более длинных волн нельзя считать за синтез света? Думаю, что в этом даже мои товарищи-противники со мной спорить не будут и не будут придавать этой чисто количественной разнице принципиального значения. Не так ли? Но в области электромагнитных волн мы пошли еще значительно дальше: разве радиотелеграф и радиотелефон не осуществляют в нашей повседневной практике этот «синтез света» в еще более широком масштабе? И притом такой синтез, какой мы хотим: все добытое путем анализа—например, теория электронов—используя для синтеза, для построения тех катодных ламп, которые революционизируют как физику, так и современную радио-технику. Разве это не проверка в живой человеческой практике нашего умения давать не только анализ, но и синтез? Но даже в таких областях, где синтез нам, в подлинном смысле этого слова, недоступен, мы не довольствуемся одним анализом. Не можем мы, например, получить синтез звездного скопления, и все-таки и в этом случае мы с помощью всевозможных вспомогательных средств, осуществляемых в лаборатории, пытаемся хотя бы в малом масштабе воссоздать те условия, какие имеют место в туманности или в звезде на ее ранних степенях развития, или, по крайней мере, на основании экспериментальных данных изучаем совместное действие самых разнообразных условий, имеющих место в этих телах. Напомним хотя бы о работах Эддингтона, теоретически показавшего, как сплетается действие силы тяжести с давлением лучистой энергии. Во времена Канта и даже во времена Лапласа в этих вопросах ограничивались одной только «механикой тяжести». Далее, разве приведенные нами примеры из работ Томсона, показавшего, как искусственно изменяя число наружных электронов в атомах кислорода, можно получить у кислородных атомов способность давать соединения такого типа, какие дает азот или углерод, разве эти примеры не показывают, что мы здесь имеем дело с синтезом качеств азота и углерода?

А в области биологии разве мы не создаем путем отбора новые органические формы—стоит только вспомнить труды знаменитого Лутера Бурбанка? Разве мы не достигли уже синтеза органических веществ? Судя по недавним сведениям, уже получен синтетическим путем тиреоидин, так называемый гормон щитовидной железы. Скажут, а все-

таки белок еще не получен и не получен еще синтетическим путем живой организм хотя бы из числа простейших. Такое возражение обычно делают виталисты. Они, по крайней мере теперешние, никогда не спорят против очевидности. Они говорят: все, что достигнуто «механистами», все это верно, но дальше идет уже тайна жизни! А когда по этому же пути механисты делают новый шаг, открывают и объясняют еще одну тайну, виталисты повторяют то же самое, ставя новый предел, только более далекий на этот раз. А такой предел всегда найдется: диалектик ведь знает, что мир неисчерпаем.

Упрекать современных биологов в том, что им не удалось получить искусственный живой организм, по меньшей мере смешно. Этот упрек раздается всегда из богословских уст: «Умеете делать инфузории? А, не умеете? Значит, их бог делает!» Все это было Энгельсу хорошо известно. «Но до тех пор,—говорил он,—пока наше знание о химическом составе белка (а состав узнается все-таки анализом! А. Т.) находится на теперешнем уровне, до тех пор пока мы еще не смеем думать об искусственном создании белка, т.-е., вероятно, в течение ближайших ста лет; смешно жаловаться, что все наши попытки и т. д. не удалась!» (стр. 51). Давно написаны эти строки, тов. Деборин, а сто лет все-таки еще не прошли!

Перейдем теперь к некоторым выводам.

Мы рассмотрели все обвинительные пункты, какие основоположники марксизма выдвинули против материализма XVIII столетия, и видели, что современное теоретическое естествознание ни в какой мере не может считаться виновным по этим пунктам предъявленного обвинения. Мы теперь с еще большим основанием можем повторить слова Энгельса: «Воззрения на природу французского материализма несовместимы с диалектикой и новейшим естествознанием». Диалектика, как это ясно всякому знакомящемуся с естественными науками не по образам, созданным собственным воображением, все глубже и глубже со стихийной силой проникает в естествознание, и это не может быть иначе, если «в природе все происходит в конечном счете диалектически, а не метафизически». Утверждать, что современное теоретическое естествознание стоит на позиции метафизического материализма XVIII столетия, фактически значит отрицать диалектику в природе.

Никто не станет спорить, что даже величайшие умы в области естествознания применяют диалектику стихийно. Но что надо сделать для того, чтобы стихийное стало сознательным? Для этого надо показать, что именно там, где естествознание одерживает свои блестящие победы, оно сознательно или несознательно стоит на почве диалектики, а там, где оно ошибается, этой диалектики еще нет. Надо показать на ряде примеров, как вооруженный диалектическим методом исследователь быстрее и легче решает задачи, кажущиеся непосильными для тех, кто незнаком с диалектикой и не применяет ее даже бессознательно. Пример Энгельса со вторым законом термодинамики убедил даже такого скептика, как проф. Самойлов. Но все это требует от

марксиста хоть некоторых знаний в области естественных наук и умения пользоваться своим оружием—диалектикой—в процессе критики результатов современного естествознания, выискивая все ценное и отметая мусор. Недаром Ленин говорил: «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпирио-критическая философия вместе с эмпирио-символизмом, эмпирио-монизмом и проч., и т. п.»¹⁾.

Всякий вдумчивый исследователь и в особенности всякий методолог должен уметь отличать «жизнеспособные существа» от «некоторых мертвых продуктов». Вот именно совокупность всего «жизнеспособного» в естествознании мы и считали в настоящем очерке «современным теоретическим естествознанием» и не смешивали этого жизнеспособного с «некоторыми мертвыми продуктами», не предполагаем этого делать и впредь в меру своих сил и способностей. Слов нет, дело это трудное, но ведь все-таки этому можно научиться, изучая «Диалектику природы» и «Материализм и Эмпириокритицизм» и не в избранных отрывках, а целиком и полностью даже там, где речь идет о «специальных вопросах естествознания», от которых кое-кого бросает в дрожь!

Проявилась ли эта критическая способность у тех, кто хочет взять монополию на ортодоксальный марксизм в области естествознания?

Вместо ответа приведем маленькую выдержку из статьи тов. П. Сапожникова, помещенную в «Большевике» № 16, 1925 г., стр. 87: «Сказать—последние выводы современной науки, это ведь значит поставить знак равенства, тождества между, например, материализмом Маркса—Энгельса—Ленина и современной естественно-научной (электронной) теорией материи и т. д. Завтра ей на смену придет другая теория—принимай ее вместо прежней, как единственно верную. Или, вместо нашего философского учения о субъекте-объекте, о психическом и физическом—поставить учение Павлова, Бехтерева, Фрейда и т. д.? Или еще, к примеру,—головокружительными выводами эйнштейновского релятивизма заменить учение марксистской философии об условности и относительности всяких граней в природе и обществе? Отождествлять последние выводы наук с методологией марксизма, это значит упразднить марксистскую методологию».

Позволительно спросить, можно ли назвать марксистской методологией сваливание в одну кучу электронной теории, теории Эйнштейна, учения Павлова, Бехтерева и Фрейда?! Никто, кроме каких-то воображаемых призраков, не ставит знака равенства между методологией и

1) Ленин, том X, стр. 264.

той или другой частной наукой или теорией. Но почему и Энгельс, и Ленин искали подтверждения правильности марксистской методологии в естествознании, а Ленин—даже в самой ужасной электронной теории, на которую с такой яростью нападают теперь? Мы думаем, потому, что у наших великих основоположников диалектика твердо стояла на ногах. Методология не может быть оторвана от того, что изучается с ее помощью. Как может марксист не отличать учение Павлова от Бехтерева и Фрейда! Если, замкнувшись в себя, марксист настолько далеко уходит от современного естествознания, что не может заметить различий между Павловым и Бехтеревым, то чем он поможет стихийному диалектику? Как он добьется того, чтобы стихийное стало сознательным? Ведь он и диалектике не сможет как следует научить. В пылу битвы, при преследовании ненавистных электронов, тов. Сапожников, сам того не замечая, совсем растерял диалектику. «Завтра ей (т.е. электронной теории. А. Т.) на смену придет другая теория—принимай ее вместо прежней, как единственно верную». Если завтра ей действительно придет на смену какая-нибудь другая теория, то эта новая теория будет содержать в себе старую «в снятом виде», так учит, по крайней мере, материалистическая диалектика, считающая, что всякая теория есть отражение того, что есть, а если это так, то и новая, более современная теория должна давать лучшее отражение природы, но в том числе и то верное, что было в старой! Вся история естествознания свидетельствует о правильности этого положения материалистической диалектики, которое забывают те, у кого диалектика повернулась на голову, а это неприятное происшествие обыкновенно сопровождается припадками ненависти по адресу всего современного естествознания.

Вот это отсутствие критики проявляется не только в рассмотренной нами сейчас стихийной форме сваливания в одну кучу всего, что есть в естествознании: оно может принимать более определенные формы. Вот, например, что пишет тов. А. Вишневский в «Под Знаменем Марксизма» № 8—9, 1925, стр. 285: «О невозможности свести электрические явления к механическим говорят Планк, Н. Бор, Витте и многие другие выдающиеся ученые». При чем ясно, что сочувствие автора как раз на стороне перечисленных ученых. Вопрос этот настолько существенен, что на нем приходится остановиться. Здесь речь идет о наступившей в начале XX столетия реакции против революционного движения в физике, связанного с именами Фарадея, Максвелла, Дж. Дж. Томсона, об этом направлении, как мы уже указывали, Энгельс в своей диалектике в природе отзывался как о решительном и несомненном прогрессе! Вследствие панического страха перед механикой и в погоне за специфичностью, с одной стороны, забывают, что диалектика, наряду со специфичностью, требует отсутствия резких переходов и граней: «hard and fast lines». и с другой—совершенно не видят, что «механисты» типа Максвелла, Гельмгольца и Томсона видели и признавали эту специфичность, как мы уже показали (см. выше, стр. 134); вот непонимание этого самого существенного приводит к тому, что тов. Вишневский бросается в объятия к тем, кто проповедует махистское «чи-

стое описание»! И, не разобрав в чем дело, отбрасывают все «жизненное» в науке и объявляет подлинной наукой, согласной с диалектикой, то, что Ленин называл «отбросами». Та статья Планка, на которую ссылаются и тов. А. Вишневский, и тов. Я. Стен¹⁾, была написана в ту пору, когда у Планка под влиянием Эйнштейнсовой теории был рецидив махизма. Вот несколько отрывков из этой статьи. «Наибольшие затруднения механистическому мировоззрению доставляла необратимость явлений природы, так как в механике все явления обратимы. Потребовался глубокий анализ и непреклонный оптимизм Лудвига Больцмана для того, чтобы не только примирить атомистику со вторым началом термодинамики, но даже объяснить основную идею второго начала при помощи атомистики. Все эти трудные вопросы преодолевались шутя или, скорее, вовсе не существовали для сторонников чистой термодинамики, которые совершенно не признавали проблемы о сведении тепловой энергии к механической, но довольствовались допущением о существовании различных видов энергии»²⁾. Не забудем, что вся статья Планка проникнута сомнениями в правильности того пути, по которому шла физика. В приведенном примере, где нельзя уже отрицать заслуг Больцмана, все-таки указывается, что трудности, которые он преодолел, можно и не преодолевать! Таким образом, то, что Энгельс называл еще в семидесятых годах триумфом физики и что привело уже в наши дни к диалектическому синтезу обратимых и необратимых процессов³⁾, объявляется несуществующими трудностями. Дальше, Планк в 1910 году после работ Больцмана предлагает все-таки и другой простой рецепт: признайте, что существует тепловая энергия, имеющая свои законы, и рядом с ней—механическая, имеющая свои, а где переход от одной к другой—это неважно. Специфически различные законы дают точное математическое описание, на этом все и кончается. И вот это временное потемнение, затуманившее такой ясный ум, как ум Планка, подчеркивается и превозносится марксистами!

А вот еще хороший образчик из той же статьи: «С таким же основанием можно утверждать, что первый шаг к открытию принципа относительности совпал с вопросом: какие взаимоотношения должны существовать между силами природы, если оказывается невозможным обнаружить какие-либо материальные свойства светового эфира? Что, если световые волны распространяются в пространстве совершенно не связанные с каким-либо материальным носителем? В таком случае скорость движения тела по отношению к эфиру была бы не только неизмерима, но и всевозможна»⁴⁾. Что это, скажем мы словами Ленина, как

1) „Большевик“, № 15—16, стр. 126, 1924.

2) П. П л а н к. Физические очерки „Отношение новейшей физики к механистическому мировоззрению“. Стр. 38.

3) См. выше.

4) Это невозможное осуществилось в опытах Дейтон-Миллера, проведенных в 1921—1926 г.г.

не попытка «мыслить движение без материи»? И опять этот идеалистический «выверт» оказался по вкусам кое-кому из марксистов!

Посмотрим теперь, что написано в заключительных строках книжки Ганса Витте, развенчивающего «механическую теорию электромагнитного поля» Максвелля, о которой, как мы уже не раз указывали, Энгельс отзывается, как о «решительном прогрессе». На протяжении всей своей книжки Витте доказывает, что уравнения механики неприменимы к изучению электромагнитного поля, а в заключительных строках он прямо и беззастенчиво раскрывает свои карты: «Взгляд, что все, что происходит в материальном мире, может быть описано механическими понятиями, покоится исключительно на переоценке понятия бытия (Seinsbegriff), как это обычно имеет место в определенных направлениях материалистической философии»¹⁾.

Коротко и ясно, не правда ли! А известный физик Нильс Бор, открывший ряд интереснейших законов, но не пожелавший пойти дальше «математического описания», прямо ставит вопрос: «Может ли вообще²⁾ детальное истолкование взаимодействия материи и лучистой энергии быть выражено причинным описанием в пространстве и во времени того типа, как это употреблялось до сих пор для истолкования естественных явлений?» Таким образом, те физики, которых новейшая школа марксизма ставит в пример «механистам», отказываются от закона причинности! Это полное неумение использовать диалектический метод в оценке того, что появляется в естествознании, это полное неумение отличить «жизнеспособные существа» от «мертвых отбросов» приводит к весьма характерному «дуализму». Все естествознание обьявляется, с одной стороны, подлежащим полной перестройке для приведения его в соответствие с требованиями диалектики. «Здесь перед марксистами еще непочатый угол работы. Естествознание почти так же далеко сейчас от диалектического материализма, как социология и политическая экономия до появления работ Маркса, специально русская история до работ, скажем, М. Н. Покровского и т. д.»³⁾.

С другой же стороны, не переведа духа высказывается следующая «истина»: «Отсюда, конечно, никак не вытекает абсолютно отрицательная нигилистическая точка зрения на естествознание. Долгое время мы будем учиться исключительно у старого естествознания, как оно есть». (Подчеркнуто нами). (Там же, стр. 135). Итак, все естествознание очень далеко от диалектики, а мы долгие годы будем признавать его таким, как оно есть! Весьма откровенное признание в своей неверии в силу марксистского метода! Нет! Если даже крупнейшие естественники, как, напри-

¹⁾ H. Witte. Ueber den gegenwärtigen Stand der Frage nach einer mechanischen Erklärung der Elektrischen Erscheinungen. E. Ebering. Berlin 1906 г.

²⁾ „Philosophical Magazine“. 47, стр. 790, 1924.

³⁾ „Под Знам. Марксизма“. „Естествознание и классовая борьба“. В. Егоршин, стр. 135 № 6. июль 1926.

мер, Бор или недавно Джинс¹⁾), договариваются до отказа от закона причинности, то этого естествознания мы принимать не будем! Если в основу теории электронов нам предложить принять, как необходимую аксиому, что электрон не имеет протяжения, как это делает проф. Френкель²⁾, то мы не будем с ним соглашаться, прикрывшись лозунгом «мы берем естествознание, как оно есть!» Называйте нас за это «механистами», а все-таки мы уверены, что только здоровая критика материалиста-диалектика может избавить науку от непространственных электронов, от волн, не имеющих материальных носителей, и от «тесрий», не считающихся с законом причинности! Огульное отрицание диалектики в современном естествознании есть только ширма, которой прикрывается нежелание вмешиваться в упорную борьбу в области естествознания, и в сущности полный отказ от применения марксистской методологии к вопросам естествознания. С этим «неверием» в силу марксистского метода необходима упорная борьба. Неумение критически подходить к вопросам естествознания породило и ту невообразимую путаницу, которая создалась вокруг слова «механист».

1) В своей речи на тему „Пространство, время и вселенная“ Джинс, один из крупнейших теоретиков, договорился до отказа от научных объяснений вообще, до отказа от закона причинности, как показывают следующие отрывки. „Один раз в пять миллионов лет судьба стучится в дверь одного атома и разрушает его (речь идет о радиоактивных процессах. А. Т.); почему она выбирает именно этот атом, а не соседний, мы просто не знаем, по видимому, мы за пределами того, что до сих пор называли естественными законами“ (!! А. Т.). „Линии водородного спектра получаются при падении атомов с одного уровня энергии до другого, и определения длины волны (световых. А. Т.), соответствующих этим линиям, основывается в одинаковой степени как на прошлом так и на будущем атома, хотя, как мы уже видели, будущее индивидуального атома нельзя уже рассматривать, как следствие его прошлого в том смысле, и каком следствии вытекает из причин. Мы находимся здесь в непривычных областях мысли, где наше мышление застывает и отказывается работать. Но по меньшей мере одно представляется возможным: нам представляется, что мертвая безсходность связи причины со следствием окончилась, и перед нами вырисовываются новые возможности свободы, которых мы пока еще не понимаем“ (!!! А. Т.). (Напечатана в „Nature“ 29 февраля 1926 г.). Перед этим Джинс решительно отмежевывается от „механистических“ идей Фарадея-Максвелла и считает единственно правильным методом метод чистого описания Маха-Эйнштейна.

2) Приводим несколько отрывков, характеризующих „философию“ проф. Я. Н. Френкеля. „Можно ли, однако, считать электрон пространственно протяженной частицей? Если да, то каким образом обеспечивается нерасчленимость электрона, какими силами уравниваются взаимные отталкивания различных элементов его объемного заряда? Не проще ли считать электрон точечным образованием, лишенным какой-либо протяженности? Правда, при этом собственная масса электрона превращается в такое же первичное (т.-е. ни к чему не сводимое) свойство, как и его заряд, — но с этим, мне кажется, легче примириться, чем с возможностью существования нерасчлененного протяженного электрона. К тому же, как мы видели, отрицательным электронам с их предполагаемым радиусом $2,10^{-13}$ должно было бы быть слишком тесно в положительных ядрах атомов“ (!!! А. Т.). „Локализованная в пустоте масса проявляется не только в форме сил инерции, но также и в форме сил тяготения (веса). Таким образом, эти силы получают совершенно своеобразный характер, имея своими источниками и объектами не материальные частицы, а элементы объема электромагнитного поля, т.-е. пустоты“ (!!! А. Т.). Выписки говорят сами за себя (см. Я. Н. Френкель. „Строение материи“. Книгоиздательство „Секстель“. Стр. 107—109).

Ни для кого не тайна, что в условиях капиталистического общества слово материалист не пользовалось, выражаясь мягко, популярностью. Поэтому «механист» было вежливой формой для понятия «материалист». Одним из противоречий капиталистического общества является необходимость допускать в определенных, конечно, границах материализм. Без материализма не создашь ни одной естественной науки, не создашь техники. Но идеологически материализм в капиталистическом обществе той поры, когда уже капитализм стал склоняться к закату, совершенно неприемлем. Вот почему слово «материалист» заменяется невинным словом «механист», которое до известной степени считается терпимым. Вся история естествознания за последние 100 лет показывает, что «механистов» противопоставляли всегда виталистам. У «механистов»: Дарвина, Гельмгольца, Максвелла, Больцмана, Лоренца, Дж. Дж. Томсона, Дж. Дарвина, М. Смолуховского и многих, многих других, мы встречаем лучшие образцы «стихийной» диалектики, совершенно не вяжущиеся с метафизическим механическим материализмом XVIII века. Именно эти образцы и побудили Энгельса признать, что естествознание не мирится с механическим материализмом XVIII столетия. Но что делать, когда слово «механист» имеет тот же корень, что и механика!

Что наши толкования не противостоят ортодоксальному марксизму—ясно из следующих слов Ленина: «Рей тоже абсолютно незнаком с диалектикой. Но и он вынужден констатировать, что среди новейших физиков есть продолжатели традиций «механизма» (т.-е. материализма). (Подчеркнуто нами. А. Т.). По пути «механизма»,—говорит он.—идут не только Кирхгоф, Гертц, Больцман, Максвелл, Гельмгольц, Лорд Кельвин—чистыми механистами и с известной точки зрения более механистами, чем кто бы то ни было, представляющими из себя последнее слово (l'aboutissant) механизма, являются те, кто вслед за Лоренцом и Ларморов формулируют электрическую теорию материи и приходят к отрицанию постоянства массы, объявляя ее функцией движения. Все они механисты, ибо за исходный пункт берут реальные движения (курсив Рея, стр. 290—291)»¹⁾.

Вся книга Владимира Ильича в той части, которая касается естествознания, посвящена доказательству именно того, что современное естествознание идет стихийно по пути диалектического материализма, но что при абсолютном незнакомстве с диалектикой именно этот стихийный переход естествознания от старого механического материализма к диалектическому истолковывается, как крушение материализма вообще. Ленин между прочим подробно разбирает, как удачно боролся Больцман, которого как раз причисляют к типичным «механистам», с энергетиками, махистами и проч. идеалистическими течениями в физике. Этот обзор Ленин заканчивает следующими строками. «Следовательно, и по отношению к Германии подтверждается то, что по отно-

¹⁾ Ленин. X том. 221 стр.

шению к Англии признал спиритуалист Дж. Уорд,—именно. что физики реалистической школы не менее удачно систематизируют факты и открытия последних лет, чем физики символистской школы. и что существенная разница состоит «только» в гносеологической точке зрения». (Подчеркнуто нами. А. Т.). Ленин приводит длинные выписки из Рея, из которых мы ограничимся здесь несколькими отрывками, чтобы яснее были те выводы, к которым приходит Владимир Ильич. Указывая на необходимость обобщения законов механики для изучения электромагнитного поля (что, как мы видели. главным образом, выражается в участии движения эфира и отражается формально на строении кинетической и потенциальной энергии), Рей ставит следующий вопрос: «Означало ли бы это отказ от механизма?» И дает вполне определенный ответ: «Никоим образом. Чисто механистская традиция продолжала бы сохраняться, механизм шел бы по нормальному пути своего развития». Законы механики остаются, следовательно. в прямой связи с законами физики; понятия механики остаются понятиями того же порядка, как и понятия физико-химические. В традиционном механизме эти понятия были снимком с движений сравнительно медленных, которые, будучи одни только известны и доступны прямому наблюдению, были приняты... за типы всех возможных движений. Новые опыты показали, что необходимо расширить наше представление о возможных движениях».

«Я привел целиком эти длинные выписки из Рея.—читаем мы дальше у Ленина,—потому что изложить иначе его утверждения при его постоянной боязни избежать «материалистической метафизики» было бы невозможно». «Но как бы ни зарекались от материализма и Рей. и физики, про которых он говорит, а все же остается несомненным, что механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок гигантски быстрых реальных движений. Признание теории снимком, приблизительной копией с объективной реальности,—в этом состоит материализм. Когда Рей говорит, что среди новых физиков есть «реакция против концептуалистской (махистской и энергетической школы)» и когда он к представителям этой реакции относит физиков электронной теории, то лучшего подтверждения того факта, что борьба идет, по сути дела, между материалистическими и идеалистическими тенденциями, мы не могли бы и желать. Не надо только забывать, что, кроме общих предрассудков всего образованного мещанства против материализма, на самых выдающихся теоретиках сказывается полнейшее незнание с диалектикой». (Подчеркнуто нами). (Стр. 222). Ленин в противоположность «новой школе» видел диалектику в современной науке, хотя и знал, что специалисты даже самые крупные ее не знают. Приведем еще один отрывок из «Материализма и эмпириокритицизма», в котором Ленин поле-

мизирует со спиритуалистом Уордом. «Спиритуалист верен себе, отрывая движение от материи. Движение тел превращается в природе в движение того, что не есть тело с постоянной массой. в движении того, что есть неведомый заряд неведомого электричества в неведомом эфире,—эта диалектика материальных превращений (а как раз новейшая школа, как мы видели, считает, что электронная теория враждебна диалектике! А. Т.), прodelьваемых в лаборатории и на заводе. служит в глазах идеалиста (как и в глазах широкой публики, как и в глазах махистов) подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма»¹⁾.

«...Механическая теория, как обязагельное объяснение мира, получает смертельный удар от прогресса самой механической физики» (это слова Уорда, а не последователя современной школы марксизма. А. Т.)... «Мир есть движущаяся материя. ответим мы, и законы движения этой материи отражает механика по отношению к медленным движениям. электромагнитная теория—по отношению к движениям быстрым» (Ленин). А Ганс Витте, столь понравившийся новейшей школе ортодоксальных марксистов, говорит, что электричество ничего общего с законами движения не имеет. «Механисты» же как раз тем и занимаются, что изучают отличия электромагнитной механики от обыкновенной. «Протяженный, твердый, неразрушимый атом всегда был опорой материалистического взгляда на мир. Но, к несчастью для этих взглядов, протяженный атом не удовлетворил запросам, которые предъявило ему растущее знание» (144) (слова Уорда). «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма. Все грани в природе условны, относительно, подвижны, выражают приближение нашего ума к познанию материи, но это несколько не доказывает, чтобы природа, материя сама была символом, условным знаком, т.-е. продуктом нашего ума. Электрон относится к атому, как точка в этой книге к объему здания в 30 саженей длины, 15 ширины и 7½ высоты (Лодж), он двигается с быстротой до 270.000 километров в секунду, его масса меняется с его быстротой, он делает 500 триллионов оборотов в секунду,—все это мудренее старой механики. но все это есть движение материи в пространстве и во времени» (Ленин, стр. 236). (Подчеркнуто нами. А. Т.).

Если бы марксисты, отправляющиеся в поход против естествознания, читали то, что писал Ленин о естествознании, то «механистиче-

¹⁾ В полном согласии со спиритуалистом Уордом равностный последователь школы тов. Деборина, тов. А. А. Максимов, утверждает: „Действительность представляется, как призрачный и весьма тощий мир абстрактных атомов и молекул. В этом причина ограниченности современного естественно-научного материализма. Он (очевидно, материализм! А. Т.), так же, как и естественно-научный идеализм, строит действительность из абстрактных представлений (материализм?!?! А. Т.) об атомах, молекулах и их движении, хотя и признает существование и приоритет действительности“. „Под Знаменем Марксизма“. № 1—2. 1926. стр. 204.

ский» вопрос был бы давно решен. Тогда бы они ясно увидели, что Ганс Витте, Бор, а также Планк ¹⁾ в своей неудачной статье о механистическом естествознании склоняются к идеализму; а у тех, кого называют «механистами» ²⁾, так как в буржуазном мире слово «материализм» не употребляется, мы находим как раз больше всего диалектики,—пусть стихийной.

К каким же мы пришли выводам и в чем наши разногласия с тов. А. М. Дебориным и его единомышленниками?

I. Тов. Деборин утверждает, что современное теоретическое естествознание стоит на почве механического материализма XVIII столетия. Мы утверждаем, и думаем доказали, что этого нет, что диалектика стихийно завоевывает естествознание, и с каждым днем все больше и больше, именно потому, что все процессы протекают в природе диалектически. Признавать успехи теоретического естествознания, проверенные практикой, и считать, что эта теория построена на антидиалектическом материализме XVIII столетия—значит, попросту отрицать диалектику природы.

II. Тов. Деборин утверждает, что «вопрос о возможности «сведения» химии и биологии к механическим законам есть вопрос принципиальный. Его методологическая постановка и разрешение не могут находиться в зависимости от того, достигнуто ли уже или не достигнуто еще практически такое сведение». («Под Знам. Марксизма» № 10—11. 1925 г.). Мы полагаем, во-первых, что такая «принципиальность», идущая в разрез с «практикой», есть переворачивание диалектики на голову. В естествознании так же, как и в общественных науках, методолог-марксист должен опираться на конкретную действительность. Во-вторых, как мы видели (см. стр. 134), естествознание—реальное, не фантастическое—не считает, что «сведение» равняется отождествлению. «Специфичность» явлений никем не отрицается, но настоящий методолог-марксист должен не ограничиваться констатированием этой специфичности, он должен ее объяснить, и, кроме того, диалектика требует, чтобы, признавая специфичность, мы не забывали об отсутствии в природе абсолютных граней (*hard and fast lines*). Выпячивание «специфичности» привело к тому, что естественники, зараженные «махизмом», методом «чистого списания», не считаящие необходимым устанавливать связи между различными категориями явлений, для которых метод чистого описания дает специфические законы, законы *sui generis*, были зачислены некоторыми товарищами-марксистами, как проводники диалектического материализма в «механистическом» естествознании!

III. Слово «механист» в буржуазной литературе употребляется вместо запрещенного слова «материалист». В «Материализме и эмпириокритицизме» Владимир Ильич приводит целый ряд примеров, как именно механисты сказывались по существу стихийными диалектиками.

¹⁾ В сборнике замечательных статей у Планка одна оказалась очень слабая: ее то как раз теперь и превозносят!

²⁾ Ср. отзыв Ленина о «механисте» Больцмане.

В современном естествознании число этих примеров сильно возросло. Наоборот, тов. Деборин думает, что «механист» — это тот, кто весь мир строит из «однородных», «бесформенных», «бескачественных» материальных точек, которые к тому же лишены еще «всяких свойств» («Под Зна. Марксизма», 1926. № 3, стр. 9). Наше обследование показало, что таких механистов в природе вообще не существует!

IV. Нам предлагают признать, что все естествознание недиалектично и что его надо сызнова перестроить, а так как это требует многих и многих лет, то надо принять естествознание так, как оно есть! Мы же думаем, что надо и в естествознании, как нас учил Ленин, и притом теперь же, не откладывая в дальний ящик, научиться различать «живые жизнеспособные существа» от «мертвых отбросов» и не смешивать то и другое вместе.

Вот если, освобождаясь от указанных ошибок, товарищи марксисты-философы, столь неудачно воюющие с естествознанием, взялись бы за изложение диалектики Гегеля простым и понятным языком, тщательно отбрасывая «идеалистическую скорлупу», чего они до сих пор не удосужились сделать, то соединенными усилиями мы¹⁾ скорее преодолели бы скептицизм, которым заражены даже такие выдающиеся ученые, как проф. А. Ф. Самойлов, и добились бы того, что стихийная диалектика естественника стала бы сознательной. Марксисты-философы, соединившись на этой основе с естественниками, могли бы очень много сделать... Захотят ли они только? Вот в чем вопрос!

А. Тимирязев.

¹⁾ Тов. А. М. Деборин, изложив взгляды Гегеля на взаимную связь случайности и необходимости на странице 82 № 1—2 „Под Знаменем Марксизма“, делает ценное признание: „Мы не будем входить здесь в рассмотрение того, насколько взгляды Гегеля приемлемы для нас по всем подробностям. Необходимо иметь в виду, что Гегель, при всей глубине трактовки проблемы действительности, случайности и необходимости, стоит на идеалистической точке зрения и что для использования его правильных указаний надо их очистить от идеалистической скорлупы, которой они покрыты“. Повторяем, эта „очистка“ и есть основная задача методолога-марксиста, но она так и осталась невыполненной.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Перед марксистским литературоведением стоит настоящая, неотложная, хотя и очень трудная, задача — задача создания социологической поэтики — поэтики на марксистско-социологической основе.

Если догматическая поэтика давнего прошлого (от античности до XIX в.) устанавливала известные правила, коим поэты обязаны были следовать в своем творчестве, если историческая поэтика XIX в. имела своим назначением вскрыть исторический генезис поэтических форм, то социологическая ставит своей целью обнаружить ту закономерность, которая существует в жизни этих форм.

Так как, с точки зрения марксизма, поэзия, как всякое искусство, есть лишь «выражение общества» и так как поэзия развивается только в деталях и мелочах самобытно, связанная в своих существенных проявлениях всегда с экономическим базисом общества и с его классовой структурой (последнее естественно только в классовых обществах между доисторическим бытием человечества и грядущим коммунистическим строем), то совершенно естественно, что устанавливаемая в этой области закономерность есть закономерность не «имманентная», а «каузальная», есть не что иное, как социологическая обусловленность поэтических форм.

В виду почти полной неразработанности с этой точки зрения литературного материала, подлежащего организации в виде социологической поэтики, в настоящее время, конечно, нет никакой возможности построить законченное здание этой еще не существующей науки. В рамках небольшой журнальной статьи к тому же чрезвычайно затруднительно дать хотя бы даже только некий схематический абрис или конспект этой дисциплины. Наша задача состоит поэтому лишь в том, чтобы, с одной стороны, указать на необходимость приступить к разработке этой науки, а с другой — остановиться на некоторых основных вопросах и темах этой науки.

Центральными проблемами поэтики являются, несомненно, проблема стилей и проблема жанров. Обе проблемы тесно связаны между собой. Для известных стилей характерны известные жанры, а во всяком жанре сказывается господство тех или иных стилей. Обе основные проблемы поэтики столь сложны и многогранны, что исчерпать их здесь нет возможности. Наша задача лишь осветить беглым светом некоторые стороны этих двух проблем. К числу самых существенных вопросов, здесь встающих, относятся: 1) закон единства поэтиче-

ческого и жизненного стиля; 2) закон дифференциации господствующего «стиля эпохи» на разновидности; 3) законы образования стилевых и жанровых формаций; 4) законы развития стилей и жанров.

Проблема стиля в последнее время стоит, несомненно, в центре внимания как искусствоведов, так и литературоведения. Проблема стиля является, далее, столь же несомненно кардинальной проблемой поэтики (как правильно замечает В. Жирмунский в своей статье «Задачи поэтики»). Можно с чувством удовлетворения констатировать, что по мере того, как проблема стиля входит в сознание исследователей, у последних вместе с тем крепнет убеждение, что стиль есть, во-первых, явление сверхиндивидуальное, результат внеиндивидуальных действующих сил, хотя поскольку эти исследователи являются идеалистами и метафизиками, для них совершенно не ясно, какие силы порождают стиль. Так, автор работы о литературном барокко в Германии XVIII в., напечатанной в журнале «Euphorion» (Barock als Ausdruck antimönchlichen Lebensgefühls) утверждает, что «стиль никогда не является продуктом творчества одного человека», что стиль нечто «стихийное» (Naturereigniss), перед которым «отдельная личность бессильна», а для О. Шпенглера (Закат Европы. т. I) стиль есть «превышающий сознательную художническую преднамеренность бессознательный душевный элемент». стиль «дается», а не «приобретается», стиль это «судьба». А на ряду с этим сознанием сверхиндивидуального происхождения стиля крепнет даже среди идеалистов и метафизиков убеждение, что литературный и художественный стиль есть лишь особое выражение «стиля жизни» или «стиля культуры». По мнению даже О. Шпенглера, можно и должно говорить не только о художественных стилях, но и о стиле «экономическом, социальном, политическом, религиозном». «В существовании целых культур стиль охватывает всю совокупность жизненных проявлений высшего порядка, типы государственных образований, денежных систем, общественных нравов». «Стиль эпохи,—вторит ему другой немецкий исследователь (Koehler, Die Brüder Goncourt als Begründer des Impressionismus),—как и стиль отдельных художников, покоится на субстанциональных субъективных и объективных основах. Стиль есть только особое проявление духовной культуры». Та же мысль у Жирмунского. «Большие и существенные сдвиги в искусстве (напр., ренессанс и барокко, классицизм и романтизм) захватывают одновременно все искусства и определяются общим сдвигом всей духовной культуры». Когда же перед этими идеалистами и метафизиками становится вопрос, что обуславливает собою единство стиля во всех областях культуры и что обуславливает собою одновременные изменения во всех этих сферах, они ничего, кроме метафизической болтовни, изобрести не в состоянии. Так, для Шпенглера стиль, как и культура, есть «пра-феномен», будь то «стиль искусства, государственных образований, мыслей, чувствований, форм выражения религиозного сознания или иной группы деятельности». А для не менее метафизически мыслящего формалиста Жирмунского единство стиля во всех «ценностных рядах» и одновременное его изменение в одинаковом направлении во всех этих сферах регулируется неким «эле-

vital» (по Бергсону). некоей «волной», при чем здесь, как он признается, «задачи поэтики переходят в область метафизики и философии искусства».

Для социологической поэтики выход, разумеется, не в метафизику, а в социологию. Стоит только сорвать с понятий «пра-феномен» (или еще «пра-душа») или «elan vital» их метафизический покров, скрывающий от взоров идеалиста реальный смысл этих понятий, и «пра-феномен» и «elan vital» превращаются в экономику и социальность. С этой точки зрения можно и должно говорить, — цитируем Н. И. Бухарина («Теория исторического материализма»), — о стиле «экономическом», т. е. об «особом характерном для эпохи способе производства» (Productionsweise по Марксу), и о соответствующем этому экономическому стилю стиле «идеологическом», т. е. об особом «способе сочетания идей, мыслей, чувств, образов» (Vorstellungsweise). Поэтический стиль эпохи есть только частичное специфическое выражение этого идеологического стиля. Первая задача социологической поэтики по отношению к этой кардинальной проблеме поэтики и состоит в том, чтобы установить закономерное соответствие известных поэтических стилей определенным экономическим стилям. Достаточно на одном примере показать единство стиля экономического, идеологического и поэтического. Это единство можно легче всего установить, если взять эти разнообразные проявления культуры в их самых формальных элементах. Так, для примера, во Франции XVII в. господствующим литературным стилем был классицизм. В своих наиболее формальных проявлениях классицизм есть рационализм в применении к поэтическому творчеству («На первом плане система, дисциплина, логика. Требуется ясность, точность, определенность. Общие понятия должны логически связываться, идеи должны мерно следовать одна за другой, мысль спокойно и методически должна развиваться в стройных периодах. В поэзии воссоздается какой-то абстрактно-логический мир вне времени и пространства, в котором действуют или, лучше сказать, рассуждают отвлеченные фигуры». Шахов). Тот же рационализм составляет основу философского стиля эпохи. Не случайно классицизм в поэзии одновременен картезианству в философии («Трактат о методе». Декарт. 1617 г., «Поэтика», Буало, 1674 г.). Параллелизм между классицизмом и картезианством уже давно установлен иными исследователями. («Утверждение универсальности разума заставляло и в художественном произведении изображать универсальное и усматривать совершенство в общем характере изображаемого явления. Из этого источника легко объяснить и отсутствие в классической поэзии лиризма и историчности. Наконец, метод картезианской философии, опирающийся на доказательство, имеет свою аналогию в ораторской форме, устанавливающейся в это время в литературе». Лансон). Но тот же рационализм есть отличительная черта государственного строительства, политической формы XVII в. («Абсолютное государство поборает остатки местных вольностей, стремится сгладить все индивидуальное, все частное и подчинить весь быт своим правилам, своему правительственному рассудку. Политические классики Ришелье и Людо-

ник XIV заколачивают общественную жизнь в однообразные формы, сковывают ее верховной регламентацией». Шахов). Одновременное возникновение интендантуры и академии лучше всего символизирует единство политического и поэтического стиля эпохи. Та же рационалистическая регламентация в области экономики. С одной стороны, хозяйство становится предметом рационалистического познания и устройства. Возникает новая наука — «политическая арифметика» — «искусство рассуждать цифрами о вещах, касающихся государственного управления», или — как эту науку впервые окрестил соотечественник Буало, Декарта и Ришелье. Монкретьен, «политическая экономия». С другой стороны, в области хозяйства — напр., в области промышленности — та же, как в области административно-политической, «неограниченная и произвольная юрисдикция» государства — по выражению проф. Хеней (История экономич. учений) — «самодержавное распоряжение капиталами производителей», регламентация всего производства: «какие предметы можно производить, какими материалами надлежит пользоваться» и т. д.

Политическая экономия, абсолютистическое государство, Декартова философия и классическая поэзия — это лишь в разных областях культуры XVII в. проявление единого стиля — стиля меркантилизма, известного момента в развитии торгового капитализма, носителями которого были торгующее дворянство и владельцы крупных мануфактур, торговая буржуазия дворянского и купеческого происхождения. Классический литературный стиль, таким образом, — лишь свое, в своей области, проявление тех рационалистических энергий, которые одновременно действовали в области философской и научной мысли, в области экономического и политического строительства.

Этим примером можно ограничиться, так как речь идет здесь лишь о постановке и решении проблемы стиля.

Так как общество обычно состоит в любой исторический момент из нескольких классов, то господствующий в данную историческую эпоху поэтический стиль, как эстетическое выражение экономического стиля эпохи, неизбежно претерпевает известные изменения в зависимости от того, писатель какой общественной группы претворяет в своем творчестве этот господствующий поэтический стиль. И здесь под понятием стиль подразумеваются уже не только самые общие формальные его свойства и черты, а также, выражаясь словами Н. И. Бухарина, «определенное содержание со всеми относящимися сюда наглядными символами».

Вторая задача, стоящая в этой области перед социологической поэтикой, заключается, таким образом, в установлении закона дифференциации стиля, в зависимости от наличия в данный исторический момент нескольких общественных классов, из которых каждый создает в лице своих писателей свою поэзию. Так, можно утверждать, что в европейских литературах конца XVIII в. и начала XIX в. господствующим стилем был так называемый романтизм, т. е. стиль существенно отличный как от предшествовавшего классицизма, так и от последующего реализма. Можно назвать романтиками, напр., в Англии этого

периода таких поэтов, как Вордсворт, Кольридж, Байрон (даже последнего, несмотря на некоторые черты классицизма у него), но «романтизм» этих трех поэтов представляет три разных варианта единого стиля, соответственно трем разным общественным группам, выражавшим свое бытие и сознание в творчестве этих поэтов, а именно: мелкопоместного дворянства, разночинной интеллигенции (мещанство) и деклассированной аристократии; отсюда народнически-опрошенский романтизм Вордсворта, преодолевающий мещанскую обыденность фантастикой романтизм Кольриджа и революционный романтизм Байрона. Так, в Германии этой эпохи господствующим стилем в поэзии был тот же романтизм, но романтизм дворянской интеллигенции (Фукс, Новалис, Эйхендорф) и романтизм бюргерской интеллигенции (Тик, Гофман) представляют два разных варианта того же стиля. оттенки которого объясняются тем, что «стиль эпохи» претворился в творчестве писателей двух разных общественных классов с иной психологической установкой и иным психоидеологическим содержанием. Так, во второй половине XIX в. во всех европейских литературах устанавливается новый стиль, как господствующий, а именно реализм, в том числе и в русской литературе. но этот «стиль эпохи» неизбежно дифференцируется повсюду в зависимости от того, что носителями этого стиля были писатели разных общественных групп. — так, для примера, Толстой, Островский и Глеб Успенский — все были реалистами, но реализм этих трех писателей представляет три разных классовых варианта: реализм светского барства, реализм патриархальной купеческой буржуазии и реализм мелкобуржуазной, разночинной интеллигенции. Здесь, разумеется, не место описать конкретно, чем разнится, напр., «романтизм» Вордсворта, Кольриджа и Байрона или «реализм» Толстого, Островского и Успенского. так как наша задача лишь в том, чтобы наметить самую проблему дифференциации господствующего поэтического стиля эпохи в обществе, разделенном на противоположные и борющиеся классы.

Следующая существенная проблема, стоящая перед социологической поэтикой, заключается в установлении известной социологической закономерности в процессе образования или формирования поэтического стиля и жанров. Нет возможности здесь охватить всю эту весьма сложную область явлений, и поэтому мы остановимся здесь только на одной для нашего времени особенно интересной части этой проблемы, а именно на вопросе: как новый класс, выходящий на историческую сцену, формирует свои стили и жанры. Так как в прошлом этим восходящим классом была буржуазия, пробивавшаяся к жизни и к власти в феодальном и дворянском окружении, так как на прошлом легче продемонстрировать известную закономерность, как на материале, уже отстоявшемся и более разработанном, то примеры будут нами взяты именно из истории возникновения и роста буржуазной литературы. Здесь, в этой области формирования стилей и жанров можно констатировать несколько основных закономерностей. Первый закон — это закон подражания. Новый класс, строящий свою поэзию, заимствует известные стилевые и жанровые образования у того же класса

другой страны в настоящем или даже в отдаленном прошлом, там, где этот класс раньше успел экономически и социально, и следовательно, и культурно конструироваться. Это в тех случаях, когда этот класс у себя в прошлом в виду тогдашней своей недостаточной оформленности или недостаточной культурности не смог выработать достаточно совершенных стилей и жанров. Так, когда в западной Европе, начиная с эпохи Возрождения и до Великой французской революции, стала складываться торговая буржуазия (иногда дворянского, иногда буржуазного типа), то она, не имея у себя в прошлом своей высокой культуры, формировала свой стиль (менявшийся с веками) и свои жанры наподобие стилей и жанров античной древности (классического периода), когда античная древность покоилась на тех же экономических и классовых основах торгового капитализма. Возрождались античные формы, образы, понятия, метры, сюжеты, даже греческий и латинский языки. Европейская торговая буржуазия совершала свое восшествие в литературе (как и в жизни) в костюме и в маске, заимствованных из того давно угасшего мира, где тот же класс когда-то уже сумел создать свою высоко развитую поэзию — свои поэтические формы и свой поэтический стиль. Это одинаково и в Италии XV в., и во Франции XVII и XVIII вв., и в Германии в конце XVIII ст. Из этого закона исключение представляет как будто пуританская Англия, английская пуританская буржуазия, которая в лице Мильтона одевала свое умонстроение не в греко-римский, а в ветхозаветный костюм, ставя еврейскую цивилизацию выше эллинской, однако, и это исключение есть лишь видимость, ибо по существу и здесь действовал тот же закон подражания со стороны восходящего класса такой культуры, которая этому классу социально и духовно родственна. а психологическое родство английского пуританства еврейству — факт достаточно известный. Как на другой пример такого формирования стиля и жанра по закону подражания, можно указать на формирование мелкой буржуазией XVIII в. во Франции и Германии своей драмы. когда, не имея у себя в прошлом драматической схемы, для этого пригодной, она заимствовала, подражая, эту схему из другой страны, у английской буржуазии начала XVIII в., которая, раньше достигнув классового сознания, уже успела создать свою драматическую форму (буржуазно-сентиментальную), послужившую образцом для Дидро во Франции и для Лессинга в Германии. Так, у нас в России, когда тем слоям нашего дворянства начала XIX в., которые превращались в буржуазию на фоне роста капиталистического хозяйства, надлежало создать свой стиль, свой жанр, они в лице Рылеева, Пушкина создавали их по образцу байроновского стиля, байроновского жанра, так как последние представляли собой поэтические формации той же деклассирующейся общественной группы в Англии.

На ряду с законом подражания в процессе формирования стилей и жанров действует другой закон — закон противопоставления. Класс формирует свои стили и жанры, как противоположность, как антитезу стилям и жанрам того класса, который до него был господствующим и который теперь все более оттесняется на задний план. Если в первом

случае там, где действует закон подражания, сказывается чувство классового родства, то здесь, в этих более многочисленных случаях, обнаруживается классовый антагонизм, классовая борьба. Этот закон выворачивания восходящим классом наизнанку стиля и жанра недавно господствовавшего класса или задававшей тон общественной группы может быть иллюстрирован великим множеством случаев. Ограничимся тремя примерами — одним из области драмы, другим из области романа, третьим из области лирики. Французская буржуазная драма XVIII в. представляла собой во всех отношениях антитезу французской классической трагедии XVII в.: последняя изображала в стихотворной форме придворно-аристократическое общество в героико-патетических тонах, рационалистическими приемами обобщения характеров и страстей, буржуазная драма XVIII в. построена по закону контраста, она ее прямая противоположность, изображая в прозаическом оформлении третье сословие в семейно-нравственном освещении реалистическими приемами описания быта и индивидуализации характеров. Так — пример из области развития романа — авантюрный роман восходившей буржуазии представлял собой антитезу авантюрному роману феодального класса. Восходившая буржуазия, воспользовавшись авантюрной канвой рыцарского романа и, с одной стороны, пародируя его (на место героя-рыцаря — герой-плут, на место военных и охотничьих авантур — приключения искателей наживы и тепленького местечка; на место служения даме — связи с падшим и т. д.), а с другой, наполняя его своим психоидеологическим содержанием (устремление к материальным благам, все равно какими путями и какой ценой и т. д.), она таким образом создавала свой авантюрный роман в виде «плутовской повести», которая повсюду на Западе была первым этапом в создании буржуазного романа (плутовская повесть в Испании XVI в.; романы Дефо в Англии, романы Лесажа, Мариво, Прево во Франции и т. д.). Тот же самый закон противопоставления или антитезы действует и в образовании лирического жанра. Так, наша буржуазная интеллигенция конца XIX в., создавая лирику буржуазного класса (символисты), формировала ее, как антитезу лирике мелкой буржуазной интеллигенции 60-х, 70-х, 80-х годов, эпохи народничества: между тем как последняя культивировала содержание за счет формы, стремясь воздействовать на моральное и социальное чувство читателей, не боясь ни публицистичности, ни тенденциозности, лирика символистов возникла, как явная противоположность народнической, ставя форму выше содержания, личное выше общественного, образы выше идей, очищая поэзию от моральных и социальных мотивов и настроений во имя служения «чистому искусству».

Оба эти закона — закон подражания и закон противопоставления, — играющие решающую роль в процессе формирования новым классом своих стилевых и жанровых образований, не являются, однако, как нетрудно видеть из приведенных примеров, число которых может быть увеличено в каком угодно количестве, законами, действующими суверенно в мире самих литературных форм, а привносятся в область поэтического творчества диалектикой социального

развития, в конечном счете и по существу борьбой классов, стремящихся отмежеваться и в области поэтического творчества. При чем они в этом процессе создания своих поэтических форм не только, так сказать, выворачивают наизнанку сообразно своей психоидеологии готовые формы вытесняемого с исторической сцены класса, но и в известных случаях строят свои стили и жанры из материала, заимствованного из поэзии других стран, или из поэзии прошлого в силу классового родства или, как выразился Маркс в «Восемнадцатом Брюмере», люди в известных случаях «вызывают на помощь себе духов прошлого, берут у них имена, боевые пароли, костюмы, чтобы в этом освященном веками одеянии, этим заимствованным у предков языком разыграть новое действие на всемирно-исторической сцене».

На ряду с законом подражания и законом противопоставления в жизни стилевых и жанровых формаций можно отметить еще закон трансформации классового стиля под влиянием стиля другого класса, социально крепнущего и опережающего своего антагониста. Так, для примера, в Англии XVI в. рядом стоят, с одной стороны, отходящее дворянство (феодалной складки), а с другой стороны, восходящая буржуазия. Первое имеет свою драму—романтико-героическую (Шекспир). Вторая создает свою (противоположную ей) криминально-семейную, пользующуюся на театральных сценах у публики гораздо большим успехом, чем первая, которая незаметно подчиняется влиянию буржуазно-семейно-уголовной, в итоге чего происходит заметная трансформация романтико-героической трагедии в трагедию уголовно-семейную, разумеется, в аристократической еще трактовке («Отелло» Шекспира). То же самое явление можно констатировать во французской поэзии XVIII в., где в области драмы имеется налицо, с одной стороны, классическая трагедия еще в стиле XVII в. (однако, с существенными изменениями, как буржуазно-революционная, а не придворно-аристократическая), культивируемая выразителем капиталистической верхушки XVIII в.—Вольтером, а с другой стороны, буржуазная или семейно-чувствительная драма, драма мелкой и средней буржуазии, представленная, напр., Нивель-де-ла-Шоссе и др. По мере социального роста этих классов, укрепляющих свое преобладание в жизни и литературе, классическая вольтеровская трагедия незаметно трансформируется в направлении чувствительной драмы (напр., «Заира») и, наконец, даже у него поглощается ею. Так, в Англии начала XIX в. рядом существуют и развиваются, борясь между собою, с одной стороны, «буржуазный» роман, роман, как преобладающая форма растущего буржуазного общества, и «аристократическая» поэма, как та форма, которую буржуазному роману противопоставляло в лице своей интеллигенции дворянство, форма, которая в конце концов была вынуждена капитулировать перед романом, при чем в известных своих проявлениях аристократический жанр поэмы незаметно сближался с романом, превращался в роман, хотя еще в сугубо аристократической формальной и сюжетной трактовке («Дон-Жуан» Байрона).

На ряду с чистыми классовыми стилями и жанрами можно отметить и такие, которые представляют более сложный художественный

комплекс. Это в тех случаях, когда создателями этих форм являются писатели такой общественной группы (мелкой буржуазии, напр.), которая по своему положению раздирается противоположными социальными тенденциями. Новейшая литература — особенно Запада — представляет тому многочисленные иллюстрации. Так, итальянский футуризм является стилевым образованием, с одной стороны, оформляющим тенденции высоко развитого индустриализма и капитализма (индустриальная и урбаническая тематика, культ вещей, передача динамического жизнеощущения и т. п.), а с другой стороны, психоидеологию мелкой буржуазии (суб'ективизм и анархизм в передаче ощущений и впечатлений, разложение синтаксиса и т. п.). Таким же двойственным стилеобразованием является и немецкий экспрессионизм во многих его проявлениях — напр., в пьесах Кайзера, где рационалистическое и динамическое, порою кинематографическое оформление действия и словесная оркестровка отражают тенденции индустриальной и урбанической действительности, а «содержание» (психологическая реакция автора на капиталистическую действительность и противопоставляемые ей положительные идеалы и фигуры) является духом от духа мелкой буржуазии. Иные поэтические формы XX в. представляют еще более сложные организмы, так как в общественной действительности и в психике мелкой буржуазии борются три классовых тенденции — буржуазная, мелкобуржуазная и пролетарская, и поэтому можно найти в XX в. такие поэтические организмы, которые представляют сочетания капиталистически-индустриальных, мелкобуржуазных и пролетарских тенденций (напр., поэзия Бехера срединного периода, поэзия Гильбо и др.). Аналогичные примеры, разумеется, можно привести и из новейшей русской литературы.

На ряду с указанными проблемами (единство экономического и идеологического стиля, явление дифференциации «стиля эпохи» на классовые разновидности; процесс образования жанров и стилей) встает еще одна проблема, а именно проблема о законах развития стилей и жанров на всем протяжении истории поэзии или по крайней мере на протяжении таких больших отрезков, как поэзия новоевропейских народов (от средних веков до наших дней).

Здесь, как и в предыдущем, мы можем говорить лишь схематично и эскизно, лишь намечая и бегло освещая, не вдаваясь в детальный анализ.

Развитие стиливых и жанровых формаций идет или резкими скачками или медленными изменениями, путем или «революционным» или «эволюционным». Развитие поэтических форм идет «скачками» в тех случаях, когда в производстве происходят резкие сдвиги или когда на смену одному классу идет другой, или, наконец, и тогда, когда в психоидеологии класса в силу внешних причин происходят существенные и резкие перемены. Развитие поэтических форм идет, напротив, путем частичных изменений «эволюционно», когда в экономическом базисе, в классовой структуре и в психоидеологии класса царит сравнительная устойчивость и нет места значительно существенным изменениям и потрясениям. Этот самый общий закон развития стилей и жанров может

быть иллюстрирован целым рядом подтверждающих примеров. Присмотримся бегло, напр., к развитию английского романа от XVIII до середины XIX ст. Первый этап — авантюрный роман (Дефо), второй — семейно-психологический роман (Ричардсон); та и здесь наличие, кроме того, бытовых элементов; третий этап — семейно-бытовой роман (Фильдинг, Смоллет) — соединение элементов авантюрных, психологических и бытовых; везде — чувствительно-морализующее реалистическое изображение современности; следующий этап — конец XVIII в. и начало XIX в. — резкий скачок. — «романтический» роман, сначала в виде романа «тайн и ужасов» или «готического» — антитеза предыдущему типу — фантастическое изображение страшных событий и образов — фигур из исторического или, лучше сказать, quasi-исторического прошлого (Г. Уольполь; «Замок Отранто»; Льюис: «Монах»; Ретклиф: «Итальянец» и т. п.); следующий этап — не коренное изменение — превращение «готического» романа в исторический (В. Скотт, Бульвер) — и наконец, начиная с 30-х г. XIX ст., новый скачок — роман общественно и семейно-бытовой, в реалистическом оформлении на основе тщательных наблюдений над современностью (Диккенс, Теккерей, Дизраэли и др.). В указанной суммарной схеме развития английского романа имеются два резких «скачка»: смена сентиментально-реального романа XVIII в. романтическим романом (готическим, историческим) на рубеже XIX в., смена последнего социально-реальным во второй четверти XIX в.; при чем оба скачкообразных момента в развитии этого жанра совпадают с моментами экономических и социальных переломов — в первом случае (смена сентиментально-реального романа романтическим) зарождение капиталистической промышленности и выступление в литературе дворянства, вытесняемого из жизни (Уольполь, Скотт, Бульвер — писатели аристократии, хотя и жившие и творившие в буржуазном окружении и ему подчинявшиеся); во втором случае (смена романтического романа социально-реалистическим) снова переломный момент в общественной жизни Англии — установление буржуазного уклада и завоевание литературы писателями из буржуазии. «Революционным» моментам в социально-экономической истории Англии XVIII — XIX в.в. соответствуют таким образом моменты «революционного» развития романа, развитие от отрицания к отрицанию, от тезы к антитезе. В те же периоды, когда производственная система была устойчива и когда вместе с тем ни в классовой структуре, ни в психологии классов существенных изменений не происходило, в такие периоды развитие жанра шло путем частичных изменений, не нарушавших самого существа стиля и жанра — а именно в данном примере — период сентиментального реализма от Дефо до Фильдинга, когда роман становится все богаче по своим элементам, постепенно синтезируя предыдущие завоевания — и период «романтизма», где переход от готического к историческому жанру, от Уольполя к Скотту есть лишь частичное изменение в пределах единого романтического жанра. Но и в пределах спокойной «эволюции» жанров эта последняя не является самопроизвольным движением внутри данного жанра — отдельные моменты этой эволюции в конечном счете так

же точно каузально обусловлены движением социальных групп, ибо возникновение авантюрного романа (Дефо) есть выражение авантюристической буржуазии, снизу вверх прокладывающей себе дорогу, его превращение в психологически-семейный роман (Ричардсон) соответствует выступлению респектабельной, солидной аристократизирующейся буржуазии и т. д.

Вместо английского романа можно было взять, разумеется, любой другой пример — французскую драму или русскую лирику и т. д.

Тот же закон «скачкообразного» и «постепенного» развития можно подметить не только в жизни тех или иных конкретных жанров, но и в области развития стилей, беря это последнее слово здесь в самом формальном смысле, как известные основные приемы, определяющие поэтическое воспроизведение внешнего и внутреннего мира. Здесь также развитие, напр., от XVIII в. до середины XIX в. идет более или менее резкими скачками от рационализма творчества (классицизм) к его отрицанию, к примату чувства (сентиментализм), далее (не такой резкий скачок) к гегемонии воображения (романтизм) и наконец снова резкое отрицание отрицания — к творчеству на основе наблюдения и изучения (реализм). Эти более или менее резкие скачки в развитии стиля, как самого общего приема творчества, являются опять-таки не имманентным самой поэзии процессом (т.-е. известный прием перекидывается в свою собственную противоположность, в силу того, что он истощил свой интерес или «надоел» публике и т. п.), а есть отражение в жизни стилей противоречивого, диалектического развития общества, его производственной основы и классовой структуры. Сентиментализм сменяет классицизм в силу выступления против торгового дворянства средней и мелкой буржуазии, романтизм сменяет сентиментализм (или, может быть правильнее, вырастает из сентиментализма) в силу того, что в создании литературы начинают участвовать выброшенные из хозяйства в литературу значительные слои дворянства. наконец, реализм сменяет романтизм в силу нового выступления буржуазных писателей на более высокой ступени развития буржуазного хозяйства нежели в XVIII в. (в эпоху сентиментализма). Если резкие скачки в развитии стиля, как основного приема творчества, совпадают с переломными «революционными» моментами в истории развития производственных и классовых основ общества, то в пределах более устойчивого существования известных экономических и классовых формаций развитие стилей в вышеуказанном смысле идет не резкими «скачками», не путем противоречий, не путем отрицания отрицания, а частичными изменениями, не нарушающими самой основы стиля, идет — «эволюционно». Так — для примера — переход реализма в натурализм и импрессионизм в конце XIX в. является лишь количественным, а не качественным изменением стиля и соответствует не резким кардинальным изменениям в способах производства и в классовой структуре общества, а лишь частичным более внешним изменениям в экономическом развитии и в психологии классов.

Даже если остановиться на таком формально-техническом вопросе, как стиль стихотворной техники, то и здесь можно будет констатировать

тот же закон или «революционного» или «эволюционного» развития в зависимости от вышеуказанных социальных условий. Так—для примера—стихотворный канон новейшей поэзии (конец XIX, начало XX в.) представляет собою несомненную антитезу канону классической и романтической поэзии. Строфической композиции на основе определенных размеров и обязательных рифм новейшая лирика противопоставляет освобожденный от всех этих пут «свободный ритм». Здесь мы имеем несомненное «скачкообразное» развитие стихотворной техники, вызванное резкими изменениями в экономической и классовой действительности, а именно, с одной стороны, воцарением индустриализма и машинизма, породивших новое жизнеощущение (динамическое) и новую эстетику—эстетику простоты и целесообразности, а с другой стороны, классовым антагонизмом между мелкой буржуазией, бывшей носительницей этой новой стихотворной техники, и крупной буржуазией, в лице своих писателей продолжавшей культивировать старую стихотворную традицию или возвращавшейся к ней в тех случаях, когда ее поэты временно отреклись от нее под напором мелкобуржуазной стихии. Однако в пределах каждой из этих двух технических систем, из которых последняя сменила первую «скачкообразно» или «революционно», происходили и происходят все время частичные изменения, представляющие «эволюцию» этих систем под влиянием частичных изменений в психологии указанных классов или в силу действующего закона доведения антитезы до возможных крайностей.

Здесь, разумеется, далеко не исчерпаны все стороны проблемы стилей и жанров, а с другой стороны, эта проблема не является единственной проблемой поэтики, хотя она есть, несомненно, ее центральная проблема.

Задача наша заключалась лишь в том, чтобы поставить на повестку дня вопрос о необходимости создания социологической поэтики и на нескольких примерах показать возможность построения поэтики на социологических основах, как науки о социальной закономерности в области поэтических форм.

В. Фриче

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии

ПЕРСПЕКТИВЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СССР (КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ ГОСПЛАНА)

(Доклад В. П. Милютина 26—27 сентября)

Тов. Поировский М. Н.—Товарищи, в начинающемся году Коммунистическая Академия думает поставить целый ряд докладов, аналогичных настоящему, т. е. довольно широких. Начать предполагается, вы это знаете и для этого сюда пришли, с доклада „О хозяйственных перспективах“, который сделает В. П. Милютин. Затем в порядок таких докладов мы собираемся поставить (приходится сказать —наконец, потому что это давно следовало сделать), поставить на обсуждение Академии в присутствии более или менее широкого собрания известную всем книгу тов. Преображенского, которую некоторые считают чуть ли не выражением мнения Академии, тогда как Академия не имела возможности высказаться по поводу этой книги. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. Третьей темой в серии этих экономических докладов мы думаем поставить доклад на тему, которую может быть некоторые назовут затрепанной—это „Куда идет Европа“. А дело в том, что Европа все идет и идет; она не стоит на месте, и нужно отмечать этапы ее пути каждый год. Нельзя раз в пять лет прочитывать доклад, куда идет Европа, и потом лечь спать и убедиться, проснувшись, что она пришла не туда. Этот доклад будет выдвинут Институтом Мирового Хозяйства. Он является третьим. Порубежным между экономическими и социолого-историческими мы ставим еще доклад о Китае. Доклад также чрезвычайно актуальный, ибо до сих пор мы больше знаем о Китае по военным сводкам, которые печатаются в газетах. А есть же база этих событий, социологическая и экономическая, поэтому думаем, что доклад о Китае является также весьма насущным. Дальше доклад чисто социального характера. В связи с оживлением работы советов совершенно необходимо поставить вопрос о том, что правильно назвать советской демократией, об этом своеобразном типе демократии. И одновременно в параллель с этим докладом, докладом о демократических новообразованиях, которые возникли в связи с Октябрьской революцией, очень полезно поставить доклад в связи с теоретически тоже весьма интересном новообразовании, которое возникло на развалинах буржуазной демократии, о фашизме. Фашизм имеет сейчас целую литературу, создает свою теорию, пытается

создать свое государство, примером которого является Италия. Вглядеться в него поближе, дать его теоретический анализ также необходимо. Это доклады—4-й и 5-й. 6-й доклад—юбилейный, исторический—пятидесятилетие со смерти Бакунина. Вы знаете, что оно исполнилось уже в июле, но тогда доклад поставить было нецелесообразно в виду каникул, и мы перенесли его на осень.

Совершенно необходимо познакомить широкие круги с достижениями самого интересного из наших новообразований, Института по Изучению Высшей Нервной Деятельности. Он уже выпустил очень интересную фильму, изображающую механику головного мозга, но это необходимо свести к настоящему научному докладу, и Академия наконец должна это сделать. Институт уже выступал в Ленинграде на съезде физиологов и приковал к себе внимание. А мы в этом отношении отстали. Я перечислил семь тем.

Ближайший доклад, который будет у нас поставлен,—доклад А. В. Луначарского о советской политике в области сцены. Таким образом, всего намечается 8 докладов. Этим мы думаем исчерпать все имеющиеся у нас свободные вечера. После этого краткого введения слово имеет тов. Милютин.

Тов. Милютин. Ежегодно мы подводим итог нашим хозяйственным достижениям и определяем перспективный план на ближайший год. Этим самым мы подводим ежегодный итог нашему социалистическому строительству и определяем нашу экономическую политику на ближайший период. В этом отношении контрольные цифры Госплана представляют несомненно огромный интерес, потому что, как правильно говорится, они не только представляют из себя ряд цифр, как их неправильно характеризовал тов. Каменев в свое время, но они представляют из себя систему цифр, связанных между собою вполне определенной закономерностью. Поэтому и имеет огромное значение анализ этих данных, потому что, с одной стороны, он даст нам возможность проверки проделанной работы, а с другой стороны—возможность предвидения ближайшего будущего. Вы знаете, что вопрос о характере нашего социалистического строительства является сейчас одним из самых злободневных важнейших вопросов не только у нас внутри советского Союза, но и для мировой науки и мирового коммунистического движения. Поэтому фактическая проверка проделанной работы и определение нашей политики на ближайший период имеет и для этого вопроса огромное значение. В чем заключается характер нашего социалистического строительства? Отличие от капиталистического строя заключается в том, что наше хозяйство строится в отличие от капитализма прежде всего на плановых основах—во-первых, и во-вторых—в том, что у нас при существовании различных форм хозяйства мы ведем нашу политику на укрепление развития и увеличения удельного веса социалистических форм хозяйства, куда относится прежде всего промышленность, в области сельского хозяйства—форма коллективного земледелия и, наконец, кооперативные формы—кооперация городская и деревенская, потребительская, сельскохозяйственная и другие формы кооперации. Несомненно, при разрешении вот этих поставленных

проблем, основных проблем нашей экономической политики и нашего хозяйственного развития, нам приходится проанализировать прежде всего самый способ составления и представления тех хозяйственных планов, на основе которых мы проводим этот анализ, т.-е., иными словами, прежде всего дать ответ: каковы методы и насколько они правильно были применены при составлении хозяйственного плана, в виде этих контрольных цифр Госплана, которые мы имеем. Вы знаете, что составление контрольных цифр Госплана, охватывающих все народное хозяйство и представляющих из себя систему цифр, проводится уже второй год. В прошлые годы планы составлялись и проводились в виде отдельных хозяйственных планов и предположений, теперь мы имеем проделанную работу по сводке ежегодных хозяйственных планов. В этом году на основании уже имеющегося прошлогоднего опыта, а также имеющихся современных данных, Госплан и представил контрольные цифры. При составлении своих контрольных цифр Госплан применил следующие методы. Во-первых—метод применения статистических и динамических коэффициентов, которые выражали закономерность развития частей нашего хозяйства. Во-вторых—метод экспертных данных, т.-е. данных со стороны непосредственно хозяйствующих субъектов, т.-е. хозяйствующих органов, которые определяли правильность или неправильность того или иного плана. Наконец, третий способ—это контрольная проверка, сравнение современных данных с данными довоенными. При чем необходимо отметить, что было произведено сравнение не только с довоенным временем, но также и с данными экономического развития крупных капиталистических стран. Вот методы, которые были применены Госпланом при составлении его труда по контрольным цифрам. Сам Госплан признает, что огромным минусом в его работе было отсутствие общего баланса народного хозяйства. ЦСУ подготовляет работу по составлению баланса народного хозяйства; года два тому назад была уже попытка составления баланса народного хозяйства, который, на мой взгляд и по мнению целого ряда товарищей, явился неудовлетворительным. Несомненно, когда у нас будет баланс народного хозяйства, мы сможем более точно, более верно строить и наши хозяйственные расчеты, чем теперь, когда государство при помощи контрольных цифр сумеет оперировать лишь балансами отдельных отраслей народного хозяйства (топливным балансом, денежным балансом, балансом внутренней торговли), не оперируя общим сводным балансом народного хозяйства. Но, однако, я считаю, что эти методы, которые были применены Госпланом для составления общехозяйственного ориентировочного плана народного хозяйства, являясь все же недостаточными. И наступающий период реконструкции нашего хозяйства диктует нам на ряду с этими методами приступить к применению методов, которые я назвал бы методами качественного анализа развития производительных сил. Количественный анализ происходящих изменений в наступающий период реконструкции нашего народного хозяйства является недостаточным. Мы не только меняем количественно, так сказать, нашу технику и

увеличиваем нашу рабочую силу, увеличиваем продукцию, но мы меняем характер нашего хозяйства и должны менять характер нашего хозяйства. Когда в свое время тов. Лениным в годы голода, когда под влиянием войны происходило разрушение народного хозяйства, был выдвинут вопрос об электрификации, то это по существу означало изменение характера технической базы нашего хозяйства, но несомненно вопрос об электрификации является важнейшей проблемой, нам важно проанализировать изменение качества хозяйственных процессов и в других областях нашего народного хозяйства. Мы производим колоссальные затраты в основной капитал, затрачиваем сотни миллионов рублей.

Мы говорили, что наше новое строительство, обновление нашей техники, должно происходить по последнему слову мировой науки. Как оно происходит? Мы не только учитываем, что мы получаем 15% прироста, мы не только учитываем, что возросла топливная промышленность, нефтяная промышленность и т. д., но вместе с тем, мы должны уже сейчас проанализировать качественное направление нашей промышленности. Я опасюсь, что в области изменений народного хозяйства, в области техники, мы чересчур идем по проторенным дорогам. Наше народное хозяйство идет по трафарету, и закономерность развития и путей развития прошлого дает себе чувствовать. Но было бы плохо если бы мы, так сказать, по трафарету, механически продолжали развивать, изменять общие производительные силы, не анализируя проблемы новых путей развития отдельных отраслей промышленности, новых путей нашей техники.

Электрификация, по заявлению Госплана, у нас сейчас не играет еще руководящей роли, она не является ведущей силой в нашем хозяйстве. Я опасюсь, что и все новые начала в нашей технике, все новые начала в организации труда у нас будут носить кустарный характер, если не будет проанализирован здесь целый ряд мероприятий, касающихся особенно изменения нашей техники и организации труда.

Поэтому я глубоко убежден в том, что те задачи, которые ставит перед нами период, в который мы вступили, период реконструкции нашего хозяйства, требуют от нас не только учета количественных изменений в нашем хозяйстве, но и учета качественных изменений, происходящих в нашем хозяйстве. И Госплану придется встать на этот путь. Главным образом, сейчас приходится производить качественный анализ изменений в области развития производительных сил. На эту сторону вопроса придется обратить самое серьезное внимание. Тут нужна не только экспертиза, тот экспертный метод, который был принят Госпланом для определения—велики или малы те затраты, велик ли темп развития той или иной промышленности, насколько соответствует данный план финансовым возможностям этой промышленности— всего этого мало, нужна будет техническая экспертиза относительно прини-

маемых изменений, должна быть выработана определенная политика изменения нашей техники. Такова дальнейшая проблема, которую я еще раз подчеркиваю и которую мы не находим в выводах Госплана. Это — основная проблема политики в области изменения и развития нашей техники, изменения и развития наших производительных сил. Госплан правильно производит учет количественных изменений производительных сил, правильно производит учет изменения зависимости отдельных форм хозяйства: индустрии, сельского хозяйства, коллективных форм в сельском хозяйстве и т. д., сравнивает процент роста и темпа развития у нас с капиталистическими странами, это нововведение и является большим плюсом, но, повторяю, этого недостаточно. Нам приходится ставить вопрос в этот период реконструкции нашего хозяйства, как будет изменяться наша техника, какова будет наша политика в этой области, что нам, например, нужно развивать: густую ли сеть железных дорог, или шоссе-ных дорог, держим ли мы курс на автомобилизм или жел.-дорожное строительство, куда центр внимания будет перенесен в области химической промышленности и т. д. Такова методологическая проблема, которую Госплану следует поставить перед собой и которая заключается в ведении качественного анализа совершающихся экономических процессов у нас в стране. Только при условии использования нашей техникой последних достижений науки мы сможем обогнать капитализм, мы сможем разрешить эту проблему, которую мы ставим перед нашей экономикой.

Если мы будем идти путем той эволюции, которым шло капиталистическое развитие, то, несомненно, мы будем плестись в хвосте этого развития. Поэтому, как была вполне правильно в свое время выдвинута проблема электрификации, несмотря на голодное, полуразрушенное состояние страны, точно так же нужно пересмотреть все отрасли промышленности. Это огромная и серьезная работа, которая перед нами стоит.

Обратимся к темпу хозяйственного развития. Вы знаете, что закончившийся год дал нарастание нашей продукции по сравнению с предыдущим на 40%. Предыдущий год дал нарастание перед предшествовавшим на 60%. В нынешнем году в среднем предполагается на предстоящий год темп развития снизить до 15%. Нарастание продукции произойдет на 15% для 1926/27 г.г. Это средний темп развития нашего хозяйства; по отдельным отраслям темп должен быть следующий: «по тяжелой индустрии темп роста будет равен + 19,8%, легкой + 12,3%. В частности, по каменно-угольной промышленности коэффициент подъема составляет + 30,0%, по нефтяной + 10,6%, железорудной + 46,1%, по металлической + 14,4%, электротехнической + 36,0%, по текстильной + 7,8%, по кожевенной + 21,1 и пищевой + 16,9%». Вот увеличение отдельных отраслей промышленности, которое предполагается на предстоящий год. При этом мы должны отметить, что здесь узким местом является относи-

тельно более слабый рост развития легкой индустрии, которая увеличится всего на 12%. Это объясняется тем, что тяжелая индустрия в предшествующий период стояла на более низком уровне, чем легкая индустрия. Таким образом, вся продукция составляет для предстоящего года индустрии 6.440 млн. против 5.797 млн. в истекшем году. Сельское хозяйство по сравнению с довоенным будет иметь 101%. По промышленности же Госплан не приводит цифр по сравнению с довоенными для всей промышленности, т. к. сравнение, по данным ЦСУ, дало чрезмерно большую степень превышения промышленности в наступающем году, по сравнению с довоенным периодом, поэтому Госплан дает цифры только по отдельным отраслям промышленности; я производил средний подсчет, по-моему, в нынешнем году мы пойдем с превышением по сравнению с довоенным. Насколько этот рост соответствует нашим ресурсам? Вот вопрос, который стоит при оценке этих данных. В начале года мы чуть было не напали на кризис. Вначале те предположения, которые были сделаны, и затраты средств в первом квартале 1925/26 г. чуть было не привели к кризису. И только после того, как были приняты своевременно уже во втором квартале года меры по жесткому снижению затрат в области хлебозаготовок, в области кредитования, в области мероприятий по нашему денежному обращению, вплоть до изъятия части денег из обращения, только путем этих мероприятий нам удалось избежать кризиса, который представлял уже реальную опасность. В силу этого создалось напряженное состояние в нашем народном хозяйстве. В нынешнем году по всем данным мы будем иметь более стойкое положение, чем это имело место в истекшем году. Но тем не менее есть целый ряд данных, которые все же показывают, что даже при этом сниженном темпе развития все же темп нашего развития будет совпадать с значительным напряжением наших средств. Мы имеем несомненный дефицит в области топлива, и, пожалуй, нам не удастся обойтись без эмиссии денежного обращения. Короче говоря, курс червонца должен вызывать к себе сугубое внимание, потому что он находится на определенной грани, которая может колебнуться в сторону понижения. Теперь коснусь резервных запасов. Мы ставили перед собой задачу образования резервов в нашем хозяйстве. Это нам было необходимо для того, чтобы сохранить равномерный ход развития народного хозяйства. Приходится констатировать, что с резервами у нас дело обстоит не совсем благополучно. Я считаю одной из ошибок Госплана то, что он даже на капитальное строительство не оставляет резервов. Для ВСНХ целый ряд главнейших затруднений при проведении планов капитального строительства заключается в том, что он не был способен к маневрированию, целый ряд работ, требующих сравнительно небольших затрат, тормозился из-за отсутствия оборотных средств у промышленности отдельных трестов и у отраслей промышленности. Это объясняется тем, что ВСНХ не обладал нужными резервами для того, чтобы в нужный момент прийти на помощь. Поэтому такие наши главнейшие

отрасли промышленности, как Югосталь, ЮМТ и др., были поставлены, помимо прочих обстоятельств, в очень тяжелое положение, и для некоторых из них предстояла угроза банкротства. Это нам необходимо учесть при построении плана нынешнего года, чтобы этого напряженного состояния у нас больше не было. Я являюсь в вопросе оставления резервов на капитальное строительство сторонником ВСНХ и считаю, что ему необходимо отпустить еще 25—30 миллионов рублей в качестве резервного фонда для того, чтобы иметь нужные по подсчетам ВСНХ 910 млн. рублей на капитальное строительство. Таким образом, я ставлю диагноз, что по всем имеющимся у нас предположениям в наступающем хозяйственном году мы не будем больше иметь такого напряженного состояния и такого скачкообразного развития, которое имелось в минувшем хозяйственном году. Тем не менее, мы должны сказать, что целый ряд признаков говорит о том, что не устранен целый ряд причин, которые будут отягощать нашу экономическую политику в наступающем году. Одна из причин состоит в том, что все-таки политика резерва, накопления резервов, недостаточна нами проведена (в денежной форме и натуральной форме). Ведь проблема стимулирования развития нашего хозяйства заключается в том, что мы при этом должны избежать кризисных положений. Никакие, откровенно скажу, оппозиции нам не будут страшны, если мы будем иметь поднимающийся и развивающийся рост народного хозяйства, если мы не столкнемся с экономическим кризисом. Нам надо иметь в виду такое регулирование народным хозяйством, которое дает возможность избежать этих затруднений, избежать экономических кризисов. Это достигается строгим и твердым установлением определенной закономерности и зависимости развития отдельных частей нашего народного хозяйства, равномерного темпа постоянно поднимающегося народного хозяйства. Такова наша линия, наша политика, которой мы держались в прошлом году. Она должна полностью применяться и в нынешнем хозяйственном году. Тот хозяйственный план, который представлен Госпланом, делает в этом смысле большой шаг вперед по сравнению с тем планом, который мы имели в прошлом году, который оказался преувеличенным. И те товарищи, которые упрекали нас в минимализме, оказались неправы; опыт жизни показал обратное. Сейчас нами на строительство истрачено 750—780 млн. руб. В прошлом году первоначальный план был 1.020 млн. руб., потом 936 млн. руб., потом снизили до 840 млн. руб., но все-таки план оказался выполненным на 750—780 млн. руб., следовательно, значительно преувеличены были первоначальные предложения. Вот благодаря этой несвязанности частей, когда к отдельным частям народного хозяйства мы подходим, не считаясь с закономерностью других частей, мы рискуем нарваться на кризис. Узким местом в нашем народном хозяйстве в предстоящем году, на которое, безусловно, должно быть направлено наше основное внимание, является наш экспортный план. Внешняя торговля является наиболее отсталой частью нашего народного хозяйства. По своим размерам она достигает что-то около 40% по сравнению с довоенным временем (в денежном выражении), восстановительный

же период в области нашей внешней торговли далеко и далеко не достигнут. Это наиболее отсталая отрасль народного хозяйства. Организация импорта в значительной степени определяется экспортом. Мы будем чувствовать недостатки внешней торговли в наступающем году во всех частях нашего хозяйства, поскольку опять-таки определенная закономерность имеется в смысле связи отдельных частей. Второе—это то, что у нас вопрос о резервах, как я его обрисовал, также остро стоит. Мы будем иметь топливный дефицит. Недостаток топлива, а также недостаток сырья для целого ряда отраслей промышленности, в первую очередь для текстильной, несмотря на большой ввоз из-за границы. Здесь приходится сказать, что в этом отношении—в смысле запасов—восстановительный период не закончился, в смысле запасов мы находимся еще в периоде восстановительном. Мы не перешагнули той стадии, когда наше народное хозяйство в этом смысле может развиваться на твердой базе, в смысле сырьевых и топливных резервов, запасов натуральных и денежных. Мы этой стадии развития еще не достигли, и в наступающем году мы будем иметь в этом смысле целый ряд затруднений. Это наиболее крупные затруднения.

В области денежного обращения мы пойдем с гораздо меньшими затруднениями, чем это было в прошлом году. Денежное обращение и индекс цен говорят за то, что мы сумеем курс червонца удержать в настоящее время более уверенно, чем в прошлом году, особенно если мы не будем ослаблять политики на снижение цен, которую мы проводили до сих пор. Предпосылка Госплана, что нам нужно держаться только стабилизации рубля на уровне, на котором он сейчас находится, мне кажется недостаточна. Необходимо политику вести на дальнейшее укрепление рубля путем жесткой политики на дальнейшее снижение розничных цен и дальнейшее снижение по возможности оптовых цен. Таким путем укреплять червонец и крайне осторожно прибегать к эмиссии. Приходится сказать, что для нынешнего года, в области товарного рынка, при таком росте производства, который я обрисовал, мы все же, несмотря на ряд успехов, по ряду продуктов массового потребления будем испытывать затруднения. Я приведу промышленное производство на душу населения по производству следующих продуктов. По чугуну мы не достигли довоенного уровня. В прошлом году было всего 48%, в нынешнем—75,8, все-таки 100% не достигаем. По сахару в прошлом году—86%, в нынешнем предполагается даже снижение до 83%. Но вато по коже мы стояли в прошлом году на 85%, в нынешнем году—103%,—перевалим довоенный уровень. По соли: в прошлом году—84%, в нынешнем—109%. По спичкам выше довоенного на 4%—всего 104%. Стекло—прошлый год 56%, нынешний—65%. По керосину—83%, почти довоенная норма. Хлопчатобумажные ткани 67% и 72%.

Таким образом, мы можем сказать, какие успехи и недостатки мы имеем в области нашего социалистического строительства. Наши плановые предположения в прошлом году, за исключением хлебозаготовительной кампании, за исключением денежного обращения и кредита в области производства, оправдались почти на все 100%, так что в этом

отношении плановое руководство в области производства осуществлено. В области хлебозаготовительной кампании мы просчет сделали очень крупный, примерно, на 200 миллионов пудов. В области кредита, в области денежного обращения, в области эмиссии должен сказать, что был просчет сделан. Считали хуже, получилось лучше. Эмиссия была незначительная, меньшая цифра, чем это предполагал сначала Госплан. В области кредита был точно так же определенный просчет, но зато, повторяю, в области производительных планов мы получили осуществление на все 100% и в этом смысле точно так же мы избежали экономического кризиса, и год прошел в общем и целом без кризиса, и тут плюс нашего планового руководства. В других областях в области индустриализации, какие здесь были сделаны успехи? Индустриализацию, мне уже пришлось писать об этом, в „Правде“, индустриализацию я понимаю, как изменение технической организации всего народного хозяйства и организацию рабочей силы во всем народном хозяйстве в смысле перехода и промышленности и сельского хозяйства на крупное машинное производство. Для ближайшего периода развития нашего народного хозяйства индустриализация будет заключаться прежде всего в увеличении удельного веса нашей промышленности, в изживании той диспропорции, которая существует между сельским хозяйством и промышленностью. И в этом отношении нами достигнуты определенные успехи. На основании этого мы теперь можем перейти к тому вопросу, который для нас имеет самое большое значение.

Те данные, которые мы имеем, показывают на определенные успехи в области индустрии. В этом отношении имеющиеся у нас цифры Госплана дают следующие показатели, характеризующие проведение индустриализации в нашей стране.

Рост товарных масс сельскохозяйственной и промышленной продукции за четыре года в процентах к 1923/24 г. выражается следующими числами:

	24—25 г.	25—26 г.	26—27 г.
Сельскохозяйственная (за исключ. государств. и кооперативной)	117,3	139,8	150,9
Промышленная (донзавая)	173,3	236,1	270,3

При этом удельный вес той и другой товарной массы в общей товарной массе изменялся следующим образом:

	23—24 г.	24—25 г.	25—26 г.	26—27 г.
Сельскохозяйственная	54,7	45,0	41,7	40,3
Промышленная	45,3	55,0	58,3	59,7

Таким образом, развитие индустрии идет более быстрым темпом, чем развитие сельского хозяйства. По этим же данным указывается, что рабочая сила в промышленности возрастает быстрее, чем в сель-

ском хозяйстве, хотя тут нужно оговориться, что по сравнению с довоенным уровнем мы еще не стоим на том уровне, который имелся тогда, следовательно, аграрное перенаселение мы будем иметь и в этом году, и притом довольно острое. Здесь цифры такие.

Цифра лиц, занятых в промышленности, транспорте, торговле и строительстве, повысилась с 69,9% в 1924—25 г. до 83,3% в 1926—27 г., т.-е. на 22,4%, в сельском хозяйстве только на 8%, т.-е. рост лиц, занятых в промышленности, возрос быстрее, чем в сельском хозяйстве, т.-е. происходила перекачка рабочей силы из деревни в город. Но все же в этом отношении мы не достигли, повторяю, довоенных соотношений. Таков темп развития индустриализации. Здесь я должен остановиться на изменении капитального строительства. В области капитального строительства затраты прошлого года составили 750—780 миллионов руб., в этом году Госплан проектирует 845 млн. руб., а ВСНХ требует 910 млн. руб. Из этой суммы 100 млн. руб. будет идти на новое строительство, на постройку новых предприятий, которые были начаты в прошлом году и будут закончены в нынешнем. На продолжение работ по вновь заложенным предприятиям приходится 30 млн. руб. На новое строительство потребуется 100 млн. руб. Достаточно или недостаточно этих цифр? Прежде всего вы видите, что ВСНХ требует больше, чем это ему предоставляется Госпланом. Цифра разницы невелика: она равняется 65 млн. руб. При чем, если наши центральные органы предоставят ВСНХ резервный фонд в размере 35 млн. руб., то, таким образом, в ВСНХ будет иметься 870 млн. руб., и тогда эта разница будет еще незначительнее. Это не то, что разница прошлого года, когда она достигала вначале 200 млн. руб. и только после того, как центральные органы провели жесткий нажим, она значительно сократилась. В нынешнем году нам приходится наше капитальное строительство расценивать по нашим импортным и финансовым возможностям. Та цифра экспорта, которая намечается Госпланом и которая равняется 820 млн. руб., дает возможность произвести капитальное строительство на сумму 845 млн. руб. Госплан корреспондирует эту сумму. С другой стороны, в финансовом отношении нам придется взамен того, что было в прошлом году, когда мы в бюджете дали на строительство всего 150 млн. руб., дать сумму, которая, примерно, намечается Госпланом для промышленности в 350 млн. руб.

Подсчеты, которые были сделаны в других органах, позволяют сказать, что суммы, которые можно отпустить на капитальное строительство, можно будет увеличить до 900 млн., таким образом, все расчеты ВСНХ, которые идут сейчас по наибольшей линии, и Госплана сейчас более соответствуют реальным возможностям, которые у нас имеются. Единственное, на что приходится обратить сугубое внимание, это то, что на новое строительство отпускается недостаточное количество средств. Правда, здесь мы сталкиваемся с отсутствием оценки нашего инвентаря, нашего оборудования в области промышленности и даже точного учета тех изменений техники, оценки тех оборудований, которые сейчас производятся на предприятиях и заводах. Так что это делает затруднительным анализ тех затрат и тех эффектов, которые

мы получим в результате этих затрат; приходится прибегать к общим экономическим методам, т.-е. производить оценки финансовой и коммерческой стороны производимых затрат с теми ресурсами, которые мы имеем для экспорта и импорта и которые мы имеем в смысле прибыли в вашей промышленности, и сказать, что эти цифры больше соответствуют реальному положению вещей. И здесь принятые цифры ВСНХ существенных изменений не производят. Когда мы в прошлом году боролись против 1.020 млн. руб. и даже 932 млн., выставленных ВСНХ, мы боролись с опасностью кризиса, который был бы вызван такого рода затратами в стране; если бы мы пошли по максимальному пути, мы имели бы несомненно кризис в области денежного обращения, благодаря чрезмерным затратам средств в основной капитал промышленности. Практика показала, что при том темпе нарастания производства, при том урожае, который мы имеем, мы можем пойти на то, что цифра ВСНХ от 850 млн. до 910 млн. не вызовет кризиса. Может быть, нужно будет снизиться, но повторяю, что сейчас общий анализ экономики нашего хозяйства позволяет сказать, что принятая цифра ВСНХ не явится тяжелой, не затормозит нашего экономического развития.

Вот тот вывод, к которому мы приходим, и повторяю, что качественный анализ производительных затрат с технической стороны почти не подвергается учету, или подвергается очень слабому учету; на эту сторону, на это самое осуществление капитального строительства, нам необходимо обратить сугубое внимание.

Таким образом, мы видим нарастание, усиление нашей крупной промышленности, индустриализацию страны, иначе сказать—выполнение той директивы, которая была дана XIV партс'ездом. И в этом отношении те факты, которые мы сейчас имеем, в смысле проверки проделанного опыта, и те предположения, более реальные, которые имеются на будущий год, говорят о том, что те упреки, которые делались в этом смысле, что темп индустриализации идет к минималистской грани, или (некоторые имели даже смелость утверждать) что индустриализация совершенно не происходит,—это является неправдой.

Теперь по другой области: в области развития коллективных хозяйств в земледелии. Здесь мы видим точно так же рост количества коллективных хозяйств и влияние крупного нашего сельского хозяйства—совхозов—на окружающую крестьянскую массу. Общие цифры коллективных хозяйств были такие. На 1-е октября 1924 г. по Союзу без Украины 6.220 и в них членов 145.000, этот год берется за 100. На 1-е октября 1925 г.—6.718 хозяйств (108% к предыдущему году), членов—137.000. В отношении членов—некоторое падение. На 1-е октября 1926 г.—7.000 коллективных хозяйств (112⁰/₀) и 164.000 членов (113⁰/₀). На 1927 год—8.000 коллективных хозяйств (120⁰/₀), 171.000 членов (118⁰/₀).

Низовая сеть сельскохозяйственной кооперации росла следующим образом. Если взять общие цифры кооперации по всему Союзу на 1-е октября 1924 г., было 2 миллиона членов, на 1-е октября 1925 г.—

4¹/₂ миллиона и на 1-е октября 1926 г.—5,6 млн. и предполагается, что на 1-е октября 1927 г. мы будем иметь около 8 млн.

Как изменялось соотношение в области товарооборота нашего государственного сектора, кооперативного и частного?

Нас сильнейшим образом пугали, что сейчас победит частный капитал. Частный капитал получит колоссальную прибыль за счет государственного и кооперативного сектора. На самом деле мы получаем: относительно падение частного капитала и относительно рост государственного и особенно кооперативного сектора. Государственный сектор товарооборота поглощает 43% всех поступающих на рынок товаров, кооперативный сектор поглощает, покупает 21%, частный—только 36%. По отпуску государственный сектор—55%, кооперативный сектор—11% и частный—25%, следовательно, по покупкам государственный сектор плюс кооперативный сектор составляют 64%, по отпуску государственный сектор вместе с кооперативным—66%, частная торговля—36% и 34%. В 1924/25 г. она понесла урон больше, чем вдвое.

Дальше мы имеем следующие данные о роли частной торговли: „Наибольший урон частная торговля понесла в опте; ее удельный вес в опте упал в 1924/25 году больше, чем вдвое: с 22% до 9,3%. Замечательнее, однако, те явления, которые имели место в рознице: здесь экономические процессы перешли некоторую „критическую“ точку, приведя к тому, что преобладающее место в рознице, которое принадлежало частному капиталу (59,2% частной и 40,8% обобщественной в 1923/24 г.), перешло в руки обобщественного сектора (56,2 обобщественного и 43,8 частного в 1924/25 г.)“. Таково положение.

Таким образом, в отношении соотношения в товарообороте процессов обобщественного сектора, государственного, кооперативного и частного капиталов, мы видим, что из года в год удельный вес частного капитала падает, а удельный вес государственно-кооперативного капитала, наоборот, увеличивается. Таким образом, мы видим, что те, которые указывают на имеющуюся якобы опасность наступления частного капитала, не правы. Государственные и кооперативные организации не отстают перед частным капиталом.

В области распределения народного дохода мы видим, что здесь наиболее быстрым темпом идет увеличение народного дохода в городах, т.-е. там, где имеется наемный труд в больших размерах. Эта доля народного дохода увеличилась на 11%. В то же время более медленным темпом идет нарастание народного дохода у лиц, занятых в сельском хозяйстве. Таким образом, мы видим, что перераспределение народного дохода возросло в пользу социалистических элементов, т.-е. в пользу рабочего класса. В отношении социалистического строительства мы должны поэтому сделать следующие выводы. Мы констатируем, что в области производства государственные и кооперативные организации захватили позицию на 98%; роль частного капитала здесь ничтожна. В области товарооборота мы имеем возросшее преобладание социалистических форм над формами частного капитала. При чем индуст-

стриализация, усиление социалистических форм хозяйства, происходит за счет всего народного хозяйства, и в этом отношении та политика, которую предлагает тов. Преображенский, об обложении новыми налогами для индустрии крестьянства является, на мой взгляд, неправильной, ибо крестьянин сверх того, что он платит, сверх своего сельскохозяйственного налога ничего больше вносить не может; это привело бы нас только к усложнению наших экономических и политических взаимоотношений с деревней, и в этом отношении наша политика не отвечала бы тому экономическому развитию, которое мы имеем.

Мы совершаем социалистическое строительство. Мы строим социализм. Те успехи, которые мы имели в прошлом году и которые мы будем иметь в нынешнем году, говорят о том, что социалистические формы хозяйства, определение которых тов. Ленин дал в своем всем нам известном анализе форм нашего хозяйства, подтверждаются. Но сейчас подвята кампания, что мы подходим к социалистическому хозяйству, во не строим социализма. Это все равно, что сказать: мы проводим железные дороги, но не строим железные дороги; это все равно, что проводить шоссе, но не прокладывать шоссе. Когда ведется социалистическое хозяйство, это значит происходит социалистическое строительство. Строительство социализма происходит у нас одних, только в СССР. Это мы ведем строительство социализма, это не значит, что мы закончим это строительство. Никто не может сказать, какое строительство социализма будет через 100 лет. Но социалистическое строительство означает строительство социализма. И с этой точки зрения мы ведем всю нашу экономику, с этой точки зрения мы подходим к анализу и к оценке тех хозяйственных процессов, которые происходили в прошлом году и которые будут происходить в нынешнем году. Однако те социалистические формы хозяйственного производства, которые у нас растут и крепнут, об этих социалистических формах хозяйственного производства некоторые заграничные и наши оппозиционеры, в частности из германской оппозиции, не говоря уже о Корпе и Маслове и др., которые исключены из ГКП, говорят, что у нас существует государственный капитализм, что у нас в стране формы государственного капитализма; это до известной степени последовательно, но это переход уже в область экономики, понимания нашей экономики, понимания наших методов общественного подхода, с точки зрения буржуазной экономики. Не забывайте, что когда мы совершили переворот, взяли организацию хозяйства в наши руки, то буржуазные экономисты говорили, что законы капиталистического развития победят большевиков. Они могут, говорили наши враги, организовывать Советы, думать, что держат политику в руках, на самом же деле, объективно только капиталистическое хозяйственное развитие. Законы капитализма превалируют в области экономики, и иных законов, они говорили, мы не знаем. Поэтому то, что совершается у большевиков, приведет логически к построению капиталистических форм хозяйства.

Мы же говорили другое: установление диктатуры пролетариата, факт национализации и весь предшествующий период капитализма готовят социализм, так что, когда мы развязываем те формы, которые объективно готовят обобществленное хозяйство, сбрасываем формы капиталистические, мы вскрываем те законы объективной нашей экономики, которые приводят к социализму. В этом твердость и уверенность нашей политики. Мы знаем, что объективный ход экономического развития оправдывает ту экономическую политику, которую мы проводим. Не мы ее выдумываем, она создается теми объективными отношениями, которые логически ведут к созданию социалистических форм хозяйства. В капиталистическом строе также этот процесс неизбежен, процесс развития производительных сил, требование со стороны стихийного развития экономики социалистических форм хозяйства. Тем паче, в стране, где диктатура пролетариата, объективный стихийный ход экономики оправдывает ту политику в смысле укрепления и развития социалистических форм хозяйства, которую мы ведем. Кто этого не понимает, тот идеалист, метафизик, который оторван от действительности, но кто не понимает этого объективного хода, который неизбежно ведет к укреплению социалистических форм хозяйства, тот не понимает нашей экономической политики, не понимает законов нашего экономического развития. Конечно, у нас, в нашем государстве, эта победа социалистических форм, которую иллюстрируют эти данные и цифры, это не только за тот счет, что у нас хороший государственный аппарат, наоборот, он страдает тысячью недостатков, на которые нельзя закрывать глаза, он часто отстаёт от тех процессов экономики, которые у нас совершаются. Но такие социалистические формы хозяйства, как крупная промышленность, неизбежная индустриализация—это диктуется всей экономической ситуацией. Повторяю, изучая это, успевая подхватить это, мы творим то, что соответствует объективному нашему экономическому развитию. А если этого не понимать, тогда что останется? Останется то, что говорят наши противники, что у нас государственный капитализм, поэтому, мол, у нас опасность, что нас задушит буржуазия, частный капитализм, у нас кулацкая опасность и т. п. Это паникерство, которое зиждется не на изучении объективного хода экономики, а на непонимании этого хода, на том, что понимают его с точки зрения буржуазной экономики. В этом гвоздь, когда оспаривают социалистическое строительство в стране, возможность построения социализма. Построение социализма у нас ни на одну ноту, ни на один миллиметр не должно идти вразрез с углублением социалистической революции. Нам нечего рассказывать вещи, которые общеизвестны, что капитализм и противоречия капитализма будут углублять социальную революцию. Мы должны ее развязывать там, где только возможно. Что социализм должен победить во всем мире, в этом мы глубоко убеждены.

это мы понимаем прекрасно. Противопоставлять, что вы, мол, хотите построить социализм в своей стране, а все другие забываете, это глубочайшая неправда и непонимание нашей позиции. СССР—единая страна, где диктатура пролетариата; это не лишает его возможности строить новое социалистическое хозяйство в одной стране, потому что объективность экономики ведет к этому неизбежно. Сбрасывание капитализма развязывает формы социалистического хозяйства. Это не значит, что мы хотим осуществить его в один год. Мы имеем мелкобуржуазное окружение в виде крестьянского хозяйства, это мы не забываем. Но это отнюдь не значит, что мы не строим социалистическое хозяйство. Подход к нам с точки зрения буржуазной экономики, перенесение на нас законов капиталистического развития в наших формах хозяйства приводят к тому, что наше хозяйство начинают рассматривать, как государственный капитализм, начинают кричать то об уклонах у нас в сторону национальной замкнутости, то об опасности кулацкого роста и т. д. Это—непонимание экономики, которая имеется у нас, непонимание политики, которую мы ведем. Получается то, что наши враги нам всегда противопоставляют и на что надеются, это самое наши оппозиционеры, которые у нас есть и которые особенно за границей есть, преподносят нам как новое слово. Покорно благодарим вас за это новое слово, мы остаемся на старой позиции, на позиции диктатуры пролетариата, которая нас неизбежно ведет к социализму, и те факты, которые мы имели в этом хозяйственном году, и новые шаги, которые мы должны сделать в наступающем периоде, доказывают это.

Прения по докладу В. П. Милютин

Тов. Смилга. Т. т., в пределах регламента я, разумеется, могу остановиться только на самых существенных возражениях докладчику. У меня их, правда, довольно много, но, имея в своем распоряжении всего 15 минут, я останавливаюсь только на самых существенных.

Докладчик прав, когда говорит, что подведение итогов истекшего хозяйственного года является чрезвычайно интересным не только потому, что мы находимся на рубеже двух хозяйственных лет, но в значительной степени и потому, что мы находимся на грани двух этапов нашего хозяйственного развития. В предстоящем году мы, как об этом говорят контрольные цифры Госплана, достигаем так называемого довоенного уровня производства и в области сельского хозяйства и в области промышленности. Этот довоенный уровень достигается и промышленностью и сельским хозяйством одновременно. Мне кажется, что мы имеем в настоящее время некоторую возможность для подведения основных хозяйственных итогов восстановительного процесса. Я останавливаюсь на вопросе, который в течение восстановительного периода вызывал у нас оживленные споры, кто кого в раз-

витии обогнал — промышленность ли сельское хозяйство или наоборот. Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой, поскольку довоенный уровень достигается нами и тут и там примерно одновременно. Следовательно, значительный темп развития промышленности в течение последних лет, вызванный тем, что это развитие происходило, главным образом за счет активизации старого основного капитала, не говорит ни о каком обгоне промышленностью сельского хозяйства. Это первый вывод; он вытекает из самого общего анализа контрольных цифр на предстоящий год.

В каком состоянии встретят промышленность и сельское хозяйство новый хозяйственный этап? Мы уговорились, что в смысле производства материальных ценностей уровень примерно один и тот же. Что касается производственно-технической базы сельского хозяйства и промышленности, то надо сказать, что они развернули производство на старой базе. Здесь совпадение, однако, только кажущееся. Вы знаете, что производственный процесс промышленности тем отличается от производственного процесса в сельском хозяйстве, что в промышленности постоянный капитал, как выражался Маркс, играет большую роль, нежели в сельском хозяйстве, где, наоборот, эту роль играют рабочие руки.

Промышленность вступает в новый этап с более потрешанной технической базой, нежели сельское хозяйство. Наша промышленность всегда была отсталой. В настоящее время расстояние между нами и передовыми капиталистическими странами, по моему мнению, увеличилось по сравнению с 1913 годом. Оборудование промышленности истрешано и технически и морально. Один из основных итогов восстановительного процесса не дает нам права делать такие радужные выводы, какими закончил свой доклад оратор. Дальше, если обратиться к одному из самых серьезных показателей устойчивости хозяйственных процессов, к состоянию резервов в народном хозяйстве, то здесь картина такова. Сельское хозяйство по расчету наших статистиков к концу наступающего года достигнет довоенных запасов, т.-е. будет обладать 600 — 620 млн. пудов хлеба. Следовательно, по состоянию резервов будет достигнут довоенный уровень. Что касается промышленности, то, к сожалению, говорить об этом не приходится. Резервы, в отсутствие которых упрекал систему Госплана докладчик, там имеются, но эти резервы для государства в целом и для промышленности в частности являются вынужденно минимальными. Этот факт должен быть учтен всеми нами для того, чтобы точно понимать обстановку, в которой мы находимся на данной стадии нашего хозяйственного развития. Следовательно, в области резервов мы имеем гораздо больше устойчивости в сельском хозяйстве, нежели в промышленности. Если обратимся к рынку, который является в товарном хозяйстве надежным показателем экономической мощности отдельных сторон хозяйства, то мы устанавливаем следующее: во-первых, последние годы представляли к промышленности платежеспособный спрос, который сию не удовлетворялся. Наступающий год в этом смысле, по всей видимости, не будет годом смягчения этих трудностей. Об этом говорят

соотношения элементов спроса и предложения на рынке. Во-вторых, экономические взаимоотношения сельского хозяйства и промышленности на рынке 'все время складываются с активным салдо в пользу крестьянского хозяйства,' и итоги, наметившиеся в течение последних лет, не будут изменены в наступающем году. Вот о чем, по-моему, надлежит говорить, говоря о том, что находится в цифрах Госплана. Тов. Милютин очень много, конечно, с полным основанием, пока он оставался в пределах фактов, очень много внимания обращал на действительно очень характерные явления восстановительного процесса — на чрезвычайно большой темп развития промышленности; 60%, 40% и даже 15% являются темпом очень значительным, но если принять во внимание, что в промышленности восстановительный процесс начался с 18, примерно, или с 20% по отношению к довоенному уровню, в то время как крестьянство не спускалось ниже 50%, то поймете, что здесь вопрос этого темпа, во всяком случае, не является каким-нибудь очень значительным показателем благополучия. К сожалению, с концом восстановительного периода в историю отходит и темп его. Мы на следующий год проектируем на 15% развитие промышленности. Еще в целом ряде районов, в целом ряде отраслей промышленности имеются восстановительные хвосты, которые нам придется подбирать. Но тем не менее капитальные вложения, которые мы собираемся делать в предстоящем году, на 1927/28 году предполагают дальнейшее резкое замедление темпа. Можно будет говорить всего лишь о 5—7% развития хозяйства в 1927/28 году. И это при наличии всех тех диспропорций, нарушенного хозяйственного равновесия, которое имеется на грани этих двух хозяйственных рубежей. Одно дело было развиваться путем пуска существующих предприятий, другое дело путем вложения новых средств. Самый процесс развертывания будет протекать в дальнейшем с иным качественным содержанием.

Два слова относительно методологического упрека контрольным цифрам. Не в том дело, Владимир Павлович, что мало качественного анализа. Там качественного анализа много, вполне достаточно. Недостаток контрольных цифр заключается в том, что классового анализа там мало. Основной вопрос о расслоении деревни, центральный вопрос всех наших дальнейших хозяйственных судеб, не мог получить отражения в контрольных цифрах, потому что наши статистические учреждения не обладают сколько-нибудь действительно научными данными. Отсутствует классовый анализ происходящего роста производительных сил. Это недостаток, но вынужденный недостаток работы, в котором авторы сознаются. Мы желали этот материал включить, да не могли. Что же касается вашего понимания качественного анализа, то этот упрек не по адресу. Контрольные цифры в 1926/27 г. не ставили себе задачу дать перспективный план. Это задача генерального плана, который в настоящее время разрабатывается. Дальше, говоря о судьбе прошлогодних контрольных цифр, надо сказать, что мы сделали ряд ошибок и промахов. Вы видите эти ошибки только в преувеличениях. Это неверно. Эти цифры в целом ряде решающих разделов промышленности, транспорта — превзойдены. Они были составлены

слишком осторожно. В чем была самая наибольшая неустойка в прошлогоднем хозяйственном плане? В экспорте и, соответственно, импорте. Но вы знаете, после составления контрольных цифр, мы имели, с одной стороны, гибель части урожая вследствие дождей. Теперешний хлебфуражный баланс ЦСУ показывает не преувеличение, а преуменьшение размеров прошлогоднего урожая. Следовательно, речи не может быть о количественном просчете. Ошибка заключается в том, что план прошлого года не учел тех трудностей, с которыми связана заготовка крестьянского хлеба в обстановке товарного хозяйства и происходящего расслоения деревни. Значительным держателем хлебных масс являются уже не те крестьянские руки, которые были в 1923/24 году (с места: „Совершенно правильно“). Мы имеем гораздо более окрепшее сельское хозяйство, крепнущее в пределах товарного хозяйства, т.е. в обстановке расслоения. Хлебные массы в наличии были даже больше того, что мы предполагали, а получить их государственное хозяйство оказалось не в состоянии (с места: „Правильно“). В этом доказательство действительной трудности, о которой докладчик здесь, к сожалению, ничего не сказал. В этом же гвоздь и плана на предстоящий год. Товарищи, ведь что является в этом плане поразительным? Мы доходим до 100% довоенного уровня в области сел. хозяйства и промышленности. На экспорте же держимся в процентах 30-ти. Вот, в чем дело. Следовательно, имея в стране гораздо больше материальных ценностей в натуре, мы, однако, не можем экспортировать эти ценности и получить необходимое оборудование. На этом моменте нужно заострить внимание здесь присутствующих для того, чтобы они ушли из этой залы с объективным представлением о том, что делается в стране. Следовательно, не в количественном просчете идет речь, а о просчете экономической политики. Надо выразить благодарность тем, кто на XIV съезде впервые экономически и политически правильно указал на причину этих затруднений. Мне кажется, что они были передовыми мыслителями в этой области. Человечеству свойственно ошибаться, но упорствовать в ошибках не надо. Если ошибки поняты, то мы имеем гораздо большую возможность с этими ошибками бороться и их опасность устранять. Тов. Милютин говорит, что после того, как в 1926 году были сделаны надлежащие изменения в плане, все пошло хорошо. Конечно, были сделаны изменения в плане, и в некоторых отраслях пошло более или менее гладко. Если говорить о просчете, то позвольте указать на факт большого просчета, именно со стороны тех, кого вы хвалите. Был составлен бюджет в 4 миллиарда 39 млн. рублей, который, по данным НКФ, будет выполнен только в 3 миллиарда 830 млн., значит 200 млн. будут дефицитом, который ляжет частью на эмиссию. Вряд ли вы имеете основание говорить о том, что состояние хозяйства, в котором мы находимся в настоящее время, обеспечивает дальнейшее спокойное развитие на целый год. Будут значительные трудности. Я не имею возможности сегодня изложить свою точку зрения. Для этого нужен специальный доклад. Поэтому резюмирую. Восстановительный темп, который является действительно явлением специфическим и небывалым, вызывал довольно значительные

изменения по взглядах некоторых товарищей. Как вы знаете, между базисом и идеологией существует такая зависимость, что первое начало является прогрессивным, а второе — консервативным. Заканчивая восстановительный процесс, мы находимся на грани нового этапа. Но в области нашей идеологии мы находимся в цепких лапах восстановительного процесса (тов. Преображенский с места: „Реконструкция в мозгах еще не произошла“; смех, аплодисменты).

Мне кажется, что докладчик тоже является одной из жертв этого восстановительного процесса (смех, аплодисменты).

Посмотрим, что происходит в идеологии. Тов. Бухарин говорит, и я утверждаю, что он находится целиком в плену восстановительной идеологии, что экономическая и техническая отсталость нашей страны не являются непреодолимым препятствием для окончательного построения социалистического строя в России при отсутствии социалистических революций в других странах. В 1924 году тов. Сталин формулировал вопрос этот: с моей точки зрения, совершенно правильно, но в дальнейшем он отказывается от первой постановки и примыкает к тов. Бухарину, заявляя, что опасность для построения социализма создается только интервенцией.

Что касается о строительстве социализма в нашей стране, то, по моему мнению, в этом вопросе никаких разногласий быть не может. Напрасно докладчик пытался истолковать, что есть люди, которые между социалистическим строительством и строительством социализма делают разницу. И считаю, что, занимаясь социалистическим строительством, мы строим социализм.

Но спрашивается, дает ли восстановительный период основания для проверки, для ревизии центрального пункта марксизма и ленинизма, который заключается в том, что в одной технически отсталой стране социализм построить невозможно при отсутствии социалистических революций в других странах и что судьба русской революции связана с судьбами мировой революции так же, как в 1917 году. Мне кажется восстановительный процесс никаких поводов для изменения этих взглядов дать не может. Производить ревизию в этом основном вопросе значит быть жертвой восстановительного периода. Второй вопрос, который вытекает из первого, заключается в установлении значения промышленности и кооперации в социалистическом строительстве. Тов. Сталин, например, говорит, что хотя крестьянство далеко социалистическим не является, но в обстановке нашей экономики должно обязательно таким стать (возгласы с мест: „Правильно“). Тогда мы из области марксизма и ленинизма переходим в область веры. Ленин так не говорил. В крестьянском хозяйстве происходят расслоение и борьба капиталистических и социалистических тенденций. С другой стороны, бесспорно, выросло и социалистическое хозяйство, промышленность окрепла и т. п. Но хозяйство наше в основном создано непом. Оно тем и характерно, что в основе его заложены противоречия, которые растут и борются между собой.

Революция произвела величайшее изменение в классовой структуре Союза, но сказать, что вопрос о социализме уже решен историей

положительно, это значит быть не только оптимистом, это значит быть опасным реакционером. Все дело заключается именно в том, что партия пролетариата и хозяйство социалистическое должны совершенно ясно разобратся в стоящих перед ними опасностях. Нельзя закрывать глаза на эти опасности. Не может быть речи о неверии, но надо сказать, что мы вступаем в такой период, в такой этап, когда те противоречия, которые наметились в 1925/26 году, будут изживаться в более сложной обстановке. Стойки различных групп и классов в нашем Союзе чем дальше, тем больше будут принимать более острый характер. Я резюмирую: в области восстановительной идеологии мы имеем опасность сползания с тех позиций, которые нам завещаны Марксом и Лениным.

Являются ли средства, отпускаемые по контрольным цифрам для промышленности, достаточными для изживания наметившихся диспропорций? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ.

Баланс между городом и деревней строится снова пассивно для города, активно для деревни и т. д., и т. д. Должен сказать, что восстановительный период, по самому существу своему, несмотря на огромный подъем нашего хозяйства, промышленности, сельского хозяйства, был периодом малых дел революции. Этот период нечерняется. Мы переходим к новому этапу, который требует от нас огромных сдвигов во всем нашем хозяйстве, иной установки его основных элементов. В наступающем периоде надо будет иначе делить национальный доход между производством и потреблением. Мы должны понимать, что смычка нашего пролетариата с середняцким и бедняцким большинством в деревне может сейчас происходить только в обстановке борьбы с богатыми. Эти большие вопросы экономической политики встают сейчас во весь рост перед нашей партией и перед всем советским Союзом. Убаюкивать себя, что следующий хозяйственный год обеспечит спокойное развитие, нет оснований. Тов. Милютин говорит, что хлебная кампания в прошлом году началась дикородно, а в этом году гораздо более спокойно. Не забудьте, тов. Милютин, что в этом году единый сельскохозяйственный налог взимается гораздо более концентрированно, чем в прошлом году. Мы по сравнительно дешевой цене покупаем бедняцкий хлеб и создаем конъюнктурное благополучие на счет динамического неблагополучия. Усилятся неизбежно наплыв выходцев из деревни в город. Нет необходимости при нашем положении давать оптимистические, убаюкивающие объяснения. Коммунисты к этому не привыкли, нужно ставить вопрос так, как он стоит, со всеми опасностями и находить методы борьбы с ними, и тогда только мы победим (аплодисменты).

Тов. **Сокольников.** Товарищи, я думаю, что именно в докладе здесь в Коммунистической Академии о контрольных цифрах, то-есть о перспективах всего хозяйства на ближайший год, тов. Милютин даст более глубокий анализ наших хозяйственных трудностей. Я должен сказать, что доклад тов. Милютина не оправдал таких ожиданий. Этот доклад, который повторил нам в сокращенной форме то, что изложено в книжке Госплана, не ввел нас в существенные действительно проблемы нашей экономики. Тов. Милютин, мне кажется, слишком легко

обошел те практические задачи, которые перед нашим хозяйством стоят. Ведь тов. Милютин прекрасно знает, что даже в тех учреждениях, в которых обсуждаются те или иные конкретные вопросы, всплывает огромное количество трудностей, и систематической оценки этих трудностей и ответа на то, как возможно будет удержать хозяйственную машину в состоянии равновесия, с одной стороны, поступательного движения, с другой стороны; на эти вопросы тов. Милютин ответа не дал. То, что постулировано в цифрах Госплана, он часто представляет себе и нам, как уже осуществившееся; такое-то увеличение предположено, а нам важно, в какой степени осуществлены те или другие предположения, внесенные в контрольные цифры Госплана, и как это будет осуществимо, какое потребует напряжения сил и в обстановке какой борьбы осуществится программа строительства, которая намечена в цифрах Госплана. Через все эти вопросы тов. Милютин перескочил. Если бы можно было представить себе, что в нашей стране нет ничего, кроме необычайно мудрого начальства, которое проводит намеченный план в обстановке, которая не представляет никаких элементов экономического и классового сопротивления, тогда такого рода оценки с добавлением очень легковесной полемики о строительстве социализма в одной стране, может быть, могли бы быть оправданы. Нельзя закрывать глаза перед существующими трудностями, наоборот, в их разрешении должна принять участие вся партия, и они могут быть разрешены лишь в том случае, если вся партия будет знать о них и каждый член партии будет принимать участие в их решении. И прежде всего в Коммунистической Академии мы должны поставить себе задачей более тщательное выяснение тех трудностей и тех задач, которые перед нами стоят перед началом второго десятилетия нашей революции.

С таким напряжением сил была решена программа хозяйственного строительства за прошлый год — на это дает ответ наиболее рельефно состояние так называемых резервов. Вы знаете, что на XIV съезде партии было установлено, что без резервов планировать нельзя. Безрезервное плановое хозяйство вестись не может. Это является истиной, аксиомой, которая признана теперь всеми. Так что же сделано в смысле этого обеспечения резервами, которые тем более становятся нам нужны, чем больше машина нашего хозяйства идет более быстрым темпом и с большей нагрузкой? Было постановлено, что по бюджету 1925/26 года к концу года должен быть образован резерв в 117 млн. руб. Этот резерв должны были составлять денежные средства, которые позволили бы справиться в частности с теми осенними трудностями, которые возникают вследствие огромных сельскохозяйственных, хлебных и сырьевых заготовок. Был ли образован этот резерв в 117 млн.? Нет, наоборот, госбюджет был на деле сведен с дефицитом, примерно, 200 млн. руб., чего давно уже не было. Это обозначает, что никакого резерва не имелось, это обозначает, что госбюджет уже сводится и существует не за счет налогов и других ресурсов, поступающих в кассу, а за счет банковской миссии, которая получает назначение штопать бюджетный дефицит. Этого обстоятельства обойти никак нельзя. Выполнение тех планов, которые были

намечены, сопряжено было с тем, что никаких резервов по бюджету создано не было, что имеется бюджетный дефицит и что банкетная эмиссия для бюджетных нужд — налицо. Далее, было постановлено, что необходимо осуществить активный торговый баланс. Было постановлено, что необходимо обеспечить увеличение золотых фондов, вначале оно предполагалось на 196 млн., потом оно было понижено до 100 млн. Необходимость образования золотого фонда была признана потому, что без этой тонкой полоски золота устойчивость механизма народного хозяйства не может быть обеспечена, точно так же, как без килевой полосы не может быть обеспечена устойчивость большого судна. И для того, чтобы обеспечить правильность оборотов во внешней торговле, и для того, чтобы обеспечить развертывание денежной и кредитной системы внутри страны, и для того, чтобы иметь общий резерв для страховки от непредвиденных экономических бедствий, и, наконец, для страховки государства на случай политических осложнений, — для всего этого необходимо увеличение золотого резерва.

За этот год, несмотря на то, что этот год — урожайный, несмотря на то, что в этом году (в противоположность тому, что было в 1924/25 г., когда год был неурожайный) имел место экспорт хлеба, валютный резерв, тем не менее, сократился вместо того, чтобы увеличиться. Из этого для нынешнего хозяйственного положения получаются совершенно конкретные, отрицательные последствия в деле развития нашей внешней торговли, развития нашей денежной и кредитной системы. Если в урожайный год оказывается невозможным образовать минимальные страховые запасы, увеличить существующие золотые фонды, вопреки всем решениям, то какие же мероприятия должны быть проведены для того, чтобы в нынешнем году не повторилось того, что произошло в прошлом году?

Третий пункт. Резервом нашего хозяйства была возможность расширения денежного обращения. Денежное обращение, после периода натурализации хозяйства, возросло с совершенно ничтожной цифры в 50 млн. руб., которыми измерялось денежное обращение в 1923 году, до 1 миллиарда с лишним в прошлом году. Чем же характеризуется нынешнее состояние денежного обращения? Денежная масса теперь стабилизировалась в своем объеме, рост ее почти остановился. Если раньше промышленность, сельское хозяйство, торговля и т. д. могли рассчитывать на развертывание денежной массы и рост массы денежного обращения выражался в сотнях миллионов рублей свежих средств в год, которые шли на авансирование ряда отраслей хозяйства, то теперь в этой области произошла приостановка. На это мы не можем закрывать глаза. Денежное обращение начинает упираться в некий более или менее эластичный предел.

Одновременно с ухудшением наших валютных запасов ухудшается положение и в смысле привлечения внешних кредитов.

Четвертый пункт. У нас слишком широко вошла в обиход фраза о наличии быстрого развертывания нашей промышленности, которое мы видели, за истекший год равнялось 40—60%. Тов. Бухарин, которому в этом случае совершенно изменяет его теоретическая совесть, говорит,

что любая капиталистическая страна может нам позавидовать. Это чистейшие пустяки. Мы не имеем в этих цифрах отражения действительных процессов развертывания. Мы и тут только пускаем в ход резервы. Если пускаются в ход фабрики, которые стоят, то такое расширение производства есть использование резервов того капитала, который в фабриках и заводах был налично. Впервые теперь речь идет о действительном расширении производства, о действительном развертывании не за счет того, что есть в наличности, а за счет создания новых производительных ценностей.

Я думаю, что вы видите, что доклад тов. Милютин перескочил через все эти реальные трудности, в которых бьется наше хозяйство, бьются трудящиеся массы нашей страны. Если вся обстановка так хороша, как докладывал т. Милютин, то откуда же было бы столько жертв и страданий, откуда такое накопление неудовлетворенных новых потребностей, новых требований, которые идут снизу из масс? На самом же деле этот процесс строительства—мучительный процесс, который проходит так, что массы на своей спине чувствуют трудности, от которых докладчик отвлёкся в докладе. Мне нужно еще для того, чтобы характеризовать положение, остановиться на последнем пункте, на вопросе о состоянии цен. Этот вопрос есть вопрос высоты реальной заработной платы рабочих, вопрос о ценах, это есть также вопрос для крестьянства о том, что оно получит за свой хлеб. Как обстоит дело в области цен? Тов. Милютин и мы все прекрасно знаем, что снижение цен представляет собой одну из основных проблем, над которыми мы бьемся. Я спрашиваю, имеется ли в действительности за год снижение розничных цен. Вы знаете прекрасно, что нет никакого снижения розничных промышленных цен. Имеется некоторое снижение розничных сел.-хоз. цен после нового урожая, но никакого снижения промышленных цен нет. А какова перспектива? Здесь проблема, над которой надо подумать и Госплану, и докладчику о контрольных цифрах Госплана, и нам, и всей стране, потому что розничные цены повышаются, несмотря на все усилия их понизить. Очевидно, тут должно вскрыть какие-то недочеты в нашем экономическом механизме. С другой стороны, мы знаем, что на наступающий год предстоит повышение отпускных цен промышленности, и мы знаем, что уже в истекшем году выросла себестоимость по целому ряду отраслей в промышленности. Таким образом, если у нас вся система хозяйственных мероприятий строилась вокруг линии снижения оптовых цен, борьбы за снижение розничных цен, и в этом должно было выразиться оздоровление нашей промышленности, борьба за выявление ее сильных сторон, за уничтожение элементов развала, которые еще сохраняются. Совершенно очевидно, что социалистическое хозяйство перед широкими массами, перед рабочими и крестьянством должно доказать и доказывает свое право на существование именно своей внутренней рационализацией, снижением себестоимости, понижением цен, увеличением продукции. А мы при развертывании промышленности за истекший год получили увеличение себестоимости, вместо того, чтобы оно сопровождалось снижением себестоимости.

Намечая перспективы на ближайший год, мы должны поставить перед собой вопрос, что это значит. Как может быть, что развертывание промышленности в наших условиях при увеличении нагрузки приводит к повышению себестоимости? Повышение всего уровня цен означало бы дезорганизацию всего нашего народного хозяйства в целом. Я спрашиваю, можно ли умолчать об этом. Не может ли быть здесь такой проблемы, над которой мы должны подумать? Не надо этого скрывать. Кто от этого выигрывает? Если мы будем трубить, провозглашая официально казенное благополучие, скрывая от всех действительное положение вещей, этим возможные кризисы не будут предотвращены. Наоборот, они будут подготавливаться, положение ухудшаться. Я был в высокой мере удивлен, но об этом я только скажу кратко, когда услышал от т. Милютинна по вопросу о ресурсах, которые можно от зажиточных верхушек крестьянства получить, что этого совершенно не нужно. Тов. Милютин, вы знаете, что ничего подобного нет. Где вы видели такое богатство у нас? Вы сказали здесь, что в дальнейшем извлечении средств от зажиточной деревенской верхушки нет необходимости (с места: „Правильно“). Я думаю, что мы выиграем, если т. Милютин объяснится по этому вопросу. А я считаю необходимым сказать, что нет никакого сомнения в том, что на хлебной торговле богатеет в настоящее время значительная часть деревенской верхушки.

В то время, как резервы государственного хозяйства сокращаются, в это самое время резервы крестьянского хозяйства и, конечно, в большей степени, резервы, сосредоточенные у зажиточной верхушки крестьянства, возрастают и должны составить к концу этого года по скромным подсчетам около 600 млн. пудов. В то время, как мы стараемся лишний пуд хлеба экспортировать, чтобы тем самым увеличить ввоз в нашу страну необходимого для нашей промышленности оборудования, в это же самое время в крестьянском хозяйстве быстрым темпом происходит накопление, которое, как я уже сказал, должно составить к концу года 600 млн. пудов. Поэтому мы должны констатировать, что наш государственный хозяйственный механизм, не захватывает всех тех реальных ресурсов, которые есть в стране. Этот симптом не оценить должным образом мы не можем. Было бы в корне неправильным, если бы мы не поставили перед собою задачи увеличения нашей экспортной программы за счет привлечения тех резервов, которые накапливаются у зажиточной верхушки крестьянства. Это и есть мероприятия, которые обеспечили бы нам действительное проведение промышленного строительства и ускорение его темпа.

Перехожу теперь к вопросу, о котором говорил в заключение тов. Милютин, к вопросу о построении социализма о одной стране.

Конечно, если бы земной шар был в 6 раз меньше и если бы, кроме нашего Союза, ничего не существовало, то тогда проблема строительства социализма в одной стране, в такой стране, кроме которой ничего нет, конечно, была бы поставлена так, как вам угодно было ее ставить. Но ведь все трудности заключаются именно в том, что нельзя себе представлять дело таким образом, как будто это стро-

ительство социализма в одной стране происходит вне экономического состязания социализма с капиталистическими странами, которые стоят по ту сторону границы. И если кто-нибудь думает, что, установив строжайшую монополию внешней торговли, мы тем самым устраняем состязание со странами капиталистической Европы, тот ошибается. Я думаю, что тов. Милютин не рисковал бы выставлять такого положения. Но тов. Милютин забыл одну простую истину: социализм есть система мирового хозяйства, и поэтому кто говорит, что мы построим социализм в одной стране, тот впадает в совершенно очевидное противоречие. Тов. Милютин считал решающим то соображение, что тот, кто занимается социалистическим строительством, тот строит социализм, но кто же будет спорить о таких пустяках? Речь идет не о том, возможно ли строить, а возможно ли построить социалистическое хозяйство в одной стране. Построить социалистическое хозяйство в одной стране невозможно и для того, чтобы социалистическое хозяйство построить, нужно перейти границы одной страны. Это является как раз одним из основных положений революционного марксизма и ленинизма. Если вы сами не замечаете своего отхода от прежних позиций партии в этом вопросе, то остается только развести руками. Тов. Милютин неправильно формулировал проблему построения социализма в одной стране, а с другой стороны, неправильно поставил вопрос о связи между нашим хозяйством и хозяйством мировым. Проблема включения нашего хозяйства в мировое хозяйство не может быть никак обойдена. Когда мы бьемся над экспортно-импортным планом, этим мы решаем именно ту проблему, каким образом нам включить нашу страну в систему мирового хозяйства, продолжая свое социалистическое строительство. Можем ли мы на самом деле считать, что для нас нет проблемы темпа развития? Наоборот, к этому вопросу о темпе развития в большей степени сводится вопрос о соревновании нашей системы хозяйства и системы хозяйства капиталистического. Мы не можем идти темпом более медленным по сравнению с темпом развития капиталистической системы. Перед нами стоит задача достижения наиболее быстрого темпа, так чтобы не терять времени. Разногласие с тов. Милутиным отчасти именно и заключается в оценке того, к чему мы подошли к концу этих 9 лет. Здесь многие спрашивают, какую вы можете предложить положительную программу. Моей задачей сегодня не было развитие этой положительной программы. Задача моя заключается в том, что я хотел указать на те трудности, которые тов. Милютин обошел. Я надеюсь, что он в своем заключительном слове сумеет отрешиться от того бюрократического самодовольства, которым был проникнут его доклад о контрольных цифрах (аплодисменты).

Тов. **Струмилин**. В отличие от предыдущих ораторов, у меня нет никаких принципиальных разногласий с докладчиком. Я хотел бы только остановиться на нескольких частных моментах с целью их поправки. Прежде всего по поводу замечания о том, что мы не усвоили методов качественного анализа в нашей работе при построении контрольных цифр. Я должен сказать, что здесь было бы более уместно этот метод приурочить к другим нашим плановым работам. Я согласен с тов.

Смилгой, что это—задача генерального плана, ибо те качественные изменения, которые могут быть подмечены в течение одного года, слишком малы, слишком ничтожны для того, чтобы можно было от оценки их качества перейти к количеству и чтобы в каком-нибудь смысле можно их было измерить. Я думаю, что задачи качественной оценки той технической конструкции, вернее, реконструкции, которую мы намечаем в нашей стране, с большим правом можно было бы поставить в порядке анализа генерального плана. Других критических замечаний по поводу построения контрольных цифр докладчик не давал в настоящем, но он говорил критически о контрольных цифрах прошлого года. Указывалось на то, что все будто бы признали этот план преувеличенным. Здесь, мне кажется, докладчик сам несколько себе противоречил, потому что потом он сам же указал, что во всех вопросах, которые касаются хозяйственного базиса, в области прогноза и роста промышленности, и роста товарных масс, роста продукции сельского хозяйства и транспортной работы, мы были очень осторожны, все наши предположения оказались превзойденными жизнью. Я бы сказал, что мы были осторожны и в оценке бюджета, потому что хотя теперь выходит, что бюджет едва лишь оправдывает ту цифру 3.800.000 р., которая была намечена в контрольных цифрах Госплана, на самом деле это одна видимость, внешность. Дело в том, что наш бюджет лишь потому не превзошел первоначально намеченных нами цифр, что мы повели особо жесткую рестрикционную политику в области кредита. Мы его зажали, и вследствие этого то, что фактически поступало по бюджету и должно было поступить в кассу Наркомфина, задерживалось в кассах трестов, синдикатов и т. д. Только поэтому мы будем иметь видимый дефицит, ибо, не имея возможности кредитоваться нормальным порядком в банках, наша промышленность и торговля кредитуются ресурсами бюджета истекающего года. Вот в чем здесь суть дела.

Гораздо более правильно было бы сказать, что мы преувеличили некоторые другие цифры—в области того же кредита, в области денежного обращения, в области экспорта. Но здесь, как я уже говорил, мы рассчитывали на другую политику (более или менее правильную—это вопрос особый). Если бы мы не кредитовали промышленность за счет бюджета, то должны были бы кредитовать ее за счет кредита, кредит был бы выше, а это потребовало бы более высокой эмиссии и т. д. Все те цифры, которые оказались менее нами предположенных, при другой политике в этой области были бы, несомненно, больше и больше бы соответствовали тому экономическому базису, который был нами предугадан совершенно осторожно.

Еще одно последнее замечание по поводу тов. Милютин. Тов. Милютин ошибается и в области наших цифр капитальных вложений в промышленность. Он говорит, что первоначально они были определены нами в 1 миллиард с лишним (т. Милютин: „Это по ВСНХ“). Возможно, вы не оговорились. Предположения Госплана были с самого начала не свыше 900 млн. и ограничили цифрой 850 млн. капитальных вложений. Эти цифры оправдываются, а вовсе не оказались

невыполненными, как вы думаете. Те цифры, на которые вы ссылаетесь,—780 млн., даются без вложений в жилищное строительство промышленности. Они, примерно, составляют около 10% общего итога и входили в ту сумму 850 млн., которая была утверждена и правительством и была определена в свое время и Госпланом. Я вам скажу больше. Я думаю, что здесь оправдались не наши цифры, а даже более крупные цифры, близкие к тем, которые защищал ВСНХ. Мы не можем верить без критики тем цифрам капитальных вложений, которые даются в ВСНХ. Ни для кого не секрет, что очень изрядная доля прибыли оседает в промышленности под видом текущего ремонта. Затраты на текущий ремонт по целому ряду трестов вдвое превышают или, по крайней мере, равняются капитальному ремонту. Этот фактик, который происходит незаметно, вносит довольно существенную поправку не только в цифры капитальных вложений нынешнего года, но и в цифры прошлых лет. И это является некоторым ответом тем скептикам, которые говорят, что мы находимся исключительно в фазисе восстановительного периода, т.-е., что мы только старый капитал загружаем. Это неверно. И если мы действительно объективно анализируем все наши отчетные данные, то окажется, что мы уже довольно солидные вложения в промышленность сделали за последние 3—4 года.

Теперь бы я хотел несколько слов сказать по адресу моих товарищей по Госплану, с которыми я не совсем согласен. Здесь я отмечаю, что они оказались большими пессимистами по сравнению с докладчиком и его оптимистическими выводами на основании контрольных цифр, в отношении, скажем, роста социализации в стране и других наших достижений. Я очень рад, что наши контрольные цифры, действительно дающие все основания для оптимизма, производились под непосредственным руководством тов. Смильга. Тов. Сокольников у нас тоже стоит не в последних рядах Госплана. И я думаю, что, учитывая всю эту осторожность и тот скептицизм в отношении к возможностям строить социализм в одной стране, которые они здесь демонстрировали, никто из аудитории их не заподозрит, что они присочинили что-нибудь зря в наших контрольных цифрах во славу такого строительства социализма. А между тем факт налицо. Сколько бы мы ни спорили о возможностях такого строительства—в контрольных цифрах оно зафиксировано черным по белому. Это, товарищи, факт (апподисменты).

Сейчас одно частное замечание. Тов. Смильга говорит, что для обрисовки той черной полосы, в какую мы вступаем... (тов. Смильга с места: „Черной?“). А разве, товарищи, это не черная полоса? (Голоса с мест: „Правильно“).

Тов. Сокольников нам говорил, что мы не имеем права отставать от капиталистических стран, а тов. Смильга говорит, что в будущем году мы продвинемся вперед только на 5% (тов. Смильга: „Это факт“).

Нет, такого факта не зарегистрировано еще ни в каких контрольных цифрах. Более того, у нас имеются пятилетние планы, в частности, укажу на пятилетку ВСНХ, не касаясь черновых работ Госплана. В этой пятилетке вместо 5%, указывается 15—18%. И эта пятилетка

была построена под руководством тов. Пятакова. Пусть тов. Смилга поспорит об этом с тов. Пятаковым.

Еще одно замечание по поводу тех страхов, о которых говорил тов. Сокольников. Прежде всего, он говорил, что у государства в нужный момент не оказалось нужных резервов, в то время когда у крестьянства, смотрите, накаплиется резерв в 600 млн. пудов. Правда, перед этим тов. Смилга успел сказать, что в отношении этих резервов мы еще не возвратились к 1913 году. Неправда ли, очень богатое было у нас крестьянство при царизме! Я думаю, что даже если крестьянство в отношении уровня своего накопления будет находиться на стадии 1913 года, то тут о большом жире и о раскулачивании его говорить еще преждевременно (смех, голоса: „Это не у крестьян, а в сельском хозяйстве“), а разве сельское хозяйство у нас не крестьянское? (Аплодисменты; голоса: „Помещиков забыли“). Что касается помещиков, то у них запасов оставалось не более, чем у зажиточной семьи крестьянина.

Так вот я хотел одно только заметить. Когда тов. Сокольников говорил о том, что мы работаем без резервов, он был, конечно, глубоко прав. Конечно, резервов, в особенности таких, как золотые, необходимых для нормального развития народного хозяйства, у нас мало. Но я считаю, что это является последствием той политики, которую вел тов. Сокольников и за которую прежде всего он сам является ответственным. Почему он их не накопил? Зачем было брошено столько млн. золота черной бирже—на никчемную „интервенцию“? Я не понимаю, почему он об этом ничего не сказал (голос: „А вы указывали на это?“). Да, мы указывали и, может быть, по нашим указаниям и была прекращена эта бесплодная интервенция (голоса: „Правильно“). Я скажу больше: по-моему, совершенно не по-марксистски звучит этот тезис Сокольникова о золотой базе, на которой должно покоиться развитие и устойчивость народного хозяйства“, как говорил тов. Сокольников. Мы, марксисты, до сих пор считаем, что такой базой являются лишь производительные силы страны. Вот это основной наш резерв и основная база. Еще одно последнее замечание. Здесь тов. Смилга говорил о том, что многие из нас находятся в плену у старой — восстановительного периода — идеологии (тов. Смилга: „Правильно“). Тов. Преображенский прибавил к этому, что наши мозги не успели еще реконструироваться. Тов. Преображенский, очевидно, успел уже у себя эту реконструкцию произвести (аплодисменты). Я напоминаю вам, что та старая идеология, на которой мы строим социализм, это был ленинизм—это был революционный марксизм. И это, стало быть, его предлагают нам отбросить или „реконструировать“ (продолжительные аплодисменты).

Тов. Пятаков. Я был в высшей степени доволен тем, что президент Коммунистической Академии поставил на обсуждение именно Академии вопрос о контрольных цифрах на 1926/27 г. Контрольные цифры, подводя хозяйственные итоги за истекший хозяйственный период, констатируют то, что есть, дают пропорции на будущее и формулируют выражение в цифрах директивы насчет того, что надо

делать. К сожалению, докладчик, как это уже констатировали предшествующие ораторы, не дал нам ни анализа того, что есть, ни соответствующих перспектив будущего развития нашего хозяйства. „Восстановительная“ идеология, как правильно указал тов. Смилга, обнаружилась в докладе целиком и полностью. Нельзя критически оперировать цифрами предшествующего периода, говоря о 1926/27 г. и особенно говоря о дальнейшем будущем. Почему? Потому что мы входим в полосу, принципиально отличающуюся от предшествовавшей. Старый основной капитал исчерпан. Дальнейшее хозяйственное развитие возможно лишь на базе вновь создаваемого основного капитала. Мы вступаем в полосу нового промышленного, железнодорожного и, шире, всего хозяйственного строительства. Вся постановка хозяйственных проблем приобретает при этом совершенно иной характер. В частности, хозяйственные планы уже никоим образом нельзя рассматривать в рамках одного операционного года. Ошибка сказывается на протяжении многих лет и не может быть так быстро исправлена, как в прошлом, когда мы имели неиспользованные резервы основного капитала. То, что мы делаем в 1926/27 г. в смысле нового капитального строительства, определяет и предопределяет хозяйственное развитие многих следующих лет. То, что мы сделали в отношении капитального строительства в 1925/26 году, определяет и предопределяет хозяйственное развитие 1926/27 года и следующих лет во многих областях. Поэтому темны, которыми мы оперировали до сих пор в отношении роста продукции промышленности (65,4% и даже рост в 15% в 1926/27 г.), еще абсолютно ничего нам не говорят о том, в каком состоянии находится наша промышленность и все наше хозяйство.

До сих пор, вы знаете, основной „установкой“ было: „промышленность не забегая вперед!“ Беспокоились о том, как бы промышленность не развивалась так быстро, что продукция ее не сможет в достаточной мере поглощаться. Опасались чрезмерно быстрого развития промышленности, а теперь утешают себя тем, что она росла на 65% и на 45%. Теперь подводим итоги. Какие результаты дает эта установка? Эти итоги контрольные цифры Госплана подвели. Они говорят нам следующее: „Если в соотношении между розничными промышленными и сельскохозяйственными ценами не произойдет изменений, то товарный дефицит в предстоящем году должен определиться суммой в 500 млн. руб. против 380 млн. руб. текущего года“. Это есть центральный хозяйственный факт. Тов. Милютин правильно говорил: должно быть равновесие в хозяйстве. Абсолютно правильно. Должно быть равновесие в хозяйстве. Если его не будет, будут потрясения всей системы нашего хозяйства, а значит будут потрясения и всей нашей социальной системы. Это правильно. В чем же состоит основное нарушение равновесия в данный конкретный момент? Нарушение равновесия состоит вот в чем. В текущем году мы имели дефицит промтоваров в 380 млн. руб., а на следующий год мы проектируем дефицит в 500 млн. руб. в условиях повышенных розничных цен на промышленные товары. А ведь розничные цены на промтовары продолжают расти. В октябре 1923 года розничные надбавки соста-

влял 8%, в прошлом году—30 с лишним процентов, мы вступили в 1925/26 год с розничными надбавками порядка 40%, а сейчас они колеблются вокруг цифры 60 с лишним процентов. Розничный индекс НКФ по промышленным товарам по 40 городам падал в 1924/25 г. и рос в 1925/26 г. Вот этот индекс по кварталам:

I квартал	1924/25 г.	2,41
II	" "	2,30
III	" "	2,24
IV	" "	2,25
I	1925/26	2,47
II	" "	2,51
III	" "	2,68

(с места: „А дефицит сокращается“). Дефицит возрос с 380 до 500 млн. р. Цифру дефицита я беру из контрольных цифр Госплана, а если даже дефицит промтоваров, благодаря ухудшившимся видам на урожай и снизится, то ничего утешительного в этом нет, ибо этот аргумент означает, что вы спекулируете на ухудшении урожая. А мы говорим не о том, что если урожай будет хуже, то дефицит уменьшится, а о том, что при намечающемся урожае дефицит достигает 500 млн. р. Разумеется, если урожай будет хуже, то дефицит будет меньше, но не забывайте об условии розничных цен. Ведь в самой ненормальной высоте розничных цен уже выявляется диспропорция, притом не „историческая“ диспропорция, а, так сказать, „сверх-историческая“, т.-е. та, которая возникла у нас. Между промышленностью и сельским хозяйством было несоответствие уже и в царской России, это—бесспорно. Диспропорция царского времени уже выявляется в неправильном довоенном соотношении между промышленными и сельскохозяйственными ценами. Теперь же, сверх того, мы имеем еще высокий оптовый промышленный индекс товаров и рост розничных цен, в течение 1925/26 г., а, сверх этого, дефицит промтоваров. Отмахиваться от конкретного вопроса о росте розничных цен и дефиците промышленных товаров ссылками на „исторический“ характер диспропорции значит закрывать себе глаза на центральную проблему равновесия нашего хозяйства. Розничные цены растут, дефицит промтоваров увеличивается—это есть в одной части подведение итогов к тому, что делалось до сих пор в отношении промышленности и вокруг чего у нас шли споры.

Мы должны поставить перед собой вопрос, каким образом выправить эту диспропорцию, от чего это зависит, как пойдет в дальнейшем развитие нашего хозяйства. В настоящее время уже не приходится, пожалуй, особенно долго рассуждать для того, чтобы понять, что это целиком и полностью зависит от капитальных вложений в нашу промышленность. Ведь в этом и состоит особенность нового этапа. Тов. Милютин только подошел к центральной проблеме (и, как т. Радск с места сказал, „сел“ перед ней), к проблеме необходимого темпа развития государственной промышленности. Он спросил себя, достаточно ли обеспечение необходимого темпа развития для будущих лет в виде тех капитальных вложений в промышленность, которые прове-

дены в 1925/26 г. и намечены для 1926/1927 года. Спросил и на вопрос ответил голым утверждением—„да, достаточен“. Я ему с места задал вопрос; „Где же доказательство этой достаточности“? И на свой вопрос ответа я тоже не получил. Да на этот вопрос и нельзя получить ответа, не выходя за пределы одного операционного года. Значение капитальных работ далеко выходит за пределы одного года, ибо они обеспечивают производство будущих лет, а в целом ряде случаев постройка новой фабрики или проходка шахты требуют большего времени чем один год. Тов. Струмилин только напомнил о той пятилетке, которая составляется в ВСНХ, и не сказал нам, чему она нас учит. Эта пятилетка является единственной пятилеткой, солидно и конкретно проработанной в ВСНХ. О чем она нам говорит? Она наглядно ставит перед нами те конкретные вопросы, коренные проблемы, отговориться, отболтаться от которых невозможно, ибо они перед нами стоят в действительности и с каждым днем и с каждым годом будут вставать перед нами все с большей и большей остротой. Эта пятилетка имеет свои недостатки. Это еще далеко не план и даже еще не выправленная перспектива. Это есть сводка черновых набросков по отраслям промышленности, позволяющая уже выявить некоторые соотношения при определении необходимого темпа развития нашей промышленности. Она требует серьезных исправлений, но не в сторону снижения, а в сторону повышения. Как бы там ни было; эта пятилетка говорит вот что. Для того, чтобы в отношении душевого потребления промышленных товаров городским и сельским населением, в частности рабочим классом и крестьянством, дойти до уровня 1913 г. лишь к 30-му году, при условии, что относительная доля производства средств производства и производства средств потребления в общей массе промышленной продукции не изменится (т.-е. по сути дела никакой индустриализации мы не будем иметь), для того, чтобы достигнуть таких ничтожных результатов, нужно продукцию промышленности за эти 5 лет удвоить. А для того, чтобы удвоить продукцию промышленности за эти 5 лет, нам нужно капитальных работ произвести на сумму 6 млрд. рублей с лишним. Вот это сразу вводит нас в суть дела. Как покрываются эти 6 с лишним миллиардов рублей? Они покрываются так:

З а т р а т ы:	П о к р ы т и е:
Капитальный ремонт 0,73	Амортизационные отчисления 2,08
Переоборудование и расширение . . . 2,32	Вся чистая прибыль 3,21
Сооружение новых единиц 2,07	И т о г о . . . 5,29
Жилища для рабочих 1,03	Нехватает 0,86
В с е г о . . 6,15	В с е г о . . 6,15

Значит, для того, чтобы произвести капитальные работы, необходимые для получения тех недостаточных результатов, о которых я говорил выше, нужно сверх всех тех средств, которые образуются в самой промышленности, вложить за эти 5 лет еще 860 млн. руб. Поясню

еще, что „чистая прибыль“—это вся чистая прибыль государственной промышленности без вычета подоходного налога, без вычета той доли фонда на улучшение быта рабочих, которая идет не на жилищное строительство, и без вычета той доли резервных капиталов, которая помещается в облигации государственного займа. А эти три вычета составят за пять лет:

Подоходный налог	321 млн. р.
$\frac{1}{4}$ фонда	80 „ „
60% раз. капиталов	385 „ „

Всего . . . 786 млн. р.

Это надо принять во внимание при сравнении с бюджетом на 1925/26 и 1926/27 годы. Так, следовательно, покрываются капитальные работы. Сверх этих 860 млн. руб., нужно еще около 700 млн. для увеличения оборотного капитала самой промышленности. Следовательно, около $1\frac{1}{2}$ миллиарда рублей должно быть вложено в промышленность сверх тех средств, которые образуются в самой промышленности. Около $1\frac{1}{2}$ миллиарда руб. Прибавьте к этому еще около $\frac{1}{2}$ миллиарда рублей на электрификацию и вы получите за 5 лет сумму около 2 миллиардов рублей, т.-е., разделив на пять, получится средняя годовая в 400 млн. руб. Но эта пятилетка охватывает собой время с 1925/26 г. по 1929/30 г. Из этого пятилетия мы уже прожили 1925/26 год с недостаточным финансированием промышленности, в результате чего на остающееся четырехлетие надо затрачивать на государственную промышленность, сверх образующихся в ней средств, суммы порядка 500 млн. руб. в год. Вот где проблема, над которой надо ломать себе голову.

Я должен заметить, что этот расчет не только не может быть назван сверхиндустриалистским, но он явно недостаточен. И все же эта пятилетка говорит, что нужно в течение этих 4 лет ежегодно затрачивать на промышленность и электрификацию, сверх тех средств, которые образуются в самой промышленности, еще по 500 млн. руб. Это есть проблема, от которой т. Милютину никакими словами и арифметическими утешительными расчетами о проценте прироста промышленности за прошлые годы отговориться нельзя. Я должен оговориться, что эта цифра является преуменьшенной еще и вот по какой причине. Когда составлялись пятилетки по отраслям промышленности, сводкой коих является эта пятилетка, то принимались во внимание преимущественно те капитальные затраты, которые нужны для рассматриваемого пятилетия, и недоучитывались те, которые необходимы для развертывания продукции в следующие годы. Поэтому кривая капитальных затрат, начиная с 1927 по 1930 год, начинает снижаться. Это—явная неправильность, которая является результатом недоучета следующих после этой пятилетки лет. Если мы эту ошибку в дальнейшем исправим, то сумма капитальных затрат должна будет возрасти.

Итак, первое, что нам нужно было закрепить,—это отставание промышленности. Второе—значительность капитальных затрат и новых вложений, далеко превосходящих то, что мы сделали в 1925/26 г. и намечаем сделать в 1926/27 году. Наконец, третий вопрос, имеющий

существенное значение,—это вопрос о численности рабочих и ее возрастании. Та же пятилетка показывает, что за пять лет число промышленных рабочих при упомянутых условиях возрастет, примерно, на 500 тысяч человек, т.-е. в среднем за год промышленность будет поглощать новых 100 тысяч рабочих. В 1926/27 году, по данным контрольных цифр, численность пролетариата возрастет, примерно, на 60—70 тысяч человек (если считать по сравнению с концом 1925/26 г.) и на 150 тысяч, если сравнивать средние годовые. Параллельно с этим возрастанием численности рабочего класса идет высвобождение рабочих рук в деревне. По исследованиям Огановского мы должны считаться с необходимостью ежегодного выбрасывания из деревень рабочих рук, подлежащих поглощению городом в количестве около 500—600 тысяч человек. Контрольные цифры говорят нам, что за 1925/26 г. число лиц наемного труда по СССР возросло на 1,5 миллиона (а без с.-х. рабочих на 1,3 млн. человек), а на 1926/27 г. намечается рост в 0,5 миллиона (а без с.-х. рабочих на 0,3 млн.). В то же время, несмотря на то, что промышленность поглотила в 1925/26 г. свыше 400 тысяч, мы имеем возрастание, а не уменьшение безработицы в городах. А что мы будем иметь в следующие годы? Промышленный пролетариат будет численно расти, как мы видели, гораздо медленнее. Ведь в том случае, если капитальные затраты составят 6,1 миллиарда за 5 лет,—ежегодный прирост пролетариата составит около 100 тысяч. Это значит, что мы будем иметь избыточные руки в деревне. Это обстоятельство, с другой стороны, будет давить на смычку рабочего класса с крестьянством.

Вот эти коренные вопросы, над разрешением которых мы бьемся.

Если мы не хотим нарушить союз между рабочим классом и крестьянством, надо понять, откуда ему грозит опасность. Всякий понимает, что от смычки между рабочим классом и крестьянством зависит устойчивость диктатуры пролетариата, устойчивость всей советской системы. Об этом спорить нечего. Речь идет именно о том, как в нынешних конкретных условиях крепить союз между рабочим классом и крестьянством. Надо понять своеобразие обстановки и понять, что может нарушить союз, — это центральная проблема, от которой Вл. Павлович отвернулся. Мы находимся теперь не в условиях 1924/25 г., а в иных, и мы, партийные экономисты, должны помочь партии понять, при каких условиях теперь крепнет или слабеет союз рабочего класса и крестьянства. Товар и заработок—вот решающие звенья.

Т. Ленин еще на XI съезде сказал нам: „Если вы товар мужику не дадите, он вас выгонит вон“. Вот чему он учил нас еще в 1921 г. И если мы крестьянам товара не дадим, если мы не сумеем справиться с этой диспропорцией, именно с этой стороны будет нарушен союз рабочих с крестьянством. Товар мы должны дать в достаточном количестве, надлежащего качества и по приемлемым ценам. Если розничные цены не снизятся, если крестьянин будет получать промышленные товары по высоким розничным ценам (крестьянина интересуют не отпускные цены трестов, а розничные), мы нарушим союз рабочих и крестьян. А с другой стороны, деревенская безработица, тесно

связанная с недостаточным развитием индустрии. Сейчас промышленность отстала, и мы должны в гораздо большей степени увеличить темп ее развития. Не будем утешать себя красивой арифметикой, мы должны понять, что нужны гораздо большие капитальные затраты и вложения в промышленность, чем те, которые намечаются сейчас.

Когда я подхожу к этому выводу, мне задают вопрос, откуда взять средства.

Вопрос сложный. Если вы мне сможете доказать, что страна (не наше рабочее государство, а страна в целом) не имеет средств для более быстрого развития промышленности, тогда я спрошу вас: если добавочных средств нет, то откуда может быть диспропорция? В стране происходит изрядное накопление хлеба (до 300 м. п. в год). В деревне идет оседание денег (тоже 250—300 м. р.). Частник получает огромные средства. Наш аппарат пожирает тоже немало. Накопление и непроизводительное пожирание в стране происходит в каких-то, как выражается Госплан, „секторах“ народного хозяйства и происходит немалое. Товаров крестьянству мы не даем. А если промышленность не дает товаров, крестьянин не дает хлеба, и у крестьянина получается натуральное накопление. К этому накоплению натуральному прибавьте дополнительное накопление—денежное. Что означает этот товарный дефицит? Это значит, что накопление в стране происходит прежде всего у крестьянства, притом у какого крестьянства—у зажиточного и у кулака. Это не подлежит ни малейшему сомнению. Во-вторых, происходит безусловно быстрое накопление частного капитала. Я не буду называть цифр, так как, к сожалению, статистика не может их дать. Цифры эти спорные. Я назову цифру, примерно, 400 млн. руб. в год. Некоторые товарищи ее оспаривают. Я утверждаю, что во всяком случае мы имеем за 1925 26 год накопление частного капитала в несколько сот миллионов рублей. Не подлежит ни малейшему сомнению, что частному капиталу достается громадная разница между оптовыми и розничными ценами, которая у нас имеется (голоса: „Проедается просто“). Если это верно, что все просто проедается частным торговцем, то во всяком случае важная народно-хозяйственная задача заключается в том, чтобы это проедание уменьшить, чтобы эту разницу не пускать в карман частника, чтобы ударить по личному потреблению этого слоя и направить ее в соответствующее русло государственной промышленности. Громадные средства проедают наша бюрократическая машина. Этому способствует недостаточно рациональная организация нашего хозяйства.

Коротко говоря, при ближайшем, внимательном рассмотрении окажется, что сотни миллионов рублей идут не туда, куда надо, и в этом весь гвоздь вопроса о средствах. Сегодня мне важно не столько сказать, как эти средства взять, сколько показать, что их нужно достать и что их можно достать.

Возьмите вопрос об оптово-розничных ножницах. Надо, наконец, поставить перед собой вопрос о расхождении оптовых и розничных цен, о правильном маневрировании ценами. Тут могут быть разные технические приемы. Это не вопрос принципа. Вопрос принципа заклю-

чается в том, что если у нас розничная цена бешено растет благодаря нашим прошлым экономическим ошибкам, то мы политику снижения цен должны поставить в связь с развертыванием нашей промышленности, для чего надо часть розничных надбавок направить в русло государственного хозяйства. Раздаются голоса, которые, по моему, правильно настаивают на том, чтобы ввести специальный налог на конъюнктурную прибыль. Если ситец или другой недостаточный товар идет на розничном рынке по чрезвычайно высокой цене, введите на него временный налог для того, чтобы эту конъюнктурную разницу направить в другое русло, не в то, в которое она направляется стихийно, а в то, в которое ее нужно направить нам (с места: „Повысить цены—это вся программа?“). Вся „программа“ заключается в том, чтобы прежде всего перед партией, перед вами поставить тот вопрос, над разрешением которого должна работать вся партия, именно вопрос о перераспределении средств,—в этом заключается „программа“. Практические способы разрешения могут быть различны, но для этого нужно выяснить вопрос, а не отмахиваться от него, как это делает т. Милютин. Давайте искать пути выхода. Я вам указываю один из путей. Это введение соответствующего налога на те товары, розничные цены на которые стоят непомерно высоко. Есть еще и другие пути. Конечно, в отношении цен нужно вести политику гораздо более умную, чем мы вели до сих пор. Ведь чистоту риз мы уже запачкали, когда в начале 1925/26 года отказались от дальнейшего снижения цен. Уже этот факт показывает, что тут что-то такое неблагоприятно (с места: „А себестоимость“). Себестоимость снизилась по целому ряду товаров, и по ним можно было бы произвести снижение цен (тов. Милютин: „Сокольников иначе говорил“). По некоторым товарам, например, по сахару, мы могли бы снизить цену копейк на 70 на нуд, однако, не снизили, потому что не хотели снижать, чтобы дать дополнительные оборотные средства сахарной промышленности. То же было и по ряду других товаров. Это была политика не ВСНХ и не моя. Это была политика СТО и общая политика. (С ценами дело обстоит вовсе не так просто, как некоторые думают. Вопрос цен это самый сложный вопрос, и здесь одним „да-да“, „нет“ не отделаемся. ценами мы должны уметь маневрировать на рынке. Общий курс партии абсолютно правилен,—курс на снижение цен, но обязательно на снижение и розничных и оптовых. Если мы будем снижать оптовые цены на те товары, коих недостаточно и розничные цены на кои растут, то мы будем делать грубую ошибку; в зависимости от конкретных условий рынка мы можем и поднять те или иные оптовые цены, для того, чтобы их после снизить на основе расширения производства. Кто этого не понимает, тот абсолютно не понимает ничего. Если вы зададите мне такой простой вопрос, за повышение или за понижение, я на него вам ответить не могу, так вопросы может ставить только чужак (аплодисменты).

Второй вопрос, который имеет громадное значение. Вы знаете, что программа капитальных работ упирается отчасти в наши внутренние ресурсы, отчасти в наши валютные ресурсы. Насчет взаимоотно-

шения нашего хозяйства с мировым хозяйством здесь уже говорилось, и повторять сказанное я не буду. Скажу только об одном. Тов. Милютин утверждал, я это тоже слышал, что мы не нуждаемся в добавочных средствах—хватит того, что есть (тов. М и л ю т и н: „Этò не так“). Вы сказали это, т. Милютин, и я потребую неправоленную стенограмму для того, чтобы посмотреть. В сущности, если после нашего натиска вы откажетесь от этого, то это лучше всего,—тогда мы вместе с вами будем требовать соответствующего увеличения средств для промышленности (аплодисменты). Потому что я не знаю: одно из двух—или нам нужно или не нужно (тов. Двола й ц к и й: „Нужно усилить обложение верхушки для того, чтобы ослабить обложение остальной части“). Позвольте, мы спорим не об этом, мы спорим о том, нужны или не нужны дополнительные средства промышленности, для того, чтобы укрепить смычку рабочих и крестьян и устоявить равновесие в стране. Если вы не сомневаетесь, жму вашу руку, мы вместе будем бороться за это.

Так вот мы не только нуждаемся вообще в значительных средствах для промышленности, но мы нуждаемся в таких средствах, которые могут быть ввезены только из-за границы. Значит нам нужна валюта. Те цифры импорта оборудования, которые намечены контрольными цифрами, явно недостаточны. Пятилетка говорит о 250 млн. руб. в год, а контрольные цифры дают гораздо меньшую величину. Значит нужно увеличить импорт. А для этого нужно увеличить экспорт.

Следовательно, импортная проблема упирается в экспортную проблему, а экспортная, в свою очередь, упирается в недостаточный экспорт хлеба, который опять-таки упирается в крайний недостаток промтоваров, ибо хлеб в стране есть, а крестьянин не везет хлеба, так как не получает промтоваров. Таким образом, товарищи, вы видите, мы получили „порочный круг“: для того, чтобы расширить промышленность, нам нужно увеличить импорт оборудования из-за границы; для того, чтобы увеличить импорт оборудования, полуфабрикатов и сырья, необходимых для нашей промышленности, нам необходимо в первую голову увеличить экспорт, и в частности увеличить экспорт хлеба; для того, чтобы увеличить экспорт хлеба, нужно этот хлеб получить, т.е. против хлеба выставить товар. Тут мы и упираемся в недостаток товара. Как раз контрольные цифры и говорят о недостатке товара и о высоких розничных ценах, по которым крестьянин не будет охотно продавать своего хлеба. Следовательно, тут мы упираемся в недостаток промышленных товаров, а последний упирается в проблему капитальных работ. Всякому из вас видно, что из этого круга нам необходимо вырваться. Если вы находите, что проблема поставлена мною правильно, а методы решения, которые я рекомендую, неверны, прекрасно, в таком случае дайте другие методы, дайте другое решение этого вопроса. Если верна сама проблема, то она требует решения. Ищите решения по линии оптово-розничных цен и по линии увеличения обложения верхушки деревни (с места: „Этò не ново“). Не ново, но верно. Приходится, к сожалению, констатировать, что многие „не новые“ вещи приходится повторять все снова и снова.

Наконец, еще одна проблема, на которой я считаю должным остановиться—это проблема о том, что у нас огромные средства сосредоточены в нашей торговле. Ведь, действительно, самым слабым звеном нашего народного хозяйства сейчас являются промышленность и транспорт. Поэтому я ставлю следующий вопрос: не следует ли нам подумать о соответствующей перегруппировке наших средств, и те средства, которые находятся в торговле (они превышают миллиард рублей), направить в промышленность для того, чтобы выйти из того порочного круга, в который мы попали. Как это сделать? Я считаю, что если мы изменим соответствующие условия продажи нашими трестами кооперации и частникам, то соответствующая перегруппировка средств произойдет автоматически.

Итак, что нужно сделать для преодоления несоответствия? Надо понять прежде всего самое содержание вопроса. Это произойдет тогда, когда партия поставит перед собой эту задачу, как самую главную. Когда это произойдет, я не знаю; боюсь быть пророком—может быть и очень скоро. Если вы думаете, товарищи, что сравнением процента роста продукции промышленности и сельского хозяйства за истекшие годы или социалистических элементов и несоциалистических в период восстановительный мы хоть сколько-нибудь приблизимся к ответу на знаменитые ленинские слова: „Кто кого“, если вы думаете, что всякими репрессиями, ГПУ и пр. в один прекрасный день мы просто уничтожим частного капиталиста и этим решим проблему частного капитала, то вы этим обнаружите, что не понимаете всего конкретного своеобразия нового хозяйственного этапа.

Допустим, что частный капитал мы уничтожим, а товарный голод будет, а промышленность будет недоразвита, а диспропорция будет иметь место, а розничные цены будут расти. Что получится? У нас произойдет падение „роли“ частно-капиталистического сектора, но укрепления социализма не будет, ибо будет ослабление союза рабочих и крестьян. Товарищи, которые обвиняют нас в нарушении смычки рабочего класса с крестьянством, как будто забывают, что у нас, кроме рабочих и частных, имеются и крестьяне. Так я и говорю: „Кто кого“ зависит от того, в какой степени промышленность, наша государственная социалистическая промышленность, сможет удовлетворить нужды крестьянства. Вот эти контрольные цифры, которые мы имеем, о которых мы слышали сегодня, показывают, что если дело пойдет так дальше, то мы будем иметь не укрепление союза, а ослабление этого союза. Для того, чтобы этого не было, должна быть в корне и основательно пересмотрена наша экономическая политика. Если вы этого пересмотра не сделаете, то других контрольных цифр получить нельзя (аплодисменты).

Тов. **Дволайцкий**. Товарищи, едва ли кто-нибудь из нас сомневается в том, что необходимо приложить все усилия для увеличения накопления в области промышленности, для увеличения ее капитальных затрат. С точки зрения необходимости этого инвестирования, строго говоря, едва ли есть предел, когда речь идет о конструкции основного капитала хозяйства. При этих условиях можно сказать, что

даже расширение потребительского рынка не является пределом для инвестирования капитала в индустрию. Только после завершения определенного этапа увеличения основного капитала страны, — в особенности поскольку речь идет о тяжелой промышленности, — мы наталкиваемся на пределы расширения в рынке потребительском. Но до этого положения у нас еще очень далеко. И в этом смысле в нашу промышленность можно вложить не только то, что предлагал тов. Пятаков вчера, но в два, а, может быть, и в три раза больше.

Но весь вопрос в том, откуда взять соответствующие средства. Когда мы вчера слушали т. т. Смигу, Пятакова и Сокольников, мы все могли согласиться со многим из того, что они говорили, ибо на самом деле: кому же из нас нежелателен рост нашей промышленности и кому придет в голову говорить о том, что нашу страну не нужно индустриализировать в том размере, как они предлагают. Повторяю, вся суть в том, где источник, где средства для такой индустриализации? Не впадаем ли мы в непростительную утопию, выдвигая, как задачу дня, широчайший план индустриализации и не имея для этого необходимых средств. Ведь вопрос о темпе индустриализации, в конечном счете, есть вопрос классовый: размеры затрат на основной капитал промышленности упираются в проблему взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством. У нас забывают обычно о том обстоятельстве, что город берет с деревни не только прямые платежи в виде налогов, окладного страхования и т. д., но и огромный налог в виде переплаты на так называемых „ножницах“.

Сколько крестьянство в 1925/26 г. переплатило на промышленных изделиях по сравнению с тем, что ему пришлось бы заплатить, если бы индексе розничных цен на промышленные товары поднялся в такой же степени, как индекс крестьянских доходов? Оказывается, что крестьянство, купившее в 1925/26 г. промышленных товаров на три с лишним миллиарда рублей, переплатило 1.050 млн. руб. (тов. Пятаков: „Куда этот миллиард пошел?“).

Об этом я буду говорить. Этот вопрос можно поставить и иначе. Насколько крестьянство в прошлом году могло бы купить промышленных товаров больше того, что оно купило на затраченные им деньги, если бы розничные цены на промтовары возросли в такой же мере, как индекс крестьянских доходов? Крестьянство могло бы при этом условии купить товаров на 1.600 млн. больше того, что оно получило в 1925/26 г.

Из переплат в 1.050 млн. государственная промышленность получила 420 млн. с лишним, а частная промышленность 57 млн. руб. Остальная часть, примерно, в 566 млн., падает на торговлю: на государственный и кооперативный сектор 364 млн., на частный сектор 198 млн., и если тов. Пятаков спрашивает, каким образом мужицкие переплаты распределяются между отдельными секторами нашего хозяйства, я отвечаю, что государственно-кооперативная, общественная часть получила 800 млн., частный капитал — 250 млн. Но надо, конечно, иметь в виду, что переплаты на ножницах с понятием прибыли отнюдь не совпадают. Я должен сказать, что весь этот подсчет сделан на

основе цифр Госплана, и те данные, из которых исходили при подсчете, дают для крестьянства картину более благоприятную, чем то, что мы имеем в действительности.

Далее спрашивается, можем ли мы этим путем идти? Не должны ли мы сократить бешеные переплаты крестьянства? Этот вопрос особенно уместен по отношению к крестьянству тех районов, где производится по преимуществу хлеб и где покупательная сила этого хлеба по отношению к промышленным изделиям достигла минимального предела. Тов. Пятаков говорит, что мы должны брать с высших групп крестьянства. Наш сел.-хоз. налог построен в достаточной степени прогрессивно. Стоит только сказать, что высшие группы крестьянства уплачивают до 28—30% со всей условной части своего дохода, т.-е. валового дохода, минус семена и корм для скота. Если брать размеры налога по отношению к валовым доходам, то окажется, что крестьянское хозяйство, имеющее доход на душу в 100 руб., уплачивает 12 р. 70 к. Попробуйте вычесть из валового дохода минимальнейший экзистенциальный минимум, и вы получите тяжесть обложения в гораздо большей степени внушительную. Это не исключает возможности дальнейшего усиления прогрессии обложения. Но я считаю, что пока у нас не решен вопрос с середняком, пока мы не сделали середняка своим решительным и несомненным союзником, до тех пор такое усиление обложения, такой нажим, который мог бы нам дать что-нибудь ощутительное для индустриализации Союза, означает ослабление нашей позиции в деревне. Если бы у нас отношение с основной массой крестьянства было сейчас нормальным, чего, как вы видите из приведенных цифр, нет, тогда можно было бы говорить о дальнейшем налоговом нажиме на крупное крестьянство, но пока этого нет, середняк может оказаться в союзе с крупным крестьянством и против нас.

Кроме того, вы забываете о ряде „мелочей“. В будущем году, например, контрольные цифры предусматривают значительное увеличение паявых взносов крестьянства в кооперацию. До сих пор предельная потребительской кооперации определялся взносом в 5 руб. Теперь же этот взнос повышается до 10 руб. Госплан предполагает, что по основным видам кооперации в следующем году это даст свыше 60 млн. руб. Ведь это тоже выкачка из крестьянства.

Тов. Пятаков предложил дальше усиление обложения частной торговли. Никто из нас не сомневается в том, что это необходимо. СТО дал определенные директивы о разработке этого вопроса в срочном порядке (тов. Пятаков: „Неопределенную директиву“). По-моему, достаточно определенную. Но не следует переоценивать реальные результаты добавочного обложения частного капитала. Три четверти нашей частной торговой сети представляют из себя предприятия первого и второго разряда, т.-е. ларьки, будки, так наз. нестационарную, передвижную торговлю. Таких предприятий около 250 тыс. Если в них и происходит сколько-нибудь значительное накопление, то нам едва ли удастся его обнаружить при помощи нашего фискального аппарата. Что же касается увеличения налогового обложения высших групп частной торговли, то, конечно, эта директива будет проведена в жизнь (тов. Пятаков

с места: „А сколько это даст?“). Я думаю, что это даст нам приблизительно 20—30 млн., хотя точно не знаю. Это будет зависеть от фискального аппарата. Конечно, в капиталистических странах, где, скажем, три четверти всех предприятий находится в руках крупных торговцев, это сделать легче, чем у нас. У нас имеется 10—15 тыс. предприятий, на которые технически нетрудно произвести нажим. Но сколько это даст — я не знаю. По Пятакову накопление частной торговли составляло около 400 млн. руб. Я считаю, что оно составляло около 170 млн. р., если не считать прибыли частного промышленного капитала. Если бы ваши цифры, тов. Пятаков, были верны, то с частного капитала можно было бы взять 75—100 млн. и то в зависимости от их распределения между различными разрядами предприятий. Но в том-то и дело, что ваша цифра не выдерживает критики. Ни о каких 100 млн. здесь мечтать не приходится: цифры явно преувеличенные.

Тов. Пятаков выдвинул идею о том, что нужно произвести обложение конъюнктурных прибылей. Основным источником для этих конъюнктурных прибылей может быть признана прибыль на недостаточные товары. Но идти на такую меру значит идти на очень большой риск (с места: „Правильно“) и вот по какой причине. Вопрос о переложении налогов не изучен. Мы знаем только одно, что хуже всего перелажается прогрессивно подходящий налог. Вы попробуйте облагать крупной прибылью недостающие товары, и вы в результате, может быть, получите под'ем цен на эти товары (с места: „Правильно“). Речь идет о мануфактуре и металлических изделиях, это те самые товары, которые являются у нас недостаточными. Если бы дело касалось каких-нибудь товаров, которые имеют в нашем хозяйстве удельный вес не в 40—50% нашей торговли, а, скажем, 5%, то я сказал бы: хорошо, тов. Пятаков, такой опыт произвести можно. Если он даст отрицательный результат, мы внесем соответствующие коррективы. Но в отношении недостаточных промтоваров, составляющих на потребительском рынке чуть ли не половину всей промтоварной массы, на такой риск идти нельзя, тут надо помнить о том Дамокловом мече, который висит над нами (голоса с мест: „Правильно“). Крестьянин в своей повседневной практике производит пересчет своего хлебного и льняного рубля на текстиль, на металл, на сахар и на всякие иные товары. Это надо крепко помнить.

Что же касается предложения т. Пятакова, — освободить часть капитала из кооперативной торговли и перенести ее в промышленность с тем, чтобы, вместо кооперативного капитала, пустить в торговлю частный, — то я должен сказать, что мероприятие это чревато пагубными последствиями. Когда у нас в свое время шла речь об отвлечении частного капитала от валютных спекуляций, подрывающих нашу хозяйственную систему, я сам высказывался за то, что лучше пустить его в торговлю, чем пускать в спекуляцию золотом и валютой. Что вы здесь хотите сделать? Вы хотите ему предоставить место кооперативного капитала. Что это означает? Это означает, что вы сдаете ему, частному капиталу, деревню на поток и ограбление (голоса: „Правильно“; аплодисменты). Как бы плоха ни была наша кооперация, как бы она худо ни

торговала, несомненно, она продает крестьянину на 10, 12, а то и на 15% дешевле, чем частная торговля. Этот факт совершенно неоспоримый, об этом свидетельствуют не только разрозненные наблюдения с мест, но и сопоставления вольного бюджетного индекса с бюджетным индексом кооперативной торговли (с мест: „Это индекс города, а не сельский“). И сельский. Мы имеем наблюдение повсеместно. Всюду кооперация торгует дешевле. Это несомненный факт (голоса: „Правильно“; аплодисменты). Где вы увидите, чтобы частный торговец продавал мануфактуру по такой же цене, как кооперация? Нигде этого нет. Всюду торговля производится на 20 — 30% дороже, чем в кооперации. Я говорю, по крайней мере, на 20 — 30%. Итак, освобождение поля деятельности для частного капитала в области торговли означало бы ухудшение тех самых пропорций обмена, о которых я говорил. В особенности, тов. Пятаков, потому, что мы имеем еще недостаточные товары. В особенности потому, что цены здесь при наличии частного капитала определяются в значительной степени по принципам монополистическим. Там, где действует свободное воспроизводство, там, где вы можете расширить предложение путем расширения продукции, там действуют обыкновенные законы ценообразования, детально разработанные теорией Маркса. Но где нет свободного воспроизводства, там действуют монополистические цены, которыми пользуется частный торговец. Кооперативная и государственная торговля, т.-е. сектор регулируемой части торговли, почти не использует этих монополистических цен, а торгует, как выражался Струве, по „указным“ ценам. Я уже не говорю о том, что ослабление наших кооперативных позиций и с точки зрения широких исторических перспектив означает замедление нашего движения по направлению к социализму, потому что кооперация, даже потребительская, есть метод перенесения нашей системы производственных отношений на производственные силы, находящиеся вне сектора общественного хозяйства.

Далее, в одном мы сходимся с тов. Пятаковым совершенно решительно; это по вопросу о режиме экономии: я полагаю, при некотором напряжении сил он даст нам 200—250 млн.

Я перехожу к вопросу о коэффициентах роста нашей промышленности. Это та область, где даже экономисты питают больше всего иллюзий. Я прочту выдержку из работы одного в высшей степени уважаемого товарища, отнюдь не принадлежащего к лагерю оппозиции. Этот товарищ пишет: „Если к моменту десятилетней Октябрьской годовщины мы достигнем довоенных норм производства, то к 1931 г. наша продукция будет превосходить в 3 раза довоенную, в 1935 г. в 9 раз, а к 1939 г. в 20 раз“ (смех). И далее: „Конечно, выведенный нами закон подъема кривой хозяйственного развития нашей страны очень проблематичен, и есть основание думать, что темп этого развития несколько замедлится на первых порах, когда будут исчерпаны все старые ресурсы по восстановлению нашей промышленности. Но если ради осторожности мы даже уменьшим цифру 27 в два раза, то и тогда еще получим утешительный результат: к 1940 г. СССР раз в 15 будет богаче, чем прежняя Россия до войны“. Автор прав: вывод этот действительно

в высшей мере утешителен, но еще более утопичен. Ни тов. Пятаков, ни тов. Смилга, ни тов. Сокольников не могли сказать такую наивную вещь. Но то, о чем говорили здесь вчера, тоже глубоко утопично. Когда тов. Пятаков, анализировавший пятилетнюю гипотезу, говорил, что мы в 5 лет можем удвоить нашу промышленность, дошедшую до довоенного уровня, то это значит, что мы ставим себе задачей в продолжение 5 лет создать то, что буржуазия при посредстве иностранного капитала создала за все время своего существования. Но это значит удвоить промышленность, дошедшую до довоенных размеров и использовавшую целиком свой основной капитал. Это значит увеличить общую сумму ценностей, до сих пор накопленных промышленностью, ровно в два раза. Но это же, товарищи, утопия, нельзя же об этом серьезно говорить! Каков был темп роста нашей промышленности в довоенное время?—2,4%. С каким темпом мы будем двигаться? Будет ли это 15%? Даже тов. Струмилин, в основном мой единомышленник, вчера обмолвился, что мы в будущем сумеем подниматься на 15%. Это значит накапливать в год шестую часть того, что буржуазия создала на всем протяжении своего существования. А ведь у тов. Пятакова получается картина еще более разительная. Если бы наша промышленность развивалась таким же темпом, как промышленность до революции, тогда мы имели бы основание для тревоги. Это было бы в высокой степени печально, но мы имеем возможность развивать ее гораздо быстрее, чем это делала буржуазия, и по очень понятным причинам. Все, что шло на потребление буржуазии, на потребление большого аппарата служащих (буржуазия имела, по-моему, больший аппарат служащих, чем мы), все это пойдет у нас на расширение производства. Все наше внимание, что бы мы ни делали, о чем бы мы ни думали, сосредоточено именно на увеличении возможности индустриализации нашего хозяйства. И я думаю, что десятипроцентное расширение нашей промышленности, при достижении ею полного использования основного капитала, будет цифра отнюдь не малая. Вот, в сущности, те основные положения, которые я хотел развить.

Незачем останавливаться перед трудностями. Если т.т. Пятаков и Сокольников говорили о том, что товарищ Милютин в прошлый раз не останавливался перед трудностями, то это, конечно, дефект доклада, но не дефект его оценки контрольных цифр. Тов. Милютин, может быть, недостаточно выпукло, но многократно указывал на трудности, стоящие перед нами, ибо не указывать на них означало бы зарывать голову в песок. Трудности перед нами стоят колоссальные и в самых различных отраслях: не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в транспорте и т. д. Обо всем этом нам необходимо говорить.

Тов. Пятаков прошлый раз сказал мне: раз вы тоже за то, чтобы увеличить вложения в промышленность, то давайте вместе будем за это бороться, Тов. Пятаков, я готов за это бороться, но только до того предела, когда наши попытки по изысканию средств не натолкнутся на встречные усилия другого класса, в основной своей части нам дружественного, с которым нам приходится считаться не из-за отвлеченного народолюбия, а потому, что социальный мир сейчас является основным условием нашего строительства (аплодисменты).

Тов. **Преображенский**. Сначала по личному вопросу. Тов. Дволайцкий цитировал книжку, о которой он сказал, что автор ее является утопистом, и не пожелал назвать автора. Некоторые из присутствующих считают, что автор я. Подтверждаю, что автором этой книжки я не являюсь.

Товарищи, я начну с того, что говорил здесь тов. Дволайцкий. Он поставил вопрос следующим образом: конечно, было бы желательно обложение зажиточных слоев деревни, и, быть может, кое-что можно в этом направлении сделать, но, во-первых, очень и очень мало, а главное—это опасно, потому что эта мера немедленно отзовется на отношении к советской власти середняка. Провести более или менее основательно эту операцию нам можно будет только тогда, когда мы прочно завоюем середняка на сторону советской власти. Отвечу на это тов. Дволайцкому следующее. Когда советская власть окончательно завоеует на свою сторону середняка, то тогда мы вообще не будем вести споры подобно сегодняшним. И поэтому тов. Дволайцкий фактически высказался против добавочного обложения зажиточных элементов деревни.

Мы не должны забывать, что в настоящее время наше государственное хозяйство испытывает сильные затруднения от недостатка необходимых ему средств на капитальные затраты. Когда тов. Дволайцкий, вместо ответа, спрашивает: „А как же середняк, каковы будут его настроения?“,—он забывает, что ведь, товарищи, и мы ведем борьбу за настроение середняка, за завоевание его симпатии. Что чему предпочесть? Предпочесть ли, чтобы недовольный товарным голодом середняк соединился с верхушкой деревни и искал другую систему и другую хозяйственную политику, которые его бы удовлетворили, или пойти на добавочное обложение верхов деревни. Мы должны решить вопрос, какой путь лучше. Тот ли путь, когда мы боремся с товарным голодом, в частности и путем обложения имущих слоев деревни, и рассасываем недовольство середняка, или, наоборот, отказываемся от этого добавочного накопления и из года в год увеличиваем товарный голод в той, конечно, пропорции, в какой он будет зависеть от непроведения этой меры. Таким образом, перед нами встанет опасность недовольства середняка и его соединения с зажиточной верхушкой деревни и при теперешнем положении. Что чему предпочесть? Мы также исходим из того положения, совершенно бесспорного, подтвержденного много раз партийными съездами и всякими исследованиями, что советская власть базируется на блоке рабочего класса с большинством деревни. Если этот блок будет нарушен, при натиске мирового капитала на нас, мы не удержимся. Возвращаться к этому вопросу в его общей форме—это значит трепать вещи совершенно бесспорные. Мы ставим вопрос ближе к делу, а именно: какую конкретно форму должен принять теперь блок рабочих и крестьян? При каком конкретном отношении к различным слоям деревни может идти развертывание промышленности? Какие необходимы нам капитальные затраты, сколько и кому дать на сельскохозяйственный кредит? Вот как стоит вопрос. На этот конкретный вопрос тов. Дволайцкий ответа не дал и указал только на опасное

положение, когда середняк иступится за интересы зажиточных крестьян деревни (тов. Дволайцкий: „Нет, он сам тоже не будет доволен, будьте спокойны“). Тов. Дволайцкий, надо прямо ответить: вы за добавочное обложение верхов деревни или против? Я отвечаю прямо, что я—за. И докажу, что это можно и нужно (с места: „За какую сумму вы стоите?“). Здесь не Наркомфин, не налоговое управление Наркомфина. мы устанавливаем общую линию хозяйственной политики, надо решить, взять определенную линию или нет. Вопрос о цифрах мы будем разрешать в другом учреждении. Поэтому я устанавливаю, что тов. Дволайцкий определенного ясного ответа на вопрос не дал. Его ответ мы рассматриваем, как уклонение или уклон, если вам угодно (смех), от ответа на ясно поставленный вопрос. Далее товарищ Дволайцкий говорил о том, чтобы во всяком случае не давать на поток и разграбление частному капиталу деревню, что кооперация торгует дешевле и надо ее поддерживать. Кооперация торгует дешевле, вопрос не об этом, вопрос идет о том, можем ли мы себе позволить дальше роскошь—такое огромное количество средств, в форме товарного кредитования кооперации, снимать с производства при наличии острого товарного голода. На этот вопрос мы должны ответить. Мы не можем дальше продолжать этой политики снятия капиталов с производства. При наличии недостаточной массы товаров в стране нам невыгодно вытеснять весь целиком частный капитал из обращения. Такой период, товарищи, будет, но позже.

Сектор частного капитала в торговле, благодаря относительно меньшим издержкам оборота, торгует при наличии затоваривания или достаточного насыщения товарами дешевле, чем кооперация. Ленин говорил, что мы должны допускать капиталистические формы, чтобы они могли подстегивать наши социалистические предприятия. Идеальное положение для нас здесь такое: при достаточном количестве товаров мы имеем сектор частного капитала, который играет подсобную роль и не составляет опасности. Но в настоящий момент как обстоит дело? В настоящее время задача заключается в том, чтобы государству из года в год снимать известную сумму, которую оно вложило в кооперативную торговлю, и замещать ее частными вкладами крестьянства. Вкладами крестьянства, на которых эта кооперация работает. Теперь же мы имеем здесь совершенно ненормальное положение. Если вы возьмете цифры Госплана и другие официальные данные по вопросу о том, на чьи средства работает кооперация, обслуживающая деревню, как сельскохозяйственная, так и потребительская кооперация, вы увидите, что она работает до сих пор в основном на наши государственные средства. Средства, которые дает само население, ничтожны. В то же время в деревне мы имеем из года в год рост откладывающихся хлебных запасов и денег, имеем откладывание хлебных запасов, необходимых нам для экспорта. Можно ли возразить против того, чтобы зажиточные элементы деревни, которые пользуются нашей кооперацией, которые покупают в кооперативной лавке за счет оборотных средств государства, вложенных в кооперативную торговлю, ничем не жертвовали со своей стороны? Нет, наша программа — мобилизовать эти сред-

ства. и в этом отношении мы должны действовать гораздо энергичнее, чем теперь. Замещение государственных средств средствами крестьянства, пользующегося нашей государственной кооперацией,—это ясная программа. Кто протестует против нее, тот не понимает наших основных интересов во взаимоотношениях с крестьянством и частным хозяйством вообще (тов. Дволайцкий: „Куда что можно вложить? Какой процент со всего дохода?“). Тов. Дволайцкий, если вам угодно посвятить следующее заседание более конкретным цифрам, давайте придем: вы со своими, я со своими выкладками. Тов. Дволайцкий говорил здесь относительно того, что с деревни в настоящее время мы берем много в форме неэквивалентного обмена, что больше брать нельзя. Никто не предлагает брать больше в этой форме. Наша программа—на уменьшение этой неэквивалентности, на уменьшение цен, на сближение их с мировыми. Вопрос заключается в том, как в настоящий момент наличные средства, имеющиеся в стране, зарегистрированные всеми нашими статистическими данными, как распределить их таким образом, чтобы изживать товарный голод наиболее быстро. Я должен только сказать, что дефект вычисления тов. Дволайцкого в том, что он не сказал, в какой степени этот неэквивалентный обмен уменьшается благодаря сокращению налоговых платежей в сравнении с довоенными (тов. Дволайцкий: „Налоговые платежи меньше на 600 миллионов червонных рублей, я забыл это сказать“). Вы сказали, что переплачивают 800 миллионов, но 600 мы сбросили благодаря низвержению царизма и ликвидации аренды. Значит, деревня переплачивает двести миллионов. Это уже не так страшно. А вообще нельзя преподносить вычисления, при которых забывают сумму в 600 миллионов руб. (аплудисменты). Дальше, т.е., я перехожу к коренному вопросу. Ведь все дело в том, чтобы сделать правильную постановку в основе проблемы. Я, к сожалению, не могу заняться разбором отдельных положений т. Милютина, потому что в своем докладе т. Милютин поступался в двери очень многих и важных проблем. Но эти проблемы он рассмотрел очень бегло и совершенно недостаточно. А политические выводы, сделанные им под конец, на которые я должен сегодня ответить, эти выводы не были обоснованы его предыдущим изложением. Есть такие сооружения: если их начинаешь опрокидывать, они падают, и если начинаешь поддерживать, тоже падают. И доклад тов. Милютина, если его будут поддерживать товарищи, должен будет упасть, потому что в экономической части этого доклада он ни в коей мере не подтвердил своих политических выводов.

Вопрос об индустриализации. Что такое индустриализация? Индустриализация, во-первых, означает увеличение в общей массе продукции страны доли промышленности. В данном случае будем говорить о государственной промышленности, а не об индустрии вообще. Второе. Более быстрое увеличение занятого рабочего населения в государственной промышленности по сравнению с увеличением всего занятого населения в стране. В-третьих. Увеличение накопления в государственной промышленности более быстрое, чем в частном секторе хозяйства. И, в-четвертых, наконец, такое строение капитала государственной промышленности

ности, которое обеспечивает из года в год все более и более растущее значение производства средств производства и воспроизводства основного капитала. Вот, т.е., 4 основных пункта, на которых приходится остановиться. Как обстоит дело у нас с индустриализацией в свете этих 4 пунктов? Здесь нужно заняться не изложением своей веры, что я верю в социализм, я верю в победу и т. д.,—в это верим мы все, и рабочий класс верит не меньше нас. Если середняку мы будем говорить: „Да, мы верим в социализм“,—он скажет: „Убирайтесь к черту с вашим социализмом и с вашей верой и дайте побольше товару“. Если мы обратимся к рабочему, он скажет: „Я верю не меньше вас, но лучше управляйте хозяйством“. Дело идет о том, чтобы конкретно по всем основным вопросам ответить, как обстоит у нас дело не с точки зрения фидеизма, т.е. веры, а с точки зрения знания и фактов. Во-вторых, нужно вполне определенно наметить перспективу, уяснить себе точно, с какой стороны угрожает опасность, за какое звено, как говорил Ленин, нам нужно прежде всего уцепиться. Итак, как обстоит у нас дело с индустриализацией? Первый пункт. Доля госпромышленности в продукции всей страны увеличивается. Это факт бесспорный. Но совершенно верно и то, что истекший год, который был годом использования старого основного капитала, что этот год не показатель для процесса индустриализации. Когда мы достигнем довоенного уровня производства, когда весь старый основной капитал уже будет втянут в дело; когда расширение производства будет базироваться на создании нового основного капитала, только тогда можно будет сказать, идет ли и каким темпом идет индустриализация.

Здесь есть т.е., которые проходили „Капитал“ Маркса, которые прекрасно знают, что значит воспроизводство, когда втягивается в дело старый основной капитал и приходится накапливать только оборотный капитал и когда, наоборот, добавочное *C* надо создавать заново. В предыдущий период мы имели вовлечение старых средств производства. Мы накапливали, да и то с громадными перебоями и трудностями, оборотный капитал. Тов. Смилга правильно указал, что период, пройденный нами, относится к малым делам революции. Это верно. Великим делом можно назвать то, что наш рабочий класс с величайшим самопожертвованием и героизмом в условиях гораздо худших в смысле заработной платы, чем до войны, завершил этот процесс, в результате чего в настоящий момент мы уже находимся на пороге довоенного уровня. Этот героизм можно отнести к великим делам революции. Но в то же время, с точки зрения хозяйственной, этот период был только вовлечением старого капитала, т.е. был периодом малых хозяйственных дел революции.

Сейчас перед нами стоит основная проблема более быстрого роста доли государственной продукции в общей продукции страны. Нашим плюсом является то, что в предстоящий первый реконструктивный год продукция наша возрастет быстрее по сравнению с продукцией частного хозяйства. Теперь о вовлечении рабочей силы. Тов. Пятаков уже сказал, что в истекшем году было втянуто в крупную промышленность более 400.000 человек, а пятилетка ВСНХ, которую тов. Дволайцкий

считает утопией, предполагает вовлечь за все ближайшие пять лет всего 500.000 человек; тогда как за один только истекший год мы вытянули приблизительно это же количество. Почему же это так? Да потому, что прошлый период был периодом восстановительным и, следовательно, не характерным для нового этапа. По отношению к росту всего населения такое медленное возрастание уже будет грозным. Затем встает вопрос о соотношениях между первым и вторым подразделением, употребляя термин Маркса, т.-е. между производством средств производства и производством средств потребления. Статистика Госплана указывает, что в промышленности Америки цифры производства средств производства относятся к цифрам производства средств потребления, как 61 к 39. У нас прогресс имеется в этом направлении, но медленный, и на 1924/1925 г. соотношение равно 53 к 47, вместо довоенных 56,8 к 43,2. Перехожу к последнему вопросу о капитальных затратах. Здесь дело обстоит хуже всего. Я приведу вам цифры Госплана, которыми никто из предыдущих ораторов не пользовался. Для нас очень важен факт соотношения темпа развития частного капитала и государственного. Тов. Троцкий не раз подчеркивал, что этот факт имеет решающее значение. Мы должны не закрывать глаза на достижения нашего противника внутри и вне страны. Когда мы сравниваем темп нашего развития с развитием капитализма в мировом масштабе и частного хозяйства внутри, то здесь получается следующее: у нас имеется увеличение капиталовложения за прошлый год. Если же мы обратимся к таблице Госплана, которая сравнивает, в каком проценте увеличится капитальное вложение страны по сравнению с наличием основных фондов по частному сектору и государственному, то вы увидите такую картину. По государственному — прирост фондов в 1925/1926 г. 1.025 млн., а в 1926/1927 г. предполагается 1.235,4 млн., в частном — 626,8 млн. и 764,4 млн. Это значит, что по сравнению с истекшим годом будущий год даст увеличение основных фондов по Госсектору на 20%, по частному — на 21,9%. В абсолютных цифрах наши фонды в 1925/1926 г. — 25.816 млн., частные — 26.033 млн. Но за последние три года возрастание в частном секторе было настолько велико, что прирост, который мы будем иметь на 1926/1927 г., только частью восполнит отставание трех истекших лет (контрольные цифры, стр. 311—313 и стр. 120). Именно поэтому на этот участок наиболее серьезное внимание в своей речи обратил тов. Пятаков. На этом участке наиболее тревожно. Подводя итоги, мы видим, как обстоит дело с индустриализацией. Мы только начали ее, и самый важный пункт — пункт капитальных затрат — является наиболее слабым. Если в этом пункте мы будем отставать — значит товарный голод будем переносить с одного года на другой и накоплять его из года в год, т.-е. фактически закрывать глаза на все опасности и трудности, которые перед нами стоят, вместо того, чтобы с полным сознанием этих опасностей говорить о тех мерах, которые нужно проводить. Мы протестуем не против веры в успехи социализма, а против легкомысленного отношения к проблеме капитальных затрат. Нужно протестовать против

дешевенького детского или бюрократического оптимизма и требовать самого серьезного доказательства, что в этом направлении дело обстоит благополучно.

Теперь, товарищи, я перехожу к следующему пункту. У нас чрезвычайно неблагоприятно в области соотношения нашего хозяйства с мировым. Если вы возьмете в книжке Госплана тот отдел, который озаглавлен „СССР и мировое хозяйство“, то там вы найдете таблицу цен мировых по сравнению с средними ценами у нас (стр. 158). Возьмите таблицу, которая говорит о соотношении промышленных цен. В результате у нас дороговизна более чем на 30% (точно 29%). если брать общий индекс. Но когда мы говорим о смычке, нам приходится ставить вопрос о наших промышленных ценах. Коэффициент довоенный был таков. За границей нужно было заплатить 64 рубля. примерно, чтобы купить то количество продукции, за которое у нас надо было платить 100 руб. Соотношение 64 к 100. А теперь соотношение 42 к 100. В этом, товарищи, заключается наибольшая опасность всей ситуации. Опасность ситуации увеличивается с каждым годом, но мере роста нашей связи с мировым хозяйством. Здесь есть опасности и для всех наших планов. Мы включаемся в мировое хозяйство. Мы, товарищи, испытываем с каждым годом все больше и больше давление мировых цен. С другой стороны, в настоящее время мы имеем выделение в деревне кулацкого слоя и слоя капиталистического фермера, того зажиточного крестьянства, которое очень сильно влияет на массы деревни в смысле оценки наших отношений с мировым хозяйством. Эти слои—это унтер-офицерство капитализма. Они и понимают лучше сейчас международные экономические отношения. Как раз этот зажиточный крестьянин, который лучше обрабатывает свой надел, принимая не постоянно, а сезонно рабочую силу и т. д., уже успел сделать себя очень большим объектом внимания со стороны нашего Наркомзема. Эти элементы, товарищи, хорошо разбираются в ситуации, лучше чем середняк. От них именно идут требования крестьянского союза. во-первых, и ликвидации монополии внешней торговли, во-вторых. Не надо забывать, что в настоящий момент мы отгородились от мирового хозяйства, отгородили искусственно нашу территорию. Мы наш внутренний рынок прикрепили к нашей промышленности, которая очень дорого торгует. Вот в чем заключается опасность положения. Мы из этого положения должны постепенно выходить. Как из него выходить? С победой, а не путем капитуляции. В этом заключается в настоящий момент вся проблема. Если мы будем медлить с индустриализацией, с уменьшением товарного голода, с уменьшением разницы в ценах с мировыми, мы будем накапливать из года в год крестьянское недо-вольство, которому идеологическое выражение будут давать более культурные, более сознательные слои в деревне. Мы приближаемся к моменту, когда на эту стену, которой мы отгородились от мирового хозяйства, будет напор не только со стороны мирового капитала, что чувствуется каждый день, но и, с другой стороны, увеличится напор верхушки деревни, которая потащит за собой середняка. Эта стена может прорваться: в этом опасность для нашего существования. Когда

мы сравниваем в области цен сорок два с сотней, когда мы примем во внимание, что правящий слой пролетариата—это пять—шесть миллионов, по сравнению с 22 млн. крестьянских хозяйств, когда мы сейчас вспомним, что каждый пункт торговых договоров, о которых приходится говорить за границей, приходится отстаивать с гораздо большим трудом, чем это имело место раньше; если мы вспомним, что мы сделали восстановительный процесс сравнительно легко в обстановке, политически для нас более благоприятной, чем теперь, т.е. когда мировой капитал был полон незаживших ран от мировой войны, и нас временно оставили в покое, когда было положение, о котором говорил Ленин, что драка между капиталистическими странами дает нам возможность временно существовать, пока мы внутренне не окрепнем, когда мы это все вспомним, то нора будет подумать об особенностях новой полосы. Этот период, о котором я говорил, подходит к концу. Мы вступаем в период, когда перед нами новые трудности и когда проблема индустриализации делается проблемой нашей борьбы за существование. Вот в такой-то мировой обстановке нам приходится разрешать проблему, в том числе и ликвидировать наш товарный голод. При этом положении думать о том, что мы можем как-то разрешить все эти внутренние вопросы, не глядя на границу и на нашего основного врага, это значит не понимать самого важного в нашем положении, не понимать новой фазы нашего отношения к крестьянству. Существование СССР с каждым годом делается все более невыносимым для иностранных капиталистов. Тот, кто бывал за границей, тот знает изменение в отношении капиталистов к нам. Вот в какой обстановке нам приходится разрешать проблему индустриализации. Отсюда и вопрос о темпе. Здесь не приходится говорить, что черепашьим шагом мы построим социализм. Это глуповский подход к делу, это глуповская теория нашего развития (аплодисменты). Серьезность положения обязывает нас к чрезвычайно большой решительности в области экономической политики. Спокойного чаепития мы не можем себе позволить в теперешней стадии революции. Нам этого не дают наши враги. Надо помнить, что мы вступаем в период больших трудностей (с места: „Хотите делать глупости“). Вопрос относительно того, делать или не делать глупости, к этому и сводится весь наш спор. Делать меньше глупостей? Правильно! Но если бы произвели объективную регистрацию произведений глупостей это была бы очень интересная регистрация. Но я, т.т., весьма сомневаюсь, как при этом подсчете активный баланс глупостей не оказался на стороне наших противников в сегодняшнем споре! (Дволайцкий и: „Разве 10% роста—это черепаший шаг?“). Тов. Дволайцкий, что вы пристаёте ко мне с цифрами? Нам прежде всего надо эти 10% себе обеспечить. А вы знаете, ведь, пятилетку ВСНХ, что она доказывает? Если мы удвоим производство через пять лет, то при этом вложения через бюджет должны будут равняться 400 млн. руб. в год, а не 107 млн., как проектируется на будущий год. 107 млн.,— это активный баланс промышленности по бюджету. Если вычесть то, что промышленность платит государству, это есть тот чистоган, который промышленность должна получить. Вы видите, что даже по данным этой пятилетки,

которая очень мало дает в смысле борьбы с товарным голодом. мы должны получить на промышленность из бюджета 400 млн. Это значит, что уже с 1926 г. мы напомним огромный дефицит по капитальным затратам. А что дает пятилетка в смысле борьбы с товарным голодом? На этот вопрос она отвечает таким образом, что мы еле перешагнем довоенную душевую норму потребления. По тов. Дволайцкому — и эта пятилетка — утопия. Вот какой реализм! Но почему так мало возрастет фонд потребления? Потому, что у нас производство средств производства должно расти с большей быстротой, чем производство для потребления, потому что мы все больше должны делать капитальных затрат, потому что импорт меньше, население больше. Каждый знает, что такое расширенное воспроизводство по Марксу. Увеличение продукции с 9 тысяч или миллиардов, которые фигурируют в схемах Маркса. до 10—11 тысяч они требуют огромного роста производства средств производства даже при том же уровне техники, а значить и еще более быстрого при улучшении техники. По пятилетке ВСНХ, которую тов. Дволайцкий называет утопической, мы имеем в смысле увеличения потребления очень малый прогресс. Тов. Дволайцкий спрашивает: является ли цифра, указанная там, черепашьим или быстрым шагом.

Я не знаю, я считаю, что на этот вопрос должен ответить сам потребитель и прежде всего рабочий класс; пусть он ответит. является ли для него черепашьим или быстрым темпом то, что через 5 лет (считая истекший год) в смысле увеличения своего потребления промтоваров он будет стоять немного выше, чем на довоенном уровне.

Следовательно, вопрос с индустриализацией стоит несравненно серьезнее, чем это пытались здесь представить товарищи, защищавшие то положение, что все у нас более или менее благополучно обстоит. и все то, что можно было сделать, мы уже сделали.

На стр. 124—125 контрольных цифр Госплана вы найдете, что Госплан пытался подсчитать расчетный баланс между городом и деревней, как он выглядел в прошлом году и как будет выглядеть в будущем. Каков этот расчетный баланс? Читаем: „Разность между суммой доходов и суммой расходов дает сальдо, которое должно было бы определить размеры денежного накопления в деревне.

Построенный нами баланс (см. табл. № 1) определяет это сальдо и непрерывно повышающейся от года к году цифре порядка от 180 до 260 млн. руб. Неуклонный рост этого балансового остатка является показателем нарастания недостатка товаров“.

Таким образом, вы видите, т.е., отсюда то накопление, которое создается в верхних слоях деревни и которое не поступает в наши сберегательные кассы. Это объясняется тем, что в смысле перераспределения национального дохода здесь произошло, выражаясь мягко, недоразумение, что здесь мы сделали какую-то ошибку. При капитализме это было бы исправлено стихийным путем. Допустим, при капитализме нехватает промышленных товаров. Это значит, что цена на них растет, растут отпускные цены фабрик и заводов, при чем розница может и не возрастать. Увеличились бы цены на промышленные изделия до отказа, и начался бы отлив капитала в промышленность.

увеличилась бы доля промышленности, которая требует из всего национального дохода новых затрат на расширение имеющихся предприятий. и самым фактом такого перераспределения было бы достигнуто удовлетворение этого возросшего спроса.

В настоящее время у нас происходит увеличение розничных цен на промышленные изделия. Но ведь только мы, государственная национализированная промышленность, только мы одни можем осуществить то самое расширение, которое может внести правильное соотношение во все стороны хозяйственной жизни страны.

Нужно покрывать дефицит на товары путем увеличения производства. А мы этого не делаем в нужной мере. А поскольку мы этого не делаем, мы сами являемся фактором увеличения товарного голода. На том самом месте, где закон ценности стихийно привел бы к перекачке средств в промышленность, сидим мы сами и не проводим плановым порядком перераспределения национального дохода, мы являемся тормозом необходимого перераспределения. В результате мы живем в состоянии растущего товарного голода. В этом году мы имеем на 380 млн. руб. товарного дефицита, на будущий год цифры Госплана предсказывают 500 млн. руб. дефицита. А что будет означать это для роста розничных цен? Раз будет такой дефицит, то будет ухудшение и в области ценностных отношений. Поэтому понятна и наша тревога в этом вопросе. Всякая система существует постольку, поскольку удовлетворяется минимум общественных потребностей. Если эта система не удовлетворяет минимума потребностей, если мы будем иметь систематическое недопроизводство и недостаточное удовлетворение платежеспособного спроса, это может повлиять на настроение масс и может привести к тому, о чем нас предупреждал не раз тов. Ленин: масса начнет думать о системе более выгодной, которая лучше удовлетворит ее потребности. В этом величайшая опасность и отсюда наша тревога за размеры капитальных затрат. Для того, чтобы мы не были сброшены, мы прежде всего должны стремиться к тому, чтобы, отгородившись от мирового закона ценности, как можно быстрее преодолеть разницу в ценах с мировыми. Если эта плотина будет прорвана вследствие медленного хода индустриализации, если монополия внешней торговли будет прорвана, мы включимся в мировое хозяйство отнюдь не на основе планового импорта, как теперь, и в этом случае наша тяжелая промышленность на $\frac{3}{4}$ будет ликвидирована. Вот почему мы ставим все эти проблемы.

Теперь, товарищи, разрешите мне перейти к вопросу о том, что нужно делать. Я на этот вопрос отчасти ответил. Но сначала процитирую, что очень удачно сказано в контрольных цифрах Госплана. Здесь сказано следующее: „Совершенные ошибки в области экономической политики потом часто превращаются в экономическую необходимость“ (стр. 9).

И вот, товарищи, поскольку совершенные ошибки уже превратились в экономическую необходимость, лекарства вы от нас не просите. Дело теперь в том, чтобы отчасти поправить последствия совершенных ошибок. Что можно сделать при конъюнктуре, которая создавалась? На это приходится сказать так: согласимся на первый пункт,

на первый основной, что уровень индустриализации, если сравнить соотношение наших цен с мировыми и учесть накопление недовольства на почве товарного голода и цен, что уровень индустриализации недостаточен. Это первое положение. Того, кто будет говорить, что темп индустриализации достаточен, нужно прогнать с собрания, как болтуна (смех). При наличии недостаточности индустриализации какие мы можем найти средства и в каких направлениях их искать? На этот вопрос мы даем следующий ответ: 1) иного составления бюджета на будущий год, иного, чем он составлялся раньше, с тем, чтобы то, что необходимо для капитальных затрат промышленности по плану, выработанному не на год (потому что наше хозяйство переросло этот способ выработки), а на пять лет, чтобы эти средства были обеспечены промышленности в первую голову. В первую голову—промышленность и после этого на все остальное. Вот какой подход нужен к нашему бюджету со стороны социалистического государства. Иной подход—нечеловеческий. Он противоречит всей ситуации, в которой мы находимся. Это значило бы плыть по течению. Когда ведомства требуют определенных сумм себе в первую голову и говорят, что иначе гибель, поддаваться на это нельзя. Так невозможно составлять теперь бюджет. Бюджет должен составляться таким образом, чтобы нужды промышленности на капитальные затраты составляли первый параграф расходной части бюджета. Мы в этом отношении уже упустили порядочно времени. Я не говорю, что можно это поправить на протяжении полугода. Надо взять курс на ряд лет. 400 млн. руб., согласно пятилетки ВСНХ,—это минимум в смысле бюджетных ассигнований на новое строительство. Итак: максимум того, что может дать государственный бюджет на капитальные затраты, это первое. Второе: увеличение обложения зажиточных элементов деревни, растущего по мере роста доходов этих слоев. Кто будет говорить против этого по соображениям принципиальным? Никто не будет говорить, а если будет говорить, он просто будет забывать, на каком собрании и в какой ситуации он говорит. Это положение является также бесспорным, принципиально говоря, т.-е. говоря не о цифрах, а об общей политике. Мы знаем, что капиталистическое накопление в деревне развивается, что это есть результат слабого воздействия нашей государственной промышленности на сельское хозяйство, результат слабого производственного кооперирования бедноты. Это значит, что нить экономического развития верхних слоев нашей деревни по пути создания слоя капиталистического фермерства, прерванная революцией,—эта нить историей снова взята и плетется. И поскольку развитие в этом направлении, т.-е. по пути не нашему, не коллективному, пока явно преобладает, наша задача заключается в том, чтобы капиталистическое накопление в возможных пределах превращать в социалистическое накопление. Это то, что между прочим признавал необходимым проводить Ленин, когда писал, что нужно ограничить эксплуататорские тенденции этих зажиточных кулацких элементов и пополнять наш фонд за счет их накопления. Нам надо осуществлять эту программу систематически, на основании продуманного плана. Мы пока не можем ликвидировать капиталистическое накопление в деревне, нам остается его ограничивать, но мы ни на минуту не

должны забывать, что элементы, которые сейчас улучшают хозяйство на капиталистической основе, элементы, которые нам классово враждебны, они будут нас стараться сбросить в благоприятный момент, а не вратать в социализм. Они будут пытаться нас сбросить, как говорит Ленин, они мечтают о Кавеньяках и Галиффе, как это мы видели в аналогичных случаях в Западной Европе. Мы это знаем, это наши противники. Мы не можем пока заместить этот тип развития деревни нашим социалистическим типом, но мы должны в пределах возможного выжать максимум для промышленности. Против этого нельзя возражать. Таким образом это совершенно бесспорно. Тов. Дволайцкий спрашивает, какие цифры обложения? Давайте засядем и подсчитаем. при чем в ваш подсчет процента обложения зажиточных слоев, я в него не верю. Этот слой—наибольший мастак скрывать свои доходы. Что нам даст эта мера? Если она нам даст лишних 50 миллионов в год, с дальнейшим увеличением, я вам покажу, что будут означать эти цифры для нашей промышленности через пять лет. 3-й пункт. Постепенное снятие оборотного капитала промышленности из кооперации и замещение его крестьянским капиталом. Здесь есть трудности. Они заключаются в том, что зажиточный крестьянин не желает идти в нашу кооперацию, поскольку она—не его. Он без кооперации обходится. Трудности заключаются в том, что те слои, которые в кооперации нуждаются, средств больших не имеют, а те, которые имеют средства, не идут в нее, но покупают в кооперативной лавке. Следовательно, эти слои нужно заставить платить за услуги кооперации. А что касается накопления середняка, то главным образом надо стараться, чтобы это накопление шло по кооперативному руслу и чтобы здесь главным образом происходило замещение государственного капитала капиталом самих середняцких хозяйств. Таким образом, мы можем получить из этого источника, я не знаю сколько, да плюс борьба с бесхозяйственностью в кооперации. Кооперация у нас не является ни государственной, ни общественной, ни общество ее не контролирует, ни государство не контролирует,—она находится в таком положении, когда больше всего расцветают цветы накладных расходов. В этом отношении предстоит борьба. Мы можем выжать этим путем для промышленности десятки миллионов.

Третий источник—нажим на частный капитал. Тов. Дволайцкий выступал здесь и говорил, что наше обложение частник переложит на потребителя. Есть перелажаемые налоги, т. Дволайцкий, но есть и неперелагаемые. Если кто из присутствующих назовет меры, которые дадут нам срезывания этой прибыли, и притом без всякой опасности для потребителя, то каждый под этим подпишется. Мы не имеем определенной линии по отношению к частному капиталу, поскольку дело касается срезания конъюнктурной прибыли. Налоговый нажим НКФ будет проведен, но этого недостаточно. Поэтому надо искать еще и другого подхода к этому вопросу. Вы говорите: брать с кулака—опасно по отношению к среднему крестьянству, нажать на частника—он переложит на потребителя. Что же делать? Топтаться на месте и лавировать, потом делать уступки мелкой буржуазии, а затем капитулировать перед ее

нанором. пот что я считаю. тов. Дволайцкий, *memento mori* для советской власти! (Аплодисменты).

(Тов. Дволайцкий с места: „Ведь разрабатывается же законопроект об увеличении обложения частного капитала“?).

Я считаю, что этот проект, если он будет проводиться в жизнь, даст нам 20—30 млн. рублей. Но ведь нельзя забывать того факта. Что за прошлый год частный капитал собрал жатву в 300—400 млн.

Теперь о режиме экономии. Вернее, об ошибках нашего руководства. Прежде всего здесь обязательна для нас экономия, которая даст десятки миллионов. Не только от рабочего, служащего и от хозяйственников надо требовать экономии. Режим экономии может дать нам значительные суммы, по мнению тов. Дволайцкого, — даже до 300 млн., что явно преувеличено. Но во всяком случае некоторые суммы у нас будут.

Перейду теперь к нашим капитальным затратам. Сейчас мы стоим перед такой фазой нашего хозяйственного развития, когда нам необходимо строить новые фабрики и заводы, создающие новую базу для промышленности. На следующий год у нас ассигновано на совершенно новое строительство немногим более 100 млн. руб. У нас ощущается сильный чугунный голод. Я наводил справки о трех металлургических заводах, постройка которых является насущной необходимостью, так как она поможет нам изжить ощущаемый страной недостаток чугуна. Как же обстоит в этом отношении дело? Оказывается, что строительство этих заводов в нынешнем году не начиналось даже. Средства на них не ассигнованы. В этом и в ближайшие годы мы будем ощущать чугунный голод. Когда мы говорим о 200—300 млн. на капитальное строительство, это кажется пустяком по отношению к нашему бюджету, в то время как в отношении капитальных затрат, разрешающих проблему металла, у нас воз не сдвинулся с места из-за нехватки 30 млн. на данный год. Между тем, при наличии чугунного голода, нам придется в условиях недостатка валюты ввозить чугун из-за границы.

Те мероприятия, которые мы предлагаем, требуют известной борьбы, классовой борьбы, во-первых, с верхушкой деревни, которую мы хотим обложить. Нам на это нужно решиться раньше, чем эти элементы станут сильнее политически. Точно так же нам надо решиться на борьбу с частным капиталом, прилагая при этом максимум изворотливости и маневрирования. Если мы не решимся на предлагаемые нами и другие нужные меры, мы пойдем по линии наименьшего сопротивления, иначе говоря, по линии инфляции. Соблазн будет очень большой, при нехватках по бюджету и при всех других недостатках, которые у нас имеются, прибегнуть к этому источнику. Надо категорически сказать, что инфляции места нет и не может быть, что инфляция для нас означает политику налога на зарплату, это, во-первых, во-вторых, в наших условиях инфляция означает потрясение всей нашей хозяйственной системы в целом. Это будет означать, что мы, вместо реальной борьбы с трудностями и, в частности, с теми накапливающимися слоями в деревне, которые срывают нашу экспортную политику, мы, вместо этой борьбы, вступаем на путь наименьшего сопротивления, прибегая к мере, в 10 раз более опасной.

Теперь последний вопрос относительно строительства социализма в одной стране. Я не знаю, товарищи: почему тов. Милютин поднял этот вопрос, и каким образом он вытекает из контрольных цифр Госплана. Но если ему угодно было затронуть этот вопрос, то разрешите остановиться в заключение на нем. Если у нас есть армия и в ней главнокомандующий и генеральный штаб перед битвой говорят солдатам о том, что, может быть, они победят, может быть, и нет, то такого командующего нужно минимум снять с командования, а может быть, и расстрелять. Другое дело — в штабе обсуждать трудности победы и возможности поражения, что для нас и допустимо и необходимо. Но ведь только об этом и идет речь. Это не значит перед массами, которые должны строить, сеять такие же сомнения, как среди солдат перед битвой. Мы не должны закрывать глаз перед теми трудностями, которые стоят перед нами при строительстве социализма, на практике же действовать так, как если бы победа была обеспечена на все 100%. При такой постановке вопроса отмечается вся эта проблема: каждый из нас прекрасно знает, что мы должны строить социализм, строим и будем строить. Мы должны только знать, что долго нам строить не дадут. Против нас возможен натиск зажиточного крестьянства, соединенного с мировым капиталом, который перейдет в наступление и хозяйственное и военно-политическое. Мы только при этом должны помнить: опасность, угрожающая нам, большая, большая! Строим мы социализм в какой обстановке? В такой, что строительство всегда может быть прервано враждующими силами. Следовательно, мы строим социализм в одной стране в определенный исторический этап и в ожидании поддержки пролетариата всего мира (аплудисменты). В том, что говорил тов. Сокольников, я никакого противоречия с тем, что я сказал, не заметил. Мы строим теперь социализм в обстановке передышки между двумя боями. Кто этого не понимает, того я отношу к жителям города Глухова (аплудисменты). Наше строительство есть строительство между двумя боями, и это должно определять нашу общую политику, нашу экономическую политику, политику Коминтерна. Есть такие, которые не понимают этого. А те, которые это понимают, те иначе подходят к каждой проблеме, подходят с точки зрения того, что мы живем перед новым боем и что нам надо скорее увязаться в борьбе за осуществление социализма, по крайней мере, с решающими странами Запада. Надо промежутком времени, пока мы существуем изолированно, рассматривать, как подготовительный к новым боям. Это должно накладываться печать на каждый вопрос. Разве вы не понимаете столь элементарной вещи, что когда мы строим в нашей стране социализм и рассуждаем, что будем строить, может быть, 30, может быть, 40, а то и все 50 лет, стоит ли из-за ссоры с зажиточным на 9 году диктатуры подвергать опасности все дело стройки? Построим в пять лет раньше, на 5 лет позже — разница небольшая. Вот когда с такой психологией строят социализм, я скажу: с такой психологией можно погубить советскую власть, это надо понять, наконец, товарищи! (Аплудисменты). Мы должны знать, что переживаем известный исторический промежуток, который история нам ассигновала и который

отделяет один великий Октябрьский бой и нашу гражданскую войну от другого гораздо большего и гораздо более решительного для судеб рабочего класса боя. Кто ко всем проблемам подходит под этим углом зрения, тот иначе будет рассуждать по многим вопросам, чем рассуждали тут с таким прохладцем.

В заключение: когда я здесь бросил реплику с места насчет реконструкции мозгов применительно к реконструкции нашей промышленности, товарищ Струмилин сделал мне замечание с этой трибуны: „Не предлагаете ли вы реконструкции ленинизма“ (с места: „Правильно“). Во-первых, я очень удивлен, что ленинистом выступает с этой трибуны тов. Струмилин (голоса: „Правильно“; аплодисменты). Удивлен и обрадован потому, что, на крайней мере, на протяжении лет 15-ти тов. Струмилина мы в наших рядах не видали. Что мы ожидали от тов. Струмилина и вся собравшаяся аудитория, чего она ожидала от него? Она ждала, что он, как работник Госплана, придет и скажет, в чем он не согласен с выступавшими ораторами по кардинальным вопросам, которые здесь были затронуты с этой трибуны. А он, вместо этого, занялся доказательством того, что он верит, он занялся доказательством того, что есть иные малoverы. Разве этого хотели от тов. Струмилина? Разве я, состоящий 22 года в большевистской партии, нуждаюсь в напоминании о ленинизме именно от тов. Струмилина? А что касается реконструкции мозгов, то это вещь абсолютно необходимая. Мы, т.е., вступили в новый период. Без этой реконструкции мозгов реконструкция нашего хозяйства будет идти медленнее, чем это обеспечивают объективные возможности, заложенные в нашей системе. И рассматриваю наше собрание в Академии, как попытку коллективным разумом всех членов партии продумать этот новый период. Он грозит нам, с одной стороны, огромными опасностями. Но в то же время та победа, которая может быть одержана в этом втором бою, на более широкой арене, чем наша страна, будет решающей победой для судеб человечества. Я считаю, что нам нужно выдвинуть в течение сегодняшней дискуссии основные проблемы нового периода нашего хозяйства, и на них надо сосредоточить внимание, отбросив политические выпады и вылазки (с места: „Правильно“), кроме тех, которые вытекают из самого материала обсуждения. В частности на политические выпады против меня я отвечу не здесь, а в другом месте.

Тов. Кравель. Товарищи, тов. Преображенский впервые сегодня после очень больших выступлений и тов. Пятакова и тов. Смилги, не внесших конкретных предложений о том, что нам нужно предпринять в системе наших экономических мероприятий, попытался внести некоторые конкретные экономические мероприятия, которые должны, по его мнению, ускорить темп индустриализации нашей страны. Первое и основное, по его мнению, сводится в первую очередь к новому обложению крестьянства (он это очень осторожно сформулировал), к обложению его верхушечной части. Вопрос этот является, по его мнению, центральной частью наших экономических мероприятий в настоящее время, потому что темп развертывания нашей госпромышленности сейчас в большей степени, чем даже в предыдущие годы, отстал от

темпа поднятия нашего сельского хозяйства. Между тем, главнейшим лимитом в развертывании нашей крупной государственной промышленности сейчас является не только отсутствие значительных фондов основного капитала, которые можно было бы пустить в оборот, но также, а это, пожалуй, и не менее важно, отсутствие сырья, необходимого нашей госпромышленности. Наша текстильная промышленность не может развернуться в сколько-нибудь значительных размерах, ибо она наталкивается на недостаточность производства хлопка внутри страны и ограниченность импортных возможностей. В свою очередь по этим же причинам не могут также развернуться в достаточной мере кожевенная и шерстяная промышленность, а также и целый ряд других отраслей нашей промышленности. Это объясняется отсутствием у нас достаточного количества сельскохозяйственного сырья. Поэтому я считаю, что усиление обложения крестьянства означало бы собою сокращение наших сырьевых возможностей и прежде всего означало бы сокращение возможности развертывания тех отраслей нашей госпромышленности, в которых мы еще имеем некоторый неиспользованный еще фонд основного капитала. Все выступавшие здесь оппозиционно настроенные товарищи указывали на то, что нельзя при намерении перспективы следующего хозяйственного года исходить из того, что мы имели в предыдущие годы, подчеркивая, что предыдущие годы были годами восстановления на основе имеющегося основного капитала. Нам предстоит строить все заново — это верно, что строить будет гораздо трудней, чем до сих пор, — это тоже верно, но вся суть заключается в том, какие конкретные мероприятия предлагаются для ускорения темпа нашей крупной промышленности. Это должно определить все. Поэтому те предложения об усилении обложения крестьянства, которые внес здесь тов. Преображенский, неприемлемы, ибо они приводят неизбежно к сокращению сырьевой базы промышленности и тем самым явятся тормозом при развертывании последней. Вторым предложением и тов. Пятакова и тов. Преображенского было предложение об изъятии из нашего товарооборота (государственной и кооперативной торговли) средств, которые можно было бы бросить на капитальные работы и на усиление оборотных капиталов в нашей государственной промышленности. И тов. Преображенский и тов. Пятаков очень хорошо знают, что торговля при современных условиях является гораздо более рентабельной, чем производство промышленных изделий, и пуск частного капитала в значительных размерах в торговлю означал бы усиление накопления в частно-капиталистическом секторе. Партия до сих пор успешно держала курс на сокращение накопления в частно-капиталистическом секторе и держала его успешно. Как в товарообороте, так и в промышленности политика нашего правительства привела к тому, что удельный вес частного капитала в оптовой торговле за период с 1923/24 по 1925/26 г.г. снизился с 21,8% до 9,4%, а в розничной — с 41% до 24%. Мы взяли курс на снижение доли участия частного капитала как в промышленности, так и в товарообороте. Этот курс до настоящего времени систематически и небезуспешно проводился, тем самым ограничивая возможности накопления у част-

ного капитала. Сейчас предлагают изъять средства из нашей государственной и кооперативной торговли, а поскольку их место займет частный капитал, тем самым темп накопления частного должен будет в значительной степени усиливаться. Нам думается, что это предложение, как предложение, способствующее накоплению не в нашем государственном секторе, а частно-капиталистическом, является неприемлемым. Сила частного капитала, по удачному выражению т. Дзержинского, заключается в слабости нашей кооперации. Ослабление нашей кооперации означает укрепление частно-капиталистических позиций в нашем товарообороте. Это предложение укрепления капиталистических тенденций в нашем товарообороте является неприемлемым для нас, ибо здесь для частного капитала была бы возможность накопления гораздо больше, чем в том случае, если мы пустили бы частный капитал в нашу промышленность. Именно поэтому эти предложения об изъятии капитала являются неприемлемыми. Теперь относительно предложения сбережений крестьянства в нашу кооперацию. Великолепное предложение! Только вы опоздали с ним, так как оно было принято ЦК нашей партии задолго до составления контрольных цифр, а нам остается только продолжить проведение в жизнь уже принятого решения (тов. Преображенский: «А что сделано в смысле проведения?»). Товарищ Преображенский, если вы возьмете и проанализируете ту часть кооперативного капитала, которая состоит из средств, вложенных крестьянством, и из средств, которые вкладывает наше государство, вы увидите, что мы имеем из квартала в квартал рост средств, вкладываемых в нашу кооперацию за счет вовлечения крестьянских сбережений. Цитат из контрольных цифр приводить не буду в расчете, что и эта часть контрольных цифр тов. Преображенскому известна. Но нельзя эти сбережения получить в нашу кооперацию простым административным нажимом (с места: «Правильно»). Что вы предлагали конкретно для вовлечения этих крестьянских сбережений? Ни одного конкретного предложения ни вам, ни вашими единомышленниками не было сделано (аплодисменты). Товарищ Преображенский дал характеристику того, что нужно понимать под индустриализацией, но если он начнет с точки зрения его собственной характеристики анализировать то, что мы имели в предыдущем году, то он увидит, что мы имели все элементы, из которых, по его мнению, состоит индустриализация. Мы имели значительный рост удельного веса нашей государственной промышленности, имели очень значительный рост (в последнем году 27%) прироста рабочих в нашу крупную государственную промышленность, мы имели накопление в нашем государственном секторе значительно большее, чем в частном секторе (Преображенский: «Это восстановительный период, вы не понимаете азбуки»). Что это восстановительный период—верно, но именно потому, что предстоит труднейший хозяйственный год. Госплан при наметке своих контрольных цифр должен был полностью выполнить директивы правительства, проведение которых должно усилить развитие промышленности и транспорта. И когда тов. Преображенский согласился с тем, что Госплан прав, говоря, что совершенные ошибки в области эконо-

мической политики превращаются в экономическую необходимость. тов. Преображенский не учел, что Госпланом директивы правительства об индустриализации, сокращении адм.-управл. расходов, обложения частного капитала, относительно усиления удельного веса расходов на промышленность и ряд других не выполнен (см. соответствующее постановление СТО).

(Председатель просит сократить речь).

Я вынужден остановиться на целом ряде ошибок, которые были допущены т. Преображенским. Прежде всего относительно того, что потребления размеров довоенного уровня мы достигнем, примерно, в 1930 г. Но т. Преображенский сегодня говорил о том, что мы в смысле производства достигли сейчас довоенного уровня. Если тов. Преображенский посмотрит контрольные цифры Госплана, то увидит в этих цифрах, что количество населения у нас сейчас на 1% больше, чем было в довоенное время. Соотношение между производством легкой индустрии и тяжелой индустрии сейчас еще не в пользу преобладания тяжелой индустрии. Легкая индустрия развивалась в первые годы больше, чем тяжелая. Довоенное производство при довоенном количестве населения и при почти довоенных соотношениях в производстве тяжелой и легкой индустрии, — они говорят, что в смысле потребления мы сейчас, примерно, на уровне довоенном, если исходить из современных границ нашего СССР. Когда вы говорите, что мы достигнем только в 1930 году довоенного уровня потребления, то вы здесь делаете ту ошибку, которую делает целый ряд товарищей, указывающих, что население у нас сейчас, примерно, на 20% выше того количества населения, которое было в довоенное время. Данные пятилетки ВСНХ никакой критике никем еще не подвергались, так как нигде эта пятилетка пока не опубликована, поэтому мы пользуемся не цифрами пятилетки, а цифрами комиссии Госплана, которой руководил тов. Смилга, не очень большой защитник линии правительства, поэтому здесь ошибка в сторону улучшения положения против фактического — сомнительна. В каждой очень крупной работе были и будут ошибки, и в этой работе есть целый ряд ошибок, но такие ошибки, по которым количество населения было бы на 20% выше, государственная общенациональная комиссия не могла допустить.

Тов. Преображенский, вы говорите, что скажет рабочий класс, если вы ему предложите удовлетворение потребностей в довоенном размере, примерно, через пять лет. Вам, тов. Преображенский, известно, что имеется в контрольных цифрах Госплана, что если в довоенное время доход лиц наемного труда составлял 22% от общенационального расхода, то сейчас он составляет 29% (см. стр. 214). Сейчас мы имеем всяких начислений и накладных расходов на зарплату свыше 450 млн. руб. Сейчас, по июльским данным, мы имеем довоенный уровень заработной платы в среднем по всей промышленности без каких-либо начислений. А вот вы говорите о 80—85% от довоенной и распределяете эту ложь по нашим предприятиям в шпаргалках с „цифрами и фактами“, где заведомо обеляется то положение, которое было при капитализме, и замазывается теперешнее фактическое положение (бури).

аппод.). Если вы возьмете заработную плату без начислений, эта заработная плата сейчас в среднем по всей промышленности подошла к довоенным размерам. А те данные, которые опубликованы в этой книжке, что процент национального дохода трудящихся увеличился с 22% до 29%, они говорят о том, что вы прикрашиваете довоенные отношения и замазываете теперешнее действительное положение. Мы не являемся сторонниками замазывания теперешнего фактического положения, но мы не являемся сторонниками и того, чтобы по каждому поводу кричать, что у нас абсолютно неблагополучно, даже в случае имеющихся несомненных успехов и достижений. Когда вы говорите о том, что мы по вопросу о зарплате не достигли довоенного уровня, тем самым вы косвенно предлагаете произвести такое повышение, которого мы провести не в состоянии, потому что проводить большие надбавки—это означало бы сорвать курс на индустриализацию. Рост зарплаты должен идти в соответствии с ростом производительности труда. Нет другого источника усиления нашего социалистического сектора, кроме тех кампаний и мероприятий, которые мы проводим, которые никакой с вашей стороны поддержки не находят, кампании по снижению себестоимости, кампании по борьбе за режим экономии, кампании, связанные с борьбой за снижение розничных цен, упрощением системы управления и т. д., и т. п.,—эти именно кампании и мероприятия должны обеспечить нам необходимый в данных условиях темп индустриализации нашей страны.

Перейду теперь к остальным предложениям т. Преображенского. Он говорит, что нужно перераспределение госбюджета иное, чем то, которое имеется в предложениях Госплана. Совершенно верно. Это предложение было внесено еще до составления контрольных цифр правительством в виде директивного постановления СТО. Его было предложено учесть Государственной Плановой Комиссии, которая его не учла. Когда Центральный Комитет и Совет Труда и Оборона обсуждали отчет Госплана, то предложили Госплану пересмотреть бюджет в сторону усиления средств для промышленности, транспорта и электрификации. Это предложение, внесенное еще до составления цифр, выполнено Госпланом не было, и в этом была его огромная ошибка. Второй раз СТО постановил исправить эту ошибку и внести эти изменения в наш госбюджет с тем, чтобы выделить большее количество средств на индустриализацию нашей страны, ибо здесь каждый десяток миллионов рублей играет громадную роль. Цифра капитальных затрат—в сумме $15\frac{1}{2}\%$. Но ведь в будущем году мы будем иметь всего лишь увеличение на 5—6%. Доведение суммы капитальных затрат до 900—910 млн. обеспечивает нам прирост в этом году на 18%, кроме того, обеспечивает увеличение продукции в следующем году так, примерно, на 10—12 процентов. Отсюда вы можете сделать вывод, т. е., что небольшое увеличение наших капитальных затрат, всего в несколько десятков млн. рублей, имеет большое значение, и именно поэтому Центральный Комитет нашей партии и предложил исправить Госплану те ошибки, которые были им допущены в предложенной им системе цифр.

Теперь перейду к вопросу об обложении частного капитала. Советом Труда и Обороны было предложено усилить эту долю возможных поступлений от обложения частного капитала и ввести ее в контрольные цифры. Однако, этот вопрос не нашел должного отражения в контрольных цифрах. Было предложено эту ошибку исправить, и это предложение является уже предложением, которое до вас внесено и которое не предусмотрено Госпланом, но которое в настоящее время проводится в жизнь.

Коснусь сокращения всех видов административно-управленческих расходов. Это директивное предложение тоже не было проведено в системе контрольных цифр Госплана. А между тем это предложения, которые должны привести к скоплению значительного количества средств именно для индустриализации нашей страны. Эти предложения были дополнительно подтверждены для руководства при исправлении контрольных цифр. Таким образом, если взять те предложения, которые обеспечивали нам усиление развертывания нашей госпромышленности, то они являются заимствованными из уже состоявшихся директив правительства и являются предложениями, которые были внесены до вас. Те же предложения, которые вы вносите в отношении ослабления кооперации, нажима на сельское хозяйство, эти предложения являются как раз теми предложениями, которые не обеспечивают нам усиления нашей госпромышленности, а, наоборот, обеспечивают усиление доходов частного капитала в торговле, ослабление сырьевой базы промышленности и разрыв с основной массой крестьян; эти предложения, как усиливающие позицию частио-капиталистического сектора в нашем народном хозяйстве, должны быть отвергнуты (аплодисменты).

Тов. Солнцев. Прежде чем приступить к изложению своей точки зрения, я хотел бы обратить внимание на следующие обстоятельства: во-первых, я думаю, что все-таки надо вести прения, не упуская из виду, что мы находимся в Коммунистической Академии, и, следовательно, ставить вопросы в теоретической плоскости; во-вторых, я хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что сейчас прения приняли такой характер, как будто доклад делал не тов. Милютин, а тов. Преображенский и Пятаков. Поэтому я постараюсь вернуться к тем вопросам, которые подлежат сегодня нашему обсуждению, к вопросу о контрольных цифрах так, как он поставлен тов. Милютиним, и в частности к тому построению, которое имело место у тов. Милютина, к той точке зрения, которую здесь представляют тов. Милютин и тов. Дволайцкий. Точка зрения, представителем которой выступал здесь тов. Милютин, имеет две стороны и обращается той или другой своей стороной в зависимости от обстоятельств. Одна сторона, представленная тов. Милютиним, заключается в том, что, когда речь идет о положительном изложении, из контрольных цифр, которые представлены в объемистой книжке, выбирается целый ряд данных, которые характеризуют наше хозяйство с точки зрения его благополучных сторон, с точки зрения его достижений; отсюда делается совершенно „естественный“ вывод насчет автоматического продвижения к социализму, который нам, якобы, наперед гарантирован: эта сторона. повторяю,

была изложена в докладе тов. Милютин. Затем начинаются прения; в этих прениях выясняется, что вопрос обстоит не столь благополучно. В частности выясняется, что темп индустриализации, темп развертывания промышленности, какой у нас имеется, как об этом прямо говорится в контрольных цифрах, недостаточен для удовлетворения нужд нашего хозяйства. Там это черным по белому написано¹⁾. Таким образом становится необходимым признать, что из этого вытекает целый ряд последствий, целый ряд трудностей и целый ряд опасностей. Тогда появляется вторая сторона в лице тов. Дволайцкого, который заявляет, что, верно, эти трудности имеются, однако, мы сейчас находимся в таком положении, что мы преодолеть их не можем. Получается, следовательно, „концепция“ такая: с одной стороны, все хорошо, никаких средств не нужно, тот темп, который имеется, является достаточным. а с другой стороны, существует целый ряд трудностей, которых нельзя преодолеть. Целый ряд мероприятий, которые предлагаются оппонентами, — а хороши они или плохи, еще нужно доказать. — вместе взятые и каждое из этих мероприятий в отдельности ничего, мол, не стоят. Провести в жизнь мы их не можем. Но из этого, тов. Дволайцкий, нужно сделать целый ряд выводов, которых вы не сделали. Ведь если средств для выхода из трудностей нет, то нам угрожает целый ряд опасностей, которые вы сами признали. В какой же мере ваша точка зрения согласуется с точкой зрения автоматического, гарантированного перехода к социализму, которую развивал т. Милютин, и с которым вы, по вашим словам, совершенно согласны? (Тов. Дволайцкий с места: „Разве Милютин на автоматической точке зрения стоит?“). Справьтесь на этот счет по стенограмме, и если это не так, то возьмите слово и ответьте мне, а сейчас не мешайте. По первому вопросу об обложении крестьянства т. Дволайцкий заявляет, что этого делать мы не можем. По вопросу о частном капитале т. Дволайцкий заявляет, что мы его не можем учесть (т. Дволайцкий с места возражает). Простите, вы говорили, что уловить частный капитал, поскольку он разбросан по тысячам ручейков и каналов, мы не можем. Говорили вы это? Говорили. Итак, по отношению к крестьянству предлагаемых мероприятий мы не можем провести потому, что крестьянство может опрокинуть нас. По отношению к частному капиталу мероприятий не можем принимать потому, что частный капитал оказывается неуловимым. Следовательно, признавая в теории гарантированное нам, якобы, построение социализма, вы на практике капитулируете перед трудностями, перед которыми мы стоим сегодня. Тов. Милютин заявляет, что построение социализма нам совершенно гарантировано тем, что социализм есть более высокая форма по сравнению с капитализмом, тов. Дволайцкий признает, что хотя трудности есть, мешают, даже могут нас опрокинуть, но тем не менее мы ничего поделать на сей счет не можем. Надо было все-таки договориться, товарищи!

¹⁾ „Все варианты развертывания промышленности, рассмотренные в Госплане, являются совершенно недостаточными для удовлетворения растущих потребностей хозяйства“ (стр. 217).

Должен сказать, что тов. Милютин более последователен, чем другие товарищи. Некоторые товарищи только теперь стали понимать, что построение социализма нам гарантировано потому, что социализм есть более высокая форма по сравнению с капитализмом. Целый ряд товарищей до последнего времени этой концепции не понимал. А вот тов. Милютин давно это понял. В 1923 году, кажется, он имел на этот счет спор с тов. Преображенским. В своем докладе, сделанном им в Коммунистической же Академии, он доказывал, он настаивал на мысли, что потому, что социализм более высокая форма, нам гарантировано беспрепятственное движение к социализму. С возражением против этой точки зрения выступил тогда тов. Преображенский.

Перейдем, однако, к разбору положений и опровержений, которые выдвигал здесь т. Дволайцкий. Крестьянство, по его словам, переплачивает на розничных ценах свыше миллиарда рублей. Но т. Дволайцкий нам не ответил, или, вернее, ответил совершенно неверно, — по причинам, на которые я укажу позже, — на вопрос о том, куда идет то, что крестьянство переплачивает. Во всяком случае, я думаю, т. Дволайцкий согласится со мной в том отношении, что это пошло не в промышленность и что промышленность ничего от этого не выиграла. Даже больше. Промышленность много потеряла, а крестьянство тоже не выиграло. С февраля 1924 года, по данным работника ВСНХ Гринцера, в его статье в „Экономическом Обзоре“, отпускные цены на продукты промышленности были снижены на 18⁰/₁₀₀. За это же самое время розничные цены повысились на 4⁰/₁₀₀. Что это означает? Это означает, что сейчас, в данный момент крестьянство покупает по тем же ценам, по каким оно покупало в 1923 году. В тот самый момент, когда началось снижение цен. Это означает, что наше снижение цен до крестьянства не дошло. Следовательно, та цель, к которой мы стремились при снижении цен, нами не достигнута. Что же касается промышленности, то подсчеты, которые произведены в ВСНХ, показывают, что промышленность на этом снижении цен, которое ничего не дало крестьянству, потеряла, в свою очередь, свыше миллиарда рублей. Крестьянство действительно переплачивает и переплачивает много, но частному капиталу. Тем не менее результаты, с которыми сельское хозяйство закрывает восстановительный период, несмотря на то, что оно переплачивает, значительно лучше, чем у промышленности. Результаты даны в двух цифрах Госплана. Несмотря на то, что крестьянство переплачивает, мы имеем следующее положение. Во-первых, хлебные запасы крестьянства, как об этом здесь говорилось, дойдут во всяком случае в этом году довоенных размеров. Это первая часть дела. Вторая часть дела: как обстоит вопрос с капитальными фондами? Если верно, что крестьянство все теряло, а с другой стороны, у нас происходила индустриализация, то это как-нибудь должно было отразиться на основных капиталах нашей промышленности и основных фондах сельского хозяйства? Оно отразилось ясным образом и показывает, что те громадные переплаты, которые совершаются крестьянством, — эти переплаты у крестьянства чем-то компенсируются, в то время как промышленность стоит на месте. Это видно из следующих данных контрольных цифр,

которые не попали в благополучное изложение т. Милютин. На странице 120 мы читаем, что „из общей суммы прироста (основных фондов. Е. С.) за три года в 2.875 млн. рублей на долю одного сельского хозяйства приходится 1.939 миллионов рублей, а на все остальные отрасли 936 миллионов рублей“, — из них на промышленность — 500 миллионов. Следовательно, основные фонды сельского хозяйства увеличились за три года, начиная с 1923/24, на 2 миллиарда рублей, а основные фонды промышленности возросли лишь на 500 миллионов рублей, при чем они падают исключительно на последний год. Следовательно, переплаты, которые совершает крестьянство, очевидно, каким-то образом компенсируются и компенсируются так, что крестьянство в отношении хлебного запаса подходит к довоенному, что крестьянство увеличивает свои основные фонды, чего нет в промышленности. А как обстоит дело в отношении обложения крестьянства? Какую мы имеем здесь картину? Что говорят контрольные цифры? Возьмите нынешний год, какое мы имеем положение здесь? Вероятно, все товарищи читали недавно статью т. Лифшица в „Большевике“, где он вычисляет процент, который составляет сельскохозяйственный налог по отношению к покупательной способности крестьянского хозяйства: там вы увидите, что в 1925/26 году сельскохозяйственный налог составляет по отношению к покупательной способности крестьянского хозяйства меньший процент, чем составлял в прошлом 1924/25 году. Что это означает? Это означает, что хотя сельскохозяйственный налог в абсолютных цифрах повышается, но что покупательная сила крестьянского хозяйства растет быстрее, чем повышается сельскохозяйственный налог, что каждый год мы берем все меньшую долю из дохода крестьянского хозяйства. Если вы сопоставите сельскохозяйственный налог с данными о доходах сельского хозяйства, которые имеются в этих самых цифрах Госплана, вы увидите ту же самую картину и в отношении сельскохозяйственного налога к доходам земледельческого населения. И по отношению к нему доля сельскохозяйственного налога представляет собою все уменьшающийся процент. Следовательно, т. Дволайцкий недоучел того факта, что наше обложение идет более медленным темпом, чем идет рост доходов и рост платежеспособности сельского населения и особенно его зажиточной верхушки. На этом частном примере т. Дволайцкий может, во всяком случае, убедиться, что кой-где ресурсы в нашем хозяйстве имеются, но что благодаря нашей политике они попадают не к нам.

Вернемся, однако, к т. Милютину. В докладе т. Милютин было много неясного, но самое неясное в этом всем деле—это сам т. Милютин, который на сей раз выступил в роли сверх-индустриалиста, подержанный в этом отношении т. Кравалем. Тов. Смилга, который был сверх-индустриалистом, по сему случаю превратился в „неиндустриалиста“, в то время как т.т. Милютин и Краваль выступают в роли сверх-индустриалистов и требуют увеличения той цифры капитальных затрат, которая намечается Госпланом. Это становится особенно загадочным, если вспомнить недавнее прошлое. Для выхода из одних и тех же затруднений т. Милютин в зависимости от обстоятельств, ни в какой связи с хозяйством не стоящих, имеет два диаметрально-противопо-

ложные рецепты. Всем известно, что в основном трудности, перед которыми мы стоим в настоящий момент, ничем не отличаются от тех, которые мы имели в начале хозяйственного года. Основные затруднения и основные задачи не изменились за это время, наоборот, в некотором отношении мы имеем даже ухудшение положения. Между тем весной т. Милютин в качестве средства для выхода из затруднений ставил вопрос об уменьшении капитальных затрат. Тогда т. Милютин указывал, что необходимо сумму капитальных затрат снизить до 630 миллионов рублей. Теперь же т. Милютин для выхода из тех же затруднений предлагает повышение капитальных затрат по сравнению с цифрой, указанной в контрольных цифрах. Кто же, товарищ Милютин, кстати, был прав весной? Вы, предлагавший снижение капитальных затрат, или те, кто против этого возражал и которых вы называли сверх-индустриалистами? Я полагаю, что в настоящий момент т. Милютин может выйти из положения только ссылкой на диалектику, которая всегда выводит людей в тех случаях, когда они окончательно запутались. Суть же дела заключается в том, что т. Милютин ни тогда ни теперь не представлял себе с достаточной ясностью вопроса о месте, которое занимают капитальные затраты в общей системе нашей экономической политики. Нельзя капитальные затраты вырвать из всего общего текста нашего хозяйства, как нельзя вопрос о капитальных затратах вырвать из текста контрольных цифр, которые имеют определенные лимиты, о которых писал т. Смилга и которые коренятся в общей системе нашей экономической политики. Капитальные затраты представляют собою органическую часть нашего хозяйства, отражением которого и является система контрольных цифр.

Если сейчас постановление СТО выдвигает вопрос об увеличении капитальных затрат вне всякой связи с остальными вопросами нашей хозяйственной политики, то это методологически неверно. Чтобы иметь возможность изменить цифры капитальных затрат, надо соответственно перестроить всю систему контрольных цифр, а за одно и еще кое-что. Ибо система контрольных цифр только отражает систему нашей экономики. Если вы ставите вопрос о том, сколько затратить—800, 900 1000, то единственный ответ, какой можно дать,—это 800, 900 или 1000, в зависимости от того, какую мы будем политику вести. Капитальные затраты являются лишь частью, отдельным моментом, который увязан со всей системой нашего хозяйства. Ресурсы не даны нам извне, а в значительной мере определяются нашей экономической политикой, политикой цен, бюджетной политикой, налоговой политикой и т. д. С этой точки зрения спор о размерах капитальных затрат должен быть превращен в обсуждение вопроса о всей системе нашей хозяйственной политики в целом.

Тов. **Раден**. Здесь некоторые из товарищей выражают сожаление, что дискуссия этого почтенного академического собрания сходит с обыкновенных рельс, что она ставится политически. Но этого избежать нельзя. Вопрос о контрольных цифрах, это есть вопрос о бюджете хозяйства, это есть вопрос о соотношении классов и о том направлении, которое мы даем нашей сознательной политикой, влияем на дальнейшее

развитие русской экономики. Это есть концентрированная экономика, это есть политика, и нечего одеваться в академические ризы даже такому почтенному собранию стариков, а надо иметь сознание того, что здесь мы говорим о вопросах, которые являются решающими вопросами революции.

Тут некоторые товарищи напали на тов. Милютину. Я должен тов. Милютину взять под свою защиту (смех, аплодисменты). Если подойти к докладу тов. Милютину не с точки зрения, как доклад был построен, а с точки зрения политического содержания, то тов. Милютин повторяет речь, произнесенную одним из авторитетнейших представителей партии—тов. Бухариным. Речь тов. Бухарина в Петрограде по содержанию совпадает с тем, что говорил тов. Милютин. Я не хотел бы, чтобы поняли таким образом, что тов. Милютин совершает литературный плагиат. Не в этом дело, товарищи. Я убежден, что тов. Милютин в состоянии сам писать великолепные доклады. Тут дело идет о политической линии, взятой тов. Милютиным, которая совпадает с линией тов. Бухарина.

В чем смысл этой линии? Смысл этой линии состоит в следующем: во-первых, диспропорции нет; сельское хозяйство не развивается скорее, чем промышленность. Во-вторых, развитие наше к социализму обеспечено. Я должен сказать, что когда прочитал речь тов. Бухарина, к которому мы привыкли относиться, как к одному из руководящих мыслителей партии, я был вполне ошарашен, до того, что я себя спросил: что придется говорить т. Бухарину через полгода, когда нельзя будет спрятать перед сознанием партии и рабочих масс, что революция стоит перед величайшими затруднениями (с места: „Паника“). Вы все очень мужественные люди (смех). Я знаю, что вас никакой паникой не испугаешь (смех, аплодисменты). С разговорами о панике пожалуйста обращайтесь к тов. Дволайцкому, потому что он занял совершенно противоположную позицию, чем тов. Бухарин и т. Милютин: он признал все затруднения. Он, держа карандаш над головой (смех, аплодисменты), сказал: „над нами Дамоклов меч висит“ (тов. Дволайцкий: „Это я насчет мужика говорил“). Вот как: мужик—это Дамоклов меч по тов. Дволайцкому. Я с этим несогласен, ибо мужика надо дифференцировать и сказать, какой мужик? Во-вторых, он сказал, что если мы то и то сделаем, нажмем на зажиточную верхушку, то уже должны говорить *memento mori*“. С одной стороны, обеспечено развитие к социализму не только в одной стране, но в одном уезде (аплодисменты), с другой стороны—*memento mori*. Товарищи, тут есть неувязка, но не личного характера. Как долго вопросы о нашей экономической политике мы не ставили во всем их объеме хотя бы перед такой широкой партийной аудиторией, которая собралась здесь (с места: „Здесь беспартийная“), которая прочтет цифры, так долго можно позволять себе роскошь гуманного оптимизма. Но этот картонный домик рушится от первого прикосновения, и все товарищи, которые выступали здесь, говорили о том, что мы стоим перед серьезнейшими затруднениями (с места: „Кто это отрицает!“). Тов. Бухарин отрицал в своей речи. Если вы это ставите под вопрос, я берусь доказать это всей брошюрой т. Бухарина

(с места: „Докажите“; шум). Тов. Сленков, тут не редакция „Правды“ (аплодисменты, шум).

Я для успокоения товарищей готов дать точные комментарии к тому, что я сказал. Я сказал, что если кто захочет в „Правде“ тов. Сленкову что-нибудь отвечать, то он не сможет этого сделать. Если тов. Сленков здесь на собрании говорит, что не верно, что т. Бухарин в своей ленинградской речи заявил, что и впредь, как и теперь, промышленность имеет обеспеченное развитие в более скором темпе, чем сельское хозяйство, кто будет отрицать факт, что Бухарин в своей речи утверждает, что нет никакой причины беспокоиться за темп этого развития, кто этот факт отрицает, тот говорит сознательную неправду. Представителям той точки зрения, которую занял т. Бухарин, понятно не было никакой надобности отвечать на вопрос: что дальше? Какие новые меры необходимы? Но когда выступает тов. Дволайцкий, признающий все затруднения (т. Дволайцкий: „Кто их не признает?“), и после спрашивает Преображенского: „А будьте любезны, скажите, какой у вас рецепт против затруднений?“, то мы ему ответим: „Извините, тов. Дволайцкий, почему Преображенский должен давать рецепт? Вы признаете опасность, вы признали все предпосылки и только после этого просите Преображенского дать рецепт. Вы идейно представляете течение, которое несет полную ответственность за дальнейшую политику страны, и поэтому ваши требования, чтобы Преображенский, Пятаков и другие давали рецепт, показывают только, что вы стоите на полной пассивной позиции, что вы, видя затруднения, не в состоянии указать никакого выхода. Я допускаю теоретически положение: что мы видим громадные опасности, что мы видим вопросы, перед которыми стоит революция, и приходим к убеждению—на ближайшие 2—3 года мы должны идти на отставание промышленности. Я допускаю такое положение. Но тогда надо сделать выводы, а выводы следующего рода: если экономически теснит нас мелкобуржуазная стихия, то нужно какие-то политические мероприятия выдвигать против этой опасности. Но и этого вы не сделали. Вы перешли к критике тех положений, которые здесь делали т. т. Пятаков, Преображенский и другие.

В чем состояла ваша критика? Были поставлены 3 проблемы: первая—перераспределение национального дохода. На предложения налогового характера вы заявляете нам: частник, во-первых, мало имеет, а, во-вторых, у него ничего не удастся взять, так как аппарат хромает. Вы вопросы политики отстраняете статистикой. Но нельзя забывать, что к нашей статистике надо относиться с известной осторожностью. Тут вопрос не в статистике, а в классовой борьбе. Если спец Кутлер в Наркомфине думает, что ЦК не намерен в данный момент обложить частника, то он всегда докажет, что нет объекта обложения. Без того, чтобы правительство взяло твердый курс на обложение верхушки деревни и частника, от спецов материала для этой политики не получишь. Товарищи, ведь наше чиновничество воспитывается в духе того, чтобы шадить деревенскую верхушку и частника.

Следующий вопрос, это вопрос о перераспределении бюджета. Об этом вопросе вы молчите. Тов. Краваль обратил наше внимание на третий пункт, на вопрос о режиме экономии. Он сказал, что к этому вопросу мы относимся легко. Это не верно, мы знаем, что поднятие производительности труда, сокращение расходов и другие вопросы, связанные с вопросом о режиме экономии, являются очень важными, и мы к ним относимся серьезно. Но не так, как относится тов. Краваль. Следующее разногласие между ним и нами в этом вопросе: ведь режим экономии не есть бюрократическая реформа и нельзя его проводить одними циркулярами без участия массы. В такой форме выдвигать вопрос о режиме экономии было бы демагогией, а не политикой. Тов. Краваль ставит вопрос о поднятии производительности труда своеобразно. Когда я читал некоторые статьи тов. Кравалья по этому вопросу, то я очень жалел, что ему не пришлось читать книги либерального ученого Луйо Брентано по вопросу о зарплате. Тогда он бы увидел, что даже умные представители капитализма пошмают, что сила рабочего класса не есть бочка, из которой можно без конца черпать, а есть нечто, связанное с целым рядом физиологических, жилищных и других предпосылок. Без кредитования рабочего класса, без того, чтобы поднимать его производительную силу, без улучшения его положения у нас будет режим экономии, направленный против самого рабочего класса.

Теперь я перехожу, т. т., к международному комплексу вопросов. Здесь все указывают на связь нашего хозяйства с мировым. Некоторые, в том числе т. Бухарин, говорят, что мы имеем обеспеченный хозяйственный рост, развитие к социализму за исключением на случай войны. Это в корне не марксистская постановка, потому что война против Советской России — это война капитализма против социализма, это историческая линия, а не случай. Может быть спор между нами насчет темпа надвигающейся угрозы, но если такая опасность имеется, то рабочие должны встретить ее с оружием в руках. Если вы считаете, что социализм у нас растет — а это и я думаю, — то капиталисты не будут ждать без конца, и если так обстоит вопрос, то не может быть вопроса о супер-индустриализации. Может существовать только вопрос о недостаточной индустриализации, потому что перед нами буржуазия, располагающая очень мощной техникой для войны. Судьба войны зависит и от металлической и химической промышленности, а здесь мы еще очень слабы и в тысячу раз экономней, если с известным риском форсировать индустриализацию, нежели уплачивать потом за это ценою гекатомбы крестьянских тел (с места: „А живую силу вы не имеете в виду?“).

Теперь, наконец, два слова о строительстве социализма в одной стране. Товарищ Милютин пытается этот вопрос ставить так: если мы строим социализм, то мы строим социализм, если мы его построим, то он будет построен. Это все детская постановка. Вопрос, откуда взялась эта идея и куда она может расти. Это есть политический вопрос. Мы спрашиваем о смысле нашей работы. Отвечаем, что боремся за социализм, что начали его строить. Необходимо это говорить. Но недоста-

точно. Рабочему—он взрослый человек—надо еще сказать: ты строишь социализм, но не закрывай глаза на трудности, вытекающие из нашей временной изоляции. По кто говорит, что можно построить социализм в одной стране, то высказанной или невысказанной предпосылкой этой точки зрения является, что мировая революция окончена на очень долгий период времени (тов. Дволацкий: „Коршевская точка зрения“). Я не знаю, Коршевская ли это точка зрения, но знаю, что тов. Сталин в марте 1925 года перед расширенным пленумом Исполкома Коминтерна сказал черным по белому в „Правде“ чреватое слово: „Несомненно, что капиталу удалось выбраться из трясины послевоенного кризиса“. Так или нет? Когда один из самых ярых „оппортунистов“ в Коминтерне прочитал это слово, он высказал мнение: „В борьбе против легкомысленного отношения к стабилизации т. Сталин свалился в канаву“. Из этой предпосылки, из убеждения о конце послевоенного кризиса происходит идея, что можно построить, не только строить социализм в одной стране (с места: „Это ленинская идея“). Вы плохо читали Ленина. Если бы Владимир Ильич был жив, он бы сказал, что это Щедринская идея. У Щедрина в Помпадурах есть Помпадур единственный, который строит либерализм в одном уезде. Но либеральный уезд открыли и наложили на него большую подать. Опасность этой идеи в том, что эта идея ведет к отходу от международного решения вопросов, перед которыми мы стоим. Я знаю, что тов. Сталин этого вывода не делал. Но мы—страна мужицкая. Если придется мобилизовать русский пролетариат и русское крестьянство для решения в международном масштабе вопроса, смотрите, чтобы эта идея не оказалась идеей 4-го августа Коммунистической Партии России, чтобы вам не сказали: „мы можем сами построить социализм в одной нашей стране, не надо международных авантур“. Вот куда может повести эта точка зрения (т. Милютин: „Коршевская точка зрения“). Я знаю, что я—крайний левый, пускай это коршевская точка зрения. Вы меня два года пугали Брандлером, теперь пугаете Коршем, но не запугаете (шум).

Теперь перехожу к обсуждению контрольных цифр. Если мы в дальнейшем не хотим вести общую дискуссию, то надо этот вопрос разбить на ряд вопросов. Надо, чтобы референты не пересказывали, что в контрольных цифрах, а чтобы сами ставили основные: о растущей диспропорции, о растущих затруднениях индустриализации. Отклоняете предложения ряда товарищей экономистов—Пятакова, Преображенского и других, тогда если вы революционеры, выступите с другими предложениями, а не говорите: трудно, подождем и увидим. Это не политика коммунистов (аплодисменты).

Тов. **Слепков**. Товарищи, я должен прежде всего констатировать тот факт, что тов. Радек наклеветал на т. Бухарина; я должен отметить, что свое утверждение о том, что т. Бухарин не видит трудностей, стоящих перед пролетарским государством, тов. Радек не подкрепил ни одной цитатой, ни одним свидетельством. Заклеймив такую попытку клеветы (голоса: „Это не клевета, а правда“, „Нет, клевета“; шум), я остановлюсь в настоящей речи на той практической платформе,

которую защищают товарищи из оппозиции, если вообще можно говорить о платформе, когда имеешь дело со столь противоречивыми положениями, которые стоят в суждениях оппозиционеров друг против друга. Крупнейшим вопросом экономического дня, несомненно, является вопрос об источниках индустриализации, об источниках усиления индустриализации. Какие же источники намечались здесь товарищами, выступавшими в качестве представителей оппозиционной „линии“? Это, во-первых: обложение буржуазной и зажиточной верхушки крестьянства, во-вторых: обложение частного капитала и, в-третьих: такая политика цен, которая привела бы к дополнительной перекачке средств из деревни для дела индустриализации.

По первому вопросу, было ли предложено что-нибудь конкретное? Разве ЦК не ведет такую политику, которая облагает крестьянскую буржуазию больше, чем середняка. Можете ли вы доказать, что ЦК такой политики не ведет (с места: „Мало“). Вы говорите мало, — тогда нужно доказать это с ясностью и конкретностью, нужно дать известные цифровые выкладки, в которых было бы доказано, что обложено мало, что нужно и можно обложить больше. Это никем не было дано. Итак, по первому вопросу — никакой практической платформы здесь не было выдвинуто.

Что же сказано по второму вопросу об обложении частного капитала? Здесь еще меньше оснований говорить о конкретной линии. Возьмите, напр., выступление т. Пятакова. В одной части своего выступления он старался доказать, что т. Бухарин недостаточно учитывает размеры и темп частного капиталистического накопления (т. Пятаков: „Я о Бухарине не говорил ни слова“). Речь шла именно о Бухарине, поскольку в выступлении тов. Пятакова защищалась против т. Бухарина цифра частично-капиталистического накопления в 400 миллион. руб. (с места: „Неправильная информация“). Прежде всего, возникает вопрос, действительно ли правильно был оценен оппозицией темп частично-капиталистического накопления? И т. Дзержинский и т. Бухарин в своих выступлениях указывали на то, что при учете частично-капиталистического накопления тов. Пятаковым были сделаны крупнейшие теоретические, практические, политические и какие угодно ошибки, ибо из-за вместо частично-капиталистического накопления, была взята валовая прибыль частного капитала. Ответили ли оппозиционеры что-нибудь членораздельное на этот аргумент т. т. Дзержинского и Бухарина? Нет, не было, и, таким образом, аргумент о недоучете ЦК частично-капиталистического накопления ничем не был подтвержден: тов. Пятаков здесь обанкротился. Тов. Пятаков необычайно остроумно говорил о том, что частично-капиталистическое накопление есть явление отрицательное, с точки зрения социализма. Конечно, отрицательное. Но какой из этого он сделал вывод? Он сделал тот вывод, что надо нажать на частный капитал. Прекрасно. Но в другой части своего выступления он говорит о том, что нам нужно повести так политику в области обращения, чтобы изъять оттуда государственный капитал и бросить его в промышленность. Таким образом, тов. Пятаков, говорящий в начале выступления о недостаточности нажима на частный

капитал. в конце того же выступления настаивал на отдаче частному капиталу всей области обращения. Это ли платформа? Связаны ли здесь концы с концами? Тов. Пятаков кричал здесь с места, что ЦК дал в отношении частного капитала неопределенные директивы (с места: „СТО“). Прекрасно, СТО; но вы же знаете, что эту директиву дали и ЦК и СТО. Но ЦК и СТО дали определенную директиву, а т. Пятаков беспомощно путается в противоречиях и нескромно упрекает ЦК в „неопределенности“ и пр. Третий вопрос — о политике цен. Тов. Пятаков и другие товарищи говорили о политике индустриализации и находили, что ЦК проводит индустриализацию недостаточно энергично.

И именно на той политике цен, которая, с точки зрения оппозиции, должна обеспечить сверх-индустриализацию, я и хотел бы остановиться подробнее. Но этому вопросу мы имеем много выступлений. Одно время мы имели, со стороны тов. Пятакова и др. безоговорочные выступления о необходимости повышения оптовых цен, потом появились по этому вопросу некоторые колебания. Тов. Пятаков говорит теперь на эту тему следующие: курс партии на снижение цен розничных и оптовых совершенно верен, но, в зависимости от конкретных условий рынка (речь идет о товарном голоде), мы можем высказаться за повышение цен теперь, чтобы снизить их после. Итак, для данного периода, когда имеется товарный голод, но тов. Пятакову необходимо повысить цены с тем, чтобы их потом снизить. Благодаря такому решению вопроса у нас, якобы, может быть обеспечено значительное привлечение некоторых новых средств для сверх-индустриализации. По этому вопросу уже сделан и конкретный экономический подсчет. В „Большевик“ поступила статья, к которой приложил руку, вероятно, не один из здесь присутствующих товарищей, статья: „Бухарин против новой оппозиции“, которая будет помещена в „Большевике“, вопреки утверждениям тов. Радека о том, что в центральных органах у нас не помещают оппозиционные статьи. В этой статье сделан любопытный подсчет, который интересно разобрать. В этом году выпускается предметов широкого потребления на 4 млрд. рублей. Если мы повысим цены на эти предметы на 30%, то, исходя из этой суммы 4 млрд., государственные организации могут получить на сверх-индустриализацию еще 1 млрд. 200 млн. руб. Правда, гласит этот документ, известная часть этой суммы должна пойти на компенсацию потерь рабочему классу, компенсацию того, что он потеряет в результате повышения цен. Принимая во внимание, что у нас в крупной промышленности 2 млн. рабочих и что они потребляют на 600 млн., при увеличении цен на 30% мы должны рассчитывать не на 600, а на 780 млн. для того, чтобы не снизился жизненный уровень рабочих. Следовательно, эти 180 млн. вычитаются из 1 миллиарда 200 млн., после чего все же остается миллиард с лишним. Разберемся в этом деле.

Надо понимать, когда идет речь о повышении оптовых цен, то по сути дела идет речь и о повышении розничных цен. Недаром автор того документа, в котором вся эта математическая эквилибристика сосредоточена, учитывает эту связь и говорит о необходимости повысить зарплату рабочим потому, что повысятся и розничные цены (шум).

И отвечаю за каждое слово, которое я привожу из статьи товарища, приславшего эту статью против т. Бухарина в редакцию „Большевика“: она гуляла по рукам и нелегально распространялась, и я думаю, товарищи, здесь не следует разговаривать о том, как этот документ выглядит и откуда он произошел: это известно всем выступавшим здесь оппозиционным товарищам. Итак, автор этого самого документа учитывает, что повышение оптовых цен должно привести в условиях товарного голода и к повышению розничных цен, и поэтому при подсчете зарплат он делает накидку, исходя из необходимости сохранения жизненного уровня рабочих. Повышение отпускных цен, таким образом, влечет за собой и повышение розничных цен. Повышение цен на предметы потребления, далее, должно повлечь за собой некоторое повышение цен на продукты производства средств производства, ибо рабочие, занятые в этих отраслях производства средств производства, будут покупать товары, производимые в различных производствах средств потребления по повышенным ценам, и себестоимость продукции этих производств, таким образом, будет увеличена. Отсюда явится необходимость повышения цен и в тяжелой индустрии, в отраслях производства средств производства. Здесь имеется несомненная связь между оптовыми ценами и розничными ценами, повышение первых влечет за собой хотя и не обязательно на такой же процент повышение вторых; повышение цен на предметы потребления влечет повышение цен на предметы производства средств производства. Но, помимо всего прочего, тут дается совершенно неправильный расчет. Исходя из того положения, что рабочий должен сохранить свой жизненный уровень и при повышении цен, мы должны, конечно, рассматривать рабочий класс в целом. Рабочих 2 млн., — говорит автор разбираемой статьи. — считая только рабочих, занятых в крупной промышленности, и при этом забывает, что есть еще рабочие мелкой промышленности и служащие, большая часть которых оплачивается очень низко. Членов профсоюзов у нас числится около 8 миллионов. Далее имеются рабочие, занятые в частных предприятиях, которые также не должны страдать от обложения высокими ценами. Так вот, исходя из 8 млн., а не 2 млн. рабочих, придется вычесть еще 540 млн. руб., в результате чего из 1 миллиарда утекает еще почти половина. Но повышение цен вызовет и еще много трудностей; возьмите хотя бы область обращения, как здесь будет обстоять дело? Частный капитал, обладающий большей легкостью, гибкостью, поворотливостью, пострадает меньше, чем кооперация. Нетрудно сообразить, что в условиях повышения цен больше пострадает именно кооперация, а не частный капитал.

Товарищи из оппозиции много говорят о дифференциации крестьянства, о тех силах, которые ставят под угрозу социалистическое строительство в деревне. Но предлагаемая здесь политика повышения цен — приведет ли она в деревне к укреплению нашего положения, к улучшению условий для деревенской бедноты; будет ли она толкать деревню на путь дальнейшей и обостряющейся капиталистической дифференциации, или это повышение цен будет способствовать улучшению условий в деревне с точки зрения социализма, с точки зрения проле-

тарната? Нетрудно сообразить, что повышение цен приведет к тому, что бедняк и середняк в первую очередь не смогут покупать товары, кулак же вытерпит и обернется. Это ясно каждому. При повышающихся ценах не смогут обернуться экономически слабые элементы деревни; они будут сильнее подчинены зажиточным слоям деревни, чем в условиях более дешевых цен. Так что с точки зрения пролетариата и бедняцко-середняцких крестьянских масс повышение цен совершенно неправильное, экономически неприемлемое мероприятие. Но, товарищи, здесь есть и еще одна сторона дела. Повышение цен на продукты промышленности будет означать стимулирование повышения цен со стороны мужика (с места: „Правильно“), будет означать, что мужик поднимет цены. У нас есть уроки, когда мужик это проделал, и он будет это проделывать, если мы вступим на предлагаемый оппозицией путь. Отсюда произтечет необходимость усиленной эмиссии на хлебные заготовки в первую очередь. Мы получаем, таким образом, с этой стороны угрозу валюте, в защиту которой т. Преображенский так усердно сегодня ратовал. Будут ли затруднения с экспортом при такой конъюнктуре на сельскохозяйственные продукты? Конечно, будут: это будет означать сокращение возможностей экспортирования. А сокращение возможностей экспортирования будет означать для нас сокращение возможности усиления импорта для индустриализации, т. е. здесь мы будем иметь удар с этого конца по индустриализации, уменьшение возможности индустриализации. Это ясно или неясно? Это ясно, это безусловно. С другой стороны, товарищи, вся эта система повышения цен, повышения общего индекса и т. д. будет означать удар по нашей валюте. Она будет вызывать напряжение валюты, она будет вести к расстройству всей хозяйственной системы в результате ликвидациии твердого червонца.

Таким образом, мы видим в этой позиции совершенное непонимание самой элементарной связи экономических явлений. Здесь ~~имеется~~ позиция, которая при своем проведении привела бы к тому, что интересы рабочего класса пострадали бы, интересы бедняка и середняка пострадали бы, пострадало бы все хозяйство в целом, ибо это вырвало бы почву из-под твердой валюты и вырвало бы основное посредствующее звено хозяйственного оборота. С точки зрения социальной, проведение оппозиционных предложений означает ухудшение положения рабочего класса. Это означает ухудшение положения всей деревни в целом, бедноты и середняка в первую очередь, усиление дифференциации. Это означает усиление буржуазии, ибо в области сельского хозяйства в таких условиях укрепляется именно буржуазия. Это означает определенное усиление частного капитала в области обращения, сопряженное с ослаблением кооперации. Наконец, был бы нанесен пролетариату еще новый удар. Тут много говорили о трудностях; одной из крупнейших трудностей является безработица, а при такой политике, которую предлагает вести оппозиция, усилилось бы разорение широких масс бедняцкой деревни, и безработица увеличилась бы, потому что она растет за счет притекающих из деревни элементов. Вы видите итоги. Эти итоги говорят о полном банкротстве оппозиции

и области экономической политики, о вредности тенденций, представленных ею. Вот почему мы должны отвергнуть оппозиционную линию».

Тов. **Смирнов В. М.** Товарищи, во время одной из речей раздался из аудитории возглас, чтобы говорить поконкретнее. Я думаю, что этот возглас правилен, и думаю, что более конкретно подойти к этому вопросу — полезно. Тем более, что здесь вопрос стоял таким образом: тов. Дволайцкий в своем выступлении говорил, что мы стоим перед крупными хозяйственными затруднениями. Нет никакого сомнения, что и тов. Милютин, несмотря на внешне оптимистический тон его доклада, в сущности думает так же. А с другой стороны, тот же Дволайцкий говорил, что мероприятия, которые выдвигаются товарищами из оппозиции для преодоления этих затруднений, являются рискованными. Тогда естественно встает вопрос: какова степень затруднений с одной стороны и степень риска — с другой? Только сопоставив то и другое, мы можем решить, что нам делать. Попробуем определить поэтому, какие трудности предстоят нам в будущем году. Мы можем легко представить себе это на основании даже того доклада о контрольных цифрах, который делал нам т. Милютин, тем более, что в основном эти трудности будут приблизительно те же, которые были и в этом году.

В основном они определяются намеченным темпом индустриализации. Здесь я должен немного пополюемизировать со своим товарищем по взглядам т. Преображенским, — но вопросу о том, что такое индустриализация? Он сказал, что индустриализация есть увеличение удельного веса промышленности в общем комплексе народного хозяйства. Я думаю, что это не совсем верно, потому что дело идет не о том, как изменяются отношения между вещами — промышленной и с.-х. продукцией, — а о том, как изменяются на этой основе отношения между живыми людьми. Достаточен или недостаточен темп индустриализации определяется, следовательно, тем, как он отражается на этих людях. Какие же итоги мы имеем с этой точки зрения?

Несомненно, что с точки зрения увеличения относительной величины продукции промышленности индустриализация налицо. Но тот же тов. Краваль, который в восторге от этой индустриализации, прекрасно знает, что в течение этого года, несмотря на то, что мы 300 тысяч рабочих втянули в производство, число безработных увеличилось на 100 тыс. человек. Иначе говоря, развитие промышленности оказалось недостаточным, чтобы поглотить все увеличение свободной рабочей силы. Тот же тов. Краваль прекрасно знает, что заработная плата, которая в сентябре месяце достигла 101% по отношению к довоенному уровню, в марте месяце снизилась до 88% по отношению к этому уровню и только в течение лета чуть-чуть повысилась — на 3%. Я думаю, что, когда заработная плата, едва дойдя до довоенного уровня, немедленно при нашей хвальной индустриализации опять идет вниз и снижается на 9%, это говорит далеко не в пользу достаточности темпа индустриализации. Далее, несмотря на индустриализацию, товарный голод растет. Но подсчета, которые произведены ВСНХ, оказывается, что в течение прошлого года розничные накладки на отпускные цены

составляли в среднем за год 43%. А за этот год они достигли уже 60%, в последнее же полугодие доходят даже до 69%.

Вы знаете, наконец, что в течение этого года „индустриализация“ покупательная сила червонца понизилась довольно значительно. Кстати, тов. Сленков сейчас бросает нам обвинение, что та линия, которую предлагает оппозиция, ведет к снижению курса червонца. На это мы можем спокойно ответить товарищу Сленкову: напрасно вы киваете на нас, вы сами уже это сделали.

Поэтому, когда приходят т.т. Краваль и Сленков и говорят с во-сторгом, что индустриализация идет у нас на всех парах, то они занимаются просто арифметическими упражнениями над цифрами, как будто бы в действительной жизни живут цифры, а не люди, для которых эти оптимистические цифры означают нечто далеко не оптимистическое. Если посмотреть с точки зрения этих людей, то станет ясным, что темп индустриализации был совершенно недостаточен и что эта недостаточность ведет к очень неприятным осложнениям не только с точки зрения потребления и уровня жизни рабочих и крестьян, но и с точки зрения реального соотношения классов. Вот, например: здесь говорили о том, что нельзя обложить новым налогом кулака, так как это может повести к неприятным осложнениям со стороны середняка. Получается странная картина: мы боимся, как бы середняк не заступился за кулака, как будто мы стоим за смычку с середняком через кулака. До сих пор я думал, что мы ставим своей задачей смычку с другого конца—через бедняка. А на ряду с этой подозрительной постановкой вопроса мы имеем налицо следующий факт: к началу прошлого года, по исчислениям ЦСУ, запасы хлеба-фуража у крестьянства и частного торговца составляли 163 млн. пудов, а в начале этого года они дошли до 440 млн. Как видите, увеличение, примерно, в $2\frac{1}{2}$ раза. Как вы думаете, имеет ли этот факт значение с точки зрения классовых соотношений? Я думаю, что имеет. Ясно, конечно, что эти 440 млн. пуд. хлеба сосредоточены преимущественно в руках кулака, который с помощью их будет забалывать бедняка, а без бедняка мы не сумеем завоевать середняка, и у нас получится, вместо смычки, размычка.

Таковы опасности, которые перед нами стоят: во-первых, снижение уровня жизни рабочего класса, во-вторых, снижение курса рубля, и-третьих, ослабление смычки, в-четвертых, накопление хлебных запасов не в руках государства, которое могло бы использовать их для усиления социалистических элементов в сельском хозяйстве, а в руках наиболее зажиточной части крестьянства: при огромном увеличении запасов в руках частных собственников запасы государства расти не будут.

Перед лицом этих опасностей нам и нужно оценить тот риск, о котором говорил товарищ Дволайцкий и из боязни перед которым обрушился на наши предложения тов. Сленков. Кстати, товарищ Сленков, было бы целесообразнее, прежде чем полемизировать против какой-то статьи, которая еще не напечатана, сначала ее напечатать (Сленков: „Вам она известна“). Известна ли она мне или нет, я говорить не буду. Важно не то, что она мне известна или неизвестна, важно, чтобы она

была известна той аудитории, которая здесь сидит и которая, только прочтя ее, может определить, правильно ли то, о чем там говорится.

Дальше по поводу повышения цен.

Перейдем к нашим конкретным предложениям. Прежде всего обратимся к вопросу об отпускных и розничных ценах. Уже полтора года как мы спустили отпускные цены. С тех пор они стоят на одном и том же уровне. А розничные цены вновь сейчас подошли к тому уровню, на котором стояли в 1923 году. Мы не сумели при нашей политике цен снизить розничные цены, а теперь и по отношению к отпускным ценам мы дошли до того, что о дальнейшем понижении их и говорить не приходится. Более того, в настоящем году себестоимость промышленных изделий, несмотря на развертывание промышленности, не понизилась, а повысилась. А из недавнего обращения тов. Куйбышева вы можете ясно увидеть, что в будущем году нам грозит повышение себестоимости. Мы не сумели провести действительное снижение розничных цен: за этот год они повысились, примерно, на 25%. А теперь, в результате повышения себестоимости, мы стоим перед тем моментом, когда придется независимо от требований оппозиции повышать и отпускные цены. Тов. Сленков и здесь следует тому же методу. После того, как покупательная стоимость червонца, благодаря теперешней политике, понизилась, он упрекает оппозицию в том, что предлагаемые нами мероприятия ведут к понижению курса червонца. После того, как розничные цены уже повысились, благодаря той же политике, он обвиняет нас в том, что мы предлагаем такие меры, благодаря которым они будто бы повысятся, и объявляет это преступлением. Кому же верить, тому, кого обвиняют в том, что он собирается совершить преступление, или тому, кто его уже совершил?

(Председатель напоминает, что время оратора истекло. Тов. Смирнов просит продлить время. Просьба отклоняется).

Тов. **Литвинов**. Товарищи, в прениях по докладу тов. Милютина со стороны т.т. Пятакова, Смилги, Преображенского и целого ряда других товарищей выдвинуто требование, чтобы мы обсуждали наше экономическое положение, ничего не замазывая. Итак, давайте, действительно, ничего не замазывать. Тов. Смилга совершенно правильно заметил, что т. к. базис — экономика — более прогрессивный фактор, чем надстройка, то идеология у некоторых остается еще идеологией восстановительного процесса, хотя в эконимике этот процесс уже кончается. Товарищи, для того, чтобы убедиться в справедливости утверждения т. Смилги, не надо тсылаться на выступления товарищей представителей большинства где-то на партийных собраниях, а достаточно тех выступлений товарищей из оппозиции, которые были здесь. Против господствующего курса экономической политики выдвинуты следующие обвинения: первое — то, что мы имеем сейчас товарный голод; в этом виновата политика недостаточной индустриализации, которая велась до сих пор. Я должен сказать, что из присутствующих в этом зале не найдется ни одного грамотного экономиста, который бы мог отрицать, что если бы мы вели более быстрым темпом индустриализацию, то, т. к. у нас кончился уже восстановительный период, т. к. мы должны были

перейти к капитальному строительству, то в результате более ускоренной индустриализации мы бы сейчас, в настоящее время имели бы гораздо более острый товарный голод, чем имеем сейчас (с места: „Совершенно правильно“). Это потому, товарищи, что с идеологией восстановительного периода нужно распрощаться. Когда есть готовый основной капитал, когда нужно тратить только оборотный капитал, который реализуется быстро и даже с маленьким хвостиком прибавочного продукта, который дает пролетариат, тогда расширение производства, действительно, быстро сопровождается ростом товарной массы. Иное дело, если мы должны строить новые фабрики и заводы, если мы должны начать с основного капитала, тогда расширение капитального строительства вызовет рост товарной массы, выбрасываемой на рынок, только через года два — три — это минимум, а то и через 5—6 лет после начала нового строительства. Я поэтому должен заявить, что абсолютно неправильно, что если бы мы имели больший темп капитального строительства, мы имели бы в настоящее время более мягкий товарный голод. Наоборот, именно товарный голод был одним из препятствий к более быстрому темпу индустриализации (шум). Это положение для каждого грамотного экономиста ясно.

Второе обвинение, выдвинутое против господствующей экономической политики, основывается на том, что наш экспорт достиг только 40% довоенных размеров за последнее время, в то время как промышленность и земледелие восстановлены почти на все 100%. Что это значит, товарищи? А это значит, по мнению товарищей, что мы не имеем достаточно развитого товарооборота с крестьянством, что мы не умеем выкачивать товары из деревни. Ведь наш экспорт, главным образом, состоит из с.-хоз. продуктов. И вот я опять-таки говорю, что нельзя замазывать ничего. Можно выдвигать обвинения против курса в политике, но нужно это делать честно, нельзя скрывать того, что было. Наш довоенный экспорт, он чем объяснялся? Каждый коммунист, более или менее знакомый с экономикой царской России, знает, что мы экспортировали за счет недоедания мужика. И тот, кто выдвигает тут обвинение против ЦК в том, что ЦК вел неправильную политику, т. е. не довел нашего экспорта за счет недоедания мужика до довоенных размеров, кто обвиняет ЦК в том, что наш мужик голодает теперь меньше, чем до революции, тот ничего не понимает ни в социалистической революции, ни в тех изменениях, которые социалистическая революция неизбежно должна была у нас произвести. Ведь социалистическая революция у нас сопровождалась уничтожением полуфеодалных производственных отношений, которые господствовали в российской деревне вплоть до нашей революции (голос с места: „Надо брать у кулака“). Но вы докажите, что если бы мы брали у кулака больше, чем берем (а берем мы немало, кулака мы особенно не щадим), докажите, что тогда бы мы могли наш экспорт с.-хоз. продуктов довести до довоенных размеров. Недоедал до революции ведь исключительно бедняк.

И, наконец, третье обвинение, которое было выдвинуто т. Солнцевым и рядом других товарищей, состоит в том, что индустриализация у нас недостаточна, что, собственно говоря, никакой индустриализации

пет, т. к. мы подходим к довоенному уровню одновременно и в области промышленности и в области земледелия. Значит, промышленность не обгоняет сельского хозяйства. И вот я вас спрашиваю, разве можно здесь, в Комм. Академии, так говорить? Самый низкий уровень нашей промышленности был 18—17% довоенного, самый низкий уровень земледелия был 50—52%. Основного капитала в земледелии гораздо меньше, чем в промышленности. Следовательно, восстановление сельского хозяйства должно было идти гораздо быстрее, чем восстановление промышленности. Есть книжка известного русского экономиста проф. Гриневецкого „Послевоенные перспективы русской промышленности“, и вот в этой книжке в 1918 г., запомните, в 1918 г. уже, Гриневецкий утверждал, что даже если все существующие фабрики будут пущены в ход, мы достигнем только 60% довоенного уровня. А ведь это писалось до разрухи 19, 20 и 21 г.г. Мы сейчас имеем громадный успех в области индустриализации. Если мы, несмотря на то, что наша промышленность пала до 18% и гораздо труднее восстанавливалась, чем с. хозяйство, если мы, несмотря на все это, одновременно подошли к довоенному уровню и в промышленности и в сельском хозяйстве, то в этом великая заслуга нашего ЦК, и заявить после этого, что у нас, собственно говоря, никакой индустриализации нет, как это делает Солнцев, это либо злостная демагогия, либо недопустимое невежество. Насколько наши успехи невероятны, вам напомним один маленький документ, который был составлен буржуазными экспертами в комиссии Лиги Наций несколько лет назад. В этом документе говорится, что при импорте капиталов из-за границы в течение 20—25 лет только промышленность достигнет довоенного уровня в России. Развитие промышленности идет. Кое-какие успехи и немалые успехи у нас имеются. Этого нельзя замалчивать. Если мы забываем, каким образом шел наш довоенный экспорт, если мы забываем о том, что у нас сделано, если мы забываем, как у нас идет восстановительный процесс, если мы замалчиваем, чем вызван сейчас товарный голод, то мы не в состоянии правильно решать те проблемы, которые стоят перед нами.

Тов. Смилга и другие товарищи утверждали, что у нас в СССР все время классовые противоречия будут обостряться, и поэтому нужно ускорить темп индустриализации, чтобы крестьянству мог противостоять сильный пролетариат. Индустриализация нам, конечно, крайне нужна: она нам необходима, как воздух; об этом спорить никто не будет, особенно сторонники большинства ЦК. Наоборот, знаем же мы, что именно по директивам ЦК контрольные цифры были забракованы потому, что те товарищи, которым было поручено их составлять (тов. Смилга в их числе), эти товарищи недостаточно уделили средств капитальному строительству. Но, товарищи, нельзя говорить, что у нас все время будут все более обостряться классовые противоречия. Ибо если мы будем стоять на такой точке зрения, то выходит одно из двух: либо нужна будет еще третья революция, если существующие классовые противоречия будут все обостряться, либо же нам в конце концов придется уйти. Классовые противоречия беспрерывно будут обостряться между нашим Союзом и капиталистическими странами, это верно. Но

наша задача состоит в том, чтобы те основные классовые противоречия, которые имеются в нашей стране, противоречия между крестьянством и рабочим классом, чтобы они в процессе нашего социалистического строительства исчезали. Ведь, по учению Маркса при социализме уже не будет никаких противоречий между городом и деревней. Следовательно, эпоха строительства социализма и должна быть эпохой стирания граней между городом и деревней. Т. Преображенский улыбается. Конечно, но его теории „первоначального социалистического накопления“ выходит иначе. Но ведь его теория и противоречит Марксу. И когда с этой трибуны указал т. Преображенскому на то место „Капитала“ Маркса, где говорится, что при социализме не будет эпохи первоначального накопления, т. Преображенский мне ответил буквально, что Маркс писал в „Капитале“ о переходе к социализму промышленной страны, у нас революция произошла в земледельческой стране. Иными словами, наша революция произошла не по Марксу. Я же думаю, что революция у нас произошла по Марксу, по Марксу мы строили социализм и по Марксу, а не по Преображенскому, построим его.

Тов. Харин. Я хочу подчеркнуть то, что было уже отмечено т. т. Радек и Солнцевым в отношении взглядов тов. Милютин на перспективы развития социализма. Тов. Милютин вчера сказал, что так же как капитализм автоматически обеспечивает появление социализма, точно так же и у нас любое развитие производительных сил обеспечивает дальнейшее строительство социализма. На этом я считаю долгом остановиться, потому что здесь тов. Милютин выразил настоящий бюрократический оптимизм, который, несомненно, существует в значительных кругах нашей партии. Он сказал то, что в сущности несколько в иной плоскости развивают меньшевики. Последние утверждают, что самый объективный ход вещей при капитализме предопределяет возникновение социализма. Это, мол, было доказано еще Марксом, а раз так, то нам не о чем заботиться. Социализм придет сам собой, через 20—30—100 лет, но придет. Точно так же и тов. Милютин стал на такую меньшевистскую точку зрения наизнанку, ибо он в сущности предоставляет нам роль пассивного зрителя в социалистическом строительстве. Таким же априорным оптимизмом проникнуто и выступление тов. Струмилина. Тов. Струмилин указал, что т. Смилга паводит панику, говоря, что в 1927/28 г. у нас темп развития промышленности будет выражаться в 5%, вместо тех 15%, какие будут по контрольным цифрам в наступающем году. Тов. Струмилин тогда негодовал, обвинял в неверии и т. д., а сегодня тов. Краваль признал, что это и есть та цифра, которая отвечает действительности.

Я привожу этот эпизод, как характерный пример, когда объективный анализ действительных затруднений и поиски выхода из них заменяются безоглядными оптимистическими заклинаниями без попытки разобраться в сложном переплете нашего экономического положения. Тов. Смилга открыто нас предупреждал о предстоящей заминке в полосе строительства, связанной с недостаточным темпом развития нашей государственной промышленности, и о необходимости эту заминку преодолеть. Тов. Краваль поддерживает перспективу тов. Смилга

с фактической стороны (тов. Краваль: „Нельзя ли не извращать?—), а тов. Струмилин от всего отмахивается рукой.

Следующий вопрос, который здесь затронут тов. Милютиним и которого никто не касался, состоит в том, что контрольные цифры Госплана не предусматривают некоторого количества денежных резервов. Денежных, я подчеркиваю. Тов. Милютин констатирует, что есть две категории экономистов. Одна категория рассматривает нашу экономику, как капиталистическую, другая подходит к ее исследованию с особой точки зрения. Между тем в его собственных рассуждениях мы сталкиваемся с самой неприкрытой фетишизацией денег, какая свойственна деятелям капиталистического общества. В последнем отдельный предприниматель рассматривает дело так, что для нормального хода своего предприятия он должен всегда иметь известное количество денежных излишков, которыми он мог бы маневрировать. Приток этих излишков в банки означает фактически в общественном масштабе перераспределение материальных ценностей от одних капиталистов к другим, применяющим праздный капитал. Тов. Милютин, который похвалается правильным подходом к экономике переходного периода, переносит эту фетишистскую точку зрения индивидуального производителя на советское государство, утверждая, что нам нужно иметь известное количество денежных резервов. Откуда, однако, они должны быть взяты? Вот в чем вопрос. Могут быть различные предложения. Или тов. Милютин предполагает уменьшить ту сумму на промышленное строительство, которая отпускается по контрольным цифрам и которая и без того недостаточна, или он думает посредством печатного станка достать нужные „резервы“, с чем трудно согласиться? Стало быть, эти материальные ценности, которые необходимы государственному хозяйству для маневрирования, могут быть извлечены только путем перераспределения средств между частным и обобщественным секторами. Я остановился на этом вопросе потому, что тов. Милютин неоднократно ссылаясь в своих статьях на денежные резервы, как на панацею от всех зол, не дав себе труда указать, из какого источника они должны быть взяты.

Далее тов. Милютин говорил, основываясь на цифрах Госплана, что в смысле удельного веса общее положение в области товарооборота складывается все более благоприятно в нашу пользу. Ограничиться, однако, только утверждением, что мы вытесняем частный капитал, значит стать на сугубо-количественную точку зрения. При качественном анализе, который тов. Милютин признает обязательным, необходимо учитывать не только относительную роль частного капитала в товарообороте, но и степень его участия в распределении прибавочного продукта, производимого в нашей госпромышленности, в кустарном и крестьянском хозяйстве. Я утверждаю, что благодаря расходованию оптово-розничных цен, благодаря товарному голоду частный капитал все-таки усиливается, его накопление увеличивается, несмотря на некоторое ослабление его позиций. На это существенное обстоятельство тов. Милютин не обратил внимания.

Тон. Дволайцкий указывал, что крестьянство переплачивает на продуктах промышленности 1.050 млн. руб. (с разрешения т. Крапала будем все-таки цитировать неопубликованные в прессе цифры). Я не касаюсь сейчас вопроса о том, насколько правильно приведенные тов. Дволайцким данные. Итак, т. Дволайцкий говорил, что частный капитал получает на этой переплате 200 млн. рублей (т. Дволайцкий: „Дажеслишим“). Неважно точно. Он указывал, что эта переплата не совпадает с прибылью. Совершенно правильно, если он говорит о переплате, следовательно, предполагает, что, помимо этой переплаты, полагается известная средняя нормальная торговая прибыль, т.е. если бы цена была с его точки зрения нормальной, известная часть торговой прибыли должна была бы идти к торговому капиталу. Значит, мы имеем не только то, о чем говорит т. Сленков, т.е. валовую прибыль, а величину, которая целиком идет на усиление частного капитала (с места: „Какая величина“). Я аргументирую цифрами т. Дволайцкого, — 200 млн. руб. Дальше т. Дволайцкий указал, что нам ни в коем случае нельзя ставить вопроса об увеличении отпускных цен потому, что как никак, а кооперация все-таки известную долю продукции государственной промышленности доставляет крестьянству. К сожалению, он не указал долю. Если это соображение правильно относительно города, то доля кооперативного оборота в деревне очень незначительна (т. Дволайцкий: „67% государственной и кооперативной торговли“). Я утверждаю, что то снижение, которое в известной мере в кооперативном аппарате имеется, до крестьянства не доходит.

Тов. **Айхенвальд**. Ряд товарищей, которые выступали здесь с определенной общей тенденцией, с определенным образом мыслей, совершенно не могут похвастаться тем, чтобы их выступления были увязаны в какое-то более или менее согласованное целое. Не только один противоречил другому, не только было трудно, например, увязать выступления т. Сокольников и т. Пятакова, но даже внутри каждого из их выступлений имелось налицо сцепление, смешение самых разнородных и противоречивых положений. Возьмите, например, тот факт, что т. Смирнов чрезвычайно заботливо и подробно говорил о том, что нам необходимо удовлетворять потребности трудящихся масс. В частности, он заботился об увеличении потребления рабочего класса. Попробуйте увязать это с утверждением как того же товарища Смирнова, так и других товарищей, что нам нужно как можно больше средств загонять в основной капитал путем изъятия средств из деревни, путем изъятия средств из всех возможных источников для того, чтобы ускорить индустриализацию. Совершенно ясно, что товарищи в этом случае не связали концов с концами, не согласовали собственных же положений. Товарищи просто хотят вести политику по принципу, чтобы и „волки сыты и овцы целы“, они стараются расшаркиваться во все стороны, они хотят всем говорить только одно приятное. Когда т. Смирнов выступал сейчас в защиту червонца, то мне вспомнилось, что всего несколько месяцев тому назад здесь же, на заседании в Коммунистической Академии, он предлагал снизить внешний курс червонца. А теперь он выступает ярым защитником червонца. Словом,

нельзя сказать, чтобы все выступления т. т. здесь имели строго-принципиальный и выдержанный характер, этого никак нельзя сказать. Но зато в одном пункте мы имели полное единодушие—это в пункте о трудностях. И Смилга, и Сокольников, и Пятаков—все они заявляли, что ошибка Бухарина заключается в том, что он, под влиянием „восстановительных“ успехов, закрывает глаза перед трудностями. При этом каждый из них говорил, что совершенно неправильно на основе восстановительного темпа, на основе тех итогов, которые подведены в контрольных цифрах, заключать что-либо о дальнейшем строительстве социализма в обстановке капиталистического окружения. Повторяли одно и то же, что восстановительный процесс ничего не значит, что он ни о чем еще не говорит, и т. д. Тов. Смилга сказал, что это „период малых дел революции“, т. Преображенский присоединился к нему. Другие т. т. говорили, что на основе восстановительного темпа нельзя делать никаких выводов о реальном развитии хозяйства и что восстановительный итог не дает никаких результатов, потому что это своеобразный период, потому что мы только возрождали старые резервы, что мы пускали в ход стоящие заводы и проч. Я не буду сам опровергать эти утверждения товарищей. Я приведу маленькую цитату из книжки другого товарища, который здесь не выступал, но который, вероятно, вдохновлял многие из сегодняшних и вчерашних речей. Тов. Троцкий год тому назад в книге „К социализму или к капитализму?“ писал следующее: „Изучение же этой динамики показывает, что в труднейший период, когда крупные предприятия обнаруживали больше свои отрицательные преимущества, чем положительные, государство с полным успехом выдержало борьбу с первой атакой частного капитала... теперь, когда основные позиции гораздо более надежно закреплены одним тем, что крупные предприятия приближаются к загрузке 100%, не может быть никаких оснований опасаться каких-либо неожиданностей, поскольку дело идет о внутренних факторах нашего хозяйства“ (стр. 17, 1-го издания). Товарищи, это совершенно ясная формулировка мысли, которая говорит о том, что восстановительный период, это „труднейший период“, что раз мы прошли его, у нас нет оснований опасаться, что в дальнейшем у нас будут неожиданные трудности, и т. д. И вот, не прошло еще и года (предисловие к немецкому изданию этой брошюры написано тов. Троцким 7/XI—25 г.), как товарищи, которые как будто бы во всем соглашались с т. Троцким, выступают с противоположными вещами: что это период малых дел революции и т. д., и только вот теперь открываются необятные трудности, новая „черная полоса“. Товарищи, если мы задумаемся в этот поворот, то мы убедимся, что этот поворот вызван далеко не принципиальными соображениями. Просто здесь на потребу текущей полемики товарищи в корне меняют свою собственную оценку: то, что в 1925 г. было радужно-розовым, теперь окрашивается в мрачно-черные цвета. То же самое можно наблюдать и в других пунктах.

Например, большинство здесь присутствовавших товарищей слышали, как тов. Пятаков совершенно категорично и ясно сказал, что

все данные об удельном весе частного и государственного сектора не дают ответа на знаменитый ленинский вопрос: кто кого? Открываю эту же прошлогоднюю книжку тов. Троцкого и читаю там следующее: При переходе к нэпу исторический вопрос был формулирован Лениным в двух местоимениях: „кто кого“... опасения одних и надежды других нашли чрезвычайно серьезную проверку, и результаты ее выражены в контрольных цифрах нашей общественно-хозяйственной сметы... Пусть грубо и предварительно, но мы уже подсчитались, мы количественно определили взаимоотношения социализма и капитализма в нашей экономике—для сегодняшнего дня и для завтрашнего. Мы получили, благодаря этому, драгоценный практический материал для ответа на исторический вопрос: кто кого (стр. 7—8). Скажите, т. т., кто же прав, тов. Троцкий конца 1925 года, заявлявший, что эта историческая динамика и исторический вес дают ответ на вопрос „кто кого“, или же прав тов. Пятаков конца 1926 года, заявляющий, что вся динамика удельного веса не дает ответа на этот вопрос? И неужели не ясно, для чего понадобилась подобная перемена? Она понадобилась для сознательного умаления наших успехов, для обоснования собственного паникерства.

Сейчас еще один маленький пункт. В предисловии к этой брошюре тов. Троцкий дал общий итог динамики нашего хозяйственного развития по контрольным цифрам, которые были менее благоприятны для нас, чем теперешние. Он писал следующее: „Лгут те, кто говорит, что развитие производительных сил идет в капиталистическом направлении“ (уж не имел ли тов. Троцкий в виду некоторых из теперешних своих союзников?) „в промышленности, транспорте и средствах связи, в торговле, финансах и кредитной системе, по мере роста производительных сил, роль государства, как экономической единицы, не только не уменьшается, а наоборот, усиливается в рамках всего народного хозяйства. Об этом неопровержимо свидетельствуют факты и цифры“.

Тут тов. Троцкий совершенно ясно отвечает на вопрос „кто кого“, опираясь именно на динамику роста отдельных секторов. Социализм побеждает капитализм во всех важнейших областях, и т. Троцкий считает, что мы наступаем. Более того, тов. Троцкий, говоря о данных по расслоению крестьянства, пишет следующее: „Но эти данные ни в коем случае не смогут изменить основную перспективу, намеченную в этой работе“.

Значит, он говорит о победе социализма не только на основании тех данных, которые были в контрольных цифрах, но он даже заранее, авансом говорит о том, что деревенское развитие и расслоение крестьянства ничего не может изменить в нарисованной им картине. Наконец, тов. Троцкий с пафосом заявляет, что в сухих контрольных цифрах „звучит великолепная историческая музыка растущего социализма“. Как видно, большего оптимизма и предать себе нельзя.

Тов. Преображенский тут заявил, что того, кто говорит, что у нас все благополучно, надо назвать болтуном и выгнать из этой комнаты. Я считаю, что если бы тов. Троцкий был здесь, то тов. Преображенскому пришлось бы отнести это свое предложение в первую очередь

именно к нему (тов. Преображенский с места: „Вы неправильно поняли Троцкого“). Таких вещей нельзя не понять, и вам не удастся извратить этих слов вашего собственного вождя, т. Троцкого (тов. Преображенский с места: „У вас выходит просто строительство социализма на одной улице“). Тов. Преображенский, это очень дешевые шутки. Их повторяют сейчас все оппозиционные несмышленики, которым нечем прикрыть своего идейного убожества.

Вы указываете, что период восстановления был периодом малых дел. Вы требуете сравнения нашего роста с коэффициентами мирового хозяйства. Между тем, это сравнение как раз доказывает, что процесс восстановления идет у нас более плавно и гораздо более быстро, чем в капиталистических государствах, я это сейчас докажу. Если вас и это не удовлетворит, что же вам в таком случае нужно, тов. Преображенский? (С места: „У вас мозги не в ту сторону варят“). Вероятно, у некоторых товарищей мозги реконструированы так, что они не могут ни слушать ни говорить ничего путного. Т. т., если единомышленники т. Преображенского мне не будут мешать, я приведу вам ряд цифр. Я возьму данные о посевной площади в СССР по сравнению с другими странами. В процентах к довоенному мы имеем в СССР: в 22 году — 63%, в 23 г.—77%, в 24 г.—83%, в 25 г.—86%, т.е. неуклонный рост из года в год. Во Франции мы имеем: в 22 году—80%, в 23—81,8%, в 24 году—81,2% в 1925 г. всего 81,7%. Как видно, несмотря на то, что Франция перенесла гораздо меньше потрясений, чем СССР, у нас сельское хозяйство восстановлено не в меньшей, а в большей степени, чем у нее (с места: „А для промышленности“). Не беспокойтесь, я сейчас перейду и к промышленности. Итак, наш восстановительный процесс шел более быстрым темпом, чем восстановительный процесс капиталистических стран. Откуда это берется? Это объясняется тем, что мы имеем плановое социалистическое строительство. Если вы это отрицаете, то это доказывает только ваше неверие в возможность социалистического строительства. Товарищи кричали о промышленности, беру таблицы. Добыча угля у нас в % к довоенному в первом полугодии 1926 г. дает 85%, а в Западной Европе в 1925 г. — 89%, а в первой половине 1926 г., в связи со стачкой, — 75%. И это несмотря на то, что в 1921 г. мы спустились до жалкого уровня—29%, в то время как на Западе продукция не падала ниже 65%. В металлургии: производство стали в СССР с 1921 г. по первую половину 1926 г. поднялось с 1,3% довоенного до 69,4%, а в Зап. Европе с 48,7% до 90,8%. Как видно, хотя в Зап. Европе уровень и выше, но все же, несмотря на ужасающий упадок, мы догоняем Зап. Европу, мы восстанавливаемся по темпу скорее ее. Возьмем хлопок: выработка хлопчатобумажной ткани в СССР в первый квартал 1926 года дала 80% от довоенного, а английский показатель дает всего 65% ¹⁾. Как видно, в восстановлении хлопчатобумажной промышленности мы ничуть не

¹⁾ См. „Пл. хозяйство“ № 5 стр. 290 — 291. Английский показатель—экспорт ткани из Англии, составляющий 80% продукции. Бюлетень сектора мирового хозяйства Госплана все время считает его показателем выработки.

отстаем от Англии, даже, повидимому, обгоняем ее. А разве можно сравнить то, что перетерпели мы, с тем, что вынесла Англия? Нам было в десять раз тяжелее, и все-таки мы не отстаем.

Теперь приведу еще данные о темпах восстановления. Они не из контрольных цифр, а из сборника „Мировое хозяйство“ за 1919—1925 годы. издание ЦУП'а. Там вы имеете следующие темпы в % к 1919 году. Рост продукции угля в СССР: в 20 году — 91,3%, в 21 г. — 101,8%, в 22 г. — 108,3%, в 23 г. — 159,3%, в 24 г. — 192,1%, в 25 г. — 210,8%. Здесь виден неуклонный процесс промышленного восстановления. Беру среднее производство всех европейских стран, за исключением СССР (тоже в % к 1919 году): в 20 году — 107,7%, в 21 г. — 93,8%, 22 г. — 118,2%, в 23 г. — 113,6%, в 24 г. — 127,7%, в 25 году — 123,1%. Вывод напрашивается сам собой: наш восстановительный процесс идет беспрерывно, энергично, а в европейских странах со срывами и колебаниями. То же самое мы имеем и в производстве чугуна, стали и т. д.: у нас — беспрерывный подъем, на западе — колеблющаяся кривая вверх. Это можно объяснить только одним — только тем, что наши социалистические плановые преимущества уже сказались на восстановительном процессе, отрицать этого нельзя. Совершенно ясно, что восстановительный процесс у нас обеспечивался благодаря плановой социалистической работе гораздо более плавно и быстро, чем в капиталистических странах. Закрывать на это глаза — это значит не верить в строительство социализма. Ибо это в корне опровергает все рассуждения Смильги и др. о восстановительной идеологии и доказывает всю необоснованность их паникерства. Мы на основе опыта восстановительного периода можем быть уверены в том, что наши социалистические преимущества — вещь реальная, и что поэтому уже доказанным является то, что у нас есть основа для строительства социализма в капиталистическом окружении.

Подвожу итоги: в 1923 г. вы, дорогие товарищи, кричали о гибели страны. В 1925 г. вы говорили о „великолепной музыке растущего социализма“. Теперь, в 1926 г., товарищи, вы опять переменяли ориентацию, и те, кто раньше несли дифирамбы, теперь кричат о гибели. И после этого шатания из одной крайности в другую вы думаете, что партия пойдет за вами. Партия понимает, что все эти разговоры, выступления, сомнения есть сомнения совершенно непролетарского характера, выявляющие неверие в социализм, как бы они от этого ни отрещивались (аплодисменты).

Тов. Стэн. Товарищи, я постараюсь быть очень кратким, вполне учитывая, что вы достаточно устали. Я также, выслушав огромное количество речей, устал и не захочу произносить очень длинной речи, так что наши интересы совпадут. Для того, чтобы перейти к вопросу по существу, я должен просто констатировать один факт. Некоторые товарищи подчеркивали, что мы находимся в стенах Коммунистической Академии, что здесь идет теоретическое обсуждение вопроса. Я думаю, что ни у кого с самого начала не было сомнения насчет того, что здесь совершается. В особенности всякие сомнения исчезли и должны были исчезнуть после речи т. Радека (голоса: „Правильно“; аплодисменты). Тов. Радек поставил вопрос в совершенно новую плоскость.

Он открыл политическую дискуссию (с места: „Это сделал докладчик“). Докладчик этого не сделал. Он занимался анализом контрольных цифр. А т. Радек занялся клеветой на Центральный Орган нашей партии (продолжительные аплодисменты). Он выступал против Центрального Комитета (с места: „Сленков не Центральный Орган Партии“). Было сказано о Центральном Органе. Если в самом деле вопрос становится в плоскость политической дискуссии, то не здесь место ее начинать, ибо не место здесь ее поднимать („Правильно“). Если хотите, начинайте в другом месте. Но, товарищи, поскольку вопрос переведен в политическую плоскость, мне кажется, что нужно в самом деле выявить то центральное ядро, тот основной вопрос, который занимает и волнует всех нас. В чем он заключается? Все товарищи подчеркивали, что наша революция переживает переломный момент. Сказано абсолютно правильное слово: наша революция переживает переломный момент. По своему перелому по силе этого перелома можно сказать, что мы имеем в области нашего экономического строительства выявление наружу в более развернутом и усиленном виде тех задач, которые были поставлены Октябрьской революцией. В октябрьские дни мы захватили политическую власть — сейчас мы идем прямо и практически подходим к закладке фундамента социалистической экономики. Все выступающие говорили: „Восстановительный период закончен, вопрос идет о строительстве нового, вопрос идет о вовлечении в производство нового основного капитала, а не об использовании старого производственного аппарата и старого основного капитала“. В этом смысле наша революция в самом деле переживает коренной переломный момент, и непосредственно встает в порядок дня переход к социалистической экономике (с места: „А раньше“). Как основная стратегическая задача; построение фундамента социалистической экономики была поставлено перед нами при переходе к нэпу. Но тогда нам в первую очередь пришлось заниматься просто восстановлением производительных сил, возобновлением расшатанного производственного аппарата. В особенности пришлось напирать на с. хозяйство, на этот полюс нашего народного хозяйства. Переломный момент нашей революции характеризуется тем, что нэп вступил во вторую полосу, в полосу, когда задачи индустриализации выдвигаются на первый план и задача построения фундамента социалистической экономики становится основной задачей, накладывающей отпечаток на всю повседневную практическую хозяйственную работу. Отсюда не случайно выросли споры о возможности построения социализма. По мнению Радека, утверждение о возможности построения социализма в одной стране выросло в грязной канаве оппортунизма, обследованием которой так усердно за последние годы он занят. Ведь находятся умники, доказывающие, что постановка вопроса о возможности строить социализм в одной стране есть выдумка т. т. Сталина, Бухарина, выдумка бюрократов, что это ничего общего с ленинизмом не имеет. Но это проявляется у такого рода людей, которые не желают поинтересоваться, как ставил Ленин этот вопрос, как он подходил к нему. Непосредственно перед тем, как он ушел, он дал ответ на этот вопрос.

Ленин предвидел, что этот вопрос станет злободневным вопросом, что на этот вопрос придется дать ответ партии. Я считаю необходимым здесь привести несколько мест из Ленина, для того, чтобы словами Ленина выяснить вопрос о возможности социалистического строительства у нас в советском Союзе. Я читаю это место: Второе — им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития. Им не приходит даже, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран вне-европейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, но общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западно-европейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным.

Например, до бесконечна шаблонным является у них довод, который они выучили наизусть во время развития западно-европейской социал-демократии и который состоит в том, что мы не доросли до социализма, что у нас нет, как выражаются разные „ученые“ господа из них, объективных экономических предпосылок для социализма. Никому в голову не приходит спросить себя: а не мог ли народ, встретивший революционную ситуацию такую, которая сложилась в первую империалистическую войну, не мог ли он под давлением безвыходности своего положения броситься на такую борьбу, которая хоть какие-либо шансы открывала ему на завоевание для себя не совсем обычных условий для дальнейшего роста цивилизации.

„Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм“. С этим положением все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носят, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, а мне кажется, что оно не является решающим для оценки нашей революции“ (Ленин, том XIII, стр. 118—119).

Ленин прямо говорит, что, когда мы ставим вопрос о социалистическом строительстве, вопрос о том, достигла ли Россия к моменту начала революции нужного уровня производительных сил, это не является решающим для определения характера русской революции. В этом заключается своеобразие русской революции, в этом заключается одна из важнейших ее исторических особенностей. Этого-то и не понимают т. т. Троцкий, Зиновьев и Преображенский, они на этом спотыкаются и, впадая в тон меньшевиков, утверждают, что у нас невозможно социалистическое строительство (тов. Преображенский с места: „Ленин говорил о взятии власти, ваша цитата к делу не относится; это клевета“). В таком случае послушайте другое место, может быть, оно будет более соответствовать делу. Ленин пишет: „В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно,

потому что теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д., — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торговашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при этом также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения“ (Ленин, том XIII, стр. 140).

Вопрос поставлен т. Лениным совершенно ясно. Ясно указано, что основная особенность русской революции заключается в том, что, опираясь на соотношение классов внутри страны и в мировом масштабе, можно захватить государственную власть и направить страну на путь социалистического строительства, создавая более высокую технику.

На XIV съезде партии был совершенно ясно поставлен вопрос о возможности социалистического строительства в одной стране. Т. т. Сталин и Бухарин не раз подчеркивали, что эта задача вполне осуществима, но они вместе с тем указывали, в каком смысле и как это надо понимать. В нашей стране имеются противоречия между пролетариатом и крестьянством, а с другой стороны, наше хозяйство включено в мировую систему, что порождает внешние противоречия с капиталистическим миром.

Первую группу противоречий можно разрешать в рамках одной нашей страны. По мнению Троцкого, а теперь и по мнению Зиновьева и Каменева, противоречие между пролетариатом и крестьянством непреодолимо в рамках нашей страны. А в условиях замедления темпа международной революции это означает, что мы не можем строить социализма, а по отношению к крестьянству нам приходится вести своеобразную политику „трюков“, выжидать и отсиживаться до наступления мировой революции. Когда мы указываем на то, что у нас имеются все предпосылки для построения полного социалистического общества, то это означает, что мы можем преодолевать противоречия между рабочим и крестьянством, как отдельными экономическими категориями, в рамках одной страны. Но это не означает, что мы силами одной страны можем преодолеть наши внешние противоречия с капиталистическим миром, из которых вырастает опасность новых военных нападений на нас, опасность прямого срыва социалистического строительства со стороны капитализма. В этом смысле окончательная победа социализма в одной стране невозможна. Вместо того, чтобы вопрос о победе социализма в одной стране расчленить на отдельные задачи и концентрировать внимание и волю партии на конкретных задачах строительства, оппозиция в лице Троц-

кого, Зиновьева и Каменева голо отрицает возможность победы социализма в одной стране и этим производит дезориентацию партии и искажение перспектив социалистического строительства. Тов. Преображенский и Радек здесь прямо издевались над возможностями строительства социализма в одной стране, указывая, что это равносильно строительству социализма в одном уезде, на одной улице. Они сами приходят в полный восторг от своего уличного остроумия, но им не хватает политического ума, чтобы уразуметь такую простую политическую истину, что они своими издевательствами стремятся привить свое расслабление воли и дезориентировку партии, ослабить волю партии к борьбе за социализм (с места: „Правильно“). Партия правильно сумела расчленить (аплодисменты) основную историческую проблему и практически перед собой поставить задачу строительства. Она может ошибаться в отдельных случаях. В практической работе могут быть ошибки, но здесь мы видели не стремление исправить эти ошибки, а стремление сорвать всю работу (аплодисменты). Т. т., нужно сказать, что эти люди не столько заинтересованы в восстановлении нашего хозяйства, сколько в восстановлении своей расшатанной политической репутации (аплодисменты). Те колоссальные трудности, которые стоят перед нами, будут партией преодолены, и ваше ренегатство и дезертирство партию не смутят (аплодисменты). Вы ставите вопрос о восстановлении своей расшатанной политической репутации. Партия ставит задачу преодоления трудностей настоящего периода революции (с места: „Демагогия“). Партия свою задачу выполнит, доведя дело социалистического строительства до конца. Вы же свою задачу едва ли выполните (аплодисменты).

Заключительное слово тов. Милютина.

Если произвести классификацию возражений оппонентов, то они разделяются на три главные группы. Первая группа—это группа принципиальных возражений о методах регулирования хозяйства и определения характера экономического развития. В течение двух дней здесь были сделаны заявления, характеризующие то, что оппоненты, которые выступали здесь, в основу своих предложений по экономической политике вводят элементы буржуазной экономики; так, например, тов. Преображенский заявил, что, по его мнению, развитие деревни идет в капиталистическом направлении, тов. Пятаков заявил, что мы должны сейчас усилить в области торговли сектор частного капитала—это во-вторых, и, наконец, тот спор, который развернулся по вопросам, строим ли мы социализм в одной стране и означает ли социалистическое строительство строительство социализма или нет,—полностью отвечает на вопрос: куда идут товарищи из оппозиции. Те шуточки, которые отпускал тут тов. Радек с кафедры по этому вопросу, крайне характерны,—но поводу этих шуточек пусть скажет на страницах „Правды“ тов. Демьян Бедный, а я отвечать не буду. Но вот тов. Сокольников заявлял по этому вопросу следующее: „Если бы земной шар был в шесть раз меньше, и кроме нашего Союза, ничего не существо-

вало бы, то тогда проблема строительства социализма в одной стране, в такой стране, кроме которой ничего вокруг нет, был бы поставлен, как вам угодно было его ставить". Дальше: „Тов. Милутин не рисковал бы выставлять такого положения. Это потому, что вы забыли одну простую истину: ведь социализм есть система мирового хозяйства, и поэтому кто говорит, что мы построим социализм в одной стране, тот не прав". Тов. Преображенский старался это скрыть и говорил: „Не забывайте одного — мы строим социализм между двумя боями". Кто же забывает? (Тов. Преображенский: „Вы первый"). Можете ли вы привести хоть одну строку? Не можете. Вот первый раздел наших разногласий. Далее, вы не можете возразить, что то, что вы предлагаете, а именно — рассматривать деревню, как только развивающуюся в капиталистическом направлении, что это есть измена нашим взглядам на крестьянство; когда Ленин говорил, что мы пойдем к социализму со всей массой многомиллионного крестьянства, разве мы говорили, что крестьянство развивается к социализму, ведь мы говорили, что существуют две тенденции в деревне: социалистическая и капиталистическая. А вы говорите об одной тенденции, и только таким путем получаете объяснение ваша политика (тов. Преображенский: „Какая сейчас преобладает?"). Это мы будем спорить; если вы думаете, что капиталистическая, то вы глубоко ошибаетесь. Это первая группа разногласий. Вторая заключается в практическом анализе тех мероприятий, которые мы предлагаем, которые должны носить цифровой характер, от какого анализа тов. Преображенский на этой кафедре усердно отбрыкивается, проводя, между прочим, неверное сальдо в отношении промышленности по нашему бюджету (тов. Преображенский: „Там опечатка"). Вы же сказали, что „прорабатывали" этот вопрос, а теперь оказывается виновата „опечатка". Больше того, когда мы говорим о точном установлении цифрового соотношения, это не просто собрались любители статистики и занимаются статистикой, а потому, что соотношение представляет соотношение закономерностей, а если они будут нарушены, мы встанем перед угрозой кризиса. Политика, которую вел тов. Пятаков в смысле увеличения затрат в основной капитал, прекрасно понимая, что эти затраты дадут результат в смысле увеличения продукции легкой индустрии года через три, а сейчас для ближайшего времени эти затраты ложатся тяжело для нас, замазывает этот факт. Это основная трудность, а вы представляете, что чем больше в основной капитал отдадим, тем самым сейчас нам легче будет. И когда тов. Пятаков представлял чрезмерные цифры затрат в основной капитал, то этим толкал хозяйство на кризис. И товарищ Солнцев ничего не понял, почему в прошлом году мы отстаивали одни цифры против цифр Пятакова, а в этом году — другие. Положение изменилось, ресурсы увеличились. Вот почему. Это вторая группа разногласий — относительно установления точных цифровых соотношений. Третья группа „разногласий", я беру их в кавычках потому, что некоторые

товарищи, являющиеся вашими противниками, приняли за обыкновенные, выступая с кафедры, заявлять о тех мероприятиях, которые приняты и проводятся так, как будто они их выдумали, а не взяли из принятого давным-давно и проводимого в жизнь; например, тов. Преображенский выступал в защиту того, что нужно кооперации увеличивать собственный капитал. Все это говорилось так, как будто этого никто не знает и никто не предлагает, что мы не понимаем, а вот тов. Преображенский открыл новую Америку (тов. Преображенский: „А воз и ныне там“). Неправда, вы не знаете цифр, давайте сейчас это проверим (аплодисм.); тов. Преображенский: „Ничтожное увеличение“. Паевой капитал на 1/IX—24 г. в потребительской кооперации составлял 15,9 млн., в 1925 г. до 30,7 к 1925 г. и к 1-му октября 1926 г.—до 44 млн. Паевой капитал в 3 раза увеличился (тов. Преображенский: „А наши средства $\frac{1}{3}$ миллиарда?“). Прибыль возросла с 15 млн. рублей до 48 млн. руб. на 1/IX—25 г. и до 106 млн. на 1/IX—26 г. Во сколько раз? Это будет в 4 раза возросшая прибыль. Мы говорим о чем? По сельскохозяйственной кооперации собственный капитал сейчас равен 235 млн. руб. (тов. Преображенский: „А довоенный?“). Тов. Преображенский, вы сейчас другое говорите, вы забываете одну маленькую деталь, что наша кооперация—это бедняцкая, середняцкая кооперация, а кооперация довоенная—это кооперация зажиточная, а вы нас хотите довоенными цифрами тыкать. Оставьте их при себе. Не знал тов. Преображенский, с какими он данными имеет дело, и извращал характер развития кооперации в деревне. Сколько писалось о накоплении собственных средств кооперации, и ЦК об этом публиковал не раз, а вы это нам преподносите, как новую Америку. Точно так же по другому вопросу: относительно резервов. Тов. Сокольников загнул весьма широковежательно, что мы бюрократически ставим дело и т. д., а что он—реальный политик, все трудности видит, но когда он старался развернуть систему мероприятий, то указал только на необходимость резервов, а потому на различные цены. Как было дело с резервами у тов. Сокольникова, я расскажу. О резервах неоднократно писалось, и об этом XIV партсезд вынес решение. В этой области мы боролись. В своем докладе я поставил вопрос о резервах. В „Правде“ была опубликована моя статья об этом, кстати, тут тов. Харин высказался, что требование денежного резерва—это денежный фетишизм. Он даже не знает, что тов. Пятаков подписал в свое время инструкцию составления контрольных цифр, где были указаны цифры резерва в 35 млн. руб. Таким образом, резервы тоже не изобретение тов. Сокольникова. Обращаясь к госбюджету, он говорил, что мы не учитываем дефицит. 4 миллиарда рублей доходов было установлено бюджетом, нужно было иметь из них изытков 117 миллионов. Мы будто бы имеем дефицит в 200 миллионов. Тут, конечно, опять-таки неверные данные. По данным Госплана, вы имеете выполнение доходной статьи на 3 миллиарда 850 млн. рублей. Тов. Сокольников это знал, но он играл на незнании аудитории, а затем дело заключается в том, что мы недобрали значительную сумму, около 100 млн. рублей, по акциям Центроспирта и по сахару. Эти

средства были взяты у населения, но они были оставлены Совнаркомом у хозяйственных органов. Они были оставлены у промышленности. Следовательно, они сосредоточены в государственных руках. Затем, тов. Сокольников указывал на дефицит в 200 млн., но ведь нам надо говорить о реальном дефиците. Эти данные тов. Сокольников прекрасно знал, но они были им с этой кафедры сознательно извращены. Он говорил о дефиците в области валюты. Но ведь тов. Сокольников является первым виновником в этом деле. Когда мы боролись за импортный план, то не кто иной, как тов. Сокольников, провел закупку за границей готовых предметов на несколько десятков миллионов рублей, на сумму, в два раза превышающую то, что мы затратили на ввоз оборудования. Это являлось одной из причин понижения наших валютных запасов. Кроме того, тов. Сокольников явился автором так называемой золотой интервенции, на которой наше государство потеряло несколько миллионов золота. После тов. Сокольников эта политика была коренным образом изменена, поэтому нельзя тов. Сокольникову выступать и упрекать нас, что мы не оставили валютных резервов. Я касался трудностей, стоящих перед нашим хозяйством. Трудности у нас большие; у нас ощущается недостаток топливных и сырьевых ресурсов. Я сказал, что для промышленности нам нужен резерв для маневрирования. Тов. Сокольников это забыл; он начал с широковещательных фраз и не предложил ни одной меры, могущей облегчить наше положение.

Что касается тов. Преображенского, то он как будто бы предложил практические меры, указав (в этом отношении он согласен с тов. Пятаковым), что нам необходимо в настоящий момент увеличить обложение зажиточной части деревни. На сей раз тов. Преображенский отступает от своей прежней позиции. Он в своей „Новой экономике“ писал в свое время нечто иное, а именно: „Обложение не социалистических форм не только неизбежно и должно иметь место в период первоначального социалистического накопления, но оно неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как советский Союз“. Далее, тов. Преображенский пишет: „Задача социалистического государства заключается здесь не в том, чтобы брать с мелкобуржуазного производителя меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого хозяйства страны“.

Вопрос шел об увеличении обложения всего крестьянства, и это мотивировалось тем, что мы индустриализацию будем вести за счет крестьянства, за счет обложения только крестьянства. Вот как стоял вопрос, и эта постановка означала на деле разрыв смычки. Сейчас часть оппонентов, выступавших здесь, говорила, что мы не хотим обкладывать зажиточной части крестьянства. Это ввдор. Тов. Преображенский в этом меня упрекал, будто я это сказал. Позвольте, я процитирую мои слова по стенограмме: „Индустриализация, усиление социалистических форм хозяйства происходят за счет всего народного хозяйства, и в этом отношении та политика, которую предлагает тов.

Преображенский—об обложении новыми налогами для индустрии крестьянства—является, на мой взгляд, неправильной, ибо крестьянин сверх того, что он платит, сверх своего сельскохозяйственного налога ничего больше вносить не может, это привело бы нас только к усложнению наших экономических и политических взаимоотношений с деревней, и в этом отношении наша политика не отвечала бы тому экономическому развитию, которое мы имеем“. Вот что я сказал. Ведь реорганизация, реформа сельскохозяйственного налога в нынешнем году заключается в том, что мы увеличиваем налог зажиточной части крестьянства. Можем ли мы или не можем увеличить сельскохозяйственный налог? Вот как вы ставите вопрос, и нечего отбоаиваться общими фразами: „мы ведем общую политику“. Надо ставить конкретно вопрос: можем ли мы повысить это обложение или нет, и нечего скрываться фразерством. В сельхозналоге мы проводим прогрессию, прогрессивное увеличение налогового бремени на зажиточное крестьянство. Это вы скрываете для каких целей, для каких задач? (Тов. Дволайцкий: „Прогрессия до 25% валового дохода“). А 600 млн. запас? Должен сказать, что точных подсчетов о запасе мы не имеем, это то, что предполагается в нынешнем году по чисто статистическому методу учета, это и довоенный запас крестьянства (с мест: „Лучших лет“). В лучшие годы запасы были выше. Мы имели два урожайных года подряд, если следующий будет неурожайный год, а для этого имеются некоторые данные статистики, по которой из 4 урожаев бывает один остронеурожайный и другой с депрессией. Вы не учитываете в нашей политике эту перспективу? Вы не хотите оперировать этими данными. По-моему, легкомысленно оперировать, не учитывая этих обстоятельств. Если годы будут неурожайные, придется хлеб ввозить из-за границы, тратить валюту, которой мы не имеем. Это настоящая политика кризисов. В-четвертых—усиление частного. У тов. Пятакова здесь последовательная политика, так как, по его словам, частник платит наличными лучше, чем кооперация. Вот в чем политика. Но частник вам сейчас заплатит наличными за полученные товары за счет кооперации, за счет уменьшения доли кооперации, и это приведет к политике срыва внутреннего рынка (возгласы: „Правильно“). И здесь мы видим, что ваша политика есть политика кризисов. И тогда никакими административными мерами вы этого снижения не произведете. Здесь тов. Преображенский задавал вопрос, как снизить розничные цены? Я отвечаю. Путем усиления кооперативного сектора в розничной торговле. Мы не попадем под стихию рынка, в которую вы попадаете, усиливая сектор частного капитала. Вот ваша политика, вот что вы можете предложить. Тов. Пятаков вышел с цифрами капитальных затрат. Он очень добрый человек и согласен затрачивать большую сумму на индустриализацию, а нас упрекает, что мы недостаточную сумму даем. Если бы дело зависело от доброты и расчетов схематических, оторванных от действительных соотношений хозяйственной жизни, тогда бы цифры тов. Пятакова мы увеличили: в смысле доброго желания мы больше желаем индустриализации, чем вы. Я согласен на два миллиарда, что вы сомной поде-

лаете? Да, но не в этом дело. Вынесет ли народное хозяйство такую затрату в основной капитал без кривиса? Вот как дело обстоит. Нам приходится тратить и в основной капитал, и в легкую индустрию, и на область товарооборота, и, тов. Пятаков, у нас еще оборона страны требует средств, культурное развитие требует средств (с места: „И мы даем гроши на это“). Мы даем гроши на это—верно. Это все—связанная система расчета. И вместе с тем лимит нам ставит экспорт и импорт определенно. И если бы вы пришли и сказали: „при всех этих учтенных затруднениях мы можем затратить в основной капитал миллиард двадцать миллионов“—я голосовал бы за вас. Но я знаю, что эта цифра высосана схематически, вы схему построили, но такую, которая ведет к кризису в народном хозяйстве. Вы хотите толкнуть нас на кризис вашей политикой. Когда вы говорите о развитии народного хозяйства, вы отрицаете его плановое регулирование. С этой стороны ваше предложение, несмотря на радикализм, реальной ценности не имеет. И в этом смысле я говорил, что я лично поддерживаю эту цифру, примерно, около 900 миллионов рублей. Это корреспондируется соответствующим экспортом. Если вы дадите возможность увеличить цифры экспорта, без нарушения цен, без нарушения политики цен на внутреннем рынке, без нарушения необходимого минимального уровня жизненных запасов, если вы скажете, что возможно увеличить экспорт, я буду голосовать за это. Но никто не представляет этих данных. Госпланом—тов. Смилга подтвердит, он не будет кривить душой и подтвердит—цифра 820 миллионов была максимально взята. Сейчас ничего не поделаешь. Если вы выставите цифру миллиард двести миллионов рублей, то я должен сказать, что ВСНХ и хозяйственники отклонят. Если не все это нужно для оборудования, то не нужно вводить такую цифру в основной капитал. Это будут впустую затраченные деньги. Вот, товарищи, те практические предложения, которые сделаны оппонентами.

С нашей стороны были следующие предложения. В этом году мы должны с более хозяйственной устойчивостью провести хозяйственное развитие, помня, что в сентябре, октябре прошлого года мы стояли под угрозой кризиса. Второе наше практическое предложение—вести в дальнейшем усиленным темпом индустриализацию, но реально, а не схематично, не выдуманно. Далее, мы должны удерживать курс рубля, снизить розничные цены.

Вот наши предложения.

Теперь последнее, о строительстве социализма. Тов. Преображенский удивлялся с этой кафедры, почему Милутин увязал конъюнктуру со строительством социализма. Для него это непонятно. Но если рассматривать строительство социализма только теоретически, как не имеющее применения на практике, то это удивление тов. Преображенского становится понятным. Но если мы действительно вваем, что мы строим социализм, что наши формы социалистического хозяйства побеждают, тогда эта связь учета развития этих форм необходима, необхо-

димы и методы социалистического хозяйства. Этого тов. Преображенский не понял, думая, что это только теоретический вопрос, а это практический вопрос каждого дня. Какие формы—социалистические или капиталистические побеждают? Строим ли мы социализм или нет? Вот как стоит вопрос. Тов. Смилга выступил зря и нелепо со своими сомнениями, строим ли мы социализм или нет? Ильич писал: „Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране“. Вот что писал Ленин. Тов. Преображенский думает, что Ленин понимал победу социализма в политическом смысле. Это извращение ленинизма. Дальше Ленин пишет: „Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство“... Вот что он говорит, а не только о политике (бурые аплодисменты). Тов. Преображенский говорил, что он приведет какую угодно цитату. Вы приведете цитату из Ленина, что социализм нельзя строить в одной стране? (Тов. Преображенский: „Я приведу вам 20 цитат, где Ленин говорил, что долго страна не может стоять, если она одна“). Тов. Преображенский старается это оспорить тем, что мы будто бы говорим об окончательном строительстве социализма в одной стране. И ссылается в этом отношении на Сталина, что Сталин будто бы в 1925 г. одно писал, а в 1926 г. сбился... Позвольте мне прочесть вам, что сказано в этом отношении тов. Сталиным в 1926 г. Он пишет: „Нельзя строить социализм, не будучи уверенным, что его можно построить, не будучи уверенным, что техническая отсталость нашей страны не является непреодолимым препятствием к построению полного социалистического общества. Отрицание такой возможности есть бесспорное предательство социализма, есть отход от ленинизма. Что такое невозможность полной и окончательной победы социализма в одной стране без победы социализма в других странах? Это есть невозможность полной гарантии от интервенции, а значит и реставрации буржуазных порядков, без победы революции, по крайней мере в ряде стран. Отрицание этого бесспорного положения есть отход от интернационализма, отход от ленинизма“. Вот что говорил Сталин.

Выступление тов. Радека началось сначала с божбы за социализм, а в конце он стал указывать, что вера в социализм является детским рассуждением, а еще дальше он скатился к коршевской постановке вопроса, к постановке вопроса Коршем и Масловым, т.е. к тем, которые являются ренегатами коммунизма в Германии, которые говорят, что у нас сейчас завершается укрепление государственного капитализма, усиление капиталистических форм хозяйства, и эти последние начинают превалировать над социалистическими. Так рассуждают наши буржуазные враги и противники. И при этом получается весьма забавная картинка: когда приезжают из советского Союза в Германию германские рабочие делегации и говорят, что они видели собственными глазами, как в СССР завершается социалистическое строительство, то тогда выступают на арену Маслов и Рут Фишер и начинают высказываться в том

смысле, что в СССР происходит прежде всего усиление капиталистических форм хозяйства. Они заключили единый блок с буржуазными экономистами, которые в течение 10 лет нам толковали, что у нас не социализм, а капитализм, что у нас не могут удержаться социалистические формы хозяйства.

Теперь же у нас находятся товарищи, которые присоединяются к буржуазным экономистам и бьют тревогу о том, что построение социализма в нашей стране невозможно, потому что у нас капиталистические тенденции побеждают. Но эти товарищи забывают, что проделана колоссальная работа по строительству социалистических форм. Этого факта никто отрицать не может. Здесь нечего повторять зады буржуазных экономистов.

Вот, товарищи, те возражения, которые я считал нужными сделать по тем выступлениям, которые здесь были. (Аплодисменты).

III.—КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. Финн-Енотаевский о под'еме промышленности в России 1910—1913 г.г.

(Антикритика)

В своей книжке „Финансовый капитал и производительный“ А. Финн-Енотаевский „для иллюстрации новой методологии в статистике и экономике, применяемой некоторыми из наших молодых исследователей“, остановил свой выбор на нашей статье „Под'ем русской промышленности накануне мировой войны и методология изучения кривой капиталистического развития“ (в № 12 „В.К.А.“). „Поставили себе задачу“, гласит критика А. Финн-Енотаевского, „доказать «гигантский рост» нашего промышленного капитализма до войны, развитие в нем высшей ступени—системы „финансового капитала“ и таким образом доказать объективную возможность перехода у нас до войны к государственному социализму. С этой целью сравниваются Россия и Германия, и чтобы показать более быстрый рост капитала у нас, берется для России (с Финляндией) период 1909—1913 г.г. и сравнивается с однородным периодом 1896—1900 г.г., а для Германии берется тот же период 1909—1913 г.г., но сравнивается с однородным 1903—1907 г.г. и выходит, что у нас добыча чугуна возросла за это время на 62%, в Германии же—на 42%. В одном случае берется промежуток времени в тринадцать лет, в другом—шесть, и на том основании, что у нас во время 1901—1909 г.г. не было однородного периода для сравнения: мы переживали застой! Но тогда нужно было сравнивать и у Германии 1909—1913 г.г. с периодом 1896—1900 г.г., который был и для нее однородным... Умалчивается о том, что в Германии за 1903—1907 г.г. добыча чугуна возросла на 55%, в С. Штатах на 45%, а у нас равным счетом нуль, и в то же самое время провозглашается, что „мы в 1909—1913 г.г. стояли на первом месте по темпу промышленного развития“, так как у нас за эти годы добыча чугуна возросла на 57%, в Германии на 48%, а в С. Штатах на 20%... Нам не зачем напоминать о том, что по темпу роста нельзя судить о самых размерах роста. Но если даже держаться темпа, то выйдет, что добыча чугуна у нас в 1909—1913 г.г. возросла на 53%, а в 1896—1900 г.г.—на 103%, т.-е. темп роста упал почти вдвое“...

В своей критике А. Финн-Енотаевский проявил чудеса критической близорукости и самой беспардонной недобросовестности. Собственно говоря, трудно установить, где у него кончается критическая близорукость и где начинается беспардонная недобросовестность. Трудно потому, что научный анализ субъективируется у него изрядной дозой

совершенно необычной в нашей среде ненависти к молодым исследователям. А. Финн-Енотаевский приписывает автору статьи такие задачи, которых сам автор не имел в виду, когда писал свою статью, и которые ни в какой мере не вытекают ни из буквального текста статьи, ни из ее смысла, ни из ее логической конструкции. В статье нигде ничего не сказано ни о „гигантском росте“ нашего промышленного капитализма до войны ни о развитии в нем „системы финансового кааигала“¹⁾. Нет в ней и такой выдуманной нашим критиком нелепости, как мысль об „объективной возможности перехода у нас до войны к государственному социализму“. Автор, как историк, вообще не мог себе заранее поставить такие задачи, которые бы затем явились выводами из конкретного исследования. Статья носит по преимуществу методологический характер, и действительной задачей ее является критическая проверка методологических и статистических приемов Л. Кафенгауза при сравнении им под'ема 1910—1913 г.г. с под'емом 90-х годов. И если применение нами новых статистических приемов опровергает наше исследование рядом выводов, которых не разделяет А. Финн-Енотаевский, то добросовестность требовала от него непосредственной критики этих приемов без того, чтобы предпосылать ей преюдию из небылиц.

„Для иллюстрации новой методологии“ А. Финн-Енотаевский счел достаточным подвергнуть критике из 13 страниц текста и таблиц статьи 9 строк в ее последнем абзаце. Из этих 9 строк 3 строки представляют из себя вывод из таблицы, которую Финн-Енотаевский обошел своим критическим молчанием, а 6 строк непосредственного отношения к примененным нами новым статистическим приемам не имеют, так как представляют из себя простую статистическую иллюстрацию к одному из положений статьи.

Suum cuique. Гениальность А. Финн-Енотаевского позволяет ему на основании 6 строк, непосредственного отношения к „новой методологии“ не имеющих, доказать совершенную абсурдность этой методологии.

И вот при внимательном рассмотрении оказывается, что А. Финн-Енотаевский не понял и этих шести строк. Ибо он думает, что в них речь идет о темпе роста, а в действительности они говорят о размерах роста. И в связи с этим чрезвычайно комично звучит сделанное тут же А. Финн-Енотаевским авторитетное замечание: „Нам не зачем напоминать о том, что по темпу роста нельзя судить о самых размерах роста“. Повторим, как излагает наш критик указанные 6 строк: „С этой целью сравниваются Россия и Германия, и чтобы показать более быстрый рост (курсив наш. *Г. М.*) капитала у нас, берется для России (с Финляндией) период 1909—1913 г.г. и сравнивается с однородным периодом 1896—1900 г.г., а для Германии берется тот же период 1909—1913 г.г., но сравнивается с однородным 1903—1907 г.г.. и выходит, что у нас добыча чугуна возросла за это время (курсив

¹⁾ А. Финн-Енотаевский И. Финансовый капитал и производительный. Финансовое изд. НКФ СССР. М. 1926 г. Стр. 134.

наш. Г. М.) на 62%, в Германии же на 42%. В одном случае берется промежуток времени в тринадцать лет, в другом—в шесть... У нас же сказано: „Было выплавлено чугуна в России (с Финляндией) с 1896 по 1900 г.г. 694 млн. пуд., за время же с 1909 по 1913 г.г.—1.121 млн. п., т.е. на 62% больше, тогда как в Германии за 1903—1907 г.г.—3.451 млн. пуд., а за время с 1909 по 1913 г.г.—4 908 млн. пуд., т.е. всего лишь на 42% больше“!.. Разве это одно и то же? Разве мы говорили, что в России за время с 1896—1900 по 1909—1913 г.г. выплавка чугуна возросла на 62%, а в Германии с 1903—1907 по 1909—1913 г.г.—на 42%?.. Нами только констатируется, что размеры выплавки чугуна в России в пятилетие 1909—1913 г.г. были больше выплавки пятилетия 1896—1900 г.г. на 62%, а в Германии выплавка в пятилетие 1909—1913 г.г. была больше выплавки за пятилетие 1903—1907 г.г. лишь на 42%, т.е. значительно меньше. В обоих случаях, и для России и для Германии, мы сравниваем два исторически следующих друг за другом промышленных под'ема с точки зрения размеров их продукции. И делаем это не для того, чтобы показать, что в России промышленный капитал развивался быстрее, чем в Германии, а для того, чтобы установить, что в 1909—1913 г.г. промышленный под'ем в России был гораздо сильнее выражен, чем в Германии. Мы здесь совершенно отвлекаемся от времени, протекшего между двумя последовательно-историческими под'емами. Допустимо ли такое отвлечение? В данном случае допустимо.

Масса продукции, выработанной за каждый последующий промышленный под'ем, при одной и той же продолжительности под'емов, обязательно должна быть больше, чем за каждый предыдущий под'ем. В Германии в 1907 и в 1909 г.г. было выработано по 796 млн. пуд. чугуна, в России в 1900 г. было выработано 177, а в 1909 г.—180, т.е. почти одно и то же количество. Таким образом, во время под'ема 1909—1913 г.г. масса продукции для Германии нарастала от цифры 1907 года, а для России—от цифры 1900 г. Для Германии периоды 1903—1907 и 1909—1913 г.г., а для России периоды 1896—1900 и 1909—1913 г.г. являются периодами роста массы продукции по исторически восходящей линии. Поэтому вполне методологически допустимо, отвлекшись в данном случае от темпа роста, характеризовать размеры роста путем сравнения процентной разницы в массах продукции в России и Германии в два последовательных промышленных под'ема. И разве из этого сравнения мы делаем те выводы, которые нам приписывает А. Финн-Енотаевский? Разве мы отсюда выводим 1) „гигантский рост нашего промышленного капитала до войны, 2) развитие в нем высшей ступени, системы финансового капитала и 3) объективную возможность перехода у нас до войны к государственному социализму“? Это лишь выводы досужей фантазии критика. Нам это сравнение нужно было только для того, чтобы показать, „насколько значительно была расширена база для развития капитализма в молодой капиталистической стране“ в результате тех потрясений в деревне, которые были вызваны „политическими и социально-экономическими рикошетами“ революции 1905—1906 г.г.

Тов. Финн-Енотаевский обвиняет нас в следующем преступлении: „Умалчивается о том, что в Германии за 1903—1907 г.г. добыча чугуна возросла на 55%, в С. Штатах на 45%, а у нас ровным счетом нуль, и в то же самое время громко провозглашается, что „мы в 1909—1913 г.г. стояли на первом месте по темпу промышленного развития“, так как у нас за эти годы добыча чугуна возросла на 57%, в Германии на 48%, а в С. Штатах на 20%“... Совершенно непонятно, как это мы замолчали указанные выше для Германии и С. Штатов проценты, когда А. Финн-Енотаевский взял их из нашей же таблицы (V, на стр. 138). Но, быть может, мы замолчали, что Россия в первую декаду XX века переживала промышленный застой?

Как раз наоборот, нами усиленно подчеркнут этот факт. „За период 1876—1900 г.г.,— говорим мы, — средний ежегодный прирост выплавки чугуна в России равен 24%, а за время с 1901 по 1913 г.г. — 1,5%; падение даже большее, чем в Англии“.

Вышеуказанное сравнение нам как раз и понадобилось для того, чтобы показать, как в 1909—1913 г.г. был изжит застой 1901—1908 г.г. Ведь это написано в нашей статье черным по белому. Очевидно, надо обладать особым рода дальтонизмом, чтобы этого не заметить, или особым рода недобросовестностью, чтобы это игнорировать.

А. Финн-Енотаевский недоумевает, как это можно утверждать на вышеуказанном основании, что Россия в 1909—1913 г.г. стояла на первом месте по темпу промышленного развития, когда у нас 1) за 1903—1907 г.г. добыча чугуна возросла „ровным счетом“ на нуль и 2) темп роста в 1909—1913 г.г. по сравнению с 1896—1900 г.г. упал почти вдвое. Логика т. Финн-Енотаевского прямо поразительна. Разве мы утверждаем, что в XX веке Россия по темпу промышленного развития стояла на первом месте или что темп подъема 1909—1913 г.г. не уступал темпу подъема 1896—1900 г.г.? Мы только констатируем, что „подобно подъему второй половины 90-х годов XIX века и капиталистический подъем 1909—1913 г.г. по темпу промышленного развития ставит Россию на первое место в ряду мировых капиталистических держав“. А этот вывод вытекает из нашей таблицы, которая критиком не оспаривалась. Мало того, сам А. Финн-Енотаевский на той же странице книжки (10 и 11 строки сверху) вынужден признать, что „в 1910—1913 г.г. мы шли скорее мирового хозяйства в его целом“. А ведь только это мы в данном месте и утверждали.

Чтобы умалить темп роста нашей промышленности за 1909—1913 г.г., А. Финн-Енотаевский торжественно указывает, что по сравнению с темпом 1896—1900 г.г. он упал почти вдвое. Но ведь то же самое в свое время выдвигал в качестве главного аргумента и Кафенгауз, полемика с которым посвящена значительная часть нашей статьи. А. Финн-Енотаевский считает возможным повторить этот аргумент после того, как доказательству его методологической неправильности нами было посвящено 6 таблиц и 4 страницы текста.

Теперь перейдем от обороны к нападению.

„Объективный анализ, а не тенденциозный,—говорит А. Финн-Енотаевский в своей книжке,—основанный на махвандиях со статисти-

кой, прикрываемых само-рекламой о применении новых методологических приемов или использовании новых, а не деле ничего не стоящих архивных материалов, — что, к сожалению, можно встретить за последнее время в нашей экономической литературе, — показывает с несомненностью, что после циклового движения промышленного капитала в 1891—1900 г.г. мы за период 1901—1908 г.г. переживали застой, и это в то время, как мировой капитал переживал новое мощное цикловое движение. С 1909 года мы, опираясь на внутренние средства, полученные от выгодной реализации на мировом рынке повторных—стихийных—урожаев—начали новый цикл движения, но он по темпу был вдвое слабее такового 90-х годов, и эта слабость тем более бросалась в глаза, что нам приходилось нагонять потерянное за период застоя. С 1900 по 1910 г.г. мировая добыча чугуна возросла на 60—62%, наша — на 4,6%, с 1900 по 1913 г.г. мировая — на 92—95,8%, наша — на 59,4%. Это значит, что в 1910—1913 г.г. мы шли скорее мирового хозяйства в его целом, но все же не нагнали потерянного: мы продолжали отставать и значительно... Тем не менее создается легенда о гигантском ходе нашего капитализма до войны¹⁾...

Прежде всего отметим, что, насколько нам известно, никто в экономической литературе не отрицал, что в 1901—1908 г.г. мы переживали промышленный застой. И когда Финн-Енотаевский апеллирует к объективному анализу, он ломится в открытые двери. Просто человеку лишний раз захотелось лягнуть „молодых из ранних исследователей“.

Теперь рассмотрим, насколько прав А. Финн-Енотаевский, утверждая, что „в 1910—1913 г.г. мы шли скорее мирового хозяйства в его целом, но все же не нагнали потерянного; мы продолжали отставать и значительно“. Для этого приведем следующие две таблицы (см. стр. 282 и 283).

А. Финн-Енотаевский для своей статистической выкладки берет один только начальный год — 1900. Ищем этот год в нашей табл. II. Получаем: с 1900 по 1909 г. добыча чугуна в трех крупнейших капиталистических странах возросла на 59%, наша — на 0,6; с 1900 по 1913 г. соответственно на 101% и 60%. А. Финн-Енотаевский, оказывается, прав — в 1909—1913 г.г. отставали. Теперь поищем 1902 год. Получаем: с 1902 по 1909 г. добыча чугуна в 3 странах возросла на 38%, наша — на 12%; с 1902 по 1913 г.г. соответственно на 75 и 81%. А. Финн-Енотаевский, оказывается, неправ — в 1909—1913 г.г. не отставали, а опережали. Вот, тов. Финн-Енотаевский, какова ваша статистическая методология: она подобна дышлу — куда повернул, туда и вышло. При наличии погодных цифр произвольно выхватывать один только год — это и есть не что иное, как статистическая махинация. В таблице II, т. Финн-Енотаевский, в пользу вашего утверждения говорят только три выкладки, а против него семь выкладок. А если взять весь 25-летний период, то за вас 5 выкладок, против вас — 17. Пусть сам читатель посудит, можно ли утверждать, как мы это делаем, что в последнее 25-летие до мировой войны темп роста промышленного капитализма в России в общем был выше темпа мирового хозяйства.

Г. Месрсон.

¹⁾ А. Финн-Енотаевский, цитир. соч., стр. 133—134.

Таблица выплавки чугуна 1) в С.-А. С. Штатах, Англии и Германии и 2) в России за 25-летие ¹⁾

Годы		1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
Страны													
С.-А. С. Ш.		483	561	505	556	441	412	585	534	598	739	844	855
Англия		510	490	459	415	432	449	478	530	544	535	577	549
Германия		276	284	283	301	304	339	333	388	420	451	490	460
Итого.	В абс. чис. (в млн. п.).	1.269	1.335	1.247	1.272	1.177	1.200	1.396	1.452	1.562	1.716	1.911	1.864
	В %%% к цифре предыдущ. года. .	+ 10	+ 5	7	+ 2	- 7	- 2	+ 16	+ 4	- 8	+ 10	+ 11	- 2
Россия.	В абс. чис. (в млн. и.).	45	56	61	62	70	81	88	98	114	135	163	176
	В %%% к цифре предыдущ. года. .	- 12	- 24	+ 9	+ 1.6	+ 11	+ 16	+ 9	11	+ 16	18	- 21	+ 8

Годы		Страны										
		1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1913
С.-А. С. Ш.		984	1.103	1.116	1.022	1.425	1.569	1.599	988	1.598	1.691	1.920
Англия.		486	528	546	530	591	629	615	576	599	633	650
Германия		475	513	615	616	670	750	796	721	770	867	1.178
Итого.	В абс. числ. (в млн. пуд.). .	1.945	2.144	2.277	2.168	2.686	2.948	3.010	2.285	2.967	3.191	3.748
	В ‰ к цифре предыдущ. года.	- 4	+ 10	+ 6	- 5	+ 24	+ 10	+ 2	- 21	+ 30	+ 8	- 17
Россия.	В абс. числ. (в млн. пуд.). .	172	156	149	180	165	164	172	171	175	185	282
	В ‰ к цифре предыдущ. года.	2	- 9	- 4	+ 21	- 8	- 0.6	+ 5	- 0.6	+ 2	+ 6	- 52

¹⁾ По данным Стат. Бюро Совета Съезда горнопром. юга России (Сборник диаграмм и картограмм по горной и горнозаводской промышленности юга России. Харьков. 1913).

II. Процентная таблица выплавки чугуна 1) в С.-А. С. Штатах, Англии и Германии и 2) в России

Годы		1909		1913		1909		1913		1909		1913		1909		1913		1909		1913			
Страны																							
		Прирост выплавки чугуна в % к цифре года																					
		1889		1890		1891		1892		1893		1894		1895									
В трех странах по сложности .		134	195	122	181	138	201	133	195	151	218	147	212	113	168								
В России		289	527	212	404	182	362	182	355	150	303	116	242	99	220								

Годы Страны	1909		1913		1909		1913		1909		1913		1909		1913		1909		1913	
	Прирост выплавки чугуна в % к цифре года																			
	1896		1897		1898		1899		1900		1901		1902							
В трех странах по сложности .	104	158	90	140	73	118	55	96	59	101	53	93	38	75						
В России	79	188	54	147	30	109	7	73	0,6	60	2	64	12	81						

Годы Страны	1909		1913		1909		1913		1909		1913		1909		1913		1913	
	Прирост выплавки чугуна в % к цифре года																	
	1903		1904		1905		1906		1907		1908		1909		1910			
В трех странах по сложности .	30	65	37	73	10	40	0,6	27	— 1	25	30	64	26	17				
В России	17	89	— 3	57	6	71	7	71	2	64	2	65	61	52				

Роза Люксембург. *Введение в политическую экономию.* Гиб. 1926 г., стр. 358.

Роза Люксембург. *Введение в политическую экономию.* Изд. „Прибой“. 1925 г., стр. 229.

Книга Розы Люксембург имеет свою длинную историю. Она родилась из записей лекций, читанных автором в социал-демократической школе. Поработав над этой книгой целый ряд лет, Роза Люксембург не успела, однако, закончить своего произведения. Таким образом, книга ее увидела свет в виде незаконченной недоделанной работы.

Впервые эта работа появилась в 1925 году в издании Лауба под ред. доктора Пауля Леви.

Как показывает статья П. Ф., помещенная в „Роте Фане“ в июле прошлого года, и данные на суде показания Пауля Фрейлиха и Розы Вольфштейн, Пауль Леви не только не отнесся сколько-нибудь добросовестно к рукописи своего бывшего учителя, не только не постарался воспроизвести произведение в том виде, в каком его мыслил сам автор, но прямо искажал содержание работы, выпустив из текста целые абзацы, проникнутые духом неподдельной революционности и революционной решимости.

Восстанавливать подлинный текст книги пришлось коммунистическому издательству „Вива“, получившему рукопись в результате судебного процесса.

Уже сама история лежащей перед нами книги показывает, насколько неравноценны два русских издания ее. Издание „Прибой“ представляет собою перевод с немецкого текста, искаженного социал-демократами, гизовское же издание представляет собою перевод, сделанный с восстановленного текста рукописи.

Правда, издательство „Прибой“ не скрывает от читателя, что он имеет дело с искаженным текстом, и прилагает к своему изданию в сокращенном виде уже упомянутую статью П. Ф., указывающую на совершенные Паулем Леви пропуски и искажения. Тем не менее, предлагаемое „Прибоем“ издание не может заменить подлинного текста книги. Здесь так же, как в издании Лауба, опущены примечания, разъясняющие текст книги, а также указывающие, как Роза Люксембург предполагала развить и дополнить отдельные места ее; здесь так же, как и там, не даны, хотя бы в качестве приложения, те чрезвычайно важные наброски Розы Люксембург, которые не были включены автором в текст, но „придают концу работы совершенно другой вид, чем она имеет в настоящем издании“, здесь так же, как и там, литературные списки даны в совершенно не поддающемся расшифровке виде.

— — — — — 1

Работа Розы Люксембург является, в подлинном смысле слова, введением в политическую экономию. Ее задачей было не дать читателю полный курс политической экономии, но подготовить читателя к чтению „Капитала“. Соответственно с этим автор переносит центр книги не на изложение отдельных проблем теории капитализма, а на разработку вопросов, не находящих себе места в „Капитале“. Таковы раз-

делы „Что такое политическая экономия“ и „Из истории народного хозяйства“. Однако в книге уделено некоторое место и краткому изложению содержания самого „Капитала“. В разделе „Товарное производство“ дается теория стоимости и денег, в разделах „Заработная плата“, „Теория заработной платы и прибавочной стоимости“, „Тенденции капиталистического хозяйства“ намечена теория воспроизводства и накопления. Судя по отдельным примечаниям и заметкам автора, приложенным к гизовскому изданию книги, можно полагать, что сюда должна была войти также теория прибыли и цен производства, теория реализации и кризисов, теория крушения капитализма. Однако глав, трактующих о теории прибыли, в книге совсем нет, а теория реализации и гибели капитализма сохранилась лишь в форме необработанных заметок.

Хотя доставшийся нам текст работы Розы Люксембург представляет собой лишь черновик и хотя работа ее даже по замыслу не может претендовать на роль систематического курса, однако, она поистине может служить для авторов наших многочисленных курсов политической экономии образцом того, как следует писать учебники. „Кто ясно мыслит и сам основательно владеет предметом, о котором он говорит, тот выражается ясно и понятно“, — пишет Роза Люксембург. Сама Роза Люксембург излагает предмет не только ясно и понятно, но блестяще и увлекательно. Отнюдь не спускаясь до сентиментального сюсюкания, так свойственного некоторым авторам, считающим необходимым кормить рабочего читателя „манной кашей“, все время оставаясь на высоте литературного изложения, Роза Люксембург достигает предельной ясности изложения путем четкости и краткости формулировок и постоянной иллюстрацией своих мыслей хорошо подобранным конкретным материалом.

Некоторые главы в смысле изложения представляют собою действительный шедевр марксистской литературы. Написанные блестящим литературным языком (знакомым уже русскому читателю по „Накоплению капитала“), пропитанные ядом сарказма и революционного гнева первые три главы „Введения“ могут быть поставлены на ряду с лучшими образчиками марксистской литературы.

На ряду с неподражаемым литературным стилем Розы Люксембург следует отметить и удивительную конкретность ее изложения. Отнюдь не принося теоретического содержания своей книги, отнюдь не выходящая из отдельных проблем их содержания, автор умеет подвести читателя к решению этих проблем путем ознакомления с хорошо обработанным и систематизированным фактическим материалом. Розе Люксембург более чем кому бы то ни было чуждо противопоставление конкретного капитализма теоретическим схемам. Схемы эти она рассматривает лишь как орудие к познанию конкретного капиталистического общества. Конкретный капитализм ни на минуту не исчезает из сознания автора. От времени до времени он прорывает рамки абстрактного изложения и расцветивает его красками действительной жизни. Так, уже отвечая на вопрос, что такое политическая экономия, Роза

Люксембург попутно дает блестящую картину мирового хозяйства, со всем разнообразием входящих в него хозяйственных форм, со всей сложностью экономических связей, связующих его в единое целое. В той же главе она дает весьма наглядную картину капиталистического кризиса, безработицы и проч.

Совершенно не задаваясь проблемой конкретизации курса политической экономии, Роза Люксембург решает эту проблему. Проблема решается громадной экономической эрудицией автора и доскональным овладением материалом.

Излагая теоретическую концепцию Маркса, Роза Люксембург вовсе не склонна игнорировать буржуазных экономистов. Напротив того, вступая в полемику с ними по каждому вопросу политической экономии, она беспощадно преследует их по пятам, и на глазах у читателя обнажает их полную теоретическую несостоятельность, достигая таким путем еще большей убедительности и еще большего блеска своего изложения. К сожалению, только первые три главы доведены автором до последней ступени обработки. Остальные главы даны лишь в форме фрагментарных конспектов.

Нечего и говорить, конечно, что Роза Люксембург дает нам в своем введении очерк подлинно марксистской политической экономии. Она не только не сглаживает отдельных противоречий капитализма, не только не замалчивает их, но их именно освещает и ставит она основной задачей своей книги. Постоянно противопоставляя капиталистическому строю различные формы организованного хозяйства, она делает противоречия капиталистических отношений особенно наглядными и вычлуклыми. Давая богатую фактами и блестящую по изложению историю докапиталистических формаций, она создает у своих читателей правильное представление о капиталистическом строе, построенном на отношениях частной собственности, как о кратковременном, мимолетном этапе развития человечества. Обрисовывая (в конспективной форме) путь от капитализма к социализму, она подчеркивает, что „переход к социализму может быть осуществлен лишь путем насильственного уничтожения частной собственности, т.-е. посредством социалистического переворота“.

Любопытно сопоставить эту действительно революционную и революционизирующую книгу с курсом, тоже читанным в социал-демократической школе австрийским социал-демократом Карлом Реннером, лекции которого „с самого начала имели практическую установку“. Автор этого курса ухитряется в ходе всего изложения „проблемы социализирования“ оставаться в сфере обращения капитала и ни в одном месте своего курса не решает спуститься в сферу производства, где ведь и заложены все основные противоречия капиталистической системы.

Это сопоставление весьма четко демонстрирует, как далеко ушла от Маркса современная австро-немецкая социал-демократия и какое значение для немецкого пролетариата должна была и будет иметь книга Розы Люксембург.

Однако и на кристалльно-чистой в целом системе Розы Люксембург есть, несомненно, темные пятна, вызванные посторонними, чуждыми марксизму влияниями. Мы говорим о прославившейся уже ошибке Розы в теории реализации, кризисов и империализма. Роза Люксембург некритически повторяет положение Туган-Барановского о том, что капиталистическое производство есть „производство для производства“. Капиталистическое производство ради производства не есть простая иллюзия,—пишет она,—оно принимает совершенно конкретные формы, выражающиеся в том, что производство средств производства растет все более и более по сравнению с производством средств потребления. Теперь производят не средства производства для рабочих, занятых производством средств потребления, но наоборот. Из столкновения этих обоих факторов возникают кризисы¹⁾. Неудивительно, что, соглашаясь с формулой „производство ради производства“, Роза Люксембург признает невозможным поддержание равновесия капиталистического производства даже в среднем и поэтому выход капитализма на внешние рынки считает не движением по линии наименьшего сопротивления, но необходимостью. Истощение внешних рынков в ходе развития капитализма должно поэтому, по мнению Розы Люксембург, само по себе привести к гибели капиталистического общества. „Истощение мирового рынка—граница для производства и связанной с ним прибыли“. „Рынок (прибыль) ставит предел расширению производства“²⁾. „...На один момент представим себе, что развитие капитализма зашло так далеко, что на всем земном шаре все, что производится человеком, производится им капиталистически, т.-е. производится частными капиталистическими предпринимателями в крупных предприятиях трудом современных наемных рабочих. Тогда невозможность существования капитализма обнаруживается с полной ясностью“³⁾.

Напрасно поэтому тов. А. Тальгеймер в своей статье о рассматриваемой книге, приложенной к гизовскому изданию вместо предисловия, пытается защитить Розу Люксембург от обвинений в фатализме, напрасно он старается доказать, что ее теории несвойственно учение об автоматической гибели капитализма. Приведенные цитаты бьют.

Если Роза Люксембург и не мыслила себе гибели капиталистического производства без восстания пролетариата и угнетенных национальностей, то это отнюдь не свидетельствует о том, что ее теория чужда автоматизма, но свидетельствует лишь о том, что в лице Розы Люксембург мы имеем действительного и неподдельного революционера. Если бы Роза Люксембург сделала бы из своей теории империализма все выводы, которые из нее можно сделать, она должна была бы скатиться в тину меньшевистского фатализма. От этого спасла Розу Люксембург не последовательная теория, а последовательная революционность.

Наводит на некоторые размышления также то место из первой главы „Введения“, где Роза Люксембург говорит о мировом хозяйстве,

1) „Введение“. Изд. Гиз., стр. 351.

2) Там же, стр. 352.

3) Там же, стр. 348.

как объекте политической экономии. „Совершенно безразличным является для чистой теории, — пишет Н. П. Бухарин, — насколько велик объем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства. Как раз поэтому Маркс и издевался так над названием „национальная экономия“, которое облюбовали патристические немецкие профессора”¹⁾. Роза Люксембург тоже издевается над немецкими профессорами за их „национальную экономию“, за их „национальное хозяйство“, но издевается не потому, что для нас безразличен объем общественного хозяйства, а потому, что хозяйство из национального превратилось уже в мировое. Нам кажется, что и здесь мы имеем со стороны Розы Люксембург некоторый теоретический промах, правда, незначительный.

В целом работу Розы Люксембург мы считаем чрезвычайно удачной и полезной. Нам бы казалось необходимым снабдить последующие издания этой работы предисловием, которое не только подчеркивало достоинства книги, но и восполняло ее недостатки. Однако и в настоящем своем виде „Введение в политическую экономию“ является, повторим, очень ценной и интересной работой.

А. Кон.

Карл Реннер. *Теория капиталистического хозяйства. — Марксизм и проблема социализирования.* Изд. 1926 г.

Теоретическая жизнь современной социал-демократии не особенно богата яркими происшествиями. Немудрено поэтому, что вышедшая в 1924 г. в издательстве Di-tz'a, принадлежащем германской социал-демократии, новая работа известного австрийского с.-д. д-ра Карла Реннера „Di-Wirtschaft als Gesamtprozess und die Sozialisierung“ явилась своего рода событием в этой теоретической жизни, наряду с профессорскими откровениями Леонарда Нельсона и скандальным выступлением Генриха де-Мана. В отличие от произведений последних авторов, подвергшихся в с.-д. прессе, в большинстве случаев, ожесточенной критике, труд Реннера сделался объектом самых неумеренных похвал. Так, в рецензии, помещенной в „Gesellschaft“²⁾, появление новой книги Реннера расценивается, как доказательство жизнеспособности марксизма, как наглядное опровержение всех толков о его гибели! Увлекающийся рецензент ставит в этом отношении работу Реннера рядом с „Капиталом“ Маркса и „Финансовым капиталом“ Гильфердинга! Книги имеют свою судьбу, и расширение судьбы книги Реннера, с одной, и произведений Нельсона и де-Мана, с другой стороны, невольно приводит к мысли, что ныне, как и во времена Лессинга, одни книги читаются, а другие... восхваляются.

¹⁾ Н. Бухарин. Экономика переходного периода, стр. 8.

²⁾ См. № 12 за 1925 г. — Рецензия принадлежит Альфреду Браунингу, одному из публицистов австрийской социал-демократии.

Мы не знаем, чем руководствовались издатели русского перевода, изменивши название книги до полной неузнаваемости. Вместо „Хозяйство, как совокупный процесс и проблема социализации“ получилось „Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализации“ (почему, по крайней мере, не „социализация“? А. Л.). Это незаслуженное переименование особенно досадно по следующей причине. Своим происхождением книга обязана лекциям автора, читанным на курсах перед должностными лицами партии и кооперативных организаций. По словам автора, в процессе своей „недоработы“ он столкнулся с отсутствием популярного изложения одной части марксистской экономической системы, а именно, процесса обращения в самом широком смысле этого слова. Между тем, именно этот процесс, по мнению автора, имеет совершенно исключительное значение как для понимания природы капиталистического хозяйства, так и для нахождения путей к преобразованию последнего в социалистическое хозяйство. Все это заставило Реннера написать книгу, которую он в подзаголовке назвал „популярным изложением системы Карла Маркса“. Большая часть работы занята изложением процесса обращения в капиталистическом хозяйстве, последняя же глава, имеющая лишь около полусотни страниц, посвящена трактовке вопроса о социализации. И вот прония судьбы заключается в том, что в первой части своей работы автор вовсе не предполагал дать полной „теории капиталистического хозяйства“, во второй же менее всего пахнет „марксизмом“! Между тем, незадачливое переименование книги (не из хозрасчетных ли соображений?) заставит не одного читателя пережить горькое разочарование.

Некоторый своеобразный интерес, который книга собой представляет, заключается преимущественно в последней главе, посвященной социализации. Что же касается остальной части книги, то она представляет собою изложение ряда разделов второго и третьего томов „Капитала“, нередко при помощи фраз, цифровых примеров и т. д. самого Маркса; в этом отношении мы здесь находим сходство с известной переработкой „Капитала“, сделанной Ю. Борхардтом. Степень популярности изложения весьма относительна; она, пожалуй, рассчитана на среднего немецкого интеллигента (служащего) без специальной подготовки. Все же эта часть может быть использована в качестве пособия, которое облегчит приступ к наиболее трудным частям второго тома „Капитала“ (сюда относятся первые две части книги Реннера, разбирающие процесс обращения товаров и капитала) и к „Финансовому капиталу“ Гильфердинга, равно как к средним главам третьего тома „Капитала“ (сюда относится часть третья книги Реннера, посвященная кредиту)¹⁾. К числу достоинств этих частей следует отнести довольно живое местами изложение, конкретное описание механизма

¹⁾ В своей статье по поводу книги Реннера тов. А. Таггеймер уже обратил внимание на то, что эти части могут быть использованы в качестве популяризации соответствующих отделов „Капитала“ (см. „Большевик“ № 7—8 за 1926 г.).

соответствующих частей капиталистического хозяйства (в особенности в главах о банках и кредите). Впрочем, эти достоинства с лихвой покрываются недочетами, сильно понижающими ценность этих частей книги. Важнейшие из недостатков:

1) Процесс обращения берется чересчур изолированно. Разумеется, каждый автор волен выбирать своей темой какой угодно круг вопросов, но предпосылкой успешного разрешения является точное представление о том значении, которое данный круг вопросов имеет. Четкого определения роли и места процесса обращения в общей механике капиталистического хозяйства у Реннера не найти. Он исходит, в общем и целом, из преувеличенного представления о роли процесса обращения, частенько он приписывает этому процессу отнюдь не принадлежащие ему функции. Марксово понимание взаимосвязи производства, обращения, распределения и потребления ему чуждо. Здесь логический корень гипертрофии моментов обращения в социализаторских планах Реннера.

Вот, например, характерная формулировка, выделенная автором курсивом: „Процесс обращения является высшим законодателем и судьей капиталистического общества, и в нем, собственно говоря, заключается существо проблемы социализации. Это он реализует ценность и прибавочную ценность, это он распределяет их между агентами хозяйства, это он является последней инстанцией, решающей судьбу всех хозяйствующих субъектов“ (стр. 290 русск. пер.).

2) С этим недостатком тесно связано полное отсутствие диалектического подхода. Повсюду Реннер видит гармонию, он изолированно берет лишь элементы слаженности, пропорциональности и соответствия в капиталистическом хозяйстве, выбрасывая за борт своего анализа все то, что напоминает об имманентных капитализму противоречиях, кризисах, дисгармонии. Абстрактно-теоретическое противоречие ценности и потребительной ценности элиминировано им точно так же, как вполне конкретные противоречия процесса реализации. Разбирая специально „совокупный процесс“ капиталистического хозяйства, анализируя накопление и расширенное воспроизводство, он нигде специально не останавливается на проблеме реализации и кризисах; последним во всей работе посвящено не более пары бессодержательных страниц.

3) Из всей суммы проблем новейшего капитализма автор ограничивается описанием юридической природы капиталистических ассоциаций, да еще беглым рассмотрением связи между банками и промышленностью, при чем эта связь трактуется совершенно некритически, в духе теории Гильфердинга насчет безраздельного господства банков над промышленностью. Являясь непосредственным отражением взаимоотношений между венскими банками и промышленностью придунайских областей, эта теория нуждается в существенных поправках, вытекающих прежде всего из анализа хозяйственных отношений Англии, Америки, послевоенной Германии. Вопросов монополий, существенно влияющих на процесс обращения (картельные цены вместо „цеп производства“, искусственное контингентирование вместо передвижки капиталов, система заказов, генеральных договоров и т. д.), для автора, как

будто вовсе не существует. Это обстоятельство особенно пикантно в связи с тем, что еще в 1917 г. Реннер поднял знамя восстания против марксизма, требовал срочного его обновления и „омоложения“, на том основании, что новая эпоха в хозяйственной жизни, начавшаяся с 1878 г., коренным образом отличается от классического капитализма, послужившего основой для Марксовой системы ¹⁾. Реннер здесь уподобляется синице, которая море не зажгла.

Переходим к плану социализации Реннера. Сразу бросается в глаза, что вся теоретическая часть книги призвана по сути дела играть лишь роль введения к последней практической главе. Тем не менее, эта глава характеризуется достаточной расплывчатостью. В ней мы встречаем довольно любопытную мешанину отрывочных представлений самого разнородного происхождения. Здесь и образцы социал-демократической мудрости, так сказать, довоенного времени, вроде богатой идеи о том, что победа социализма может совершиться лишь одновременно во всем мире (раздел: „Единая хозяйственная территория и интернационал“). Так же малооригинальна политическая сторона программы социализации. Несколько раз на протяжении главы повторяется мысль, что „без государства, без завоевания политической власти реальное осуществление социализации немислимо“ (курсив Реннера; стр. 326). Звучит, как будто, очень радикально; однако, на следующей же странице Реннер расширяет, что „завоевание политической власти“ представляется ему в виде „политики изменяющихся по обстоятельствам соглашений“, т.-е., проще говоря, в виде коалиционной политики социал-демократии, вступающей в буржуазные правительства.

Таким образом, в основной, важнейшей и решающей части проблемы осуществления социализма — в вопросе о государстве и его завоевании пролетариатом — революционная марксистская теория заменяется плоской апологетикой соглашения. Немудрено, что и экономическая сторона программы социализации носит на себе печать реформистской утопии. Реннер не скупится на внешне-радикальные фразы об антагонизмах капиталистического хозяйства, о неизбежности классовой борьбы, осуществляющей социализацию. Все же диалектика экономического развития современного общества остается для него книгой за семью печатями. Ее место занимает простая теория мирного „врастания в социализм“.

Оказывается, „капиталистическое развитие само по себе, так сказать, ход развития капитала ²⁾, приводит автоматически к социализации“ (стр. 317). Здесь Реннер припоминает свою теорию эпохи войны ³⁾: „Капитал становится безличным, анонимным, превращается в социальное учреждение“ (стр. 309). Разумеется, в этой „социализации капитала“, в этом „автоматическом развитии“ наиболее

¹⁾ См. K. Renner. *Marxismus, Krieg und Internationale*, Wien, 1917.

²⁾ Курсив автора.

³⁾ См. уже названную нами книжку: *Marxismus, Krieg und Internationale*.

чуждодейственная роль принадлежит процессу обращения. Именно в этом процессе происходит непрерывная экспроприация, и притом без всякого возмещения (речь идет о рынке капиталов и его явлениях); именно здесь функции капитала отделяется от собственности; именно здесь титул собственности развенчивается, юридическое право собственности становится игрушкой в непрерывной борьбе экономических сил.

Тщетно стали бы мы искать у Реннера более конкретных указаний насчет того, как следует проводить социализацию, начиная с процесса обращения. Наиболее общие намеки на использование кооперативной и банковской системы — вот все, что можно выудить из довольно пухлого труда. Зато автор довольно конкретно возражает против той точки зрения, что осуществление социализации следует начинать в области производства. Капитализм характеризуется двумя чертами: 1) производство носит товарный, рыночно-денежный характер; 2) производство является производством прибавочной ценности. Реннер в общем правильно отмечает, что преодоление капитализма не может быть начато путем ликвидации рынка и денежного обращения. Но точно так же, по его мнению, процесс трансформации общественных отношений не может быть начат при помощи ликвидации производства прибавочной ценности. Любопытная здесь аргументация: прибавочная ценность, оказываясь, является в современном хозяйстве единственным стимулом в хозяйственной деятельности, и ликвидация присвоения прибавочной ценности капиталистами привела бы к тому, что „производство и обращение одним ударом лишились бы своего единственного (курсив автора) в наше время стимула“ (стр. 287). Нельзя отрицать, разумеется, что вопрос о стимулах хозяйствования принадлежит к числу сложнейших и труднейших проблем переходной экономики; тем не менее бесспорно, что до такой оголтелой апологетики капитализма, как процесса выжимания прибавочной ценности, не договариваются даже самые беспардонные ученые слуги капитала. Сошлемся хотя бы на наиболее любопытную специальную работу по этому вопросу: „Die Motive der volkswirtschaftlichen Handelns und der deutsche Marxismus“, von F. Graf v. Degenfeld—Schönburg (Tübingen 1920 г.) Даже этот сиятельный защитник капитализма не решается утверждать, что присвоение прибавочной ценности является „единственным в наше время стимулом“ хозяйственной деятельности; до того самоочевидно, что в современном обществе с его колоссальной дифференциацией хозяйственные стимулы отличаются достаточным многообразием!

†

Теория социализации Реннера, с которой мы в общих чертах познакомились выше, является лишь одним из многочисленных построений подобного рода, созданных социал-демократическими теоретиками и публицистами в послевоенный период. Она, впрочем, отличается от конструкций более раннего времени (1918—1920 г.г.) тем, что она является попыткой разобраться в причинах краха социалистических проектов в бурные годы революции в центральной Европе. Написанная

в 1924 г., работа Реннера является как бы безмолвным ответом на укоры и упреки рабочих масс, адресованные к социал-демократическим партиям, провалившим дело осуществления социализма в тот период, когда они стояли у власти, когда классовый враг пролетариата был сбит со всех позиций. Ответ Реннера гласит: провал случился потому, что хотели социализацию начать с производства, между тем, как начинать ее следует с обращения. Явная беспомощность этого ответа и пустота всей теории является недурной иллюстрацией современного теоретического уровня партий II Интернационала.

А. Л. Леонтьев.

Б. Спиноза. Принципы философии Декарта. Перевод с латинского и предисловие Г. С. Тымьянского. Труды Института Красной Профессуры. Секция философии. Под общей редакцией А. М. Дебориана.

Будучи посвящено изложению взглядов Декарта, опубликованное произведение не имеет самостоятельной философской ценности в сравнении с такими трудами мыслителя, как „Этика“ и „Трактат об очищении интеллекта“. Однако „Принципы“ имеют существенное значение для определения развития взглядов Спинозы.

Недавно в нашей марксистской литературе была сделана попытка пересмотреть распространенный и вполне правильный, по нашему мнению, взгляд, что предшественником и учителем Спинозы был Декарт. Л. И. Аксельрод в своей статье „Спиноза и материализм“¹⁾ пытается представить, будто бы влияние Декарта на Спинозу ничем не выделялось в сравнении с влиянием других мыслителей—Гоббса, Бэкона, еврейских и христианских схоластов. Это нужно Л. И. Аксельрод, чтобы особенно подчеркнуть зависимость мыслителя от иудейской теологии и таким путем попытаться объяснить некоторую непоследовательность („теологическая привеска“) системы Спинозы. Настоящее произведение и особенно приложение, „содержащее метафизические мысли“, лишний раз свидетельствуют о том, что, несмотря на всю свою самостоятельность и конгенальность Декарту, Спиноза все же был выходцем из картезианской школы. Влияние Декарта на Спинозу доминировало над всяким другим. Если точнее определить существующее между ними взаимоотношение, то можно сказать, что Спиноза—первый, кто, отвергая метафизику Декарта, исходил из его физики. В этом отношении Спиноза раньше, чем французские материалисты, сделал из картезианской физики материалистические выводы.

Что касается предисловия переводчика тов. Тымьянского, то оно выходит за рамки специальной задачи—осветить место и значение переведенного произведения в философии Спинозы—и затрагивает целый ряд существенных общих вопросов его системы.

¹⁾ „Красная Новь“, кн. 7, сентябрь 1925 г. и также предисловие Л. И. Аксельрод к кн. Г. В. Плеханова „Основные вопросы марксизма“. Кооперативное Издательство „Советская деревня“. Курск, 1925 г.

С некоторыми положениями т. Тымянского мы согласиться ни в коем случае не можем. Прежде всего бросается в глаза настоящность, с которой т. Тымянский и в этом предисловии и в предисловии к „Рассуждению о методе“ Декарта пытается провести взгляд, будто бы метод, с которым новая философия и в частности Декарт и Спиноза выступили против схоластики, в своих существенных чертах есть метод диалектический. Вот что пишет т. Тымянский: „Его (Декарта) логика — орудие познания действительности и но существу носит диалектический характер, хотя заслуга дальнейшего развития ее диалектической стороны выпадает на долю лишь Гегеля, а применение ее к общественным явлениям — на долю Маркса и Энгельса“¹⁾ „В этом разрыве с формальной логикой лежит первая диалектическая черта их метода“ (автор характеризует методологию Декарта и Спинозы). „Порвав с формально логическим методом познаний и поставив себе задачей познание реальных отношений, Декарт и Спиноза сделали первый шаг в смысле открытия диалектического метода“. („Принципы“, стр. VIII).

Эти положения т. Тымянского мы считаем ошибочными. Конечно, справедливо, что в философии Декарта и Спинозы так же, как в некоторых других великих философских системах, много элементов диалектики. Правильно и то, что этих элементов особенно много в философии Декарта и Спинозы в сравнении, напр., с современными им системами Беркли, Юма, Локка и др. Еще правильнее, что в системе Спинозы больше этих элементов, чем у Декарта. Однако, несмотря на все эти вполне справедливые вещи, все же нельзя характеризовать методологию Декарта и Спинозы, как диалектическую в существенных чертах. Система Декарта является чрезвычайно типичной для механического мировоззрения. Дуализм Декарта, кроме всяких причин социального порядка, непосредственно вытекает из его механических взглядов. Система Декарта разорвана на две противоречащих друг другу части — физику и метафизику. И поэтому, несмотря на некоторые замечательные примеры диалектики, — на что указывал еще Ф. Энгельс, — методология Декарта в целом, в основном, должна быть определена как формально логическая и метафизическая.

Что касается Спинозы, то последний в своем учении об единстве протяжения и мышления материалистически правильно решает основной вопрос всякой философии — об отношении сознания и материи. В этом состоит величайшая заслуга мыслителя перед философией, в этом его глубочайшее положительное отличие от картезианской школы и в этом, наконец, главный пример применения им диалектического метода. Но, несмотря на это, в философии Спинозы много механических элементов и вместе с ними элементов дуализма и параллелизма. Они выражаются в утверждении Спинозой принципа психической причинности, в его учении о всеобщей одушевленности вещей и некоторых др. В этих элементах механического миропонимания и состоит, по нашему мнению,

¹⁾ Р. Декарт. „Рассуждение о методе для руководства разума и отыскания истины и науках“. Перевод и предисловие Г. Тымянского, изд. „Новая Москва“, 1925 г., стр. 16. Курсив мой.

„теологическая привеска“ философии Спинозы, о которой говорили Фейербах и Плеханов.

Для того, чтобы понять происхождение этих элементов, вовсе не нужно, как это делает Л. И. Аксельрод, выдумывать гипотезу „религиозного чувства“, от которого будто бы происходят все пороки и недостатки философии Спинозы. Корень противоречий системы философа коренится в его механических взглядах, и именно поэтому в методологии Спинозы так же, как и у Декарта, много формальных и метафизических моментов.

Непонимание этого обстоятельства приводит т. Тымянского к целому ряду других ошибок. Тов. Тымянский придает „математическо-геометрическому методу“ Декарта и Спинозы только педагогическое значение, считая его только способом изложения, а не исследования. „Математический метод,—говорит он (стр. VIII),—служил им для изложения уже найденных ими истин, как средство сообщения другим своей философии“. Тов. Тымянский рассуждает следующим образом: всякий, кто борется против Аристотелевой силлогистики, тем самым, по его мнению, уже является сторонником диалектики. Декарт и Спиноза борются против схоластической силлогистики,—следовательно, они сторонники диалектического метода. Следовательно, они не могут приписывать математике методологического значения. Таковы несложные, и мы бы сказали даже, несколько наивные посылки т. Тымянского. Но здесь как раз обнаруживается непонимание т. Тымянским своеобразия эпохи и, в частности, континентальной философии XVII ст.

Надо быть слепым или взять на себя задачу предвзятой апологии систем Декарта и Спинозы, чтобы не заметить доминирующего положения математики по сравнению со всеми другими научными дисциплинами на континенте Европы в XVII ст. Господство механических взглядов и связанное с ним господство математического метода—это самая характерная черта континентальной философии того времени. Схоластической физике „многих качеств“, качественному характеру мировоззрения было противопоставлено в новое время мировоззрение точных наук—физики, астрономии, механики, основывающихся и прибегающих к законам математического метода. „Математический метод“ для Декарта и Спинозы так же, как и для большинства выдающихся мыслителей этой эпохи: для Галилея, Гюйгенса, Лейбница, Мальбранша, Чирнгаузена, Гоббса, Вейгеля и мн. других, был не только методом изложения, но прежде всего орудием познания и исследования, средством достижения „совершенной“ истины.

Декарт и Лейбниц, как известно, носились с мыслью о создании всеобщей науки—универсальной математики (*Mathesis universalis*), которая должна быть фундаментом для всех других научных дисциплин. Гоббс также считал, что математика (геометрия) является универсальным методом, применимым вполне для исследования не только явлений природы, но и человеческого общества.

В картезианской логике норт-роульских янсенистов, посвященной реформе Аристотелевой логики, самой главной частью считается учение о методе. При чем, главным методом авторы этой логики считают

математическо-геометрический метод. Мальбранш в своих „Разысканиях истины“ считает, что алгебра и арифметика „вместе составляют настоящую логику, служащую для нахождения истины“ ¹⁾.

В этом отношении Б. Спинноза не является исключением. Он также пренебрежен величайшего уважения к математике и геометрическому методу, полагая, что математика показывает людям верное мерило истины ²⁾. Приступая к исследованию человеческих аффектов, он их собирается изучать так же, как в геометрии рассматриваются линии, поверхности и тела ³⁾. Устанавливая различие истинных способов познания от ложных (в „Этике“ и в „Трактате об очищении интеллекта“). Спинноза, как нетрудно заметить, математическое познание причисляет к истинному познанию или познанию интеллекта. Впрочем, не нужно далеко ходить за примерами. Не говоря уже о заголовке рецензируемой нами книжки, где сказано, что принципы философии Декарта об основании геометрическим методом, мы можем указать также и на предисловие ученика Спиннозы Людвига Мейера к этому же произведению. В этом предисловии, написанном с ведома и полного согласия Спиннозы, Мейер говорит: „Что математический метод, при помощи которого из определений, постулатов и аксиом выводятся следствия, при исследовании и передаче знаний лучший и надежнейший путь для нахождения и сообщения истины, является единодушным мнением всех, которые хотят по своим знаниям стоять выше толпы“.

(„Принципы“, стр. 1. Курсив мой).

Таким образом, весьма неправильно суживать значение геометрического метода в системе Спиннозы, определяя его роль только как метода изложения, а не исследования.

Повторяем, в этом сказывается непонимание т. Тымянским своеобразия борьбы, которую вела новая философия с мировоззрением схоластики. Схоластическому миропониманию, имеющему дело с разнообразными противоречащими друг другу качествами, соответствовала формальная логика качественного силлогизма. И никогда, ни в какую другую эпоху Аристотелева логика не переживала таких головокружительных триумфов, как в эпоху средневековья. В это время вырабатывается окончательно терминология формальной логики,—все эти: *Barbara*, *Celarent*, *Darii* и т. п.—совершенствуется техника силлогизма и дается систематика его модусам.

Количественному механистическому мировоззрению соответствует формальная логика количественного силлогизма ⁴⁾. И никогда, в свою очередь, математика не была в большем фаворе, чем в XVII, XVIII ст. Правильно и несомненно, что мыслители этой эпохи вели борьбу и были настроены против Аристотелевой формальной логики. Но отсюда отнюдь не вытекает, что по этому одному они были сторонниками диалектики.

¹⁾ Н. Мальбранш. Разыскания истины. Пер. Сметовой. СПб, 1906 г. II, стр. 301.

²⁾ Б. Спинноза. Этика. Пер. Н. Иванцова, Москва, 1892 г., стр. 55.

³⁾ Там же, стр. 142.

⁴⁾ О различии этих двух видов силлогизма см. у Гегеля—„Большая логика“, пер. Дебольского, ч. I, гл. 3. и „Малая логика“, пер. Чижиова, стр. 313 и след.

Та новая методология, с которой носились мыслители-механисты XVII ст., характеризуется также формальными и метафизическими чертами, но эти свойства качественно отличны от формальности и метафизичности схоластической мысли. Это — количественная формальность, формальность количественного, математического метода.

Последнее обстоятельство приводит к конфликту в механических философских системах XVII в. — между вновь найденным „математическим“, „геометрическим“ методом и всем содержанием философской системы. Дело в том, что „математический метод“ в этих системах остается только идеальным методологическим требованием. И это понятно. Только в случае, если, согласно основной механической тенденции, удалось бы свести все качественное разнообразие вселенной к какому-нибудь одному качеству (напр., протяжению), можно было бы назвать математику (геометрию) единственным универсальным методом всех наук. Но эта задача нереальна и по существу совершенно нецелена. Качественное разнообразие и изменчивость мира не поддаются „сводящим“ усилиям механистов, и в содержании философской системы мы имеем все-таки дело с различными качествами. Именно поэтому в великих механических системах XVII ст., а в частности Декарта и Спинозы, происходит трагический конфликт между „математическим методом“, приспособленным для количественных определений, и содержанием системы, в котором не может не быть качественного многообразия. „Математический“, „геометрический“ метод, поэтому, остается только идеальным требованием, а на деле теряет свои специфические математические особенности, он трансформируется, и вследствие того, что в философской системе приходится иметь дело с несведенными качествами, этот метод становится тождественным формально-логическому методу качественного выведения. Отрицание Аристотелевой силлогистики в философских механических системах XVII ст. не проводится последовательно до конца. Эта логика, изгнанная с парадного хода, снова проникает с черного...

К сожалению, все эти моменты непоняты и не отмечены т. Тымянским в предисловии.

Кроме этих принципиальных погрешностей, необходимо отметить также следующую фактическую ошибку т. Тымянского. Ссылаясь на Куно Фишера, автор утверждает, что „Принципы философии Декарта“ были написаны Спинозой для своего ученика Альберта Бурга. На самом же деле это не так, и это вовсе не утверждает Куно Фишер. Последний и особенно Мейнсама, первый исследовавший данный вопрос, считают, что этим учеником Спинозы был некто Иоани Казеарнус, а не А. Бург.

Перевод выполнен вполне удовлетворительно.

Г. Дмитриев.

Дени Дидро. Избранные сочинения. Под редакцией и с предисловием А. Деборна. 2 тома. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. (Библиотека материализма). Гиз., М.—Л., 1926. Стр. 360 + LVI и 344.

Издательская деятельность Института Маркса и Энгельса развивается все более и более как в широту, так и в глубину. Вслед за Л. Фейербахом (3 тома), П. Гольбахом, Ламеттри и Т. Гоббсом в „Библиотеке материализма“ вышли 2 тома Дидро.

В рецензируемое издание вошли шесть работ Дидро, переведенных и изданных ранее В. К. Сережниковым, одна работа („Племянник Рамо“), впервые печатаемая на русском языке в полном виде, и восемь работ, вообще впервые появляющихся на свет в русском переводе (перевод сделан П. Юшкевичем). Последние работы, не считая „Племянника Рамо“, по объему занимают две трети всего собрания сочинений. В конце издания приложена весьма подробная библиография, составленная соредактором издания И. К. Луниным.

Дидро является наиболее ярким представителем французских материалистов XVIII века. Будучи идеологией революционной буржуазии, ее левого крыла, французский материализм этой эпохи был несравненно более последователен и радикален, чем материализм предшествовавшего века (Бекон, Декарт). В XVIII веке было уже не то соотношение классовых сил, не та была и самая задача философии. Если в XVII в. задачей философии было „непосредственное изучение природы в целях скорейшего увеличения производительных сил“, то в XVIII в., для передовых людей того времени, центр тяжести переместился на борьбу с отжившими феодальными производственными отношениями. Надо было разрушить эти отношения, а для того, „чтобы их разрушить, надо было нападать на освящавшие его идеи. Вся энергия материалистов... сконцентрировалась на этом пункте: и все их учение приняло боевой характер. Борьба с „суеверием“ во имя „науки“ и против „тирании“ во имя „естественного права“ была важнейшей, самой практической (в смысле Декарта) задачей философии“.

Так говорил Плеханов о французских материалистах XVIII века (Сочинения, т. VIII, стр. 175). Отсюда нам станет понятным и их воинствующий атеизм, и, что гораздо шире, их смелая постановка вопросов об общем мироздании, о происхождении человека и т. п. В противоположность этому, в Англии и в XVIII веке, как и во времена Бекона—Декарта, даже такие материалисты, как Пристли, до крайних атеистических выводов не доходили. Причину этого следует искать в том, что здесь в Англии капитализму, как-никак, уже был открыт путь к бурному развитию без помехи со стороны паразитических классов, и вследствие этого здесь стояли на первом плане технические задачи.

Философские работы Дидро носят по преимуществу методологический характер.

Материалистичность философии Дидро не может вызывать никаких сомнений. Он совершенно отвергает веру в бога и все теологические хитросплетения, телеологию и т. д., он признает одну субстанцию, материю, способную быть различным образом организованной (том I, стр. 149).

Отметивши это обстоятельство, необходимо проследить общий характер методологии Дидро.

Как известно, французский материализм Энгельсом был назван „преимущественно механическим“, т.-е. отсталым, устаревшим материализмом. В настоящее время, когда современным механистам, называющим себя марксистами, указывают на их родство именно со старым диалектическим материализмом, отвергнутым марксизмом, они на это нередко указывают, что материализм XVIII века был слишком прост, слишком наивен, чтобы его приравнять к „современному“ механизму.

Дидро, с его стихийными попытками подойти к диалектике, опровергает такой наивный взгляд на материализм XVIII века.

Еще в 1754 г. в своих „Мыслях об объяснении природы“ Дидро предвосхищает учение о сохранении и превращении энергии. Он предсказывает, что физика со временем сделает такие успехи, что все явления—тяжесть, упругость, магнетизм, электричество—будут признаваться различными проявлениями одного и того же свойства. Пока,—говорит Дидро,—эти явления и силы остаются изолированными, но со временем научные открытия сблизят их, никогда их не соединяя, так что „образуется непрерывный замкнутый круг явлений“ (I, стр. 108). Все находится во взаимной связи, одно проникает собой другое. „Если не существует взаимной связи между явлениями,—говорит он.—то нет места для философии“ (I, стр. 123).

Материя Дидро мыслится не как нечто однородное, гомогенное, неподвижное и сопротивляющееся движению. „Абсолютный покой—абстрактное понятие, не существующее в природе“ (I, стр. 130). „В природе все обладает разнообразным действием“ (там же). Движение есть такое же реальное свойство материи, как длина, ширина и глубина.

Исходя из единства строения и функций организмов, Дидро выдвигает идею эволюции органических форм. Виды непрерывно изменяются. „Всякое животное—более или менее человек; всякий минерал—более или менее растение; всякое растение—более или менее животное. Нет ничего определенного в природе“ (I, стр. 165). Дидро считает, что все виды произошли из одного первоначального вида, который потом подвергся процессу трансформации (I, стр. 82). Идею эволюции Дидро последовательно распространяет и на неорганический мир. „Все изменяется, все исчезает, только целое остается. Мир зарождается и умирает непрерывно, каждый момент он находится в состоянии зарождения и смерти. В этом безмерном океане материи нет ни одной молекулы, похожей на другую, ни одной молекулы, похожей на себя самое в каждый последующий момент“ (I, стр. 160).

С идеей эволюции связана проблема „одушевленности материи“. Дидро, конечно, считает, что живая материя имеет в своей основе ту же субстанцию, что и мертвая материя. Следовательно, чувствительность, сознание и мысль суть свойства материи. Для того, чтобы избежать беспричинного перехода от инертной материи к живой, Дидро, как впоследствии и Энгельс, и Плеханов, и Ленин, предполагает и у так называемой „мертвой“ материи наличие некоего свойства, аналогич-

ного чувствительности: это—чувствительность в потенциальном состоянии (I, стр. 140). Ленин в своем „Материализме и эмпириокритицизме“ ссылается в этом вопросе как раз на Дидро.

Предвосхищая взгляды Энгельса, Дидро правильно ставит вопрос и о строении материи. Он не считает ее тождественно-однородной. „Существует ли,—спрашивает Дидро,—в природе хоть один атом, безусловно похожий на другой?“ и отвечает: „Нет“. (I, стр. 166). „Математически-механическая точка зрения, согласно которой материя сводится исключительно к количеству, Дидро казалась недостаточной и односторонней“;—пишет тов. А. Деборин в своем предисловии к настоящему изданию. И это не преувеличение. Послушаем самого Дидро: „Вы можете делать из геометрии и метафизики все, что угодно,—говорит он,—но я, физик и химик, который берет тела такими, какими они бывают в природе, а не в моей голове,—я вижу их жизнедеятельными во всем их разнообразии“ и т. д. (I, стр. 130).

Дидро не соглашался с Гельвецием, сводившим суждения к чувствованиям и отождествлявшим их с ними. Человек качественно отличается от остальных живых существ: „Я—человек,—говорит Дидро,—и мне пужны специфические для человека причины“ (II, стр. 39). Чувствительность есть условие наших мыслей и действий, но не единственная причина их. „Человек не есть капуста“,—проникновенно замечает Дидро (II, стр. 42). Вообще „Опровержение произведения Гельвеция „Человек“ весьма интересно с точки зрения элементов диалектики у Дидро. При рассмотрении вопроса о переходе от инертной материи к чувствительной, Дидро приближается даже к понятию о скачке (II, стр. 40).

Что касается методов мышления, то Дидро не удовлетворялся ни эмпиризмом, ни рационализмом, а требовал синтеза их обоих. Он против закосотенелых философских систем. Опыт в конечном счете решает все научные споры.

Таким образом, у Дидро мы видим чрезвычайно много здравых мыслей, которые несут в себе зародыши современной диалектики. И если он все же не выходит из общих рамок механического материализма, столь отрицательно характеризованного Энгельсом и Лениным, то потому, что у него не было теории диалектики, не было последовательной, сознательной диалектики, выработанной, хотя и в мистической форме, впервые Гегелем.

Внимательное ознакомление с произведениями Дидро показывает, что по своей методологии он стоит даже выше современных нам эпигонов механического материализма.

В. Егоршин.

IV.—Х Р О Н И К А

Деятельность Коммунистической Академии за январь—июнь 1926 г. (краткий обзор)

Задание Совета Народных Комиссаров Союза ССР Коммунистической Академии

Совет Народных Комиссаров СССР на заседании от 29 июня с/г. по проекту „основных начал землепользования и землеустройства“ постановил:

- „а) вопрос отложить с тем, чтобы он был рассмотрен в такой срок, чтобы было обеспечено его прохождение в сессии ЦИК до конца зимы следующего года;

- б) передать проект основных начал землепользования и землеустройства для обсуждения в Коммунистическую Академию, предложив Коммунистической Академии привлечь к его обсуждению всех крупнейших экономистов и специалистов по аграрному вопросу и земельному праву;

- в) поручить Управлению Делами установить срок для постановки вопроса на повестку дня СНК и тот срок, который предоставляется Коммунистической Академии для рассмотрения вопроса“.

Президиум Коммунистической Академии. За период январь—июнь состоялось три заседания Президиума, на которых были проработаны 28 вопросов — в среднем по 9 вопросов на каждом заседании. Из указанных 28 вопросов было: научно-организационных—15 вопросов, админ.-хозяйств. и организационных — 13 вопросов.

Был заслушан отчетный доклад Секции Естественных и Точных Наук, в результате которого Президиумом было принято постановление о необходимости организации ряда публичных докладов, освещающих современные проблемы в области естественных и точных наук.

Был рассмотрен и утвержден план ознаменования 50-летия со дня смерти Бакунина.

Был рассмотрен и утвержден представленный Бюро Президиума новый Устав Комм. Академии.

Бюро Президиума. Бюро Президиума состоит из пяти членов: т. т. Покровский М. Н., Милютин В. П., Крицман Л. Н., Лукин Н. М. и Преображенский Е. А.

За период январь—июнь состоялось 16 заседаний Бюро, на которых было рассмотрено 124 вопроса. Из общего числа проработанных вопросов было: научно-организационных — 63 вопроса; организационных и админ.-хозяйств. — 55 вопросов; редакционных — 6 вопросов.

Главное внимание Бюро Президиума было сосредоточено на руководстве работой учреждений Комм. Академии. В связи с этим на заседаниях Бюро ставились отчеты о работе секций, институтов и т. д. и рассматривались планы их дальнейшей деятельности.

Рассмотрены и утверждены планы работ ряда учреждений Комм. Академии (Экономической секции, Института по изучению высшей нервной деятельности, учебный план курсов марксизма).

Бюро был также пересмотрен (по докладу Комиссии) состав научных сотрудников учреждений Комм. Академии и был произведен учет и оценка их работ.

За отчетное время были разработаны и утверждены Устав Библиотеки, Устав Института советского строительства и новый Устав Коммунистической Академии.

Среди вопросов, рассмотренных Бюро, имеются вопросы по установлению связи Академии с другими научными учреждениями Союза. Так, Бюро Президиума делегировало в Ленинград и на Украину своих членов (т. т. Милютину и Крицмана) со специальными докладами и заданиями.

Экономическая Секция. Секция организована в конце декабря 1925 г. Положение о Секции утверждено Президиумом Комм. Академии в первых числах января. Работа Секции за истекший период была преимущественно сосредоточена на теоретическом освещении проблем советского хозяйства. В этих целях были устроены следующие публичные доклады: 1) Е. А. Преображенского „Закон ценности в советском хозяйстве“ (три заседания, 24 оратора); 2) В. П. Милютина „О диспропорции и темпе развития нашего народного хозяйства“ (два заседания, 7 ораторов). Кроме того, был поставлен доклад тов. Ю. Ларина „Хозяйственный кризис Европы и интересы СССР“.

Помимо публичных докладов на трех секционных заседаниях с участием ряда ответственных работников хозяйственных наркоматов и Госплана, были поставлены доклады т. т. И. Т. Смильги и Е. А. Преображенского „Наши хозяйственные затруднения и их причины“ и т. В. М. Смирнова „Наше хозяйственное положение в связи с положением нашей валюты“. Упомянутые доклады вызвали оживленный обмен мнений.

Совместно с Секцией научной методологии были организованы публичные доклады т. Блюмина „Математическая школа и математический метод в политической экономии“ и т. Струмилина „Проблема безработицы в СССР“.

Перечисленные доклады способствовали сплочению вокруг Секции ряда экономистов, что дало, в свою очередь, возможность предпринять коллективную исследовательскую работу по изучению советского хозяйства. Секцией намечены следующие темы: 1) Рыночное и плановое начало в промышленности; 2) Структурные изменения в промышленности; 3) Проблема „основного капитала“; 4) Структура товарооборота и строение цены; 5) Проблема диспропорции (промышленность и с. х); 6) Теоретические проблемы кооперации.

Секцией предпринимается и другая коллективная работа, посвященная финансовому капиталу в России.

На ряду с коллективными исследованиями под руководством Секции, подготавливается индивидуальная работа т. Кондурушкина „К вопросу о путях и методах накопления частного капитала“. Ведется работа по составлению библиографического обзора вышедшей за годы революции экономической литературы. Подготовлен к печати библиографический указатель экономической литературы за 1925 г.

В состав Секции входят все экономисты—члены Комм. Академии—и ряд молодых научных работников.

Начало деятельности Кооперативной комиссии положено постановлением Бюро Президиума Коммунистической Академии от 28 ноября 1925 г. Фактически Кооперативная комиссия приступила к работе лишь в конце декабря 1925 г. В задачу Кооперативной комиссии входит собирание и систематизация кооперативной литературы и материалов на русском и др. языках, составление библиографических обзоров и сборников кооперативной литературы, научно-исследовательская работа в области разработки проблем советского кооперативного строительства и вопросов теории и истории кооперативного движения.

В первой половине года были заслушаны доклады т. Шефлера „Перспективы и развитие сельскохозяйственного кредита“ и т. Фишгендлера „Лига наций о советской кооперации“.

Ведется подготовительная работа по изданию к 10-летию Октябрьской Революции двух сборников: 1) Кооперация в СССР за 10 лет; 2) Библиографический десятигодник по кооперации.

Разработана программа следующих отделов первого сборника: „Кооперация и внешний рынок“, „Роль советской кооперации в международном кооперативном движении“ и др. Что касается второго сборника, то разобрана и нанесена на карточки вся монографическая литературы по кооперации за 1917—1925 г.г.

Выпущена в свет научно-популярная работа т. А. Лозовского „Партия и кооперация“ (на укр. яз.).

Работа Кооперативной комиссии увязана с работой кооперативных центров и секций межкооперативного Совета.

За короткий срок вокруг Секции об'единилось 20 работников кооперации.

Президиумом Комм. Академии утвержден Совет института мирового хозяйства и мировой политики в составе: М. Г. Вронского, Н. И. Бухарина, Е. Варги, Ш. М. Дволайцкого, Л. Б. Красина, Л. Н. Крицмана, Ю. Ларина, Лапинского, Н. М. Лукина, В. П. Милютина, Н. Осинского М. Павловича, М. Н. Покровского, Е. А. Преображенского, Х. Г. Раковского, Ф. А. Ротштейна, К. Б. Радека и Л. Д. Троцкого.

Журнал Института подвергся серьезной реорганизации. За истекший период выпущено 4 номера журнала, выходящего под названием „Мировое Хозяйство и Мировая Политика“.

Приступлено к составлению Ежегодника по мировому хозяйству и мировой политике, который будет построен в тематическо-хронологическом порядке и включит обзоры важнейших экономических и политических событий всех стран. Достигнуто соглашение с Госиздатом о вы-

пуске сборника по сельскому хозяйству важнейших стран, главным образом, по работам И-та Зеринга. По инициативе и под ред. Института выпущен сборник статей „Исторический кризис английского капитализма“.

Были зачитаны доклады: тов. Галковича „Америка и Дальний Восток“, т. Спектатора „О с. х. Америки, как факторе внутреннего рынка“, т. Иванова „Америка и Англия“, т. Айзенштадт „Взаимоотношения между Европой и Америкой“, т. Радо „С.-А. Ш.“.

Аграрная секция. Аграрная секция имеет своей задачей изучение теории аграрного вопроса, истории аграрных отношений и крестьянского движения.

При секции функционирует Комиссия по изучению аграрной революции и издается журнал „На Аграрном Фронте“.

Аграрная секция в целом приступила к разработке двух коллективных работ: 1) „История аграрной революции в России“; 2) „Классовое расслоение крестьянства“. Первая тема будет опираться на материалы, собираемые и подготовляемые к печати комиссией по изучению аграрной революции, и на самостоятельные исследования авторов данного коллективного труда. Работа распадается на четыре тома: первый том — „Аграрный вопрос и аграрные отношения в России до революции 1917 г.“; 2-й том — „Аграрный вопрос и крестьянское движение в 1917 г.“ (от февраля 1917 г. до апреля 1918 г.); 3-й том — то же в эпоху гражданской войны (военного коммунизма) и 4-й том — то же в эпоху нэпа.

В текущем году, в связи с приближающимся десятилетием Октябрьской Революции, все силы сконцентрированы на разработке второго тома, который должен быть сдан в печать в начале 1927 года.

Список тем и авторов следующий: введение „Хозяйственно-политическое состояние страны накануне и во время революции“ — В. П. Милютин.

1-й Отдел — „Сельское хозяйство“.

„Сельское хозяйство и дифференциация“ — А. Гайстер; „Сельскохозяйственный рынок“ (внутренний и внешний) — П. Лященко; „Промышленность и сельское хозяйство“ — автор пока не назначен; „Вопросы задолженности и мобилизации земель“ (тема точно не сформулирована) — Д. Батурицкий.

2-й Отдел — „Аграрная политика временного правительства“ — Веременичев.

3-й Отдел — „Крестьянское движение“.

„Массовое крестьянское движение“ — С. Дубровский; „Крестьянские организации в 1917 г.“ — А. Шестаков.

4-й Отдел — „Борьба за крестьянство“.

„Р. С. Д. Р. П. в аграрном вопросе“ — Е. Морозовец; „Аграрная программа большевиков“ — автор еще не назначен; „Аграрная программа народнических партий“.

5-й Отдел — „Октябрь в деревне“.

„Захват и раздел земель“. „Аграрная политика Советской Власти“. „Продовольственный вопрос“. „Рынок хлебов“. „Левые эсеры и крестьянство“.

яństwo после захвата власти". „Меньшевики и эсеры в аграрном вопросе после Октября".

Темы еще не распределены между авторами (П. Першин, Л. Крицман, М. Кубанин, Я. Яковлев, П. Попов).

К этому будут приложены библиография и наиболее важные документы.

В-... групповая работа— „О классовом расслоении крестьянства". Руковод... ю Л. Н. Крицман. Из цикла этих работ вышла в свет книга Крицман... и, напечатана работа Яковлева.

По... является коллективная работа о расслоении крестьянства в советской деревне (авторы: Верменичев, Гайстер, Крицман, Раевич). Из вспомогательных работ выполнены следующие: а) составлена библиография всей немецкой литературы по аграрному вопросу и крестьянскому движению, за период с 1845 по 1925 г. (включительно). б) Закончена составлением библиографии книг и брошюр ко всем темам II тома коллективной работы по „Истории аграрной революции". Всего в библиографию вошло 4.000 названий. Кроме того, начато составление библиографии журнальных статей к этому же тому, помещенных в журналах разных политических направлений. Пока заиндексировано 1000 статей, работа продолжается. в) Составлена библиография литературы по расслоению деревни за советский период.

Из кабинета мирового хозяйства принята в аграрный кабинет иностранная литература по аграрному вопросу.

Помимо выполнения намеченных раньше работ, при Секции был организован из числа слушателей Научно-Исследовательского Института при Тимирязевской С.-Х. Академии и лиц, окончивших Межевой Институт, научно-исследовательский семинарий по изучению процессов классового расслоения в деревне в различных отраслях и при различных направлениях сельского хозяйства.

Участникам семинария розданы около 15 тем, и, начиная с осени, будут заслушиваться доклады — результаты работы.

Представитель Комиссии тов. Лященко сделал на 4 всесоюзном съезде статистиков доклад о работе аграрной комиссии. 10 февраля было созвано совещание членов Бюро совместно с членами съезда, принимающими участие в работах для комиссии. Представителями мест были сделаны сообщения о ходе работ по копировке. Для выяснения сравнительной пригодности программы разработки признано было желательным провести пробные группировки. Пленум Комиссии остановился по обсуждению программы разработки на двух вариантах, по которым решено было провести пробные группировки. Кроме того, признано желательным привлечь к исследованию довоенные (земские) переписи.

Поступление с мест материалов позволило комиссии приступить к разработке карточек, полученных из губстатбюро.

Статистическим аппаратом комиссии выполнена пробная разработка 4 волостей Курской губернии. Сделано распределение хозяйств по типам. Одна из волостей разработана также и по „сказуемому". 2 июня приступлено к основной разработке материалов. К этому времени в распо-

ряжении Комиссии находилось 195 тысяч подворных формуляров и 2 000 общинных.

По 5 июня сдано в подсчет 42.000 формуляров. Подсчитано 7.970 карточек по Курской и Пензенской губ. Последующий контроль осуществлен полностью за 1917 г. по Курской и Пензенской губерниям.

За истекшие 3 месяца в секции проделана следующая работа:

1. Тов. Штраухом — составлена библиография (с частичной аннотацией) по крепостному хозяйству и по крестьянским движениям до реформы. Кроме того, им подготавливается к печати работа о „Стрелецком бунте 1681 года“. Им же составлен план „Сборника материалов по истории крепостного хозяйства и крестьянства в России“.

2. Тов. Ландор — заканчивает работу по библиографии (с подробной аннотацией) на тему: „Влияние революции 1905 года на зап.-европейское рабочее движение“. Работа требует дополнения современной литературой, что будет проделано Ландором в отпуску за границей. Им же сдан в печать обзор современной исторической литературы в Зап. Европе по вопросу о распаде австрийской монархии (пойдет в № 3 „Историка-Марксиста“).

3. Тов. Нечкина — подготовила и сдала в печать (№ 2 „Историка-Марксиста“) подробный обзор литературы о декабристах. Работа охватывает, главным образом, юбилейную литературу, вышедшую к 100-летию восстания. Кроме того, тов. Нечкина продолжает работать над исследованием: „Зарождение рабочего класса в дореформенный период“.

4. Тов. Алексеев работает над хроникой гражданской войны и библиографией гражданской войны в России.

5. Тов. Гайстер — разработал ряд архивных материалов по либерализму в первой русской революции. Часть материала будет опубликована (с соответствующими комментариями) в журнале „Красный Архив“.

Общество имеет целью объединение всех марксистов, занимающихся научной работой в области истории, научную разработку вопросов истории и марксистской методологии истории, борьбу с извращениями истории буржуазной наукой, ознакомление широких масс с марксистскими достижениями в области истории и т. п.

На 1 июля 1926 г. О-во насчитывало 64 действительных члена и 33 члена-корреспондента.

Заметный количественный рост числа членов Общества, вместе с усложнением его задач, вызвал необходимость учреждения отдельных секций, которые объединяли бы работу О-ва по отдельным специальностям. Организованы следующие секции: 1) Истории общественных форм; 2) Истории России и ВКП(б); 3) Истории Запада; 4) Методологическая.

За отчетный период состоялись следующие доклады: 1) т. Нечкиной — „Соединенные славяне“; 2) т. Фридлянда — „Якобинцы против Марата“; 3) т. Рожкова — „К методологии истории промышленных предприятий“; 4) т. Урсыновича — „Колонизация Камчатки и разложение родовых отноше-

ний у камчадалов“; 5) т. Меерсона—„Пугачевщина“; 6) т. Кривцова—„Место истории в программах обществ.-экон. вузов“.

Общество выпускает журнал „Историк-Марксист“ (один раз в три месяца).

По инициативе О-ва образована комиссия по разработке плана издания научно-выдержанной серии популярных брошюр по истории. В первую очередь предполагается издать серию популярных брошюр по истории Октябрьской революции.

Секция общей теории права За отчетный период много сил и внимания отняла, как и в прошлом году, работа по „Энциклопедии Государства и Права“. Вышел третий выпуск, четвертый сдан в набор (вышел из печати в июле). Подготовлен к печати № 1 трех-

месячного журнала „Революция права“. Новый журнал должен дать углубленное теоретическое освещение как отдельных важнейших практических вопросов юридической стороны нашего строительства, так и общих линий нашей законодательной работы. Кроме того, в журнале предполагается уделить значительное внимание историческому отделу и библиографии.

Секция наметила примерный план подготовки следующих учебников: Гражд. право—П. И. Стучка; Общая теория права—Е. Б. Пашуканис; Общее учение о государстве и основы Советской Конституции—Г. С. Гурвич; История политико-правовых учений—И. П. Разумовский; Международное право—Е. Б. Пашуканис; Уголовное право—А. Я. Эстрин; Уголовный процесс—А. Я. Эстрин; Гражданский процесс—С. М. Прушицкий.

По предпринятому Секцией обследованию юридических и бытовых отношений крестьянского двора поступило значительное количество анкет из разных районов—РСФСР, УССР, БССР. Кроме обработки полученных анкет, организована вырезка из газет по правовым и бытовым отношениям современной деревни. Из Саратова получена сводка т. Панферова по заполненным по Саратовской губ. анкетам и критические замечания по самой анкете.

На внутрисекционных заседаниях заслушаны доклады т. Старосельского—„Революционный террор в изображении либерального историка“, т. Ф. И. Вольфсона—„Брачное законодательство в связи с судебной практикой“. В публичных заседаниях Секции были поставлены доклады П. И. Стучки—„Социалистическое хозяйство и советское право“ и тов. Эстрина и т. Старосельского—„Пролетарское государство и условная репрессия“.

В бюро секции обсуждался вопрос об установлении более тесной связи с Украиной. Решено командировать туда осенью для прочтения докладов представителя секции.

По Секциям Института работа протекала следующим образом:

Институт Советского строительства.

Союзная Секция. Начаты работы по трем темам: „Государство диктатуры пролетариата и негосударственные организации пролетариата“, „Процесс организации центральной системы финансовых органов“, „Процесс образования Союза ССР“.

Секция местного управления. Работа Секции шла в двух направлениях: общеплановая работа по собиранию, систематизации и

отборке материалов по местному строительству и выполнению внеплановых заданий руководящих правительственных органов и Бюро Президиума ИСС. Собрание и систематизация материалов сосредоточены были в местном кабинете, газетном и декретном бюро. Закончено собрание и систематизация архивного и иного материала по советскому избирательному праву, произведенное по 15 губ. (за период с 1918 по 1926 г.г.).

А. По низовому советскому аппарату: 1) произведена была выборка материала из администр. комиссии ВЦИК по админ.-территор. реформе в СССР; выбранный материал (и имеющийся в местном кабинете ИСС) обработан по отделам: а) формирование новых губерний (пять губерний), б) разукрупнение и укрупнение волостей (по 19 губерниям); 2) проведена выборка и обработка материалов (из архива НКВД, архива редакции „Крестьянской Газеты“ и по литературным источникам) по теме „Низовой советский аппарат в первый период советского строительства“.

Б. По горсоветам: 1) произведена выборка архивного и законодательного материала по последней реформе законодательства о горсоветах: протоколов совещания по советскому строительству при ВЦИК, комиссии СНК, 2 сессии ВЦИК'а и ведомственных материалов; 2) обработан материал, имеющийся в местном кабинете ИСС, НКВД и Оргбюро ЦПО, о практическом проведении на местах нового положения о горсоветах.

Из отдельных научно-исследовательских работ, выполняемых при ближайшем участии секции (в порядке прежнего плана ее работ) продолжалась обработка тем: „Избирательное право“ и „Райсоветы г. Москвы“. Наконец, Секция приняла ближайшее участие в работе созданного Оргбюро ЦПО 12—13 сего мая совещания горсоветов Центрально-Промышленной области.

Финансово-экономическая секция. Характер работ секции. Все подготавливающиеся работы представляют собой сборники материалов и документов, освещающие основные этапы развития советского строительства в области хозяйства, заостряется внимание на главнейших вопросах практики нашего строительства, вроде централизации и децентрализации, участия масс, обобщение опыта классовой практики и т. п.

По секции велась следующая работа: а) библиографическая работа по выявлению материалов, освещающих строительство местного хозяйства в СССР и за границей; б) научная систематизация материалов, вырезок и выборок из них по основным вопросам советского строительства в области местного хозяйства с составлением аналогической картотеки.

По п/секции местных финансов изучены архивы Наркомфина СССР и РСФСР, а также РКИ РСФСР.

По п/секции местной промышленности закончены подбор и систематизация материалов к теме „местная промышленность в условиях общей системы и плана народного хозяйства в его движении к социализму“ за период военного коммунизма и нэпа. С 1 августа будет приступлено к выборкам.

По п/секции жилищно-коммунальной подбираются и систематизируются материалы по теме „Коммунальное хозяйство и советское жилищное

строительство с точки зрения практического внедрения принципов социалистического и непосредственного участия масс в этом строительстве“.

Институтом были поставлены следующие публичные доклады: тов. Асфендиаров — „О конституциях автономных сов. соц. республик“, тов. Яхонтов — „О революционной законности“, тов. Рязанов — „Нужна ли пролетарская финдоктрина“.

Секция литературы и искусства. Секция приступила к систематической работе лишь в начале текущего года.

Секцией были поставлены следующие доклады: 1) тов. Нусинов — „Проблемы тематики в современной русской литературе“; 2) т. Маца — „Проблема формы в современной зап.-европейской революционной поэзии“; 3) т. Горбов — „Максим Горький“; 4) т. Завильчанская — „Нужна ли марксистская эстетика“; 5) т. Переверзев — „Писарев и писаревщина“.

Секцией готовятся к печати четыре работы: 1) „Марксистская — методология литературы“ — коллективный труд В. М. Фриче, П. И. Лебедева-Полянского, В. Ф. Переверзева, И. М. Нусинова и И. Маца; 2) учебник русской литературы XIX века (авторы — А. В. Луначарский, В. М. Фриче, П. И. Лебедев-Полянский, В. Ф. Переверзев и И. М. Нусинов); 3) В. Ф. Переверзев — „Гончаров“, 4) И. Маца — „Политическая и пролетарская литература Запада“.

Секция установила связь с социологическим отделом Академии Художественных Наук и с научно-исследовательским институтом языка и литературы при Ранион в Москве.

Секция научной методологии. По группе общественно-экономической велась коллективная работа под руководством М. Н. Смит „Кривые капиталистического хозяйства“. Подготовлена к печати работа т. Блюмина „Анализ и критика математического бем-баверкианства“.

По группе обще-методологической коллективно проработаны подробные планы работ т.т. Тележникова, Дедякина и Милонова.

Секцией были организованы следующие доклады: 1) Рудаев — „О так наз. законах логики“. 2) Фесенков — „Математический метод в астрономии“. 3) Костицын — „Математический метод в геофизике и астрономии“. 4) М. Криницкий — „Актуализм, как учение о целевом миропонимании“. 5) Тележников — „Социалистическое учение Дюркгейма“. 6) Шатуновский — „Математический опыт построения учета элементов народного хозяйства посредством системы линейных уравнений“. 7) Милонов — „Диалектика, как метод познания и действия“ (закрытый). 8) Успенский — „О применении геометрических представлений в химии“ (закрытый). 9) Кривцов — „К вопросу об экономической структуре общества“ (закрытый). 10) Ширвиндт — „Англо-американский неореализм“ (закрытый). 11) Вайнштейн — „Диалектика и действительность у Ленина и Гегеля“ (закрытый). 12) Блюмин — „Математическая школа и математический метод в политической экономии“ (2 засед., совместно с эк. секцией).

Общество Статистиков-Марксистов. Общество ставит своей задачей объединение практиков и теоретиков статистиков марксистов.

Марксистов. За январь — июнь были заслушаны доклады: 1) М. Н. Смит — „Проблемы промышленной статистики в период реконструкции“.

хозяйства". 2) А. В. Абрамов — „Определение средней квалификации среднего рабочего". 3) В. Е. Варзар, В. И. Вейц и Берман — „О методах измерения и анализа нагрузки в промышленном предприятии" (на совещании, созванном секцией промышл. и фабр.-зав. статистики). 4) С. Г. Струмилин — „Проблемы безработицы в СССР".

Организована Секция промышл. и фабр.-зав. статистики. Секцией был поставлен доклад т. Сатель — „О техническом измерении нагрузки предприятий".

При секции образована комиссия по установлению единицы учета в статистике предприятий. В этом направлении ведется работа по отысканию методов разграничения различных форм производства и методов расчленения предприятий крупной фабрично-заводской промышленности.

Секция в своей работе тесно связана с рядом экономистов и экономистов-статистиков, работающих непосредственно на производстве.

Доклады в Обществе привлекают значительный контингент производственников, преимущественно красных директоров фабрик и заводов.

Общество принимало участие в работах всесоюзного статистического съезда и в обсуждении планов и программ всесоюзной переписи. Представитель Общества выступал по вопросу о переписи в заседании Малого Совнаркома.

Обществом поддерживается связь с работой экономических вузов.

Консультационное бюро давало всем обращающимся к нему обществам и лицам советы методологического характера.

Выпущен первый номер журнала „Проблемы Статистики". (В августе вышел из печати второй номер журнала).

Секция естес-. Секция естественных и точных наук ставит своей задачей и чей коллективную разработку наиболее актуальных для **точных наук.** борьбы за материализм вопросов по трем разделам: физико-математическому, биологическому и психо-неврологическому. Работы носят отчасти литературный, отчасти экспериментальный характер. В последнем случае секция пользуется существующими лабораториями и институтами. По постановлению Президиума Коммунистической Академии от 9 января 1926 года в состав Секции естественных и точных наук входит Институт по изучению высшей нервной деятельности.

Работа по трем разделам протекала следующим образом:

1. Физико-математический раздел. За отчетное время разделом велась работа в следующих направлениях: 1) Основы математики. 2) Принципы механики. 3) Основания термодинамики. 4) Теория химической активности.

При разделе функционировал семинарий по интуиционизму, руководимый проф. А. Я. Хинчиным. Семинарий объединяет около 20 молодых научных работников, преимущественно аспирантов Института математики и механики.

По вопросу о принципах механики велась, главным образом, литературная работа: Дерягиным Б. В. — „Вариационные принципы в классической физике", Предводителевым А. С. — „Механическое обоснование электродинамики", Лаврентьевым М. А. — „Проблема устойчивости движения", Ковнером С. С. — „Исследование Hilbert'a по вариационным принципам механики".

Теории технической активности был посвящен коллоквиум. Участниками коллоквиума тов. Кобозевым Н. И., Баландиным А. А. и Предводителям А. С. организована экспериментальная работа в указанном направлении в лабораториях I МГУ.

Коллоквиумом по термодинамике, руководимым Т. А. Эренфелт, проделана следующая работа: подробно проработана аксиоматика термодинамики, в особенности II начала термодинамики, и начато критическое исследование н-теоремы Boltzman'a и ее следствий.

Кроме указанных работ, членами Секции при ее материальной поддержке велась следующая работа: проф. Фесенковым В. Т. — теоретическая и наблюдательная работа по исследованию влияния зодиакального света (космической пыли) на движение внутренних планет, проф. Кастериним проверка опыта Bucherer'a и Нурка.

Научным сотрудником Секции Люстерником велась самостоятельная работа в области оснований анализа. Научным сотрудником Лихтенбаумом велась работа в области топологии.

К концу академического года работа раздела значительно расширена.

II. Биологический раздел. По разделу подготовлены к печати и частью печатались систематические обзоры по отдельным проблемам биологии, как-то: „Физико-химическая среда“ (Д. Рубинштейн), „Наследование приобретенных признаков“ (Е. Смирнов), „Проблема эпигенеза“ (т. Новиков), „Наследственное осуществление“ (Н. Ильин) и др. Разработан ряд тем экспериментального характера. Подготовлен семинарий „Проблемы общей биологии“.

Научный сотрудник М. Навашин вел экспериментальное исследование, посвященное преимущественно изучению эволюции внутриклеточного строения.

Проф. Б. М. Завадовским велась работа по изучению формообразования и наследования приобретенных признаков (на курах и аксолотлях).

Проф. Д. Л. Рубинштейн (Одесса) вел изучение взаимоотношения между средой и организмом.

III. Психо-неврологический раздел. Из заказанных разделом литературных работ доставлены следующие: 1) проф. А. А. Ухтомским — „Парабиоз и доминанта“, 2) д-ром Б. Н. Бирманом — „Учение о гипнотизме в свете учения об условных рефлексах“, 3) д-ром В. А. Крыловым — „Условные рефлексы морфийного отравления“, 3) д-ром В. А. Белоусовым — ряд рефератов по психиатрии и психо-патологии, 5) Байчем — рефераты по психологии.

На заседании Секции естественных и точных наук принято постановление об издании совместно с Институтом по изучению высшей нервной деятельности психо-неврологического журнала.

Коллективные работы находятся в следующей стадии: I) „История психологии“ — включает в себя четыре выпуска: 1-й выпуск „Умозрительная психология“; 2-й выпуск — „Эмпирическая психология“; 3-й выпуск — „Современные направления психологии“; 4-й выпуск — „Прикладная психология“. Вся организационная работа по первому и второму выпускам закончена. II) „История психиатрии“ — включает в себя четыре выпуска: 1-й выпуск — „Психиатрия до французской революции включительно“, 2-й выпуск —

„Психиатрия до Крепелина“, 3-й выпуск — „Крепелин и Фрейд“, 4-й выпуск — „Новейшие течения психиатрии“. 1-й выпуск должен быть сдан в печать в сентябре текущего года. Остальные — в течение 1927 года.

Научно-исследовательская работа: а) Линия биологическая. Все экспериментальные работы по этой линии производятся в Институте по изучению высшей нервной деятельности. б) Линия социологическая. Работа по социальной психологии занимала пока сравнительно небольшое место.

При разделе существует коллектив врачей психиатров и невропатологов марксистов. Производятся занятия по диалектическому материализму под руководством профессора Аксельрод-Ортодокс. Программа занятий рассчитана на 2 года.

Институт по изучению высшей нервной деятельности. 1. Физиологический отдел. а) За отчетный период продолжались опыты по методу условных рефлексов, для дальнейшего изучения и выяснения локализации зрительного, слухового, кожного анализаторов (центров) коры головного мозга. Опыты проводились на обезьянах и собаках, путем оперативного удаления или временного выключения кокаином некоторых участков головного мозга.

б) В экспериментальном хирургическом отделе произведено операций: 1) мозговых — 22, удаление желез с внутренней секрецией — 10, пищеварительного тракта 9. Всего 41 операция.

Сотрудники Института проводили работы, связанные с выработкой условных рефлексов при химическом раздражении центральной нервной системы ядами, занимались исследованием деятельности центральной нервной системы лягушки при замене крови питательной жидкостью и пр.

На Всероссийском съезде физиологов в Ленинграде сделаны доклады: 1) Проф. Фурсиков Д. С. — „Изучение поведения и локализации функций коры мозга у обезьян по методу условных рефлексов“. После доклада были продемонстрированы опыты на обезьянах, заснятые кино до и после операции. 2) Проф. Воскресенский Л. Н. и проф. Фурсиков Д. С. — „Условные рефлексы на тактильное раздражение при локальном отравлении коры головного мозга“. 3) Крылов В. А. — „Об условных рефлексах на алколоиды“. „О состоянии возбудимости коры головного мозга при длительном воздействии морфия“.

II. Анатомо-гистологический отдел. 1) Велась подготовительная работа для постановки ряда исследований: приготовлен ряд новых серий срезов по цито и миелоархитектонике, производилась подготовка животных (в физиологическом отд.) для анатомических опытов.

2) Приступлено к основной работе по изучению мозга собаки. Получен ряд новых данных, касающихся распределения чувствительных и двигательных зон в коре собаки.

III. Био-химический отдел. 1) Развернулась работа по статике мозга: содержание азота и липоидов серого и белого вещества мозга у собак.

2) велась работа по изучению влияния наркотических средств на химический состав мозга у собаки;

3) производилась работа, в связи с исследованиями физиологического отдела института, по обнаружению алколоидов в слюне собак, у которых вырабатывался условный рефлекс на морфий.

IV. Экспериментально-патологический отдел. Производились исследования для выяснения связи центров мозжечка с вегетативными центрами, о патогенезе и профилактике нервно-мышечного утомления и др.

Курсы. Занятия на курсах фактически начались с 1 февраля **Марксизма.** 1926 г. Занятия ведутся по группам. Все слушатели разбиты на 5 групп. Метод занятий — семинарский, соединенный с лабораторным.

Бюджет рабочего времени слушателей составляет следующим образом: из 7 дней исключаются день отдыха и партдень, остальные 5 дней насчитывают, при 8-часовом рабочем дне, 40 рабочих часов, из которых 30 часов падают на самостоятельные занятия.

Для углубленной проработки по группам намечаются следующие дисциплины: политэкономика, русская экономика (пореформенный период), экономическая политика, история партии и основы ленинизма, диалектический материализм.

Кроме того, лекционным путем будут прорабатываться: основы советского государственного права, мировое хозяйство (после войны) главные этапы развития I, II Интернационалов и Коминтерна. Будет также прочитан небольшой цикл лекций по биологии.

Из общеобразовательных предметов преподаются русский язык, математика и иностранные языки.

В течение первого триместра из основных предметов семинарским путем прорабатывались политэкономика и русская экономика.

По политэкономии проведены: 4 вступительных беседы и проработаны 2 первые темы: теория стоимости и теория прибавочной стоимости.

По русской экономике в первом триместре проходилась намеченный курс из 5 тем: 1. Остатки крепостничества и их разложение во второй половине XIX века. 2. Промышленный переворот в России во второй половине XIX века. 3. Расслоение крестьянства и создание внутреннего рынка. 4. Столыпинская реформа. 5. Империализм в России. Война и военная разруха.

Во втором триместре 1926 учебного года проведена существенная учебно-плановая и методическая реорганизация. Целью этой реорганизации было установление большего соответствия учебного плана и методов работы с особенностями состава курсантов и основными задачами курсов.

При большом практическом стаже, высокой активности и большой глубине запросов подавляющее большинство курсантов отличается недостаточной обще-образовательной подготовкой и отсутствием навыков к разработке теоретических вопросов. Поэтому проработка каждой основной темы должна быть предварительно подготовлена проработкой вспомогательной темы, и по каждой основной теме должен быть дан как теоретический, так и практический материал.

Оказалось также необходимым усилить изучение основных элементов ленинизма. Так как основная задача курсов — подготовка практических работников, то учебный план должен охватить также теоретическую проработку основных проблем социалистического строительства.

В соответствии с этими положениями и был выработан новый учебный план, утвержденный Президиумом Коммунистической Академии. Пре-

зидиум Коммунистической Академии признал необходимость продления срока курсов марксизма до 2 лет.

Переработаны также программы занятий по русскому языку и математике в сторону большей увязки с занятиями по основным предметам.

В области методической — ликвидирован лекционный метод, упрощены письменные работы, введено ограничение числа источников и страниц, даваемых для проработки темы, введены подробные задания и реорганизованы консультации.

Во втором триместре был закончен отдел пореформенной экономики, и начата история рабочего движения в России. По теоретической экономике были проработаны „средняя прибыль“, „цены производства“ и „теория заработной платы“.

За отчетный период вышли первые два тома Большой Советской Советской Энциклопедии, редакция которой тесно связана с Энциклопедией. Коммунистической Академией.

Нужда в издании Энциклопедии назрела уже давно. Президиум Коммунистической Академии еще в 1923 г. постановил приступить к изданию Социалистической Энциклопедии общественных наук. Причины технического и материального характера, однако, не позволили осуществить это предприятие. Вскоре после этого, в начале 1924 года, идея создания энциклопедии возродилась, и правительством был утвержден план Большой Советской Энциклопедии и состав ее редакции. В хозяйственном отношении признано было целесообразным выделить Энциклопедию из Государственного Издательства в самостоятельную единицу. С этой целью Президиум ЦИК поручил Коммунистической Академии образовать Акционерное Общество „Советская Энциклопедия“, в число пайщиков которого вошли: Государственное Издательство РСФСР, издательство Коммунистической Академии, издательство „Вопросы Труда“, издательство „Работник Просвещения“, издательство Нар. Ком. Раб.-Крестьянской Инспекции, издательство „Известия ЦИК СССР“, издательство „Правда“, акционерное общество „Международная Книга“, Государственный банк и Торгово-Промышленный банк СССР.

Редакция была утверждена в следующем составе: Н. И. Бухарин, В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский, Г. И. Бройдо, Н. Л. Мещеряков, Л. Н. Крицман, Ю. Ларин, Г. М. Кржижановский, В. П. Милютин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, К. Радек, И. Степанов-Скворцов и О. Ю. Шмидт. Главным редактором назначен был тов. Шмидт.

Состав Редакции, члены которой состоят одновременно и в Коммунистической Академии, свидетельствует о том, что внутренняя связь с Комм. Академией не прервалась.

Создание Большой Советской Энциклопедии потребовало исключительного труда. Прежде всего оказалось невозможным использование материала старых словарей. У них не только подход был иной, но даже фактический материал безнадежно устарел. Понадобился коренной пересмотр всего словарного алфавита и всех технических деталей издания. Советский словарь предназначен для актива нашего Союза, обладающего практическими знаниями в своей области, но часто не имеющего знаний

систематических. И—что важнее всего—наш словарь должен дать этому читателю целостное материалистическое мировоззрение, следовательно, он должен дать не только справку, но и руководящую статью, стремясь в той или иной степени снабдить читателя сведениями исчерпывающего характера.

Выход всей Энциклопедии предположен в течение ближайших 6 лет. Таким образом, ежегодно будет выходить по 4 — 5 томов. Каждый том содержит 25 печатных листов по 2 колонны в странице, всего в 30 томах Энциклопедии предположено 24.000 страницы, 1.728.000 строк, 69.120.000 знаков. В каждом томе будут вкладные иллюстрации и множество рисунков в тексте для лучшего усвоения прочитанного.

За первое полугодие 1926 года вышли 14 и 15 книги „Вестник Ком. Академии“. По содержанию статьи и доклады, напечатанные за истекшее полугодие, распределяются следующим образом:

По вопросам марксизма	2 ст.
„ „ философии	2 „
„ „ теории относительности	1 „
„ „ биологии	3 „
„ „ экономики	5 „
„ „ социологии	2 „
„ „ литературы и искусства	4 „
„ „ истории	2 „

Таким образом, из 21 статьи и докладов, напечатанных в последних 2 книгах,— 5 по экономике, 4 — по естествознанию, 3 — по искусству. Остальные распределяются между историей, философией и др.

„Вестник“ выходит с тиражом от 4 до 6 тысяч; количество постоянных подписчиков равно 2.500 (в 1925 г. оно равнялось 2.000).

Деятельность Библиотеки за первые шесть месяцев 1926 года развивалась по тем же двум основным направлениям, по которым строилась работа предыдущего года: в сторону обработки книжных достояний Библиотеки и повседневного обслуживания читателей и в сторону выполнения научных заданий, имеющих преимущественной целью научное выявление тех ценных материалов, которыми Библиотека располагает, а также разработку отдельных библиотеческих проблем.

Два фактора отразились отрицательно на работе Библиотеки за рассматриваемый нами период; во-первых, крайняя недостаточность отведенного Библиотеке помещения—в этом отношении особенно показательно то обстоятельство, что Библиотеке приходилось постоянно снимать менее ходкие книги с полок, складывать их в ящики и сносить в сарай; во-вторых, сокращение с начала лета отпуска средств, ассигнованных по смете, вследствие чего снабжение Библиотеки средствами было по отдельным кварталам крайне неравномерно. Последнее обстоятельство повлияло особенно неблагоприятно на работу отдела комплектования, и притом как раз в период, когда отдел окончательно сорганизовался, наладился и приступил к планомерной, углубленной и широкой по размерам работе.

В связи с недостатком средств сократилась закупка иностранной литературы (приблизительно на 20 %), а в связи с неожиданным сокращением средств секции и институты оказались обеспеченными зарубежными новинками неравномерно. На ряду с этим, необходимо, однако, отметить следующие достижения отдела комплектования. Кроме приобретения текущей иностранной литературы по всем почти отраслям знания, Библиотека продолжала комплектовать (изданиями прежних лет) иностранные части отдела точных наук и отдела социализма и социалистического движения, бывшие до этого особенно слабыми, а также иностранную справочную литературу, в особенности общие, экономические и библиографические справочники. Значительно усилена была работа по бесплатному получению иностранной коммунистической литературы, при чем издания некоторых коммунистических партий были скомплектованы полностью.

В области комплектования русской литературы особенное развитие получило соби́рание разными способами провинциальных изданий эпохи 1917/1925 годов. С этой целью была предпринята поездка (вторая по счету) сотрудника Библиотеки в ряд губерний центрального района, давшая несколько тысяч экземпляров нужных Библиотеке изданий. Значительно усилилось пополнение экономического отдела Библиотеки (русская часть), где необходимо в особенности отметить приобретение почти полного комплекта изданий Центрального Статистического Комитета (дореволюционных), а также большое количество экономической литературы (в особенности кооперативной) из Библиотеки Центросоюза.

Научные работы Библиотеки. Научные работы Библиотеки выполняются тремя ее отделами, а именно: отделом научной систематизации, справочным отделом и отделом библиографии. Следует констатировать, что за первое полугодие 1926 года научно-исследовательская деятельность Библиотеки развивалась весьма успешно.

Отдел научной систематизации с начала года приступил к переработке отдельных частей классификационной схемы Библиотеки Конгресса, но многих своих разделах не соответствующей требованиям русской науки и особенностям русской книжной продукции. Предварительно было создано три совещания, наметившие общий план работы и основные методы ее выполнения. В течение полугода удалось: 1. Составить основную сводку схемы по русской истории, при чем уделено особое внимание новейшей русской истории. 2. Частично дополнить и переработать схему по философии. 3. Наметить принципы полной переработки во всей схеме географических таблиц и таблиц, связанных с обозначениями языков — работа, являющаяся совершенно необходимой в виду того, что американская схема отводит в своих таблицах Союзу республик и русскому языку несоответствующее им по их политическому значению и количеству литературы место.

Попутно отдел инструктировал сотрудников отдельных кабинетов, приступивших с весны к классификации и индексации сосредоточенной в этих кабинетах литературы.

За отчетное время состоялось 11 заседаний предметной комиссии с участием представителей Государственной Книжной Палаты и Центральной Библиотеки Москвы. Интерес научных библиотек к работе Библиотеки Коммунистической Академии по составлению картотеки предметных руб-

рик продолжал расти, а сама работа определенно наладилась: картотека не только была пополнена (за шесть месяцев в нее влилось 6940 новых определений), но была и пересмотрена и отредактирована.

Научная работа Справочного отдела определялась прежде всего необходимостью удовлетворять непосредственный спрос читателей Библиотеки и других учреждений в области научной библиографии. Запросы получались как от членов Академии, так и от других читателей Библиотеки, а также от ряда учреждений (свыше 20), например, от Секретариата ИККИ, Главконцесскома, Центросоюза, МК ВКП (б), Урало-Сибирского Ком. Университета и т. д. и т. д.

Для ответов на запросы отделу обычно приходилось в срочном порядке производить интенсивные библиографические изыскания, при чем число названий, включаемых в выдаваемые отделом справки, в среднем составляло 50, поднимаясь для отдельных справок до 150 и выше названий. Среднее количество письменных справок составляло 30—45 в месяц. На ряду с ними выдавались и справки в устной форме (150 в месяц).

Второй работой отдела являлось составление ежегодной библиографии теоретических работ коммунистов; эта работа продолжалась в объеме предыдущего года. Параллельно отделом велось библиографическое по-статейное описание 165 русских и иностранных журналов.

Наконец, необходимо указать, что с весны отдел приступил к систематической разработке ряда тем, относящихся в своей совокупности к вопросу „Соотношение сельского хозяйства и промышленности в дореволюционной России и в СССР“. Эта работа является подготовкой к устройству отделом в 1926/27 году около 10 выставок на соответственные темы.

Библиографический отдел Библиотеки продолжал работу над: 1. Описанием Ленинской литературы. 2. Составлением указателя литературы по революции 1905 года и 3. Раскрытием псевдонимов, партийных и литературных и авторов анонимных произведений.

Первая из указанных работ приблизилась за отчетный период к своему завершению; значительно подвинулась и работа по 1905 г., для которой было просмотрено за январь—июнь свыше 6.000 книг и брошюр, целиком или частично посвященных революции 1905 года.

Вготавливаемых отделом к печати вышеуказанных библиографических трудах материал систематизирован по предметному принципу, впервые применяемому в СССР для научной работы крупного масштаба. Описания снабжены обильными аннотациями, составление которых потребовало от сотрудников отдела углубленных исторических и библиографических изысканий. Нельзя также не отметить, что при составлении Ленинской библиографии отделу пришлось работать над литературой на 23 языках.

Работа по приему и обработке литературы и техническому обслуживанию читателей. Работа Библиотеки в январе—июне 1926 г. характеризуется следующими цифрами. Отделом приема, разделенным с 1 января на два подотдела, русский и иностранный, было принято всего 76.415 печ. ед.; из них на русском языке—61.007, и на иностранных языках—15.408; в числе последних 12.334 печ. ед. поступило из-за границы. Полученную литературу составляют 16.857 книг, 23.853 брошюры и 35.685 номеров журналов.

Среднее месячное поступление составило 12.736 печ. ед. против 10.693 печ. ед. в предыдущем году.

Из полученной литературы 57.970 п. ед. включено в библиотеку и 18.445 п. ед. передано в ее обменный фонд. Из поступивших в первой половине года журналов 1.304 названия русских и 874 названия иностранных журналов (всего 2.178 названий).

Газет за отчетное время зарегистрировано 113.206 номеров (700 названий).

Подотделом регистрации журналов было зарегистрировано 39.001 номеров журналов текущих поступлений и 5.992 номера прежде поступивших периодических изданий, а всего 44.993 номера, для которых написаны 6.096 карточек.

Подотдел централизованной каталогизации продолжал свою построенную на кооперативных началах работу по снабжению карточками для словарного каталога библиотек 1-го Московского Государственного Университета, Центрархива, Института В. И. Ленина и МК ВКП (б) и работу по пополнению описаниями текущих поступлений каталогов Библиотеки Коммунистической Академии. Кроме работы по описанию текущих поступлений, отделом каталогизации выполнялась задача по описанию ранее поступивших в Библиотеку собраний, в том числе и материалов, которыми Библиотека пользовалась для составления своих библиографических трудов. Всего отделом описано 14.839 названий в 19.629 томах, на которые составлено 36.614 рукописных карточек и 93.362 карточки, отпечатанные на машинке, а всего 129.976 карточек.

Книги, по их описанию, передавались для классификации и простановки предметных определений в отдел научной систематизации, которым за шесть месяцев было обработано 13.115 названий в 16.625 томах, при чем было проставлено 14.619 предметных рубрик. Карточка предметных рубрик, из которой со временем должен составиться словарный указатель русских предметных определений, пополнилась за то же время 6.940 новыми предметными рубриками.

По Отделу хранения необходимо отметить сдачу в переплет 19.316 печ. ед., составивших 12.819 переплетов.

Работа читального зала и кабинетов по сравнению с предыдущим годом усилилась лишь незначительно, в виду физической невозможности разместить большее количество читателей в помещении Библиотеки.

Выдано билетов на посещение Библиотеки 1.225 лицам; из них 702 партийным и 523 беспартийным; мужчин—918, женщин—307.

Зарегистрировано посещений—32.327 или 5.388 посещений в месяц. На долю читального зала приходится 9.279, посещений и на долю кабинета экономики—8.614.

Первичная выдача книг составила за шесть месяцев 63.789 томов или 10.631 книга в месяц (против 7.088 в предыдущем году), при чем кабинетом экономики было выдано 14.652 тома и читальным залом—12.194 тома. Общее число выдач, считая и повторное, выражается цифрой 118.270 томов, из которых 31.957 относятся к выдаче кабинета экономики и 26.433 к выдаче читального зала. Газет выдано было 10.320.

Число неудовлетворенных требований, при общем количестве 76.271 предъявленных требований, составило 4.697, т.-е. 6,2%.

На дом книг было выдано 5.898.

Издательство Коммунистич. Академии. За январь — июнь Издательством выпущено: 34 назв., 402³/₄ печ. листов, общ. тираж 352.500 экз., 3.321.500 от- тисков. В том числе неперидической литературы — 9 назв., 140¹/₈ печ. листов, тираж — 51.000 экз., 946.250 оттисков.

А. Неперидическая литература

	Тираж	Объем
1. Е. Пашуканис.—„Общая теория права и марксизм“.		
2 изд.	3.000	8 ³ / ₈
2. Ю. Стеклов.—„Бакуний“, т. I	3.000	35 ³ / ₈
3. Я. Ковлен.—„Об ошибках хлебобулочного баланса ИСУ и его истолкователей“. 2 изд.	5.000	10
4. Е. Преображенский.—„Новая экономика“.	5.000	17 ¹ / ₂
5. „Борьба за крестьянство“. Сборник.	3.000	5 ¹ / ₄
6. Х. Раковский „Лига Наций и СССР“.	4.000	5 ³ / ₄
7. „Теория и практика марксизма“. Книга для чтения по В. И. Ленину. Кн. I, изд. II. Состав. Гр. Баммель. . .	8.000	31 ¹ / ₂
8. Энциклопедия Госуд. и Права, вып. III	15.000	25 ¹ / ₂
9. „Брак и семья“. Тезисы секции общей теории права и госуд. К проекту нового кодекса о семье, браке и опеке	3.000	1

Б. Периодическая литература

	Тираж	Объем
1. „Вестник Комм. Академии“, № № 14, 15.	5.000 + 6.000	21 ¹ / ₄ и 22 ¹ / ₄
2. „На Аграрном Фронте“, № № 11—12 (за 1925 г.). 1. 2. 3. 4.	10.000 (1925) и 7.000	16 ³ / ₄ , 13 ¹ / ₄ 9 ³ / ₄ , 10 ³ / ₄ 10 ¹ / ₂
3. „Мировое хозяйство и мировая политика“. № № 1, 2, 3, 4. 2.000 (№ 1) и	2.500	9 ³ / ₈ , 9 ¹ / ₄ 9 ¹ / ₂ , 9 ¹ / ₄
4. „Историк-Марксист“, № 1.	3.000	20 ³ / ₄
5. „Проблемы статистики“, № № 1 и 2.	3.000	9 ¹ / ₂ , 9 ³ / ₄
6. „Советское Строительство“, № 4—5.	20.000	19 ¹ / ₂
7. „Международная летопись“, № 10—11. 12.	2.000	11 ¹ / ₂ , 11
8. „Власть Советов“, № 52 (за 1925) и 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.	25.000	41 ¹ / ₂

На 1-е июля заканчивались печатанием следующие издания:

А. Неперидические издания:

	Объем
1. Революционное правительство в эпоху Конвента—под ред. Н. Лукина. —45	п. л.
2. Н. Осицкий.—По земельным штатам Северной Америки . . —17	п. л.
3. Положение о сельсоветах—составил Б. Сомах —21	п. л.
4. В. Вейц.—Производительные силы мирового хозяйства —18	п. л.
5. Кунисский и Поздняков.—Раздел общинных земель во Франции —11	п. л.
6. Очерки русской историографии. —25	п. л.
7. Революция права — сборник. —12	п. л.
9. Энциклопедия Государства и Права, вып. IV. —21	п. л.

Б. Периодические издания:

1. На Аграрном Фронте, № 5—6	—15 п. л.
2. Мировое Хозяйство и Мировая Политика, № 5—6	—14 п. л.
3. Историк-Марксист, № 2.	—19 п. л.
4. Революция права, № 1.	—15 п. л.
5. Вестник Коммунистической Академии, № 16	—21 п. л.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАБОТА КОММУНИСТОВ в 1925 г.

Библиографические материалы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Коммунистическая Академия выпускает очередную сводку работ коммунистов по вопросам теории, проделанных в 1925 г. Несмотря на более строгий отбор работ, включенных редакцией (в составе т. т. Крицмана, Лукина и Милюткина) в сводку, в результате мы все же имеем определенный рост теоретической работы коммунистов. Всего зарегистрировано свыше 700 работ. На первом месте стоят работы по ленинизму и по экономике. Значительно слабее отделы работ по истории, праву и мировой—политике и, пожалуй, самый слабый отдел, это—работы по философии и литературе. В нынешнем году, как и в прошлом, приходится опять-таки, к сожалению, констатировать крайне слабую теоретическую работу, которую ведут коммунисты других стран. За границей мы, к сожалению, до сих пор, несмотря на значительный рост коммунистических партий, теоретиков-коммунистов имеем крайне ничтожное количество, и в сводке Коммунистической Академии зарегистрированы всего лишь работы 12 авторов.

Вопросам ленинизма было посвящено 83 работы. Из них наиболее крупными являются работы т. т. Бухарина, Сталина, Зиновьева, Гильбо и Ярославского. Следует заметить, что вопросам ленинизма у нас отдается много внимания, но, к сожалению, наряду с действительно ценными работами по ленинизму мы имеем не мало совершенно малоценных работ, которые составляются путем суммирования различного рода выдержек из произведений т. Ленина, сопровождаемых сплошь и рядом крайне малоценными комментариями.

Вопросам экономики посвящено 227 работ. Из них общим вопросам экономики посвящено 47 работ, мировому хозяйству всего только 20 работ, вопросам советского хозяйства — наибольшее количество—140 работ и вопросам профессионального движения—17 работ. По общим вопросам экономики наибольший интерес с теоретической точки зрения представил доклад т. Степанова о политической экономике и теория, какие развернулись вокруг этого доклада. Затем следует отметить работы молодых товарищей, как т. Раевича „Теория крестьянского хозяйства, и понятие работник“, помещенную в журнале „На аграрном фронте“, и т. Меерсона „Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства на заре товарного хозяйства“, а также поэмку т. Бухарина с т. Преображенским по вопросу о социалистическом накоплении.

Но наибольшая работа проделана, как мы видим, в связи с вопросами советской экономики, а также, хотя количественно и небольшая, но очень ценная работа по вопросам мирового хозяйства. Подобное распределение теоретических сил и интересов является вполне понятным. Теоретическая мысль коммунистов направлена главным образом на основные проблемы настоящего исторического периода, на анализ распада капитализма, с одной стороны, и на проблемы строительства социализма в СССР, с другой стороны. Но именно эти области представляют и огромнейшие трудности для теоретика в силу сложности отношений и трудности выявления закономерности.

Распад капитализма сопровождается периодами его временной стабилизации, что вызывает необходимость особенно тщательного анализа и выявления отношений между отдельными странами. Этим вопросам посвящены прежде всего ряд работ

т. Варги. Из них „Мировое хозяйство и политика“. „К вопросу о стабилизации мирового капитала“ являются наиболее крупными. Очень ценны работы т. Осинского, посвященные анализу американского сельского хозяйства. Развитие революционного движения, захватившего не только самые старые капиталистические страны Запада, но и Востока, показывает необходимость огромной организационной работы для победоносного завершения борьбы с капитализмом. Но приходится признать, что в проработке этих вопросов имеются серьезные пробелы; особенно же мало внимания уделяется анализу современного экономического положения на Востоке. Мы имеем только сравнительно небольшую работу Виленского-Сибирякова, посвященную разработке японского империализма. На эту сторону необходимо обратить большее внимание.

Вопросы советской экономики являются одним из главнейших, куда направлено внимание современной теоретической мысли. Подъем социалистического строительства в СССР, новые трудности, особенно в связи с реконструкцией техники, и вовлечение в социалистическое строительство крестьянских масс выдвигают ряд интереснейших проблем в области экономической теории. Из работ по этим вопросам следует отметить ряд работ Бухарина, посвященных и продолжительной разработке современных экономических проблем и критике наших противников. Особый интерес в этом отношении представляет работа Бухарина по разбору выступлений Карла Каутского. Затем интересны работы по анализу расслоения деревни тов. Крицмана. Талантливо написана работа „Финансовый капитал в России накануне мировой войны“ тов. Ванага. Вышел ряд работ, посвященных теории и практике планового хозяйства, г. Кржижановского. Большой интерес представляют работы т. Струмилина по рабочему бюджету, по анализу основного и оборотного капитала в СССР и другие, так как в них разбирается подробно цифровой материал, освещающий самые различные стороны нашей хозяйственной жизни.

Ряд работ посвящен финансовым проблемам: т. т. Туманова, Сокольников, Шанина.

Разработка проблем советской экономики имеет огромное и теоретическое и практическое значение. В области теории также получают свое отражение, повидимому, колебания и неустойчивость со стороны отдельных товарищей и отдельных групп товарищей. В этом отношении мы имеем уже попытку теоретического обоснования своих ошибочных позиций со стороны некоторых товарищей, напр., т. Преображенского у нас, т. Маслова и бывш. товарища, а теперь ярого нашего противника Корша в Германии. Основа этих ошибочных колебаний и направлений заключается в недооценке значения и темпа развития социалистических форм нашего хозяйства и в переоценке капиталистических форм. Подобного рода неправильная оценка приводит к тому, что начинают обосновывать в области экономической политики старые рецепты, так злоосмеянные в свое время т. Лениным. Таким образом, в этой области назревает необходимость дать решительный отпор этим намеряющимся новым теоретическим уклонам, которые неизбежно закончат перепоном мелкобуржуазных теорий.

Особенное внимание необходимо остановить на работах по философии. В этой области мы несомненно наблюдаем движение вперед, и можно предсказать, что в ближайшем будущем вопросы философии опять приобретут у нас самое серьезное значение и привлекут к себе обостренное внимание. Вопросам философии и психологии посвящено 76 работ. Имеется ряд уже молодых товарищей; как, напр., Альтер, Варьяш, Луппол, Милонов, Рудаш, которые уже зарекомендовали себя рядом ценных работ по вопросам философии. Однако у нас до сих пор преобладали, главным образом, в этой области исторические темы; это, конечно, не плохо, но этого мало; движение вперед науки требует большего охвата, новых открытий, новых фактов со стороны именно проработки их методами диалектического материализма. Теории Эйнштейна повезло, и вокруг нее не мало было пролито чернил, особенно на страницах „Под знаменем Марксизма“. Но этого мало. У нас уже имеются в настоящее время возможности и силы для более серьезной проработки современных научных проблем. Философский фронт для нас также является крайне важным фронтом.

Несмотря на ряд несомненных достижений в области теоретической работы, мы все же не должны упускать из виду того обстоятельства, что до сих пор теоретическая работа у нас недостаточно привлекает к себе внимание. Правда, мы видим рост таких центров теоретической мысли, как Институт Маркса и Энгельса, Коммунистическая Академия, Институт Ленина, имеются Институты в некоторых провинциальных городах, предпринята такая огромная по своему значению работа, как Большая Советская

Энциклопедия, но тем не менее мы все же должны сказать, что темп развития наших научных учреждений отстает от темпа развития других сторон нашей жизни. Укреплению теоретической работы необходимо посвятить больше сил и больше энергии. Чем выше мы поднимаем теоретическую работу по пути марксизма и ленинизма, тем легче нам будет справиться с теми затруднениями, ошибками и уклонами, которые возникают на нашем пути.

В. Милютин

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

При разработке материалов для составления этого выборочного списка, приемы и стадии библиографирования оставались, в существенном, те же, что и в прошлогоднем выпуске настоящих «материалов» (См. «Теоретическая работа коммунистов в 1924 году». Библиографические материалы. С предисловием В. Милютина. Приложение к «Вестнику Коммунистической Академии» за 1925 г. Изд-во Комм. Академии. М. 1925 г. 41 стр.).

Попрежнему в основу работы над книжными изданиями была положена «Книжная Летопись» Российской Книжной Палаты. В виду того, что в прошлогоднем выпуске «Материалов» могли быть использованы лишь №№ «Книжной Летописи», фактически вышедшие на 1 дек. 1924 г., в первый выпуск «Материалов», как приняло, не вошли книги из числа зарегистрированных в №№ «К. Л.» после указанного момента. Поэтому при работе над настоящим выпуском «Книжная Летопись» была использована не только за 1925 г., но и за последние месяцы 1924 г. Таким образом, «Теоретическая работа коммунистов в 1925 г.» захватывает фактически и конец 1924 г.

Что касается журнальных изданий на русском и украинском языках, то они были обследованы в прошлом году тоже лишь постольку, поскольку успели попасть в Библиотеку Коммунистической Академии к декабрю. Как правило, это была периодика за 7—9 месяцев 1924 г. Для настоящего выпуска «Материалов» рассмотрены периодические издания до конца 1924 г., а затем периодические издания за 1925 г., насколько они вышли в свет к середине апреля 1926 г. Круг обследованных журналов за 1925 г. был несколько расширен по сравнению с журнальным материалом за 1924 г.

Необходимо отметить, что при составлении настоящего выпуска «Материалов» совершенно не была использована книжная литература на украинском языке и недостаточно использовано иностранная книжная литература.

Для учета украинской неперIODической литературы следовало утилизировать не только соответствующий книжный материал, но и особенно «Літопис українського друку», источник, аналогичный «Книжной Летописи». К сожалению, ни то, ни другое не могло быть выполнено должным образом. С одной стороны, не было полной уверенности в том, что в Библиотеке Комм. Академии есть весь книжный материал, выходящий на украинском языке в 1924—25 г. С другой стороны, упомянутый «Літопис» выходил в 1924—25 г. довольно нерегулярно. И, например, до сих пор (начало мая 1926 г.) не получено всех №№ за 1925 г. В виду всего этого украинская книжная литература за 1924—25 г. будет учтена при составлении следующего выпуска «Материалов».

Иностранная книжная литература не могла быть использована в достаточной мере вследствие некоторых затруднений в своевременном получении этой литературы.

Наконец, заметим, что в отношении работ, появившихся в виде журнальных статей, а затем сведенных в книгу, в нижеследующем принято за правило называть только отдельное издание.

Как и выпуск 1-й «Материалов», настоящий 2-й выпуск содержит не все теоретические работы коммунистов, а лишь те из них, которые признаны более или менее значительными и ценными специальной комиссией, выделенной из состава Президиума Коммунистической Академии.

Описание изданий выполнено по правилам, принятым Отделом Каталогизации Комм. Академии. Неполные сведения даются, когда сочинение описано не *de visu*.

Для журнальных названий приняты следующие сокращения:

«А. Ф.»—«На Аграрном Фронте».
«Б.»—«Большевик».
«Більш-и»—«Більшовик».
«В. Н. А.»—«Вестник Коммунистической Академии».
«В. М.»—«Воинствующий Материалист».
«В. П. Т. и Тр.»—«Вестник Промышленности Торговли и Транспорта».
«В. Сов.»—«Власть Советов».
«В. С. Ю.»—«Вестник Советск. Юстиции».
«В. Ф.»—«Вестник Финансов».
«Е. С. Ю.»—«Еженедельник Советской Юстиции».
«Ж. С.»—«Жизнь Сибири».
«З.»—«Звезда».
«И. Д. г. у.»—«Известия Донского государственного университета».
«Н. А.»—«Красный Архив».
«Н. И.»—«Коммунистический Интернационал».
«Н. И. П.»—«Красный Интернационал Профсоюзов».
«Н. и С.»—«Каторга и ссылка».
«Н. Л.»—«Красная летопись».
«Н. Н.»—«Красная Новь».
«Н. Р.»—«Коммунистическ. Революция».

«Крест. И.»—«Крестьянский Интернационал».
«Н. У.»—«Коммунистическая Учеба».
«М. Г.»—«Молодая Гвардия».
«О. Т.»—«Организация Труда».
«П.»—«Призыв».
«П. и Р.»—«Печать и Революция».
«Пл. Х.»—«Плановое Хозяйство».
«Под. Зна. М.»—«Под Знаменем Марксизма».
«П. Р.»—«Пролетарская Революция».
«Р. Ж.»—«Рабочий Журнал».
«Р. П.»—«Революция Права».
«С. И.»—«Советское Искусство».
«С. К.»—«Спутник Коммуниста».
«С. О.»—«Сибирские Огни».
«Соц. Х.»—«Социалистическое Хозяйство».
«С. П.»—«Союз Потребителей».
«С. Пр.»—«Советское Право».
«С. С.»—«Советское Строительство».
«Т. Б. г. у.»—«Труды Белорусского государственного университета».
«Х. и Т.»—«Хозяйство и Транспорт».
«Э. О.»—«Экономическое Обозрение».
«Э. С.»—«Экономическое Строительство».

И. В. И. Ленин

1. Ленин, В. И. Собрание сочинений. Т. 17. Пролетарият у власти. 1920. Подгот. к печати и снабж. прил. Н. Овсянниковым, под ред. Л. Каменева. М.-Л. Госуд. изд. 1926. 477 стр.
2. Его же. Девятое января. «Правда», М. 1925, 18 от 22/1.
3. Его же. Из письма к Хинчуку. «Правда», М. 1925, от 4/VIII.
4. Его же. К вопросу о диалектике. «Б». М. 1925, 5—6 (21—22), март, стр. 101—105.
5. Его же. Конспект «Науки логики» Гегеля. «Под Зна. М.». М. 1925, 1—2, январь-февраль, стр. 7—33.
6. Его же. Неизданная статья Н. Ленина (1917 г.). К вопросу об явке на суд большевистских лидеров. «П. Р.» М. 1925, 1(36), январь, стр. 37—38.
7. Его же. Неопубликованная речь тов. Ленина на Всероссийском крестьянском съезде 2 (16) декабря 1917 года (с предисловием П. Куделли). «К. Т.». Т. 1925, 1 (12), стр. 126—129.

8. Его же. Неопубликованная статья В. И. Ленина. Поучительные речи. «К. Н.». М. 1925, 1, январь, стр. 173—175. По поводу статьи Игояева.—«Новое. Статья 1. Рабочий класс и социал-демократия». «Русская мысль», М. 1913, 6, стр. 106—127.
9. Его же. О двойном подчинении и законности. Тов. Сталину для политбюро. «Ленинградская Правда», Л. 1925 от 23/IV.
10. Его же. «О диктатуре пролетариата». (Рукопись 1920 г.). План написанной брошюры. Фототипическое воспроизведение с предисл. Л. Каменева. М. Инст. Ленина, 1925. 8 стр., факс. in recto 5 стр. отд. брошюры. прилож. (Инст. Ленина при ЦК ВКП).
11. Его же. Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской о кавказской организацией. (С вводными статьями А. Стопани и М. Лемана). К истории большевизма в Закавказьи. Приложение.

Заявление Бакинского Комитета Центральному Комитету Рос. Соц.-Дем. Раб. партии.

12. **Его же.** Переписка Н. Ленина и Н. К. Крупской с одесской организацией. «П. Р.» М. 1925, 7 (42), стр. 5—53.

13. **Его же.** Переписка Н. Ленина и Н. Крупской с одесской организацией. (С вводной ст. Е. Ярославского). Одесский комитет РСДРП в первой половине 1905 года. «П. Р.» М. 1925, 6 (41), июнь, стр. 5—63.

14. **Его же.** Письма В. И. Ленина о работе в деревне. «Б». М. 1925, 9—10, стр. 102—107.

15. **Его же.** Письмо Потресову. «Б». М. 1925, 16, сентябрь, стр. 74—82. Письмо написано из с. Шупши, где В. И. отбывал ссылку; помечено 27/IV 1899 г. Письмо подготовлено к печати Институтом Ленина.

16. **Его же.** План непроизнесенной речи. Декабрь 1922 г. «Правда». М. 1925, от 27/X.

17. **Его же.** Русские негры. «Ленинградская Правда». Л. 1925, 14, от 7/V.

18. **Его же.** Товарищи рабочие, идем в последний решительный бой! (Воззвание 1918 г.). «Ленинградская Правда». Л. 1925, от 18/L.

19. **Ленинский сборник.** 3. Под ред. Л. Б. Каменева. 2-е изд. М.-Л. Гос. Изд. 1925. 586 стр. + 11 вклад. л. илл. портр. и факс. (Инст. Ленина при ЦК РКП(б)).

20. **Lenin, W.** A hars a diktaturaert. Wien, Munka es Tudas, 1925. (Munka es Tudas Könjotora 7 sz).

21. **Lenin, W.** A propos du mot. d'ordre des Etats-Unis d'Europe. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1905, 11 novembre, p. 2094—2095.

22. **Lenin, W.** Contribution à l'Histoire de la Dictature. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 7, Janvier, p. 513—517, 562—570.

23. **Lenin, W.** Der Kampf um die soziale Revolution. Wien, Verl. v. Literatur und Politik, 1925, 784 s.

24. **Lenin, W.** Die Kinderkrankheit des Radikalismus im Kommunismus. Neue Ausg. mit Einleitung u. Erläuterungen versehen v. A. Maslow. Berlin, Viva, 1925, 214 s.

25. **Lenin, W.** Le pouvoir des soviets et la femme. Paris, L'Humanité, 1925.

26. **Lenin, W.** Les révolutionnaires doivent-ils militer dans les syndicats réactionnaires? «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 10, Janvier, p. 671—677.

27. **Lenin, W.** Notes d'un publiciste. «Cahiers du Bolshévisme». Paris, 1925, 10, Janvier, p. 658—664.

28. **Lenin, W.** Que faire? Paris. L'Humanité, 1925. (Bibliothèque communiste).

29. **Lenin, W.** Sur la question nationale. Discours prononcé par Lénine au 2-me congr. de l'Internat. Communiste. (26/VII—1920). «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 26, septembre, p. 1742—1744.

30. **Lenin** über das Genossenschaftswesen. Berlin—Friedrichshagen. Allg. Genossenschaftsverlag. 1925. 104 S.

31. **Lenin, W.** What should be done? «The Communist Review», London, 1925, 9, January, p. 427—435.

II. О В. И. Ленине

32. **Ангарский, Н. Н.** Ленин в истолковании «Воинствующего Материалиста». «Б». М. 1925, 19—20, октябрь, стр. 96—108. По поводу статьи В. Ваганяна «К вопросу об отношении революционного марксизма к т. н. «легальному марксизму». «В. М.», М. 1925, кн. 4.

33. **Астров, В. К.** вопросу о роли ленинской теории. «Б.», М. 1925, 2(18), январь, стр. 9—23.

34. **Бондарев, Д. А.** Ленин и тактика воспитания. «И. Д. г. у.», Ростов н/Д., 1925, 6, стр. 45—76.

35. **Бонч-Бруевич, В. В. И.** Ленин в России после февральской револю-

ции до третьестюльского вооруженного выступления пролетариата и солдат в Петрограде. (По личным воспоминаниям). О прил. докум. М. «Ж. и Эн.», 1925, 162 стр. (Б-ка докум., запис. и воспомин., кн. 5).

36. **Борилин, С. С.** Ленин и проблема империализма. «Под Эн. М.», М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 110—139.

37. **Бубнов, А.** Ревизия роли Ленина в истории русского марксизма. (По поводу книги т. Ваганяна). «Б.», М. 1925, 1(17), январь, стр. 103—123. По поводу книги т. В. Ваганяна, «Г. В. Плеханов», Гос. изд. 1924.

38. **Бухарин, Н. И.** Революционный теоретик. 2-е изд. Л. Гос. изд. 1924, 12 стр.

39. **Быстрянский, В.** Ленин и союзы в первой русской революции. «К. Л.», Л. 1925, 2(13), стр. 5—18.

40. **Быстрянский, В.** Ленин в 1905 год. «К. Л.», Л. 1925, 1(12), стр. 5—36. Оценка революции 1905 г. в произведениях Н. Ленина.

41. **Быстрянский, В.** Ленин, как материалист-диалектик. Л. «Прибой», 1925. 296 стр.

42. **Быстрянский, В.** Ленин, как теоретик вооруженного восстания в первой русской буржуазной революции 1905—1907 гг. «К. Л.», Л. 1925, 4(15), стр. 5—41.

43. **Виленский-Сибиряков, В.** Литературное наследство Ленина. «К. и С.», М. 1925, 1(14), стр. 267—269.

44. **Войтоловский, Л.** Ленин об интеллектуализме. «П. и Р.», М. 1925, 3, стр. 1—15.

45. **Волков, Е.** Статистико-экономический метод в работах Н. Ленина по аграрному вопросу. «А. Ф.», М. 1925, 9, сентябрь, стр. 33—48.

46. **Волковичер, И.** Практический опыт в работах Н. Ленина. «П. Р.», М. 1925, 1(36), январь, стр. 14—36.

47. **Гильбо, Анри.** Владимир Ильич Ленин. Биографический очерк. Перев. с франц. В. М. Вольского и Г. А. Зуккау. С 27 рис. и снимками. 2-е изд. М. Гос. изд. 1925. 202, 2 стр. с иллюстр.

48. **Грасис, К.** Ленин, как философ и теоретик. (Обзор литературы). «Бильник», Харьков 1925, 1, квинтень, стр. 59—63.

49. **Гуревич, А.** Ленин и профессиональные союзы. Изд. 2-е, доп. М. РИО ВЦСПС. 1925. 115, 2 стр.

50. **Доборин, А.** Вступительные замечания к конспекту «Науки логики» Н. Ленина. «Под Зна. М.», М. 1925. 1—2, январь—февраль, стр. 3—6.

51. **Доборин, А.** Ленин, как материалист. 2-е изд. доп. М.-Л. Гос. изд. 1925. 121, 1 стр.

52. **Доборин, А.** Ленин о сущности диалектики. «Под Зна. М.», М. 1925. 5—6, май—июнь, стр. 5—14.

53. **Доборин, А.** Ленин—революционный диалектик. «В. М.», М. 1925. 2, (О Ленине), стр. 3—37.

54. **Жиневский, А.** Рукопись В. И. Ленина «О конституционных иллюзиях». «К. Л.», Л. 1925, 3(14), стр. 193—196. Статья была напечатана в июле 1917 г. в газете «Рабочий и Солдат». Рукопись передана А. Жиневским в Институт Ленина.

55. **Зайдель, Г.** Под знаменем эклектизма. (Теоретики революционного синдикализма о Ленине). «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 202—279.

56. **Звенигородцев, Н.** Ленин и Клаузевиц. (Диалектика и тактика). «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 139—169.

57. **Зиновьев, Г.** Из первых боев за ленинизм.—Малобуржуазная критика большевизма «слева». Критика «слева» Плеханова Львом Тихомировым. «Б.», М. 1925. 7, апрель, стр. 3—19. Глава из готовящейся к печати книги: «Ленинизм, как учение о движущих силах революции».

58. **Зиновьев, Г.** Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. Л. Гос. изд. 1925, IV, 400 стр.

59. **Зиновьев, Г.** Ленинизм и диалектика. «Б.», М. 1925, 16, сентябрь, стр. 3—16. Последняя глава из книги тов. Зиновьева «Ленинизм. Коренные вопросы ленинизма».

60. **Зиновьев, Г.** Марксизм и ленинизм. «З.», Л. 1925, 3(9), стр. 199—129. Глава из выходящей из печати книги «Введение в изучение основ ленинизма».

61. **Каменев, Л.** Статьи и речи 1905—1925. Том I. О Ленине. Статьи, речи, заметки. Л. Гос. изд. 1925. 319 стр.

62. **Карпинский, В.** Вопрос о земле. Как его ставил и разрешал В. И. Ленин. М.-Л. Гос. изд. 1925, 93, 1 стр.

63. **Керженцев, П. М.** Ленинизм. Введение в изучение ленинизма. С предисл. Н. К. Крупской. 2-е дополн. изд. М. Гос. изд. 1925, 299 стр.

64. **Колоколкин, В.** История против Ленина. (По поводу брошюры т. Ваганяна «О некоторых вопросах истории РКП»). «Б.», М. 1925. 11—12, июнь, стр. 96—110.

65. **Кржижановский, Г.** Ленин и техника. М. «Работник Просвещения». 1925. 27 стр.

66. **Кривцов, С. В. Н.** Ленин в эпоху реакции (1908—1910). «В. М.», М. 1925. 2, (О Ленине), стр. 121—138.

67. **Крицман, Л.** Ленин и путь к социализму. «В. К. А.», М. 1923, 11. стр. 22—27. Доклад, посвященный памяти В. И. Ленина.

68. **Крупская, Н. К.** Воспоминания о В. И. Ленине. (1901—1902). «К. Н.», М. 1925, январь, стр. 176—185.

69. **Ксенофонов, Ф.** Учение Ленина о революции и диктатуре пролетариата. М.-Л. Гос. изд. 1925, 120, 1 стр.

70. **Куусинен, О. В.** Ленинские заветы в организационной работе компартий в капиталистических странах. «К. Н.», М. 1925, 2(39), стр. 32—43.

71. **Л.-Р. П. Каз т.** Маслов комментирует Ленина. (По поводу предисловия Маслова к «Детской болезни левизны»). «К. П.», М. 1925, 9(46), сентябрь, стр. 203—206.

71а. **Лазевич, Г.** Ленин, как историк партии и революции. М. Гос. изд. (1925), 63 стр.

72. **Литвинов, И.** О теории империализма Ленина и теории выколачивания Розы Люксембург. (К вопросу о причинах мировой войны). «В. К. А.», М. 1925, 11. стр. 36—72.

73. **Лозовский, А.** Ленин и профессиональное движение. Докл. прочитан в Комм. Акад. в Москве и опубликован в № 8 «Вестника Комм. Акад.», Л. «Кубуч», 1925, 45 стр.

74. **Луппол, И.** Ленин в борьбе за диалектический материализм. Л. Гос. изд. 1924, 56 стр.

75. **Луппол, И.** Основные моменты социальной методологии Ленина. «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 54—79.

76. **Луппол, И.** Проблема культуры в постановке Ленина. «П. и Р.», М. 1925, 5—6—7, июль—сентябрь, стр. 1—19; октябрь—ноябрь, стр. 14—28.

77. **Милотин, В.** Ленин и аграрный вопрос. «А. Ф.», М. 1925, 1, январь, стр. 5—10.

78. **Невский, В.** Ленин, как материалист в своих первых работах. «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 170—187.

79. **Павлович, М.** Кропоткин и Ленин о последствиях русско-японской войны. «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 188—198.

80. **Пашуканис, Е.** Ленин и вопросы права. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 40—60.

81. **Полянский, В.** Ленин и литературная критика. «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 111—120.

82. **Полов, К.** Пропаганда ленинизма. (Что сделано в центре, по линии партии и Главполитпросвета, для пропаганды ленинизма). «К. Р.», М. 1925, 2(7), февраль, стр. 7—16.

83. **Преображенский, Е.** Ленин и Маркс, как теоретики. (К постановке вопроса). «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 36—53.

84. **Преображенский, Е.** Маркс и Ленин. «В. К. А.», М. 1925, 11, стр. 3—13. Доклад, посвященный памяти В. И. Ленина на заседании Комм. Академии, 24/1—25 г.

85. **Разумовский, И.** Теоретический анализ Ленина. «Под Зна М.», М. 1925, 1—2, январь—февраль, стр. 37—51.

86. **Ратгаузер, Я. А.** Ленин в науке. «И. Д. г. у.», Ростов н/Д. 1925, 6, стр. 76—82.

87. **Рудаш, Л.** Ленин и задачи марксистов-ленинцев в Европе. «В. К. А.», М. 1925, 11. стр. 28—65. Доклад на заседании Комм. Академии, посвященном памяти В. И. Ленина, 24/1—25 г.

88. **Сарабьянов, В.** Основное в едином научном мировоззрении-методе. Харьков, «Пролетарий», 1925, 140 стр.

89. **Сафаров, Г.** Крестьянский вопрос и ленинизм. Доклад 16—20 мая в Ком. Ун-те имени тов. Зиновьева. Л. «Прибой», 1925, 80 стр.

90. **Сафаров, Г.** Ленинизм и международные пути Октября. Инструктивный доклад, читанный 3 ноября 1924 г. в дискуссионном клубе ЛК ВКП(б). Л. «Прибой», 1924, 32 стр.

91. **Сафаров, Г.** Ленинизм, как теория развития пролетарской революции. Л. «Прибой», 1925, 40 стр.

92. **Сафаров, Г.** Ленинская теория империализма. (Конспективный очерк). Л. «Прибой», 1925, 28 стр.

93. **Сафаров, Г.** Основы ленинизма. 4-е живое переработан. изд. Л. «Прибой», 1925, 482 стр.

94. **Сталин, И.** Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердл. ун-те. Л.-М. Гос. изд. 1925, 123 стр. (Ленинская б-ка).

95. **Стучка, П.** Ленин и революционный десет. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 33—39.

96. Стэн, Ян. Марксизм и ленинизм. «К. И.», М. 1925, 2(39), февраль, стр. 94—108.

97. Султан-Заде, А. Ленинизм и электрификация. «Э. О.», М. 1925, 2, февраль, стр. 17—24.

98. Тальгеймер, А. Заметки о Ленине, как философе. Пер. с нем. Рейнберга. «Под Зна М.», М. 1924, 9, стр. 5—17. По поводу нем. изд. «Материализма и эмпириокритицизма». Н. Ленина.

99. Фридланд, Ц. В. И. Ленин и учение Маркса о революции. (Заметки). «В. М.», М. 1925, 2, (О Ленине), стр. 199—225.

100. Цвибан, М. Владимир Ильич Ульянов на государственном экзамене. (Материалы для биографии по архивным данным). «К. Л.», Л. 1925, 1(12), стр. 135—144.

101. Яковин, Г. Политика, как наука. (К вопросу о принципах систематизации ленинизма). «К. Н.», М. 1925, 3, апрель, стр. 201—215.

102. Ярославский, Е. Жизнь и работа В. И. Ленина. 23 апреля 1870—21 января 1924 г. Изд. 4-е, испр. Л.-М. Гос. изд. 1925, 357 стр. с илл.

103. Bernard, A. Rôle et méthode de l'enseignement léniniste. Paris, L'Humanité. 1925. (Bibliothèque d'éducation communiste),

104. Borel, H. Lénine, le marxiste révolutionnaire. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 9, Janvier, p. 599—603.

105. Braun, Ernst. Lenin (Wladimir Iljitsch Ulianov). Eine Bio-bibliographie. 2-te verb. u. verm. Aufl. Berlin, Prager, 1925.

106. Elisarowa, A. Comment Lénine se révéla à Moscou. «Cahiers du Bolchévisme», Paris, 1925, 27, septembre, p. 1803—1805.

107. Elisarowa, A. Lénine en prison (decembre 1895—février 1897). «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 10, janvier, p. 649—653.

108. Kamenjew, L. Lénine était-il véritablement le chef du prolétariat et de la révolution? «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 12, février, p. 746—750.

109. Lénine et la coopération. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 26, septembre, p. 1733—1741.

110. Lénine et la France. «Edition du Souvenir». Paris, l'Humanité. 1925.

111. Lepeschlaskj. Lénin in Britain. 1925.

112. Meschtscherjakow, N. Lénine et la coopération. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 22, juillet, p. 1423—1427; 23, juillet, p. 1449—1456.

113. Premier anniversaire de la mort Lénine. «Cahiers du Bolchévisme». Paris, 1925, 10, janvier, p. 641—648.

114. Schneller, E. «Staat und Revolution». Material über den Weg der KPD zu Lenins Staatstheorie. «Die Internationale». Berlin, 1925, 6, juni, S. 361—369.

115. Stallo, J. Leninism. «Theory and Practice». 1925.

III. Собрания сочинений авторов-коммунистов

116. Зиновьев, Г. Сочинения. Т. 7. Ч. 1. 2. Год революции. Февраль 1917—Февраль. 1918. Ч. I. Л. Гос. изд. 1925, 559 стр. Т. 7. Ч. 2. Л. Гос. изд. 1925, 359 стр.

117. Зиновьев, Г. Сочинения. Т. 5. Война и кризис социализма. Л. Гос. изд. 1926, 1925, 691 стр.+3 вклад. лист. портр. и факс.

118. Троцкий, Л. Сочинения. Т. 2. Наша первая революция. Ч. 1. Ред. и предисл. Е. Катарович. М.-Л. Гос. изд. 1925, XII, 649 стр.

119. Троцкий, Л. Сочинения. Т. 12. Основные вопросы международной пролетарской революции. М. Гос. изд. 1925, V, 477 стр.

120. Лафарг, Поль. Сочинения. Т. 1. Под ред. Д. Рязанова. М.-Л. Гос. изд. 1925, 354 стр.+1 вклад. лист портр. (Инст. К. Маркса и Ф. Энгельса. Б-ка Научн. Социализма под общ. ред. Д. Рязанова).

121. Luxemburg, Rosa. Gesammelte Schriften von Rosa Luxemburg. Hrsg. von Clara Zetkin u. Adolf Werski. Band 3. 1925.

IV. О К. Марксе и Ф. Энгельсе

122. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. и с предисл. Д. Рязанова. Кн. 2. М.-Л. Гос. изд. 1925, XXXII, 504 стр. + 1 вклад. лист портр.

123. Виноградская, П. Взаимоотношения Маркса и Лассаля. (По их переписке). «В. К. А.», М. 1925, 11, стр. 65—164.

124. Дран, Эрнст. Фридрих Энгельс. Биографический очерк. 1820—1895—1925. Пер. с нем. Шенталь-Шуль. М. «Московский Рабочий», 1915, 81 стр. (Теория и практика марксизма. Общедоступная серия, под ред. С. Швердина, № 5).

125. Маркс, Карл. Дюшма Маркса. (Из семейной переписки Карла Маркса). «В. М.», М. 1925, 4, стр. 157—207.

126. Меринг, Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции. (1848—1850 гг.). Очерки и статьи, собр. Ф. Мерингом. Под ред. и с предисл. Д. Рязанова. М.-Л. Гос. изд. 1926, 1925. VIII, 526 стр. (Изот. К. Маркса и Ф. Энгельса).

127. Нейман, Г. Маркс и Энгельс, о роли коммунистов в Америке. «К. И.», М. 1925, 6, (43), июнь, стр. 83—98.

128. Петров, Е. Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса. Исторические очерки. Л.-М. Гос. изд. 1925, 122 стр.

129. Сарабянов, В. Фридрих Энгельс. М.-Л. Гос. изд. 1925, 143 стр. + 1 вклад. лист, портр. (Биографическая Б-ка).

130. Степанов, И. Энгельс и механистическое понимание природы («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Т. 2). «Под Эн. М.», М. 1925, 8—9, август—сентябрь, стр. 44—72.

131. Энгельс, Ф. Письмо матери. Письмо к французским товарищам. (По поводу 15-летия со дня Коммуны). Политическое положение Европы. «В. М.», М. 1925, 3, стр. 7—18.

132. Marx, Karl. Ein Brief von Karl Marx über Ferdinand Lassalle. „Die Internationale“, Berlin, 1925, Mai, S. 247—251.

133. Marx, Karl. La guerre civile en France en 1871. La commune de Paris. Paris, l'Humanité, 1925.

134. Marx, Karl. La lortée historique de la Commune de 1871. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 15, mars, p. 937—946.

V. Общие вопросы экономики

135. Берцинский, С. Диктатура пролетариата и экономический базис. Докл. читан. в 1-м Моск. гос. ун-те в феврале 1924 г. М. Гос. изд. 1925, 76 стр.

136. Борхардт, Ю. Основные понятия политической экономии. По учению К. Маркса. Пер. с нем. под ред. С. С. Диканского. М. «Московский Рабочий». 1925, 152 стр.

137. Бухарин, Н. И. Империализм и накопление капитала. (Теоретический этюд). М.-Л. Гос. изд. 1925, 136 стр.

138. Ваганян, В. К вопросу об отношении революционного марксизма к т. н. «легальному марксизму». «В. М.», М. 1925, 4, стр. 79—101.

139¹⁾.

¹⁾ Пустые №№ получились вследствие того, что при правке корректуры пришлось произвести некоторые изменения в тексте.

140. Горшенин, И. Беспросветный ревизионизм. «Под Эн. М.», М. 1925, 3, март, стр. 152—172. О книге П. Матлова «Наука о народном хозяйстве». М. Гос. изд. 1923.

141. Дингельштедт, Ф. Накопление капитала и обнищание рабочего класса. Популярный очерк критики некоторых буржуазных и социал-демократических извращений политической экономии. Под ред. С. Б. Членова. Ростов н/Д.—Краснодар, «Буревестник», 1925. 1924, 109 стр.

142. Дубровский, С. Об одной из разновидностей ревизионизма. (1) теории декапитализации сельского хозяйства, развиваемой Н. Н. Сухачевым). «А. Ф.», М. 1925, 3, март, стр. 19—32; 4, апрель, стр. 119—136. Разбор книги Н. Н. Сухачева «К вопросу об эволюции сельского хозяйства. (Социальные отношения в крестьянском хозяйстве

России)). изд. 2-е, испр. и доп. М. «Новая Деревня», 1924.

143. **Дубровский, С.** Об одной разновидности ревизионизма. О теории деканализации сельского хозяйства, развиваемой Н. Н. Сухановым. М. Комм. Акад., 1925, 40 стр.

144. **Келлер, В.** Последний рудник и стоимость денежного металла. «В. К. А.», М. 1925, 11, стр. 73—87.

145. **Керженцев, П. М.** Нот. Научная организация труда. 2-е перераб. и доп. изд. Л. Гос. изд. 1925, 59 стр.

146. **Керженцев, П. М.** Организация самого себя. 3-е доп. изд. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925, 121, 2 стр. (Б-ка Рабоч. Мол.).

147. **Кон, Александр.** Теория промышленного капитализма. (Тезисы и планы по политической экономии). 2-е перераб. и доп. изд. М.-Л. Гос. изд. 1925, 106, 1 стр. с диагр.

148. **Лафарг, Поль.** Происхождение и развитие собственности. Коммунистическая диссертация П. Лафарга. Пер. Давыдовой с франц. изд. 1895 г. Дельтрав—Париж, под ред. С. Швердтга.—М. «Московский Рабочий», 1925, 207 стр.

149. **Лафарг, Поль.** Собственность и ее происхождение. Свердловск. «Урал-Книга», 1925, 155 стр.

150. **Леонтьев, А.** К вопросу об исторических рамках теоретической экономики. «В. К. А.», М. 1925, 13, стр. 108—119. По поводу доклада Н. П. Степанова-Синюкова: «Что такое политическая экономия», чит. 31/I—1925 г. на заседании Ком. Академии.

151. **Леонтьев, А.** Марксова теория денег и так называемые «новейшие явления» денежного обращения. «Соц. Х.», М. 1925, 2, стр. 62—89.

152. **Лифшиц, Б. К.** Выявлению теоретических основ земельной ренты. «Под Зна. М.», М. 1925, 1—2, январь—февраль, стр. 191—209.

153. **Меерсон, Г.** К вопросу о методологии изучения дифференциации крестьянских хозяйств. «Пл. Х.», М. 1925, 9, сентябрь, стр. 50—56.

154. **Меерсон, Г.** Семейно-трудовая теория и дифференциация крестьянства на заре товарного хозяйства. «А. Ф.», М. 1925, 4, апрель, стр. 137—145.

155. **Мандельсон, А. С.** К вопросу о формах финансового капитала. (О роли банков в австрийском народном хозяйстве в связи с организационной проблемой экономики переходного периода). «Пл. Х.», М. 1925, 1, январь, стр. 181—197.

156. **Мещеряков, Н. Л.** Рочдэль и Москва. «С. П.», М. 1924, 12, стр. 10—23.

157. **Милютин, В.** Ревизионизм т. Вагги в аграрном вопросе. М. Ком. Акад., 1925, 42 стр. (Ком. Акад. Секция Экономики).

158. **Михалевский, Ф.** Закон трудовой стоимости. (Стоимость, прибавочная стоимость, прибыль, деньги, крах стоимости). 3-е перераб. и доп. изд. Ростов н/Д.—Краснодар, «Буржестник», 1925, 55 стр.

159. **Михалевский, Ф.** Курс политической экономии для коммунистических и социально-экономических высших учебных заведений. Т. 1. М.-Л. Гос. изд. 1925, 352 стр. с граф.

160. **Михалевский, Ф.** Очерки политической экономии. Цена и стоимость в капиталистическом хозяйстве и в хозяйстве СССР. 3-е изд. испр. и доп. Ростов н/Д. Саввакина, 1926, 1925, 91 стр. с график.

161. **Нежданов, Н.** Наука Марксову разплоджения людности та Мальтусова теория. «Ч. III.», Харьков, 1925, 9(3.). вересень, стр. 140—158.

162. **Павлович, М.** Химическая война и химическая промышленность. Изд. 2-е, доп. М. «Московский Рабочий», 1925, 115 стр. Перед загл. М. П. Павлович (Мих. Вельтман).

163. **Петров, Н.** Хлебные пошлины, как фактор распределения. С предисл. Е. А. Преображенского. М. Центральное Управление Печати ВСНХ СССР 1925, 61 стр.

164. **Позняков, В. Н.** К проблеме квалифицированного труда. (Квалифицированный труд в социалистическом обществе). «В. К. А.», М. 1925, 12, стр. 76—85.

165. **Позняков, В. Н.** Необходимая реабилитация. (Об одном ответвлении Смитаанской школы во Франции: Канар и Курно). «Под Зна. М.», М. 1925, 7, стр. 164—197.

166. **Преображенский, Е.** Еще раз о социалистическом накоплении. (Ответ тов. Бухарину). «В. К. А.», М. 1925, 11, стр. 223—256. На ту же тему см. «В. К. А.», 1925, 8 ст. Е. Преображенского: «Основной закон социалистического накопления», стр. 47—116. и газету «Правда». М. от 12-го декабря 1924 г. ст. Н. Бухарина: «Новое откровение о советской экономике, или, как можно погубить рабоче-крестьянский блок».

167. **Преображенский, Е.** Социалистические и коммунистические представления о социализме. «В. К. А.», М. 1925, 12 стр. 19—75.

168. **Раевич, Г.** Теория крестьянского хозяйства и понятия «работник». «А. Ф.», М. 1925, 11—12, стр. 23—34. С 20-ю табл.

169. **Смит, М.** Строеение постоянного капитала и издержки производства. «В. К. А.», М. 1925, 12, стр. 59—126.

170. **Степанов, И.** Что такое политическая экономия. «В. К. А.», М. 1925, 11, стр. 257—346. Доклад 31/I—1925 г. на засед. Комм. Акад. и прения по докладу.

171. **Степанов, И.** Что такое политическая экономия? «Под. Эн. М.». М. 1925, 1—2, январь—февраль, стр. 157—190.

172. **Струмилин, С. Г.** К методологии изучения заработной платы и производительности труда. «Пл. Х.», М. 1925, 8, август, стр. 27—62.

173. **Струмилин, С. Г.** Хозяйственное значение народного образования. М.-Л. «Эконом. Жизнь», 1924, 63 стр. с черт. (Эконом. б-ка, под ред. С. А. Фалькшера).

174. **Тальгеймер, А.** О книге Розы Люксембург. «Введение в политиче-

скую экономию». Пер. И. С. Румера. «Под. Эн. М.». М. 1925, 4, апрель, стр. 142—165.

175. **Ховеш, А.** Теоретическое примирительство тов. Варги. «А. Ф.», М. 1925, 2, февраль, стр. 11—22. Статья написана по поводу книги «Очерки по аграрному вопросу», под ред. Е. Варги. Т. I. Вып. П. Е. Варги. «Общие основы аграрного вопроса». М. «Московский Рабочий», 1924, 64 стр.

176. **Хмельницкая, Е.** Теоретическая экономика и советская хозяйственная система. (Очерк I). «Соц. Х.», М. 1925, 4, стр. 734—153.

177. **Хрящева, А. К.** вопросу о принципах группировки массовых статистических материалов в целях изучения классов в крестьянстве. М. ЦСУ СССР. 1925. 36, 4, стр. (Отдельный оттиск из XX кн. «Вестник Статистики»).

178. **Шанин, А.** Денежный капитал банковского происхождения. «Э. О.», М. 1925, июнь, стр. 91—110; июль, стр. 109—120.

179. **Эвентов, Л.** Сэр Вильям Петти о деньгах и денежном обращении. «В. М.», М. 1925, 4, стр. 131—14.

180. **Яковлев, М. Н.** Теория реализации Р. Люксембург. Л. «Прибой», 1925, 62, 2, стр. (Научно-Исслед. Инст. при Ком. ун-те им. т. Зиновьева).

181. **Grazdel, Antonie.** Der Begriff der Mehrarbeit u. die Werttheorie (Die Mehrarbeit als Klassenphänomene). Aus dem Italienischen übersetzt von E. Salomon. Bolfano, Tiersine, 1925.

182. **Luxemburg, Rosa.** Einführung in die Nationalökonomie. Hrsg. von P. Levi. Berlin, Laub, 1925. XI, 5, 292. 1, S.

VI. Мировое хозяйство

183. **Барановская, М. В.** Америка в наши дни. Под ред. и с предисл. Г. Б. Саяндомирского. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925, 120 стр.

184. **Барановская, М. В.** и др. К вопросу о стабилизации мирового капитализма. М.-Л. «Плановое Хозяйство». 1925, 49.1. стр. объяв.

185. **Варга, Е.** Мировое хозяйство и политика. Пер. с рукописи Брон-

штейна под ред. С. Швердина. М. «Московский Рабочий». 1925. 140 стр.

186. **Варга, Е.** Мировое хозяйство и хозяйственная политика в 1925 году. (Обзор за вторую четверть года. Пер. с нем. рукописи под ред. С. Швердина. М.-Л. «Московский Рабочий», 1926. 1925, 129 стр. (Мировая экономика и политика. Конъюнктурные обзоры).

157. **Варга, Е.** Пути и препятствия мировой революции. «К. П.», М. 1925, декабрь, 12, стр. 5—23.

158. **Варга, Е.** Экономические проблемы революции в Китае. «Пл. Х.». М. 1925, 12, стр. 165—183.

159. **Венедиктов, А.** История международного рабочего движения. Под ред. и с предисл. Н. Бухарина. Изд. 2-е, испр. в доп. М.-Л. Гос. изд. 1925, 260 стр.

190. **Виленский - Сибиряков, В.** Японский империализм. Л. «Прибой», 1926, 139 стр. + 1 стр. обьявл. + 1 вкл. лист красоч. карт.

191. **Гейер, Курт.** Предатели Германии. (Стигнос, Гавенштейн, Гельфеского. Л. «Прибой», 1925 г. 160 стр. (гл.). Пер. с нем. с предисл. Н. Май-гольда).

192. **Капелюш, Ф.** Фунт и доллар. Англия и Америка в борьбе за главенство на мировом денежном рынке. М. «Экономич. Жизнь», 1925, 121 стр.

193. **Лапинский, Н.** Новая фаза империализма и ее экономические итоги. М. Госплан СССР, 1925, 53 стр.

194. **Осинский, Н.** Американское сельское хозяйство по новейшим исследованиям. М. Ком. Акад. 1925, 146 стр. + VIII лист диагр.

195. **Осинский, Н.** Очерки мирового сельскохозяйственного рынка. М. «Экон. Жизнь», 1925, 117 стр.

196. **Осинский, Н.** Мировое хозяйство и кризисы. Пересмотр изд. М. Ком. Акад. 1925, 98 стр.

197. Очерки по аграрному вопросу. Под ред. Е. Варга. Т. 1. Вып. 5. Д. Аквила—Италия и Е. Бернс—Румыния. М. «Московский Рабочий», 1925, 77, 1 стр.

198. **Полонская, Л.** Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы 1913—1924 г.г. в фактах и цифрах. Сост. Л. Полонская. 2-е изд., перераб. и доп. М.-Л. Гос. изд. 1925, 228 стр. о илл. + 1 вклад. лист. карт.

199. **Попов, П.** Мировое хозяйство и экономическое положение СССР. М.-Л. Гос. изд. 1925, 68 стр.

200. **Преображенский, Е. А.** Экономика, финансы и политика современной Франции. Доклад «В. К. А.». М. 1925, 13, стр. 248—268.

201. **Троцкий, Л.** Куда идет Англия? М.-Л. Гос. изд., 1925, 171 стр.

202. **Ротштейн, Ф. А.** Очерки по истории рабочего движения в Англии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.-Л. Гос. изд. 1925, 344 стр.

203. **Шиллер, Р. и Бамадтер, З.** Экономическое положение рабочей молодежи на Западе. 2-е доп. изд. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925, 132 стр. с илл.

VII. Советское хозяйство

Вопросы досоветской экономики

204. **Альский, М.** Наша политика государственного кредита. М. НКФ, СССР, 1925, 63 стр.

205. **Альский, М.** Наши финансы за время гражданской войны и непа. М. НКФ СССР, 1925, 181 стр.

206. **Анцелович, Н.** Вопросы защиты и организации батрачества. «А. Ф.». М. 1925, 4, апрель, стр. 51—64.

207. **Батуринский, Д. А.** Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк. М. «Новая Деревня», 1925, 142, 2 стр.

208. **Батуринский, Д. А.** К вопросу о совхозской политике. «А. Ф.». М. 1925, 1 январь, стр. 68—77.

209. **Батуринский, Д. А.** Сельскохозяйственный кредит в условиях со-

циалистического строительства. (К вопросу о взаимоотношениях с.-х. кредита и с.-х. кооперации). «А. Ф.». М. 1925, 4, апрель, стр. 13—23.

210. **Боголюбов, Д.** Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции. «П. Р.». М. 1925, 4 (39), апрель, стр. 149—178.

211. **Бронский, М.** Вопросы экономической политики. Об. статей. М. Гос. изд., 1924, 144 стр. (Б-ка «Социалистического Хозяйства» под ред. М. Г. Бровского и М. А. Овельева. В. 4).

212. **Бронский, М.** Наша экономическая политика в период хозяйственного возрождения. (К итогам XIV партийной конференции). «Соц.-Х.». М. 1925, 3, стр. 5—32.

213. **Вронский, М.** Основные пути нашей экономической политики (К итогам XIV съезда РКП(б)). «Соц. Х.». М. 1925, 6, стр. 5—39.

214. **Вронский, М.** Укрепление мирового хозяйства и наши экономические достижения «Соц. Х.». М. 1925, 2, стр. 7—32.

215. **Бухарин, Н. И.** Значение аграрно-крестьянской проблемы. «Б.» М. 1925, 3—4 (19—20), февраль, стр. 3—17.

216. **Бухарин, Н. И.** К критике экономической платформы оппозиции. («Уроки Октября» 1923 г.). «Б.» М. 1925, 1 (7), январь, стр. 25—57.

217. **Бухарин, Н. И.** Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол. (Ответ К. Каутокому). М. «Правда», 1925. 107 стр.

218. **Бухарин, Н. И.** Некоторые вопросы экономической политики. Сборник статей. М. Центр. упр. печати, ВОНХ ООСР, 1925. 86, 1 стр.

219. **Бухарин, Н. И.** О новой экономической политике и наших задачах. «Б.» М. 1925, 8, стр. 3—14; 9—10, стр. 3—15.

220. **Вавилин, И.** Иностранные капиталы в России. Л. «Прибой», 1925. 126 стр. с диагр. (Ком. ун-т им. т. Зинovieва).

221. **Вайсберг, Р. Е.** Деньги и цены. (Подпольный рынок в период «военного коммунизма»). С предисл. и под ред. И. А. Трахтенберга. М. Госплан, 1925. 161 стр.+3 вклад. лист. график и табл. Перед загл. Р. Е. Вайсберг. (Мисия).

222. **Вайсберг, Р. Е.** Хозяйство СССР, как переходное (теоретические заметки). «Пл. Х.». М. 1925, 9, сентябрь, стр. 58—79.

223. **Ванаг, Н.** Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М. Ком. ун-т им. Свердлова, 1925. 192 стр.

224. **Варейкис, И.** Возможна ли победа социализма в одной стране? М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925. 125 1 стр.

225. **Вильдо, Ю. и др.** Расслоение деревни и кооперация.—Ю. Вильдо, С. Ужанский и Ф. Цялько. «А. Ф.». М. 1925, 3, март, стр. 118—130.

226. **Вольфсон, М.** Экономические формы СССР, 3-е, перераб. и доп.

изд. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925. 128 стр.

227. **Голендо, М. С.** К вопросу о совхозах. «Пл. Х.», М. 1925, 4, апрель, стр. 27—41.

228. **Гольцман, А. З.** Перспективы электрификации. I. Расширение электрификации в капиталистическом хозяйстве. II. Электрификация в народном хозяйстве СССР. «Б.» М. 1925, 3—4 (19—20), февраль, стр. 38—49. Статья является переработанным докладом, прочитанным в президиуме ВОНХ ООСР 23 января 1925 г.

229. **Гольцман, А. З., Горев, А. А.** План электрификации и крестьянское хозяйство. (К пересмотру плана электрификации). «Пл. Х.». М. 1925, 4, апрель, стр. 177—186.

230. **Гольцман, А. З.** Электрификация и электропромышленность. «Б.» М. 1925, 11—12, стр. 30—44.

231. **Гордеев, Г. С.** Сельское хозяйство в войне и революции. М.-Л. Гос. изд. 1925. 203, 5 стр.

232. **Гуров, П. Я.** Сельское хозяйство СССР. Аграрный кризис и задачи РКП в деревне. 3-е изд. доп. М. Гос. изд. 1924. 48 стр.

233. **Дзержинский, Ф. Э.** Металлопромышленность в 1925 году. (Доклад на XIV конференции РКП(б) 29 апреля 1925 года). М.-Л. Гос. изд. 1925, 47 стр.

234. **Дзержинский, Ф. Э.** О задачах и перспективах металлопромышленности в 1924—1925 гг. Доклад тов. Дзержинского на V конференции металлостов. М. ЦК ВСРМ. 1925. 32 стр.

235. **Дзержинский, Ф. Э.** Очередные задачи промышленной политики. Сборник статей. М.-Л. Центр. упр. печати ВОНХ. 1925. 133, 1 стр.

236. **Дзержинский, Ф. Э.** Речь и статьи по вопросам производительности труда. О предисл. Л. Б. Каменева и прил. «В. И. Ленин о производительности труда». 2-е изд. М. ЦУП ВОНХ ООСР. 1924. 54 стр.

237. **Дубровский, С.** «Столыпинская реформа», капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л. Ком. ун-т им. т. Зинovieва, «Прибой», 1925. 302 стр. (Инст. красной профессуры. Очерки по истории России XX века, под общ. ред. М. Н. Покровского).

238. **Каменев, Л. Б.** Наши достижения и наши задачи в области овладения стихией рынка «Пл. Х.». М. 1925. 1, январь, стр. 3—20.

239. **Каменев, Л. Б.** Очередные хозяйственные задачи. Доклад, прочитанный на пленуме ЦК РКП 25 окт. 1924 г. М. ЦУП ВСНХ СССР 1924. 23 стр. с диагр. (Научно-популярная экономическая б-ка «Хозяйство СССР»).

240. **Каменев, Л. Б.** Почему необходимо поднять производительность труда. Речь в Московском Совете 30 сентября 1924 г. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925. 45 стр.

241. **Кантор М.** Выпрямление линии. (К постановке вопроса об эволюции крестьянского хозяйства). М. 1925, 7 апрель, стр. 44—53.

242. **Кантор, М.** Строительство социализма в деревне и аппарат с.-х. кооперации. «Б.». М. 1925, 5—6 (21—22), март, стр. 26—37.

243. **Капитонов, И.** Безработица в Советском Союзе. «Б.». М. 1924, 5—6, стр. 49—58.

244. **Капитонов, И.** Хозяйственное оздоровление деревни. (Экономические корни роста политической активности крестьянства). «Б.». М. 1924, стр. 59—73.

245. **Карпинский, В.** Наша политика в вопросе о б. помещиках. «А. Ф.». М. 1925, 3, март, стр. 104—118.

246. **Квицинг, Эр.** Коллективные хозяйства. «А. Ф.». М. 1925, 4, апрель, стр. 24—33.

247. **Красин, Л. Б.** Государственный хозяйственный план и монополия внешней торговли. «Пл. Х.». М. 1925, 5, май, стр. 7—34.

248. **Красин, Л. Б.** Основные цифры внешней торговли. М. Наркомвнешторг, 1925. 33 стр.

249. **Красин, Л. Б.** Плановое хозяйство и монополия внешней торговли. М. «Плановое Хозяйство», 1925, 39 стр.

250. **Кржижановский, Г. М.** К теории и практике планового хозяйства. «Пл. Х.». М. 1925, 3, март, стр. 7—21.

251. **Кржижановский, Г. М.** Перспективы электрификации. «Пл. Х.». М. 1925, 2, февраль, стр. 3—21. Проложение, основание и перспективы электрификации в СССР.

252. **Кржижановский, Г. М.** Плановые вопросы. «Пл. Х.». М. 1925, 1, январь, стр. 21—40.

253. **Кржижановский, Г. М.** и др. Четыре года электрификации СССР. Доклады, прочитанные на вечере, посвященном четырехлетию электрификации СССР (30 декабря 1924 г.). М. «Плановое Хозяйство», 1925. 57. 2 стр. Перед загл.: Г. М. Кржижановский, А. А. Горев, В. З. Есин.

254. **Крицман, Л.** Классовое расстройство в советской деревне. По данным волостных обследований. М. Комм. Акад. 1925, 191 стр.

255. **Крицман, Л.** Об основах перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства. «А. Ф.». М. 1925, 7—8 июль—август, стр. 59—66.

256. **Крицман, Л.** Пережитки идеологии крепостничества в нашей статистике. «А. Ф.». М. 1925, 1, январь, стр. 97—99. Критика работ Л. Н. Лигошенко «Крестьянский бюджет в 1922—1923 г.». М. ЦСУ, 1923.

257. **Кузовков, Д.** Двучленная система бумажных денег в условиях критической эпохи. «Соц. Х.» М. 1925 г. 1, стр. 23—39.

258. **Кузовков, Д.** Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М. Ком. Акад. 1925. 455, III стр. (Ком. Акад. Секция Экономики).

259. **Кузовков, Д.** Перспективы денежного обращения в ближайший период. «ВК» М. 1925, 10, стр. 170—217.

260. **Кузовков, Д.** Процесс натурализации народного хозяйства (период. 1916—1920 г.г.). «Соц. Х.». М. 1925. 3, стр. 33—75.

261. **Ларин, Ю.** Боевые вопросы батрачества. «А. Ф.». М. 1925, 1, январь, стр. 31—39.

262. **Ларин, Ю.** Взаимоотношения кооперации и госпромышленности и наша торговая практика. «Х. и Т.». М. 1925, 2, стр. 5—40.

263. **Ларин, Ю.** Новое о колхозах. «А. Ф.». М. 1925, 2 февраль, стр. 70—74.

264. **Ларин, Ю.** Общественная роль батрачества. «А. Ф.». М. 1925, 3 март, стр. 90—103.

265. **Ларин, Ю.** О взаимоотношениях государственной промышленности и кооперации. «С: П.» 1924, 12, стр. 34—62.

266. **Ларин, Ю.** Советская деревня. М. «Эконом. Жизнь», 1925. 384,2 стр.

267. **Лацис, М.** Быть или не быть совхозам. «А. Ф.». М. 1925, 1, январь, стр. 57—68.

268. **Лежнев-Финьковский, П.** Коллективное земледелие в СССР. «Крест. П.». М. 1925, 1—2, январь, февраль, стр. 47—60.

269. **Лифшиц, М.** Один из классовых моментов нашей налоговой политики в деревне. «А. Ф.». М. 1925, 2, февраль, стр. 74—82.

270. **Мартынов, А.** Развитие народного хозяйства и новые задачи в деревне СССР. «К. И.». М. 1925, 5 (42), май, стр. 59—104.

271. **Мартынов, В.** Аграрные отношения в Туркестане. «А. Ф.». М. 1925, 3, март, стр. 151—161.

272. **Месяцев, П.** Классовое направление аграрной политики и подъем производительных сил в сельском хозяйстве. (К вопросу об объектах и методах работы в области агрономии и землеустройства). «Ж. С.». Новониколаевск, 1925, 5 (33), май, стр. 7—21.

273. **Месяцев, П.** Сельское хозяйство Сибири («С. О.». Новониколаевск. 1925, июнь—июль, 3, стр. 178—199.

274. **Милютин, В. П.** Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. 2-е изд., доп. и испр. М.-Л. Гос. изд. 1925. 176 стр.

275. **Милютин, В. П.** Политика и тактика кооперации. «А. Ф.». М. 1925, 4, апрель, стр. 3—12. Политика и тактика кооперации в СССР, как государстве, осуществляющем диктатуру пролетариата.

276. **Милютин, В. П.** Современная кооперация и ее задачи, М. НК РКН, 1925. 56 стр.

277. **Молотов, В.** Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Доклад на пленуме ЦК РКП. 23/IV 1925 г. Л. Гос. изд. 1925. 26 стр.

278. **Молотов, В.** Очередные задачи экономической политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни. Доклад на пленуме ЦК РКП 23 апреля 1925 г. 2-е изд. Л. Гос. изд. 1925. 32 стр.

279. **Мотылев, В. Е.** Прибавочная стоимость и социалистическое нако-

пление в СССР. Ростов-н-Д.—Краснодар, «Буревестник», 1925. 41, 1 стр.

280. **Немченко, Л. П.** Социальное страхование в 1923—1924 г.г. (Диаграммы с пояснительным текстом). М. «Вопросы Труда», 1925. 84 стр., вкл. диагр.

281. **Пятаков, Г. Л.** К вопросу о капитале государственной промышленности. М.-Л. Центр. упр. печати ВСНХ, 1925, 44 стр.

282. **Рабинович, А.** Проблема производительности труда. М. «Эконом. Жизнь», 1925. 287, 15 стр. с диагр.

283. **Рудой, Я.** Государственный капитализм в России во время империалистической войны. С предисл. Г. Цыперовича. Л. «Прибой», 1925. 95 стр.

284. **Рыков, А. И.** Деревня, новая экономическая политика и кооперация. М.-Л. Гос. изд. 1925. 45, 1 стр.

285. **Рыков, А. И.** Наше хозяйственное положение и ближайшие его перспективы. Доклад, прочитанный на IV Всесоюзном съезде профсоюзов 17 ноября 1924 г. М. Центральное управление печати ВСНХ СССР. 1925. 31 стр. Научно-популярная экономическая библиотека ВСНХ, серия «Хозяйство СССР». В. 3.

286. **Рыков, А. И.** О сельскохозяйственной кооперации. Речь на III собрании уполномоченных сельхозкооп., 6 июня 1925 г., перераб. для печати. М. «Кооп. изд-во», 1925. 36 стр.

287. **Рыков, А. И.** Основные вопросы хозяйственной политики СССР. (Доклад на VI Всесоюзном съезде профессиональных союзов). М.-Л. Гос. изд. 1924. 45 стр.

288. **Сарабьянов, В.** Кооперация в системе советского хозяйства. М.-Л. «Кооп. изд-во», 1925. 96 стр.

289. **Сарабьянов, В.** Промышленность к концу восстановительного процесса. «К. Н.». М. 1925. 5, июнь, стр. 132—143.

290. **Сарабьянов, В.** Экономическая политика. М. «Новая Москва», 1925. 230 стр.

291. **Сарабьянов, В.** Экономика и экономическая политика СССР. Учеб. для совпартшкол и комвузов. М. «Красная Ньба», 1925. 508 стр. + 1 вклад. лист.

292. **Свердлов, В.** Мировая нефть-промышленность и перспективы неф-

- теэкспорта СССР. «Пл. Х.». М. 1925, 5, май, стр. 207—226.
293. **Слепков, А.** Аграрно-крестьянская проблема в эпоху борьбы пролетариата за власть. «Б.». М. 1925, 5—6 (21—22), март, стр. 7—17; 4, апрель, стр. 30—43.
294. **Смилга, И. Т.** Восстановление хозяйства СССР и реконструкция его производительных сил. М. «Эконом. Жизнь», 1925. 111 стр.
295. **Смилга, И. Т.** Итоги и перспективы. «В. П. Т. и Тр.». М. 1925, 1, январь, стр. 3—14.
296. **Смилга, И. Т.** Итоги 1923—1924 хозяйственного года и перспективы. «Пл. Х.». М. 1925, 1, январь, стр. 41—56.
297. **Смилга, И. Т.** На экономические темы. «В. П. Т. и Тр.». М. 1925, 3—4, март—апрель, стр. 3—20.
298. **Смилга, И. Т.** Хозяйственные итоги в перспективе. М.-Л. «Красный Пролетарий», 1926 1925. 23 стр.
299. **Смирнов, А. П.** Задачи низовой власти в области сельского хозяйства. М. «Новая Деревня», 1925. 16 стр. вкл. портр.
300. **Смирнов, А. П.** Политика советской власти в деревне и расслоение крестьянства (кулак, бедняк и середняк). М.-Л. Гос. изд. 1926. 1925. 54 стр. с портр.
301. **Смушнов, В.** Очерк советской экономической политики. Над. 5, перераб. и доп. М. «Работник Просвещения», 1925. 144 стр.
302. **Сокольников, Г. Я.** Бюджет и валюта. М. «Эконом. Жизнь», 1924. 90 стр.
303. **Сокольников, Г. Я.** Денежная реформа. М. НКФ СССР, 1925. 176 стр.
304. **Сокольников, Г. Я.** Новая полость хозяйственного строительства. «Соц. Х.». М. 1925, 4 стр. 5—30.
305. **Сокольников, Г. Я.** Основные линии финансовой работы. М. НКФ 1925. 32 стр.
306. **Сокольников, Г. Я.** Пройденный путь и новые задачи. «В. Ф.». М. 1925, 10, октябрь, стр. 3—22.
- 307.
308. **Сокольников, Г. Я.** Твердая валюта, твердая власть и реальная политика. «Соц. Х.». М. 1924, 5, стр. 6—25. Доклад на Всесоюзном Финансовом Советании в июле 1924 г. в Москве.

309. **Сокольников, Г. Я.** Финансовая политика революции. Т. 1. М. Финансовое изд-во НКФ СССР, 1925. 293, 4 стр. + 2 стр. объявл.
310. **Струмилин, С. Г.** Бюджет времени рабочих в 1923—1924 году «Пл. Х.». М. 1925, 7, июль, стр. 119—150.
311. **Струмилин, С. Г.** Бюджет времени служащих. «Пл. Х.». М. 1925, 8, август, стр. 273—269.
312. **Струмилин, С. Г.** В защиту контрольных цифр Госплана. «Пл. Х.». М. 1925, 10, стр. 7—28.
313. **Струмилин, С. Г.** Динамика батрацкой армии в СССР. «А. Ф.». М. 1925, 7—8, июль—август, стр. 67—79.
314. **Струмилин, С. Г.** К изучению рабочего быта. (По материалам инвентарных обследований). «Пл. Х.». М. 1925, 9, сентябрь, стр. 87—115.
315. **Струмилин, С. Г.** К проблеме капитала в СССР. «Пл. Х.». М. 1925, 2, февраль, стр. 39—65; 4, апрель, стр. 93—119.
316. **Струмилин, С. Г.** К учету народного богатства СССР. «Пл. Х.». М. 1925, 7, июль, стр. 297—316.
317. **Струмилин, С. Г.** На хозяйственном фронте. Сборник статей (1921—1925). М.-Л. «Плановое Хозяйство», 1925. 349 стр.
318. **Струмилин, С. Г.** Наш довоенный товарооборот. «Пл. Х.». М. 1925. 1, январь, стр. 102—120. Товарооборот России за 1885—1913 гг.
319. **Струмилин, С. Г.** Проблема промышленного капитала в СССР. М. «Эконом. Жизнь», 1925. 134 стр.
320. **Струмилин, С. Г.** Проблемы экономики труда. Очерки и этюды. М. «Вопросы Труда», 1925. 224 стр. с черт.
321. **Струмилин, С. Г.** Рабочий быт в цифрах. Статистико-экономические этюды. М.-Л. «Плановое Хозяйство», 1926. 1925. 134 стр.
322. **Султан-Заде, А. С.** Электрификация и ее перспективы в Московской губернии. «Э. С.». М. 1925, 7, июль, стр. 9—26; 8, август, стр. 32—43.
323. **Терлецкий, Е.** Дифференциация украинского крестьянства и колхозы. «А. Ф.». М. 1925, 2, февраль, стр. 35—70.
324. **Троцкий, Л. Д.** Качество продукции и социалистическое хозяйство. Л. «Плановое Хозяйство», 1925. 23 стр.

325. **Троцкий, Л. Д.** К социализму или к капитализму? (Анализ советского хозяйства и тенденций его развития). М.-Л. «Плановое Хозяйство», 1925. 61, 3 стр.

326. **Туманов, Н. Г.** Валютная и кредитная политика Госбанка. М. НКФ СССР, 1925. 87 стр. с диагр.

327. **Хинчук, Л.** Введение в изучение кооперации. Доклад в школе секрет. укомов при ЦК РКП. М. Центросоюз, 1925. 48 стр. с диагр. (Экономическая биб-ка кооператора. Серия: теория и история кооперации).

328. **Хинчук, Л.** Очередные задачи потребительской кооперации «К. Н.». М. 1924. 4, стр. 232—243.

329. **Хряцза, А. К.** вопросу об изучении расслоения крестьянства. «А. Ф.». М. 1925, январь, стр. 80—85.

330. **Хряцза, А.** Условия подема деревни и дифференциация крестьянства. «Б.». М. 1925. 5—6 (21—22), март, стр. 18—25.

331. **Цвибак, М.** Из истории капитализма в России. Хлопчатобумажная промышленность в XIX веке. Л. «Прибой», 1925. 96 стр. С илл.

332. **Цилько, Ф.** Деревенская безработица и меры борьбы с ней. «А.Ф.». М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 86—92.

333. **Ченцов, М. В.** История русской промышленности. Краткий очерк. М. «Новая Москва», 1925. 180 стр. (Б-ка Молодого Коммуниста под общ. ред. МК РЛНСМ. Ред. В. Сарабьянова).

334. **Шанин, Л.** Денежная система СССР в свете марксистской теории. М. «Эконом. Жизнь», 1925. 133 стр.

335. **Его же.** Экономическая природа нашего бестоварья. «Э. О.». М. 1925, ноябрь, стр. 25—39.

336. **Шестаков, А. В.** Библиографический указатель по наемному труду в сельском хозяйстве России—Шестаков, А. (Никодим). «А. Ф.». М. 1925, 1, январь, стр. 184—186; 2, февраль, стр. 151—154; 3, март, стр. 178—180; 4, апрель, стр. 183—185.

337. **Его же.** Капитализация сельского хозяйства России. (От реформы 1861 г. до войны 1914 г.). Ред. П. И. Лященико. М. Гос. изд. 1924. 88 стр. Перед загл.: А. В. Шестаков (Никодим).

338. **Его же.** Наемный труд в сельском хозяйстве СССР.—Шестаков, А. (Никодим). «А. Ф.». М. 1925, 1, январь, стр. 39—57; 2, февраль, стр. 87—103; 4, апрель, стр. 65—77; 5—6, май—июнь, стр. 93—111; 7—8, июль—август, стр. 80—89.

339.

340. **Хряцза, А.** О крестьянском хозяйстве. «Э. О.». М. 1925, май, стр. 1—17; июнь, стр. 16—27.

341. **Штейн, В. Е.** Внешняя торговая политика СССР. М.-Л. ВСНХ СССР. 1925. 140 стр.

342. **Эвентов, Л.** Иностранный капитал в нефтяной промышленности России (1874—1917). Пред. Л. Н. Крицмана. М.-Л. «Плановое хозяйство», 1925. 128 стр.+1 вклад. лист схем.

343. **Яковлев, Я.** Об ошибках хлебобулочного баланса ЦОУ и его истолкователей. «Пл. Х.». М. 1925, 12, стр. 27—50.

344.

VIII. Вопросы профессионального движения

345. **Агеев, С. И.** Международное движение почтовых, телеграфных и телефонных работников. Европа. М. ЦК Союза связи, 1925. 121, 1 стр.

346. **Аллисон, Дж.** Профессиональное движение в Англии. М. Профинтерн, 1925, 116, 2 стр.

347. **Алуф, А.** Большевиизм и меньшевиизм в профессиональном движении. М. РИО ВЦСПС. 1926 (1925). 91 стр.

348. **Его же.** Краткая история профессионального движения медработников. (2-е расш. и испр. изд.). Пособие для лекторов и кружков пропаганды. М. ЦК Медсантруд, 1926 (1925). 108 стр.

349. **Его же.** Профсоюзы и положение рабочего класса в СССР 1921—1926 гг. с пред. А. Лозовского. М. Профинтерн, 1925. XI, 96, (1) стр.

350. **Его же.** Революционные союзы и производство. Экономическая рабо-

та профессиональных союзов. М. РИО ВЦСПС. 1926 (1925). 54 стр.

351. **Базилевич, К. В.** Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905—1906. М. ЦК Союза связи, 1925. 616, 98, XII стр. + (12) вклад. лст. илл.

352. **Гальперин, С.** На пути к единому Интернационалу Профсоюзов. М. «Труд и Книга», 1925. 141, (1) стр.

353. **Гордон, Макс.** Профессиональное движение в эпоху русской революции 1905—1907 г.г. Л. РИО Ленинградского губ. сов. проф. союзов, 1926 (1925). 71 стр. (Популярная б-чка по профдвижению).

354. **Гудвак, А. М.** Очерки по истории движения служащих в России. Ч. I. До революции 1905 года. М. ЦК ССРС. XX, 248 стр. с факс.

355. **Лозовский, А.** Мировое профессиональное движение до и после войны. 2-е доп. изд. М. «Вопросы Труда», 1925. 363 стр.

356. **Нин, А.** Профессиональное движение в Испании. Пер. с франц.

Ю. М. Мароши, под ред. Н. А. Рожкова. М. РИО ВЦСПС. 1925. 126 стр.

357. **Поллит, Гарри.** Очерки английского профдвижения. 2-е доп. изд. М. Профлиттер, 1925, 56 стр.

358. **Рубинштейн, М.** Социальные основы реформизма. «Под Эд. М.». М. 1925, 3, март, стр. 187—204.

359. **Его же.** Тенденции реформистского профдвижения. «К. Н. П.» М. 1925, 2—3, февраль—март, стр. 27—35.

360. **Ханн, А.** Типы европейского и американского профдвижения. Краткие очерки. О предисл. члена Исполбюро Красного Профинтерна. А н д р е с а Н я н а. М.-Л. «Земля и фабрика», 1925. 108 стр.

361. **Цеткин, Клара.** Женский вопрос. Пер. с нем. (Гомель), «Гомельский рабочий», 1925. 76, (2) стр.

362. **Чекин, А.** Современная рабочая Англия. Очерки. М. ВЦСПС. 1925. 245, (1) стр. Перед загл. А. Чекин, (В. Яроцкий).

IX. Политические вопросы советского периода

Революционное движение в СССР до Октября

363. **Ангарский, Н.** Легальный марксизм. Вып. 1. (1876—1897). М. «Недра», 1925. 140, (2) стр.

364. **Анишев, А.** Очерки истории гражданской войны. 1917—1920 г.г. Л. Гос изд. 1925. 268 стр.

365. **Арский, Р.** Революция 1905 года, ее предпосылки и движущие силы. Л. «Кубуч», 1925. 144 стр.

366. **Бабахан, Н.** Ленинизм и троцкизм. Казань. Татарск. област. ком-т РКП(б). 1925. 101, II стр.

367. **Батурин, Н.** Борьба за советы, как органы пролетарской диктатуры. Л. «Прибой», 1925. 39 стр. (Истпарт ЦК РКП(б)).

368. **Его же.** Очерк истории социал-демократии в России. Изд. 9, загово-просм. и испр. автором, с прил. статьи М. Ольминского. Л. «Прибой», 1925. 166 стр.

369. **Его же.** Очерк истории социал-демократии в России. 10-е изд., загово-просм. и испр. автором, с прил. статьи М. Ольминского. Л. «Прибой», 1925. 166 стр.

370. **Его же.** Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. Изд. 2-е, испр. М.-Л. Гос. изд. 1925. 77 стр. (Истпарт. Отд. ЦК РКП по изучению истории Октябрьск. рев. и РКП(б)).

371. **Бубнов, А.** Основные вопросы истории РКП. Сб. статей. М. Гос. изд. 1924. 104 стр.

372. **Его же.** Основные вопросы истории РКП. Сборник статей. 2-е доп. изд. М.-Л. Гос. изд. 1925. 141 стр.

373. **Его же.** «Уроки Октября» и троцкизм. М. «Красная Звезда», 1925. 50 стр. Дополнение: Письмо т. Троцкого т. Ольминскому.

374. **Бухарин, Н. И.** К вопросу о троцкизме. М.-Л. Гос. изд. 1925. 192 стр.

375. **Его же.** Коммунистическое воспитание молодежи. М.-Л. «Молодая гвардия», 1925. 125 стр.

376. **Его же.** На подступах к Октябрю. Статьи и речи. Май—декабрь 1917 г. М.-Л. Гос. изд. 1926 (1925). 158 стр.

377. **Его же.** Новое откровение о советской экономике, или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма. М.-Л. Гос. изд. 1925. 35 стр. с чертж.

378. **Его же.** Очередные задачи. Л. «Клубуч», 1925. 32 стр.

379. **Бухарин, Н. И. и др.** Партия и воспитание смены. Статьи и доклады Н. Бухарина, Г. Зиновьева и Н. Крупской. Л. Гос. изд. 1924 (1925). 150 стр.

380. **Их же.** Партия и воспитание смены. Статьи и доклады Н. Бухарина, Г. Зиновьева и Н. Крупской. Изд. 2-е. Л.-М. Гос. изд. 1925. 179 стр.

381. **Бухарин, Н. И.** Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. М.-Л. Гос. изд. 1925. 107 стр.

382. **Его же.** Пезаризм под маской революции. По поводу книги проф. Н. Устрялова «Под знаком революции». М. «Правда», 1925. 45, (1) стр.

383. **Вардин, И.** Пресса большевизма. Л. «Прибой», 1925. 198, (2) стр.

384. **Его же.** Революция и меньшевизм. М.-Л. Гос. изд. 1925. 344 стр.

385. **Варенцова, О. А.** Северный рабочий союз (1900—1903). Иваново-Вознесенск. «Основа», 1925. 91 стр.

386. **Венцов, С. и Белицкий, С.** Красная гвардия. С 10 схемами, картами в тексте. М. Гос. воен. изд. 1924. 162 стр. с карт. (Военно-научное об-во).

387. **Волновичар, И.** Начало социалистического рабочего движения в бывшей Русской Польше. Подготовительный период партии «Пролетариат». Опыт исторического исследования. Ч. I. М.-Л. Гос. изд. 1925. XVI, 124 стр.+7 вкладн. лист. портр. и факс.

388. **Вопросы культуры при диктатуре пролетариата.** Сборник. М.-Л. Гос. изд. 1925. 222 стр.+ (6) вклад. л. факс. Авторы статей: Я. Яковлев, Н. Бухарин, И. Варейкис, А. Воронский.

389. **Гамбаров, А.** У истоков. Рабочее движение в России 70-х годов. С предисл. В. Н. Залежского. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925. 55 стр.

390. **Ганецкий, Я. В. В. Воровский.** Биографический очерк. М.-Л. Гос. изд. 1925. 103 стр. с илл. (Истпарт

Отд. ЦК РКП(б) по изучению истории Октябрьск. рев. и РКП(б)).

391. **Гордон, Макс.** Очерк экономической борьбы рабочих в России. Из истории волнений и забастовок. 3-е изд. (перераб.). Л. Губ. сов. проф. союзов, 1925. 200 стр.

392. **Гусев, С. И.** Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1919—1924). М.-Л. Гос. изд. 1925. 220 стр.

393. **Его же.** Наши разногласия в военном деле. М. «Красная Звезда», 1925. 76, (1) стр.

394. **За ленинизм!** М. «Новая Москва», 1925. 340, (2) стр. (Б-ка Раб. Мол. под общ. ред. МК РЛКСМ). Авторы статей: Г. Сокольников, Д. Лебедь, Л. Б. Каменев, Сталин, Г. Зиновьев, Ольминский.

395. **За ленинизм.** Сборник статей. М.-Л. Гос. изд. 1925. 488 стр. Авторы статей: А. Рыков, Н. Бухарин, Л. Каменев, И. Сталин, Г. Зиновьев, Н. Крупский, Г. Сокольников, В. Молотов, А. Бубнов, А. Андреев, Э. Квинтинг, Д. Лебедев, И. Степанов, О. Куусинен, В. Коларов, С. Гусев, Мельничанский, Л. Троцкий.

396. **Залкинд, А.** Вопросы культуры революционного времени. «П». М. 1924, 4, стр. 152—168.

397. **Его же.** Революция и молодежь. Сборник статей с предисл. М. Н. Яковлева. М. Ком. ун-т им. Свердлова, 1925. 141 стр.

398. **Зиновьев, Г.** Большевизм или троцкизм? Куда ведет теперь линия троцкизма. Л.-М. Гос. изд. 1924. 40 стр.

399. **Его же.** Год революции. (Февраль 1917 г.—март 1918 г.). Л. Гос. изд. 1925. 835 стр. с илл.

400. **Зиновьев, Г. и Каменев, Л. О** троцкизме. Статьи 1906—1919 г.г., вышедшие под ред. В. И. Ленина. М. «Новая Москва», 1925. 335, (2) стр. (Б-ка Раб. Мол., под общ. ред. МК РЛКСМ).

401. **Зиновьев, Г.** Путь Октября. Сборник октябрьских речей и статей 1917—1924 г.г. Л. Гос. изд. 1926 (1925). 54 стр. (Проблемы советского права).

401а. **Зиновьев, Г.** Философия эпохи. М.-Л. «Московский Рабочий». 1925. 31 стр.

402. **Игнатьев, В. И.** Советская власть и стоящие перед ней задачи. Л. Гос. Изд. 1924 (1925). 54 стр. (Проблемы советского права).

403. **Кретов, Ф.** Деревня после революции. Предисл. С. Диканского. М. «Московский Рабочий», 1925. 116 стр.

404. **Его же.** Крестьянство в революции 1905 г. М.-Л. «Московский Рабочий», 1925. 136 стр.

405. **Крицман, Л.** Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. М. Ком. Акад. 1926 (1925), 191 стр. (Ком. Акад. Аграрная Секция).

406. **Кубанин, М.** К истории кулацкой контрреволюции. (Махновщина). «А. Ф.». М. 1925, 7—8, июль—август. стр. 95—129.

407. **Ларин, Ю.** Рост крестьянской общности и ее очередные задачи. М. Центросоюз, 1925. 87 стр.

408. **Лебедев, Н. И.** Русский текстильник в рабочем движении. Под ред. и с предисл. Г. Л. Раскина. Ч. I. От Петра Первого до реформы 1861 г. М. ЦК Союза текстильщиков, 1924. 176 стр.

409. **Левин, Ш. М. и Татаров, И. Л.** История РКП(б) в документах. Т. I. 1853—1916. Л. Гос. изд. 1926 (1925). XIII. (1), 696 стр.

410. **Легальная** социал-демократическая литература в России за 1906—1914 годы. (Библиография). Под ред. и с предисл. Г. Бешкина. М. Ком. Акад., 1924. 240 стр. (Ком. Акад. Кабинет истории обществен. мысли и революцион. движ. в России).

411. **Ленинизм или троцкизм.** (Доклады Л. Б. Каменева, Сталина и др. материалы). Серпухов, уезд. ком-т РКП(б), 1924. 82 стр.

412. **Луначарский, А. В.** Культура буржуазия, переходная и социалистическая. «П.». М. 1924, 4, стр. 126—151.

413. **Лядов, М. Н.** Вопросы быта. (Доклад на собрании ячейки Свердловского ком. ун-та). М. Ком. ун-т им. Л. М. Свердлова, 1925. 40 стр.

414. **Мартынов, А.** У истоков троцкизма. Л. «Прибой». 1925, 40 стр.

415. **Меерсон, Г.** Ранняя буржуазная революция в России. (Путачевщина). «В. К. А.». М. 1925, 13, стр. 34—107.

416. **Меницкий, И.** Революционные движения военных годов (1914—1917). Очерки и материалы. Т. I. Первый год войны (Москва). М. Ком. Акад. 1925. VIII, 444, IV+(15) вклад. лист. портр. и зыл. (Ком. Акад. Каб. истории общественной мысли и революция в России).

417. **Милютин, В.** Научная коммунистическая мысль без Ленина. «В. К. А.». М. 1925, 11, стр. 14—21. Доклад, посвященный памяти В. И. Ленина.

418. **Михайлова, Е.** Из комментариев к «Что делать?». — «Группа самосвобождения рабочего класса». Сообщила Е. Михайлова. «К. Л.». Л. 1925, 1(12), стр. 239—243.

419. **Молотов, В.** Об уроках троцкизма. По поводу книги Л. Троцкого «О Ленине». Л.-М. Гос. изд. 1925. 37, (1) стр.

420. **На очереди.** Вопросы политпросветработы в деревне. Обзорник. М. «Долой неграмотность», 1924. 53 стр. Авторы статей: **Зиновьев, Сталин, Крупская.**

421. **Наумов, И. К.** В дни Октября. (Очерк). Л. Гос. изд. 1924. 124 стр.

422. **Невский, В. И.** История РКП(б). Краткий очерк. Л. «Прибой». 1926 (1925). 462 стр.

423. **Нелидов, Н.** Виктор Павлович Ногин. (Товарищ Макар). Краткий биографический очерк. М. Гос. изд. 1924. 41 стр.

424. **Об «Уроках Октября».** Г. Зиновьев, Л. Каменев, Э. Квицинг, Г. Сокольников, И. Сталин. Ред. ЦО РКП(б). («Правда»). ЦК РКП(б). С прилож. статьи Л. Троцкого «Уроки Октября». Л. «Прибой». 1924. 241, (1) стр.

425. **Об «Уроках Октября».** (Статьи и речи, 2-е доп. изд.). С прилож. статьи Л. Троцкого «Уроки Октября». Л. «Прибой», 1924. 265 стр.

426. **Памяти Инессы Арманд.** Сборник под ред. Н. К. Крупской. М.-Л. Гос. изд. 1926 (1925). 107, (1) стр., с портр. Авторы статей: Н. Крупская, Л. Б. Каменев, Л. Сталь, Г. Сафаров, Е. Ривлина, П. Виноградская, Елена Власова («Варвара Михайлов-

на»). Г. Катов, И. С. Ружейников, Н. Новгородцева, Евсей Рихтерман, А. Сольц, Вл. Малаховский.

427. Парфенов, П. С. Гражданская война в Сибири 1918—1920. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Гос. изд. 1925, 168 стр. (Истпарт, комиссия по истории Октябрьск. рев. и РКП(б). Перед загл.: П. С. Парфенов (Петр Алтайский)).

428. Платонов, А. П. Черноморский флот в революцию 1917 г. и адмирал Колчак. Л. Ред. изд. отд. Морск. ведомства, 1925, 96 стр. Предисл. Эд. Эд. Эссен.

429. Покровский, М. Н. Два вооруженных восстания. 1805—1905. «Под Зн. М.», М. 1925, 12, стр. 5—16.

430. Покровский, М. Н. Значение революции 1905 г. Из доклада на совещании при Отделе Печати ЦК РКП(б). 7 октября с. г. Л. Гос. изд. 1925. 33 стр.

431. Покровский, М. Н. Начало proletарской революции в России. Доклад. «К. А.», М.-Л. 1925, 11—12 стр. V—XVI.

432. Покровский, М. Н. Новые данные о путачевщине. «В. К. А.», М. 1925, 12, стр. 219—235. Доклад, читанный 1/V—1925 г в Ком. Академии.

433. Покровский, М. Н. 1905. Доклад на Красной Прессе от 21 ноября 1925 г. М.-Л. «Московский Рабочий». 1926, 39 стр.

434. Полонский, В. Михайл Александрович Бакутин. (Из истории русской интеллигенции). Жизнь, деятельность, мышление. Т. I. Бакутин-романтик. Изд. 2-е, испр. и доп. М.-Л. Гос. изд. 1925, VII. 471 стр. с факс.

435. Полонский, В. Русский революционный плакат. (Монография Вячеслава Полонского). М. Гос. изд. 1925, 192 стр. с илл. + 54 вклад. лист. красоч. илл.

436. Раскольников, Ф. Об'езд Kronштадтской делегацией финского побережья в июне 1917 года—Ф. Ильин (Раскольников). «К. Л.», Л. 1925. 1(12), стр. 216—238. Об'езд морских (из Балтийского флота) делегацией Kronштадтского Совета с агитационными целями.

437. Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-

экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. С вступ. статьей П. Стучки. Пер., примеч. и предисл. к русск. изд. А. Л. Клявс-Клявина. Л. «Прибой», 1925, 223 стр., с портр.

438. Сафаров, Г. Теория перманентной революции. Л. «Прибой», 1925, 30 стр.

439. Сафаров, Г. Теория перманентной революции и троцкизм. Л. «Прибой», 1924, 30 стр.

440. Сафаров, Г. Троцкизм или левашизм? Л. «Прибой». 1924, 63 стр.

441. Сверчков, Д. Галеновична и 9 января 1905 года. Л.-М. 1925, 50 стр.

442. Семашко, Н. Г. В. Плеханов, М. «Новая Москва», 1925, 45,1 стр. с портр.

443. Слепков, А. Революция 1905—1917 гг. М.-Л. Гос. изд. 1925, 136 стр. (Комиссия ЦК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 г. и Истпарт ЦК РКП(б)).

444. Сорин, В. Партия и оппозиция. Из истории оппозиционных течений. 1. Фракция левых коммунистов. (Предисл. Н. Бухарина. М. «Московский Рабочий». 1925, 184 стр.

445. Сталин, И. На путях к Октябрю. Статьи и речи. Мерт—октябрь 1917 года. М.-Л. Гос. изд. 1925, LXI, 280 стр.

446. Сталин И. О троцкизме. М. «Новая Москва», 1925, 128 стр. с портр. (Б-ка крестьянск. мол. Под общ. ред. МК РЛКСМ).

447. Сталин, И. Троцкизм или левашизм? Речь на пленуме фракции ВЦИК 19 января 1924. Л. Гос. изд. 1925. 38,2 стр.

448. Степков, Ю. М. Борцы за социализм. Очерки из истории общественных и революционных движений в России. В двух частях. Ч. 2. Изд. 2-е, испр. и доп. М. Гос. изд. 1925. 424 стр.

449. Степанов, И. Основные течения в антирелигиозной пропаганде. М. «Безбожник», 1925, 31 стр. (Труд первого всесоюзного съезда безбожников, вып. 3). Перед загл.: П. И. Скворцов-Степанов.

450. Степанов, И. От революции к революции. Сборник статей 1905—1915 гг. Сост. под ред. и с примеч. Г. Бешкена. М.-Л. Гос. изд. 1925, 318 стр.

451. **Таратута, В. К.** 1905 год и московское восстание. М.-Л. Гос. изд. 1925. 52 стр.

452. **Техника большевистского подполья.** Сборник статей и воспоминаний. 2 изд., испр. и доп. М. Гос. изд. 1925, 326 стр. с илл. (Истпарт, Комиссия по истории Октябрьск. рев. и РКП(б)). Авторы статей и воспоминаний: **Л. Б. Красин, А. Енукидзе, А. П. Голубков, Г. Стурца, В. И. Богомолов, (Чорт), П. Лепешинский, В. Н. Соколов, Д. Гершанович, В. Н. Залужский («Валерьян»), А. Прокофьев, А. Доброхотов, Е. Штейнман (Д. Ефремов), Сергей Розенер (Яков), Елена Стасова.**

453. **Товарищ Бауман.** Сборник воспоминаний и документов о жизни, деятельности и смерти тов. Баумана. Под ред. Зеликсона-Бобровского и М.-Л. «Московский Рабочий», 1926, 1925, 93 стр. с илл.

454. **Томсинский, С. Т.** Роль рабочих в путчинском восстании. (К 150-летию со дня казни Пугачева). «К. Н.», М. 1925, 2, февраль, стр. 170—191.

455. **Троцкий, Л.** Как вооружалась революция. (На военной работе) Т. 3. Тысяча девятьсот двадцать третий годы. Кн. 2. М. Высш. воен. редкол. совет., 1925, XII, 131 стр. (Л. Троцкий. Материалы и документы по истории Красной армии в трех томах).

456. **Троцкий, Л.** О девятом января. М.-Л. Гос. изд. 1925, 141,1 стр.

457. **1905.** История революционного движения в отдельных очерках. Под ред. М. Н. Покровского. Т. 1—3. М.-Л. Гос. изд. 1925, 1926. Т. 1. Предисловия Революции, XXIV, 614 стр. с график. На тит. листе дата МОМXXVI. Авторы очерков: **М. Покровский, Н. Ленин, А. Гайстер, Н. Ваняг, С. Дубровский, Б. Граве, А. Панкратова.** Т. 2. (От Января к Октябрю. VI, 352 стр. Т. 3. Вооруженное восстание. Вып. 2. **Ем. Ярославский.** Декабрьское восстание. II, 248 стр.+1 вклад. лист. карт.

458. **1905 год** в Ивано-Вознесенском районе. Сборник. Под ред. О. А.

Варенцовой, М. К. Дьяновой, П. П. Косарева. В. П. Кузнецова, М. П. Куликова, Я. А. Осипова, П. П. Фирстова и А. Т. Шеева. Иваново-Вознесенск, («Юнона», 1925, IV, 378, 2 стр. с илл.

459. **Фрунзе, М. В.** На новых путях. Статьи и доклады. М. «Военный Вестник», 1925, 192 стр.

460. **Шелапин, К. И.** Рабочий класс и его партия. История РКП. Вып. 2. Доп. изд. Л. «Прибой», 1925, 195 стр.

461. **Шестаков, А. В.** Всеобщая стачка в октябре 1905 года. М.-Л. Гос. изд. 1926, 1925, 59 стр. (Комиссия ЦИК СООР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт ЦК РКП(б)).

462. **Шляпников, А.** Семнадцатый год. Кн. 1-я. (январь, февраль и три дня марта). М. Гос. изд. 1925, 267 стр. Истпарт, Комиссия по истории Октябрьск. рев. и РКП(б).

463. **Шляпников, А.** Семнадцатый год. Кн. 2-я. Март. М.-Л. Гос. изд. 1925, 328 стр. (Истпарт. Отд. ЦК РКП(б) по изучению истории Октябрьск. рев. и РКП(б)).

464. **Южно-русские рабочие союзы.** Об. ст. и материалов. Под ред. В. В. Максаква и В. П. Невского. Со вступ. статьей: В. П. Невского. М. «Новая Москва», 1924, 350 стр. Авторы статей: **В. И. Невский, В. Ков, Е. Н. Ковалевская.**

465. **Bucharin, N. Bauernfrage.** Pansburg, Hoym, 1925.

466. **Bucharin, N. La question paysanne.** Paris l'Humanité, 1925.

467. **Naslow, A. Die zwei russischen Revolutionen des Jahres 1917. (Beiträge zum Studium des Leninismus).** Bd. 1. Die allgemeinen Voraussetzungen der russischen Revolution. Berlin, Viva, 1925.

468. **Schneller, E. Von Trotzkismus in der deutschen kommunistischen Bewegung. „Die Internationale“.** Berlin, 1925, 3, März, S. 118—128.

469. **1917. Um der Oktober Artikeln von Trotski, Kameoew, Zinowjew, Bela Kun, Stalin, Bucharin, Kousinen.** Hamburg, Hoym, 1925.

Х. Коминтерн

470. **Брик, С.** Коммунистическое движение на Востоке. «С. К.», М. 1925, 2(11), февраль, стр. 80—90.

471. **Войтинский, Г.** Колониальный вопрос на расширенном пленуме ИККИ. «К. И.», М. 1925, 4(41), апрель, стр. 63—69.

472. **Горов, М.** Крестьянское движение и Международный Крестьянский Совет. «А. Ф.», М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 165—174.

473. **Гришин, М. И.** Красная Бавария. Баварская советская республика 1919 г. М.-Л. «Молодая Гвардия», 1925, 155 стр.

474. **Домбаль, Т.** Задачи и достижения Крестьянтерна. М. «Новая Деревня», 1925, 80 стр. с портр.

475. **Домбаль, Т.** Крестьянский Интернационал. С 9 рис.-портр. Л. «Прибой», 1925, 62 стр. с портр.

476. **Домбаль, Т.** Наше отношение к политическим крестьянским организациям в капиталистических странах. «А. Ф.», М. 1925, 1, январь, стр. 115—119.

477. **Зиновьев, Г.** Большевикизация-стабилизация. (Статьи, доклады, тезисы). Л. Гос. изд. 1925, 208 стр.

478. **Зиновьев, Г.** Международные перспективы и большевикизация компартий. Л. «Прибой», 1925, 142 стр.

479. **Зиновьев, Г.** Частичная стабилизация капитализма и задачи Коминтерна и РКП(б). К итогам расширенного пленума ИККИ. М. «Московский Рабочий», 1925, 64 стр.

480. **Карл Либкнехт.** Его жизнь и борьба. Сборник статей и материалов. 2-е изд. Л. «Молодая Гвардия», 1925, 85 стр. с илл.+2 вклад. литогр. Авторы статей: **Гарри Шуман, Н. Бухарин, Л. Троцкий, Карл Радек, Н. Т.**

481. **Коларов, В.** Болгария в центре мировой контрреволюции. «К. И.», М. 1925, 5(42), май, стр. 126—145.

482. **Коларов, В.** Крестьянские партии и союзы. М.-Л. Гос. изд. 1925, 36 стр.

483. **Коларов, В.** «Октябрьские уроки» и болгарская коммунистическая партия. Л. «Прибой», 1925, 22,2 стр.

484. **Люксембург, Р.** «Или—или». (К истории возникновения союзов Спартак). С предисл. Эрнста Мейера. «К. И.», М. 1925, 9(46), сентябрь, стр. 23—42.

485. **Мануильский, Д.** Уроки чешского кризиса. М.-Л. Гос. изд. 1925, 22,1 стр.

486. **Мащеринов, Н.** Основные линии работы Крестьянтерна. «Крест. И.», М. 1925, 10, октябрь, стр. 6—13.

487. **Нин, А.** Эволюция революционного синдикализма во Франции. «К. И. П.», М. 1925, 2—3, февраль—март, стр. 55—60.

488. **Сталин, И.** К национальному вопросу в Юго-Славии. (Речь в Югославской комиссии ИККИ). «Б.», М. 1925, 7, апрель, стр. 20—23.

489. **Тан, Малакка.** Индонезия и ее место в пробуждающемся Востоке. Пер. с голл. рукописи С. Г. Замойского. М.-Л. Гос. изд., на обл.—Изд. «Красная Новь». Г. П. П. 1925, 1924, 164 стр. с илл.

490. **Троцкий, Л.** Пять лет Коминтерна. 2-е изд. и доп. изд. М.-Л. Гос. изд. 1925, XVIII, 660 стр.

491. **Berling, C.** Proudhon contre Marx. Syndicalisme contre Léninisme. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 11, janvier, p. 703—707.

492. **Blazalri, E.** Le Parti Communiste et la question coloniale. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 7, janvier, p. 473—476. С прилож.: „Thèse sur l'indigénat“, Thèse sur l'organisation syndicale, les revendications des travailleurs nord-africains.

493. **Luxemburg, Rosa.** Gegen den Reformismus. Eingeleitet u. bearb. v. Paul Tröblich. Berlin, Viva, 1925.

494.

495. **Böttcher, P.** Die Politik in Sachson und die Taktik gegenüber der Linken S. P. D. „Die Internationale“. Berlin, 1925, 9, September, S. 546—559.

496. **Ulbricht.** Cellules d'entreprises et cellules de rues. „Cahiers du Bolchévisme“. Paris. 1925, 29, octobre, p. 2000—2003.

XI. I—II Интернационал

497. **Альтер, И. К.** Юбилею ренегата. «Більш-к». Харків, 1925, 1, квітень, стр. 29—38. К юбилею К. Каутского.

498. **Бабель, Август.** Из моей жизни. Пер. с рукоп. под ред. и со вступ. статьей Д. Рязанова. М. Гос. изд. 1925, 47 стр.

499.

500. **Валецкий, Г.** Война, мир и II Интернационал. «Б.», М. 1925, 15, стр. 11—15.

501. **Валецкий, Г.** Марсельский конгресс II Интернационала. «К. И.», М. 1925, 9(46), сентябрь, стр. 90—102.

502. **Валецкий, Г.** «Путь к власти» Второго Интернационала. (К Марсельскому конгрессу Второго Интернационала). «К. И.», М. 1925, 9(45), август, стр. 46—64.

503. **Венедиктов, А.** Первый Интернационал. Изд. 2-е, доп. М.-Л. «Красный Пролетарий», 1925, 104 стр.

504. **Горохов, В. А.** I Интернационал и русский социализм. «Народное дело», — русская секция Интернационала. 1864—1870 гг. М. «Московский Рабочий». 1925, 132 стр.

505. **Кривцов, С.** Партия пролетариата или мелкой буржуазии. «Под Зна. М.», М. 1924, 12, стр. 18—32.

506. **Марецкий, Д.** Юбилей трупы погребенного. (К семидесятилетнему со дня рождения К. Каутского). «Б.», М. 14, стр. 46—57.

507. **Мартынов, А.** Провокации Карла Каутского. «К. И.», М. 1925, 7(44), июль, стр. 22—45.

508. **Мартынов, А.** Провокации Карла Каутского. М. «Московский Рабочий». 1925, 45, 1 стр.

509. **Раден, К.** Интернационал г-на Бармата. «К. И.», М. 1925, 2, февраль, стр. 216—225. О германской социал-дем. партии.

510. **Раден, К.** Три интернационала. Лекции, прочитанные в Свердловском ун-те. Симферополь. Крымгосиздат. 1924, 1925, 55 стр.

511. **Тальгеймер, А.** Первый Интернационал и профессиональные союзы: Пер. О. Шаргородской. Под ред. и с предисл. Е. Терьер. М. Профинтерн. 1925, 44, 5 стр.

512. **Тальгеймер, А.** Причины падения I Интернационала. «М. Г.», М. 1925, 2—3, февраль—март, стр. 140—150.

513. **Цеткин, К.** Гельфанд—Парvus. «К. И.», М. 1925, 1(38), январь, стр. 88—97.

514. **Marion, P.** A propos du Congrès socialiste de Marseille. „Cahiers du Bolchévisme“. Paris, 1925, 27, Septembre, p. 1763—1768.

515. **Le socialisme français et la guerre impériale.** „Cahiers du Bolchévisme“. Paris, 1925, 23, juillet, p. 1463—1476.

XII. Международная политика

516. **Амтер, И.** Мировое освободительное движение негров. Пер. с рукописи. М.-Л. Гос. изд. 1925, 136 стр.

517. **Вилеский-Сибиряков, В.** У-Пей-Фу. (Китайский милитаризм). М.-Л. Гос. изд. 1925, 55 стр. с илл.

518. **Зиновьев, Г.** Большевиизм и меньшевиизм на международном экране. (Уроки макидональдовщины). Речь т. Зиновьева на открытии курсов ответственных уездных партработников 11 октября 1924 г. М.-Л. «Молодая Гвардия». 1925, 48 стр.

519. **Ивин, А.** Китай и Советский Союз. О предисл. К. Караканана. М. Гос. изд. 1924, 144 стр. с илл.

520. **Калинников, А.** Национально-революционное движение в Монго-

лии. М.-Л. «Московский Рабочий», 1926, 1925, 118, 2 стр. + 1 вклад. лист. карт.

521. **Лвлинский, Н.** Гарантийный договор и международное положение. М. Изд. газ. «Правда» и «Беднота», 1925, 76 стр.

522. **Павлович, М.** Империализм. Л. Гос. изд. 1925, 248 стр. Перед загл.: М. Павлович, (М. Вельтман).

523. **Павлович, М.** и др. Индия в борьбе за независимость. М. Научн. ассоциация востоковедения при ЦНК СССР. 1925, 118 стр. с илл. Перед загл.: М. Павлович, В. Гурю-Кряжзин, С. Вельтман.

524. **Павлович, М.** Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Л.

Гос. изд. 1925, 341 стр.+2 стр. объявл. Перед загл.: М. Павлович (М. Вельтман).

525. Павлович, М. (Иралокий, С.). Персия в борьбе за независимость. М. Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 1925, 162,2 стр.

526. Павлович, М. Русско-японская война. 3-е изд., доп. Со вступит. статьей «Русский империализм и Русско-японская война». М. «Красная Звезда», 1925, 142 стр. Перед загл.: М. Павлович. (М. Вельтман).

527. Павлович, М. Семенов, Б. Русско-японские отношения. М. Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 1925, 41 стр. с илл.+4 стр. объявл.

528. Павлович, М. Советская Россия и капиталистическая Англия. (От эпохи царизма до правительства Чемберлена.—Болдуина 1925 г.). Испр. и доп. изд. М. «Прометей», 1925, 203 стр. Перед загл.: Мих. Павлович (М. П. Вельтман).

529. Павлович, М. и др. Турция и борьба за независимость. М. Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 1925, 152 стр.+6 стр. объявл.

530. Павлович, М. Французский империализм в после-версальский период. С тремя картами, составлен. А. Н. Де-Лазарг. М. «Красная Звезда», 1925, 76,2 стр.+3 стр. вклад. лист. красочн. карт.

531. Раден, К. Динденбург, М.-Л. Гос. изд. 1925, 31 стр.

532. Раден, К. Девять месяцев Английского Рабочего Правительства Л. Гос. изд. 1925, 62,2 стр.

533. Раден, К. Международная политика. Т. 1. Обзорение за 1924 год. М.-Л. Гос. изд. 1925, 192 стр.

534. Раден, К. Оун-Ят-Сен и китайское революционное движение. М. «Огонек», 1925, 43,2 стр.

535. Раден, К. Что такое эра демократического пацифизма. Доклад при открытии курсов Генерального Штаба, прочитанный 31 сент. 1924 г. М.-Л. «Прибой», 1925, 52 стр.

536. Ротштейн, Ф. А. Англичане в Египте. М.-Л. Гос. изд. 1925, 617,1 стр.

537. Ротштейн, Ф. А. Захват и закабаление Египта. Пер. с англ. под ред. и с дополн. автора. М.-Л. Гос. изд. 1925, 308 стр.

538. Сафаров, Г. Китайский тысяча девятьсот пятый год. Доклад на общегородском собрании членов РКП(б) Ленинградской организации 12 июня 1926 г. Л. «Прибой», 1925, 32 стр.

539. Самар, П. Война в Марокко. Пер. В. Житомирского. Под ред. Д. Выгодского. Л. Гос. изд. 1925, 80,2 стр. с карт.

540. Сен, Катаяма. Япония и Америка. Пер. с англ. рукописи. А. И. Певзнер. М. Литизд. НКВД. 1925, 60 стр.

541. Ходоров, А. Е., Павлович, М. П. Китай в борьбе за независимость. М. Научн. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. 1925, 194,2 стр.

ХIII. П р а в о

542. Берман, Я. Л. Основные вопросы теории пролетарского государства. М. Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1924, 147 стр.

543. Бранденбургский, Я. Два года единой судебной системы. (Некоторые итоги и некоторые перспективы). «Е. С. Ю.», М. 1925, 1, январь, стр. 3—5.

544. Бухарин, Н. И. К теории империалистического государства. «Р. П.», М. 1925, стр. 5—32.

545. Вегер, В. Об адвокатуре буржуазной и советской. «С. С.», М. 1925, 2—3. стр. 20—26.

546. Вольфсон, С. Я. К вопросу марксизма и государства. Речь на акте Белорусского государственного Университета 30 окт. 1924 г. «Т. Б. г. у.», Минск. 1925, 6—7, стр. 10—18.

547. Вышинский, А. Суд и карательная политика советской власти. Л. «Прибой», 1925, 78 стр.

548. Гойхбарг, А. Г. О современном земельном законодательстве. «С. Пр.», М. 1925, 1, стр. 1—15.

549. Гойхбарг, А. Г. Оравнительное семейное право. М. Юрид. изд-во НКЮ. 1925, 232 стр.

550. **Гурвич, Г. С.** Парламентаризм. Из статей по Энциклопедии права. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 87—95.

551. **Гурвич, Г. С.** Советское избирательное право. «С. С.», М. 1925, 2—3, стр. 6—19.

552. **Кирпотин, В.** Кунов о государстве. «Под Зн. М.», М. 1924, 12, стр. 174—184.

553. **Кобленц, П.** Жилищное право. 2-е перераб. и доп. изд. М. Гос. изд. 1924, 148 стр. (Инст. советского права). Учебн. и учебные пособия для ВУЗ'ов.

554. **Корнилов, Ф. Д.** Юридический догматизм и диалектический материализм. (Критический набросок). Саратов. Общегор. клуб РКП(б), 1925, 51 стр.

555. **Косвен, М.** Брак-покупка. «К. Н.», М. 1925, 2, февраль, стр. 192—215.

556. **Курский, Д.** Конституция РСФСР. (Текст 1925 г.). «В. Сов.», М. 1925, 23—24, июнь, стр. 1—3.

557. **Марецкий, Д.** Отто Бауэр и государственная власть. «Б.», М. 1925, 13—14, стр. 11—25. К русскому переводу книги Бауэра «Австрийская революция 1918 г.», М.-Л. Гос. изд. 1925.

558. **Пашуканис, Е.** Буржуазное государство и проблема суверенитета. «В. К. А.», М. 1925, 10, стр. 300—312. По поводу книг Г. Ласпи: «К проблеме суверенитета», Лондон, 1917 и «Авторитет в современном государстве», Лондон, 1919.

559. **Пашуканис, Е.** Обзор основных направлений во французской литературе государственного права. «В. К. А.», М. 1925, 12, стр. 353—362. По поводу книг: L. Duguit „Traité de droit constitutionnel“ 2-me éd. p. 1—4. Paris. 1921—1923. H. Berthelemy „Traité élémentaire de droit administratif“, 10-me éd. 1923; M. Hauriou „Précis de droit constitutionnel“. Paris. 1923.

560. **Равич, С.** Вопросы семейного права в законодательстве и судебной практике современной Германии. Положение внебрачн. детей. «С. Пр.», М. 1925, 1 (13), стр. 16—31.

561. **Разумовский, И.** Возрождение философии права в немецкой юридической литературе. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 61—86.

562. **Разумовский, И.** Детские и старческие болезни в правовой теории. «Под Зн. М.», М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 26—43. О правом и левом уклонах в теории права Маркса—Ленина.

563. **Разумовский, И.** Проблемы марксистской теории права. М. Ком. Акад. 1925, 136 стр. (Ком. Акад. Секция права и государства).

564. **Разумовский, И.** Философско-правовое наследие Лассалля. «Под Зн. М.», М. 1925, 4, апрель, стр. 38—68.

565. **Революция права.** Сборник 1. М. Ком. Акад. 1925, 180, 2 стр. (Ком. Акад. Секция права и государства). Авторы статей: Н. И. Бухарин, П. И. Стучка, Е. Б. Пашуканис, И. П. Разумовский, Г. С. Гурвич, С. С. Войтинский, С. М. Раевич, А. Вышинский, В. Н. Максимовский, В. В. Адоратский.

566. **Сольц, А. и Файнблит, С.** Революционная законность и наша карательная политика. М. «Московский Рабочий», 1925, 123, 2 стр.

567. **Стучка, П.** Буржуазная революция и гражданское законодательство. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 130—139.

568. **Стучка, П.** Пролетарский суд и буржуазное право. Доклад «В. К. А.» М. 1925, 13, стр. 231—246.

569. **Стучка, П.** Советское право в «белом» освещении. «Р. П.», М. 1925, 1, стр. 140—147. По поводу сборников статей о «Праве Советской России», Прага. «Плам», 1925.

570. **Стучка, П.** Стабилизация нашего гражданского права. (Необязательные полезные мысли). «Е. С. Ю.», М. 1925, 8, февраль, стр. 185—196.

571. **Энциклопедия государства и права** под ред. П. Стучки. Т. I. Вып. 1—2. М. Ком. Акад. 1925. III стр. + 1.200 столбц.

572. **Яворский, Ю.** Собственность. (Опыт анализа Правовых Институтов). «В. С. Ю.», Харьков, 1925, 4, стр. 152—155.

573.

XIV. История Запада

574. **Быстрицкий, В.** Уроки Парижской Коммуны. «К. У.». Л. 1925, 3 (9), март, стр. 26—34.

575. **Виноградская, П.** Донос Лассаля на самого себя. «П. и Р.». М. 1925, 4, июнь, стр. 71—87. Прил.: перевод документа, опубликованного Густавом Майером: „Ein Spitzelbericht Lassalle's über sich selbst“ в „Archiv für die Geschichte des Socialismus und der Arbeiterbewegung. Hrsg. von Carl Grünberg, X Jahrg. 1921, 1 Heft, S. 398—411.

576. **Виноградская, П.** Несколько поправок к статье А. Бернштейна о Лассале. «Под Зна. М.». М. 1925, 3, март, стр. 239—246. Статья А. Бернштейна «Основные взгляды Фердинанда Лассаля. «Под Зна. М.». М. 1924, 10—11, стр. 153—188.

577. **Волгин, В.** Социализм в древней Греции. «В. К. А.». М. 1925, 10, стр. 97—116, 12 стр. 140—173.

578. **Говоров, А.** К вопросу об якобинской идеологии. (Историческая справка). «В. М.». М. 1925, 5, стр. 263—270.

579. **Державин, Н. С.** Новое направление в истории культуры и языка. (Яфетическая теория). «З.». Л. 1925, 4 (10), стр. 226—255.

580. **Зайдель, Г.** «Неосенсимонизм» и реформистский синдикализм. «Под Зна. М.». М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 195—214.

581. **Захар, Я. М.** Очерки по истории «бешевых» эпохи Великой Французской Революции. (Жак Ру-Дольфье-Л'Анх). Л. «Прибой», 1925. 92 стр.

582. **Захар, Я. М.** Робеспьер. М.-Л. Гос. изд. 1925. 92 стр.+1 вклад. лист. портрет. (Биографическая 6-ка).

583. **Крестьянство Запада** в годы мировой войны. М. «Новая Деревня», 1925. 40, 1 стр. (Б-ка «Крестьянск. Интернационала»). Предисл.: М. Горький. Авторы статей: А. Трен, Г. Рау, Ф. Коричнер, Ал. Потеску, Дж. Сератти.

584. **Лукин, Н. М.** Очерки по новейшей истории Германии. 1890—1914 г.г. Л.-М. Гос. изд. 1925. 436 стр.+5. вклад. лист. карт., диагр. Перед загл.: Н. Лукин (Антонов).

585. **Мартынов, А.** Фердинанд Лассаль и германская социал-демократическая

тия. М. «Московский Рабочий», 1925. 22 стр.

586. **Мархлевский, Ю.** Из истории Польши. (Посмертные статьи).

1. Возникновение польского государства и конституция дворянского класса. 2. Этапы развития капитализма в Польше. М. Гос. воен. изд. 1925. 51 стр.+1 вклад. лист. портр.

587. **Мещеряков, Н.** Уроки великой крестьянской войны. «Крест. П.». М. 1925, 3—5, март—май, стр. 69—80.

588. **Моносов, С.** Гильдебекский социализм. «Под Зна. М.». М. 1925, 5—9, август—сентябрь, стр. 219—244.

589. **Моносов, С.** Якобинский клуб. Харьков, «Пролетарий», 1925, 153 стр.

590. **Петров, Н.** Английский капитализм на заре своего развития. (История торгового капитала в Англии). (С 10 рис. и картами). Л.-М. Гос. изд. 1925. 55, 2 стр. (Труды Извст. Красной Профессуры).

591. **Пригожин, А. Г.** Гракх Бабеф. Провозвестник диктатуры трудящихся. (Очерк из истории социализма). М. Ком. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1925. 224, 2 стр.

592. **Слуцкий, А.** Парижская Коммуна 1871 года. М. Коммун. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1925. 157 стр.

593. **Фендель, И.** Религиозный пророк «организованного» капитализма. (К столетию со дня смерти Сен-Симона 15 мая 1825 г.—15 мая 1925 г.). «Под Зна. М.». М. 1925, 5—6, май—июнь, стр. 161—167.

594. **Фридлянд, Ц.** История Западной Европы. 1789—1923 г.г. Лекции, читанные в Коммун. ун-те им. Я. М. Свердлова и на курсах парторганизаторов при ЦК РКП(б). Ч. I. М. Ком. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1926, 1925. 383 стр., с илл.+2 вкл. листа карт.

595. **Хевеши, А.** Крестьянские войны в Венгрии «Крестьян. П.» М. 1925. 3—5, март—май, стр. 93—97.

596. **Daneke, Die Lassalle Legende. „Die Internationale“. Berlin, 1925, 5. Mai. S. 242—247.**

597. **Ollivier, M. Ferdinand Lassalle. „Cahier du Bolchévisme“. Paris, 1925. 16. avril. p. 1025—1031.**

598. **Stepanow. La Commune de Paris. „Cahiers du Bolchévisme“. Paris. 1925, 14. mars, p. 880—885.**

XV. Философия и психология. Общие вопросы естествознания

599. **Альтер, И. М.** Философия Гольбаха. К. характеристике французского материализма XVIII века. М. «Новая Москва», 1925. 251 стр. (Труды Инст-та Красной Профессуры. Секция философии. Под общей ред. А. М. Деборина).

600. **Ваганян, В.** Вопросы культуры при диктатуре пролетариата. «В. М.» М. 1925, 5, стр. 134—148.

601. **Ваганян, В.** Несколько соображений о «пролетарской культуре». «В. М.» М. 1925, 3, стр. 126—159.

602. **Вайнштейн, И. Г.** Лукач и теория овещствления. «Под Зн. М.» М. 1924, 10, стр. 23—47.

603. **Вайнштейн, И.** Дилектика, как революционная логика. «Под Зн. М.» М. 1925, 7, стр. 31—45. Из работы «Гегель, Маркс и Ленин».

604. **Вайнштейн, И.** Искусство и организационная теория. «В. К. А.» М. 1925, 11 стр. 204—222.

605. **Вайнштейн, И.** Мышление и речь. (К критике А. Богданова). «Под Зн. М.» М. 1925, 1—2, январь—февраль, стр. 61—73.

606. **Вайнштейн, И.** Организационный опыт или «преодоление философии». «В. К. А.» М. 1925, 12, стр. 174—207.

607. **Вайнштейн, И.** Электическая экономика и диалектика. (К критике А. Богданова). «Под Зн. М.» М. 1925, 4, апрель, стр. 16—183.

608. **Варьяш, А.** По поводу одного «нового переворота». (Ответ т. Митонову). «В. М.» М. 1926, 3, стр. 297—316.

609. **Варьяш, А.** О том как не надо писать критику. «Под Зн. М.» М. 1925, 56 стр. 215—237. Poleмика с И. Каревым по поводу его критики на доклад автора «Марксистская философия истории».

610. **Вишневский, А.** В защиту материалистической диалектики. (Ответ тов. Степанову). «Под Зн. М.» М. 1925, 5—9, август—сентябрь, стр. 245—287.

611. **Воинствующий материалист.** Сборники. Кн. 1-я. М. «Материалист». 1924, 408 стр. (О-во воинствующих материалистов).

612. **Воинствующий материалист.** Сборники. Кн. 2-я. М. «Материалист». 1925. 308 стр. (О-во воинствующих материалистов).

613. **Воинствующий материалист.** Сборники. Кн. 3-я. М. «Материалист». 1925. 333 стр. (О-во воинствующих материалистов).

614. **Воинствующий материалист.** Сборники. Кн. 4-я. М. «Материалист». 1925, 288 стр. (О-во воинствующих материалистов).

615. **Воинствующий материалист.** Сборники. Кн. 5-я. М. «Материалист». 1925, 295 стр. (О-во воинствующих материалистов).

616. **Видра, Р.** Об'ективный момент в парциальном мышлении. «Под Зн. М.» М. 1924, 12, стр. 111—133.

618. **Деборин, А. М.** Материалистическая диалектика и естествознание. «В. М.» М. 1925, 5, стр. 3—38.

619. **Дингельштедт, Ф.** Диалектический материализм в теории и на практике. Популярные очерки диалектики и материализма, как основ коммунизма. Под ред. В. А. Юрица. Ростов-н-Д.—Краснодар. «Буревестник», 1925. 56 стр.

620. **Дингельштедт, Ф.** Причинность и целесообразность. Ростов-н-Д.—Краснодар. «Буревестник», 1925. 47 стр.

621. **Егоршин, В.** Проблема материи у французских материалистов XVIII века. «В. М.» М. 1925, 5, стр. 96—133.

622. **Залкинд, А.** Фрейдизм и марксизм. «К. Н.» М. 1925, 4, стр. 163—166.

623. **Карев, Н.** Проблема философии в марксизме. «Под Зн. М.» М. 1925, 6—9, август—сентябрь, стр. 5—43.

625. **Карев, Н.** О том, с чем не следует соединять марксизм. «Под Зн. М.» М. 1924, 12, стр. 50—85.

626. **Карев, Н.** Хождение по мукам философской критики. «Под Зн. М.» М. 1925. 5—6, стр. 238—264. Poleмика с Варьяшом по поводу доклада его «История философии и марксистская философия истории».

627. **Кривцов, С.** На заре французского марксизма. (Поль Лафарг). «В. М.» М. 1925, 4, стр. 117—130.

628. **Луначарский, А. В.** Беседы по марксистскому мировоззрению. Л. «Академия», 1924, 55 стр.

630. **Луначарский, А. В.** Введение в историю религии. (В 6 популярных лекциях). 3-е изд. М. Гос. изд. 1924. 197 стр.

631. **Луначарский, А. В.** Мораль с марксистской точки зрения. Севастополь. «Пролетарий», 1925, 45 стр.

632. **Луначарский, А. В.** От Спинозы до Маркса. Очерки по истории философии, как мироздания. М. «Новая Москва», 1925, 134 стр.

633. **Луначарский, А. В.** Почему нельзя верить в бога. Лекция, прочитанная в 1 МГУ. М. «Работники Провещения», 1925, 32 стр.

634. **Луппол, И. К.** Дени Дидро. Очерки жизни и мировоззрения. М. «Новая Москва», 1924, 326 стр. (Труды Института Красной Профессуры. Секция философии, под общ. ред. А. М. Деборна).

635. **Луппол, И. К.** Диалектика диалектики, или казус, приключившийся с философией марксизма в СССР в лето от Октябрьской революции восьмое. «В. М.». М. 1925, 5 стр. 39—59.

636. **Луппол, И.** Несколько слов о нерациональном методе в истории философии. (По поводу статьи З. Цейтлина «Рациональный и формальный диалектический материализм»). «В. М.». М. 1925, 3, стр. 270—277.

637. **Луппол, И.** Очередное опровержение марксизма. («Социальное понимание истории» М. Уилльяма). «Под Зн. М.». М. 1925, 8—9, август—сентябрь, стр. 199—218.

638. **Луппол, И.** Русский гольбашинец конца XVIII века. «Под Зн. М.». М. 1925, 3 май, стр. 75—102. О редакторе «С.-Петербургского журнала» за 1798 г. И. П. Панине.

639. **Механистическое естествознание и диалектический материализм.** Дискуссия о книжке Степанова «Современное естествознание и исторический материализм» в Совете НИИ'а 5 февр. 1925 г. (Авторы): **Степанов, Тимирязев, Левин, Боричанский, Боссэ, Перов, Тер-Оганесов, Понятовский, Мистергаан.** Вологда. «Север-Печальник», 1925, 83 стр. (Госуд. Тимирязевск. науч.-исслед. инст. изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического материализма. Серия 3. Дискуссионные сборники, под ред. Г. Боссэ. Сборник 1).

640.

641. **Милонов, К. К.** вопросу об «электизме и диалектизме». «В. М.». М. 1925, 5, стр. 60—95.

642. **Милонов, К.** Конкретность истины. «В. М.». М. 1925, 3, стр. 31—53.

643. **Милонов, К.** Необходим ли нам Гегель? «Под Зн. М.». М. 1925, 7, стр. 46—67.

644. **Невский, В.** Хорошие работы естествоиспытателей и плохие выводы из них. (По поводу «Оборника, посвященного 75-летию академика И. П. Павлова»). «В. М.». М. 1925, 3, стр. 19—31.

645. **О задачах марксизма** в нашу эпоху. «Под Зн. М.». 1925, 5—6, май—июнь, стр. 19—25. Перевод программной редакц. статьи нем. журн.

646. **Пинкевич, А. П.** Дарвинизм и марксизм. «М. Г.». М. 1924, 4, стр. 159—162.

647. **Рейснер, М. А.** Нужна ли вера в бога? О вере, церкви и государстве. М. «Труд и Книга», 1925, 137, 1 стр.

648. **Рейснер, М. А.** Проблемы социальной психологии. Ростов-н-Д. «Буревестник», 1925, VIII, 135 стр.

649. **Рейснер, М. А.** Социальная психология и учение Фрейда. «П. и Р.». М. 1925, 3, май, стр. 54—69; 4 июнь, стр. 88—100; 5—6, июль—сентябрь, стр. 133—150.

650. **Рожицын, В.** Гегель и Фейербах о религии. М.-Л. Гос. изд. 1925, 100 стр.

651. **Рудаш, Л. К.** 200-летней годовщине со дня рождения Имм. Канта. «К. Н.». М. 1924, 4, стр. 202—216.

652. **Рудаш, Л.** Преодоление капиталистического овеществления, или диалектическая диалектика т. Лукача. «В. К. А.». М. 1925, 8, стр. 281—305; 9, стр. 198—252; 12, стр. 3—67.

653. **Рудаш, Л.** Против новейшей ревизии марксизма. Сборник статей. М. Ком. Акад. 1925, XII, 177 стр.

654. **Самойлов, А.** Детская болезнь «левизны» в материализме. (Поход против философии, идеологии, мировоззрения). Л. «Прибой», 1925, 255 стр.

655. **Слепков, В.** Наследственность и отбор у человека. (По поводу теоретических предпосылок евгеники). «Под Зн. М.». М. 1925, 4, апрель, стр. 102—122.

656. **Статистический метод** в научном исследовании. Опыт коллективной интернаутной работы. Под общ.

ред. М. Смит и А. Тимирязев и М. Ком. Акад. 1925, 212 стр. + 8, вклад. лист диагр. (Ком. Акад. Секция науч. методологии). Авторы коммунисты: **М. Смит, А. Тимирязев.**

657. **Степанов, И.** Диалектическое понимание природы—механистическое понимание. «Под Зн. М.». М. 1925, 3 март, стр. 205—238.

658. **Степанов, И.** Задачи и методы антирелигиозной пропаганды. И. Религия в школе. 3-е перераб. и доп. изд. М.-Л. Гос. изд. 1925 72, 2 стр.

659. **Степанов, И.** Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. М. Гос. изд. 1924, 84 стр.

660. **Степанов, И.** Исторический материализм и современное естествознание. Марксизм и ленинизм. Очерки современного мировоззрения. 2-е изд., перераб. и доп. М.-Л. Гос. изд. 1925. 79 стр.

661. **Тальгеймер, А.** О некоторых основных понятиях теории относительности с точки зрения диалектического материализма. Пер. с нем. В. Оемченко и Я. Виткинда. «Под зн. М.». М. 1925, 1—2, январь—февраль, стр. 74—102. По поводу нем. изд. «Материализма и эмпириокритицизма» Н. Ленина.

662. **Танхилевич, О.** Эпикуреизм в Риме и эпикуреец Лукреций. «В. М.». М. 1925, 4 стр. 49—69.

663. **Теория относительности и материализм.** Сборник статей. Л.-М. Гос. изд. 1925, 279 стр. Авторы коммунисты: **И. Орлов, А. Тимирязев, А. Гольцман, З. Цейтлин.**

664. **Тимирязев, А. К.** Диалектика природы Энгельса и современная физика. «В. М.». М. 1925, 5 стр. 235—250.

665. **Тимирязев, А. К.** Естествознание и диалектический материализм. Сборник статей. М. «Материалист», 1925, 329, 1, стр. с кил. (О-во воиствующих материалистов).

666. **Тимирязев, А. К.** Новая неудачная попытка примирить теорию

относительности с диалектическим материализмом. (По поводу статьи тов. Тальгеймера). («В. М.». М. 1925, 4, стр. 243—253).

667. **Тимирязев, А. К.** Новейшие попытки воскресить телеологию в области физики. «В. М.». М. 1925, 2 (О Ленине), стр. 280—293.

668. **Тимирязев, А. К.** Опыты, опровергающие принцип относительности. (По поводу статьи Дейтона-Миллера). «В. М.». М. 1925, 5, стр. 251.

669. **Тимирязев, А. К.** Теория относительности Эйнштейна и диалектический материализм «Под Зн. М.». М. 1924, 9—9, стр. 145—157; 10—11, стр. 92—114. Окончание статьи в № 10—11 озаглавлено: «Принцип относительности Эйнштейна и диалектический материализм».

670. **Тимирязев, А. К.** Физика. Лекции, чтение в Ком. ун-те им. Свердлова. Ч. II. М. Ком. ун-т им. Я. М. Свердлова, 1925, III, 3—201, 2, стр. с кил.

671. **Троицкий, А.** Заочно ли большевнику заниматься философией? «Б.». М. 1925, 17—18, сентябрь, стр. 7—20, 19—20, октябрь, стр. 14—25.

672. **Троцкий, Л. Д. И. Менделеев и марксизм.** Доклад четвертому Менделеевскому съезду по чистой и прикладной химии, 17 сентября 1925 г. М.-Л. Гос. изд. 1925. 24 стр.

673. **Яковлев, Я.** О диалектике культурного развития и Вюртинском переложении А. Богданова. «Б.». М. 1925, 11—12, стр. 9—19.

674. **Ярославский, Е.** Религия на службе капитала. «Б.». М. 1925, 3—4 (19—20), февраль, стр. 28—37.

675. **Ollivier, M.** La philosophie de M. Edouard Berth. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 24, août, p. 1593—1602.

676. **Ollivier, M.** Nécessité d'une philosophie prolétarienne. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 27, Septembre, p. 1780—1783.

677. **Treint, A.** L'arme idéologique. „Cahiers du Bolchévisme“, Paris, 1925, 24, août, p. 1518—1581.

XVI. Литература и искусство

678. **Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей.** Платформа Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. (Принята по докладу тов. Г. Лелевича на Всесоюзной конференции пролетарских писателей в Москве, 6—11 января 1925 г.) «З». Л. 1925, 1 (7) стр. 229—231.
679. **Вопросы литературы и драматургии.** Диспут в Государственном Академическом Малом театре в Москве, 26 мая 1924 года, под председательством **А. В. Луначарского**, при участии: **П. Н. Сакулина, А. Глебова, Г. Келевича, Ю. В. Ключникова, Т. Майской, А. Я. Тайрова, В. В. Маяковского, Б. Пильняка, В. Ф. Плетнева, Д. Чижевского, И. П. Трайнина и А. Безыменского.** Л. Российский Институт Истории Искусств. 1924, 94 стр.
680. **Воронский, А. В. Маяковский.** «К. Н.». М. 1925, 2, февраль, стр. 249—276.
681. **Воронский, А.** Заметки об искусстве. «К. Н.». М. 1925, 6, июль—август, стр. 260—276.
682. **Воронский, А.** Литературные типы. Очерки о современных писателях. М. «Крут», 1925. 244 стр.
683. **Воронский, А.** Фрейдизм и искусство. «К. Н.». М. 1925, 7, сентябрь, стр. 242—262.
684. **Идеологический фронт и литература.** Резолюция по докладу т. Вардигна, принятая I Всесоюзной конференцией пролетарских писателей, 6—11, января 1925. «З». Л. 1925, (7), стр. 232—236.
685. **Лелевич, Г. В. Воровский и очередные проблемы марксистской литературной критики.** «П. и Р.». М. 1925, 3, май, стр. 70—81.
686. **Лелевич, Г.** О принципах марксистской литературной критики. Л. «Прибой», 1925. 103 стр.
687. **Лелевич, Г.** Творческие пути пролетарской диктатуры. Л. «Прибой», 1925. 64 стр.
688. **Луначарский, А. В.** Критические этюды. («Русская литература»). Л. Книжн. сектор Губпо, 1925. 425, 2. стр.
689. **Луначарский, А. В.** Литературные симуляры. М.-Л. Гос. изд. 1925. 195, 2, стр.
690. **Луначарский, А. В.** Максим Горький. «П.». М. 1924, 5, стр. 104—120.
691. **Луначарский, А. В.** Марксистская история изобразительных искусств. «П. и Р.». М. 1925, 4, июль, стр. 154—159. По поводу книги Федорова-Давыдова «Марксистская история изобразительных искусств (историографические и методологические очерки)». Иваново-Вознесенск, «Основ», 1925.
692. **Луначарский, А. В.** Общественное значение искусства. «С. П.». М. 1925, стр. 4—9.
693. **Луначарский, А. В.** О социологическом методе в теории и истории музыки. «П. и Р.». М. 1925, 3, май, стр. 11—27. По поводу книги Макса Вебера «Рациональные и социологические основы музыки».
694. **Луначарский, А. В.** По поводу новой итальянской живописи. «З». Л. 1924, 5, стр. 143—149.
695. **Луначарский, А. В.** История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах. (Лекции, читанные в ун-те им. Свердлова). Ч. 2. М. Гос. изд. 1924. 235 стр.
696. **Луначарский, А. В.** Пути современной литературы (Из речи на Всесоюзной Конференции пролетарских писателей 7 января 1925 г.). «З». Л. 1925, 1 (7), стр. 249—252.
697. **Луначарский, А. В.** Судьба русской литературы. Лекция, прочитан. в Акад. ком. воспитания 15 окт. 1924 г. Л. «Академия», 1925, 54 стр.
698. **Луначарский, А. В.** Этюды критические. Западно-европейская литература. М.-Л. «Земля и Фабрика», 1925. 395, 1 стр.
699. **Майский, И.** Еще раз о культуре, литературе и коммунистической партии. (Заключительное слово). «З». Л. 1925, 1 (7), стр. 268—295.
700. **Меринг, Франц.** Мировая литература и пролетариат. (Сборник статей). Пер. с нем. Е. А. Гурвич, под ред. А. С. Мартынова. Предисловие Э. Побелля. М. Гос. изд. 1924. 360 стр.

701. Пельше, Р. Леф, искусство и марксизм. «С. Н.». М. 1925, 8, стр. 25—35.

702. Полонский, В. К вопросу о наших литературных разногласиях. Критические заметки по поводу книги Г. Лелевича «На литературном посту». «П. и Р.». М. 1925. 4. июнь, стр. 48—70.

703. Полянский, В. «Железный поток» Серафимовича. «К. Н.». М. 1925, 3, апрель, стр. 275—285.

704. Полянский, В. Социологический метод проф. Сакулина. «В. М.». М. 1925, 5, стр. 143—165.

705. Пролетариат и литература. Сборник статей: А. Воронского, Г. Горбачева, П. Когана, М. Левинова, Г. Лелевича, А. Луначарского, И. Майского, С. Родова, Г. Серого, Л. Троцкого, К. Цеткин, Г. Якубовского. Л. Гос. изд. 1925. 205, 1, стр.

706. Румий, В. А. А. Богданов и богдановцы об искусстве. (Полемика с несколькими отступлениями о материализме, о диалектике и т. д.). «В. М.». М. 1925, 3, стр. 201—250.

707. Румий, В. Так как же писать марксистскую историю искусств? «В. М.». М. 1925, 4, стр. 254—275.

708. Троцкий, Л. Литература и революция. 2-е доп. изд. М. 1924, 122 стр.

709. Фриче, В. М. Арифметическая социология искусства. «В. К. А.». М. 1925, 13, стр. 269—277. По поводу кни-

ги: Шмидт, Ф. П. «Искусство. Основные проблемы теории и истории». Л. «Академия», 1925

710. Фриче, В. М. Зигмунд Фрейд и Леонардо да-Винчи. «В. М.». М. 1925, 3, стр. 160—165.

711. Фриче, В. М. Меринг—литературный критик. «П. и Р.». М. 1925, 5—6, июль—сентябрь, стр. 2—28. По поводу книги Меринга «Мировая литература и пролетариат». Пер. с нем. Е. А. Гурвич, под ред. А. С. Мартынова, предисл. Э. Цобеля. М. Гос. изд. 1924.

712. Фриче, В. М. Трансформация литературных жанров. «В. М.». М. 1924, 1, стр. 338—351.

713. Фриче, В. М. Фрейдизм и искусство. «В. К. А.». М. 1925, 12, стр. 230—264. Доклад читанный 9 апр. 1925 г. в Коммунист. Акад. и прения по докладу.

714. Цеткин, К. Искусство и пролетариат. Пер. с нем. Луи Шенталь. «З.». Л. 1925, 1 (7), стр. 237—248. Статья является перепечаткой доклада, прочитанного К. Цеткин зимой 1910—1911 года по случаю начала деятельности социал-демократической просветительной организации в Штутгарте.

715. Чужак, И. Искусство быта. «С. И.». М. 1925, 4—5, стр. 3—12.

716. Якубовский, Г. Труд и красота. (Доклад, читанный в секции критики и теории «Кузницы»). «Р. Ж.». М. 1924. 1, стр. 93—109.

Книги, изданные институтом Маркса и Энгельса при ЦИК СССР в 1925 году

Библиотека научного социализма.

Архив Маркса и Энгельса кн.	2 изд. 1 с. XXXII	+503
Плеханов Г. В.		
Сочинения . т.	2	3
	4	2
	6	2
	7	2
	8	2
	9	2
	10	2
	11	2
	12	2
	16	1
	18	1
		404
		333
		VI+413
		331
		411
		IV+367
		IV+462
		IV+398
		VIII+536
		383
		V+334

т.	20 изд. 1 с. XXVIII	+362
"	21 " 1 "	296
"	22 " 1 "	364

К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революц. (1848—1850). " 1 " VIII+526

Библиотека материализма

Людвиг Фейербах (Сущность христианства) XVI+445 (Вышла в начале января 1926 г.) II

Библиотека марсиста

Вып. 1. Маркс и Энгельс—Коммунистич. Манифест	141
„ 2. Ф. Энгельс—Развитие социализма от утопии к науке	166
„ 3. Ф. Энгельс — Крестьянская война в Германии	159
„ 4. К. Маркс — Мыслитель,	

человек, революционер	174
Вып. 5. П. Лафарг—Томас Кампанелла	102
„ 6. Г. Плеханов — Основные вопр. марксизма	134
Бюллетень Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР	44
К. Маркс и Ф. Энгельс—Коммунистический Манифест (Изл. 5/4 доп.).	

Алфавитный список авторов коммунистов

Агеев, О.	Быстринский, В.
Аквилла, Д.	Вавилин, И.
Аллисон, Д.	Валенян, В.
Алуф, А.	Вайнштейн, Н.
Альский, М.	Вайсберг, Р.
Альтер, И.	Валецкий, Г.
Амтер, И.	Ванаг, Н.
Ангарский, Н.	Варта, Е.
Андреев, А.	Вардиг, И.
Антишев, А.	Барейкис, И.
Анцелович, Н.	Варенцова, О.
Арский, Р.	Варьяш, А.
Астров, В.	Вегер, В.
Бабахан, Н.	Венедиктов, А.
Базилевич, К.	Венцов, С.
Баматтер, З.	Виленский-Сибираков, В.
Барановская, М.	Вишдо, Ю.
Батурин, Н.	Виноградская, П.
Батурицкий, Д.	Вишневский, А.
Белицкий, С.	Власова, Е.
Берман, Я.	Войтаковский, Г.
Бернс, Е.	Войтоловский, Л.
Беринский, С.	Волгин, В.
Боголепов, Д.	Волков, Е.
Богомолов, В.	Волковичер, И.
Бондарев, Д.	Вольфсон, М.
Бонч-Бруевич, В.	Воронский, А.
Борилин, С.	Выдра, Р.
Боричевский, И.	Вышинокий, А.
Борхардт, Ю.	Гайстер, А.
Боссе, Г.	Гальперин, С.
Бранденбургский, Я.	Гамбаров, А.
Брикке, С.	Ганецкий, Я.
Бронский, М.	Гейер, Курт.
Бубнов, А.	Гершановский, Д.
Бухарин, Н.	Гильбо, Анри.

Говоров, А.
 Горов, А.
 Горов, М.
 Гойхбарг, А.
 Голендо, М.
 Голубков, А.
 Гольцман, А.
 Горбачев, Г.
 Гордон, М.
 Горов, М.
 Горохов, В.
 Горшенин, И.
 Граве, Б.
 Грасис, К.
 Гришин, М.
 Гудван, А.
 Гурвич, Г.
 Гуревич, А.
 Гуров, П.
 Гусев, С.
 Деборин, А.
 Державин, Н.
 Дзержинский, Ф.
 Дингельштедт, Ф.
 Доброхотов, А.
 Домбаль, Т.
 Драг, Е.
 Дубровский, С.
 Егоршин, В.
 Енукидзе, А.
 Есин, В.
 Женеvский, А.
 Зайдель, Г.
 Залевский, В.
 Залкинд, А.
 Захер, Я.
 Звенигородцев, Н.
 Зиновьев, Г.
 Ивин, А.
 Ипатьев, В.
 Иранский, С.
 Калиниников, А.
 Камснев, Л.
 Кантор, М.
 Капелюш, Ф.
 Капитонов, И.
 Карев, Н.

Карпинский, В.
 Катов, Г.
 Квириг, Э.
 Келлер, В.
 Керженцев, П.
 Кирпотин, В.
 Кобленц, П.
 Колоколкин, В.
 Коларов, В.
 Кон, А.
 Корицонер, Ф.
 Корнилов, Ф.
 Косвен, М.
 Красин, Л.
 Кретов, Ф.
 Кражижановский, Г.
 Кривцов, С.
 Крицман, Л.
 Крушская, Н.
 Косевофонов, Ф.
 Кубанин, М.
 Кузовков, Д.
 Курский, Д.
 Куусинен, О.
 Л.-Р. П.
 Лапинский, Н.
 Ларин, Ю.
 Лафарг, Поль.
 Лацис, М.
 Лебедев, Н.
 Лебедь, Д.
 Левин, Ш.
 Лежнев-Финьковский, И.
 Лелевич, Г.
 Ленин, В.
 Леонтьев, А.
 Лешешинский, И.
 Либкнехт, Карл.
 Литвинов, Д.
 Лифшиц, Б.
 Лифшиц, М.
 Лозовский, А.
 Лукян, Н.
 Луначарский, А.
 Лушпол, И.
 Люксембург, Роза.

Лядов, М.
 Майский, И.
 Малаховский, В.
 Мангуильский, Д.
 Марецкий, Д.
 Маркс, Карл.
 Мартынов, А.
 Мартынов, В.
 Мархлевский, Юлиан.
 Меерсон, Г.
 Мельничанский.
 Меницкий, И.
 Мендельсон, А.
 Меринг, Франц.
 Местергазе.
 Месяцев, П.
 Мещеряков, Н.
 Миловов, К.
 Милютин, В.
 Михайлов, В.
 Михалевский, Ф.
 Молотов, В.
 Моносов, С.
 Мотылев, В.
 Наумов, И.
 Невский, В.
 Нежданов, Н.
 Нейман, Г.
 Нелидов, Н.
 Немченко, Л.
 Новгородцев, К.
 Орлов, И.
 Осинский, Н.
 Павлович, М.
 Панкратов, А.
 Парфенов, П.
 Пашуканис, Е.
 Пельше, Р.
 Перов.
 Петров, Е.
 Петров, Н.
 Пизкевич, А.
 Платонов, А.
 Позняков, В.
 Покровский, М.
 Поллит, Гарри.
 Полонская, Л.

Полонский, В.
 Полянский, В.
 Полянский.
 Попов, К.
 Потеску, А.
 Преображенский, Е.
 Пригожин, А.
 Прокофьев, А.
 Пятаков, Г.
 Рабинович, А.
 Радек, Карл.
 Раевич, Г.
 Раевич, С.
 Разумовский, И.
 Раскольников, Ф.
 Раттаузен, Я.
 Рау, Г.
 Рейснер, М.
 Ривлина.
 Рихтерман.
 Родов, С.
 Рожницын, В.
 Розенберг, С.
 Розин, А.
 Ротшейн, Ф.
 Рубинштейн, М.
 Рудай, Я.
 Рудаш, Л.
 Ружейников, И.
 Румий, В.
 Рыков, А.
 Самойлов, А.
 Сарабьянов, В.
 Сафаров, Г.
 Свердлов, В.
 Сверчков, Д.
 Семар, П.
 Семашко, Н.
 Семенов, Б.
 Сен-Катайма.
 Сератти, Дэн.
 Серый, Г.
 Слепков, А.
 Слепков, В.
 Слуцкий, А.
 Смилга, И.
 Смирнов, А.

Смит, М.
 Смушков, В.
 Соколов, В.
 Сокольников, Г.
 Сольц, А.
 Сорин, В.
 Сталин, И.
 Сталь, Л.
 Стасова, Е.
 Стеклов, Ю.
 Степанов, И.
 Струмилин, С.
 Стурца, Г.
 Стучка, П.
 Стэн, Ян.
 Султан-Заде, А.
 Тальгеймер, А.
 Тан-Малакка.
 Танхилевич, О.
 Таралута, В.
 Татаров, И.
 Терлецкий, Е.
 Тимирязев, А.
 Томсинский, С.
 Трон, А.
 Троцкий, Л.
 Туманов, Н.
 Тэр-Оганесов.
 Фендель, И.
 Фридлянд, Ц.
 Фриче, В.
 Фрунзе, М.
 Ханн, А.
 Хевеши, А.
 Хинчук, Л.
 Хмельницкая, Е.
 Ходоров, Х.
 Хрящева, А.
 Цвибак, М.
 Цейтлин, З.
 Цеткина, Клара
 Цилько, Ф.
 Чекин, А.

Ченцов, М.
 Чужак, Н.
 Шенин, А.
 Шелавиц, К.
 Шестаков, А.
 Шиллер, Р.
 Шляпников, А.
 Штейн, Б.
 Штейнман, Е.
 Шуман, Гарри.
 Эвентов, Л.
 Энгельс, Фридрих.
 Яворский, Ю.
 Яковин, Г.
 Яковлев, М.
 Яковлев, Я.
 Якубовский, Г.
 Ярославский, Е.

Berling, C.
 Bernard, A.
 Böttcher, P.
 Borel, H.
 Bucharin, N.
 Diazairi, E.
 Dahn, E.
 Duncker.
 Elisarowa, A.
 Graziadei, A.
 Kamenjew, L.
 Lenin, W.
 Lepechinski, P.
 Luxemburg, R.
 Marion, P.
 Marx, K.
 Maslow, A.
 Mescbtsch rjakow, N.
 Ollivier, M.
 Schneller, E.
 Stalin, I.
 Stepanow, I.
 Treint, A.
 Ulbricht.

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Милютин, В. П., Поновский, М. Н., Преображенский, Е. А., Крицман Л. Н.,
 Ротштейн, Ф. А., Деборин, А. М., Дволайцкий, Ш. М.